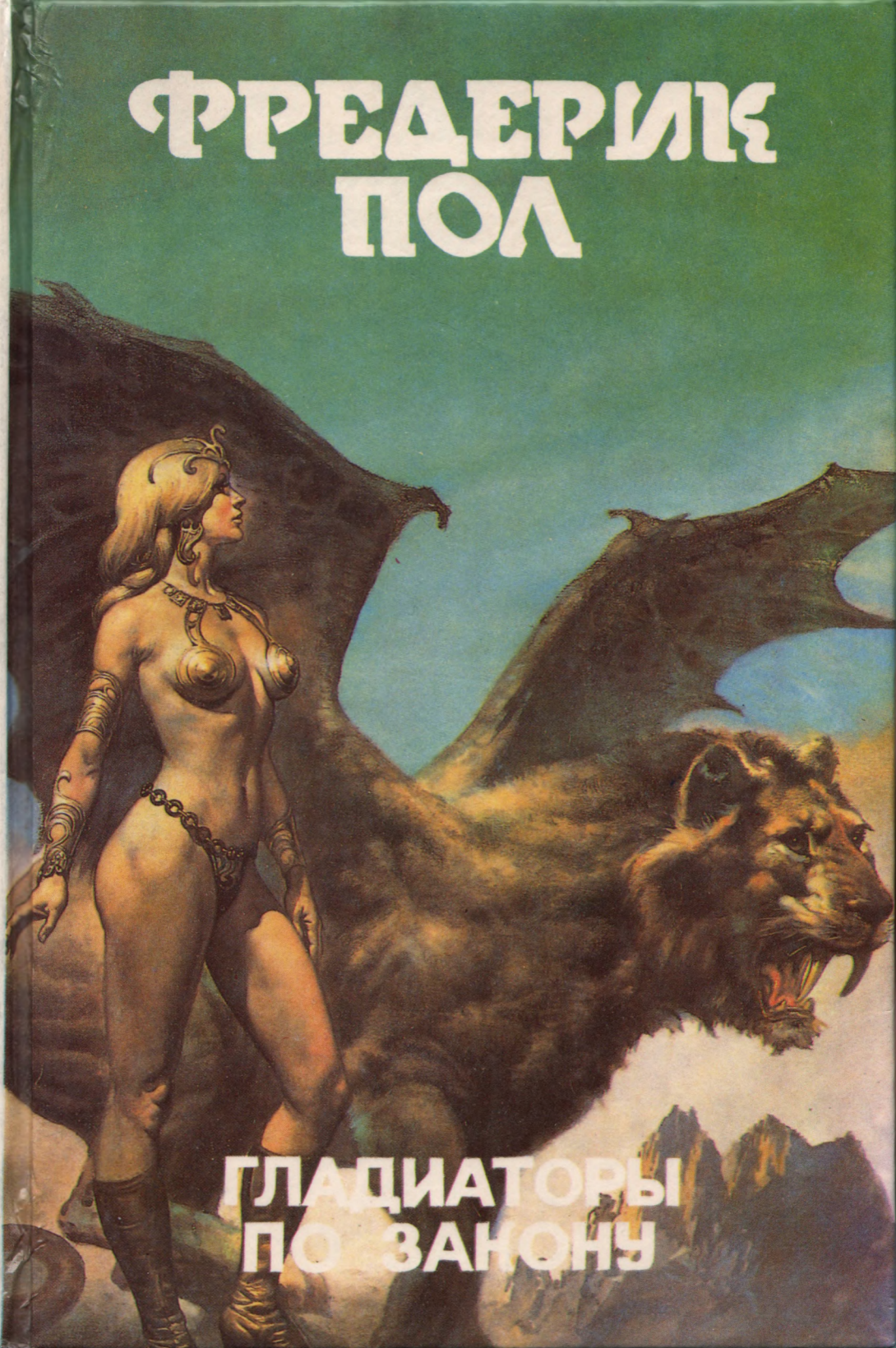
МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ 11

ФРЕДЕРИК ПОЛ

ГЛАДИАТОРЫ ПО ЗАКОНУ

Москва
Т.О.О. фирмы «ММЛ»
Т.О.О. «Транспорт»
1993 г.

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ
11

ФРЕДЕРИК ПОЛ

ГЛАДИАТОРЫ ПО ЗАКОНУ

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

ISBN 5-85-166-015-5

© Состав, оформление
Т.О.О. «Транспорт», 1993 г.

ГЛАДИАТОРЫ ПО ЗАКОНУ

Глава 1

У обвиняемого было бледное, одутловатое лицо, на котором будто стояла печать «изначальной психической неполноценности». Хнычущим тоном он взывал к Чарльзу Мандину, выпускнику юридической школы Джона Маршалла:

— Защитник, вы обязаны меня вызволить! Меня уже дважды судили, и на этот раз меня кондиционируют!

Мандин с неприязнью посмотрел на своего первого клиента.

— Вы не признаете себя виновным? — снова спросил он, ничего не в состоянии поделать. Он был назначен судом и считал, что суд сыграл с ним грязную шутку. Отпечатки пальцев этого грубияна были со всех сторон на вещественном доказательстве А — жестяной кассе, выуженной из билетного окошка на стадионе «Монмаунт». Способ совершения точно совпадал с двумя предыдущими преступлениями этого подонка. Подозреваемый в пособничестве, который отвлекал кассира почти все необходимые пять минут, был готов занять место свидетеля — он уже дал свои показания прокурору. И все же этот негодник отказывался признать себя виновным.

Мандин попытался еще раз.

— Вы же знаете, что с вами ничего плохого не произойдет. Всего пара дней в больнице. Это совершенно безболезненно, и это не просто разговоры. Я видел это своими собственными глазами. Нас туда водили, когда я был на первом курсе.

— Защитник! — возопил обвиняемый.— Вы просто ничего не понимаете! Если меня кондиционируют, господи боже, мне придется работать!

Мандин пожал плечами.

— Вы не хотите слушать мои советы,— сказал он.— Я сделаю все, что будет в моих силах.

Но суд длился всего лишь несколько минут. Мандин попытался было заикнуться, что нельзя принимать в расчет показаний сообщника. Он лепетал о том, что моральный облик лжесвидетеля делает его показания неприемлимыми в случае преступления, караемого кондиционированием. Обвинитель, важная персона, закончившая Гарвард, высокомерно отпарировал, указав, что сущность преступления, караемого кондиционированием, заключается в побуждениях обвиняемого, а не в факте совершения, которое только и засвидетельствовал сообщник. Он обрушил целую серию прецендентов.

Глаза судьи были пустыми и отрешенными. Те, кто сидел за загородкой, могли слышать подтверждение прецендентов, которое тихо звучало в наушниках под их, специально для этого надетыми париками. Судья кивнул и обратился к Мандину:

— Отклоняется.

Мандин даже не удосужился возразить.

Предъявление иска закончилось, и Мандин поднялся. В горле у него пересохло.

— Если суду будет угодно,— сказал он, обращаясь к компьютеру, выполнявшему функции присяжных заседателей,— защита утверждает, что здесь нет состава преступления и не станет прибегать к показаниям свидетелей.

Это, во всяком случае, не даст возможности гарвардской шишке осведомить присяжный компьютер о двух предыдущих приговорах.

— Защита остается при своем мнении.

Гарвардец, холодно улыбнувшись, в течении тридцати секунд подвел итог, в котором в трех отточенных силлогизмах продемонстрировал всю вину обвиняемого.

Пальцы судебного клерка забегали по клавишам, затем он принял выжидающую позу, когда поднялся Мандин.

— Позвольте доложить уважаемому суду, что мой подзащитный был неудачником. Будучи продуктом разбитого семейного очага и трущеб Белли-Рэйв, он заслуживает справедливости в такой же мере, как и любой другой гражданин. Но в его деле я не могу не добавить, что целям справедливости может служить только оказываемое ему милосердие.

Судья и обвинитель улыбнулись в открытую. К черту достоинство! Мандин вытянул шею, чтобы прочесть то, что написано на жесткой оранжевой ленте, которая со щелканием стала выползать из шифровального аппарата на столе клерка. Он был в состоянии, в той или иной мере, расшифровать код компьютера, если вердикт было достаточно несложным.

Закодированное описание итога разбирательства было весьма простым. Лента гласила:

— О—О... О—О... О—О...

— У защиты все,— промямлил он и повалился на стул, не обращая внимания на отчаянное бормотание подсудимого.

— Господин присяжный поверенный,— произнес судья, обращаясь к клерку,— передайте материалы по присяжному компьютеру.

Клерк быстро ввел в щель компьютера две ленты. Внутри компьютера что-то заурчало, замигали лампочки на его контрольной панели. Если бы только можно было подстроить одну из этих штуковин, в отчаянии подумал Мандин, глядя на большую печать, которая преграждала доступ к его внутренностям. Или подбить одного из этих клятых клерков набить соответствующий код на ленте. Нет, это тоже было исключено. Они были добровольно кондиционированы, как евнухи-добровольцы в древние времена,

пожертвовавшие своим мужским началом, чтобы гарантировать себе безбедную жизнь.

В красном окошке зажглись буквы:

— ВИНОВЕН.

— На работу...— пробормотал подсудимый.

— Мистер Судебный Исполнитель, уведите узника. Приговор завтра в одиннадцать должен быть приведен в исполнение,— произнес судья, сдвинув парик и обнажив наушники.— В судебном заседании объявляется перерыв.

— Как я ненавижу эти гнусные машины,— простонал подсудимый.— Неужели вы не могли добиться для меня суда с присяжными-людьми?

— Присяжные-люди скорее всего распяли бы вас,— устало произнес Мандин.— Зачем это вам понадобилось обворовывать стадион? Почему бы не выбрать что-нибудь безопаснее, например, церковь? До завтра.

Он повернулся спиной к подзащитному и уткнулся в выпускника Гарварда.

— Прекрасная попытка, молодой человек,— холодно улыбаясь, сказала шишка.— Разве мы в состоянии выиграть все дела?

— Если вы такой умный,— огрызнулся Мандин,— почему вы не адвокат корпорации?

Расстроенный, он покинул здание суда.

Он был уже на улице, когда пожалел о своем саркастическом замечании. Гарвардец, каким бы важным он не казался, разумеется, очутился здесь по той же самой причине, что и он. Как и Мандин, он не унаследовал адвокатскую практику в одной из гигантских корпораций, и дорога туда ему была навеки заказана. Даже шлифовка в Гарвардской юридической школе не позволяет стать членом семьи Рутов, Линкольнов или Далласов. Не для гарвардца, и не для Чарльза Мандина, лучшие адвокатские места в промышленности, в рассмотрении гражданских дел или тяжб между акционерными обществами. Не для них тресты и комитеты по защите собственности. Не для них золотой дождь, который падает на тех, кто выступает перед состоящими из людей комиссиями и судами по делам об опеке, судьями-людьми и присяжными-людьми. Для них присяжный компьютер и мелкие уголовные дела.

Угрюмая пятнадцатиминутная прогулка через пышущие зноем, покрытые ухабами улицы привела Мандина в здание, где находилась его квартира. Когда он увидел гордую и краткую надпись рядом с дверью в здание, его глаз стал дергаться. Надпись гласила, что агенты по аренде сожалеют, но не могут предложить свободные места в помещении. Мандин надеялся на то, что, по крайней мере, к его конторе это не относится.

Чтобы подняться к себе, он вызвал лифт.

— Шестнадцатый,— произнес он.— Из головы не выходил его первый клиент, воришка. По крайней мере, он получит гонорар.

За дела, по которым назначается кондиционирование, положен гонорар. Вор был повергнут в ужас одной только мыслью, что не будет способен красть. Возможно, защитник Мандин сам будет доведен до такого состояния, что станет с крючком у стены в очередь к окошку билетной кассы стадиона «Монмаунт».

Или, может быть, будет доведен до крайней степени отчаяния и обнаружит себя среди участников Дня Состязаний.

Его почтовый бункер был пуст, но его полностью автоматический, с еще не закончившейся гарантией, Бессонный Секретарь — он все еще платил за него — привлек его внимание своим помигиванием. Опять агенты по найму? Торговцы юридической литературой? Может быть, даже клиент?

— Валяй,— произнес Мандин.

— Телефонный звонок в 12,05,— чеканным голосом заговорила машина.— Мистера Мандина нет, мадам. Если желаете оставить ему сообщение, я приму его.

Послышался голос Дворкаса, председателя окружного комитета и поставщика небольших одолжений:

— Кого это, черт побери, сестричка, ты называешь «мадам»?

Секретарша пробормотала нечто нечленораздельное, не забыв в конце в конце вставить «сэр».

— Что за черт...— начал было с досадой в голосе Дворкас, но тут же спохватился.— О, это, должно быть, одно из этих паршивых устройств! Так вот, послушай Чарли, если только тебе передадут мои слова. Я послал к тебе одного парня по фамилии Блай. Обращайся с ним поласковее и позвони мне. И пусть все-таки починят эту чертову штуку, не то пострадает весь твой бизнес, уж поверь мне.

Сделав некоторую паузу, секретарша сказала:

— Это конец вашего сообщения, мадам?

— Чтоб у тебя все микросхемы погорели! — взорвался Дворкас.— Перестань же, наконец, называть меня «мадам»!

Секретарша снова что-то невразумительно залепетала, и послышался щелчок отключения.

Вот как, прекрасно, подумал Мандин. Теперь Дворкас будет на него дуться, и с этим ничего нельзя поделать. Путаница секретарши в отношении пола собеседника и детский лепет не входили в контракт по обслуживанию.

А Дворкас был председателем окружного комитета, который распределял мелкие поручения среди способных молодых юристов.

Пока он поносил Дворкаса и продавца, который подсунул ему секретаршу, захлопала труба пневмопочты. Он нетерпеливо выудил письмо из бункера, но, увидев обратный адрес, швырнул его в сторону, так и не распечатав. Корпорация по реализации научных инвестиций вряд ли могла сообщить ему что-нибудь интересное. Он знал, что он ей задолжал, но понимал также, что по закону она не в состоянии применить к нему какие-либо суровые санкции.

Делать было абсолютно нечего, пока кто-нибудь не придет — этот Блай или кто-нибудь из конторы Шерифа. Жизнь адвоката не так уж и плоха, чеши себе языком перед машинами, которые тайком считают себя гораздо умнее, чем ты.

Бессонная Секретарша подала голос:

— Насколько мне показалось, мадам...а может быть, сэр...

Мандин разъяренно лягнул этот чертов электронный ящик. В нем тут же что-то заскрипело, но голос стал более вразумительным.

— Мистер Мандин, в приемную вошел какой-то джентельмен.

— Проходите! — крикнул Мандин, глядя на дверь. Затем произнес поспокойнее:— О, извините меня, мистер Блай?

В кабинет осторожно вошел незнакомый мужчина, осмотрелся и взял стул. Мандин отметил, что незнакомец пользуется слуховым аппаратом. Поэтому, он слегка наклонял голову.

— Верно,— произнес мужчина.— Я Норвел Блай. Я... э... просил мистера Дворкаса, чтобы он порекомендовал мне первоклассного юриста, и он... значит... посоветовал обратиться к вам...

— Чем могу быть вам полезен? — равнодушно поинтересовался Мандин.

— Так вот,— глаза Блая нервно обшарили комнату.— Моя жена... это... то есть, я хотел бы получить кое-какую информацию об удочерении. Видите ли, у меня есть падчерица — дочь моей жены от первого брака, а моя жена, значит, считает, что нам следовало бы... э... мне следовало бы удочерить ее.

Вот так старина Дел Дворкас, со злостью подумал Мандин. Он же прекрасно знает, что я занимаюсь только уголовными делами, а все равно суется...

— Извините, мистер Блай, но я ничем не могу вам помочь. Вам нужно поискать адвоката по гражданским делам.

Блай прикоснулся к регулятору слухового аппарата.

— Прошу прощения?

— Я сказал,— громко и отчетливо произнес Мандин,— что я не могу взяться за такое поручение.

— А, я знаю, что не можете,— кивнул Блай.— Мистер Дворкас предупредил меня об этом. Но он сказал, что адвокат по гражданским делам ужасно много заламывает за свои услуги, а вы... то есть, поскольку вы его приятель, а я — приятель его брата, то все будет сделано по-дружески. Да и все, что мне нужно узнать, это что я должен предпринять в этом случае. Не думаю, что мне нужен будет адвокат на заседании суда по данному вопросу. Верно?

Мандин на секунду задумался.

— Возможно...— Влезать в такое дело — затея весьма щекотливая, в этом не было никакого сомнения. Ну и удружил Дворкас, впутывая его в это. И все же, всего-то и дел — совет и информация. Слава богу, ребята из корпорации за это просто-напросто не захотят тащить к судье.

Он откинулся назад и стал исподтишка разглядывать Блая. Фигура не такая уж и внушительная, но одет вполне прилично. Вид явно не загнанный. Наверное, работает по контракту, зарплату получает регулярно, живет в принадлежащем жилищной монополии доме, терпит издевательства со стороны жены.

— Расскажите мне обо всем по порядку,— произнес Мандин.— Прежде всего сколько... То есть суд захочет быть уверенным в том, что вы зарабатываете достаточно для содержания ребенка.

— Это... я уже содержу ее в течении трех лет. Извините, мистер Мандин, но нельзя ли покороче? У меня обеденный перерыв всего лишь час, а мистер Канделла очень шипит, когда...

— Пожалуйста, только факты — возраст ребенка, где находится его отец и так далее.

Блай застенчиво закашлялся.

— Меня зовут Норвел Блай, я помощник режиссера компании «Дженерал Рикрейшенз» — спорт, отдых, развлечения. Основное мое занятие — заведую подготовкой Дня Состязания. Мою жену зовут Вирджиния. До того, как я с ней повстречался, она была замужем за Тони Эллестоном. Они... э... не слишком хорошо ладили между собой. Для нее этот брак был тяжелым испытанием. У них была дочь Александра, у Вирджинии и ее мужа. Насколько я понимаю, он сейчас мертв. Так что в любом случае она под моей полной опекой. У меня здесь с собой все соответствующие документы. Александре сейчас десять лет. Что еще?

Мандин быстро записывал — чисто для виду, поскольку Бессонная Секретарша все автоматически записывала на магнитную ленту. Однако он тут же понял, что делает это вовсе не для виду.

— Пока этого достаточно,— сказал он.— Мне нужно заглянуть... обсудить этот вопрос с одним из моих коллег. Вам удобно будет снова зайти ко мне, ну, скажем, в пятницу в это же время? Ну и прекрасно.

Когда несколько встревоженный Блай выходил из оффиса, Бессонная Секретарша прокричала ему вслед:

— Оставьте заявление. Клак-клак-клак. Миссис Мандин нет в городе.

Разъяренный Мандин выключил ящик.

Два клиента в один день, удивленно подумал он. Все возможно. Может быть, ему все-таки придется отдавать на завод секретаршу, он расплатится с этими псевдо-учеными, а домохозяин не вышвырнет его на улицу.

Может быть...

Глава 2

Он не очень-то похож на приличного адвоката, думал Норви Блай, возвращаясь в свою контору, но, по крайней мере, этот Мандин не запросит слишком много. Арни практически это и обещал. Он сказал: «Пойди к моему брату, Норви. Дел — очень ва-

жная персона, пожалуй, даже один из наиболее влиятельных умов нынешнего правительства. Он направит тебя только к хорошему специалисту. И о цене тебе не придется беспокоиться».

В самом деле, зачем нужен известный юрист для подготовки документов на удочерение? Вся эта затея довольно глупая. Если бы Джанни не была тогда так раздражительна, он мог бы объяснить ей, что все это пустая трата денег, ведь никто не собирается забирать у них Александру. И разве могут возникнуть хоть малейшие сомнения о наследстве, если он умрет?

На мгновение он более глубоко задумался над этой мыслью. Вирджиния, отметил он про себя, похоже, очень серьезно этим обеспокоена. Она раз пять-шесть повторила: «Не забудь спросить о наследовании». И он, конечно, забыл. Ну, что ж, можно еще раз попробывать в пятницу.

И все же он не мог упрекать Вирджинию, если она и была, чуточку, ну, скажем, неуверенной. Жизнь с Тони была сущим адом, если живешь в Белли-Рэйв тем, что бог послал, без будущего, без уверенности. Вот почему она теперь стала такой преданной женой.

Конечно, теперь она была преданной женой, повторил он про себя.

Как раз сейчас, хотя важным было то, что скажет Канделла из-за его опоздания на пятнадцать минут. В последнее время с Канделлой стало очень трудно ладить. Разумеется, в этом нет его вины. Естественно, он нервничает все больше и больше по мере того, как приближается День Состязаний. Разумеется, никого ни за что нельзя обвинять. Нельзя, если тебя зовут Норвел Блай.

К счастью, Канделла не обратил внимания на время, когда он вернулся после обеденного перерыва. Однако часа через полтора к столу Норви подошла его секретарша и сказала:

— Мистер Канделла хотел бы обсудить с вами подготовленную вами программу Дня Состязаний.

Входя в кабинет шефа, Блай испытывал чувство неловкости, и не без оснований.

Старик Канделла хлопнул бумагами и взревел:

— Блай! Вы, наверное, подумали, что День Состязаний — это сбор бойскаутов, где мальчишки пускают стрелы и бегают по следу вокруг теннисного корта? Верно? Или вы считаете, что это ужин с чаем в Дамском Благотворительном Обществе? Может быть, вам даже невдомек, чем на самом деле должен быть День Состязаний? Это так?

Норви сглотнул слюну.

— Нет, сэр...— прошептал он.

— Н-н-е-т, с-э-р,— передразнил его Канделла.— Нет, сэр! Ну, что же, если вы знаете, что такое День Состязаний, то почему этого не видно? Почему во всем этом мерзком сценарии нет ни одной, по-настоящему стоящей, захватывающей идеи? Беру назад слово «мерзкий», Блай! Должен признаться, никто не станет упрекать вас в том, что в нем недостаточно мерзких сцен. Могут быть

жалобы в других отношениях, но я гарантирую, что никто не станет жаловаться на то, что будет слишком много мерзости и крови.— Он ткнул в бумаги волосатым указательным пальцем.— Послушайте вот это: «Церемония открытия: Прохождение новичков сквозь строй копейщиков. Зрелище первое: Пятьдесят девушек-борцов против пятидесяти боксеров-мужчин. Первая пара — шестидесятилетние мужчины с паяльными лампами». Стоит ли продолжать дальше? Считается, что День Состязаний должен стать крупнейшим событием года, Блай, вы это понимаете? Это не шоу в пятницу вечером в церковный сезон. Это то зрелище, которое должны запомнить надолго. И поэтому оно должно быть чем-то особым.

Норви Блай униженно переминался с ноги на ногу.

— Это... мистер Канделла, я именно так и считал. Здесь, видите ли, классическая главная мысль. Это вроде бы...

— Я могу сказать, что это вроде бы,— прорычал Канделла.— Я ставлю эти представления вот уже пятнадцать лет! Мне никто не нужен, чтобы подсказывать, годится сценарий или нет. Так вот, я говорю вам, что этот никуда не годится!

Он нажал кнопку у себя на столе. Норви ощутил, что стул выскальзывает из-под него, и вскочил на ноги до того, как он исчез в стене.

— Заберите этот так называемый сценарий! — продолжал бушевать Канделла.— В понедельник мы должны начинать распределение ролей. Посмотрим, удастся ли нам подготовить что-нибудь получше, чем раньше.

— Он даже не посмотрел на Блая, когда тот раболепно пятился к двери.

Весь остаток дня был ничуть не лучше.

Норви продиктовал, а затем стер пять бабин. Трижды посылал своих помощников по трем различным поручениям, связанным с тем, чтобы отыскать лучшее представление из высококлассных Дней Состязания в каждом крупном городе. Но от всех принесенных ими материалов было мало пользы. Когда к нему вошла мисс Дали, чтобы забрать продиктованный после обеда текст, он заворчал на нее.

— А что еще можно ожидать в этом обветшавшем спорткомплексе, который они называют стадионом? Загляните в Питсбург — там у них арена вдвое больше, и к тому же бронированные вездеходы!

— Да, сэр,— согласилась мисс Дали.— Вас хотел видеть мистер Стимменс.

— Хорошо,— сердито произнес Блай и вызвал стул для своего младшего сценариста.

— Извините меня, шеф,— нерешительно произнес Стимменс.— Могу ли я отвлечь вас на мгновение?

— Вы меня уже отвлекли,— ответил Норвел позаимствованным у шефа тоном.

Стимменс несколько раз нерешительно открыл рот, затем быстро-быстро заговорил:

— У нас здесь, шеф, великая организация, и я горжусь тем, что являюсь ее частью. Но у меня возникли некоторые затруднения — понимаете, с повышением,— и мне кажется, что было бы очень неплохо для вас, шеф, не говоря уже обо мне, если бы...— Он пустился в мучительные объяснения о том, что произошла ошибка клерка, готовившего документы о его квалификации, когда он заканчивал школу, о том что открылась вакансия в компании «Изучение спроса», о девушке, которая не выйдет за него замуж, пока ему не присвоят пятнадцатый разряд...

Задолго до того, как Стимменс подошел к сути начатого им разговора, Норвел уже знал, чего он хочет, и подготовил достойный ответ. Однако он ощущал шрамы от Канделлы на собственной шкуре и дал возможность Стимменсу высказаться сполна. Затем сразу же сказал:

— Стимменс, если я не ошибаюсь, вы подписали обычный контракт, когда поступили к нам. В нем...

— Да, сэр. Это так, но, видите ли, я...

— В нем, я повторяю, имеется обычное условие для расторжения. Я уверен, что вам понятна политика компании при заключении контрактов. Мы просто не можем позволить себе допустить перевод специалистов в другую компанию, если только выкуп не будет настолько высок, чтобы возместить расходы, связанные с подготовкой этого служащего. Я удивлен, что вы, зная это правило, все же начали разговор.

— Так вы меня не отпускаете? — подняв глаза на Блая, произнес Стимменс.

— Я не могу отпустить вас. Но вы свободны расторгнуть контракт.

Стимменс тяжело вздохнул.

— Расторгнуть! И снова оказаться в Белли-Рэйв? Мистер Блай, вы когда-нибудь бывали в Белли-Рэйв? — он тряхнул головой, как трясут ею, пытаясь отделаться от кошмара.— Ну, что же, извините, мистер Блай. Сегодня еще есть для меня какая-нибудь работа?

Норвел в нерешительности посмотрел на часы.

— Завтра,— проворчал он.— Завтра посмотрим.

Как только Стимменс, сутулившись, вышел, Норви, ощущая некоторый стыд за себя, раздраженно смахнул стул обратно в стенку.

Почти конец работы, да, надо позвонить.

— Мистера Арнольда Дворкаса, пожалуйста. Арни? Привет, как дела? Отлично. Так вот, я повстречался с этим адвокатом, знакомым вашего брата. По всей вероятности, все будет о'кей. Большое спасибо, Арни. Сегодня вечером? Пожалуйста, я надеялся на то, что вы меня пригласите. Нормально, если я сначала загляну домой? Джинни хочет послушать об этом адвокате. Значит, около восьми. Пока.

У Арни Дворкаса была привычка бесконечно пережевывать одну и ту же тему и разражаться по этому поводу долгим и нудным словоизлиянием. В последнее время его больше всего занимало то, что он называл неблагодарностью тех, кто пользуется благодеянием науки. На их частых междусобойчиках он сердито скулил:

— Не в этом суть для нас, Инженеров. Не думайте, что я принимаю это близко к сердцу только потому, что так случилось, что я что-то значу для счастья и удобства всех жителей этого города. Нет, Норви, мы, Инженеры, трудимся потому, что есть работа, которую нужно сделать, и мы обучены для этого. Но это вовсе не изменяет тот факт, что люди грубо неблагодарны.

В этот момент Норви обычно слегка наклонял голову, повинуясь нервному рефлексу, выработанному пользованием слуховым аппаратом, и соглашался.

— Конечно, Арни. Черт побери, пятьдесят лет тому назад, когда появились первые надувные города-пузыри, женщины не могли глядеть на них, не разражаясь рыданиями. Моя матушка, выйдя из Белли-Рэйв и поняв, что ей больше уже не придется туда возвращаться, плакала как дитя, когда увидела перед собой купола.

— Но это ничего не доказывает,— продолжал Арни,— в том смысле, как мы, Инженеры, понимаем доказательство. Это просто наше воспоминание о том, что рассказывала нам не имеющая специальности женщина. Но это дает нам представление о том, как эти неблагодарные люди обустраивались и становились самодовольными. Они быстро запели бы по-иному, если бы мы, Инженеры, вдруг перестали работать. Но вы человек искусства, Норвел. От вас вряд ли можно ждать понимания этого...

И он с грустным видом прикладывался к бутылке с пивом.

Идя в этот вечер домой с работы и заглядывая вперед, когда он встретится со своим лучшим другом, Норви не был уверен в том, что Арни так упорно настаивал на этом. Он даже был склонен к тому, чтобы поспорить, что он никакой не человек искусства, вроде какого-нибудь сумасброда-живописца, рисующего картины маслом, или сочинителя романов, живущего в грязной лачуге в Белли-Рэйв, а также своего рода человек техники. Пожалуй, даже особого рода. Его стихией были только потоки эмоций, обуревающие толпу в День Состязания, а не моменты, силы и электроны.

Его работа очень важна, говорил он себе. Помощник режиссера Дней Состязания стадиона «Монмаунт». Конечно, Арни далеко переплюнул его в пышности титула. Арни был Старшим Мастером-Инженером по обслуживанию насосных установок оборотного водоснабжения.

Довольно большая шишка в Монмаунт-Сити.

Но Арни был не из тех людей, которые кичатся своим высоким рангом. Вот погляди, чего только Арни для тебя ни делает — вроде того как подыскал он тебе адвоката, когда в нем возникла

необходимость — и он это сделает для тебя всегда! Большая честь быть знакомым такого человека, как Арни Дворкас!

Знакомство с таким человеком, как Арни Дворкас, делает жизнь много приятней для таких, как Норви.

Норви улыбнулся про себя при мысли об Арни и как раз в этот момент оказался перед дверью своего надувного дома. Сканирующее устройство опознало его, и открыло дверь вовнутрь, где его ждали жена и ребенок.

Глава 3

Чарльз Мандин, бакалавр права, вошел в здание «Рипабликен-Холла» через черный ход.

Дела Дворкаса он нашел на балконе — «Рипабликен-Холл» был раньше кинотеатром. Дел объяснял операторам, как они должны расположить свои камеры, электрикам — куда поставить их параболические микрофоны и как организовать освещение. И все это именно и соответствовало характеру такого человека, как Дел Дворкас.

Стоя в одном из боковых проходов, Мандин в глубине души надеялся, что кто-нибудь из операторов выбьет несколько передних зубов у Дворкаса своим штативом, но они изумленно сдерживали свой пыл. Он вздохнул и дотронулся пальцами до плеча председателя.

Дворкас громко поздоровался с ним и попросил подождать в кабинете управляющего — ему необходимо управиться с этими телевизионщиками, но это отнимет у него не более нескольких минут.

— Был у тебя этот парняга Блай? — спросил он.— Да? Хорошо. Потряси его, Чарли. Должен ты все-таки зарабатывать на жизнь. Это какой-то из приятелей моего братца. А теперь пошли в кабинет. Там тебе нужно поговорить с парочкой людей.

Вид у него при этом был явно загадочный.

Мандин снова вздохнул. Это тоже было в характере Дворкаса. В самом низу лестницы он изумленно воскликнул:

— О, боже всемогущий! Принц Вильгельм Четвертый!

Уильям Чоут резко обернулся, несколько смутился, затем сунул руку Мандину для рукопожатия. Это был невысокий толстяк, одних лет с Мандином, его однокурсник по школе Джона Маршалла, наследник практики могучей корпорации, щеголь, бывший приятель, добропорядочный гражданин и абсолютное ничтожество.

— Ну, здравствуй, Чарли,— как-то неопределенно произнес он.— Рад тебя видеть.

— И я тоже. Что это ты здесь делаешь?

Чоут очень неохотно пожал плечами.

— О,— сказал он,— ты же знаешь.

— Хочешь сказать, что даже юристам корпорации время от

времени приходится заниматься политикой? — Мандин решил помочь ему.

— Именно так! — Чоут явно был доволен, как в старые добрые времена. Мандин всегда выручал его, все годы учебы в юридической школе Маршалла.

Мандин глядел на своего бывшего протеже с чувством, которое отдаленно было сродни зависти.

— Одно удовольствие с тобой встретиться, Вилли,— сказал он.— Тебя нагрузили работой?

— Работой? Как сказать?— Мандин признал про себя, что не совсем удачно выразился. Какая уж у него работа.— Ты знаешь корпорацию «И. Г. Фарбен»?

— Только слышал,— с горечью произнес Мандин.— У него сейчас уголовная практика. Случайно у меня сегодня было очень интересное дело...

— Да...— протянул Чоут.— Так вот, можешь сказать, что я своего добился. Старик назначил меня юрисконсультантом группы Е Комитета Держателей Акций и долговых обязательств. Ты знаешь, старый Госкелл так и помер на работе. Подумать только, сорок лет в качестве юрисконсульта Комитета! Сорок лет заседал перед арбитражем. Ну, что же, я своего добился, как мог бы ты сказать. Сегодня я уже сам был в арбитраже и добился отсрочки на четыре года.

— Верно,— согласился Чарльз Мандин.— Как ты говоришь, ты своего добился.

— Я рад, что ты правильно меня понял,— лицо Чоута сияло.— Я просто указал старику Родхаверу, что нечего спешить с немедленным исполнением по долговым обязательствам, так как из-за этого могут у Комитета возникнуть определенные трудности, и я попросил еще времени на то, чтобы получше подготовить иски к трестам. Старик Родхавер тщательно обдумал мое предложение и решил, что в интересах общества предоставить вам отсрочку. И, Чарли, он поздравил меня с моим первым представительством в арбитраже. Он сказал, что никогда раньше не слышал более весомых аргументов.

— Неплохо сработано,— кивнул Чарльз. Невозможно было обижаться на этого недоумка. Слабая искра профессионального интереса заставила его спросить: — А каким образом ты доказал эти трудности?

Чоут беззаботно махнул рукой.

— О, это было совсем легко. В нашей конторе работает один парнишка, очень умный, кажется, мой двоюродный брат. Он готовит все документы для арбитража. Настоящий специалист в своем деле. Кругозор у него, понимаешь не такой уж большой, но свое дело он знает туго. Дай ему только задание, и он может доказать, что мой папаша подыхает с голоду в канаве. Я, разумеется, шучу,— поспешно добавил он.

Бедный Вилли, подумал Мандин. Слишком тупой для юрфака в Гарварде, слишком тупой для Колумбийского университета,

хотя и достаточно богатый, чтобы купить их обоих с потрохами. Вот почему он оказался у Джона Маршалла, в школе для бедняков, где в течении восьми лет, благодаря зубрежке, ему удавалось все-таки сдать экзамены. Мандин делал за него почти все его письменные работы, а на устных экзаменах его выручал только добродушный нежный взгляд его бараньих глаз.

И вот теперь тупица Вилли вещал:

— Знаешь, сколько стоит эта работенка? Иски к фирме составили двести пятьдесят тысяч долларов, Чарли! И как юрисконсультант, выигравший дело, я получил половину этой суммы.

— Вот как.— Мандин чуть не поперхнулся.

Дальше он ничего не мог вымолвить, но мысленно закончил фразу: «Униженно умоляю, Вилли, ведь ты же многим мне обязан, только дай мне работу, я смогу быть таким же очень умным мальчиком, как и чей-то двоюродный брат». И тут же составил в уме смущенный ответ Вилли: «Чарльз, ты должен признать, что старик никогда не поймет, что ты будешь делать, окажись ты на моем месте».

Да, дело было безнадежное. Мандину был известен ответ. На месте Вилли он держался бы за прибыльную практику юриста корпорации обеими руками, лишь бы оставить ее в семье Чоутов. Он сидел бы на этой практике верхом, с ружьем на коленях. И если бы кто-нибудь попытался бы отобрать ее у него, он бы дал залп из обеих стволов, а потом еще пустил бы в ход приклад и бил бы им, пока не кончатся силы...

— Что, Чарльз? — Вилли терпеливо ждал.

— Ничего,— тягостно произнес Мандин.— Ты говорил о том, что есть еще работа...

— Еще работа? — Вилли просиял.— Так вот, чтобы ни было, но я сделаю так, чтобы передать ее Уильяму Чоуту Пятому! Корпорация существует всего сорок три года. Вскоре много крупных шишек поумирает, и работы будет по горло. Будут созданы подкомитеты, затем подподкомитеты. Чарльз, еще раз говорю тебе, это большое дело в первой шеренге блюстителей закона.

— Спасибо, Вилли,— тихо произнес Мандин.— Нам теперь нужно идти.

— Что? Ах, да, мне нужно идти. Очень рад, что встретил тебя, Чарльз. Держись за хорошую работу, дружище. Мандин бессильно смотрел на его толстую спину. Затем устало повернулся и без особого оптимизма побрел в кабинет Дворкаса. Но это было единственным, что он мог сделать, кроме самоубийства. А к этому он пока еще не был готов.

Дворкас все не шел. Кабинет управляющего, прижавшийся к закрытой билетной кассе, был крохотным и заваленным кипами книг. В нем находились молодой мужчина и молодая женщина, скорее, брат и сестра. Старшая сестра и братишка. Им было, наверное, двадцать восемь лет и двадцать два.

Девушка поднялась из-за обшарпанного письменного стола.

Она была несколько мужеподобной. Губы без помады, коротко подстриженные волосы, широкие, зеленые брюки, свободная клетчатая рубаха. Она крепко пожала его руку.

— Норма Лавин,— сказала она.— Мистер Мандин?

— Да.

Мужеподобная. С чего это старина Дел спровадил к нему эту сумасбродку?

— Это мой брат, Дон.

— Приятно познакомиться...

У Дона Лавина был вид немного загадочный и чем-то весьма знакомый. Привлекали внимание его глаза. Мандин часто читал о «сияющих глазах» и воспринимал это выражение как нечто ничего не означающее. Теперь он, со смущением, обнаружил, что как раз глядит в глаза, которые на самом деле светились.

— Сядьте, пожалуйста,— предложил он, очищая стул для себя. Он решил, что это просто привычка Лавина, очень редко моргать. От этого его глаза казались покрытыми глазурью, придавая парню вид явного фанатика.

— Мистер Дворкас,— начала девушка,— сказал нам, что вы адвокат, мистер Мандин, и в какой-то мере его ценный политический единомышленник.

— Верно,— кивнул Чарльз и машинально протянул девушке затейливую визитную карточку из правого нагрудного кармана, за каждую из которых пришлось уплатить по центу. У Дона Лавина сейчас был такой вид, словно он был кондиционирован.

— Вот именно! Как клерки в суде или участники Дня Состязаний — или, вполне возможно, как преступник после принудительной гипнотерапии.

— Да,— сказал он,— я адвокат. Но не скажу, что особо выдающийся.

— Вы лучший из всех, кого мы сумели найти. Мы ничего не сумели добиться в Вашингтоне, ничего не добились в Чикаго, нам дали от ворот поворот в Нью-Йорке. Поэтому попробуем в этих краях. Дворкас направил нас к нам. Что ж, все-равно где-то нужно было начинать.

— Где-то,— мечтательно согласился ее брат.

— Послушайте, мисс Лавин,— начал было Мандин.

— Просто Лавин,— перебила его девушка.

— Хорошо, Лавин, или Спайк, или Батч, не все ли равно, как вы хотите, чтобы я вас называл. Если вы закончили со своим возмущением, то расскажите мне, чего вы все-таки добиваетесь.

Дел Дворкас просунул голову в дверь:

— Ну, как там у вас? Порядок?

И снова исчез.

— Мы хотим пригласить вас в качестве поверенного для комитета акционеров. Это касается «ДМЛ-Хоуз».

«ДМЛ Хоуз»,— раздраженно подумал Мандин. Глупо. Ведь это означает дома-пузыри. Да не просто дома, разумеется, надувные города тоже: недвижимость в масштабе целого континента;

частные дороги, движущиеся тротуары, силовые реакторы. «Дженерал Менеджмент Л. Хоуз»...

— Что за чушь! С вашей стороны эта шутка не очень удачна.

Неожиданно парень с сияющими глазами произнес:

— «Л» означает Лавин. Вам это известно?

Мандина будто кто-то лягнул в живот. Он аж заскрипел зубами. Предположим — всего лишь пока что предположим — что, может быть, это не шутка, подумал он отрешенно. Нелепо, разумеется, но вдруг...

«ДМЛ Хоуз»...

Такое не может случиться с Чарльзом Мандином, бакалавром права. Чтобы разделаться с этим раз и навсегда, он резко произнес:

— У меня нет патента на то, чтобы заниматься делами корпораций. Понятно? Попробуйте обратиться к Уильяму Чоуту Четвертому. Он...

— Мы сначала так и сделали. Но от отказался.

Теперь это звучит пореальнее, подумал Чарльз. Нет, этого не может быть. Где-то записано так, что и не вырубить топором — никогда Чарльзу Мандину не достанется жирное дело. И значит, все это, разумеется, вздор, пустая болтовня.

— Так что? — не унималась девушка.

— Я же сказал, что у меня нет разрешения на то, чтобы заниматься делами корпораций.

— Вы думаете, нам это неизвестно? — высокомерно произнесла девушка. — Мы тут раскопали одного старца, у которого такой патент имеется. Сам он уже не может работать, но мы можем воспользоваться его именем в качестве нашего поверенного в судебном разбирательстве.

«Мм-да...»

— Это, естественно, интересно... — туманно начал Чарльз, но девушка тут же перебила его:

— Естественно, Мандин, естественно. Вы все-таки дадите мне ответ? Да или нет? Скажите нам!

Дворкас снова просунул голову в дверь.

— Мандин, я ужасно извиняюсь, но мне на некоторое время нужен кабинет. Почему бы тебе и твоим друзьям не пойти пропустить по чашечке кофе?

У Хусейна, на противоположной стороне улицы, было полно посетителей, но они нашли себе столик в проходе.

Пожилые посетители с тупым, оскорбляющим любопытством рассматривали странное лицо Дона Лавина. Молодые парни в высоких шляпах с широченными полями, взглянули один раз и быстро отвели глаза. Чего там глазеть на человека, который явно был кондиционирован. Не больше, чем в старину глядели бы на отрезанные уши пойманного грабителя или расспрашивали у евнуха, каково ему теперь. На Норму Лавин вообще не смотрели. Что молодые, что старые посетители равнодушно смотрели

мимо нее. Эй-рэбы не одобряли таких, как она, женщин, за тот смущенный вид, который их собственные женщины принимали прямо перед их взорами.

К ним подошел сам Хусейн.

— Имею удовольствие видеть вас, мистер Каквастам,— сияя, произнес он.— Что вам угодно?

— Кофе, пожалуйста,— сказал Мандин.— Дон Лавин отсутствующе покачал головой. Норма промолчала.

— Мануш для дамы?— вежливо спросил Хусейн.— Только из Мексики, на этой неделе. Очень крепкий. Мяту, клубнику, виноград?..

— Нет,— ледяным тоном отрезала Норма. Хусейн, сияя, отошел. Он нанес сложное тройное оскорбление — назвав ее дамой, предложив ей наркотик, традиционно любимый мусульманками, которым отказано в любовных утехах из-за уродства или возраста.

Мандин скрыл, что он нервничает, разглядывая часы.

— У нас около десяти минут,— сказал он.— Если вы сумеете растолковать мне, что у вас на уме...

Кто-то, проходя по проходу, споткнулся о ногу Дона Лавина.

— Прошу прощения,— задумчиво сказал Лавин.

— Какой смысл в том, чтобы ставить мне подножку?— спросил скучающим тоном крупный мужчина с умным насмешливым лицом, здешний полицейский.

— Слушайте, мистер,— поспешно произнес Мандин.

— Извините его, пробормотала Норма Лавин.

— Я, кажется, разговариваю вот с этим джентльменом,— сказал полицейский и повторил вопрос, обращаясь к Дону Лавину.— Я сказал, какой смысл в том, чтобы ставить мне подножку? Вы что, ненавидите полицейских?

— Я действительно очень сожалею о случившемся,— произнес Лавин.— Пожалуйста, примите мои извинения.

— Не примет,— тихо сказала Норма Лавин, наклоняясь к Мандину.

— Мистер,— резко вмешался Мандин,— все было случайно. Я Чарльз Мандин. Бывший кандидат от республиканцев по двадцать седьмому округу. Я могу поручиться за этого джентльмена.

— Да, ваша честь,— сказал полицейский, взяв под козырек. Затем повернулся к Лавину.— Может быть, вы, ненавистник полиции, покажете свои документы?

Лавин вынул бумажник и разложил на столе бумаги. Полицейский проверил их и стал бормотать:

— Жуть. Жуть. Согласно страховой книжке, вы Дональд У. Лавин, но по удостоверению избирателя вы Дон Лавин, без всякого «У». И по вашему призывному свидетельству вы числитесь за Омахой. Но прописаны в Кошоктоне, штат Огайо. Скажите мне, вы уведомили Омаху в том, что живете в Кошоктоне?

— Разумеется, уведомил,— быстро произнес Мандин.

— Мне чрезвычайно жаль, мистер,— мечтательно протянул

Лавин,— но я этого не сделал. Я зарегистрировался в призывном пункте в Омахе, так как мне случилось находиться там, когда мне исполнилось восемнадцать лет. Я просто не мог иначе.

Полицейский решительно собрал документы и произнес:

— Пройдемте со мной, Лавин. Ваша карьера в качестве преступника зашла достаточно далеко. Какая удача, что я споткнулся о вашу ногу.

Мандин заметил, что он уже и не пытается притворяться, будто ему подставили ножку.

— Мистер,— сказал он,— я записываю номер вашего значка. Я намерен рассказать своему доброму приятелю Делу Дворкасу об этой нелепице. Вскоре после этого вы окажетесь пешим патрульным в Белли-Рэйв — с двух до десяти часов. Если только не соизволите извиниться и убраться отсюда.

— Полицейский ухмыльнулся и пожал плечами.

— Что я могу поделать,— он беспомощно развел руками.— Я преданный Джаварг. Когда я вижу нарушение закона, моя кровь вскипает. Пойдемте, опасный Дон!

Лавин кисло улыбнулся своей сестре, которая сидела, нахмурившись, как туча, и поднялся.

Мандин весь затрясся от гнева.

— Не беспокойтесь,— сказал он, обращаясь к Норме Лавин.— Я вызволю его из участка после собрания. А этот полицейский пожалеет о том, что вообще на свет родился.

— Ничего. Я сама. Пять раз за эти три недели. Я к этому уже привыкла.

— Разве можно?— взорвался Мандин.

Подошел Хусейн с маленькими чашечками кофе.

— Хороший парень, этот Джимми Лайонс,— произнес он.— Я имею в виду этого полицейского.

— Кто он такой?— резко спросил Мандин.

— Человек участкового. Его здесь все знают. Форма у него обычного патрульного. Но если вы говорите с Джимми Лайонсом, все будет передано слово в слово самому начальнику участка. Если заплатишь отступного, то через два дня другой полицейский потребует еще, станет вымогать больше, стоит только шепнуть Джимми, и этого прыткого фараона тут же переведут в Белли-Рэйв. Или куда-нибудь еще похуже. Вы знаете,— Хусейн доверительно улыбнулся,— до того, как я переехал в Америку, все говорили, что здесь все иначе, чем в Ираке. Но оказалось — никакого отличия.

Норма Лавин поднялась.

— Я намерена освободить брата до того, как его начнут обрабатывать в участке.— Тон ее голоса был решительным.— Я думаю, Мандин, дальше идти некуда. Но если вы, все же, захотите заняться этим делом, то вот адрес. К сожалению, там нет телефона.— Некоторое время она колебалась.— Я надеюсь, что вы...

Это был почти вопль о помощи.

Она закусила губу, бросила монету и листок с адресом на стол

и пошла к выходу из кофейни. Эй-рэбы ледяными взглядами провожали ее.

Мандину удалось на минуту повидаться с Дворкасом.

— Дел, что это у этих Лавинов? Что тебе о них известно?

У Дворкаса на лице мелькнула дружелюбная улыбка.

— Немного, Чарльз. Им нужен адвокат. Мы работали вместе. И я подумал о тебе.

— После того, как подумал о Вилли Чоуте.

— Я знал, что Чоут не дотронется до этого дела. Но они сами настаивали на переговорах с кем-нибудь покрупнее...

— Дел, теперь еще одно. Какой-то полицейский, некто Джимми Лайонс, забрал мальчишку из кофейни Хусейна без особых, как мне кажется, оснований для этого. Парень... этот парень, похоже, кондиционирован.

Гм...Джимми Лайонс? Это человек участкового. Хорошо, я позвоню.

Дворкас стал звонить. Мандин в это время размышлял над сложностью жизни на передней линии огня для адвоката. Здесь все не так, как учили в школе Маршалла. Здесь надо держать ухо востро.

Вернувшийся Дворкас улыбался.

— Сестра забрала его под залог. Они хотели немного остудить его — парень, очевидно, хорошо напихал Лайонсу, и тот взбеленился. Что ж, полицейский тоже человек.

— Дел, парень и не думал приставать к Лайонсу. Тот сам напросился.

— Может быть, Чарли, может быть,— глаза Дела беспокойно забегали.

Мандин улыбнулся и покинул кабинет Дворкаса.

По дороге он вытащил листок, оставленный девушкой. ДМЛ Хоуз, подумал он. Дело, касающееся корпораций. Вряд ли широкому кругу известно, что «Л» означает Лавин.

И этот вопль о помощи.

На визитной карточке было написано: «Норма Лавин». Затем шел адрес в Кошоктоне, Огайо, и телефонный номер. Адрес и телефон были зачеркнуты и от руки написано: «37599, округ Уиллоудейл».

Адрес и Белли-Рэйв...

Мандин встревоженно покачал головой.

Да, и этот вопль о помощи.

Глава 4

Для Норви Блая этот вечер был вечером испытаний. Когда он пришел домой, Вирджиния и девочка были, как обычно, в кислом настроении. Его сообщение об адвокате Мандине и о перспективах удочерения Александры вызвали естественный эффект.

— Ты забыл спросить о наследстве? Что взять с Норви? Он

даже позабудет о своей страховке, если не вытатуировать ее на нем.

Он еще не закончил обедать, как был уже доведен до такой точки, что захотел подняться и убежать куда-нибудь подальше.

Дело было даже не в том, что они говорили ему. Дело было в том, что никто из них с ним даже не заговаривал. Даже тогда, когда он вышел из себя, пронзительно наорал на жену и шлепнул ребенка.

Но ведь всегда существовал Арни!

Он убил примерно полчаса — Арни не нравилось, когда к нему приходили слишком рано. Ну, что ж, вряд ли его стоило в этом упрекать. Но затем он поспешно направился к Арни и совсем запыхался, когда был у двери в дом Дворкаса.

Арни был настроен очень дружелюбно. Норвел, наконец-то, начал оттаивать.

Дело, разумеется, не в количестве пива и в теплом чувстве, возникающем, когда находишься с человеком, который тебе нравится. Арни, что сразу же заметил Норви, умел докопаться до сути проблем, с которыми столкнулся Норвел. Когда они выпили несколько банок пива, разговор пошел о работе Норвела.

— Место, где ты работаешь, пользуется весьма высокой репутацией,— сказал Арни.— Сегодня днем, на работе, мы, инженеры, завели беседу о технологических сложностях, связанных с проведением Дня Состязаний.

— Серьезно? — Норвел был польщен.— Это интересно, Арни.

— И в особенности с проведением крупных представлений,— продолжал Дворкас.— И знаешь, что нас заинтересовало, Норвел? Как все это выглядит с инженерной точки зрения? Мне бы самому хотелось пойти поглядеть — если удастся, разумеется, вырваться. Мы в последнее время очень заняты. Можно было бы пригласить туда еще нескольких моих коллег.

— В самом деле? Это было бы превосходно. При проведении Дня Состязаний используется большое количество всякого оборудования. Вот, скажем, пару лет назад...

— Извини,— перебил его Арни.— Схожу, пожалуй, закажу еще пива. Сейчас вернусь.

Пока Дворкаса не было, Норвел испытывал подлинное блаженство. Подумать только, Арни так интересует его работа. Немного можно найти таких друзей, как Арни. Подогретый пивом, Норвел стал рассматривать свое недавнее подавленное состояние. Черт возьми! Дела не так уж плохи! Джинни, разумеется, сука, но это он уже давно знал. Ладно, пусть будет сукой... Многие мужчины живут с суками и прекрасно ладят с ними. Кроме того, если женщина — сука, разве это говорит что-нибудь о мужчине, за которым она замужем? И, разумеется, о ребенке. Дети — отражение среды, в которой они растут. А что касается Канделлы — он вкратце задумался над этим, но решил вернуться к более безопасной теме. Так вот, Вирджиния. Предположим, он вернется домой сегодня вечером и на произнесет ни одного сердитого слова, не

станет ее ни в чем упрекать. Нет, лучше не таить все это в себе. Так вот, он войдет — она, наверное, будет спать — и разбудит ее. Джинни, скажет он, мы наделали массу ошибок, но я люблю тебя. Я хочу жить с тобой счастливо. Он на секунду задумался, а затем поправился: с тобой и Александрой. Может быть, не помешает разбудить и девочку тоже?

Он уже почти решил выпить черного кофе и отправиться домой, когда вернулся сияющий Арни.

— Ну, так что, инженер по эмоциям? Хочешь, чтобы твое представление посмотрела парочка настоящих инженеров?

— Конечно, Арни! Только не порть мне настроение предстоящим Днем Состязаний. В одну из ближайших пятниц у нас тоже будет неплохое представление. Для его проведения готовится под стадионом довольно сложное оборудование. Тебе будет интересно...

— Не знаю,— задумчиво произнес Дворкас,— будут ли мои коллеги довольны одним из второразрядных шоу. Может быть нам лучше пропустить.

— Нет, нет!— с силой стал возражать Норвел.— Обычные шоу с технической точки зрения ничуть не хуже. Смотри, что произошло на прошлой неделе. Тебе это будет интересно, Арни. У нас был бег по пересеченной местности — включая заграждения из колючей проволоки и ямы-ловушки. И вот за полчаса до начала прибежал директор с криком, что нам не хватает людей. Тогда Канделла, то есть мы вдвоем быстренько позвонили в полицию, и они выслали взвод полицейских в Белли-Рэйв, чтобы набрать за пятнадцать минут двадцать пять добровольцев. Санитары построили их и влепили каждому по уколу в миллион единиц витамина С.— Он расхохотался.— Арни, это нужно было видеть собственными глазами. Ребята, когда они протрезвели...

Арни покачал головой.

— Мне кажется, ты не понимаешь,— сказал он серьезно.— Такого рода вещи нас, Инженеров, не интересуют. Нам нужны зрелища покрупнее.

— О, значит, ты все-таки настаиваешь на Дне Состязаний, который будет на следующей неделе.— Норвелу стало несколько не по себе при упоминании об этом.— Ты знаешь, какую головную боль причиняет подготовка Дня Состязаний. Можно еще пива?

— Так что, можешь нас пристроить? Ведь как-никак, но у вас восемьдесят тысяч мест. Неужели не найдется каких-то пяти мест, которые можно было бы обеспечить приятелю?

— Я не знаю,— промямлил Норвел. Его лицо снова стало хмурым. Поднимая банку с пивом, он расплескал его на пол. Тотчас же включился насос, собравший с пола остатки напитка. Когда его шум прекратился, Норвел неожиданно произнес:

— Арни, у меня неприятности.

— Серьезно?

— Да, неприятности. Гнусные, паршивые неприятности, которых мне за всю свою жизнь еще не приходилось испытывать.

И это пугает меня, Арни. Клянусь богом, если бы не такие как ты — если бы не ты лично — я сошел бы с ума. Не знаю, что бы я делал. И не только из-за чего-нибудь одного, из-за всего. Работы, жены, этого гнусного ребенка — из-за всего!

Он рассказал Дворкасу об этом неприятном обеде с женой и падчерицей, о бесконечных ссорах с Канделлой, обо всех тех неудачах, которые его постигли.

— Самое худшее было сегодня утром, как раз перед тем, как я отправился к этому адвокату. Канделла — боже, я мог бы убить его! Или себя! Я как раз разделывал этого Сморча Симменса, когда в комнату вошел Канделла. Он, должно быть, слышал каждое сказанное слово, потому что, когда я обернулся и увидел его, он сказал: «Отличный совет, мистер Блай, надеюсь, вы сами будете ему следовать». А Стимменс стоял там, смеясь в душе надо мною. У меня руки так и опустились. Я готов был тут же разорвать контракт, так мне было обидно!

Дворкас понимающе кивнул.

— Наверное, следовало бы,— серьезно произнес он

— Что? О, нет, Арни, ты ничего не понимаешь. «Дженерал Рекрейшенз» — паршивейшая помойка в отношении этого. Они не отдадут контракт, пока не выжмут из тебя последние соки. Когда-то у нас был один вице-президент, несколько лет тому назад, который разругался с советом директоров и захотел уйти из компании. Так вот, за его контракт компания заломила четыреста тысяч долларов. Попробуй выкупить. У него было несколько богатых родственников, как мне кажется, и так или иначе, но он все-таки раздобыл где-то эти деньги. Но он оказался умным парнем, так как, не уплатив деньги, начал искать работу в других фирмах. У него была семья, и он не мог просто так бросить работу, потерять дом, машину и все остальное, понимаешь? Так вот, ему было везде отказано. Даже имея возможность выкупить контракт, этого не сделаешь. В конце концов этот несчастный покончил с собой. Или это, или все потерять.

— Запомни вот что, Норвел. Любая техническая проблема всегда имеет не менее двух решений.

— О, я понимаю, к чему ты клонишь,— произнес Норвел неуверенно.— Но здесь нет выхода.

Дворкас покачал головой.

— Нет, Норвел, я как раз об этом и хочу сказать. Всегда существуют два выхода.

— Так...

У нас на работе,— продолжал Арни, откидываясь назад,— такие проблемы, разумеется, не возникают. Другое дело вы, люди искусства, с вашим темпераментом. Но, разумеется, я знал бы, как мне поступить.

— И как же?

— Мне не хочется вмешиваться в...

Норвел тяжело вздохнул.

— Мне кажется, что ты прав.

— ... не хочется вмешиваться в твою жизнь, но будь решение за мной, я порвал бы с фирмой.

Норвел поперхнулся. И неожиданно полностью протрезвел.

— Да, да, Норвел. Я порвал бы с фирмой.

Норвел недоверчиво посмотрел на него, но взгляд Дворкаса был серьезным и решительным. Правда, в нем слегка мелькнуло чувство острого наслаждения, полученного от испуга Норвела. Норвел отвел взгляд и сделал большой глоток пива.

— Я понимаю, насколько трудно принять такое решение, Норви. Видит небо, сам бы я размышлял над этим не менее получаса. Но у тебя есть другой выход?

Норвел неуютно заерзал на стуле. Отодвинул в сторону пиво. Они оба долго молчали. Мысли Норвела перебегали от Канделлы к Дворкасу, затем к адвокату Мандину, от Вирджинии к Стимменсу, затем к жгучей тайне, обозначенной названием Белли-Рэйв, к старику, который громко плакал, ожидая старта гонки по взрытому полю стадиона. Этому старику удалось прорваться сквозь ограждения из колючей проволоки и не напороться ни на одну из мин, однако соседу его повезло меньше, и старик упал в обморок, когда услышал взрыв.

Наконец, тяжело вздохнув, Норвел капитулировал.

— Не думаю, что мне следует это делать,— неуверенно произнес он.

Дворкас наклонил голову.

— Тебе решать, Норви,— проникновенно сказал он.

— Я просто не вижу, каким бы образом я мог это сделать, Арни. Я потеряю дом, Вирджиния поднимет страшный вой...

Арни, пожав плечами, перебил его:

— Может быть, ты прав. Кто знает? Это точно, что нет никакой уверенности в завтрашнем дне у человека без работы по контракту. Тебе пришлось бы оставить свой дом, наверное, и выехать в пригород...— Норвел поморщился,— по крайней мере, временно. Там жизнь нелегкая. Тяжелая работа, никаких развлечений, постоянная необходимость утверждать себя — пробиваться, невзирая ни на что, буквально сквозь огонь и медные трубы, либо тебя тут же выбросят на обочину жизни.— Он задумчиво посмотрел на Норвела и решил больше не касаться этой темы.— Ну, что ж, я просто хотел показать тебе, что я думаю обо всем этом. Поступай, как сочтешь необходимым. Мне кажется, ты собираешься домой?

— Да, да,— сказал Норвел. Затем вспомнил: — О, Арни, я хотел поблагодарить тебя за то, что ты направил меня к этому адвокату. Не знаю, каким образом я бы...

— Не стоит благодарности. Я всегда рад сделать для тебя все, что в моих силах, ты это знаешь. И не забудь о билетах.

— Билетах?— недоуменно спросил Норвел.

— На День Состязаний. И не просто пропуска, а места поближе к ведущему.

Норвел выпучил глаза.

— Арни,— срывающимся голосом вымолвил он,— ты расхвастался перед своим боссом, что сможешь достать билеты, несмотря на то, что они вот уже шесть недель назад распроданы? Верно?

Они посмотрели друг другу в глаза, потом Норвел опустил взгляд.

— Просто шучу,— промямлил он.— Попробую достать.

Когда он добрался домой, Вирджиния еще не спала, но перебранка между ними была совсем пустяковой из-за музыки, доносившейся из комнаты Александры. Норвел допустил ошибку, заметив, что уже за полночь и десятилетнему ребенку вообще-то полагается...

— Должно быть так, должно быть так,— хрипло сказала его жена.— Должно все быть только так, как того хочет мистер Блай. И не иначе! Норви, тебе когда-нибудь придет в голову, что она тоже человек? Что весь этот дом, понимаешь ли, не только для тебя? Что это и наш дом тоже...

Норвел терпел, сколько мог, но в конце концов завопил:

— Сейчас этот дом наш, но это так же и дом фирмы, и еще от тебя только одно слово — и я верну ей ее имущество! Понимаешь? Тогда вы обе, оба подарочка из Белли-Рэйв, будете снова там, где вам, впрочем, и положено быть!

Слово «Белли-Рэйв» было не просто угрозой. Оно оказало магическое воздействие на Вирджинию. От неожиданности ее лицо вытянулось. Норвел прошел к бару и налил себе рюмку.

Некоторое время он сидел, держа ее в руке, пытаясь подавить клокотавший в нем гнев, и затем отставил ее, даже не пригубив. Белли-Рэйв. А ведь, черт побери, это может быть не так уж и плохо. С неожиданно охватившим его удивлением, он стал осматривать комнату вокруг себя. Какая разница между надувным ДМЛ-домом и Белли-Рэйв? Почему они так тяжело воспринимают его слова? Он решил в самом недалеком будущем посетить Белли-Рэйв. Вовсе не ради чего-нибудь скверного. Слава богу, он к таким вещам равнодушен. Просто посмотреть. Только все-таки какая разница? Дом есть дом. В нем теплый упругий пол. У него есть стены, есть необходимые устройства и удобства. Если не по нраву теплый пол, можно включить охлаждение. Если не нравится цвет или узор стен, можно, развернув селектор, подобрать какой-нибудь другой. Если не нравится планировка, можно разобрать переборки и все переоборудовать по своему вкусу. Черт, какой же ему нужен дом?

Норвел нажал кнопку подготовки постели и переключил домашнюю машинерию на автоматический режим. Подушка под его ухом стала издавать гармоничную мелодию, но в этот вечер ему не нужна была убаюкивающая музыка. Ругнувшись, он поднял руку и выключил звук. Где-то в самой сердцевине дома переключились транзисторы, соленойды закрыли двери, микровыключатели приготовились охранять дом от непрошенных гостей, термопары начали контролировать температуру наружного воз-

духа и впускали его в дом, охлаждая на несколько градусов. Автоматика знала, когда вскипятить воду для кофе, когда активировать сковороду для приготовления яичницы, когда расставлять тарелки для завтрака. А пока что Норвел мог спать спокойно.

Глава 5

А теперь вернемся в прошлое, в те далекие времена вскоре после окончания Второй Мировой войны, и взглянем на цветной плакат, на котором изображен увитый виноградом коттедж, из чьей кирпичной трубы вьется струйка дыма. На пороге дома стоит девушка с немыслимо длинными ногами и приветливо машет рукой. Надпись на плакате гигантскими буквами гласит:

ПРИГОРОД БЕЛЛИ-РЭЙВ

Прекрасное жилье для героев Америки. Ветераны! Обзаводитесь собственными домами! 850 долларов наличными и сорок один доллар каждый месяц. Налогом не облагается. Трехскоростная стиральная машина! Домашний холодильник!

Еще не успела высохнуть краска на рекламном щите, как в грязной луже перед ним остановились три автомобиля и в рекламную модель дома прошли три пары в сопровождении агента по продаже участков в Белли-Рэйв, или, как предпочитала фирма называть своих агентов, в сопровождении управляющего.

У них у всех была идентичная техника завлечения. Если у одного из них пропадал голос или кто-нибудь из них был испепелен разгневанным господом богом, тут же на полуслове его заменяли другие. И движения их были такими же. Когда продавец «А» вводил своих подопечных в комнату, то продавец «Б» в этот момент уже выводил своих. Комнаты были красиво отделаны и удобно обставлены, однако руководство фирмы не хотело, чтобы одновременно в комнате находилось слишком много людей — это могло создать впечатление, что комнаты невелики.

Ознакомление заканчивалось показом ослепительно сверкающей кухни. Теперь стоило только поставить свою подпись и уплатить залог в сумме двадцати долларов — и можно переезжать хоть завтра. А на следующий день можно было уже купаться в бассейне, а дети могли резвиться на травяном газоне, не опасаясь уличного движения. Теперь можно было смело наплевать на швейцара многоквартирного жилого дома, сказав ему, что они навсегда съезжают с этой ужасной квартиры с ее узкими оконцами, лишенной света и воздуха, с бумажными обоями, с квартиры, которая только пожирает деньги и не дает уединения. Люди с радостью выбирали Белли-Рэйв, подписывали документы и платили деньги.

Шло время.

Белли-Рэйв отступал перед ним, словно мираж. Продолжали прибывать четырехцветные рекламные проспекты и соответствующие платежные счета. Плюс оплата страховки. Плюс про-

центы. Плюс стоимость прокладки водопровода. Плюс дорожный сбор. Но люди платили.

Шло время.

Наконец дом построен. Настал час! Дети вопили: «Что это?» и начинали плакать. Кто был послабее, муж или жена, опускал голову и в ужасе глядел на море грязи, на поднявшийся перед ним, будто ковчег, крохотный домик, ковчег, принадлежащий к флотилии точно таких же ковчегов, выстроившихся рядами один за другим, словно парад перед языческим божеством. Кто был посильнее, муж или жена, выпрямлял плечи и громко говорил: «Может быть, вид у него сейчас неважный, но через пару выходных мы сделаем из него картинку. И работать будем для себя, а не для квартировладельца. Это место — не выброшенные деньги, это вложенный капитал».

Шло время.

Поверх грязи образовался дерн. Когда шел дождь, в нем появлялись нелепые холмики и рытвины. Дай, только, дорогая, немного времени, чтобы обустроиться.

Дерн засыпался насыпным грунтом, а затем, грунт — почвой. Почву засадили травой, но она выгорала и гибла летом. Дорогая, мы не можем поливать траву в этом году из-за рационирования воды. В нормальный год обязательно, но сейчас, хоть воду и не рационируют, нам надо столько платить по счетам. Вот хотя бы за ремонт канализации. И эта дорога. И школьный налог. И надо что-то сделать с фундаментом. Видела эти небольшие трещинки? Каждый дом, дорогая, дает осадку.

Шло время.

Место это, дорогая, не израсходованные деньги, это капиталовложение. Ты понимаешь, что это восемь тысяч долларов, в этом доме, если нам удастся найти на него покупателя, а самим будет куда уйти жить? Ты знаешь, каким могущественным себя ощущаешь, сознавая, что обладаешь восемью тысячами долларов? Я понимаю, что расходы оказались немного выше, чем думалось поначалу, но так всегда бывает. Страховка, канализация, дорожный налог, топливо, проценты, еще какие-то платежи — ну все же не более 125 долларов в месяц. Если бы я получил повышение и надо было бы еще платить за машину, мы могли бы отремонтировать крышу до ноябрьских дней с дождями, а затем заняться мазутным обогревателем,— ну, пожалуйста, не плачь, дорогая. Кроме того, вот еще... Нет! Успокойся. Ну, пожалуйста.

Шло время.

Попробуй-ка поговорить с нею. Приходит после полуночи, после того, как была бог знает с кем, и говорит мне, что она это делает из-за того, что невозможно развлекаться в этом доме, так как он такой маленький, что чихнуть нельзя, не сорвав при этом с кого-нибудь шляпы... Ну, поговори с нею... я схожу с ума, да и какая мать не будет сходить... я понимаю, что у нас не очень уютно... мог бы и покрасить... пусть хоть ты и не такой молодой,

как когда-то, но ей стыдно за наше жилище... она ведь права, когда говорит, какое оно крохотное, а стиральная машина снова поломалась... а я не такой молодой, как когда-то, и сил у меня уже нет, чтобы все таскать эту воду, а как упрекать бедную девчонку, если она в этой дыре Белли-Рэйв сидит, точно в мышеловке... она не может всю жизнь только смотреть, как мы латаем и перелатываем, латаем и перелатываем...

А время шло.

Разговор через забор: я слышала о них и видела объявления. Мне теперь тяжело читать, глаза уже не те, но он пришел, держа в руке эту бумагу и хоть раз за последние годы не казался таким старым и усталым. Дома ДМЛ, сказал он. Замечательные ДМЛ, надувные дома — подлинная революция. Он всегда знал, что это когда-нибудь произойдет, полный отказ от традиций, как говориться об этом в рекламном проспекте. Насколько я поняла, компания арендует у этой фирмы машины и строит дома для тех, кто работает у нее по контракту. Он уверен в том, что его компания арендует машины и нам удастся заполучить ДМЛ-домик, но строят их, он еще раз подчеркнул, только для тех, кто работает в компаниях по контракту. Слава богу, нам повезло, что у него есть именно такая работа. Не знаю, смогли бы мы обзавестись таким жилищем, если бы не это обстоятельство...

Шло время.

Спокойно, папаша, нет смысла хвататься за голову. Нужно было давно подумать о том, чтобы я получил пристойную профессию. Заполучить работу? Сам попробуй. Все, что я умею делать, маленький черный ящик умеет быстрее и лучше. А еще пятьдесят лет при фирме! Можешь что-нибудь для меня сделать? Если бы у тебя в башке была бы не солома, ты имел бы контракт, а у нас давно был бы двойной пузырь, и не называли бы нас вонючками из Белли-Рэйв. Чтобы я отправился в город искать работу? А не лучше ли позавтракать поплотнее и махнуть на стадион — сегодня там неплохое представление — Рокки Гранатино, Рокки Польдерени, Рокки Шистман и Малыш Луис с завязанными глазами участвуют во всеобщей свалке, в покрытых шипами перчатках против забулдыг-пропойцев. Затем я подцеплю какую-нибудь, найду пустую хату здесь, в Белли-Рэйв, и мы займемся любовью. Постараюсь где-нибудь поближе, чтобы ты не беспокоился, когда я буду возвращаться. Вопросы будут?

Нет, никаких вопросов. И парень выходит на улицу по потрескавшемуся полу, весь дом дрожит от его походки. Старик говорит: «Пятьдесят лет в компании», и начинает плакать. В прошлую пятницу его заменили маленьким черным ящичком, который никогда не делает ошибок, никогда не устает, никогда не делает перерывов на еду. С этого момента он предоставлен самому себе и живет на пособие. Однако дом уже почти полностью его собственность. Еще несколько лет и он был бы его, вот только расплатиться бы за канализацию. Я продам его, прикидывает он хи-

тро, забывая всхлипывать. Когда дома будут в цене. Но не сейчас — сейчас депрессия. И без того несколько домов стоят пустыми, хозяева покинули их, заключив контракты с фирмами и получив тем самым право на ДМЛ-дома. Весьма забавные теперь новоселы в Белли-Рэйв. О них, пожалуй, почти ничего не известно. И это плохо отражается на детях. Он был уверен, что проходя мимо брошенного Самюэльсами дома, уловил запах свежего самогона, а в незавешенном окне мелькнули сверкающие медные сосуды и трубы. Время от времени в Белли-Рэйв наведываются полицейские машины и вертолеты. Конечно, без добычи они не возвращаются — но это где-то далеко от нас, утешает себя старик. А дом все равно он продаст, когда цены подымутся.

Шло время...

Так прошло больше столетия...

Глава 6

Четверо водителей такси наотрез отказались везти Мандина в Белли-Рэйв. Пятым оказался бесшабашный молодой паренек.

— Взялся за эту грязную работу только потому, что ожидаю призыва,— признался он.— Что мне терять? В этом вонючем Белли-Рэйв все идет вкривь и вкось. Может быть, меня там так отлупят, что даже в армию не заберут.— Он рассмеялся.— Но если говорить серьезно, не думаю, что там все так плохо, как говорят.

Мандин не стал с ним спорить, и они отправились в Белли-Рэйв.

В любом достаточно крупном городе был свой эквивалент Белли-Рэйв. В Нью-Йорке это гноящиеся язвы трущоб Лонг-Айленда, в Бостоне — Спрингфильд, в Чикаго — Эванстон, в Лос-Анжелесе — Гринвилл. Все эти пригороды были ничуть не хуже чем Белли-Рэйв. Мандин заметил, что обшарпанные уличные фонари в Белли-Рэйв не горят. Проезжая мимо поросших двориков и заколоченных досками домов, он заметил какие-то развалюхи позади них. Время от времени они проезжали мимо сожженных участков, но они попадались не часто. Размеры участков были достаточно обширными, не допуская, чтобы обычный пожар мог перекинуться от дома к дому. К несчастью.

В Белли-Рэйв была жизнь — тайная сумеречная жизнь, существование которой было вызвано зарослями диких кустарников, куда боялась заглядывать полиция, бесконечными милями разбитых подъездных дорог, не промаркированных указателями улиц или номерами домов. Такси не было здесь единственным автомобилем. По роскошной бетонной мостовой то и дело проезжали щегольские автомобильчики, останавливаясь у тротуаров, где появлялись неясные силуэты, размахивающие фосфоресцирующими сумками. Они проехали мимо одного квартала, где почти все дома светились огнями и из них доносился оглушительный шум. К ним подошел швейцар и стал приставать.

— Все, что угодно, мистер. Можете провести ночь за пять долларов, включая все, что сможете выпить и выкурить. Зачем платить налоги, мистер?

Время от времени сотрудники управления по налогообложению самогоноварения делали налеты на подобные малины. Но не часто.

— Отсюда далеко до Уиллоудэйл 37598? — спросил водитель у швейцара, приостановив такси.

— Кто вам нужен, так это проводник! — сразу же откликнулся швейцар.— Джимми!

Кто-то вынырнул из темноты. Мандин услышал какую-то возню у дверцы машины.

— Газуй! — закричал он водителю, закрывая замок дверцы на защелку и поднимая стекло.

Водитель дал газ.

Засада осталась позади. Они осторожно приблизились к одинокому прохожему, чтобы справиться, как проехать. И вот уже через полчаса они были в 37-тысячном квартале Уиллоудэйла и начали отсчитывать дома, пытаясь отыскать нужный дом.

— Должно быть, этот,— произнес водитель, далеко уже не бесшабашным тоном.

— Пожалуй. Подождите меня здесь, пожалуйста,— сказал Мандин.

— Нет, сэр! Откуда мне знать, что вы не проскользнете через черный ход и не нападете на меня? Платите по счетчику и за то время, что я буду вас здесь ждать — деньги вперед.

На счетчике накрутилось восемь долларов. Мандин дал десятку и побрел по растрескавшейся бетонной дорожке.

Не успел он сделать и десяти шагов, как такси с ревом исчезло в темноте. Мандин беззлобно выругался и постучал в дверь. Фасадное окно было заколочено досками, все его стекла были выбиты.

К двери подошел пожилой, больной на вид, мужчина.

— Лавины здесь живут? — спросил Мандин.— Меня зовут Чарльз Мандин. Мисс Лавин просила меня приехать сюда по одному касающемуся законов делу. Я по профессии адвокат.

— Проходите,— учтиво произнес старик.— Я и сам член юридической коллегии...

Он не договорил, разразившись кашлем, и облокотился о косяк двери.

Мандин почти что перенес его в комнату и усадил в продавленное кресло. Лампа Колмэна, плохо отрегулированная, отбрасывала на все, находившееся в комнате, металлический, синевато-зеленый отблеск. В очаге тлел огонь. Из-за закрытой заслонки в комнату просачивался дым. Крохотное радио передавало: «... к счастью, помешало распространению, хотя четыре дома, в отношении которых была предпринята попытка поджога, были уни-

чтожены полностью. Повсюду в Белли-Рэйв начались схватки между Кроликами и Клятыми, соперничающими бандами подростков. Один восьмилетний мальчуган был убит сразу же...»

Мандин выключил радио и открыл заслонку. Комната очистилась от дыма, пламя в очаге стало разгораться. Старик продолжал неподвижно сидеть в кресле, огонь безжалостно высвечивал его пергаментное лицо. Мандин стал бесцельно крутить клапан лампы, пытаясь отрегулировать горелку. Неожиданно жужжание пламени прекратилось, зеленое свечение стало белым и комната перестала казаться сюрреалистической и стала просто обшарпанной.

— Спасибо,— прошептал старик.— Адвокат, будьте любезны, посмотрите, есть ли в шкафчике в ванной небольшая круглая жестянка?

Ванна была заполнена наколотыми щепками, а полки шкафчика — заставлены всякими домашними мелочами — солью, специями и тому подобным. Мандин открыл одну из непомеченных жестянок. В ней были небольшие, будто резиновые таблетки и запах, в котором нельзя было ошибиться. Опиум. Он вздохнул и принес старику открытую банку.

Старик, ничего не говоря, взял ее и медленно проглотил пять опиумных таблеток. Когда он заговорил снова, его голос стал почти ровным.

— Спасибо, адвокат. И пусть это будет вам уроком. Никогда не потворствуйте дурным наклонностям своего желудка. Это и расшатывает организм, и уничтожает. Вы сказали, что встречались с Нормой? Она должна была быть здесь еще несколько часов тому назад. Естественно, здесь такое соседство... я беспокоюсь. Меня зовут Гарри Райан, я член коллегии адвокатов и прочих... Разумеется...— старик взглянул на коробку с опиумом,— я оставил практику.

Мандин кашлянул.

— Насколько мне помнится, мисс Лавин упомянула вас. Как я понимаю, вы формально будете ее поверенным, а я возьму на себя бремя составления иска держателям акций, если мы возьмемся за дело.— Он на секунду поколебался, затем рассказал старику об аресте парня.

— Да,— сказал Райан, как бы подтверждая то, что должно было неизбежно произойти.— Я говорил ей, что она делает ошибку, обращаясь к мистеру Дворкасу. Разумеется, Грин и Чарльзуорт вертят всеми, как хотят.

— Грин и Чарльзуорт?— удивился Мандин.— Хотя постойте-ка, Вилли Чоут один раз упомянул это имя неизвестно по какой причине.

— Это фирма, которая занимается капиталовложениями.

— Но она сказала мне, что ее дело связано с ДМЛ-Хоуз. Причем здесь Грин и Чарльзуорт?

Райан прожевал еще одну опиумную таблетку и проглотил ее.

— Мистер Мандин, эта фирма еще как при чем! Она уже всю-

ду, где только можно! Сырье, городской транспорт, недвижимость, страхование, финансирование заводов, в общем, все, что угодно, мистер Мандин.

— Даже опекунство в 27 округе?

— Даже это. Но пусть это не сильно вас беспокоит, Мандин. Вероятно, в настоящее время «Грин и Чарльзуорт» только случайно интересуется Лавиными. Они, без сомнения, хотят знать, что намерены предпринять Дон и Норма, но я не думаю, что они станут вмешиваться.

— Не думаете?

— Попробую еще раз все взвесить.

Задребезжал дверной звонок, и старик поднялся, махнув рукой Мандину не мешать ему.

— Я сам,— сказал он.— Это было просто временное недомогание. И здесь ни при чем...— он указал подбородком в сторону двери.

Вернулся в комнату он с Нормой и Доном Лавиными.

— Здравствуйте, Мандин,— сказала девушка удрученным тоном.— Вы все-таки разыскали нас. Вы что-нибудь ели?

— Да,— спасибо.

— Тогда извините, мы перекусим.

Они открыли две саморазогревающиеся банки с гуляшом и молча опустошили их.

— А теперь,— обратилась Норма к Мандину,— биографические данные.— Тон ее голоса был наполнен сарказмом и ненавистью.— Дон и я — дети богатых, но честных родителей. Родились мы в Кошоктоне, штат Огайо. Отец — Дон старший — был уже весьма немолод, когда мы с братом появились на свет. Первые пятьдесят лет своей жизни он трудился, не покладая рук. Начал он как специалист по пластмассам, у него был небольшой завод — кузова автобусов, пожарных машин и тому подобное. Еще в школе он учился с неким Барни Германом, который впоследствии специализировался в области электроники и электроаппаратуры. Они работали вместе, как только у них выдавалось свободное время, вместе мечтали, строили планы. Они были людьми одержимыми. Они изобрели, спроектировали, и изготовили первый опытный образец дома «ДМЛ», иначе известного как надувной дом, или дом-пузырь.

— Мне кое-что известно о ДМЛ, мисс Лавин,— сдержанно заметил Мандин.— Не был ли там замешан еще некто Моффет?

— Замешан, но это произошло позже, гораздо позже. В течение почти тридцати лет папа и мистер Герман трудились, как лошади, изнуряя себя, отдавая все ради воплощения своей мечты. Мама говорила, что она вряд ли видела отца больше одного раза в месяц. Мистер Герман умер холостяком. Они разработали Дом-пузырь, построили его, но у них не было капитала запустить его в массовое производство.

— Но,— возразил Мандин,— они могли сдать в аренду права...

— И их изобретение положили бы в долгий ящик? Разве я не упомянула о том, что они оба были одержимыми? Они разработали дом, который был дешевле и лучше всех имевшихся тогда домов. Это была революция в домостроении, ничего похожего раньше не было, за исключением, пожалуй, появления синтетических материалов в текстильной промышленности или модели автомобиля «Форд-1» в автомобилестроении. Разве не ясно, что даже миллионер не мог иметь дом лучше, чем ДМЛ? Папа и мистер Герман хотели давать их людям с самой разумной прибылью. Ни один из производителей так бы не поступил, пока рынок не был бы наполнен моделями по наивысшей цене. Но они не были бизнесменами, Мандин. Они были мечтателями. Бизнес их мало интересовал. Вот тогда-то и появился со своим планом Моффет.

— В самом деле с очень остроумным планом,— встрепенулся Райан,— с учетом налоговых тонкостей. Передав права на изготовление крупной корпорации ДМЛ избежала финансовых издержек. Корпорация давала своим служащим то, чего нельзя было достать где угодно — и прощайте затруднения с рабочей силой. Поначалу ДМЛ сдавала в аренду свои права за деньги. Затем, когда дело стало разрастаться, компенсацией стали пакеты акций, акций без фиксированного дивиденда.

Девушка рассудительно кивнула.

— В течение десяти лет ДМЛ стала обладательницей ощутимой доли сорока корпораций, а папе и мистеру Герману принадлежала половина всей ДМЛ. Затем папа обнаружил, что происходит. Он рассказал об этом мистеру Герману и, как мне кажется, это убило его — видите ли, он к тому времени был уже стариком. Статус заключивших контракт. Одно дерзкое слово — и тебя вышвыривают из твоего ДМЛ, собственного ДМЛ. А если тебя вышвыривают из ДМЛ, то ты сразу оказываешься...— она заколебалась, обводя взглядом убогую комнату,— оказываешься здесь.

— Но если ваш отец был одним из владельцев...— удивленно произнес Мандин.

— Только двадцать пять процентов, мистер. А двадцать пять процентов Германа перешли к его дальним родственникам после смерти старика от дифтерита. Отцу было тогда уже 65 лет. Его мечта стала явью. В его домах-пузырях проживало почти сто миллионов человек. Они стали оружием, с помощью которых фирма от него отделалась.

— Заводской охране был передан его фотоснимок,— мечтательно произнес Дон Лавин.— Его арестовали за нарушение общественного порядка в пьяном виде, когда он пытался проникнуть на заседание акционеров. Он повесился в своей комнате.

Мандин прочистил горло.

— П...простите. Неужели ничего нельзя было сделать?

— Очень немногое,— печально произнес Райан.— Да, у него были акции, но фирма их конфисковала. Сфабрикованный комитет кредиторов издал распоряжение, запрещавшее выдачу его вкла-

дов после его смерти. Его вклады были заморожены в течение двенадцати лет. Затем по чьей-то небрежности, а может быть кто-нибудь вышел на пенсию, или был уволен, а заменивший его не знал, по какой причине эти вклады были заморожены — в общем, ДМЛ проморгала. Срок задержки их выдачи не был своевременно продлен, и Норма и Дон Лавин стали владельцами 25 процентов акций фирмы ДМЛ.

Мандин обвел взглядом жалкую комнатушку и не произнес ни слова.

— Осталась только одна мелочь,— с горечью вымолвила Норма.— Дон извлек акции из сейфа и куда-то их сунул. Скажи нам Дон, где они сейчас?

Мечтательные глаза ее брата расширились, и он стал часто-часто моргать. Его лицо исказила гримаса страха.

— К... к... к...— судорожно заикаясь, будто помешенный, пролепетал он, после чего разразился рыданиями. Норма все с тем каменным выражением лица стала гладить его по плечу.

Когда мы стали им досаждать, как они выразились,— сказала она испуганному адвокату,— Дона похитили. Его не было три дня, и он ничего не помнит, что с ним случилось. Мы отвели его к врачу. Врач сказал, что у него такое состояние, словно он испытал не менее пятидесяти часов кондиционирования.

— Но ведь это же незаконно! — воскликнул, не в силах скрыть свое потрясение и гнев, Мандин.— Частным лицам запрещено заниматься кондиционированием!

— Разумеется, запрещено! — вспылила Норма.— Вы теперь наш адвокат, Мандин. Вот и помогите нам распутать это дело. Подготовьте иск к ДМЛ.

Мандин сел. Закоренелые преступники — вроде того вора, защиту которого он только что вел,— подвергались кондиционированию в течение двадцати пяти часов за семь — десять дней. А тут пятьдесят часов за три дня!

— Почему они просто не похитили акции? — спросил он.

— Это было бы незаконно,— пояснил Райан и поспешно поднял руку.— Нет, серьезно. Принудительную продажу можно было бы признать недействительною. Этого мог бы добиться и сам Дон или его наследники и опекуны. А таким способом акции нейтрализованы. А ДМК как будто и ни при чем. Фирме не нужны эти акции, их и без того у нее уйма. Просто ее заправилы не хотят, чтобы ее акции были у Лавиных!

Мандину стало не по себе.

— Понятно,— произнес он.— Извините меня за мою бестактность и бестолковость. Значит, теперь Дон не знает, куда он подевал акции, а вы хотите их найти.

Райан с отвращением посмотрел на него.

— Нет, адвокат,— строго произнес он.— Все не так просто. Пусть я уже давно не практикую, но даже я могу себе представить, что мог бы получить дубликаты сертификатов. К несчастью, наше

положение гораздо хуже. Дональд, как наследник мужского пола был, очевидно, тем лицом...— здесь Норма фыркнула,— очевидно, повторяю, тем лицом, которое могло бы возбудить иск. Поэтому Норма подписала окончательную доверенность представлять их интересы на его имя. Это, как выяснилось, было ошибкой. Дональд не подходит для этого. Он не может возбудить иск. Он не в состоянии рассказать нам, где находятся акции. Он даже не может обсудить с нами этот вопрос.

— Понимаю,— кивнул Мандин.— Вы в безвыходном положении.

— Потрясающе, Мандин! — с подчеркнутым презрением взорвалась Норма.— Как точно вы обрисовали ситуацию. Теперь, когда установлено, что нас обвели вокруг пальца, мы могли бы лечь и начать умирать.

— Я этого не говорил, мисс Лавин,— сдержанно сказал Мандин.— Мы сделаем все, что в наших силах. Ну, например, если дело только в кондиционировании, мы, несомненно, могли бы добиться разрешения на его декондиционирование. После чего...

Норма подняла брови.

— «Частным лицам запрещено заниматься кондиционированием»,— процитировала она.— Разве не вы лично произнесли эти слова несколько минут назад?

— Да, я, но, безусловно, кто-нибудь мог бы...

Норма тяжело опустилась на стул. Обращаясь к Райану, она сказала:

— Скажите ему. Скажите ему, что противостоит нам.

— Капитал ДМЛ составляет не менее четырнадцати миллиардов долларов и состоит из наличности в банках, страховых полисов, заводов, недвижимости и акций, в соответствии с их последним заявлением, восьмисот четырнадцати корпораций. Не скажу, что они в состоянии нарушать закон, не боясь последствий, Мандин. Но они, безусловно, в состоянии не давать нам возможности самим нарушить его.

Глава 7

Четырнадцать миллиардов долларов! Мандин, устало и испуганно тащась по улицам Белли-Рэйв, ощущал себя пигмеем в сравнении с этими деньгами. И все же он согласился вести это дело.

Донесшиеся из темноты приглушенные звуки заставили его ускорить шаг, но никаких подкрадывающихся из-за угла бандитов он не заметил. Но тем не менее он чувствовал себя крайне неуютно и даже поднял воротник плаща. К тому же еще пошел мелкий дождь.

Ему везло. На него не напали сзади, не заманили в какой-нибудь притон. Грабители в этот вечер бродили по другим улицам, соперничающие банды вооруженных подростков прятались от дождя по подвалам, такси, которое он приметил и к кото-

рому подбежал и остановил, было обычным такси, а не ловушкой. Без всяких затруднений он выбрался из Белли-Рэйв и так и не узнал, что он упустил.

Поездка в такси дала ему время поразмыслить. Но мысли не лезли в голову. Лавины, он был в этом убежден, имели все законные основания для возбуждения иска, он обещал им, что проведет всю необходимую работу, пытался заверить их, что все не так безнадежно, как им кажется. И все же ему было очень неловко от того, что девушка понимала всю пустоту его слов.

Такси выехало в знакомый ему район, и он остановил его возле работающего всю ночь ресторана. Кофе мог отлично помочь ему. Пока он его дожидался, он не поскупился на пять центов, чтобы позвонить к себе в контору — вдруг ему кто-нибудь звонил.

И действительно кто-то звонил. Бессонная Секретарша что-то промямлила, затем включилась запись знакомого испуганного голоса: «Мистер Мандин, это Норвел Блай. Не смогли бы вы приехать и вызволить меня из тюрьмы?»

Глава 8

Норви в испуге проснулся. Его трясли. На обоих лицах, наклонившихся над ним, были одинаковые презрительные ухмылки. Даже спросонок он ощутил некоторую гордость за красоту Вирджинии и жалость к ее дочери, у которой та же структура лица заплыла жиром.

— В чем дело? — пробрюзжал он.

Голос его звучал как-то странно, и он понял, что куда-то исчез его слуховой аппарат. Он на ощупь стал искать его возле кровати, но там его не было. Норви сел.

— Где же он? — закричал он, обращаясь к Александре.— Если ты его снова спрятала, я сверну тебе шею.

— Бог с вами, Норвел! — пролепетала пораженная его дерзостью Александра.— Вы знаете, что я не виновата!

Вирджиния похлопала его по плечу и что-то процедила сквозь зубы. Он уловил: «..ать» и «...ильник».

— Что? — промычал он, сжав кулаки.

— Я сказала, что ты пришел, должно быть, слишком пьяный и, прежде чем лечь спать, забыл завести будильник. Поднимайся. Ты уже на целый час опоздал на работу.

— Он вскочил с кровати, досада пронзила его сердце. О, боже! Именно в этот день изо всех дней он опаздывает на целый час!

Он нашел слуховой аппарат на полу у входа. Вряд ли он мог его там оставить, да и позабыть включить будильник он тоже не мог. Но у него не было времени заниматься дрязгами по пустякам. За десять секунд он удалил волосы с лица, помылся за пять, оделся за пятнадцать и пулей вылетел из дому.

К счастью, Канделлы на месте не оказалось.

Норви отослал мисс Дали собрать своих подчиненных и стал

производить настройку селекторного пульта. В то же время остальные проверяли свои линии связи с ним. Рабочий день начался. Именно эта часть его работы, признавался сам себе Норвел, вызывала у него такие ощущения, словно он был богом. Сначала он дал указания Стимменсу, и тот стал поспешно распихивать перфокарты, затем инженеры распределяли их по фазовым полям и интерференционным цепям... И вот возник мир в миниатюре, созданный Норвелом Блаем.

Как-то раз он попытался объяснить свои ощущения Арни. Тот что-то сердито проворчал, затем рассмеялся и сказал, что все это лишь нажимание кнопок. Все, что делал Норви, объяснял Арни не раз и не два, это принимал решения, какие формы и какие образы он хочет увидеть. И это инженеры с их мудростью преобразовывали ничего не значащие символы в такое чередование светлых и темных пятен различного цвета, которое волшебным образом рисовала контуры и перемещения крохотных борцов и копьеносцев. Первоначальный замысел, не без иронии замечал Арни, ничего не значит. Главное — это то грандиозное техническое мастерство, которое преобразует мысль в зримую реальность на экранах настольных просмотровых устройств.

И Норви смиренно соглашался. Даже сейчас он с робким почтением думал о постановщиках, чей гений позволял им должным образом подсоединять цепь «А» к видеоканалу IV, ибо они были инженерами. Но его почтение распространялось только на электронщиков.

— Стимменс, растяпа ты,— ворчал он.— Пошевеливайся! Мистер Канделла может появиться здесь в любую минуту!

— Есть, сэр,— безвольно отвечал Стимменс, беря из рук Норвела очередную пачку перфокарт.

Стимменс работает вполне сносно, подумал Норви. Но подхлестнуть его слегка никогда не помешает.

Прошло двадцать минут, может, чуть больше, и весь разработанный Норвелом проект проведения Дня Состязаний был переведен на перфокарты. Пока Стимменс вводил последние корректировки программы, постановщики уже начали прогон на повышенной скорости. Крохотные перфокарты одна за другой считывались сканирующим устройством, записанный на них код преобразовывался в импульсы, управляющие поведением микросхем вычислительного комплекса, и на экране появился уменьшенный макет стадиона, задвигались, поражая друг друга крохотные фигурки, одна сцена сменяла другую.

Все это было порождением ума Норвела. По составленному им сценарию нужны были во плоти сорок копьеметателей. Визуализирующий это комплекс отображал на экране сорок крохотных фигурок, тычущих друг в друга копьями — световыми штрихами. Здесь не проливалась кровь, арену стадиона не загромождали тела убитых. Только крохотные бесплотные световые контуры, которые исчезали с экрана, как только переключались соответствующие микросхемы.

Каким-то образом, в сознании Норвела, это происходило здесь, а не на огромной арене, на которой проводился подлинный День Состязаний. Он слышал крики раненых и видел слезы на глазах родственников, но все это было нереальным для него. Всегда, для него эти люди казались просто манекенами.

Один из постановщиков разогнулся и одобрительно произнес:

— Отличное представление, мистер Блай.

— Спасибо,— с благодарностью кивнул Норвел. Это было хорошим признаком, когда техническому персоналу нравилась его работа. Теперь весь вопрос в том, как примет ее Канделла.

А Канделла прежде всего сказал вот что:

— Блай, предстоящий День Состязаний — очень важное событие. Так, во всяком случае, мне кажется. Вы разве так не считаете?

— Пожалуй,— не сразу ответил Норвел.

— Рад, что вы тоже так считаете. Наша работа очень важна, Блай. Это один из самых великих и необходимых для общества видов искусства. Оно дает здоровое развлечение, удовлетворяет потребность каждого человека в артистическом самовыражении того или иного рода. Оно дает возможность отключиться от реальности — и для вымотанных тяжелым трудом обитателей Белли-Рэйв, и жителей домов-пузырей. Для них наша работа особенно необходима. Она откачивает их агрессивность в такой мере, что они могут посвятить свое время, ну, скажем, сравнительно более безвредной деятельности. Выплата пособий и Дни Состязаний! Наше общество зиждется на этом. Нашу работу можно назвать фундаментом, если так можно выразиться, нашего общества. Разве это не так?

Норвел почти лишился голоса. Практически шепотом, он ответил:

— Да, сэр.

Канделла вопросительно посмотрел на него.

— Прошу прощения?

— Да, сэр! — повторил Норвел и только после этого с опозданием спохватился, ибо в самом деле он громко рявкнул на босса.

Лицо Канделлы исказилось гримасой боли.

— Зачем кричать, Блай? — с упреком, но вежливо, даже великодушно произнес он.— У меня со слухом все в порядке.— И затем, как ни в чем не бывало, продолжал: — ... фундаментом нашего общества, как я уже сказал, но так же и видом искусства. Культурные слои общества ценят наши попытки в чисто аристократическом плане. Сброду из Белли-Рэйв — при всем моем уважении, дорогой мой Блай, к происхождению вашей жены — это нужно на чисто физиологическом уровне. Каждое шоу, которое мы готовим, имеет немаловажное значение. Но День Состязаний...— голос его звенел.— День Состязаний, эх, упрямый, как осел, недотепа, это самый главный день в году! И не только потому, что влечет к себе наибольшее число жителей — но потому, что по его проведению судят обо мне лично! На него ходит правление! Его посе-

щает мэр! На нем присутствуют заправилы из ДМЛ. Если он им понравится, это хорошо. Если нет — то это мою голову кладут на плаху, Блай! Понимаете, мою! И я не хочу лишиться ее из-за идиотских просчетов такого слабоумного осла, как вы!

Норвел раскрыл было рот, но так и остался с отвисшей челюстью. Канделла же продолжал реветь:

— Ни звука! Мне не нужны оправдания! Вам поручили дело, а вы его провалили. В вашем понимании Дня Состязаний нет ни капли подлинного вдохновения. Но, как мне казалось, подлатав в кое-что, поимпровизировав, нам удастся выкрутиться. Теперь я больше так не считаю, после того, как просмотрел превосходный вариант, представленный мне сегодня утром — в девять часов, я мог бы добавить.— Он похлопал по пачке перфокарт на столе.— Одним из членов вашего, понимаете, вашего персонала, Блай! Выдающимся парнем, которого вы, без сомнения, столько времени гноили! Слава богу, что у него хватило смелости! Господи, благодарю тебя за его преданность! Благодарю за то, что у него хватило духа и благоразумия прийти ко мне с этим шедевром вместо того, чтобы позволить вам уничтожить его!

Наступила длительная пауза. Наконец, Норвелу удалось выдавить из себя:

— Кто же это, сэр?

— Стимменс, вот кто! — торжественно ответил Канделла.

Норвел лишился дара речи. Он не мог себе представить, что такое возможно. Стимменс??? Совершенно зеленый, почти ни в чем не разбирающийся, не способный к самой простой исследовательской работе! Стимменс... у которого даже пропало желание оставаться в фирме, который имел наглость просить о расторжении контракта! Стимменс!

— Рука его потянулась к перфокартам, но на полпути остановилась в замешательстве, ибо до него дошло, что он забыл спросить разрешения.

— Валяйте,— холодно произнес все понявший Канделла.

Норвел в изумлении посмотрел на листки бумаги. Почему, подумал он, это все-таки невозможно...

— Не возражаете, сэр, если я прокручу их? — спросил он и получил в ответ утвердительный кивок. Он тут же зарядил перфокарты в приемный магазин просмотрового устройства Канделлы. Заработали фотодиоды и микросхемы. Электронные развертывающие устройства тут же принялись развертывать перед ним сцену электронной бойни. Он смотрел на крохотные штриховые фигурки на экране, и мрачные предчувствия все больше охватывали его.

Отведя глаза от экрана, он смущенно произнес:

— Ну что ж, прекрасный материал.

— Разумеется, прекрасный!

— Да, мистер Канделла, он на самом деле прекрасный. Вот тебе и Стимменс! Ни за что бы не поверил. Материал, разумеется еще сыроват — нужно подбросить эмоциональности. После на-

пряжения поединка «Люди против скорпионов», должно следовать что-нибудь комическое, вроде дуэли с бранспойтами, заряженными медным купоросом, а отнюдь не такая страшная сцена с восьмидесятилетними огнеметчиками. Но это легко подправить. Еще, думаю, придется убрать «Скачки через искусственные молнии». Стимменс сам сказал мне, что мы не смогли раздобыть в Скенектэди необходимое оборудование. Я думаю, он позабыл об этом.

Канделла посмотрел на него с выражением, которое трудно было описать, но Норвел продолжал, нелепо заикаясь:

— Несомненно, оригинальное шоу, мистер Канделла. Я обязан... сказать... что восхищен им. Особенно номер с пираньями! Замечательно! И сама мысль об использовании восьмидесятилетних старцев! И почти все номера совершенно новые. Должен признаться, мистер Канделла, что у этого парня определенно есть талант.

— О чем это вы? — с угрозой в голосе произнес Канделла.

Норвел запнулся.

— Э... я в смысле оригинальности, мистер Канделла. Свежести.

Канделла почти не слушал его. Что-то бубня себе под нос, он перебирал бумаги. Затем он хлопнул по ним кулаком и взглянул на Норвела.

— Оригинальности? Блай, вы что, думаете, что я рехнулся? Неужели я настолько, по вашему мнению, выжил из ума, что рискну поставить эти неопробированные новшества в таком важном представлении, как День Состязаний? Надобно вам знать, что все эти номера уже прошли со сногсшибательным успехом на периферии месяца три-четыре тому назад.

— О, нет. Нет, мистер Канделла, честно, я уверен. Ничего подобного нигде еще не было. Честно, мистер Канделла. Еще только вчера я говорил Стимменсу: «Смотри, ведь просто смешно, но уже давно нигде не появляется ничего нового!» Стимменс сам проверял, и если бы что-нибудь подобное было, должен был бы знать об этом.

— Смотрите сами, дуралей! — взорвался Канделла и швырнул Норвелу пачку сообщений.

Да, все это уже было. Названия, даты, города. Норвел с ужасом смотрел на сообщения.

— М-м-мистер К-к-канделла, — прошептал он. — Это надувательство. — Его голос стал набирать силу. — Он хочет получить пятнадцатый разряд. Только вчера он пытался заполучить у меня рекомендацию на освобождение от контракта. Я не пошел на это. Вот его способ расквитаться за это!

— Блай! Это серьезное обвинение!

— О, я докажу это, мистер Канделла. Копии его донесений у меня в столе, под замком. Пожалуйста, мистер Канделла, пройдемте со мной в кабинет. Позвольте показать вам кое-что.

Канделла поднялся.

— Ну что ж, покажите, — велел он.

Десятью минутами позже он угрюмо произнес:

— Считали, что я не смогу разоблачить ваш обман, так?

Норвел не веря своим глазам, смотрел на донесения, его лицо было белым, как снег. Все они были в его столе, закрытом на ключ.

И это были не те донесения, которые он вчера просматривал. Они сверкали новшествами, в них были отражены все эти потрясающие концепции, характерные для варианта, набросанного Стимменсон, в них было еще много всякого другого, не менее замечательного...

Бумаги тряслись в руках Норвела. Каким образом? Он не мог оставить стол незапертым! Ключи были только у него и у мисс Дали, но у нее не было причин совершать подлог! Возможность какого-либо подвоха была исключена, зрение не могло обмануть его. Может быть, он сошел с ума. Или это какой-нибудь химический фокус? Те сообщения, которые он видел, были написаны исчезающими чернилами, а затем проступили на бумаге совсем другие? Но каким образом?

Канделла нажал кнопку вызова Стимменса. Через минуту тот явился, испуганный и подобострастный.

— Поздравляю вас, Стимменс,— отрывисто проинес Канделла.— С этого момента вы начальник отдела. Перебирайтесь в свой кабинет в любую минуту, когда сочтете нужным. Это уже ваш кабинет! И вышвырните отсюда этого бездельника. Ваш контракт,— сказал он, обращаясь к Норвелу,— расторгнут на законном основании. Даже не пытайтесь получить снова подобную работу. С вашей стороны это будет пустая трата времени.

И он вышел, оставив совершенно ошеломленного Норвела.

— Вы могли бы избежать этого,— неловко произнес Стимменс.— Не думайте, что я получил от этого удовольствие. Я работал над своим вариантом в течении шести месяцев, и у меня все не хватало духу представить его на смотр. Я должен был дать вам шанс, но вы отвергли его.

Норвел изумленно смотрел на него, а Стимменс продолжал оправдываться:

— Я ведь не просто так занимался этим, поверьте мне, я заслужил это. Что я знал раньше о Дне Состязаний? Только работу, работу до седьмого пота. У меня не было ни минуты покоя!

Вошла мисс Дали и расцеловала Стимменса.

— Дорогой, я все слышала! Как замечательно, что у тебя теперь пятнадцатый разряд!

— О!— упавшим голосом протянул Норвел.

Они болтали без умолку, но он уже не слышал их. Будто выключился его слуховой аппарат, только вот выключатель был не в его кармане, а в голове. Только очутившись на улице, он до конца осознал, что произошло с контрактной карьерой Норвела Блая.

Вся загвоздка была в Вирджинии.

Он подошел к этому в своих размышлениях так же, как и тысячу раз до этого, и так же, как и тысячу раз до этого, отступил назад. Заказал еще одну рюмку.

Ни статуса законтрактованного, ни дома-пузыря. Теперь, разумеется, его ждет Белли-Рэйв. Норвел сделал жадный глоток. А все-таки, что же такого плохого в Белли-Рэйв? По крайней мере, можно будет гораздо больше времени проводить на свежем воздухе. Голодать не придется — об этом знали все, никто теперь не голодал. Вероятно, он подыщет себе какое-нибудь занятие. Благодаря пособию не надо будет заботиться о куске хлеба. Дополнительная работа, какой бы она не оказалась, даст возможность поднакопить денег, чтобы начать все сначала. Возможно, подыскать себе место в старой части города. Разумеется, это будет не надувной дом, но лучше, чем Белли-Рэйв.

Жаль, что он так мало знает о Белли-Рэйв. Смешно, учитывая, что Вирджиния была оттуда. Но она никогда не хотела говорить об этом.

И вот он снова возвращается к теме Вирджинии.

Как она это воспримет — совсем другое дело. Тут можно только догадываться. Она всегда так непоколебимо старалась не касаться темы о Белли-Рэйв и всего того, что у нее было с этим связано. О своем детстве, о своих родителях, даже о своем первом муже, мотоциклисте-трюкаче, который давным-давно разбился на одном из Дней Состязаний, оставив Норвелу Блаю бесчувственную вдову, которая тут же по наущению Канделлы вышла за него замуж. Нет, скорее женила его на себе, и главной приманкой для нее была его работа по контракту и ДМЛ-дом.

Он заказал еще выпивку.

Осмотрелся вокруг — в этом баре он еще никогда не был. И даже не знал, где находится. Вспомнил, что брел по заселенному эй-рэбами району города, его ноги ныли от усталости. Обернулся и увидел это новое, сверкающее, привлекательное заведение. Оно показалось ему таким прекрасным! Когда-нибудь он приведет сюда Арни, если он и дальше будет...

Он отогнал от себя эту мысль, пока она еще не сформировалась полностью. Конечно же, он приведет сюда Арни! Арни не из тех друзей, которые меняют отношение, когда от тебя чуть-чуть отвернулась удача — даже это сильно сказано, просто у него временные затруднения из-за непонимания особенностей его профессии и коварства злого Стимменса. Старина Арни, он такой. Норвел даже расчувствовался, вспоминая старинного друга Арни.

К нему на мгновение вернулось чувство времени.

Лучше, пожалуй, смело глядеть в лицо фактам. Нужно толком объясниться с Вирджинией.

Он допил и опустил кредитную карточку в прорезь бара. Возможно, с Вирджинией все быстро утрясется. Некоторым образом, подумал он, тот факт, что она родилась в Белли-Рэйв, был даже преимуществом, если только ему удастся заставить ее взглянуть

на все по-иному. Она знает, как там жить. У нее там остались друзья, у нее есть кое-какие идеи в отношении того, как бы заполучить необременительную для него работу, которая будет подспорьем к пособию, пока он снова не встанет на ноги. Она могла бы сэкономить для него уйму времени, необходимого для того, чтобы завязать контакты, получить...

Что-то обрушилось на его плечо и развернуло.

— Что это ты, пьянчужка, задумал? — прозвучал рык полисмена, который тряс кредитной карточкой Норвела перед его носом. — Ты знаешь, какое положено наказание за пустую кредитку? Все вы из Белли-Рэйв одинаковы. Достаете где-то для прикрытия пустую карточку и пытаетесь бесплатно нажраться! Пошли, пьянчуга! С тобою хочет поговорить капитан.

Это было просто ужасно.

Разумеется Канделла тотчас же аннулировал его кредитную карточку — но это было просто оплошностью со стороны Норвела. Он долго уговаривал полицейских в участке поверить ему, прежде чем до него дошло, что они на самом деле ему верят, но что это им абсолютно до лампочки.

Было уже почти обеденное время, и его поместили в нечто, что они называли «Ванойг» чтобы обдумать, что он натворил, пока не вернется с обеда сержант. «Ванойг» Норвелу не понравился, так же, как не понравился вид других шестерых нарушителей, которые были помещены в нее вместе с ним. И все же, напомнил он себе, могло быть и хуже. Пока что все дело заключалось в аннулированной кредитной карточке. А ведь ему могли бы поставить в вину еще и опьянение, и нарушение общественного порядка. И Норвел мог бы оказаться без какой-либо поддержки, или еще хуже — в тюрьме. А когда у человека нелады с полицией, то можно было заполучить только одну работу. И для этого не нужно было даже прибегать к телефону. Полицейские сами отвезут тебя к служебному входу на стадион. Норвел знал, как это делается. Он достаточно насмотрелся, как доставляют «добровольцев» на ристалище.

— Эй, Блай!

— Да, сэр? — встрепенулся Норвел.

Полицейский открыл дверь.

— Выходи.

Они вошли в грязную комнату. Сначала пришлось испытать неудобную процедуру, когда руки закидываются за голову, а кто-то обшаривает тебя. Нельзя упрекать в этом полицию, напомнил себе Норвел. Сколько раз к ним сюда попадали отчаявшиеся, готовые на все преступники. Затем весьма нелепая процедура макания пальцев в чернила, и прижимания их к бумаге. Затем несколько болезненная процедура, когда надо смотреть в некоторое подобие бинокулярного микроскопа. Вспыхивает подсветка, и делается снимок узора на сетчатке глаза. Некоторое время после этого Норвелу было больно смотреть, но потом все прошло.

Пока Норвел пытался сфокусировать глаза, прозвучал голос полицейского.

— Может быть, хотите позвонить своему адвокату?

Норвел машинально покачал головой, затем вспомнил. Ведь у него есть адвокат!

— Пожалуй,— произнес он.

В телефонной книге он не без труда разыскал номер Мандина. Ему повезло — он получил ответ. Хотя самого Мандина не было, но все же ответила секретарша, которая, похоже, была в доску пьяна. Однако он оставил ей весточку, и теперь оставалось только ждать.

Оказалось, что ожидание не было напрасным и неприятным. Даже мысль о том, что сказала бы Вирджиния и что сделала бы, не очень-то страшила его теперь. Что могло быть хуже того, что случилось с ним!

Прошло несколько часов. Наступило шесть часов вечера, потом семь. Еще несколько часов, и его охватило беспокойство.

Было уже почти десять. Если он вскоре не выберется отсюда, то будет уже поздно попробовать навестить старину Арни.

Глава 9

— Большое вам спасибо, мистер Мандин,— сказал Норвел. Он оглянулся на здание полицейского участка и задрожал.

— Не стоит благодарности,— покачал головой Мандин.— Я перекинулся парой слов с Делом Дворкасом, и он замолвил словечко в полиции. Благодарить нужно его.

— О, я хочу,— воскликнул Норвел,— очень давно уже хочу познакомиться с мистером Дворкасом! Арни, вы же знаете, его брат Арни, очень близкий мой друг, так много о нем рассказывал.

— Ну, тогда пошли,— пожал плечами Мандин.— Мне все равно нужно зайти в муниципалитет.

Идти туда было недалеко, а дождь не располагал к разговорам. Из головы Мандина не выходила эта фирма «ДМЛ-Хоуз». В висках стучала надежда...

Совсем другое было на уме у Норвела. Он был без работы, уже успел посидеть в тюрьме, он уже на много часов опаздывал к Вирджинии, не имея никаких вразумительных оправданий — и все это произошло, естественно, не по его вине, решения принимал не он.

Внутри здания муниципалитета, или, как все его называли, «Рипабликен-Холла», Мандин заговорил с каким-то смуглым мужчиной без пиджака. Наверное, привратник, подумал Норвел. Он был удивлен, когда Мандин подозвал его и представил ему Дела Дворкаса.

— Искренне рад познакомиться с вами, сэр,— не без гордости произнес Норвел.— Ваш брат Анри очень высокого мнения о вас. Мы с ним очень добрые приятели.

Дворкас задумчиво посмотрел на него.

— Живете где-то поблизости?

— Нет, весьма далеко отсюда, но...

Дворкас, похоже, потерял к нему интерес.

— Рад был с вами познакомиться,— сказал он, отворачиваясь.— Если хотите увидеть Арни, то он у Хусейна, на противоположной стороне улицы. А теперь, Чарльз, для чего это тебе нужно было увидеться со мной?

Норвел так и остался стоять с протянутой рукой. Немного поморщился, но, в общем-то, напомнил он себе, мистер Дворкас очень занятой человек. А Арни — какая удача! — здесь рядом, у какого-то Хусейна.

У самого входа в здание он глянул на часы. Почти одиннадцать! Он поднял воротник и нырнул под дождь, угодив почти прямо в объятия полицейского, перепровождающего в «Рипабликен-Холл» какую-то костлявую девицу. Сердце его учащенно забилось, но полицейский не обратил на него внимания. Перейдя улицу, он вошел в кофейню.

Арни сидел за столиком и читал. Увидев приближающегося Норвела, он поспешно отодвинул журнал, не произнося ни слова, только в глазах его возникло изумление.

Норвел опустился на свободное место и вымученно улыбнулся.

— Удивлен, встретив меня?

Арни нахмурился.

— Что ты здесь делаешь?

С лица Норвела сошла улыбка.

— Можно... можно мне заказать кофе, Арни? Я вышел без денег.— Вид у Арни был несколько сердитый, но он подозвал улыбающегося официанта.

Тогда Норвел рассказал ему все — о тюрьме, о Мандине, о Деле Дворкасе. Арни слушал, ничем не выдавая своих чувств. И только тогда, когда Норвел остановился, чтобы перевести дух, Арни позволил себе улыбнуться.

— Ну и занятный был у тебя день,— сказал он насмешливо.— Я рад, что ты познакомился с Делом. Он по-настоящему крупный деятель. Я случайно позволил себе вольность пригласить нескольких его товарищей на День Состязания. Так что, когда ты раздобудешь билеты...

Норвел едва не поперхнулся.

— Арни...

— Когда раздобудешь билеты, то возьми еще несколько про запас.

— Арни...

— Да, думаю, что штучки три будет вполне достаточно.

Норвел покачал головой.

— Арни, послушай, я не могу достать билеты.

— Ты что?

— Меня сегодня уволили. Вот почему у меня совершенно нет денег.

Наступило молчание. Дворкас стал шарить по карманам в поисках сигарет. Найдя пачку, он с отсутствующим видом поло-

жил ее на стол перед собой, ни одной не закуривая. И продолжал молчать.

— В этом... в этом нет моей вины, Арни,— извиняющимся тоном заговорил Норвел.— Эта крыса Стимменс...— и он рассказал всю историю от начала до конца.— Но все будет хорошо, Арни. Не беспокойся за меня. Ты сам говорил об этом. Может быть, мне следовало бы давно порвать с этой фирмой. Я начну сызнова в Белли-Рэйв. Вирджиния сумеет мне помочь, ты же знаешь, что она многое может. Мы найдем какое-нибудь место, которое будет не слишком плохим, ты понимаешь мою мысль, и подлатаем его. Некоторые из этих старых домов весьма интересны. И это только вопрос времени, когда я...

— Понимаю,— кивнул Дворкас.— Ты совершил важный шаг, Норви. Естественно, я желаю тебе всего самого наилучшего.

— Спасибо, Арни,— с пылом произнес Норвел.— Не думаю, что меня ожидает что-нибудь из рук вон плохое...

— Разумеется,— задумчиво произнес Арни.— Но, видишь ли, это ставит меня в довольно щекотливое положение...

— Тебя, Арни,— с ужасом воскликнул Норвел.

— Особого значения это не имеет, конечно. Просто коллеги по работе предупреждали меня. Они говорили мне, что ты будешь водить меня за нос с этими билетами. Не знаю, что теперь даже сказать им, чтобы ты в их глазах не выглядел плохо.

Норвел зажмурил глаза. Преданный Арни! Его беспокоил статус его друга в глазах других инженеров, тогда как легко позволить им думать о нем самое худшее.

— Вот так,— продолжал Арни.— Я не упрекаю тебя, Норви. Забудь о моей просьбе. Я очень рад, что ты со мной первым поделился своими неприятностями.— Он нарочито посмотрел на часы.— Не хочу тебя задерживать. Мне все равно нужно возвращаться в «Рипабликен-Холл». Мой брат хочет со мной посоветоваться относительно одного дела. Что? Да так, мелочи. Просто это, разумеется, обязанность каждого гражданина делать то, что в его силах.

Он положил чек на стол и проводил Норвела к выходу. Уже у самой двери он похлопал Норвела по плечу.

— Черкни мне когда-нибудь строчку. Пусть я и не люблю сам писать писем, но я всегда буду рад узнать, как там идут твои дела.

Норвел едва не остолбенел.

— Написать тебе письмо, Арни? Но я же буду встречаться с тобой, Арни!

— Разумеется, будешь.— Дворкас нахмурился, всматриваясь в потоки воды, падающей с неба.— Ведь это просто естественно, что ты не захочешь совершать такие утомительные поездки из Белли-Рэйв. Что ж, я не могу упрекнуть тебя за это! Да я и сам буду в ближайшие вечера занят, пока не разделаюсь с этим одолжением для своего брата. Послушай, Норвел, какой смысл нам стоять здесь? Черкни мне при первой возможности. Всего наилучшего, дружище!

Норвел пошлепал по лужам в тягостных мыслях. Не имея наличных в кармане и с аннулированной кредитной карточкой, он должен был проделать долгий путь домой и промокнуть до нитки. Пройдя два квартала, он подумал о том, чтобы вернуться и одолжить у Арни денег на такси. Но, напомнил он себе, нельзя надоедать другу, который так печется о его репутации среди своих друзей.

У него было сколько угодно времени, чтобы выучить наизусть все, что он был намерен сказать Вирджинии.

Так он и поступил.

Закончив, он стал смотреть на жену, испытывая скорее удивление, чем облегчение. Всю дорогу домой под проливным дождем его не покидали самые мрачные предчувствия. Как она станет кричать на него. Швырять предметы. Обзывать его кем угодно — жуткими язвительными словами, которые, буквально, будут бить его ниже пояса.

Но она не стала этого делать.

К счастью, дочь спала. При ней все было бы гораздо труднее. Не проронив ни слова, он переоделся, подошел к жене, заглянул ей в глаза и рассказал все — прямо и без обиняков.

Затем он стал ждать реакции. Взрыва не последовало. Вирджиния, казалось, почти не слушала его. Она просто сидела с пустым выражением лица и водила пальцами по мягким подлокотникам кресла. Затем поднялась и прошла к стене, на которой еще оставалась ее работа, произведенный ею узор. Она перестроила стену так, что та стала глянцевой, светло-розовой, и приглушила освещение. Комната утонула в интимном янтарном свете, в ней возникло что-то романтическое. Стала разглядывать себя в стене, словно в зеркале. Норвел не сводил с нее глаз. В призрачном свете кожа ее была как бы подернута позолотой, с ее лица сошли морщинки, вся она была мраморным совершенством.

Затем она села на теплый пол из плотной ткани и заплакала.

Норвел обнаружил, что он неуклюже присел на корточки рядом с ней.

— Пожалуйста, дорогая,— умоляюще произнес он.— Не плачь.

Просьба не подействовала, однако она не оттолкнула его. Он прижал ее к себе. И стал говорить с ней так, как никогда не говорил прежде. Будет, разумеется, трудно. С этим ничего не поделаешь. Однако, такую жизнь можно перенести — живут же, в конце концов, прямо сейчас такой жизнью тысячи людей. Может быть, лишения будут не так уж тяжелы, может быть, это в большей степени сплотит их, может быть, их брак станет даже счастливее от этого.

Сверху послышалось хихикание Александры. Норвел рывком выпрямился. Девчонка насмешливо произнесла спросонок:

— Извините меня. Я и не думала, что здесь может происходит что-нибудь интимное.

Вирджиния быстро поднялась, опрокинув Норвела. Он почувствовал, поднимаясь, как краснеет его лицо.

— Сэнди,— сказал он тихо и нежно, прибегнув к почти забытому ласкательному имени, которое так ей шло, когда она была хорошенькой малюткой, а не гнусной и др...— Придержи язык, дорогая и сойди, пожалуйста, вниз. Я должен сказать тебе кое-что важное.

Вирджиния молча стояла рядом с ним. Норвел понимал, что она едва сдерживается, и любил ее за это.

Ребенок медленно сошел с лестницы.

— Сэнди,— твердо повторил Норвел.

— Пожалуйста,— перебила она его.— Вы же знаете, какие чувства я испытываю к этому имени.

Норвел напрягся, пытаясь сдержать себя.

— Я не имел в виду...— начал он сквозь зубы.

— Разумеется, вы ничего не имели в виду. Вы не имели в виду разбудить меня во время своего пьяного представления на лестнице, правда? Вы не имели в виду держать Вирджинию и меня в страхе, когда не удосужились поставить нас в известность, где задерживаетесь?— Она бросила быстрый взгляд в сторону матери, стараясь получить одобрение, однако Вирджиния стояла, сложив руки.

— Я просто хотел что-то рассказать тебе.

— Что бы вы ни говорили, вам уже ничего не поможет.

— Ничего?!— завопил на нее Норвел, отбросив всякую сдержанность.— Так вот, послушай, черт побери! Мы перебираемся в Белли-Рэйв! Все мы — завтра! — будем там жить! Это для тебя ничего не значит?

— Нет никакой необходимости кричать на ребенка,— едва сдерживаясь, произнесла Вирджиния.

Но его уже прорвало. Он прекрасно понимал, что она не это имела в виду, но за него ответила накопившаяся в нем желчь.

— Значит, мне не нужно на нее кричать, потому что она не глухая, как я, не так ли? О, моя верная жена! Моя любящая семья!

— Я не это имела в виду,— заплакала Вирджиния.

— Ты всегда так! — ревел Норвел, пытаясь перекричать визг Александры.

— Ты знаешь, что я не это имела в виду! — пронзительно закричала Вирджиния.— Но теперь я жалею, что не это! Ты! Который называет себя мужем! И которому совершенно безразлична семья!

Ссора продолжалась почти до утра.

Глава 10

— Спасибо за то, что вызволил Блая,— сказал Чарльз Мандин.

— Всегда пожалуйста,— любезно произнес Дворкас.— Ну, что там у тебя на уме?

— «ДМЛ-Хоуз»,— ответил Мандин.— Дел, мне кажется, что ты навел меня на что-то. Если получится... Так вот, я никогда этого не забуду.

— Не стоит, Чарльз. Послушай, уже довольно поздно, а мне еще надо провернуть пару вопросов.

— Постараюсь покороче. Эти выборы, Дел, позволь мне не принимать участия. Я имею в виду, что если тебе нужны помощники, то я, разумеется, к твоим услугам. Я мог бы, конечно, набрасывать тезисы, но для этого нужно очень много времени.

Дворкас одобрительно посмотрел на него и, дружелюбно улыбнувшись, произнес:

— Ну, что ты, Чарльз, с чего бы мне это становиться тебе поперек дороги? Берись за это дело, если оно кажется тебе таким перспективным. Разумеется, мне будет нужна помощь, видишь, я даже привлек своего брата. Только от него, конечно, не бог весть ее сколько, но все-таки парень он не промах. Значит, ты считаешь, что стоит глубоко заняться этой «ДМЛ-Хоуз»?

Чарльз был готов уже ответить, но в это время в дверь просунул голову один из подручных Дворкаса и что-то шепнул ему.

— Извини, Чарли, но здесь Джимми Лайонс. Подожди минутку.

В действительности прошло гораздо больше минутки, и когда он возвращался, он шел очень медленно. На Мандина он даже не взглянул.

— Да, я думаю, что дело стоящее. Во всяком случае, я намерен задать им хорошую взбучку.

— Не знаю, правильно ли ты собираешься поступить,— произнес Дворкас, не глядя на него.

— Что ты хочешь этим сказать?— удивился Мандин.

— Это очень серьезное дело — заниматься такой юридической практикой, к которой еще не подготовлен соответствующим образом. Но это твое дело, Мандин. Мне просто не хотелось бы, чтобы ты навлек на себя неприятности, поверь мне.

— Минутку, минутку, Дел,— остановил его Мандин.— О чем это ты? Ведь ты сам сунул меня в это дело!

— Что, забеспокоился?— хочешь повесить его на меня?— холодно произнес Дворкас.— Он поднял телефонную трубку в знак окончания беседы.— Уходишь? Ладно, мне надо еще поработать.

Сказанное Дворкасом не выходило из головы Мандина все время, пока он добирался домой, и продолжало беспокоить его все утро, как только он проснулся.

Еще больше это обеспокоило его в здании Окружного Суда. Входя в него, он кивнул дежурному полицейскому, но тот, казалось, смотрел прямо сквозь него. Клерк в ответ на слова: «Как дела, Эйб, как ребятишки?» только промямлил что-то в ответ и с грохотом захлопнул окошко.

Теперь до Мандина стало доходить, что происходит. И это

опечалило его, и добавило решимости. Постояв в очереди у следующего окошка, он попросил необходимые протоколы. Отдал назад ту папку, которую поначалу вручили ему. Когда же в его руках оказалась нужная папка, то ему пришлось пожаловаться на то, что в ней отсутствует половина документов. Он просидел в приемной секретаря Окружного Суда около двух часов, пока туда не забрела секретарша и не сообщила подчеркнуто враждебно, что мистер Кехрейн отправился обедать и сегодня его уже не будет. Он оставил официальную жалобу на бланке, который с трудом получил от секретарши и где указал, что ему незаконным образом, умышленно, ставят препятствия в его попытках проверить общедоступные документы, касавшиеся фирмы ДМЛ-Хоуз». Он вручил жалобу скривившейся секретарше, зная наперед, что произойдет с этой бумагой, как только он закроет дверь приемной. Но он немного ошибся, она полетела в мусорную корзину еще до того, как он закрыл за собой дверь, и он сердито повернулся, чтобы выразить свое возмущение подобными действиями.

Прямо рядом с ним возник дежурный полицейский, на лице которого была написана непоколебимая решимость. Мандин виновато улыбнулся и отправился в свой оффис обдумывать происходящее.

Четырнадцать миллиардов долларов...

Но почему они все столь быстро узнали об этом? Не от Дворкаса, сказал он себе. Он мог поклясться, что Дворкас был равнодушен к этому до того момента, как его вызвали из кабинета. И именно Дворкас втянул его в это дело. Потому что — Мандин покраснел от гнева при этой мысли, так как ощущал правильность своего предположения — потому что Дворкас был абсолютно уверен в том, что такая мелкая сошка, как он, все равно ничего не сможет сделать. Что же заставило его изменить свое отношение к этому делу?

Мандин лягнул на всякий случай ящик с бессонной секретаршей и продолжал расхаживать по комнате. Загробным голосом Секретарша поведала ему, что миссис Мандин должна погасить задолженность до пятницы.

Он сел за стол. Ладно, значит, все к одному, все хуже и хуже. А чего еще можно было ожидать? И чем сильнее нажим со стороны «ДМЛ-Хоуз», тем, значит, сильнее эта фирма напугана. И чем сильнее она напугана, тем больше шансов на то, что здесь на самом деле нечто грандиозное, что Чарльз Мандин стоит на пороге корпоративного закононарушения.

Он взял лист бумаги и стал делать наброски. Фирма может поступать с ним все более жестоко, но она не сможет его остановить. Он может добиться распоряжения суда на то, чтобы ему дали возможность посмотреть дела фирмы. С этого, очевидно, и следует начинать, если допустить, хотя бы пока что самому, что Лавины ведут с ним честную игру. И пока Норма Лавин будет называть его своим фактическим поверенным, ему не смогут помешать.

Разумеется, слушание его вопроса в суде значительно затормозит выяснение обстоятельств дела. Но не больше, чем на несколько дней, а тем временем он может заниматься другими аспектами дела. Кондиционирование Дона — оно вполне могло быть предметом иска, если ему удастся раскопать имена, даты и географические названия.

Он достал папку с бланками, начал заполнять доверенность, которую должна будет подписать Норма Лавин. Она, разумеется, подпишет ее. Она была человеком независимым и, несомненно, с трудным характером, но выбора у нее не было. Кроме того, подумал он, многое из ее внешней мужеподобности было просто защитной маскировкой. А чего еще ожидать в том положении, в котором она оказалась?

Зазвонил телефон. Он поспешно отключил бессонную секретаршу и схватил трубку.

— Мандин.

Послышался совершенно растерянный старческий голос:

— Это Гарри Райан. Норма... ее здесь нет. Было бы неплохо, мистер Мандин, если бы вы приехали сюда. Мне кажется, что ее похитили.

Глава 11

Норвел лежал на ледяной глыбе. И пытался кому-то огромному объяснить, что он очень сожалеет обо всем, что произошло, и что он будет хорошим и послушным сыном, или мужем, или другом, или еще кем-то, кем ему положено быть, пусть только этот кто-то оставит его в покое. Но кто-то огромный, кто не может быть отцом Норвела, ибо Норвел даже не помнил своего отца, только приложил руку ко рту и стал хихикать, и смотреть сверху вниз с верхних ступенек лестницы, а затем, когда Норвел меньше всего этого ожидал, вытянул руку и заехал ему в ухо так, что он покатился по огромной ледяной глыбе прямо к насмешливому лицу Александры и испещренному гигантскими зубами рту Вирджинии...

Норвел проснулся.

Он почти окоченел от холода. Изумленно осмотрелся. Жилая комната. Однако...

Да, жилая комната. Со стен которой исчезли орнаменты и в которую проникал скудный свет снаружи. Все стены стали совершенно прозрачными, он лежал на полу. Кровать, на которой он должен был лежать, свернулась в базовый куб, вышвырнув его на пол. А сам пол был холодным!

Ни обогрева, ни электричества. Дом был отключен.

Он поднялся, не переставая дрожать, и без особых надежд робко подошел к пульту управления. Пульт не работал. Стены остались совершенно прозрачными.

Он понял, что произошло, и выругался сквозь зубы. Паршив-

цы! Без всякого предупреждения все это было отключено, скорее всего, на рассвете, не дав ему даже возможности...

Он устало начал поднимать свою одежду с пола, куда ее выбросил, сложившийся точно так же, как и кровать, гардероб. Сквозь непристойно прозрачные стены, были видны другие дома-пузыри, внутренности которых, разумеется, были скрыты от посторонних глаз, только светились огоньки у входных дверей и лестниц. К тому времени, как он оделся, послышался шум наверху. Вниз по лестнице, стремглав, мчались его жена и дочь в одном белье, требуя, чтобы он что-нибудь сделал.

— Одевайтесь,— скомандовал он и многозначительно отключил свой слуховой аппарат.

Пока они одевались, он бесцельно бродил по квартире. По привычке набрал на пульте шифр кофе и неловко рассмеялся, когда из крана потекла вода. Все пеналы, ящички и шкафчики извергли свое содержимое, и здесь, внизу, и наверху, в спальне. Специальные толкатели повыбрасывали вещи, и дверцы мебели заперлись — для него навсегда. Он некоторое время задумчиво смотрел на разбросанные в беспорядке груды одежды и кухонной утвари, затем стал готовить чемодан.

Пока он занимался упаковкой вещей, в квартиру вошли двое скучающих полицейских — дверь, разумеется, больше уже не была заперта на замок. Он включил слуховой аппарат и спросил у них:

— Ну?

Они сказали, что времени у него сколько угодно. Они никуда не торопятся, лишний час для них ничего не значит. Они вывезут его и его семью вместе со всеми их пожитками в Белли-Рэйв и помогут найти место получше. И, приятель, не принимай все слишком близко к сердцу. Бывают случаи, когда потерявшие статус законтрактованных, мягко говоря, впадают в панику и пытаются, так сказать, наложить на себя руки.

Не обошлось во время переезда и без приятного сюрприза. Когда один из полицейских, стараясь помочь, подхватил чемодан, Александра велела убрать его грязные лапы с... Полицейский влепил ей затрещину и объяснил, что с обитателями Белли-Рэйв они в дискуссию не вступают.

При виде полицейского автомбиля Норвел испытал еще одно потрясение — он был бронированным.

— У вас... у вас много неприятностей в Белли-Рэйв? — поинтересовался он.

— Не...— протянул один из полицейских, настроенный более дружелюбно.— За последнее время только один раз. За шесть месяцев одно нападение на полицейскую машину, да и то всего лишь с пистолетами. Так что не беспокойтесь, все будет о'кей.

И они покинули район Монмаунт ДМЛ В-97. Особых чувств никто из них не проявлял. Норвел был охвачен беспокойством, Александра хоть вся и кипела, но помалкивала. А Вирджиния за все утро не произнесла и двух слов.

Возле въезда на широкую обводную дорогу, окружавшую район домов-пузырей, машина остановилась, и водитель, не выключая мотор, что-то нетерпеливо произнес в микрофон рации. Через некоторое время подкатили еще две полицейские машины, и конвой въехал с дороги городка на растрескавшийся асфальт шоссе, которое вело в Белли-Рэйв. Когда-то дорога, по которой они ехали, была шестиполосной автострадой, по которой утром и вечером проезжало сто тысяч автомобилей жителей пригорода. Теперь они продирались сквозь полуразрушенные дебри из остатков ржавых фонарных столбов, искривившихся остановок и каркасов рекламных щитов.

Они тряслись по этой дряной дороге несколько миль, затем свернули на боковую полосу, которая была в еще худшем состоянии.

Первое, что поразило Норвела — это запах.

Второе было еще хуже. Это было жуткое ощущение того, что тебя предали, возникшее в нем при взгляде на Белли-Рэйв. Можно смириться с чем угодно. Если человек обречен на вечные мучения от рака кишечника или мучительную неизлечимую нищету калеки, без средств и друзей, он может умудриться продолжать жить, и даже в этой жизни находить какие-то маленькие радости. Но если опасности ожесточают его душу, и все, что происходит вокруг него, оказывается в тысячу раз хуже любых самых страшных кошмаров, то иссякают запасы его душевных сил и внутри у него остается одна пустота.

А Белли-Рэйв, его переполненные людьми трущобы, были страшнее любых самых страшных снов, когда-либо мерещившихся Норвелу.

Полицейские машины, взвыв сиренами, обогнули угол и остановились посреди длинного извилистого квартала. Сопровождающие машины остановились позади и впереди, из каждой вышел полицейский. Лениво придерживаясь за рукоятки пистолетов, они стояли по колено в сорняках и мусоре.

— Вот этот, пожалуй, подойдет,— произнес водитель машины, в которой они ехали.— Выходите!

К счастью для Норвела, он ничего не помнил о том, как пожитки их были перенесены в дом под взглядами окруживших их обитателей Белли-Рэйв, равнодушно взиравших на происходящее. Мгновение тому назад он еще сидел в полицейской машине, глядя и не веря своим глазам, на мерзкую конуру, которую ему предложили, а теперь — полицейские машины уехали, он сидит на перевернутом чемодане, а рядом хнычет Александра:

— Норвел, мне нужно что-нибудь поесть, не то я совсем помру...

Вирджиния тяжело вздохнула и поднялась.

— Закрой рот,— спокойно сказала она дочери.— Норвел, помоги мне поднять наверх большой чемодан.

Она отшвырнула ногой мешавшие пройти консервные банки и, не обращая внимания на дочь, направилась к лестнице.

Норвел молча последовал за ней по узким ступеням, древним и многократно ремонтированным, которые прогибались и трещали под их весом. Верхний этаж «мансарда для вашей разросшейся семьи» был весь мокрый, но Вирджиния отыскала местечко, куда не капал начавшийся дождь, и поставила чемодан туда.

— Спускайся и займись остальными вещами,— скомандовала она.— Я хочу переодеться.

Прежде чем они успели разместиться, к ним нагрянули гости.

Сперва прибыли трое мужчин в потрепанных дождевиках.

— Полиция!— сказал один из них, тыча чем-то металлическим в лицо Норвела.— Обычная проверка. Что у вас там есть? Какие-нибудь ценности, спиртные напитки, наркотики? Оружие, которое необходимо зарегистрировать?

— Полиция только что отъехала,— запротестовал было Норвел.

— Это была, приятель, полиция из пузырного города,— пояснил полицейский.— Белли-Рэйв не входит в сферу ее деятельности. Лучше прислушайся к моему совету и не спорь с нами. Ну, так что у тебя там есть такое, что должно подлежать регистрации?

— По-моему, ничего,— неуверенно пожал плечами Норвел.— Если только не считать нашей одежды.

Полицейские решительно направились к сумкам.

— Только одежда? Ни оружия, ни спиртного?

— Вы чертовски правы! Оружие у нас есть!— прозвучал сверху четкий и звонкий голос Вирджинии.— А ну, бездельники, кругом марш и убирайтесь отсюда побыстрее, иначе будет хуже!

Норвел вытаращив глаза, смотрел на старомодный револьвер в руках своей жены.

— Одну минутку, сестренка,— возразил один из «полицейских».

— Вон отсюда!— гаркнула Вирджиния.— Считаю до пяти. Раз, два, три...

Ругаясь, лже-полицейские сочли за лучшее убраться из дома.

Вирджиния присела на ступеньку и передала револьвер Норвелу.

— Держи,— спокойно произнесла она.— И при случае пользуйся. Учти, в Белли-Рэйв нет полиции.

Норвел осторожно поднял револьвер. Он был на удивление тяжелым, гораздо тяжелее, чем он мог себе представить.

— Откуда у тебя эта штука?

— Он всегда был у меня,— уныло ответила Вирджиния.— А раньше, когда Тони был жив, принадлежал ему. Это тебе урок — здесь не прожить без пистолета.

Подошла сияющая Александра.

— Ты была великолепна!— с восторгом выпалила она.— Какие мерзкие скоты! Одному богу известно, что могло бы со мной случиться, будь здесь только один Норвел.

Она попыталась чмокнуть мать в щеку, но та оттолкнула дочь

и смерила ее холодным взглядом, после чего заговорила как-то странно и сухо.

— Больше никакого сюсюкания, девка. С этого момента ты будешь со мной тише воды и ниже травы. И с Норвелом тоже! Здесь мы не позволим никакого вранья, притворства, хитрости или проявления плохого настроения. Научись вести себя как положено, и мой тебе совет — поторопись! Один ложный шаг с твоей стороны — и ты вылетишь отсюда пулей. Я продам тебя.

Лицо Александры исказилось от ужаса.

— Или ты научишься плавать, или утонешь. Ты теперь в Белли-Рэйв, понятно? — бесстрастно продолжала мать.— И не вздумай хотя бы разок забыть об этом. А теперь убирайся отсюда. Если ты не в состоянии украсть что-нибудь и съесть, ходи голодная. Но не возвращайся сюда до самого вечера!

Девочка, онемев, не двигалась с места. Вирджиния взяла ее за плечо и вытолкнула в дверь, которую тут же захлопнула.

Норвел глядел сквозь щель в досках, которыми было забито окно, и увидел, как Александра, плача, потащилась по разбитой дорожке.

— Что ты говорила о какой-то продаже? — нерешительно обратился он к Вирджинии — новой для него Вирджинии.

— То, что слышал. Я продам ее. Это очень легко сделать. Всегда можно найти для ребенка хозяйку, которой она должна помогать в чем-нибудь. Не знаю, каковы сейчас цены, но когда мне было тринадцать лет, я приносила пятьдесят долларов.

— Ты? — волосы у Норвела встали дыбом.

— Я. Не какая-нибудь Вильгельмина Снодграсс или Зенобия Выверботтон. Я! Твоя жена! Кажется, мне повезло, меня продали не в дом, а «шестеркой». Хозяин занимался марихуаной, и я помогала ему завлекать клиентуру. Там я повстречала Тони. А теперь, если нет больше глупых вопросов, помоги мне распаковаться.

У Норвела голова шла кругом. Без всякого стыда или оправданий она уничтожила свою биографию — ту биографию, которую он так старательно составил из «случайных» намеков и признаний в течении многих лет. «Она не хотела рассказывать об этом»... но каким-то образом Норвел чувствовал. Честные работящие родители, скромная бедная жизнь тружеников. Тепло родительских чувств, порожденное необходимостью взаимной поддержки. Изнурительная борьба в течение многих лет — нечто такое, в подробности чего она не вдавалась, но честное и открытое. Знакомство с Тони Эллистоном — обаятельным простолюдином из числа участников Дня Состязаний. Совсем неплохим парнем. Но это не было любовью, Норвел, совсем не то, что у нас...

Ему казалось, что он чертовски проницателен. Из этих разрозненных фрагментов он составил нечто цельное, улыбаясь собственному уму из-за того, что ей-то невдомек, сколь много ему о ней стало известно.

А она, на самом деле, выворачивала карманы покупателей наркотиков, проданная торговцу своими родителями.

Послышался стук в дверь.

— Если эта дрянь вернулась раньше, чем я ей велела...— процедила сквозь зубы Вирджиния, однако тут же вскрикнула, распахнув дверь.

Норвел, к великому своему удивлению, обнаружил, что держит в руке револьвер, направив его в грудь стоящего в дверях верзилы.

Стоящий на пороге дома гость быстро поднял вверх свои огромные ручищи и, улыбаясь, произнес:

— Не стреляйте, мистер. Я человек безвредный. Я знаю, что я не красавчик, но тем не менее вреда никому не причиняю. Я зашел сюда, чтобы помочь вам. Показать вам, где зарегистрироваться и все такое. Меня зовут Шеп. Я с вами без обмана. Покажу вам лучшие места, где можно раздобыть дрова, просвящу относительно здешних банд. Я прослышал, что у вас есть девушка. Вы можете ее продать. И я посоветую вам, какую взять цену. Вы захотите заняться каким-нибудь бизнесом? Я познакомлю вас с нужными людьми, и они помогут вам с конопляными семенами. Если у вас есть настоящие деньги, я сведу вас с поставщиками сахара и с теми, кто может сдать в аренду отличный самогонный аппарат. Я всего лишь Шеп, мистер. Я просто стараюсь для других.

— Не своди с него пистолет, Норви,— приказала Вирджиния.— А ты, Шеп, заходи и присаживайся. Итак, что тебе нужно?

— Немного подзаработать,— признался верзила, улыбаясь, как ребенок.— Лучше всего наличные. Я просто с ума схожу — такой дождь. Смывает всю краску. А она стоит недешево, особенно хороший лак.

— Вы маляр?— глупо спросил Норвел, опуская пистолет.

— И маляр тоже. За пятьдесят долларов я могу достать все, что нужно для работы. Только проблема, как раздобыть эти полсотни.

С таким телосложением можно раздобыть все, что угодно.

Шеп, как бы извиняясь, пожал плечами.

— Не таким способом, как вы думаете, никакой грубости. Во всяком случае с тех пор, как я стал маляром. Нельзя быть полудевственницей. Теперь я выполняю поручения.

Он опустил руки, глядя на них из-под низко нависших бровей неандертальца.

— Так за что браться? Пока дождь не кончится, я готов поднять цену вашей полусотни.

Вирджиния, казалось, приняла решение.

— Норвел, дай ему пятьдесят долларов.

Норвел метнул в сторону жены испуганный взгляд. После такой выплаты у них останется всего восемнадцать долларов и шестьдесят пять центов. Она улыбнулась и пренебрежительно произнесла:

— Не беспокойся. Он не удерет. В Белли-Рэйв нигде надолго не спрячешься.

Затем обернулась к Шепу:

— Отработаешь. Неделя напряженной работы, понятно? Дворовый туалет, наверное, полон до краев. Похоже, дымоход завалился. Нам также нужны дрова. Всюду нужен ремонт. Кроме того, мой муж здесь никого не знает, даже не знает, как себя вести, и может нарваться на неприятности. Присмотришь за ним?

— За полсотни? Разумеется! — просиял Шеп. — За девчонкой тоже присмотреть?

— Нет! — отрывисто бросила Вирджиния.

— Ваше дело, — кивнул верзила. — Но ей будет здесь ой как не сладко. Можно получить деньги сейчас? Все необходимое я достану за два-три дня.

Норвел отсчитал пятьдесят долларов и отдал Шепу.

— О'кей! — верзила был явно доволен. — Теперь регистрация. А по дороге все, что мне понадобиться.

Они направились под проливным дождем к полуразрушенному зданию, которое охранял похожий на крысу мальчишка лет двенадцати. Шеп что-то прошептал ему на ухо, и мальчишка подняв голову, громко свистнул.

Норвел вытаращил глаза. Дети! Повсюду. Появившиеся из-под земли. Все с крысиными лицами, они появлялись так тихо и неожиданно, словно падали с неба вместе с дождевыми каплями.

— Черти объединились с гренадерами Геринга. По всему Вест-Сайду пьянка будет до упаду, — начала говорить дикая на вид девчонка лет тринадцати.

— Я спешу, Дана. Ты можешь достать материалы или нет?

— Кто сказал «нет», ты или я? Я сказала, что для этого нужна выпивка. А ну, братцы кролики, инспекторский рейд!

Глаза детей вспыхнули. Норвел пытался понять, что она имела в виду.

— Ладно, ладно, — проворчал Шеп и отдал Дане пятьдесят долларов.

Девчонка тихо свистнула, и дети исчезли так же незаметно, как и появились.

Норвел был переполнен вопросами, и пока они тащились по лужам, его так и подмывало подать голос. Но он уже многому научился здесь.

Жилищный уполномоченный жил в ничем не примечательном, к удивлению Норвела, доме. Он считал, что чиновнику, ответственному за выдачу разрешений на жительство тысяч людей, положено жить в ДМЛ-доме. Во всяком случае, его должность давала ему такую возможность. По всему Белли-Рэйв было разбросано только двадцать таких уполномоченных.

Их уполномоченный оказался угрюмым старикашкой, который стал монотонно бубнить Норвелу:

— Никогда не расставайтесь со своими карточками. Потрудитесь внушить это так же жене и девчонке. Оформление дубликатов карточек требует немалого труда, и вы, возможно, изрядно про-

голодаетесь за ту неделю, которую будете их дожидаться, если их потеряете. Как глава семьи вы получаете тройной паек, еще один отдельный паек — вашей жене. Ваша дочь ест много?

Норвелу казалось, что так оно и есть, и он неопределенно кивнул.

— Ну, что ж, тогда мы дадим ей взрослый паек. Видит небо, в еде у нас недостатка нет. Посмотрим, когда вам надо отмечаться. Ага, по средам, между тремя и пятью. Очень важно придерживаться назначенного времени, иначе здесь иногда бывает немалая сутолока, а иногда — никого. Все ясно? За карточками лучше всего приходить группой. Шеп может вам рассказать, почему. Это избавляет от... неприятностей. А мы не хотим, чтобы здесь возникли неприятности.— Он сурово обвел их взором и торжественно добавил: — Пожалуйста, не добавляйте мне хлопот в моем микрорайоне. Есть еще ТВ, не так ли?

Он заглянул в список, бормоча что-то себе под нос.

— Так вот, ваши карточки дают вам и вашей семье право занимать места на открытой трибуне на всех матчах и Днях Состязаний.— Эти слова разрывали сердце Норвела. Все остальное стало как в тумане.— Бесплатный проезд, разумеется. Надеюсь, вы этим будете пользоваться. Какой смысл сидеть дома с грустными мыслями, когда двери всегда открыты...

— И это все, что он может сделать для нас и всех остальных?— спросил Норвел у Шепа.

Шеп вопросительно посмотрел на него.

— А разве есть что-то еще, что можно для нас сделать? Давайка не будем мудрствовать, а лучше поищем дрова.

Глава 12

Само по себе исчезновение было абсолютным. Мандин перепробовал все. Нормы Лавин не было. После звонка Райана след ее потерялся.

Сначала, разумеется, Мандин обратился в полицию и когда рассказал там, что Норма Лавин проживает в Белли-Рэйв, полицейские едва сдержались, чтобы не рассмеяться ему прямо в лицо.

— Послушайте, мистер,— любезно пояснил сержант, занимавшийся исчезнувшими людьми.— Одно дело — люди. Белли-Рэйверы — это совсем другое. Разве они числятся в списках налогоплательщиков? У них нет такой привилегии. Так что же мы можем сделать в таком случае? Мы можем разыскать пропавших без вести лиц, безусловно, можем, но эта девушка «лицом» как таковым не является. Она — Белли-Рэйвер.— Сержант философски пожал плечами.— Может быть, ей просто взбрело в голову рвануть оттуда. Может быть, она подвернула ногу и свалилась в канаву или в канализационный люк. Все возможно. Только каким образом нам это распознать?

И все же, на всякий случай, сержант любезно записал фамилию Чарльза Мандина.

Мандин, тоже на всякий случай, приобрел пистолет и начал на свой страх и риск наводить справки в Белли-Рэйв. Множество людей видели Норму и ее древний кадиллак в день исчезновения. Но не после этого.

В течение целой недели Мандин совершал регулярные поездки к дому Лавиных, нагрузившись различными продуктами. Он также обнаружил, что Райан выкачивает из него наличные для потворствования своей привычке.

Без сестры Дон Лавин погрузился в некое подобие кататонии. Райан, иногда хладнокровный и самоуверенный (наполнив свой желудок опиумом), иногда сотрясаемый рыданиями, умолял Мандина сделать хоть что-нибудь. Мандин вызвал врача.

Врач нанес один визит, во время которого Дон Лавин, обуянный какой-то вспыхнувшей в нем гордостью, добродушно и остроумно подшучивал над врачом. Врач ушел, бросив негодующий взгляд на Мандина, а Дон снова впал в свою сумеречную печаль.

— Так вот, Райан,— с горечью произнес Мандин.— Что теперь?

Райан вытряхнул последнюю таблетку из жестянки, проглотил ее и сказал Мандину, что теперь.

И Мандин обнаружил, что звонит Вильяму Чоуту IV-му.

Кабинет бедняги Вилли был чуть поменьше взлетного поля. Он, как спринтер, молнией пересек всю его протяженность, чтобы заключить в объятия старину Чарльза.

— Я так рад, что ты пришел,— захлебывался он,— навестить меня. Меня только-только сюда посадили, после того, как умер старик Стерлинг. Это, понимаешь, был его кабинет. Так что, когда умер, посадили сюда...

— Понятно,— дружелюбно произнес Мандин,— сюда посадили тебя.

— Точно. Так вот, Чарльз, как насчет того, чтобы пообедать вместе?

— Может быть. Вилли, мне нужна некоторая помощь.

Вилли с упреком во взоре посмотрел на Чарльза.

— Я надеюсь, Чарльз, это не касается моей работы? Дружище, ты не представляешь, какое гнусное место здесь у меня.

— Ну, что ж, подумал Мандин, руководители фирмы преуспели в том, чтобы вбить одну-единственную мысль в его голову. Две было бы уже чересчур.

— Нет,— сказал он,— я хотел бы только посоветоваться с тобой. Мне нужно узнать, когда и где должно состояться собрание акционеров «ДМЛ-Хоуз».

— Не знаю,— блаженно улыбаясь, ответил Вилли.— Ведь об этом должна быть публикация. Ну, хотя бы в газете.

— Да, об этом должно быть объявление в газете, Вилли. Весь фокус в том, чтобы выяснить, в какой именно газете. По стране их, возможно, около пятидесяти тысяч, а закон просто гласит, что

должно быть объявление в одной — и при том не обязательно на английском языке.

Взгляд Вилли стал печальным.

— Я говорю только по-английски, Чарли,— застенчиво признался он.

— Я знаю, Вилли. Не мог бы ты обратиться в отдел Исследований Периодики вашей фирмы?

Вилли энергично закивал.

— Разумеется, Чарльз. Все, что угодно. Всегда рад услужить тебе.

Вилли без уверенности в голове спросил, по интеркому, есть ли вообще в фирме отдел Исследований Периодики, и когда получил утвердительный ответ, попросил связать его с этим отделом. Через полчаса, после многочисленных уточнений и запросов, какой-то компьютер прокряхтел, что объявление о собрании акционеров «ДМЛ-Хоуз» напечатано в газете, издающейся в калифорнийском городишке Ломпок, и что само собрание назначено на послезавтра в комнате 2003 административного центра города Морристаун, штат Лонг-Айленд.

— Вот так как! — удивленно произнес Вилли.— Похоже, они не слишком хотят, чтобы это собрание посетило много народа.

На следующее утро Мандин ждал, когда прозвенит звонок, возвещающий о начале работы Нью-Йоркской биржи, у двухдолларового билетного окошка.

Он нервно рассматривал скомканный листок с инструкциями Райана, такой же вспотевший и нетерпеливый, как и кипящая страстями толпа биржевиков, толкавшихся вокруг него, но по совсем иным причинам.

Инструкции Райана были точными и полными, за исключением одного — в них ничего не говорилось о том, как раздобыть две тысячи долларов, которые должны были сделать их эффективными. Мандин тихо выругался про себя, пожал плечами и быстро нажал номер 145. Медеплавильная корпорация «Анаконда Коппер». Мандин бросил в щель свой жетон, нажал рычаг и оторвал квитанцию. Возле 19999 других окошек этого гигантского зала точно то же самое проделали 19999 других вкладчиков. А снаружи, на многокрасочной улице, десять тысяч опоздавших гудели, как потревоженный улей, дожидаясь своей очереди.

Рынок заработал.

На многогранном табло в центре зала, вспыхнули на мгновение и погасли тысячи огоньков. Затем зажглись неподвижные надписи. Начали работать компьютеры, освещавшие состояние дел на бирже.

Мандин навел бинокль на сто сорок пятую строку, но удержать ее в поле зрения было очень трудно — так дрожали его руки.

Прозвенел звонок, и на 145 строке зажглось: плюс три пункта.

Огромный зал задрожал от гула, в котором непристойное трехсловное восклицание Мандина было лишь одной двадцати-

тысячной частью. Паршивых двадцать шесть процентов выручки, простонал он. Ради них не стоило даже спешить к окошку выдачи.

Проходивший мимо маклер с засаленным значком члена биржи на лацкане произнес:

— Эге, приятель, интересуешься металлами.

— Не ваше дело,— огрызнулся Мандин.— У него не было времени якшаться с мошенниками, предлагавшими залежавшийся товар. Он провел биноклем по табло, пытаясь разобраться, как начался день на бирже.

Услужливый служащий дисплей подсказывал ему, что акции обрабатывающей промышленности в среднем упали на четыре пункта. Металлургия поднялась на три, химия — на семь.

Мандин стал прикидывать в уме. Это означало, что вкладчики будут воздерживаться от вкладов в химию, так как прикинут, что из-за повышения акций химических фирм туда потянется большинство — за исключением тех вкладчиков, которые будут ставить на химию, так как, по их прикидке, все отшатнутся от химии, посчитав, что все будут ставить на химию из-за повышения акций.

Тридцатисекундный предупредительный звонок!

— Приятель,— не унимался маклер,— следи за металлами!

— Убирайтесь к черту! — хрипло выругался Мандин. Трясущимися пальцами он снова нажал кнопку «Анаконды», купил три квитанции, обругал себя за это и стал ждать.

Когда, наконец, раздался оглушительный стон, он открыл глаза и направил бинокль на табло.

145: плюс пятнадцать пунктов.

— Не забыл того, кто это говорил? — послышался голос маклера.

Мандин протянул ему доллар. Ему еще понадобятся, в конце концов, руки.

— Спасибо, дружище,— кивнул маклер.— Ты поступаешь умно. Только гляди, не отступай. Пока что. Я скажу, когда. Это — утренняя толпа — сегодня вторник. Это не безумная истерическая толпа, заполнявшая биржу утром в понедельник, которая торопиться и быстро остается с пустыми карманами. Смотри сам. Это все мелкие людишки, взявшие отгулы. Они думают, что поступают умно. Я гляжу на них вот уже двадцать лет. Не разбрасывайся.

Чарльз не разбрасывался.

Не иссякал ручеек долларов, которым он подпитывал маклера — тому либо везло в этот день, либо на него нашло гениальное прозрение. К полудню у Чарльза было богатое собрание квитанций на различные металлы, которые стоили наличными 408 долларов.

— Вот теперь,— хрипло произнес маклер. Он одолжил у Чарльза бинокль, в который рассматривал толпу.— Видишь? Некоторые уходят. Другие разворачивают бутерброды. Теперь они уже не такие умные, многие начинают переоценивать себя. Я наблюдаю за ними вот уже двадцать лет. Сейчас они начнут делать глу-

пые, очевидные поступки, потому что проголодались, а голодный не может быть умным. Я это ощущаю, мистер, так, как никогда не чувствовал раньше. Продавай, по двадцать сразу. Боже, жаль что у меня нет смелости предложить все тридцать.

Через две минуты он уже хлопал Чарльза по спине и вопил:

— Мы сделали это, приятель! Мы добились своего! Мы сделали это!

Металлы упали в цене — на 38 пунктов. Чарльз, теперь уж совершенно хладнокровно, дал ему пять долларов. Первый шаг в соответствии с инструкциями Райана — привыкнуть к правилам игры на бирже — он теперь сделал. Теперь очередь делать крупную ставку.

Он набрал пятьсот долларов.

— Назови мне победителя,— сказал он маклеру.

Тот открыл от удивления рот.

— Я должен сорвать куш,— пояснил Мандин.— Я и без того потратил уже слишком много времени. Видишь ли, я тороплюсь.

— Твердое топливо должно подняться в цене,— заикаясь пробормотал Маклер.— Только, друг, ставь на 250. Одну ставку на твердое топливо, на...— он стал шарить биноклем по табло.— Консервы пока что целый день сегодня не движутся. Застой. По вторникам толпа мало ими интересуется, но после падения металлов...— подумав, он неспешно произнес: — Скупай твердое топливо и консервы.

К двум часам дня Чарльз уже имел наличными 2200 долларов, а карманы маклера оттопыривались от мелочи.

— Так вот,— неожиданно произнес Чарльз,— мне нужна одна акция ДМЛ.

Маклер вытаращил на него глаза.

— Старушку 383? Нет, это невозможно!

— Мне нужно!

Маклер покачал головой и стал увещевать Мандина:

— Дружище, ты ничего не понимаешь. Ты здесь новичок, а я уже двадцать лет. Понимаешь ли, у них здесь есть один вкладчик. Целый день он только и гоняет 383. Я хорошо с ним знаком. Он вон там, на третьем ярусе, во втором ряду. Так же, как и «Стил Корпорейшен», они делают все, чтобы их акции не продавались.

— Мне нужна одна,— упрямо повторил Мандин.

— Приятель, неужели тебе мало для одного дня? Пойдем отсюда, замочим выигрыш. Я ставлю. Не трогай сильных мира сего, они крепко бьют за это. Попробуй только раздобыть одну акцию ДМЛ — и тут же получишь по зубам. У такой фирмы неограниченные возможности. Понимаешь — неограниченные возможности!!! Этот парень, который на них работает, каждый раз ставит десять тысяч долларов. Если тебе взбредет его переплюнуть, то ставь десять тысяч, и ты, безусловно, получишь акцию. А что дальше? Он перестанет, может быть, скупать. Подождет немного, может быть. Но рано или поздно он сделает так, что тебя разда-

вят. Ты выкинешь на ветер свои деньги. Не с твоими возможностями тягаться с ними, парень.

— Каков номинал одной акции ДМЛ? — спокойно спросил Мандин.

— Две тысячи. Но ты не сможешь предъявить какие-либо претензии, разве я не объяснял тебе? Он еще больше набьет цену, и ты будешь в прогаре. Понятно?

Чарльз принялся убеждать маклера сделать то, что предложил Райан. В течении двух биржевых операций Чарльз умолял его, угрожал и подкупал.

В конце концов, маклер, весь трясясь и спотыкаясь, направился на третий ярус. Мандин следил за ним в бинокль.

Все шло как по маслу. Мандин видел, как они поздоровались, молчаливо обменялись тычками, затем началась ссора, которая с каждой секундой разгоралась все жарче. Подставной вкладчик ДМЛ был невысоким тучным старичком. Маклер тоже был невелик, но худощав и очень жилист.

Потасовка началась, как только зазвенел тридцатисекундный предупредительный звонок. Мандин оторвал взор от драчунов и впервые за весь день освободившегося окошка вкладчика и, бросив в щель два двухсотпятидесятидолларовых жетона, набрал номер 383.

Одна заявка без предложений, по законам, заложенным в программы компьютеров, обслуживающих Нью-Йоркское отделение фондовой биржи, не представляет собой сделку. Как и на протяжении всего дня, табло гласило: «383 — без изменений».

Одна заявка. Предложений не было. Это означало быструю выручку — разность между заявкой и номинальной стоимостью. Соседний с Чарльзом вкладчик, поглядев на Чарльза с уважением, произнес:

— Ставишь на химию, приятель?

Мандин не обратил на него внимания. Он покинул свой киоск и на эскалаторе направился к окну выдачи, обозначенному табличкой: «Промышленность — 1000 долларов и выше».

— Две тысячи долларов,— скучающе произнес клерк, проверяя квитанции по миниатюрной копии большого табло и отметив надпись «без изменений», начал отсчитывать сотенные купюры.

— Я претендую на акцию,— произнес Мандин, не разжимая губ.

— О'кей, мистер.— Внезапно клерк спохватился.— Старушка 383? Как вам это удалось, мистер?

— Я претендую на акцию,— упрямо настаивал Чарльз.— По номинальной стоимости две тысячи долларов. Валяйте.

Клерк пожал плечами и набрал на своей клавиатуре заказ. Мгновением позже из щели на пульте выпала акция «ДМЛ-Хоуз». Клерк вписал в нее фамилию и адрес Чарльза и зарегистрировал номер.

— Вы передадите сообщение об этом в правление компании немедленно? — поинтересовался адвокат.

— Это делается автоматически. Все сведения тотчас же по каналам связи передаются в их главный компьютер. И все-таки, мистер, как вам это удалось...

Уж слишком он был любезен — и тут Чарльз увидел в его ухе маленький персональный передачик. Весьма возможно, клерк умышленно задерживал его.

Чарльз опрометью бросился в толпу и через несколько секунд совершенно затерялся в ней.

Два кона начатой игры выиграны, отметил про себя Мандин, направляясь в Белли-Рэйв. Дважды фортуна улыбнулась ему, и теперь у него на руках была акция «ДМЛ-Хоуз», что давало ему право заседать на ежегодном собрании акционеров фирмы.

Только теперь начнется подлинная игра.

Мандин подозвал такси. Позади него возникла какая-то суматоха, но такси подъехало так быстро, что Мандин успел заметить только мельком, что прямо среди белого дня трое рослых мужчин обрабатывали невысокого жилистого человека с засаленным значком на лоцкане.

Не трогай сильных мира сего, они крепко бьют за это.

Глава 13

— Скоро полдень,— сказал Шеп.— Давайте найдем ресторан.

— Ресторан?— хихикнул Норви Блай, следовавший за Шепом по грязной, усеянной мусором улице. За неделю, как он считал, он уже узнал многое о Белли-Рэйв благодаря опеке Шепа. Но он ни разу за это время не видел стеклянных просторных фасадов, увенчаных неоновыми рекламами.

Место, куда привел его Шеп, оказалось просто еще одним привычным для Белли-Рэйв домом. Из гостиной выползла тяжело дышащая старая карга. В очаге горел огонь, и в почерневшем казане булькала вода. И это ресторан?

Шеп вынул из кармана пару пайков. Казалось, у него всегда их было не менее десятка. Получить их не составляло никакого труда — нужно было просто заявить, что у тебя имеется десяток иждивенцев, и уполномоченный бесстрастно выпишет хоть 273 пайка в неделю. Чтобы они стали твоими, их нужно просто поднять. Чего-чего, но еды было вдоволь.

И сколько угодно зрелищ!

Шеп ногтем большого пальца раскрыл пакет — пластмассовую коробку размером два на три и на шесть дюймов. То же, но неуклюже, проделал Норвел. Посыпалось содержимое. Один из предметов — неаппетитный на вид брусок, похожий на обернутую в полиэтилен щепку — Шеп швырнул старухе.

Она поймала его и тут же начала грызть, словно была отчаянно голодна.

— Дела идут неважно?— поинтересовался Шеп с некоторым презрением в голосе.

В ответ она только сверкнула глазами. Зачерпнув воды из казана ржавой консервной банкой, она плеснула ее в пластмассовую коробку для пайка. Шеп вскрыл небольшой конверт и высыпал темный порошок в воду.

Кофе! Волшебный запах тотчас же вызвал у Норвела волчий аппетит. Он отдал старухе такой же брусок из своего пайка, получил положенную ему порцию воды, приготовил кофе и с жадностью стал обследовать другие предметы, высыпанные из коробки.

Бисквиты. Банка мясного паштета. Кубик прессованных овощей. Конфеты. Сигареты. С таким сочетанием продуктов питания ему еще не приходилось встречаться. Мясной паштет был пересолен и сильно приправлен специями, но неплох на вкус.

Шеп не без удивления следил, как Норвел жадно поглощал пищу. Затем тяжело вздохнул:

— Когда каждый набор попробуешь десять тысяч раз... Нет, лучше не портить вам настроение.

Выйдя наружу, Норвел спросил о занятии старухи.

— Она получает положенные ей пайки и обменивает их на дрова,— пояснил Шеп.— Дрова она использует для подогрева воды, нужной для приготовления чая, бульона и чего-то там еще. Воду она обменивает на пайки. Она все надеется, что когда-нибудь она останется с прибылью. Но такое просто невозможно.

— Почему?

Шеп усмехнулся.

— Не обижайся, но вы, Блай, здесь человек совершенно новый. Почему она занимается таким промыслом? Да потому, что она при этом ощущает себя человеком!

— Но ведь...

— Да, да. Это вызывает у нее ощущение, что она хозяйка своей судьбы, душа у нее спокойна. Очень трудно умереть с голоду в Белли-Рэйв, но в такую неделю, когда дела у нее идут плохо, она близка к этому. Она думает, что она Рокфеллер или Хант в миниатюре. Рискует своим капиталом в надежде на барыш. Так, пожалуй, оно и есть! Что, если она потерпит поражение? Главное в том, что она чем-то занята, а не сидит просто сложа руки и потребляет свой паек. Вам знакомо такое понятие, как ад?

Норвел кивнул. Подобно практически всем другим он принадлежал к реформисткой Рационалистической церкви Изначальных ценностей, но об аде нередко упоминалось в проповедях.

— Так вот, если был прав тот, кто сказал, что ад — это бесконечный праздник, то вот он здесь, перед вами, мистер. Это Белли-Рэйв.

Норвел снова кивнул. В этом был смысл. Он теперь понимал, что это было неоспоримо, неопровержимо доказано, после того, как попробуешь каждое меню десять тысяч раз. Старуха готова на что угодно, лишь бы рассеять это ощущение. Старуха без особых талантов, которой не на что надеяться. Любой, кто в состоянии что-нибудь сделать, все, что угодно, будет пытаться предпринимать здесь что-нибудь. Хоть что-нибудь...

Это дало Норвелу ключ к загадке по имени Шеп.

— Значит у нее есть ресторан,— понимающе произнес Норвел.— А у вас — ваше ремесло, и...

Гигант обернулся к нему, схватил его за лацканы и тряхнул, как котенка.

— Вошь ты мелкая! — прорычал он сквозь зубы, трясясь от гнева.— Подонок! Ну что ты знаешь? Послушай, вошь! Если ты хоть раз еще обмолвишься или намекнешь, или даже подумаешь о том, что я занимаюсь пустяками только для того, чтобы убить время, я разорву тебя на куски! — он с такой силой стукнул Норвела о мостовую, что тот согнулся в три погибели от боли. После этого Шеп с высоты своего роста гневно уставился на него.

Неизвестно почему, но Норвел совсем не испугался. В этот момент он интуитивно осознал, что брякнул нечто непроизносимое и тем самым нанес оскорбление этому человеку.

— Извините меня, Шеп,— проговорил он совершенно искренне.

Колени у него тряслись, а сердце стучало. Но это были только последствия избытка адреналина. Умом он ясно понимал, что испытанные муки вызвали в этом вообще-то добром верзиле такую ярость — муки непрестанных, безжалостных, ноющих сомнений в самом себе. Когда досуг принудителен, разве можно хоть намеком осуждать даже совершенно пустой труд? Никак нельзя! Потомки могут себе это позволить. Но только потомки. Нет ничего хуже, когда человек теряет веру в себя.

— Я никогда больше не посмею сказать такое. Я даже думать об этом не буду. И не потому, что вы меня застращали, а потому, что понимаю, что это неверно.— Он на мгновение запнулся.— Раньше я считал себя чем-то вроде артиста. Я понимаю, что выпало на вашу долю.

— Блай,— проворчал Шеп,— вы только начинаете понимать, что выпало вам. Извините, что я вышел из себя.

— Забудем об этом.

Они двинулись дальше. Через некоторое время Шеп первым нарушил молчание.

— Вот здесь можно кое-что раздобыть.

Место было точно таким же, как и остальные, с заколоченным досками фасадным окном, разрушенной дымовой трубой, однако двор был обнесен забором. На воротах висел замок. Шеп ударил ногой по створкам, сорвав их с петель.

— Эй, Стирис!

Стирис оказался угрюмым седым мужчиной. Он пробирался к ним между штабелями пластиковых листов, труб и разных строительных материалов.

— Привет, Шеп,— коротко буркнул он.— Что тебе нужно?

— Я не взял с собой записную книжку, но и так все помню. Ты забрал себе стройматериалы, которые несколько моих друзей совершенно законно приобрели на черном рынке. Возвращай их. И с процентами!

— Ты думаешь, если у тебя есть покровитель, то можно себе что угодно позволять? — произнес Стирис скрипучим голосом.— Будь у тебя немного ума, ты бы лучше был со мной заодно.

— Я ни на кого не работаю, Стирис. Я делаю одолжение своим друзьям, они делают одолжения мне. Пошевели-ка свою бригаду, Титан Индустрии.

Шеп, такой быстрый, как молния, когда дело касалось его репутации, был достаточно бесчувственным к репутациям других. Но результат был таким же.

Лицо Стириса исказилось от ярости, и Норвел знал, что за этим последует — если только он сам будет мешкать.

— Стирис! — завопил он и, воспользовавшись минутным замешательством, вытащил пистолет, с которым велела не расставаться Вирджиния. Стирис медленно и неохотно опустил сжатые в кулаки руки.

Шеп бросил в сторону Норвела взгляд одобрения.

— Подавай сюда свою бригаду, Стирис! — скомандовал он.

Стирис, не сводя глаз с револьвера в руке Норвела, крикнул:

— Крис! Вилли! Тащите тележку!

Один подросток тащил двухколесную тележку, впрягшись в оглобли, а другой толкал ее сзади.

Заставив Стириса идти вперед, Шеп давал ему распоряжения брать тот или иной предмет или строительный материал и грузить на тачку. Затем сверху положили ржавую кирку и лопату, и он велел Крису и Вилли:

— Вперед ребята! Здесь недалеко!

Норвел не прятал револьвер в карман до тех пор, пока три квартала не отделили их от злобного взгляда Стириса, брошенного им вдогонку.

По дороге к дому Норвела они сделали две остановки. На каждой из них выгружалась некоторая часть материала под благодарственный плач выглядевших трезво обитателей, которые полагали, что эти материалы пропали безвозвратно, а вместе с ними — месяцы накопительства, игр и хитрых уловок, которые дали им возможность приобрести их.

Норвел, глядя на пыхтящих подростков, робко заметил:

— Может быть, поможем тащить тележку?

— Нет. Наше дело — сопровождать.

Без особых осложнений мальчики подкатили тележку к двери дома Норвела и разгрузили дрова и строительные материалы, сложив их на драной подстилке, покрывавшей пол залитой дождем гостиной.

Вирджиния оценивающе осмотрела аккуратные груды материала, взвесила их в уме и начала прикидывать.

— Ни толя, ни линолиума, ничего вроде этого?

Шеп расхохотался.

— И бриллианты в придачу? Вы думаете, что только у вас одних протекает крыша? Вам еще повезло — у вас два этажа. Пусть наверху мокро, зато здесь, внизу, вполне нормально.

— Хватит трепаться! Не сумели раздобыть толь или рубероид, то попробуйте найти хотя бы что-то другое на крышу. Может быть, листовую жесть.

— Может быть, крышу ДМЛ-дома? — ехидно заметил Шеп, но сделал себе пометку. Затем швырнул пару пайков поджидавшим подросткам, которые подхватили их и стали откатывать тачку.

— Что еще? — спросил Шеп.

Вирджиния неожиданно превратилась в любезную хозяйку.

— О, пожалуй, все. Хотите выпить?

Норвел из вежливости пригубил чуть-чуть из бутылки, которую достала Вирджиния. Это пойло она называла «пайковым». Она его выменяла за дрова у глядевшего исподлобья старика-соседа. Норвелу оно не нравилось. Вкус у этого «пайкового» был точно такой же, как у жевательных фруктовых плиток, которые ему очень нравились до тех пор, пока он не стал их обнаруживать почти в каждом пайке. Вкус этот, однако, перекрывался горечью сорокаградусного спирта. Что ему всегда нравилось, так это пиво. Но пива, похоже, в Белли-Рэйв не было совершенно.

Шеп и Вирджиния разговорились. Норвел пропускал их слова мимо ушей. Он устал как собака. Физическая усталость была чем-то новым для него. Он никогда не ощущал ее ни в детстве, ни когда работал в «Дженерал Рикрейшенз».

Почему это пустой работе сопутствует физический труд, а по-настоящему творческая, производительная работа — например, подготовка Дня Состязаний — связана только с умственной работой? В душе Норвел признался — его образ мышления все больше определялся жизнью в Белли-Рэйв. Как и его другие, павшие духом, потерявшие надежду обитатели, он жил сегодняшним днем, не думая о завтрашнем. Паек и место, где переспать. Возможно, пройдет совсем немного времени, отметил он про себя, когда он станет только подобием человека, стоящим в очереди возле стадиона «Монмаунт».

Если только он не отыщет для себя какое-нибудь дело. Но чем здесь можно заняться? Работой по дому? Самое существенное уже сделано — с окон сняты доски, мусор вывезен на улицу, где пополнил груды мусора, валявшегося беспорядочно вдоль дороги. Менее неотложные работы нечего и начинать. Небольшую течь в крыше все равно не устранить — нет смолы, нет материалов, нет инструментов для починки лестницы. И нет навыков, умения.

Вдруг он возбужденно воскликнул:

— Вирджиния! Может быть, разобьем сад? Несколько фруктовых деревьев — хотя бы апельсиновых. Несколько рядов...

Вирджиния расхохоталась, и долго не могла успокоиться. Даже Шеп не удержался от хохота.

— Апельсины, мой дорогой муженек, здесь не растут. Здесь вообще ничего не станет расти. Попробуй здесь копать — сначала больше полуметра мусора и черепков, затем столько же золы

и цемента. Только после этого начнется настоящая почва. Но и в этом случае почти повсюду песок.

Норвел тяжело вздохнул.

— Но какое-нибудь занятие должно быть непременно.

— Можно покрасить хлам во дворе,— предложил Шеп.— Если есть желание выделиться. Я знаю, где можно достать краску.

— Красить? А почему бы и нет?— произнес Норвел.— Почему бы не привести дом в такое состояние, чтобы он выглядел пристойно?

Шеп пожал плечами.

— Как сказать. Если хотите заняться каким-нибудь бизнесом, то краска — неплохая реклама. Если же вы делаете это просто для того, чтобы отвлечься, тогда реклама ни к чему. Наоборот, вы будете выглядеть подозрительно, у людей могут возникнуть относительно вас кое-какие мысли.

— Вы имеете в виду грабителей? — обескураживающе спросил Норвел.

Вирджиния протянула руку к «пайковому».

— Бред! — воскликнула она и сделала затяжной глоток.— Красить не будем!

Наступило молчание. В ДМЛ-доме, напомнил себе Норвел, Вирджиния никогда не давала поводов для сомнений — сомнений в отношении того, кто был боссом, но она редко демонстрировала свою власть над ним в присутствии посторонних.

Но они уже не жили в доме-пузыре.

Мне не хватает Арни, всплакнул про себя Норвел, неожиданно ощутив себя полным невеждой. Все шло вкривь и вкось.

Он потянулся к «пайковому». Оно казалось ему совершенно мерзким, но тем не менее он сделал еще один глоток. Как в тумане, до него дошли слова Шепа:

— ... не так уж плохо сегодня. Разумеется, со стариком справиться было нелегко, и если бы Норвел не направил на него дуло пистолета, не думаю, что смог бы так легко отобрать у него наворованное.

Вирджиния с одобрением посмотрела на мужа. Но вслух сказала только:

— Хорошенько следи за этим револьвером. Сегодня днем Александра пыталась тайком утащить кухонный нож.

— Что? — поразился Норвел.

— То, что слышал! А затем чуть ли сцену на закатила,— с едва скрываемым восхищением продолжала говорить мать.— Она связалась с Гренадерами Геринга, а те, похоже, запасаются ножами и пистолетами. Им, видимо, Братцы-Кролики уже становятся поперек горла со своими бутылками с отбитыми донышками.

Норвел сделал еще один глоток «пайкового».

— Ей это так необходимо? Почему?

— Если хочет остаться в живых, должна подлаживаться под остальных,— грустно пояснил Шеп.— Смотрите правде в глаза,

Норви. Это Белли-Рэйв. Это не школа, которую можно закончить. Это бесконечный День Состязаний, только без всяких правил.

Вот теперь речь зашла о чем-то таком, о чем ему хоть что-то было известно, подумал Блай.

— Вы примете участие в Дне Состязаний? — живо спросил он.

— Не-е-е. Только пособие.

— О, вам бы следовало, Шеп. Вот где настоящие деньги. И это не так уж и опасно, если подходить с умом. Вот хотя бы, например, быть копьеносцем в «Инферно Спиллейна». Совершенно безопасно. Из своего собственного опыта могу сказать...

— Дрянь все это, Блай,— произнес Шеп немного нервно.— Больше я не стану этого делать. Раньше принимал участие. Тыкал бедняг-недотеп, которые падали с высоко натянутой проволоки прежде, чем могли добраться до блондинки. Да и сам я залазил на проволоку тоже. Один раз.— Он потянулся к «пайковому».— Она не попала в меня, выстрелив семь раз. Я раздробил ей бедро своим первым же выстрелом. А затем бросил свой пистолет.— Он сделал огромный глоток.— Меня за это освистали, и прогнали... Я не получил положенной убийце премии. Я даже не получил частичной премии за попадание в живот или плечо. Я не хотел этого. Все, чего я добивался, это получить кисти, холсты, карандаши и краски. Живопись — моя страсть. Я получил все это, Блай, и обнаружилось, что я не могу всем этим воспользоваться. В течение гнусных шести месяцев единственное, что я был в состоянии рисовать, это ее лицо, когда моя пуля вонзилась ей в бедро и она поняла, что сейчас упадет с каната.

Норвел поднялся, слегка покачиваясь и чувствуя отвращение к «пайковому», и произнес:

— Мне... мне хочется проветриться. Извините...

— Ради бога,— сказала Вирджиния, даже не взглянув на него. Когда Норвел был уже за дверью, он услышал, как она спросила у Шепа:

— Эта блондинка, которую вы подстрелили, она была хорошенькой?

Глава 14

Никто не преследовал Мандина, когда он покинул биржу. К концу дня он добрался до Белли-Рэйв. Акция «ДМЛ-Хоуз» благополучно лежала в его кармане. Райан торжествовал, его мышление стало ясным.

— Один голос! — воскликнул он.— Собрание завтра! Прекрасная работа, адвокат.

— Надеюсь,— произнес Мандин, утомленный случившимся в этот длинный день.— Надеюсь, что этой бумажки будет достаточно, чтобы проникнуть на собрание. А что, если меня не пустят или подвергнут сомнению подлинность акции?

— Они не посмеют,— уверенно заявил Райан.— А если все-

таки не пустят, нам придется придумать что-нибудь другое, вот и все.

— Пока что вы все время правы,— сказал Мандин. Он поднялся и прошелся по грязной комнате. Споткнувшись о ногу Дона Лавина, он извинился, стараясь не глядеть в его широко раскрытые лучистые глаза. Вид Дона Лавина вызывал у него нервную дрожь. Вот наглядный пример, понял он — то, что произошло с Доном, вполне может рано или поздно случиться с ним самим, если он будет упорствовать в своем стремлении совать свой нос в мясорубку крупных корпораций.

— Есть что-нибудь новое о Норме? — спросил он.

Райан покачал головой.

— Они действуют наверняка, Мандин. Вам во что бы то ни стало нужно высвободить ее до завтра. Жаль, что я не могу...

— Почему не можете? Я с удовольствием отправился бы с вами вместе. Морристаун вам наверняка понравится, он очень похож на Белли-Рэйв.

— Я не вынесу этой поездки. Биться вам придется самому, адвокат. Я полагаюсь на вас, друг мой. Держите выше голову и не забывайте изначальных свойств гигантских частных компаний.

— Внешнее единство? Закулисная игра?

— Нет, мой мальчик. Забудьте об этом. Подумайте лучше об азиатском царском дворе. Это поле боя; это правительство; это игра в покер, которая никогда не кончается. Суть корпорации состоит в незамкнутой перекачке власти. Здесь подтолкнут кого-нибудь наверх, там целую группу столкнут вниз. Потоку энергии трудно противостоять, но его можно незаметно направлять.— Трясущимися руками он потянулся к коробке с таблетками.— Вы сумеете своего добиться. Главное сейчас для вас — это исчезнуть. Потеряться из вида. Чтобы никто вас не видел, пока вы не объявитесь на собрании. На вашем месте я не появлялся бы ни в своей конторе, ни у себя дома.

— Вы считаете, что мне лучше остаться здесь?

— Где угодно. Только подальше от глаз.

Мандин посмотрел на часы. Если бы он мог проспать это время — лечь сейчас в постель, и затем проснуться перед самым отъездом на собрание. Но было еще слишком рано, вряд ли он смог бы уснуть. Ему нужно было убить почти сутки. Двадцать четыре часа нервного напряжения и лихорадочной работы мысли.

— Я ухожу,— сказал он.— Не знаю, увидимся ли мы еще перед собранием.

Мандин попрощался с Доном Лавиным, который так и не заметил его, и вышел на улицы Белли-Рэйв, на улицы, на которые уже начали опускаться сумерки. До наступления темноты здесь было относительно безопасно. Несколько раз он сворачивал в сторону, замечая впереди группы мужчин или детей, но вероятность нападения все-таки была весьма мала до захода солнца.

Вскоре он оказался перед зданием отборочного пункта «Дже-

нерал Рикрейшенз» и почувствовал себя в большей безопастности под сенью этого приветливого, розового, как канарейка, здания. Территорию, примыкающую к собственности «Дженерал Рикрейшенз» охраняла ее собственная стража. Самое подходящее место, чтобы взять такси в Монмаунт-Сити.

Но спешить было некуда. Мандин стал изучать крикливые плакаты и наблюдать за проходящими в здание мужчинами и женщинами. Впервые в жизни он оказался в непосредственной близости с тем сырьем, из которого создавались представления на стадионах. И от этого он почувствовал себя несколько чужим. Представления, разумеется, он смотрел. Множество раз. Еще подростком он мог часами обсуждать с друзьями перепитии битв на арене, процент убитых, коэффициенты выживаемости в разных номерах и тому подобное. Естественно, его энтузиазм поубавился, когда чиновники из департамента просвещения сочли его пригодным для обучения ремеслу адвоката. А адвокату были доступны более утонченные формы развлечений.

Например, уклоняться от кредиторов,— с горечью отметил про себя Мандин.

Кто-то из толпы окликнул его:

— Мистер Мандин! Мистер Мандин!

Он напрягся, чтобы пуститься во всю прыть прочь. Но это был всего лишь, как там его, Норвел Блай, вот кто. Клиент, которого прислал Дворкас. Но такой потрепанный!

И тогда Мандин вспомнил — Блай разорвал свой контракт. Контракт с «Дженерал Рикрейшенз» — была немалая ирония в том, что теперь он нашел его здесь.

— Мистер Мандин, боже мой, как приятно увидеть знакомое лицо! — глаза Блая были влажными.— Вы... вы, может быть, ищете меня?

— Нет, мистер Блай.

Лицо Блая осунулось. Он еле слышно прошептал:

— Я... э...подумал, может быть, у вас есть письмо для меня... как у моего, понимаете, поверенного... Может быть, фирма... Нет, разумеется, нет.

— Именно так,— как можно ласковее произнес Мандин. Ему было трудно перенести жалкий вид Блая, но с другой стороны, он не мог просто так равнодушно пройти мимо этого человека.

— Здесь есть какое-нибудь место, где можно было бы выпить? — спросил он.

— А как же! — Мандину показалось, что Блай вот-вот расплачется.— Боже мой, мистер Мандин, за эту неделю, что я здесь, я такого насмотрелся...

Всего лишь через полквартала Блай постучал в неприметную дверь.

— Меня послал Шеп,— сказал он в смотровой глазок изможденной женщине.

Внутри все было пропитано запахом алкоголя. Они сели за дощатый стол в грязной комнате, и сквозь небрежно задернутые за-

навески Мандин легко разглядел медные трубки и хромированные сосуды. Сейчас они были единственными клиентами.

— Сахарный? Пайковое? Марихуану? Коку? Джин?

— Джин, пожалуйста,— поспешно заказал Мандин.

Питье было тут же подано в более чем литровой бутыли. Мандин даже раскрыл рот от удивления, когда женщина произнесла:

— Пятьдесят центов.

— Конкуренция,— пояснил Блай, когда она ушла.— Если бы я был один, она продала бы его за двадцать пять, но, разумеется, она сразу распознала, что вы редкий гость в наших краях.

— Не совсем так,— покачал головой Мандин.— Ваше здоровье!

Они выпили. Поначалу Мандину показалось, будто кто-то рубанул его по затылку завернутым в тряпку молотком. Затем до него дошло, что это джин. Он хрипло спросил у Блая:

— Ну и как вы здесь поживаете?

— И не спрашивайте,— на глаза Блая навернулись слезы.— Это сущий ад, изо дня в день, и нет ему конца и края. Как я поживаю? Хуже быть не может, мистер Мандин. Одному небу известно...— он запнулся, сдержав себя на грани истерики. Затем выпрямился.— Извините. Целый день сегодня пью. Не привык еще.— Он схватил Мандина за рукав.— Послушайте, мистер Мандин. Вы в состоянии помочь мне. Пожалуйста. У вас должно быть что-нибудь. Такой крупный адвокат, как вы, сотрудник окружного комитета — у вас обязательно должно быть что-нибудь! Я не жду от вас контракта и ДМЛ-дома. Они у меня уже были. Я оказался глупцом и поэтому разорвал контракт. Но должна же существовать какая-нибудь работа, любая, такая, чтобы я мог выбраться из этого поганого места, прежде чем погибну...

Мандин, у которого все еще свежо было воспоминание о визите к дураку Вилли Чоуту, резко ответил:

— Нет! Я не в силах помочь вам, Блай! Я не в состоянии предоставить вам работу.

— Ничего?— взмолился Норвел.— Неужели нет ничего, что я мог бы сделать для вас здесь, мистер Мандин. Я ведь могу пригодиться вам. Я здесь знаю все ходы и выходы.

Такая постановка вопроса была новой.

— Ну что ж,— неопределенно произнес Мандин,— в общем-то, кое-что такое у меня есть. Я некоторое время пытаюсь установить местонахождение... э... одной своей знакомой из Белли-Рэйв. Эту девушку зовут Норма Лавин. Если вы полагаете, что в состоянии помочь мне отыскать ее...

Блай безразлично смотрел на него.

— Вы хотите, чтобы я нашел вам эту девушку?

— Клиентку, Блай.

Норвел пожал плечами.

— Да, да, разумеется, мистер Мандин. Бьюсь об заклад, что смогу это сделать. У меня здесь есть друзья, контакты... Позвольте мне самому заняться этим. Я могу начать прямо сейчас.

Я очень многому научился за эту неделю. Я могу показать вам все ходы и выходы.

А почему бы и нет, подумал Мандин. Все равно ему нужно находиться подальше от ДМЛ. Во всяком случае, до собрания акционеров. А этот человек вполне мог бы ему пригодиться.

— По рукам,— сказал он Блаю.— Начнем поиск.

По началу Мандину показалось, что Блай спятил. Норвел вышел на ближайший пустырь и, сложив руки рупором, заорал что есть мочи в надвигающиеся сумерки:

— Браа-атцы Кроли-ки!

— Вы что?— возмутился ошарашенный Мандин.

— Подождите!— Блай приложил палец к губам.

Прошло минуты две... пять... Затем из темноты вынырнула маленькая фигурка.

— Кто звал Кроликов?— спросила она подозрительно.

Блай с гордостью представил Мандина:

— Этот джентльмен ищет молодую леди. Она исчезла.

— Ее зовут Норма Лавин,— поспешно добавил Мандин.— Исчезла неделю тому назад. Проживала в 37 598 квартале округа Уил-лоудейл. Ездила на древнем кадиллаке.

— Гм... Это территория Гр-Га, вот что,— проинформировал их звонкий детский голос.— Но у нас есть пленный Гр-Га. А что будет за это Кроликам?

— Десять долларов,— тихо шепнул Блай Мандину.

— Десять долларов!— быстро выпалил Мандин.

— Для начала?

— Разумеется.

— Пошли.

Кролик почти бегом вел их по Белли-Рэйв почти полтора километра. Из-за одного забора на них бросился какой-то громила. Мальчишка тут же прорычал:

— Прочь! Кролики!

Громила отшатнулся. В кулаке Кролика сверкнуло зазубренное стекло бутылки с отбитым донышком.

Затем они услышали ритмичное угрожающее хоровое подвывание: «Чер-ти! Чер-ти! Чер-ти...»

— Сюда!— взвизгнул Кролик, ныряя в темный дом. Старик и старуха, сидевшие у холодного камина, бросили только один взгляд в сторону пришельцев и, увидев вместо пароля блеск стекла, замерли на месте.

— Патруль. Это территория Чертей,— тихо пояснил Кролик Мандину.

Они стали глядеть сквозь щели между досками, которыми было заколочено фасадное окно. Черти, продолжая подвывание, раскачиваясь, шли мимо. Их было, наверное, полсотни. Они умело вертели импровизированными масками. Некоторые несли факелы. Долговязый мальчишка впереди нес высокий шест, украшенный... украшенный...

Мандин, вскрикнув, прикрыл глаза.

На него не обратили внимания. Кролик нахмурился и сказал:

— Это не патруль. Это боевая экспедиция, направляющаяся на запад.

— Боже! — сдавленным голосом произнес Мандин. — Этот ребенок нес...

Другой ребенок, рядом с Мандином, был быстр, как молния. Зазубренная бутылка была у самого горла адвоката.

— А ну, потише, дружок, — прошептал Кролик. — Еще должен пройти арьергард.

Так оно и случилось.

Их почти не было видно. Они были полностью укутаны в черное, лица и руки были вымазаны углем.

— Порядок, — наконец произнес Кролик, и они выскользнули на улицу. Старик и старуха, не обращая на них внимания, возобновили свой затянувшийся спор, кому из них рубить стул, чтобы развести огонь для разогрева пайка.

Дом, в который они нырнули, ничем не отличался от других, за исключением того, что он был наполнен бледными ребятишками с бегающими глазами в возрасте от восьми до тринадцати лет.

— Кто это? — спросила одна из девочек у Кролика, который привел их.

— Привет, Дана, — испытующе произнес Норвел Блай. Она бросила на него один взгляд и снова повернулась к новоприбывшему Кролику.

— Клиенты. Интересуются исчезнувшими. Десять долларов. Но я должен сказать что-то еще более важное. Несколько минут назад мы заметили штурмовой отряд Чертей, проследовавший на Запад по Лионскому Бульвару через квадрат 45 800. Их было что-то около пятидесяти, все со своим оружием, с авангардом и арьергардом.

— Хорошо, — спокойно кивнула девчушка. — Не наше это дело. Скорее всего они предпринимают налет на продовольственный склад. Кто этот исчезнувший?

Мандин рассказал.

Как и их проводник Кролик, Дана произнесла:

— Гм... Это территория Гренадеров Геринга. У нас есть, правда, один из них. Хотите, чтобы мы допросили его, мистер? За это вам придется раскошелиться пятьюдесятью долларами. Идет?

Мандин молча уплатил.

Гренадер Геринга из подвала оказался восьмилетним мальчуганом, схваченным во время налета на штаб-квартиру Гренадеров. Сначала он только ругался и плевался. Затем за дело принялась Дана, и Чарльз тут же бросился во двор.

Гренадер все еще плакал, когда во двор вышла Дана и сообщила:

— Он заговорил.

— Где?

— Еще полсотни.

Мандин выругался и стал рыться в карманах. У него оставалось всего 37 долларов и 85 центов. Дана пожала плечами и благосклонно приняла только 25 долларов.

— Похоже, что здесь замешан мистер Мартинсон. Он то и дело дает Гренадерам различные поручения. Он сказал Большому Герману, это их верховод, что ему нужно, чтобы схватили эту даму Лавин и усыпили. Они должны доставить ее куда-то на Лонг-Айленд. Куда — этот ублюдок не запомнил. Говорит, что если бы он услышал, то смог бы помочь...

Мандин тут же кинулся внутрь.

— 2003 комната в здании административного центра в Морристауне? — спросил он у хнычащего мальчика.

— Точно, мистер,— подтвердил Гренадер, размазывая по лицу слезы.— Я же говорил, что вспомню, если...

Мандин вышел и оперся о стену, размышляя. Значит, Норму Лавин держат под рукой в ожидании собрания акционеров. Почему? Чтобы произвести кондиционирование? Для принудительной уступки ее акций? Нет! Не этих акций, их же у нее нет. Акции Дона Лавина. Она наследница. Акции — у ее брата.

Значит, они уберут Дона, и тогда новый владелец акций будет у них в руках.

Все очень просто.

— Послушай,— обратился Мандин к Дане,— Ты видела, что у меня нет больше денег. Но мне нужна помощь. Дело очень крупное — гораздо крупнее, чем ты можешь подумать. Здесь замешаны... пожалуй, тысячи.— Он ведь не настолько глуп, чтобы рассказать ей правду, поведать о миллиардах.— Дело очень большое и сложное. Прежде всего, ты можешь выставить охрану вокруг номера 37 598 в Уиллоудейл? Мне кажется, твои друзья Гренадеры медлят с убийством молодого человека по имени Дон Лавин. Второе: ты можешь помочь мне пробраться в здание административного центра в Морристауне? Клянусь, я щедро вознагражу, вас, если выгорит, как мне нужно.

Дана смерила его взглядом, затем сказала:

— Могу. Сейчас, думаю, мы не станем торговаться с тобой.

Она отдала отрывистое распоряжение. В полном молчании стайка детей подобрала свои разбитые бутылки с мраморной доски над камином и прошмыгнула на улицу.

— Эти Гренадеры не доберутся до вашего приятеля,— без тени сомнения произнесла Дана.— Насчет Морристауна — ну, что ж, если туда могут доставить девушку Гренадеры, то мне кажется и мы сумеем туда проникнуть. По правде говоря, мне это не очень нравится. В Морристауне жестокие порядки. Но у нас договор с тамошними Кусаками. Они дерьмо, но...

Она брезгливо передернула плечами. Деваться некуда — вот что говорил ее жест.

Мандин обнаружил, что его выпроваживают за дверь.

— Минуту! — запротестовал он. — Мне нужно пересидеть где-то эту ночь. С вами я должен буду встретиться завтра утром, а что сейчас мне делать?

— Что, если вы переспите у меня, — предложил Блай. — Больших удобств не могу предложить, но двери у нас запираются на засов.

Да кивнула.

— Это вам должно пригодиться, мистер. А пока...

К ней обратился один из шмыгнувших в дом Кроликов:

— Разведка Гренадеров. Мы перехватили одного, но там еще несколько. Наверное, налет.

— Мы с ними разделаемся, — угрюмо произнесла Дана. — Наверное, хотят забрать своего сопляка назад. Пошли, вы двое. Я должна проводить вас отсюда.

Она двинулась впереди. На улице было уже темно и пустынно. Они и трех шагов не сделали, как Дана растворилась во тьме. Мандин последовал за Блаем, который решительно шагал по растрескавшемуся асфальту.

Неожиданно из темноты материализовалась Дана.

— Осторожно! Под забором одна из Гренадерок. Сейчас я ее...

Сверкнуло стекло ее бутылки. Блай рванулся вперед и схватил девушку в тот самый момент, когда она готова была ткнуть бутылкой в лицо десятилетней толстушки. Дана, ругаясь, барахталась на земле, а Блай набросился на свою падчерицу:

— Сэнди! А ну убирайся отсюда! Это мои друзья, тебе понятно? Увидимся дома!

Александра, извиваясь в его руке, философски заметила:

— Извини, Норвел. Не твое это дело. — Она откинула назад голову и издала отрывистый лай: — «Зиг Хайль! Зиг!..»

Норвел отодвинул Дану одной рукой, а другой измерил расстояние до челюсти Александры. Мощным ударом он сбил ее с ног, взвалил на плечи и обратился к Мандину:

— Пошли. Спасибо, Дана.

Через десять минут Мандину удалось избавить коротышку от веса Александры. К тому времени, когда у него стали трястись ноги, девочка пришла в себя.

Блай что-то сказал ей тихо и серьезно, одновременно потирая костяшки пальцев, после чего она молча последовала за ними.

Миссис Блай попыталась поднять бучу, когда они вчетвером ввалились к ней.

— И где это ты был? — с визгом набросилась она на Норви. — Ушел, не сказав ни слова... На несколько часов... мы могли...

Норвел сказал, что это не ее дело. Он выразил свою мысль таким образом, что Александра едва не задохнулась от негодования, а Дана — от восхищения. Мандин покраснел, услышав выражения Блая, но тут же невольно подумал, что Белли-Рэйв пошел на пользу крошке Блаю. Не все в Белли-Рэйв было безнадежно плохим.

— И,— в заключение заметил Норвел,— если я еще раз обнаружу шашни между этой волосатой обезьяной Шепом и тобой, то пеняй на себя. Предупреждаю тебя!

— Ха! — фыркнула Вирджиния Блай.— Ты думаешь, что сумеешь его побить?

— Не дури,— парировал Норвел.— Он разорвет меня на куски. Я подожду, когда он уйдет, и тогда разделаюсь с тобой.

— Я ухожу,— сказала Дана.— А как поступить с этой вонючкой? — Она ткнула большим пальцем в сторону притихшей Александры.

— Я сам о ней позабочусь,— пообещал Блай.— Запомнит на всю жизнь.

— О'кей,— одобрительно отозвалась Дана.— Итак, встречаемся утром.

Как только она ушла, Вирджиния, собравшись с духом, решила было открыть второй раунд.

Но тут не выдержал Мандин.

— Пожалуйста,— взмолился он.— Мне завтра предстоит тяжелый день. Разрешите мне хоть немного вздремнуть!

Глава 15

Утро они провели в старом Монмаунте. Мандин, Дана и Норвел Блай, который прилепился к ним в качестве вроде бы секретаря. Сначала они остановились возле банка, где у Мандина был счет. Дана бросила голодный взгляд на 234 доллара и 35 центов мелочью, которые ему выплюнул автомат, и он вспомнил, что все еще должен ей с прошлого вечера 25 долларов. Без особой охоты он вынужден был вернуть этот долг.

Перекусить они зашли к Хусейну. За чашечкой кофе Дана задумалась.

— Насколько мне известно, большие шишки ездят в Морристаун в бронированных машинах. Очень плохо, что мы бедные. Ну, что ж, пора отправляться дальше.

Такси подвезло их через туннель под проливом к вокзалу железной дороги, ведущей в Лонг-Айленд, в Старом Бруклине. На всякий случай они попытались купить билеты в кассе.

— Нет, сэр,— решительно произнесла кассир.— Только один поезд в день, и билеты продаются только командированным по служебным делам. А что вы там позабыли, в этом паршивом Морристауне?

Они попытались заказать билеты на автобус по телефону, но опять их поджидала неудача. У входа в здание вокзала, на стоянке такси, Дана начала плакать.

— Иди сюда, малышка,— дружелюбно обратился к ней один из таксистов.— В чем дело, дорогая?

— Мой папочка попал в беду,— горестно всхлипывая, произнесла Дана.— Он в этом ужасном городе, там он потерял мою любимую мамочку и позвонил мне, чтобы я ему помогла. Честно,

мистер. Только подвезите нас к окраине, пожалуйста. Ну, пожалуйста. А дядя Норви и дядя Чарли проследят за тем, чтобы не случилось ничего худого, если эти бл..., если эти плохие люди в Морристауне попробуют... Честно!

Он разжалобился и согласился подвезти их к окраине городка. Два часа езды по плохим дорогам.

Таксист усадил Дану рядом с собой на переднем сиденье. Весело покачивая своей сумкой, она без умолку болтала всю дорогу, выказывая всю непосредственность ребенка. Дядя Чарли и дядя Норви только переглядывались. Уж они-то знали, что у нее в сумке.

Морристаун, будучи старше, был организован значительно лучше, чем Белли-Рэйв. Водитель остановился в нескольких поросшими сорняками кварталах от шлагбаума таможни.

— Вот мы и приехали, малышка,— нежно сказал он.

Малышка запустила руку в сумку. Она вынула оттуда бутылку с отбитым донышком и начала по душам разговаривать с водителем. Мужчина выругался, взвыл и поехал дальше.

У ворот двое охранников добродушно заглянули в кабину. Дана прошептала им что-то — Мандин расслышал только «кролики» и «кусаки» — и таможники помахали им вслед. Через квартал, повинуясь приказу Даны, водитель остановился у следующего контрольного пункта. На сей раз машину встретили двое грязнолицых девятилетних мальчишек с карабинами наготове.

В машину сел проводник-кусака с винтовкой. Пока они ехали по запруженным людьми улицам к зданию административного центра, только немногие не оледенели и не убрались побыстрее, завидев в кабине машины мальчишку.

Возле административного центра Дана вежливо попросила водителя подождать.

— Нет! — возразил Мандин, указывая на вереницу бронированных колесных и гусеничных машин, подъезжавших к автостоянке здания.— Мы выберемся отсюда на одном из этих броневиков или не выберемся вообще.

Дана пожала плечами.

— Ладно.— Затем она повернулась к кусаке:— Проводи машину без осложнений. И если вашим ребятам понадобится что-нибудь, ты знаешь, к кому обращаться в Белли-Рэйв.

Был час дня. Собрание было назначено на 1.30.

Дежурный в вестибюле пропустил Мандина и Блая на основе сертификата, удостоверяющего принадлежность акции Мандину. Дане пришлось дожидаться в комнате для посетителей.

Комната 2003 занимала, как показалось Мандину, весь этаж. В приемной он заявил: «На собрание акционеров ДМЛ-Хоуз». Дежурный пропустил их, бросив вслед задумчивый взгляд.

В конференц-зале было примерно двадцать человек. Совершенно очевидно, это были титаны. Рядом с этими изыскано одетыми богачами, Мандин и Блай ощущали себя непрошенными го-

стями в потрепанной одежде. Кроме того, они были удивительно молоды и нелепо неуклюжи.

С этого момента и начинается самое главное, напомнил себе Мандин. Корпоративное право!

Видение ослепило его своей яркостью.

Еще один новоприбывший был приветственно встречен Титанами.

— Блисс, старина! Никогда бы не подумал, что вы покажетесь здесь ради этой ерунды. Старина Арнольд, как обычно, как раз собирается сцепиться с вами снова.

Блисс был худым и более молодым, чем большинство остальных.

— Если несколько таких, как вы, поддержат меня, то мы остановим его,— добродушно заметил он.— А кроме того, куда еще мне девать свое время?— Затем он произнес игриво:— Я слышал от кого-то об этой мисс Лавин...— он разразился смехом.

Мандин решил идти напролом.

— Добрый день, мистер Блисс,— выпалил он на едином дыхании, хватая Блисса за руку.— Меня зовут Чарльз Мандин, бывший кандидат консервативных республиканцев по 27 округу, а здесь я мелкий акционер.

Худой мягко высвободил руку.

— Моя фамилия Хаббл, мистер Каквастам. Блисс Хаббл. Здравствуйте.— Он повернулся к одному из титанов и насмешливо поинтересовался:— Вы, наверное, не получили моей телеграммы, Джаб? Тогда почему же не прислали мне своего доверенного для заключения соглашения?

Джаб, похоже был человеком осторожным.

— Потому что,— не спеша произнес он,— пока что мне нравится политика старины Арнольда. Вы когда-нибудь перевернете нашу лодку, Блисс. Если только мы не вышвырнем вас из нее раньше.

— Мистер Хаббл,— не унимался Мандин.

— Мистер Каквастам, я заверяю вас, что голосовал бы за вас, если бы жил в 27 округе, в котором, слава богу, я не проживаю.— Его глаза блуждали. Он направился через всю комнату, чтобы переговорить еще с одним Титаном. Мандин своевременно поспешил за ним и успел услышать:

— ... во всем этом много идеализма, уверяю вас, дорогой Блисс. Но многие молодые люди — идеалисты оказываются суровыми надсмотрщиками. Я не имею в виду вас обидеть.

Блисс Хаббл снова удалился в другой конец комнаты. Судя по всему, этот последний Титан слишком сильно рассердился во время разговора с ним. На его покрасневшем виске отчетливо проступила пульсирующая жилка. Мандин спросил у него с неодобрением в голосе:

— Все та же прежняя политика? Верно?

— Разумеется!— сердито ответил Титан.— Вот дурак! Когда юный Хаббл увидит за свою жизнь столько же попыток напасть

на правление, сколько и я, то он подумает дважды, прежде чем плести интриги у меня перед глазами. Он ведь пытается посеять во всех нас недоверие к нынешнему правлению фирмы, превратить выборы в Совет, в стихийное мероприятие, посредством подкупа — разумеется, подкупа чисто джентльменским образом — и все же именно подкупом ввести себя в совет правления. Но, клянусь богом, ничего у него не выйдет! Мы сохраним единство против него.— Он прищурил глаза.— Я, кажется, с вами не знаком, сэр. Я — Уилкокс.

— Счастлив познакомиться. Мандин. Адвокат.

— О, доверенное лицо, верно? Кого вы представляете? По-моему, большинство ребят уже здесь.

— Извините меня, мистер Уилкокс,— Мандин последовал за Блиссом Хабблом, который после очередного отпора бухнулся в кресло. Тут-то Мандин и всунул ему в руки доверенность от Дона Лавина, которую подготовил Райан.

— Что это?

— Я советую вам прочитать это,— коротко предложил Мандин.

Послышались аплодисменты. В зал вошли человек пять-шесть. Один из них, возможно, Арнольд, произнес:

— Добрый день, джентльмены. Предлагаю всем рассесться, и начнем работу.

Мандин сел рядом с Хабблом, который, не отрываясь, читал доверенность. Последний из вошедших начал монотонно перечислять вопросы, обсуждавшиеся на предыдущем собрании. Практически никто его не слушал.

Хаббл закончил чтение, вернул документ Мандину и спросил:

— А что же я, как вы считаете, должен делать?

— Все это выглядит весьма глупо, не так ли?

Сбитый с толку Хаббл проглотил наживку.

— Какие-то слухи были,— признался он.— До вас они могли доходить в той же мере, как и до меня.

Мандин понимающе кивнул.

— Мы не будем жадничать, мистер Хаббл,— сказал он, сам толком не зная, о чем идет речь.— Если допустить, что я не мошенник, а это не подделка, то как вы отнесетесь к мысли попасть в совет правления?

— Очень положительно,— не стесняясь признался Хаббл.

— Мы могли бы способствовать этому. Ведь это очевидно, мистер Хаббл. Наши двадцать пять процентов голосов плюс ваши...

— Это общеизвестно. Пять с половиной процентов.

— Так много?

— Да. Я имею полномочия голосовать за всех членов семьи.

Мандин сложил в уме. Тридцать с половиной процентов. Только бы привлечь на свою сторону этого Хаббла, а затем еще...

Он отвернулся от Хаббла. Пусть подумает некоторое время.

Когда с мелочами было покончено, один из недавно пришедших улыбнулся.

— А теперь, джентльмены, переходим к пунктам повестки дня. Начнем с выборов члена совета правления вместо мистера Фенелли.

Кто-то предложил кандидатуру Гарри Уилкокса. Кто-то еще предложил мистера Банайона, и на этом выдвижение кандидатур было прекращено. В результате тайного голосования победил Уилкокс. Объявление его избрания было встречено аплодисментами и дружным похлопыванием по спине. Судя по добродушным улыбкам, результат голосования был заранее предрешен с такой же уверенностью, как и завтрашний восход солнца. Мандин улыбнулся Хабблу, который, казалось, вовсе не считал, что все это так смешно.

— Так что, заодно с нами? — спросил Мандин.

Хаббл нахмурился.

Председатель перешел к вопросу денежных компенсаций служащим корпорации, которые, судя по словам председателя, зарабатывали недостаточно, а хотели зарабатывать больше за прекрасное ведение дел фирмы.

И этот вопрос был решен ко всеобщему удовлетворению, под дружелюбные улыбки. Мандина даже начало интересовать, почему вообще акционеры удосужились посетить это собрание, если повышение жалования служащим было одобрено единодушно и единогласно.

Но следующий пункт повестки дня рассеял его опасения.

Он гласил так: «Поиски новых источников сырья, в особенности алюминия и силикатов». Мандин плохо разбирался в технических тонкостях, но сразу же подметил, что между акционерами прекратился дружелюбный тон разговоров.

Одна группа, не более пяти человек, тесно сгрудилась и что-то быстро подсчитывала на оборотных сторонах конвертов, часто заглядывая в какие-то бумаги. По рядам стали сновать секретари с папками и бухгалтерскими книгами.

В конце концов председатель добродушно спросил у собрания:

— Так вот, джентльмены, ради экономии времени проголосуем единогласно за предложенную советом тактику в вопросах сырьевого обеспечения?

Поднялся худой седой старик и заявил:

— Я требую голосования, которое должно быть оформлено протоколом. — Он угрожающе помахал равнодушному первому ряду. — Я сохраню эту копию протокола, чтобы в будущем доказать свою правоту.

Пришлось голосовать. Предложение было принято небольшим большинством голосов в атмосфере сдержанных страстей. Мандин смутно ощутил: то, что сейчас произошло, было битвой на заранее приготовленном поле — этаким корпоративным Геттисбергом, пробой сил двух могущественных группировок, где ставкой были, по меньшей мере, миллионы долларов в год.

Сидевший рядом Хаббл заерзал в кресле. Мандин наклонился к нему и прошептал:

— Вы могли бы стать решающим фактором в случаях, подобных этому, если бы были заодно с нами.

— Понимаю,— кивнул Хаббл.— Понимаю...— Через некоторое время он добавил: — Разрешите мне еще раз взглянуть на этот документ.

Теперь Мандин окончательно понял; что этот человек уже на крючке.

Собрание шло своим чередом. Между голосованиями Хаббл выуживал информацию из Мандина. Тот отвечал уклончиво.

— Да, они являются моими клиентами. Нет, извините, не могу сообщить, где находится в настоящее время мистер Лавин. Да, есть еще сестра. В отношении ее мистер Арнольд, наверное, мог бы сообщить вам больше, чем я.

— Тут замешан Арнольд?

— Еще как! Он уже давно пытается... кстати, сейчас именно об этом пойдет речь.

Послышалось монотонное чтение одного из секретарей.

— Предлагается исправить ненормальное распределение решающих голосов. Предлагается наделить совет правления полномочиями, позволяющими приобрести по номинальной стоимости акции, составляющие бездействующий капитал, то есть, те акции, держатели которых не голосуют на собраниях уже больше десяти лет. Приобретенные таким образом акции поместить в сейфы корпорации в качестве ее казны.

— Спросите его, какой процент акций от общего числа он имеет в виду,— шепнул Мандин.— Это будет ответом на ваш вопрос.

Хаббл на мгновение задумался, затем проглотил наживку. Он поднялся и с решительнымвидом задал вопрос.

— Боюсь,— улыбнулся Арнольд,— что у нас нет точных цифр. То, что мы предлагаем, в основном, мера на всякий случай.

— Я был бы удовлетворен приблизительной оценкой,— не унимался Хаббл.

— Я понимаю вас,— улыбнулся Арнольд.— Но, как я уже сказал, у нас нет сейчас цифровых данных. А теперь перейдем к...

Хаббл продолжал настаивать:

— Не исключена ли возможность, что эти акции составляют до 25 процентов общего капитала фирмы?

Арнольд попробовал рассмеяться, но Хаббл перебил его.

— Я повторяю свой вопрос.— Все сидевшие в комнате затаили дыхание и приподнялись с места.— Так 25 процентов или нет? Именно такое количество акций вы намерены скупить с нашего разрешения и поместить в казну фирмы, тем самым распространив над ними свой контроль?

По комнате пошел сдержанный гул. Хаббл не обратил никакого внимания на него.

— Так это или нет, мистер Арнольд?— требовательно спро-

сил он.— Я задал вам очень простой, как мне кажется, вопрос! И если ответ отрицательный, то я требую провести проверку финансовых отчетов!

Арнольд скорчил гримасу.

— Пожалуйста, пожалуйста, джентльмены! Ради бога, мистер Хаббл! Раз вы так решительно настроены против моего предложения, мы снимем его с повестки дня. Как я полагаю, все присутствующие не возражают против этого? Тогда перейдем к...

— Я решительно возражаю против изменения повестки дня, мистер Арнольд! — закричал Хаббл.— Я настаиваю на том, чтобы вы дали мне необходимую информацию в отношении вашего предложения.

Кто-то подсел к Мандину. Крупный, интересный, хорошо сохранившийся мужчина.

— Меня зовут Гарри Котт,— прошептал он.— О чем все-таки идет речь? Я вижу, вы переговорили с Блиссом, и после этого заварилась вся эта кутерьма. Вы не связаны с Грин и Чарльзуортом? Нет? Мне ваше лицо показалось знакомым. Так в чем же все-таки дело? Арнольд перепугался. Вы чем-то располагаете? Чем именно?

— Видите ли,— уклончиво начал Мандин.

— Эй, приятель! Меня зовут Гарри Котт, разве я не представился? А вы сами-то откуда, между прочим?

Пока спор между Хабблом и председателем становился все более яростным, к ним подсел еще один из присутствующих.

— Вы, похоже, навели Хаббла на какой-то след, молодой человек,— прошептал он.— Мне это по душе. В этом что-то есть. Мне это по душе. Дух борьбы. Кто-то тут мне подсказал, что вы адвокат, а случилось так, что в нашем юридическом отделе есть прекрасная вакансия. Я, чтобы вы знали, из автодорожной компании «Роудуэйв». Моя фамилия Нельсон.

— Я здесь первый, Джордж! — перебил его Котт.

К тому времени все присутствующие уже участвовали в перебранке, которую начал Хаббл. Почуяв кровь или золото, половина пайщиков донимала вопросами Арнольда, который все больше потея, сдерживался изо всех сил, чтобы не броситься в открытую драку. Другая половина пайщиков зубами и ногтями продиралась к небольшой группке, окружившей Мандина, этого странного молодого человека, у которого было что-то на уме. Мандин, вежливо улыбаясь и смущенно отводя глаза, слышал вокруг себя шепот:

— ... адвокат, как мне кажется, из налогового управления...

— ... а что, если он затребует бухгалтерские книги...

— ... выгнать бы его взашей, только вот вдруг окажется, что он от Грин и Чарльзуорта...

— ... нет, болван старый! Он — подставка! Просто шестерка!

Решив, что теперь самое время, Мандин вежливо произнес:

— Извините, джентльмены,— и поднялся с места.— Господин председатель! — позвал он.— Меня зовут Мандин. С ва-

шего разрешения, я мог прояснить ситуацию. Однако, мистер Арнольд, я сперва хотел бы поговорить с одним из моих патронов, молодой леди...

— Вашим патроном? — Секретарь что-то шепнул Арнольду на ухо. — А, мисс Лавин? Пожалуйста. Она сможет поговорить с вами тотчас же после собрания. Вас это устроит, мистер Каквастам?

— Вполне.

Да, это действительно вполне его устраивало. Это было даже гораздо больше, чем он смел надеяться. Он не только заварил кашу среди акционеров, да такую, что теперь половина пайщиков ДМЛ увивалась вокруг него, но он добился и того, что Арнольд возвращал Норму в качестве платы за то, чтобы он «не прояснял ситуацию». Затея Арнольда с треском провалилась. Ему не только не удалось прибрать к рукам возможность голосовать с доли Лавинов, он теперь опасался вообще за то, что останется одной из главных фигур в совете правления.

Мандин уселся поудобнее и молча выслушивал наводящие вопросы Титанов и исходящие от них заманчивые предложения.

Смятение в рядах акционеров стало постепенно затухать. Как только Мандин успокоился, разгневанные и колеблющиеся пайщики поняли, что прямо перед их носом заключена какая-то сделка. Это им, разумеется, пришлось по душе, так как они сами достаточно часто испытывали удовольствие от того, что ставили подножку ближнему своему. Один из них предложил сместить Арнольда, однако большинство его не поддержало. Лучше подождать, когда этот Мандин сам расскажет о том, что ему известно.

Оставшаяся часть собрания прошла с головокружительной быстротой. Хаббл все это время не переставал ругаться:

— Черт побери, Мандин! Вы ко мне первому обратились! Пошлите ко всем чертям этих стервятников! Они используют вас, а затем выбросят на помойку! Я здесь единственный акционер, который не держит камня за пазухой...

— Все это чепуха, Мандин, — решительно объявил Котт. — Я не знаю, к чему вы клоните, Мандин, но что бы вы не затеяли, для этого нужно финансирование. А я — Гарри Котт! Позвольте мне заняться...

— Лучше расскажите, что вы сделали со стариком Кроудером, — заметил Джордж Нельсон. — Он тоже нуждался в финансировании.

Мандин так и не выяснил, что сделал Гарри Котт со стариком Кроудером. Как только был объявлен перерыв, он отозвал в сторону Арнольда.

— Давайте разберемся в спокойной обстановке, — предложил Арнольд. — Я не сомневаюсь в том, что мы поладим. Мы, случаем, незнакомы? Разве вы не работаете на Грин и Чарльзуорта?

— Мне нужна девушка, — коротко сказал Мандин.

— Мисс Лавин дожидается вас в приемной.

Мандин тут же бросился в приемную. Мисс Лавин действительно находилась там, бледная и разгневанная.

— Привет, Мандин.— Она вовсе не была ни грубой, ни мужеподобной.— Вы, должна я сказать, потеряли уже немало времени.— И она, расплакавшись, уткнулась в его грудь.— Я не подписала это. Я знала, что Дон жив. Поэтому я и не могла подписать, я...

— Да заткнитесь же вы, наконец,— грубо одернул ее Мандин.— Здесь нас могут подслушать. А каждое слово на вес золота.— Но при этом он обнаружил, что и сам трясется всем телом, это была реакция на многие часы напряжения и на Норму. Однако, как только сзади прозвучали слова Котта, он взял себя в руки.

— Значит, это та маленькая леди, которую уступил вам Арнольд, не так ли? Именно она является вашим партнером и патроном, адвокат?

— Возможно.

— Не лучше ли нам немедленно уехать отсюда?— предложил Котт.— Дорогая моя, куда вас отвезти? И вас тоже, разумеется, адвокат?

— Послушайте, Мандин,— подстрекательским тоном произнес Нельсон,— попросите, чтобы он рассказал вам о старике Кроудере.

— Черт бы вас всех побрал!— взъярился Хаббл.— Шли бы вы, стервятники, подальше отсюда...

— Всему своя очередь, джентльмены,— сказал Мандин.— Нам с мисс Лавин нужно еще зайти в комнату ожидания, чтобы забрать... э... еще одну молодую леди. Через пять минут мы будем у главного входа. Мы поедем или со всеми вами троими, или с любыми двумя из вас троих. Решайте сами.

В комнате ожидания Мандин спросил у Даны:

— А что случилось с Блаем?

— Он вышел на улицу,— пояснила девчушка.— Он сказал, что сыт по горло Днями Состязаний. Не знаю, что он под этим имел в виду. Это ваша девушка, которую вы искали?

— Да, это моя девушка.

На улице они подхватили за шиворот Норви Блая, уютно расположившегося на солнышке, и направились к веренице припаркованных гусеничных и полугусеничных бронированных машин. На стоянке их уже поджидал комитет троих в полном составе.

— Все улажено, Мандин,— довольным голосом сообщил Хаббл.— Вместе с нами отправляются Котт и Нельсон.

— Это подходит,— кивнул Мандин.— И где же мы будем вести переговоры?

— У меня,— вступил в разговор Котт. Но Хаббл только бросил через плечо:

— Разве мы это не обговорили, Гарри?

И, обращаясь к Мандину, произнес:

— У меня. У меня все просто и тихо, но вместе с тем и удобно.

Два броневика и один гусеничный вездеход выстроились в колонну и уже ни перед чем не останавливались, ни перед Кусаками, ни у таможни.

— Поедем по Пятой авеню,— сказал Хаббл.

— Ни в коем случае! — взвыли Котт и Нельсон.

Старый город, по которому они проезжали, был пустынным и словно вымершим. Мандин даже удивился, когда они увидели еще одну машину, проехавшую впереди них перекресток Пятой авеню и 24 улицы и направляющуюся к башне Эмпайр Стейт Билдинг.

— Из нее кто-то выходит! — вытянув шею, воскликнул Мандин.— Вошел в Эмпайр Стейт!

— А почему бы и нет? — хмыкнул в переговорном устройстве Хаббл. Он ехал вместе с Нельсоном и Коттом, так как никто из них не доверял друг другу настолько, чтобы оставить Мандина и Норму в компании других членов триумвирата.

— Мне всегда казалось, что этот небоскреб такой же заброшенный, как и все остальные в Старом городе,— удивился адвокат.

— Всю ночь по всему зданию горит свет. А для присмотра необходимо вызывать кого-либо, время от времени. Так вот, это как раз электрик, обслуживающий здание.

Мандин был не очень опытным адвокатом, однако у него хватило ума догадаться, что Хаббл говорит ему неправду.

Глава 16

Дана потянула Мандина за рукав.

— Мне нужно домой,— сказала она.

— Разумеется, разумеется,— раздраженно ответил Мандин. Норма, обессилив, заснула на его руках, и от этого руки его затекли после первых же километров пути. Девушка была коренастой и весила немало, но вес ее казался удивительно приятным для Мандина.

— Мне нужно сейчас,— упорствовала Дана.— У меня есть определенные обязательства перед Кроликами.

— Мне тоже хочется домой,— захныкал Норвел.

Мандин задумался. Дана и Блай выполнили то, о чем он с ними договаривался.

— Ладно,— сказал он.— Если я скажу водителю выпустить вас возле автобусной станции, вы сможете добраться оттуда до Белли-Рэйв?

Они кивнули, и он постучал пальцем по стеклу. Как только машина остановилась, из нее выглянули встревоженные Хаббл, Нельсон и Котт.

— Что-то случилось? — завопил Хаббл через стекло.

Мандин покачал головой, выпустил Дану и Норви и дал знак водителю ехать дальше. Через двадцать минут они были у дома Хаббла.

У него было тихо и удобно, но простотой и не пахло. Дом

представлял собой чудовищное сооружение в стиле Чарльза Адамса, расположенное среди сказочного частного парка в Вестчестере. Проехав по подъездной дороге, их машина остановилась рядом с лимузином, похожим на «Роллс-Ройс» выпуска 1928 года.

Блисс Хаббл был уже у дверцы их машины и услужливо распахнул ее перед ними.

— Это — моей жены,— пояснил он, показывая на лимузин.— Она помешана на моде то одной, то другой эпохи. Насколько я понимаю, сейчас это эпоха президента Гувера. На прошлой неделе это была эпоха Римской империи.

Миссис Хаббл, здороваясь с ними, глядела на них недоверчиво. Она повернулась к мужу, выражая всем своим видом настойчивое желание получить объяснение тому, что это значит.

— Дорогая, позволь познакомить тебя с мисс Лавин,— поспешил Хаббл.

— Просто Лавин,— спокойно сказала уже полностью очнувшаяся Норма.

— Разумеется, Лавин. А это мистер Мандин. Уверен, что с Гарри и Джорджем ты знакома. Мистер Мандин уже успел сделать тебе комплимент в отношении того, как ты отделала наш дом.

Взгляд миссис Хаббл тотчас же стал ледяным.

— Пожалуйста, поблагодари его и сообщи мистеру Мандину, что его вкус совпадает со вкусом нашей экономики — которая больше у нас не работает, поскольку проснувшись сегодня утром, я обнаружила, что она придала дому этот непристойный вид. Пожалуйста, также не забудь сказать мистеру Мандину, что когда она поспешно уходила, она забрала с собой все ключи от пультов управления, впоследствии чего я была обречена на то, чтобы бродить по этим отвратительным комнатам, пока не сочтет возможным появиться мой муж со своим табором и я смогу изменить вид этого дома, придав ему больше сходства с жильем человека.

Хаббл сунул руку в карман и вынул связку ключей. Взяв их, жена тут же исчезла среди пустых огромных комнат.

— Нам нужно с самого начала договориться вот о чем, Мандин. Пока...— начал было Котт.

— Гарри, я настаиваю!— резко перебил его Хаббл.— Здесь хозяин я! Ни одного слова о делах, пока мы не пообедаем!

Он повел их через величественный зал, осторожно придерживаясь середины. Неожиданно, повинуясь только ему знакомому знаку, он отрывисто бросил:

— Поберегитесь!

Гости послушно стали подальше от стен, которые медленно пришли в движение.

— Моя жена,— улыбаясь, пояснил Хаббл,— никак не в состоянии удовлетвориться обычными стенами надувного дома. Ей подай полную пространственную иллюзию! Сколько бы это ни стоило! В темноте в нашем доме легко рехнуться, когда проснув-

шись посреди ночи, обнаруживаешь, что кровать на четырех ножках превратилась в ложе а-ля-Голливуд! Ее, понимаете, мучает бессонница...

Стены, к этому времени, отвердели. Прежняя обстановка в них полностью исчезла, и стала формироваться новая мебель. Нынешним увлечением миссис Хаббл, похоже, была обстановка в стиле кают-компании, но, подумал Мандин, что хорошо для мостика на крейсере, вовсе негоже для убранства жилого дома. Однако, от замечаний по этому поводу он воздержался.

Застольная беседа была вялой — все были голодны.

— Насколько я понимаю,— осторожно начал Хаббл,— мисс, то есть Лавин, была на самом деле похищена мистером Арнольдом. Это так?

— Очень в этом сомневаюсь,— жуя, произнесла Норма.— У него, наверное, был очень несчастный вид, когда он сказал что-то вроде: «Ума не приложу, что делать с этим пакетом акций». А какой-то подхалим, находившийся в этот момент рядом с ним, пустился во все тяжкое. Лично Арнольд здесь ни при чем, но его вина в том, что кто-то перестарался, пытаясь предугадать его помыслы.— Она проглотила еще одну порцию рисовой каши.— Они держали меня у себя почти неделю. Боже мой, какая была неразбериха! Я и могла уйти, и не могла! Я была вроде бы вольна уйти, когда мне заблагорассудиться, но они временно считали, что будет лучше, если двери будут закрыты. Перепишите пакет акций наследника на наше имя, и мы уплатим вам целый миллион. Да, нам, конечно же, сами акции не нужны. Их стоимость не играет никакой роли. Так вот, леди, вы проявляете благоразумие, или нам придется ужесточить условия обращения с вами? Дорогая леди, у нас и в мыслях не было причинять вам какой-либо вред!— Она нахмурилась.— Один пришел повидаться со мною, Арнольд. И все время делал вид, что я пытаюсь продать ему эти акции. Не знаю, может быть, ему кто-то сказал это... Все, что я знаю, это то, что чувствую, будто кто-то ударил меня по голове обухом.

Вошел дворецкий.

— Для мистера Арнольда вы дома?— шепнул он

— Нет!— взревел Хаббл.— Меня нет дома!

— Подождите минутку, Блисс,— вмешался Нельсон.— Вы уверены, что поступаете правильно? Может быть, если мы втроем получим вместе...— Он быстро глянул на Мандина.— То есть, мы все здесь присутствующие могли бы отделиться от группы из Толидо...

— Скажите ему, чтобы убирался к черту,— сказал Котт.— Велите дворецкому сказать это так, чтобы мы все могли слышать это. Сначала мы все утрясем между собой, а уж потом станем определять, кого еще можно принять в компанию. Но не думаю, что нам нужен еще кто-нибудь.

— Скажите ему,— весело бросил Хаббл дворецкому.— Друзья, если бы вы только знали, как я долго ждал... Ну, ладно, Гарри прав, Джордж. Давайте определяться. У вас под ногтем

одиннадцать процентов, считая подставных лиц для голосования. У меня пять с половиной, чистые. У Гарри собственных три процента, но он может оказать влияние... на скольких, Гарри?

— Девять,— без запинки ответил Котт.

— Понятно?— продолжал Хаббл.— Этого достаточно. С двадцатью пятью процентами этих людей мы...

Мандин крепко прижал ногу Нормы, когда она открыла было рот, чтобы спросить, каким образом они отыскали акции, и быстро произнес.

— Не думаете ли вы, что нам следовало бы не касаться этой темы до конца обеда?

Хаббл обвел собравшихся взглядом.

— Обед, как мне кажется, уже закончился,— вежливо произнес он.— Не угодно ли вам перейти в библиотеку, господа, и выпить по чашечке кофе?

Хаббл остановился перед входом в библиотеку и произвел какие-то манипуляции на небольшом пульте, прежде чем позволить гостям пройти внутрь.

— Здесь хозяйничаю я,— не без гордости сообщил он.— Жена, хотя и заправляет в большой части дома, ха-ха, не в состоянии лишить меня небольшого собственного уголка. Ну-ка, поглядим, есть ли здесь что-нибудь бодрящее?

«Библиотека»— в ней не было видно ни книг, ни микрофильмов— задрожала и растаяла, превратившись в нечто похожее на гостиную лондонского клуба XIX века.

Мандин с подозрением попробовал сесть в одно из глубоких кресел. Оно оказалось на редкость удобным. Норма внимательно посмотрела на него и бодро произнесла:

— Ну, что ж, господа, за работу!

— Прекрасно!— отозвался Гарри Котт.— Прежде чем мы углубимся в тонкости, я хотел бы выяснить одну небольшую деталь. Я слышал на собрании, что упоминалась фирма Грин и Чарльзуорта. Так вот, вы каким-то образом связаны с нею?

Грин, Чарльзуорт... Мандин помнил, что Райан упоминал эти имена. Их следовало опасаться.

— Мы не связаны с ними,— четко сказал он.— Мы сами по себе. Мисс Лавин и ее брат являются наследниками одного из основателей ДМЛ. Мне же, кроме того, что я их поверенный, удалось заполучить некоторое количество акций.

— О'кей,— кивнул Котт.— Тогда это четкая и простая атака, и нам для нее хорошенько нужно поднатужиться. Как я понимаю, никто не возражает против того, что первым шагом, который следует предпринять, это вызвать банкротство корпорации?

— Что?— изумленно воскликнул Мандин.

— Я так и знал, что вы не специалист,— дружелюбно улыбнулся Котт.— Вы ожидали чего-то иного, Мандин?

— Ну, сбивчиво стал объяснять Мандин,— мне казалось, что

ваша доля акций и наша, если их сложить вместе... Решает большинство, не так ли?

Все вокруг него весело, хотя и добродушно рассмеялись.

— Мистер Мандин, вам еще многому нужно научиться. Неужели вы всерьез полагаете, что мы могли бы в открытую при существующем правлении голосовать, исходя из наших акций?

— Не знаю,— искренне признался Мандин.

— Вот видите, не знаете,— кивнул Котт.— Вы не сможете раскачать лодку. Подставные лица не поддержат нас. Нужна атака на правление, верно, но только соответствующим образом проведенная.

— Я думаю, он прав, Мандин,— вмешалась Норма.— Так или иначе, но до сих пор им удавалось не допускать нас. Единственное, что изменилось, это то, что эти люди теперь знают, что мы живы и считают, что они от нас в состоянии отделаться.

— Вы абсолютно правы,— кисло улыбаясь, сказал Котт.— В первый раз я и сам засомневался, в состоянии ли мы что-нибудь сделать.

— Почему же необходимо банкротство?— спросил Мандин.

— А как бы вы поступили, мистер Мандин?— спросил Хаббл.

— Ну, я, знаете ли, не знаток корпоративного законодательства, джентльмены, этот аспект я оставляю своему коллеге мистеру Брайану, который является членом коллегии адвокатов. Но мне кажется, что первым нашим шагом должно быть образование комитета акционеров с требованием, чтобы существующий совет правления подробно отчитался в своей деятельности. Я, разумеется, понимаю, что группа Арнольда будет изворачиваться, пытаясь вводить в заблуждение, искать компромиссы. Весьма возможно, нам предложат какое-то представительство в совете правления, конечно, гораздо меньше, чем то, которое соответствует размерам нашего пая. Но это все не так уж трудно уладить. Нам достаточно пойти с протестом в суд и подать иск на правление.

— Это опасно,— одновременно сказали Хаббл и Нельсон.

— Таким образом мы ничего не добьемся,— сказал Котт.— Послушайте, молодой человек, нас сомнут, едва мы начнем. Я помню, когда команда из Мефиса пыталась...

— Кто, кто?— перебил его Мандин.

— Команда из Мефиса. Группа Арнольда. Они отобрали ДМЛ у шайки из Толидо восемнадцать лет тому назад именно таким способом, какой вы предлагаете. Но на это у них ушло шесть лет, и если бы шайка из Толидо не раскололась, им бы не удалось задуманное. Но эта Толидская банда до сих пор достаточно сильна. Вы сами видели, что Арнольду пришлось ввести Уилкокса в совет правления, чтобы ублажить ее.

Мандин, который абсолютно ничего не понимал из слов собеседника, произнес в отчаянии:

— Неужели нельзя хотя бы попытаться?

— Пустая трата времени! Когда Арнольд взял верх, капитал ДМЛ составлял менее десяти миллиардов. Сейчас перед нами не-

измеримо большая масса капитала. Она имеет инерцию, Мандин. Чудовищную инерцию. Перышком ее не сдвинуть. Для этого нужен динамит. А на это нужно время, нужно много денег, нужно приложить массу труда и не меньше мозгов. И я расскажу вам, что нужно делать.

И он стал рассказывать. Чем больше Мандин слушал, тем больше недоумевал, и тем сильнее ощущения его становились близки к нескрываемому ужасу. Банкротство! Каким образом довести корпорацию стоимостью в 14 миллиардов долларов, немыслимо процветающую, до банкротства?

Ему не по душе пришелся ответ на этот вопрос, когда он его услышал. Но он понимал, что нельзя сделать омлет, не разбив несколько золотых яиц.

Котт, явно восхищаясь собой, рисовал картину широкими яркими мазками.

— Ладно, Блисс, пусть твои ребята займутся составлением ходатайства в отношении различного рода соглашений и договоренностей. Мы сами войдем с ним, пока группа Арнольда не додумалась до этого, и нам такое ходатайство нужно как можно быстрее. После этого...

Мандин жадно впитывал слова старого мошенника, однако ему совсем не по душе была практика корпоративной юриспруденции. Совсем не такой всегда представлял он ее. Он очень жалел, что здесь не было старика Райана. С полной до краев банкой опиума...

Было уже около полуночи. Никогда еще Мандин не чувствовал себя таким усталым и разбитым. Даже Норма Лавин глубоко осела в кресле. Но Котт, Хаббл и Нельсон были энергичными и разгоряченными. Глаза их блестели, как у опытных специалистов, занятых той работой, которую они лучше всего знают и любят делать.

И дело было сделано. Мандин, зевая, с трудом поднялся на ноги и устало произнес:

— Значит, первое, что я должен сделать, это открыть несколько контор, так?

Наступила пауза. Затем, тяжело вздохнув, ее нарушил Гарри Котт:

— Не совсем так, Мандин.

— А что же?

— Назовем это вопросом личного характера,— решительно произнес Котт.— До нас всех дошли слухи о молодом Лавине. Не смею утверждать, что они соответствуют действительности. Мне лично об этом ничего не известно. Но если это правда, то наши пути расходятся.

— Послушайте, Котт! — вскипел Мандин.

— Спокойно, спокойно, молодой человек. Нам всем нужно еще раз внимательно взглянуть на ваш документ. Так, это доверенность, и я совершенно не сомневаюсь в ваших полномочиях.

Но это вовсе не доверенность, позволяющая голосовать в соответствии с долей акций. Здесь нигде не говорится об акциях ДМЛ, кроме письменного распоряжения в самом конце, но сам Дон Лавин свою подпись здесь не поставил.

— Что вам нужно? — угрюмо поинтересовался Мандин.

— Позволяю рассказать вам одну фантастическую историю. Не стану утверждать, что это правда. Но история сама по себе интересна. Имеются двое молодых людей, предположим, брат и сестра. У одного из них есть некоторое количество акций, но он не может ими воспользоваться. Другой же является временно недееспособным. Предположим, что эти люди попадают в руки молодого ловкого адвоката. Первое, что он делает, это идет на собрание акционеров и дает понять, что акции существуют. Пользуясь этим в качестве клина, расколовшего ряды акционеров, он добивается освобождения девушки. Вместе с этой девушкой, он обводит вокруг пальца трех простаков — хотя бы вот, например, Хаббла, Нельсона и меня. Заручившись поддержкой этих простаков, он выжимает признание правомочности акций из тех, кто сначала не поддался на его удочку, например из Арнольда. Что ж, сработано великолепно — ему достается девушка и, самое главное, акции. Вопрос вот в чем — а что же тогда остается на долю наших простаков?

Боже, подумал Мандин, а ведь я никогда не верил в возможность прочтения мыслей.

— И я должен всерьез воспринимать эту фантастическую историю? — спросил он.

— Разумеется, нет, Мандин,— покачал головой Котт.— Просто чтобы до конца выяснить наши отношения, прежде чем мы глубоко увязнем в этом деле, нам хотелось бы поглядеть на эти акции. Вас устроит завтра утром?

— Завтра утром? Вполне! — с напускной храбростью ответил Мандин.

Глава 17

Рассмотрим порт Нью-Йорк. Но не в те времена, когда его грязно-черные воды омывали окраины Белли-Рэйв, а во времена старого Нью-Йорка, когда Белли-Рэйв был новеньким, с иголочки, и штукатурка на стенах его домов еще не растрескалась. Когда эта гавань была полна океанских судов (вы помните, что собой представляет судно?). В те времена между берегами островов Манхеттен и Джерси курсировали паромы.

В эпоху бума середины двадцатого столетия их было множество, до десятка линий. Одни были старыми, другие — новыми. Одни были быстрыми, другие — тихими...

Железным дорогам тогда принадлежали две паромные линии. (Помните железные дороги?)

Одну из них обслуживала прекрасная флотилия из полудюжины судов в несколько тысяч тонн водоизмещением, со стальными

корпусами, построенными на верфях Ньюпорта. Их курс прокладывали с помощью радаров, грузы на их палубах были размещены ровно и аккуратно.

А вот другая флотилия состояла из трех ржавых небольших посудин, еле волочившихся через пролив и причаливавших к разбитым древним де баркадерам.

И вот парадокс — ржавые паромы-ломовики принадлежали богатой и процветающей железной дороге. А оснащенные радарами гиганты были имуществом корпорации, которая находилась в руках судебных исполнителей в течении сорока лет, так как давно прогорела.

Было установленным фактом, что в середине двадцатого столетия старые паромы Нью-Йоркской гавани, которые могли себе позволить оснащение дорогостоящими благами научных исследований, принадлежали линии, которая обанкротилась.

Позвольте перефразировать словарь:

БАНКРОТСТВО (существ.) — состояние дел, до которого фирму довели не владельцы, а незаинтересованные менеджеры.

Следовательно, это естественное и предпочтительное состояние для Большого Бизнеса.

— Ладно, ладно, ладно! — упрямо твердил Мандин.— Не нужно повторять все еще раз, Райан. Финансы — это дело Котта, а не мое. А корпоративное законодательство — ваше дело, тоже не мое. Вы утверждаете, что необходимо довести ДМЛ до банкротства, и мне не остается ничего другого, как не мешать вам. Но, должен заметить, что мне очень не по душе их методы!

Райан, поморщившись, переменил позу на продавленном диване. Его состояние вызывало большую тревогу у Мандина. Кожа его была бледно-желтой, под глазами — черные круги. Очевидно, старый идиот совсем ничего не ел в течение нескольких последних недель. Но когда он говорил, в его словах звучал вполне здравый смысл.

— Когда вы идете к врачу,— сказал он,— чтобы спасти свою жизнь, разве вы жалуетесь на вкус лекарств?

Мандин ничего не ответил и стал расхаживать по комнате.

Уложив в постель Дона, вернулась Норма, села и устало налила себе рюмку.

— Дрянь,— пожаловалась она, скорчив гримасу.— Никак не удается получить приличный самогон. Мандин, ну как там акции?

— Лавин... Норма... Если вы еще раз спросите об этом, клянусь, я встану и уйду отсюда. Не знаю, как там акции. Может быть, мы не сумеем представить их. Если не сумеем, значит не сумеем. Сегодня у меня был трудный день, и сейчас я уже больше не в состоянии творить чудеса. Может быть, нам удастся завтра утром отговориться от этого Котта и остальных.

— Скорее всего, нет,— покачала головой Норма, вызывающе глядя на Мандина.

Было уже заполночь, но Райану нужно было услышать обо всем, что произошло, и всем им нужно было тщательно спланиро-

вать следующий день. Мандин, как можно подробнее, рассказал о собрании акционеров и о последующей беседе в доме Хаббла. Ни одна мелочь не была оставлена без внимания.

Около часу ночи к ним присоединился Норвел Блай. Впуская его, Мандин с удивлением посмотрел на пришедшего коротышку.

— Просто хотел убедиться, не нужна ли еще какая-нибудь помощь с нашей стороны сегодня ночью,— с живостью в голосе пояснил Норвел. Ему нравится все это, с некоторым раздражением подумал Мандин — до него все еще с трудом доходило, что значит для Белли-Рэйв работа, любая работа, какой бы ни была плата за нее.

— Кто это «Мы»? Что вы имеете в виду, когда употребляете слово «Мы», Блай?! — почти выкрикнула Норма.

— Я и Кролики,— ухмыльнулся он.— По дороге меня остановила Дана и попросила передать вам, что Гренадеры выставили поблизости патруль примерно в десять часов, но Кролики о нем позаботились. Не знаю, пытались ли они напасть на вашего брата или нет.

— Я не видела здесь никаких Кроликов, когда мы вернулись сюда,— сказала Норма.

— И не увидели бы! — рассмеялся Блай.

— Мне кажется, вы могли бы идти домой, Норвел. Сейчас вы, вряд ли, можете быть чем-нибудь полезны,— строго сказал Мандин.

— Вы хотите сказать, чтобы я не совал свой нос в чужие дела? — поинтересовался Блай.— Хорошо. Если вам что-нибудь понадобится, только скажите. Договорились?

Он развел руками, улыбнулся и направился к двери.

— Погодите, Блай! — остановил его Райан.— Мандин... Норма... подойдите ко мне на минутку.

Мандин и девушка, повинуясь его приказу, близко наклонились к нему.

— Не мешало бы выяснить,— тихо произнес старик,— может ли он быть нам полезен, так сказать, с медицинской точки зрения для Дона.

— Райан! — резко возразил ему Мандин.— Вы же сами говорили, что нам нельзя прибегать к этому! ДМЛ не позволит нам, вспомнили? Применение без разрешения техники кондиционирования. На ставке 14 миллиардов. Если мы нарушим закон, то ДМЛ...

— Помолчите, Мандин,— оборвала его Норма.— Райан прав. Сейчас ситуация изменилась. Нас сейчас поддерживают Котт, Хаббл и Нельсон.

Несколько минут они сидели молча. Блай неподвижно стоял возле двери. Наконец, Мандин отрицательно покачал головой и произнес:

— Если и предпринимать попытку раскондиционировать Дона, то это надо делать совсем не так. Если уж нарушать закон, то, по крайней мере, скрытно, не ставя об этом в известность всех бес-

призорников в Белли-Рэйв. Я уже говорил об этом вам раньше, Райан. Мне не нравятся ваши грязные методы. Мы сумеем так или иначе, но только законным образом произвести раскондиционирование Дона. Ведь теперь мы набрали кое-какую силу и можем испросить судебный ордер, сделать соответствующий, по крайней мере, запрос...

— И будем иметь акции завтра утром,— закончил за него Райан.— Отлично у вас получается, Мандин. Что ж, я не против, если вы сумеете это провернуть. Однако, я все же не пренебрег бы помощью этого человека...

— С чего вы взяли это, что Блай может нам помочь?— возмущенно выпалил Мандин.— Предположим, мы попросим его, но из этого ничего не выйдет? Что тогда? А тогда наш затруднения станут общеизвестны, и мы будем находиться все там же, где и сейчас!

— Разрешите мне попробовать, мистер Мандин,— отозвался от двери Норвел.— Это все, чего я прошу.

Мандин недоверчиво посмотрел на него.

— Я умею читать по губам,— извиняющимся тоном произнес Блай.— Вы, наверное, забыли, что я глуховат. Разумеется, за тридцать лет я кое-чему поднаучился. Я уверен, что Дана сумеет найти подходящего врача. Все, что от вас будет требоваться — это только обратиться к ней за помощью.

Мандин плюхнулся в кресло и застонал.

— Это конец,— с горечью в голосе произнес он.— Один сообщник за другим! Еще один болтливый язык!

— Я бы не стал говорить в подобных выражениях о Дане, мистер Мандин,— встревоженно произнес Блай.— Вспомните, что она для вас сделала!

— А кто имеет что-нибудь против нее? Но ведь она всего-навсего тринадцатилетний ребенок! Какой ребенок в состоянии держать язык за зубами? Я не отрицаю, что она очень помогла нам отыскать мисс Лавин, но это вовсе не означает, что у нее сверхчеловеческие способности. Нет, я решительно отвергаю все, что связано хотя бы с малейшей возможностью разглашения даже наших помыслов обратиться к подпольному врачу.— Он запнулся, услышав, что Блай издал звук, подозрительно похожий на едва сдерживаемый смешок.— В чем дело, Норвел?

— Да, нет, ничего, мистер Мандин,— извинился Норвел, овладев собой.— Вы только...как бы это сказать...недооцениваете эту девчушку!

— Да, девчушку!— с вызовом отозвался Мандин.— Я не забываю, что ей всего тринадцать лет!

— Конечно,— застенчиво произнес Блай, затем спокойным голосом добавил:— Дана, зайди сюда.

Заскрипели ступеньки, и вниз с чердака стала спускаться Дана в сопровождении восьмилетнего мальчугана.

— Понимаете ли, мистер Мандин,— начал Блай.— Кролики

практически вездесущи. Дана, ты могла бы отыскать доктора, который вылечил бы парня?

Дана подождала, пока восьмилетний курьер выйдет, только потом сказала:

— Здесь есть одна толстуха, Гесси-Две-Тонны. Так вот, у нее есть приятель, доктор. Когда ее один раз поймали и кондиционировали, то он никак не мог поладить ни с какими другими девчонками и вынужден был вылечить подружку. Он отыскал одного диагноста, который в знак солидарности с коллегой по профессии отыскал хирурга...

Телефонный разговор с Коттом длился немало времени и обошелся Котту в круглую сумму. Теперь у Мандина была зацепка.

Всегда подозрительная Норма, глядела на брата, засыпающего под действием анестезии, сердито обратилась к Мандину.

— Он мог оставить Дона идиотом. Ведь это наилучший способ замести следы.

Мандин тяжело вздохнул. Они находились в операционной. Потянуло едва заметным запахом обуглившейся под лазером кости. Самый напряженный момент — когда поднимается черепная коробка. Вставляются электроды, по ним пропускаются минитоки, которые блокируют один участок коры головного мозга, возбуждая одновременно другой, подавляют один рефлекс, высвобождая другой, восстанавливая таким образом память индивидуума.

Дон открыл глаза и улыбнулся Норме.

— Привет сестричка. Мне теперь гораздо лучше.

Норма разразилась слезами. Доктор Нессен облегченно вздохнул.

— Проверьте блокировку памяти,— предложил он Мандину, но Дон сам не стал дожидаться.

— Вы имеете в виду акции?— спросил он.— С ними все в порядке. Они находятся в сейфе № 27993, Первого Национального Банка в Кошоктоне. Ключ не нужен. Для идентификации нужен мой снимок и отпечатки пальцев. А так же кодовая фраза: «Грей, друг мой, это все теория и вечнозеленое дерево жизни». Это из Гете. Эту строку не раз цитировал отец.

— Ты помнишь и все остальное?— спросила сквозь слезы Норма.— Все-все?

Дон поморщился.

— О, приходится. Эти пятьдесят часов, в течение которых меня обрабатывали. Вот это неплохо было бы забыть.

— Какое варварство,— пробормотал врач.— Мы все здесь правонарушители, но я рад, что вы обратились ко мне.

Управляющий аэропортом «Бринкс-Карго» скептически посмотрел на них.

— Разумеется, мы даем напрокат. Так вот, я позволю себе повторить. Бронированный вертолет. Рейс к Первому Националь-

ному Банку в Кошоктоне, где к вам присоединится вооруженная охрана, и обратный перелет в Монмаунт. На борту вертолета вас будет четверо, верно?

— Верно,— кивнул Мандин.

— Двенадцать с половиной тысяч долларов,— объявил управляющий, быстро сосчитав на бумажке.— Самый большой и быстрый вертолет с шестью охранниками.

Изъятие акций из сейфа прошло гладко, как по маслу. Кондиционированный клерк вручил Дону небольшой ящичек, в котором находились документы, подтверждающие двадцатипятипроцентную долю Дона Лавина в основном капитале фирмы ДМЛ. Мандин изумленно проверил их, как только они поднялись над улицами Кошоктона. Акции номинальной стоимостью в три с половиной миллиарда долларов, не переставая повторял он про себя.

Весь обратный путь в Монмаунт они почти не говорили друг с другом.

— Ну, что, помогло, Дон?— спросил Хаббл.

— Если это все окажется напрасным...— заметил Котт.

— Сколько все это стоило?— поспешил Нельсон.

— Спасибо, у меня все в порядке,— вежливо ответил Дон Лавин.

— И, между прочим,— небрежно добавил Мандин,— мы уже побывали в Кошоктоне. Так что теперь нет необходимости в оформлении дубликатов, джентльмены.

Они проверили подлинность документов, жадно пожирая их глазами, испытывая ужас перед суммой, которую видели их глаза.

— Мы теперь не отступимся!— торжествуя, воскликнул Котт.— Ждем следующего собрания акционеров. Три месяца — вполне достаточное время, чтобы расшатать фирму и собрать необходимое нам большинство. Господи, большинство! Тогда к черту всякие подставные лица, к черту эти голосования по доверенности!

Они, перебивая друг друга, взахлеб говорили о контрольном пакете, о неотменяемых совместных договоренностях, и Мандин, глядя на этих трех финансовых воротил, неожиданно увидел в них хищников из джунглей. Он тряхнул головой, и иллюзия исчезла. Но он уже не мог отогнать мысли об огромном прожорливом травоядном животном, коим представлялось ему ДМЛ, которую со всех сторон обжирали мелкие хищники с острыми зубами. Даже Норма ощущала нечто подобное, так как ее в конце-концов прорвало:

— Папа никогда не имел в виду...— она с трудом умолкла и бросила в сторону заговорщиков ненавидящий взгляд. Затем устало произнесла: — К черту все это. Извините меня. Я ведь как-никак, не принимаю участие в голосовании.

И она вышла из комнаты.

— А теперь,— произнес Котт, едва ли заметивший уход Нор-

мы,— возможно, пока мы доводим ДМЛ до банкротства, контрольным пакетом могут завладеть Грин и Чарльзуорт. Не думаю, что это произойдет, но береженного и бог бережет. Они, конечно, непременно вылезут на свет божий, это без сомнения. Поэтому, Чарльз, ни в коем случае не пытайтесь сами браться за это дело. Доверьте его нам. Понятно?

— Понятно,— кивнул Мандин.

— Грин, Чарльзуорт... Банкиры, субсидирующие страховые компании и банки. Где только не появляются эти имена...

— Значит, сейчас нам остается опасаться только Грин и Чарльзуорта?

— Нет,— честно признался Котт.— Это очень длительное и серьезное предприятие, Мандин. Банкротство — очень хитрая штука, даже тогда, когда капитал корпорации сравнительно невелик.

— И вы твердо решили прибегнуть к банкротству? Разве нельзя добиться своего голосованием или при помощи манипуляций с нашими акциями на бирже?

— Если что-нибудь приведет к тому, что против нас будут Грин и Чарльзуорт,— пояснил Котт,— то иначе нельзя. Простой шантаж и взятки, банкротство и крах, иначе не остановишь маховик.

Мандин, все равно мало что в этом понимал, обеспокоенно поглядывая на Дона.

— Что это стряслось с Нормой?— спросил он.

— Не обращайте внимания,— отмахнулся Дон.— Папа страстно хотел и посвятил этому всю свою жизнь, чтобы его избрание было священным обязательством перед людьми. Он наставлял нас, чтобы оно было направлено на пользу всему обществу. И ей глубоко запали в душу эти заветы. Забудьте об этом.— Он улыбнулся, но взгляд его оставался все таким же скрытым, как и до проведенной доктором Нессеном операции.— Кто вам больше всего по душе на Дне Состязаний?— туманно спросил он.

Глава 18

— Вам нужно быть осторожным,— сказал Мандин.— Никому не говорите, что вы представляете ДМЛ. Вы всего-навсего любитель.

— Понятно, мистер Мандин,— кивнул Норвел Блай.

Мандин задумался.

— Если бы мы только могли действовать открыто вместо всей этой закулисной возни. Ну, что ж, дела идут неплохо. Вы уверены, что все поняли?

— Совершенно уверен, мистер Мандин,— произнес Норвел и неожиданно подмигнул, глядя на сомневающееся лицо Мандина.— Ух, и зададим мы им трепку, дружище,— сказал он и вышел.

Позже, в кабинете Канделлы, в здании «Дженерал Рикрейшенз», Норви не был столь самоуверенным. Это была конто-

ра, где он пережил столько трудных дней. Именно здесь молодой Стимменс перерезал ему глотку. Именно через эту дверь Канделла вышвырнул его из фирмы.

Электронная секретарша известила Канделлу, и Норви снова ощутил уверенность в себе.

Канделла встретил его на пороге с широкой улыбкой.

— Норви, приятель! — завопил он.— Черт побери, очень рад тебя видеть! Как твои дела?

— Доброе утро, Канделла,— вежливо произнес Норвел и убрал руку, едва Канделла слегка прикоснулся к ней.

— Что привело тебя ко мне, дружище?

— Буду краток. Вы получили мое письмо?

— Разумеется, Норви. Ты здесь, на самом деле, в отношении...— он быстро обвел взглядом вокруг и тихо добавил — этой ДМЛ?

— Именно так. Речь идет о ДМЛ. Но учтите, ничего официального. Подчеркиваю, ничего официального.

— Разумеется, ничего, Норви!

— И вы мне обещаете хранить в строгом секрете все, что я вам расскажу?

— Конечно, Норви!

— Никому ни слова?

— Ни-ни...

— Хорошо. Одним словом, Канделла, мы подали жалобу.

— Жалобу?

— О, не на вас — понятия не имею, насколько плохо или хорошо вы ведете сейчас дело, да к тому же, в любом случае, оно не имеет никакого отношения к ДМЛ. Мои компаньоны даже в мыслях не имеют намерений вмешиваться в дела другой корпорации.

— Разумеется, не имеют,— кивнул Канделла.

— Наша жалоба имеет отношение к домам-пузырям, Канделла. Один из моих компаньонов — весьма крупный акционер ДМЛ. Мы прослушали, ну, как это сказать, отчеты. Буду с вами откровенен — мы не смогли проследить их источник. Но они вызывают тревогу, Канделла. Очень сильную тревогу. Настолько сильную, что я не в состоянии повторить услышанное, не смею даже намекнуть на то, чего это касается. Вам это понятно, не так ли?

— Разумеется, мистер... разумеется Норви!

— Я только хотел бы задать вам несколько вопросов, не давая каких-либо пояснений, почему я их задаю. Двадцать восемь тысяч надувных домов, которые сдает в аренду фирма «Дженерал Рикрейшенз», почти целиком заняты женатыми парами, насколько мне это известно. Какое количество таких браков бесплодны? И какой процент дефективных детей среди тех, которые родились у жильцов, проживающих в этих домах?

Канделла был готов лопнуть от любопытства.

— На это я сейчас не могу ответить,— произнес он,— но...

— Конечно, вы не знаете,— нетерпеливо перебил его Норвел.— Я не задался целью задавать вам прямые вопросы. Нет

никакого смысла распускать слухи, но если вы сможете это выяснить втихомолку, я буду вам весьма признателен.— Он извлек красочную визитную карточку Мандина, которую удалось напечатать за одну ночь.— Здесь номер моего телефона. Запомните, я вам ничего не предлагаю — это было бы неэтично. Но проделанное вами будет по достоинству оценено мною и моими компаньонами. Мы покажем, какими благородными мы можем быть, Канделла. Прощайте.

Он вежливо поклонился.

— Эй, Норви! — вскричал Канделла.— Куда же вы уходите? Может быть, вы останетесь и пообедаете со мной? Выпьем по маленькой и все такое...

— Простите. Боюсь, что не смогу.

— Но,— запротестовал Канделла,— Норви, дружище, все давно забыто. Мы так соскучились по вас. Особенно Стимменс. Не знаю даже, чем мне оправдаться, если вы не захотите отобедать с нами.

— Стимменс? — нахмурившись, задумчиво произнес Норвел.— А, Стимменс? Извините, Канделла. Передайте ему от меня привет и скажите, что я его часто вспоминаю.

С этими словами он вышел. В этот день у Норвела дел было невпроворот. Кроме «Дженерал Рикрешенз», он должен был еще заглянуть к Хусейну и еще в добрый десяток баров в Монмаунтсити. К вечеру он чертовски устал, но был очень доволен и на три четверти пьян. Последнее свое поручение он выполнил со смешанным чувством грусти, гнева и ностальгии.

Анри Дворкас впустил его к себе.

С этим человеком Норвел не пытался прибегать к тем уловкам, которыми он пользовался, беседуя с Канделлой. Для Анри он оставался стариной Норвелом, истинным другом, скромным слушателем того, что ему втолковывают. Когда он сидел рядом с Анри и слушал, как тот комментирует мировые события, ему казалось, что Белли-Рэйв был всего лишь кошмаром, а Мандин — человеком из сновидения. Ничего не изменилось, да и ничего не изменится вообще, пока у него будет возможность сидеть вот так, потягивая пиво Анри.

Но перемены все же произошли...

Арни осушил свой бокал, вытер рот и заказал на пульте еще один.

— Нет, Норвел,— задумчиво проговорил он,— я бы не сказал, что ты преуспел. Во всяком случае, не в том смысле, как понимаем это мы, Инженеры. Для нас, Инженеров, механизм — а мы все, Норвел, являемся механизмами, я, ты, любой другой — механизм работает успешно, когда он функционирует с наивысшей эффективностью. Честно, в своем небольшом эксперименте, когда я предложил тебе попробовать Белли-Рэйв, я пытался воспроизвести то, что мы называем «испытанием на прочность». Это единственный способ, с помощью которого можно определить максимальную эффективность. А что произошло на самом

деле? Ты поднялся не вследствии своих собственных попыток, Норви. По чистой случайности ты обзавелся связями и теперь являешься секретарем по-настоящему способного человека. Если прибегнуть к аналогиям, разве мой фломайстер определяет успех расчетов, которые я произвожу?

— Очень жаль, Арни,— сказал Норвел. Ему было трудно решить, чего ему хотелось больше — то ли рассмеяться Арни прямо в лицо, то ли вышибить ему пару передних зубов пивной кружкой.— Мистер Мандин очень высокого мнения о тебе и твоем брате тоже, да будет тебе это известно.

— Естественно, это одна из тех штук, которой тебе следует научиться. Подобное ищет подобное, как во взаимоотношениях между людьми, так и в электростатике.

— Я всегда считал, что в электростатике подобное отталкивается...

— Куда это ты?— раздраженно воскликнул Арни.— Не специалист! Философ! Именно такие, как ты...

— Извини, Арни!

— Ладно, не принимай так близко к сердцу. По-настоящему умелые люди никогда не теряют контроль над собой, Норви. С твоей стороны глупо поднимать из-за этого такой шум.

— Извини, Арни. Именно это я всегда говорю мистеру Мандину.

Арни спросил, подозрительно, задержав кружку на полпути к месту ее опорожнения:

— Что это ты всегда советуешь мистеру Мандину?

— Ну... говорю, что ты никогда не теряешь контроль над собой в экстремальных случаях. Что именно такого, как ты, лучше всего было бы поставить во главе... боже мой, Арни, мне не следовало этого говорить!— Норвел прикрыл рот ладонью.

— Норвел! Не ходи вокруг да около, скажи прямо — во главе чего?

— Ну... ну... я мог бы, пожалуй, тебе довериться. Ты ведь мой друг... не так ли, Арни?

Дворкас быстро кивнул.

— Во главе... во главе ДМЛ!

— При чем здесь ДМЛ?— отмахнулся Арни.

— Сейчас еще рано говорить что-либо определенное, и, пожалуйста, Арни, никому ни слова об этом разговоре. До тебя, разумеется, дошли слухи, что творится в ДМЛ?

— Естественно!— вскричал Дворкас, хотя его взгляд выражал полное непонимание того, о чем идет речь.

— Мистер Мандин связан с... э... Кошоктонской группой, Арни. И он подыскивает, конечно втихомолку, понимаешь, ключевых людей, которыми можно было бы заменить старых болванов в ДМЛ. Я имел не осторожность упомянуть ему твое имя, Арни. Только вот мистер Мандин, понимаешь, не очень-то разбирается в технических тонкостях, и у него нет твердой уверенности в том, каким опытом ты располагаешь.

— Мой послужной список имеется в профессиональных журналах, Норвел. И я не свободен рассуждать о нем, разумеется, в неофициальной обстановке.

— Да, да, конечно! Но мистер Мандин просил меня узнать, над какими моделями домов ДМЛ ты работал. Серийные номера, месторасположение и так далее. А я вынужден был ему сказать, что вся подобная информация является секретной и даже тебе вряд ли удастся заполучить ее.

Арни удивленно покачал головой.

— Эх ты, неспециалист! Норвел, для меня нет никаких препятствий раздобыть микрофильмы с этой информацией. Это просто бюрократическая мышиная возня, которая обуславливает эту секретность. Мы, Инженеры, давно привыкли к тому, чтобы проникать сквозь эти барьеры секретности.

— Ты имеешь в виду, что смог бы узнать,— вскричал, словно очарованный, Норвел.

— Разве я уже не сказал этого? Для меня нет никакого труда подключиться к архивному компьютеру, извлечь необходимые материалы, ведь я сам разрабатывал их, и сделать микрофильм.

— Лучше было бы, если бы ты замикрофильмовал все подряд,— предложил Норвел.— Это поможет мистеру Мандину составить общую картину.

— А почему бы и нет?— шутливо пожал плечами Арни.

— Не забудь серийные номера,— напомнил Норвел.

Как было заранее договорено, Норвел встретился поздно вечером с Мандином у Хусейна и доложил о своих успехах.

— Пока все идет как будто неплохо,— кивнул головой Мандин.— Я тоже сделал все, что намечал, и насколько я себе представляю, Хаббл, Котт и Нельсон тоже не выбиваются из графика. Так что мы можем со спокойной душой выпить!

— Спасибо, не надо,— ответил Блай.— До Белли-Рэйв далеко добираться, да и жене тяжело торчать весь день одной.

— Послушайте, Блай,— сказал Мандин,— почему это вы так прилипли к Белли-Рэйв? Если все дело в деньгах...

Норви покачал головой.

— Сейчас вы мне платите много. По правде говоря, похоже, что мне вроде бы понравился Белли-Рэйв...

— Вы это серьезно?

— Ну, может быть, и не очень,— рассмеялся Норви.— Но, тем не менее, какое-то время я там еще пробуду. А теперь мне надо ехать. Хотя Кролики и должны постеречь дом, но они не очень-то высокого мнения о Сэнди — это моя девочка — и поэтому мне немного не по себе, когда ночью в доме нет мужчины. Мандин начал что-то понимать.

— Мне казалось, у вас есть кто-то вроде телохранителя?

— Вы имеете в виду Шепа? Он больше не работает у меня.— Выражение лица Норви было непроницаемым.— У него произошел несчастный случай со свинцовой трубой.

Глава 19

Табличка на двери гласила:

«Райан и Мандин, адвокаты».

Контора занимала добрый этаж очень приличного здания.

Делу Дворкасу пришлось сначала хорошо отдышаться, прежде чем он открыл дверь и представился пышнотелой секретарше-блондинке. Одним из небольших удовольствий, которые стал теперь позволять себе Мандин, когда у него была свободная минута для этого, было то, что он говорил продавцам автоматического конторского оборудования, что им лучше всего делать со своим товаром.

— Пожалуйста, садитесь,— проворковала девушка.— Мистер Мандин велел мне сказать вам, что вы будете первым же посетителем, которого он примет.

Добрый десяток других дожидавшихся в приемной обратил свои взоры на Дела Дворкаса. Однако он, будучи профессиональным общественным деятелем, без особого труда завел разговор со своим соседом. Один разговор, другой, и вот уже в беседу втянулись все присутствующие в зале. Тут оказался нефтехимик, надеявшийся на место консультанта в фирме. Присутствовал журналист, восходящая звезда, который считал, что из сенсационного возвращения старика Райана можно состряпать целую серию статей, и который готов был поставить свое перо на службу новой фирме. Тут были так же несколько чудаков-адвокатов, явно надеявшихся на получение работы. Находились так же несколько странных лиц, по которым давно вздыхало правосудие и которым неожиданно стукнуло в голову наняться на работу к Райану и Мандину. Было похоже, что ни у кого из присутствующих не было ни малейшего представления о том, чем же на самом деле занимается эта, процветающая на вид, фирма.

Дворкас, будучи профессиональным политиком, умел впитывать в себя информацию, умел выуживать нужные подробности, оценивать услышанное и размышлять о его значении. Но все было пока туманным и зыбким. Все, что он сумел выяснить определенно, это то, что Райан и Мандин вышли на орбиту рэкета и что множество ловкачей-маклеров хотят прокатиться по ней.

Наконец, он уловил кивок секретарши. Молодой человек с суровым лицом и значком «проводник» на лацкане пиджака взял его на буксир.

Такой странной адвокатской конторы Дворкас еще не встречал за всю свою жизнь. Адвокатской конторы, в которой были оборудованы такие трудно вообразимые вещи, как химические лаборатории и кухни, общежитие и телевизионные студии, в которой были запертые на замок помещения и открытые комнаты, назначение которых он был не в состоянии определить.

— Вы, должно быть, гордитесь тем, что работаете у мистера Мандина,— закинул он удочку.— Разумеется, вы знаете, что он

поддерживает нашу партию по вопросу 27-й поправки — в отношении прав арабов.

— Сюда, мистер,— произнес проводник и подвел Дворкаса к нише. Стены ее озарились фиолетовым сиянием, проводник бегло взглянул на флюоресцирующий экран.— Можете войти, мистер,— сказал он.— В эту дверь.

— Вы обыскали меня! — возмутился Дворкас.— Меня! Старинного приятеля мистера Мандина!

— Вот и прекрасно,— невозмутимо произнес молодой человек.— Вот в эту дверь, пожалуйста.

— Привет, Дел,— рассеянно встретил гостя Мандин.— Что тебя заставило забраться к нам? — он бросил взгляд на лист бумаги, лежавший перед ним.— О, извини меня.— Он поднял трубку внутреннего телефона. Через пять минут он положил ее на место, взглянул на Дворкаса и занялся изучением другого листа бумаги.

— Чарли...— робко начал Дворкас и запнулся.

Мандин взглянул на него, не скрывая досады.

— Ну, что?

Дворкас, улыбаясь, помахал ему пальцем.

— Чарли, ты не так, как следует, обращаешься со мной,— попытался улыбнуться он.— В самом деле!

— О, разумеется, не так. Извини, Дел. Но столько работы, если бы ты только знал,— устало закончил Мандин.— О, послушай, Дел, я по горло занят. Говори скорее, чего пришел, и покончим с этим.

— Шикарную контору ты себе отгрохал. Это дело рук ДМЛ?

— А ты что думаешь?

Дворкас продолжал улыбаться.

— Помнишь, кто тебя пристроил к этой фирме?

— О, черт побери, ты, как всегда, прав,— будто бы нехотя признался Мандин.— Хотя это вряд ли принесет тебе хоть какую-нибудь пользу. У меня нет времени для одолжений. В какой-нибудь другой раз я выслушаю тебя повнимательнее, но сейчас извини, Дел, никак не могу...

— Я хочу, чтобы ты выслушал меня сейчас, именно сейчас, Чарли! Я хочу, чтобы ты поддержал Окружной Комитет. Чтобы ты...

— Чтобы я работал на Окружной Комитет? Это ты хотел сказать?

— Я понимаю,— начал взахлеб Дворкас,— что это кажется пустячным делом. Но из него может получиться кое-что значительное, Чарли. Ты сейчас пошел в гору. А что будет с нами, Чарли? Ты обязан мне — партии, всем нам понемногу — тем, что мы направили тебя к этим Лавиным. Неужели ты на этот раз нас подведешь? Не такой уж я и гордый, могу и попросить, если надо. Держись за партию, малыш.

— Извини, Дел,— произнес Мандин.

— Чарли!

Мандин раздраженно взглянул на Дворкаса.

— Дел, старый плут, так все-таки к чему ты сейчас клонишь? У меня нет ничего такого, что я смог бы тебе предложить — даже если ты дашь большую цену, чем другие мои клиенты. Но ты этого не сделал бы!

Дворкас наклонился вперед, выражение его лица стало совсем другим.

— Я недооценил тебя, Чарли,— признался он.— Скажу тебе истинную правду. Да, сейчас у тебя нет ничего, что ты мог бы предложить, но только сейчас. Но здесь пахнет жареным. Я это чую, Чарли. Я в таких делах никогда не ошибаюсь. Я это пятками чувствую.

Теперь внимание Мандина было всецело приковано к Дворкасу.

— Ну и что же ты чувствуешь?

Дворкас пожал плечами.

— Пока мелочи. Вот Джимми Лайонс, например. Помнишь, тот самый человек начальника полицейского участка?

— Разумеется.

— Он уже там не работает. Участковый Ковалик перевел его в Белли-Рэйв. Его дважды уже пырнули ножом. Почему? Не знаю, честно, Чарли. Джимми был, конечно, негодяем, он сам шел к этому. Но почему это случилось? И что происходит с Коваликом? Он теряет в весе. Не спит по ночам. Я спросил у него, почему, но он мне не признался. Поэтому я расспросил других и кое-что выяснил. Неприятности Ковалика заключаются в том, что комиссар Саббатино перестал с ним разговаривать.

— А что стряслось с этим Саббатино?— удивился Мандин, поигрывая карандашом.

— Не прикидывайся, Чарли. Неприятности у комиссара начались с того самого дня, когда с ним имел долгую-долгую беседу некто по имени Уиллер. Не знаю, о чем они говорили. Но я знаю кое-что другое, Чарли. Я знаю, что Уиллер работает на Хаббла, а Хаббл является одним из твоих клиентов!

— Что еще новенького?— поинтересовался Мандин, откладывая карандаш в сторону.

— Не надо шутить, Чарли. Я никогда тебя не обманывал, ну, я имею в виду, ты понимаешь, не очень обманывал. Вот и ты не води меня за нос. Все в 27-м округе взбудоражены. Ходят бредовые слухи, что их всех приберет к рукам ДМЛ. И это никому не нравится. Хотя, надо признать, какой-то части молодежи это по душе, но старичкам... С этого начались небольшие семейные распри. Повсюду днем и ночью сплошные вопли и скандалы, иногда дело заходит даже слишком далеко. В 27-м округе теперь каждый день до дюжины вызовов в полицию по поводу семейной и межсемейной ругани. Поэтому я и обратился к своему брату Арни, механику из ДМЛ. Ты с ним знаком, знаешь, какой он болван. Но даже он чувствует, что с фирмой что-то твориться. Что же именно?

Кто-то, с виду секретарь — Дворкас с удивлением узнал приятеля своего брата, Блая — просунул голову в дверь.

— Извините меня, мистер Мандин,— почтительно проговорил он,— но вам звонят с посадочной площадки. Вас ожидает вертолет. Правительственный.

— Черт побери,— выругался Мандин.— Послушайте, Норви. Поблагодарите их и спросите, могут ли они подождать меня еще пять минут. Я вот-вот освобожусь...— он посмотрел на Дворкаса.

Тот поднялся.

— Я вижу, ты чертовски занят. Еще только одно. Что тебе нужно от моего брата, Арни?

Мандин тоже встал, задумчивый и в то же время рассеянный. У него был вид человека, который силится вспомнить ответ на малозначащий вопрос из простой любезности.

— Извини меня, Дел,— Мандин очевидно, так ничего и не вспомнил.

— Ничего, ничего,— поспешно произнес Дворкас.— Я приду к тебе как-нибудь в другой раз. Я просто хотел, чтобы ты меня не забывал, мы ведь с тобой очень старые друзья, не так ли?

— Будь здоров, Дел,— сердечно распрощался Мандин.

— Спасибо, Норви,— сказал он минутой позже,— Ты меня здорово выручил. Черт его знает, что это он там имел в виду, говоря об Арни.

— Мне кажется, Арни проболтался о том, что я с ним встречался.

— Бог с ним,— задумчиво произнес Мандин.— Давай пройдем в кабинет Райана. Нужно спешить — вертолет в самом деле отправится минут через двадцать.

Райан, как всегда, не теряя внушительного вида, тихо похрапывал за своим письменным столом. Выглядел он сравнительно неплохо. Опиум теперь ему давали небольшими порциями, да к тому же разбавленный. Он стойко переносил его нехватку. «Пока понимаешь, что он в любую минуту доступен, можно большую часть времени обходиться без него»,— не раз говорил он. И, как следствие этого, его выдающийся ум прояснился, и он был в состоянии работать сосредоточенно целый час без перерыва. Он лично разработал большую часть их тех семидесяти восьми шагов, которые должны были расшатать ДМЛ.

Мандин подробно изложил ему содержание своего разговора с Делом.

— По сути,— потирая руки, просиял Райан,— первые двадцать четыре пункта нашей программы мы выполнили блестяще. Не так ли, мальчики? Самые твердые акционеры стали исподтишка искать швы расползающегося здания корпорации. Мы начинаем ощущать среди них беспокойство, которое должно расшатать в скором времени все здание.

Мандин положил на стол телетайпограмму.

— Это связано с историей из Пристонской агломерации, как

мне кажется,— произнес он без особого энтузиазма.— Отрывок из реферата докторской диссертации «Устойчивость жилья: исследование потенциальных недостатков жилищ с управляемой системой обитания».

— Первые ласточки,— кивнул Райан.— Люди начинают задавать вопросы в отношении тех предметов, о которых никогда раньше не задумывались. Но поведение Дворкаса значит гораздо больше. Нет более чувствительной части общественности, чем профессиональные политики. Их суждение значит многое.— Он рассмеялся.— Очень для нас приятные миазмы сомнения и замешательства. Замечательный штрих — распространение слухов о возможности стерильных браков среди супружеских пар, живущих в домах ДМЛ. Это была твоя мысль, мой мальчик, и это доставляет мне очень большое удовольствие.

— Замечательно. Сомнение и замешательство. Поножовщина каждый вечер в 27-м округе,— угрюмо произнес Мандин и тут же раскаялся в своих словах, видя, как осунулось лицо старика.— Извините меня, мистер Райан.

— Нет, нет,— нерешительно произнес старый адвокат.— Вы помните то состояние, в котором я был, когда мы впервые повстречались? Отчасти меня довели до этого Грин и Чарльзуорт, отчасти они, отчасти угрызения совести. Так что не испытывай слишком сильно свою, Чарльз...

Вертолет вез их, Мандина и Блая, в Вашингтон.

— Неплохо бы обзавестись парой таких собственных штуковин,— раздраженно заметил Мандин.— С каждым днем нам приходится покрывать все большие и большие расстояния. Возьмите себе это на заметку, Норви.

Блай сделал записи в своем блокноте.

— Как там идут дела у брата Дела? У этого Арни?— поинтересовался через некоторое время Мандин.— Больше мы уже не можем ждать. Нам обязательно нужны эти серийные номера, иначе вся наша работа пойдет на смарку.

— Завтра будет поздно?

— Пожалуй... нет,— уныло произнес Мандин. Он взял портфель и стал перебирать отчеты, которые должен был прочесть, докладные записки, которые должен был подписать, заметки, которые нужно было заполнить новыми сведениями. Затем раздраженно запихал все эти бумажки назад в портфель.

— Угрызения совести, Чарльз?— недоверчиво произнес Блай и подмигнул ему.

— Не пробуй все это обратить в шутку, Норви. Вы не понимаете, что это такое. На вас лежит бремя ответственности.— Он швырнул портфель себе под ноги.— Давайте просто поговорим. Пока мы будем добираться, я хочу, чтобы у меня улучшилось настроение. Как там ваши дела, Норви?

— Ну...— Блай задумался.— Вирджиния беременна.

Мандин неподдельно изумился.

— Норви, простите меня! — воскликнул он.— Я надеюсь, вы не собираетесь вытворять каких-нибудь глупостей...

Блай улыбнулся.

— О, нет, не беспокойтесь,— добродушно ответил он.— Ребенок мой. Первое, что я сделал, это поволок ее к иммунохимику и приказал произвести проверку. Будь иначе, я бы переломал ей все ребра. А как поживает ваша девушка?

— Кого вы имеете в виду, Норви?

— Норму. Она еще Лавин?

— Да. Но вы совершенно заблуждаетесь. Мы не переносим друг друга и...

— Ничего страшного, босс,— утешительным тоном произнес Блай.— Скажите, мы можем увеличить расходы на содержание Кроликов? Дана мне уже намекала на это. И дочка говорит, что они честно отрабатывает свои деньги.

— А почему бы и нет? И как там, между прочим, ваша приемная дочь?

— Я почти горжусь ею,— с улыбкой произнес Блай.— Пять дней подряд приходила домой избитая, на шестой день, ни синяков, ни царапин. Она теперь одна из вожаков среди Кроликов. И закрывает рот, когда жует, а меня называет «сэр».

— Вот почему вы все еще живете в Белли-Рэйв, не так ли?

— Ну, что ж,— как бы оправдываясь, произнес Блай,— частично, возможно, и поэтому. Но на самом деле есть какая-то изюминка, когда живешь в Белли-Рэйв. Когда сами в состоянии установить бак с водой и провести электропроводку, сделать ремонт дома — есть нечто притягательное в такой жизни...— его голос звенел нескрываемой радостью.— На меня сейчас смотрят вроде бы как на руководителя общины, Чарльз. Мы организовали настоящую добровольную милицию в своем квартале — теперь к нам не сунется никакой праздношатающийся сброд. И...

— Кто знает,— улыбнулся Мандин,— когда-нибудь, может быть, Норвел Блай будет первым мэром Нью-Белли-Рэйв.

Коротышка неожиданно побледнел и стал возиться со своим слуховым аппаратом.

— Что ж, можете все это высмеивать, если вам так хочется,— медленно произнес он через некоторое время.— Но факт в том, что эти люди такие же, как и я. Я делаю кое-что для них, пусть мелочи, конечно, но все же это кое-что. Многое нужно сделать для миллионов этих отверженных, Чарльз! И, самое главное, помощь должна быть изнутри, из собственной среды! Пусть я смешной человек, глухой и нескладный, вы автоматически подсчитали, что Вирджиния наставила мне рога, когда я сказал, что она беременна. А что вы лично делаете для Белли-Рэйв, вы, крупная шишка?

Мандин поперхнулся и стал было извиняться, но Блай решительным жестом заставил его замолчать.

— Не надо об этом. Мы уже в Вашингтоне.

Музей Национальной Ассоциации Строителей Американской Мечты был внебрачным детищем давно забытой рекламной компании, не без умысла утаить часть доходов от налогообложения, поскольку музей был не приносящим прибыль учереждением. Давно обратились в прах прайдохи, которые раздули эту компанию, были забыты вдохновенные рекламные лозунги, но что можно было поделать с гранитным сооружением, полным всякого хлама, профессоров и швейцаров? Их можно было игнорировать и продолжать заниматься бизнесом. Все это всплыло в памяти Мандина, когда он вошел в убогую приемную кабинета директора музея.

Его мумия-секретарша сказала гостям из Монмаунта:

— Доктор Проктор очень занятой человек. Вы лучше бы ушли и договорились о встрече по телефону.

— Пожалуйста,— ласково произнес Мандин,— скажите господину директору, что наш визит связан с весьма существенным пожертвованием. Мы не рассчитываем долго задерживаться в этом городе.

Дверь кабинета распахнулась, и оттуда выпорхнул сияющий директор.

Адвокат представился:

— Из юридической фирмы «Райан и Мандин»,— пояснил он.

— Да, да, разумеется, мистер Мандин. Даже здесь, даже в нашем удаленном и глухом углу планеты мы прослышали о вашей фирме! Можно узнать у вас фамилию...

— Извините!

— О, я понимаю, мистер Мандин. И... э... сумму?..

— Это зависит от обстоятельств,— строго произнес Мандин.— Мой клиент уполномочил меня осмотреть музей и сообщить ему, какие его отделы в большей степени нуждаются в дополнительной поддержке.

— О! Позвольте сопровождать вас, сэр! Вот здесь, например, коллекция кишечнополостных...

— Я предпочитаю раньше осмотреть главный зал.

Доктор Проктор начал хмуриться, однако в последний момент выражение его лица переменилось и стало более уверенным.

— Туда открыт доступ публике. Обычная техника. Всякие машины и механизмы. Ничего особо важного. Может иметь весьма ограниченный интерес только для инженеров или социологов, для такого рода квазиученых. А вот наша коллекция кишечнополостных...

— В главный зал, пожалуйста!

— Мистер Мандин! Это всего лишь приманка для туристов, заверяю вас. С другой стороны, кишечнополостные представляют очень большой интерес для таких людей, как мы с вами...

— Норвел,— опечалено произнес Мандин,— боюсь, что доктора Проктора не интересует посмертный дар нашего клиента.

— Очень плохо,— согласился Блай.— Хорошо еще, что мы не отпустили вертолет и он нас все еще поджидает.

Доктор Проктор, брызжа слюной от негодования, повел их в главный зал. Они с самым серьезным видом осмотрели допотопный ткацкий станок, первую швейную машину, первый телеграфный аппарат, первый аэроплан братьев Райт, первый атомный реактор, первый ДМЛ-дом, первый сегмент движущегося тротуара.

Они остановились перед домом-пузырем ДМЛ, одобрительно улыбаясь, за исключением, впрочем, доктора Проктора. Туристы легким шагом шли мимо, не останавливаясь. Добрую минуту им пришлось ждать, чтобы подойти поближе и прочитать пояснительную табличку:

«№ 342 871
Первый дом фирмы ДМЛ. Пожертвование мистера Гамильтона Моффета, «Отца домов-пузырей». Этот ДМЛ-дом, перевезенный в музей со своего первоначального места в Кошоктоне, штат Огайо, был сооружен на фабрике пластмасс Дональда Лавина. Электрооборудование и механизмы разработаны и установлены Бернардом Германом. Он простоял более пятидесяти лет без единой трещины или нарушения функционирования. По оценке химиков и инженеров, он просуществует без каких-либо ремонтных работ еще 1000 лет, являясь по существу памятником бессмертному гению
Мистера Гамильтона Моффета!»

Толпы туристов стали рассеиваться, и директор направился к дому, чтобы провести их внутрь.

— Не нужно,— оставил его Мандин.— Давайте вернемся в ваш кабинет.

В кабинете директора Проктора Мандин с сомнением посмотрел на небольшую, покрытую пылью бутылку, которую извлек откуда-то директор, и вздрогнул.

— Нет, пить не будем,— решительно произнес он.— Доктор Проктор, я думаю, что могу со всей определенностью заявить, что мой клиент соизволит пожертвовать сто тысяч долларов, разделив их по вашему усмотрению между Главной экспозицией и кишечнополостными.

— Дорогуша!— возопил доктор Проктор, откидываясь к спинке кресла и любовно поглаживая бутылку.— Дорогуша! Неужели наотрез отказываетесь? Ну, хотя бы по маленькой! Нет? Ну, что ж, а я не откажусь только ради того, чтобы отметить такое событие. Очень мудрое решение, сэр, очень! Поверьте мне, очень трудно найти адвоката, который, подобно вам, мог бы столь быстро постичь экологическую значимость и волнующую морфологию бедных кишечнополостных!

Он плеснул из бутылки в пыльный стакан и провозгласил тост:

— За кишечнополостных!

Мандин стал рыться в портфеле, затем извлек заранее заполненный чек, две копии машинописного документа и плоскую банку, в которой что-то булькало.

— А теперь,— тоном не допускающим возражения, произнес он,— будьте как можно внимательнее, доктор. Вы лично должны разбавить содержимое этой банки в одном литре обычной воды из-под крана, наполнить раствором обычный садовый опылитель и опрыскать им ДМЛ-дом в главном зале, покрыв им снаружи все пластиковые детали. На это уйдет не более десяти минут, если у вас хороший опылитель. Естественно, удостоверьтесь в том, что никто вас не увидит за этим занятием. В вашем положении это очень легко сделать. Но только так, чтобы никто не видел. Вот и все.

Доктор Проктор, закашлявшись, выпучил глаза и расплескал граммов сто настойки по своему столу. Хрипло отдуваясь, он в конце концов овладел собой.

— Дорогой мой! О чем вы это говорите? Что в этом контейнере? Почему я должен поступать столь нелепым образом?

— Отвечу на все ваши вопросы по порядку,— спокойно произнес Мандин.— Я говорю о ста тысячах долларов. То, что находится в этом контейнере, стоит сто тысяч долларов. Вы должны поступить именно так все за те же сто тысяч долларов.

Доктор Проктор вытер рот тыльной стороной ладони и никак не мог начать:

— Но... но... если вы заверите меня, что жидкость абсолютно безвредна...

— Я этого не сделаю! Вам что, даром дают сто тысяч долларов? Валяйте, профессор! Подумайте о такой бездне денег! Подумайте об экологической значимости и волнующей морфологии ваших любимых кишечнополостных! А затем подпишите эту квитанцию, после чего возьмите чек.

Доктор Проктор опустил глаза на чек.

— Он датирован более поздним числом. На целый месяц! — с трепетом в голосе произнес он.

Мандин пожал плечами и начал складывать документы в портфель.

— Ну, что ж, если вы намерены уклониться...

Доктор Проктор схватил чек, подписался на квитанции и быстрым, едва уловимым движением опустил банку с жидкостью в ящик стола.

В вертолете Мандин и Блай переглянулись.

— Точно по графику,— серьезно произнес Норвел.

— Да, Норви, точно по графику,— покачав головой, согласился адвокат.

Они успели в контору «Мандин и Райан» еще до ее закрытия.

И Норви Блай не успел сесть, как вошел Мишал с известием, что у них посетитель.

— Введи его, Майк,— велел Норви Эй-рэбу.— Нет, погоди минуту. Я сам.

Он рванулся в приемную?

— Арни! Заходи, заходи же!

Придерживая гостя за локоть, он повел его по коридорам, мимо лабораторий и комнат отдыха, непрерывно болтая и не обращая внимания на выпученные глаза Арни. Был, конечно, путь и покороче, но он не вел мимо лабораторий и комнат отдыха.

— Арни, пива?— спросил Норвел в своем собственном кабинете и нажал кнопку. Вошла мисс Проун и заказала для них пива.— Не сюда, Арни. Сейчас будут кресла поудобнее.

Мисс Проун набрала на пульте два огромных кресла.

— Я уверен, ты понимаешь, как глубоко я увяз, выполняя твою просьбу?

— В самом деле, Арни? Пожалуйста, расскажи.

Арни пожал плечами, потягивая пиво и украдкой рассматривая огромную комнату, в которой они находились.

— О, я ничуть не сожалею о содеянном. Ведь главное — это дружба. Как говорим мы, Инженеры: «Ты подкрепляешь мой фундамент, а я подкрепляю твой!» И когда ты попросил меня, как друг, раздобыть для тебя фирменные номера и местоположение ДМЛ-продукции, я, естественно, это сделал. Хотя я признаюсь, что никак не ожидал, что это вызовет такую нелепую суету в отношении совершенно тривиальных записей. Фирменные секреты, мешающие толковому специалисту — ведь это проявление неэффективности, а неэффективность является преступлением. Тем не менее, я все сделал ради тебя и Чарльза Мандина.

— Никак не ожидал, что у тебя будут затруднения,— солгал Норвел.— Но ты их все же заполучил?

Арни поднял брови.

— Естественно. И замикрофильмовал их. Они здесь у меня. Вот только...

— Давай взглянем,— напрямик произнес Блай.

В конце концов микрофильмы оказались в его руках и он стал просматривать этикетки. Да, здесь все, что нужно. Серийные номера. Даты производства. Местоположение. Записи, касающиеся эксплуатации.

— Арни,— сказал он дружелюбно,— поднимись, пожалуйста.

Инженер нахмурился.

— В чем дело?— спросил он и встал.

Норвел Блай положил микрофильмы на стол.

— Арни,— сказал он,— ты их достал не для того, чтобы оказать мне любезность. Ты их достал потому, что надеялся из-за этого найти лучшую работу.

Арни вспыхнул и сердито произнес:

— Норвел, друг не станет...

— Заткнись, Арни! Помнишь, что ты там говорил об испыта-

нии на прочность, на другой день после того, как меня выгнали? Ну, что ж, попробуем.

Он размахнулся. За следующие три минуты он хорошенько отдубасил Арни по голове и по ушам. Когда три минуты истекли, Арни валялся на полу, пытаясь остановить кровотечение из носа, а Норвел возвышался над ним.

— Прощай, Арни,— произнес он удовлетворенно и позвонил проводнику.— Мишал укажет тебе путь к выходу.

Он прошел в находившуюся рядом химическую лабораторию и швырнул микрофильмы на стол, за которым сидел Мандин, наблюдая, как золотистая жидкость наполняет эмалированные банки. Мандин схватил фильмы и раздраженно крикнул:

— Держи их подальше, ради бога, от этой дряни!

Норвел улыбнулся.

— Пожалуй, это верно,— согласился он.— Если они пропадут, будет очень трудно получить их повторно у Арни. Я исколошматил его в пух и прах.

Это было определенным преувеличением, но при данных обстоятельствах Норвела легко можно было простить за это.

Мандин, крепко держась за подлокотники кресла, сказал:

— Норвел, ты уверен, что в состоянии летать на этой штуковине? Ведь она намного больше тех, что были в «Дженерал Рикрейшенз».

— Не беспокойтесь,— коротко ответил Блай.

Вертолет взлетел в ночную тьму прямо с посадочной площадки. Видимо, упиваясь радостью жизни, Норви пролетел на бреющем полете рядом с самым высоким из ближайших небоскребов, затем взял курс на Кошоктон, штат Огайо.

— Не перекинуться ли нам в картишки?— спросил он, небрежно развернувшись в кресле пилота.— Полет предстоит долгий.

Мандин покачал головой.

— Я слегка нервничаю,— признался он.

— А, все идет как надо,— успокоил его Норви.

Коротышка совершенно изменился за последние несколько недель. Теперь Мандин искренне надеялся, что обновленный Норвел Блай в самом деле сумеет настолько хорошо справиться с вертолетом, что проделает за одну ночь всю грязную работу без свидетелей.

Блай включил освещение кабины и стал читать журнал. Мандин откинулся назад, пытаясь расслабиться, и стал размышлять обо всем, что произошло за эту одну столь наполненную различными событиями неделю. Все пока что, как казалось, шло гладко.

Райан, до самых бровей нагрузившись новыми дорогостоящими наркотиками, ходил и говорил, как и подобает мужчине, хотя рано или поздно должен был свалиться от изнеможения. И все же он был счастлив и, что еще важнее, держал под контролем обоих Лавинов. Норма даже, в некотором отношении, помогала ему, а

у Дона периоды полной неподвижности время от времени чередовались с затяжными жуткими припадками. Однако при необходимости он всегда был под рукой — Норма тщательно следила за этим.

А три молчаливых партнера — Хаббл, Котт и Нельсон — расточали похвалы Мандину за то, как он тратит их деньги. Во время последней встречи Хаббла оебспокоило только одно обстоятельство.

— Ну, так скажите, Блисс,— улыбнулся Мандин.— Мы постараемся исправить положение.

— Вы тут ни при чем, Чарльз,— произнес Хаббл.— По сути, мы сами виноваты, мы никак не можем подступиться к Грин и Чарльзуорту.

Котт нахмурился.

— Гарри, вы начинаете все сначала,— упредил его Хаббл.— Как может Чарльз осмысленно вести свои дела, если мы не будем с ним до конца откровенными?

Снова Грин и Чарльзуорт, подумал Мандин.

— Откровенны со мной в отношении чего, Блисс?— хрипло спросил он.

Хаббл пожал плечами.

— Ситуация все такая же ненормальная, Чарльз, как и всегда. Просто похоже, мы все трое никак не можем добраться до Грин и Чарльзуорта. О, мы имеем с ними деловые взаимоотношения. Только, понимаете, не такие, что можно было бы говорить, что мы по-настоящему с ними связаны.

Мандин подумал о капитане Ковалике, который нервничал из-за того, что комиссар Сабботино перестал с ним разговаривать.

— Может быть, по ходу дела я сам выйду на Грин и Чарльзуорта?— спросил он.

Они вежливо улыбнулись и сделали отрицательный жест. Это было маловероятно. Грин и Чарльзуорт не занимались производственными делами или управлением непосредственно. Они были финансистами.

— Но,— сказал Хаббл,— если они и объявятся, не вздумайте, Чарльз, заниматься ими сами. Оставьте это нам. Сейчас же свяжитесь с нами.

— Честно говоря,— сказал с тревогой в голосе Нельсон,— мы сами не знаем, какова их роль во всем этом, Чарльз. Блисс и я близки к предположению, что они будут сохранять нейтралитет. Гарри считает, что они нас поддержат. Не в том смысле, что будут голосовать за нас, но окажут, так сказать, моральное содействие. Но мы не можем к ним подступиться.

— Вы хотите, чтобы я вышел на связь с ними?— спросил Мандин.

Они скривились и закачали головами.

— Мне кажется,— неожиданно произнес Хаббл,— что они сами выйдут на нас. Мне кажется, они следят за каждым шагом,

который мы предпринимаем, и просто еще не приняли решения, какую позицию занять. Пока что.

Мандин удивленно обвел взглядом троих магнатов.

— Когда вы говорите «они»,— спросил он,— что вы под этим подразумеваете?

Началась всесторонняя перепалка. Котт был уверен в том, что Грин и Чарльзуорт были ведущими фигурами мемфисской группы, плюс группы по производству органических растворителей и группы коммунальников из новой Англии. Сам он по сути дела был главой юго-западной финансовой группировки и к тому же был монополистом среди предприятий неорганической химии.

Нельсон, примыкавший к финансистам из Новой Англии, был связан с цветной металлургией. Он был уверен, что Грин и Чарльзуорт руководят среди топливных магнатов. Среди магнатов бензина, солярки и керосина Калифорнии. К тому же он почему-то считал, что они владеют немалой толикой акций средств массовой информации.

Хаббл, который был из Нью-Йорка и сам был магнатом среди средств массовой информации, заявил, что этого быть не может. По его мнению, Грин и Чарльзуорт были только денежными тузами прежде всего.

С этим все согласились. Но это не развеяло их тревогу.

— Послушайте,— сказал Мандин,— я хочу привести в порядок собственные мысли. Так что, мы покинем поле боя, если Грин и Чарльзуорт выступят против нас?

Они посмотрели на него так, словно он был двухлетним ребенком.

— Если бы мы могли, парень,— печально произнес Гарри Котт.— Даже не заикайтесь об этом. Я сомневаюсь, можно ли это сделать. В любом случае мы потеряем очень значительную сумму денег. Но я уверен, что весь вопрос в налаживании контакта с ними. Ведь мы все-таки делаем шаг вперед. А Грин и Чарльзуорт всегда были на стороне прогресса.

— На стороне реакции! — возразил Нельсон.

— Они всегда были центристами! — упорствовал Хаббл.

— Но кто они все-таки? — не выдержав, Мандин задал вопрос в лоб.— Кто они? Существует ли реальный человек по имени Грин и реальный человек по имени Чарльзуорт?

— Их конторы находятся в Эмпайр Стейт Билдинг,— пояснил Хаббл.— Занимают все здание. Я наврал вам в тот раз, когда мы проезжали мимо Эмпайр Стейт. Извините меня, Мандин. Я тогда еще не был достаточно с вами знаком.

Мандин взметнул брови.

— В самом Нью-Йорке? Я считал, что весь город опустел после бомбардировок.

Хаббл покачал головой.

— Как мне кажется, это как раз то, что они хотят внушить каждому, Чарльз. Да, они именно там. Вы можете видеть огни в окнах ночью — в окнах этого единственного на весь город цело-

го здания. Это не маяк, как думает большинство. А что касается реальности господ Грин и Чарльзуорта, то в этом я весьма сомневаюсь. Название фирмы существует несколько столетий, так что... Но, признаюсь, уверенности в этом у меня нет. Когда заходишь в это здание, то не обнаруживаешь ничего существенного. Клерки, младшие исполнители, заведующие отделами, в общем, все как у всех. Мы иногда имеем с ними дела, и приходится очень долго ждать, пока они «решают вопросы политики». Я предполагаю, что все это время им необходимо, чтобы получить соответствующие инструкции. Ну, Чарльз, поздравляю. Теперь вам известно о Грин и Чарльзуорте ровно столько же, сколько и кому-либо из нас. Только помните, что если они объявятся где-нибудь, если вы встретитесь с чем-нибудь, скажем, несколько необычным и у вас возникнут подозрения, что они показались, дуйте вовсю в свисток! Мы придем и займемся ими!

— Но это всего лишь мера предосторожности,— поправил Котт.— Я уверен, что они не доставят нам никаких хлопот. Они будут вместе с нами, когда корабль станет тонуть. Ведь в основе своей они прогрессисты.

— Реакионеры! — вскричал Нельсон.

— Центристы! — не унимался Хаббл.

— Кошоктон! Мы прибыли, господа! — прозвучал мелодичный голос Норвела Блая.

Мандин подпрыгнул и стал осматриваться. Вертолет развернулся и стал снижаться. Внизу лежал Кошоктон, наиболее средний город из самого среднего штата федерации. Пятьдесят лет тому назад Гамильтон Моффет, «отец домов-пузырей», подписал первый контракт фирмы ДМЛ на промышленный выпуск домов.

— Вы нашли район домов-пузырей? — спросил Мандин.

— Мы как раз над ним. Приготовьте свой разбрызгиватель.

Это было непросто. И это был не простой разбрызгиватель. Это был целый огромный бак, заполнявший всю утробу вертолета и наполненный сжатым фреоном.

— Начинайте первый заход,— скомандовал Мандин.

Вертолет пролетел над районом домов-пузырей на высоте триста метров, оставляя за собой струю золотистой жидкости. Часть капель этой жидкости испарялась, но поскольку жидкость была тяжелой, достаточное ее количество достигало домов-пузырей, покрыв их тонкой пленкой.

Норвел Блай совершил четыре захода, пока не израсходовал всю жидкость. После этого он взял курс домой, оставив за собой покрытые золотистой жидкостью купола, которые когда-то принадлежали одной из захудалых провинциальных компаний, но уже давно были поглощены корпорацией по выплавке цветных металлов.

Именно поэтому, оставшийся дома, приятель Мандина Нельсон, скрежетал зубами, подсчитывая убытки, которые нанесли ему в течение этой ночи Мандин и Блай.

Глава 20

— Это мальчик,— с гордостью заявил Блай, раздавая сигареты своим слушателям, восседавшим в его кабинете,— я сам убедился в этом, глядя на экран прибора. Врач говорит, что такого чудесного четырехдневного зародыша он еще не видел. Боже мой, когда этот ребенок родится, у него будут все преимущества, которых я, его отец, не...

В кабинет стремительно ворвался Чарльз Мандин.

— Доброе утро, босс! — взревел Мандин.— Мальчик! Доктор восторженно о нем отзывается! Возьмите сигару!

— Поздравляю,— кисло произнес Мандин.— Норвел, мы можем сейчас приняться за работу? Ведь сегодня у нас большой день!

— Да, сэр,— протрезвев, промямлил Норви, после чего они оба отправились в кабинет Райана.

В коридоре слонялась какая-то девушка-служащая, которая могла невольно подслушать то, о чем говорилось в кабинетах. Норма, последовавшая за Мандином и Блаем примерно через полминуты, увидела, как девушка, взяв вазу с цветами, поднесла ее к губам. Ее мучит жажда, что ли, удивилась Норма. Но было похоже, что она не пила воду. Губы ее двигались. Наверное, сплюнула жевательную резинку, подумала Норма. Или что-то сказала? Но в этот момент с ней поздоровался Хаббл, и Норма забыла об этом эпизоде.

А жаль, ибо девушка не сплюнула жвачку, а что-то тихо произнесла. В это время Норма была занята тем, что высвобождала свою руку из руки Хаббла, и никто из них не заметил того, что делала девушка.

Служащая поставила вазу на место и быстро удалилась.

В кабинете Райана собралась вся Большая Семерка — оба Лавина, Мандин, Райан, Хаббл, Нельсон, Котт и Норвел Блай.

— Если мистер Хаббл,— с жаром произнесла Норма,— не в состоянии совладать со своими шаловливыми руками, то пусть хоть оставит меня в покое в рабочее время. После работы я уж как-нибудь сумею избежать его.

— Извините, Норма,— улыбаясь, произнес Хаббл,— но...

— Лавин!

— Извините, мисс Лавин, но я сегодня какой-то сам не свой. Сами понимаете, мандраж. Сегодня или никогда!

— Мы все сегодня, леди, в некотором напряжении,— утешал ее Гарри Котт.— Должен признаться, что я несколько устал сидеть здесь. Вы уверены, Мандин, что ваш приятель сделал... э... то, что положено?

Мандин пожал плечами, затем произнес:

— Может быть, кто-нибудь хочет кофе или что-нибудь еще?

Никто не отозвался. Никто ничего не хотел, кроме скорейшего

окончания их бдения. За исключением Нормы, у которой еще не пропал внутренний пыл, и Дона, который был в хроническом состоянии веселья после длительной апатии, всех остальных в комнате с каждой минутой охватывала все большая тревога.

И тогда...

Норвел, сгорбившийся в углу у приглушенного телевизора, завопил:

— Вот!!! — и дал полную громкость.

«... сначала обвиняли в этом вибрацию. Однако специалисты из ДМЛ тотчас же заявили, что это маловероятно. В Вашингтон направлена бригада инженеров из ДМЛ для проверки повреждения на месте. Сейчас мы передаем изображение из библиотеки первого дома-пузыря. Таким он был...»

На экране возник слайд первого серийного образца, который казался крошечным в огромном главном зале.

«... и такой он сейчас...»

На следующем снимке тот же зал, то же место, но вместо новенького, с иголочки, дома-пузыря — куча мусора, возле которой, как муравьи, копошились люди в спецовках, пытаясь рассортировать обломки.

— П-п-папин первый дом! — заревела Норма Лавин. Остальные на мгновение посмотрели в ее сторону недоверчиво и снова устремили взгляды на экран с восхищением и страхом.

«Наш корреспондент в Вашингтоне сейчас возьмет интервью у доктора Проктора, директора музея.— Доктор Проктор? — на экране появилось испуганное, как у кролика, лицо.— Доктор Проктор, что, по вашему мнению, является причиной катастрофы?

— У меня, видите ли... э... по сути, нет сложившегося мнения. Я... э... понятия об этом не имел. Это загадка для меня. Боюсь, что я... э... не имею какого-либо определенного мнения. В самом деле.

— Спасибо, доктор Проктор!

Мандину казалось, что все потеряно. Любой дурак мог прочесть на дрожащем лице директора полное признание абсолютной виновности происшедшего и тотчас же сделать вывод, что Проктор опрыскал дом каким-то растворителем, который получил от кого-то неизвестного. И не пройдет и нескольких минут, как этот «кто-то» будет опознан как Чарльз Мандин. Но директор продолжал болтать без умолку, кроличье лицо исчезло с экрана.

«О, только что я получил заявление,— продолжал диктор,— администрация фирмы «ДМЛ-Хоуз». Мистер Гаскелл Арнольд, председатель правления фирмы, объявил сегодня, что специалисты фирмы имеют предположения в отношении причин возникновения некоторых неисправностей...— даже диктор запнулся, понимая абсурдность того, что говорит. Слушатели же, представив себе груду мусора, взревели и стали хлопать себя по коленям, почувствовав, как понемногу спадает охватившее их напряжение.— ... э... некоторых неисправностей дома-пузыря фирмы ДМЛ, заводской номер ОДИН. Они утверждают, что причной является

повышенная вибрация и химическое загрязнение атмосферы в Вашингтонской зоне района музея. Мистер Арнольд сказал, что... я цитирую: «Совершенно исключена какая-нибудь возможность повторения подобного». Конец цитаты.— Диктор улыбнулся и отложил листы с текстом в сторону.— Ну, что ж, леди и джентльмены, я искренне рад слышать это и уверен в том, что все вы, живущие в домах-пузырях, разделите мои чувства.

А теперь новости для любетелей спорта. Перед вами выстроившаяся сегодня очередь за билетами на День Состязаний, который должен состояться на стадионе «Гросс-Доинт». Это должно быть сногсшибательное зрелище, поставленное опытнейшим режиссером Джимом Ханраханом, по прозвищу «Кровь и кишки». В этом представлении будет множество традиционных номеров. Первый номер должен будет...

— Выключите это! — велел кто-то Норвелу. Тот, с тревогой в глазах, подчинился, пытаясь уловить последние слова диктора и запомнить.

Первым нарушил тишину Гарри Котт.

— Ну, что ж, дело сделано. Свершилось! И я очень боюсь. А вы?

— Я тоже,— ответил Хаббл.— Понимаете ли, Мандин, мы до сих пор так и не имеем понятия, какую позицию во всём этом занимают Грин и Чарльзуорт.

Полы тряслись от беготни в многочисленных помещениях телекомпании АСК. Ещё не утих фурор, вызванный инцендентом в Вашингтоне, как выездная телебригада устремилась к месту новой катастрофы — Кошоктону в штате Огайо.

— Весь район застройки домами-пузырями превратился в развалины,— надрывался корреспондент по телефону.

Редактор студии тут же закричал по интеркому:

— Справочный отдел! Немедленно волоките все, что известно о фирме ДМЛ. Сообщения о неисправностях в их домах, случаях разрушений, гарантийных обязательствах и так далее.

Научный отдел! Выделить двоих сотрудников для обработки этой информации!

Фотоателье! Все на пленку! Готовность номер один!

Аппаратная! Обеспечить непрерывную трансляцию! В эфир может пойти передача с любого из мониторов!

Средне-западный филиал! Выделите еще одну дополнительную телебригаду в Кошоктон, Огайо. Рушатся дома-пузыри!

Студия видеозаписи! Регулярно повторяйте сцены разрушения домов-пузырей!

И так далее. До тех пор, пока...

Редактор неожиданно остановился, словно спохватившись, что делает не совсем то, что нужно, и устало обратился к своему помощнику:

— Господи Иисусе! Мэннинг, продолжай, а я пойду за установками.

Он поднялся, поправляя галстук, и направился к боссу.

— Сэр, разумеется, это для нас грандиозная сенсация. Но я бы хотел услышать ваше личное мнение по этому щекотливому вопросу. Я понимаю, что у вас самого есть некоторое количество акций ДМЛ. Поэтому, сэр, естественно, может возникнуть тенденциозность в освещении событий. Что я хотел бы знать, так это вот что — благоразумно ли, исходя из высших интересов общественности, поднимать большой шум вокруг этой истории?

— Благоразумно,— ответил главный редактор, проявляя истиное благородство журналиста, для которого не должно существовать ни страха, ни фаворитов.

— Спасибо, мистер Хаббл,— произнес несколько удивленно редактор.

Он почти что на цыпочках, пятясь задом, покинул Высшее Присутствие. Своему же помощнику он сказал:

— Иногда я думаю, что старик не такой уж, в конце концов, эгоистичный проходимец.

Затем, набрав полные легкие воздуха, завопил по интеркому:

— Кто-нибудь уже связался с кем-то из администрации ДМЛ?

Глава 21

Кабинет Нормы Лавин был просто раскошным.

Но это не приносило ей особого удовлетворения. Райан считал, что ей лучше всего оставаться на время в своей квартире. Вот она сидела и размышляла.

О банкротстве ДМЛ. О разрушении домов-пузырей. Уничтожена память о ее отце — музейный экспонат первого дома. Неужели все это было столь необходимо? Неужели все нужно было уничтожить столь гнусно и оскорбительно, не щадя ничего святого?

Все внутри ее бунтовало. Со мной обращаются вроде как с неполноценной, только потому, что я женщина. Этот нахал Хаббл, привыкший лапать девушек. Котт, напускающий на себя отеческий вид и смотрящий свысока, будто на маленькую девочку. Мандин с этим его... с этим его...

Она задумалась. Мандин с этим его нудным, вызывающим раздражение обращением со мною, будто я не женщина, а...

Она очень много об этом думала. А что ей оставалось еще делать, как не сидеть и думать?

Пока не увидела, как один из телехранителей, торчавших в вестибюле, не заговорил в свою дубинку.

Поначалу реакция Нормы на это была такой же, как и у любого другого, кто увидел бы человека, говорящего в полицейскую дубинку. Она посчитала, что он рехнулся.

Однако, он не делал этого у всех на виду. Он прижался в углу, так, чтобы его не было видно, забыв о том, что его можно было увидеть из окна прямо наверху, откуда праздно глядела в вести-

бюль Норма. Да и произнес он всего лишь несколько быстрых слов.

Она решила, что этот вышибала просто чудак, что он просто репетирует, как он будет просить у своего начальника прибавку к жалованию.

А может быть, он на самом деле чокнутый? Это было наиболее разумным объяснением, поэтому она забыла об этом и снова погрузилась в свои размышления. Она подумала о тех прежних днях с налетом грусти — но не о давно уже прошедшем, а о днях в Белли-Рэйв, когда она и Мандин работали вместе; бок о бок. Когда она была банкротом, а он — нищим, когда все было иначе, чем сейчас — она стала состоятельной, на пороге того, чтобы стать миллиардершей, а он — такой занятой, такой деловой...

Черт бы его побрал, этого Мандина. Странно... она еще никогда не посылала к черту мужчину, который не удосужился обратить на нее внимание.

Прошло три дня, прежде чем скука Нормы перевесила здравый смысл в отношении людей, говорящих в дубинку, но даже в этом случае ничего бы не произошло, если бы не взяла отгул мисс Элберс.

Мисс Элберс была служащей, которую Норма заметила, когда она говорила в цветочную вазу.

Ваза продолжала стоять на столе мисс Элберс. Норма несколько раз прошла по комнате, не обращая на нее особого внимания. Ваза была на вид точно такой же, как и любая другая цветочная ваза в этом доме.

Но Норму одолевала скука. В перерыве между чашечками кофе она сфотографировала в нескольких ракурсах эту китайскую вещь высотой в восемь дюймов. И даже тогда у нее ушло еще три дня, прежде чем она надумала показать фотографии одному торговцу китайскими безделушками.

— Мне она не нужна, леди,— быстро ответил торговец.— Это копия, причем довольно плохая.

Она протянула ему деньги. Он удивился, но пояснил:

— Это копия одного очень известного образца китайской погребальной урны. Если мне не изменяет память,— а она, очевидно, никогда его не подводила,— это урна из городка Ну-Чана, находящегося неподалеку от Сюйчжоу. Пропорции образца переданы верно, то же самое можно сказать и о раскраске. Но иероглифы на четырех барельефах и на пояске вокруг горловины не те. На погребальных урнах всегда изображаются иероглифы, означающие «никогда», «гора», «зрелость», «зелень». Не знаю, что означают иероглифы, изображенные на этой копии, но они не те, которым положено здесь быть. Думаю, вас ввели в заблуждение, мисс.

— Спасибо,— задумчиво произнесла Норма.

Дальнейшее расследование вывело ее на человека, который мог перевести иероглифы. Это был один профессор из Колумбийского университета.

— Это какая-то галиматья. Клянусь, китайская письменность

не содержит таких иероглифов.— произнес знаток, морща лоб над фотографией.— Должен признать, что начертания этих знаков очень напоминает иероглифы китайской письменности, и поэтому неспециалистов очень легко обмануть. Но какой в этом смысл? Раз уж кто-то потрудился подделать вазу и расписать ее, разве так уж трудно было воспроизвести подлинные иероглифы? Непонятно.

— А мне понятно,— прошептала Норма, смертельно побледнев.

Слушая ее рассказ, Райан, Мандин и ее брат не скупились на предложения.

— Это, наверное, печатные схемы. А царапины на глазури — металлическая проволока, представляющая собой антенну. Внутри стенок этой штуковины, видимо, находятся транзисторы, миниатюрные батареи и один бог знает, что еще. Мы могли бы подвергнуть эту вазу ренгеноскопии, но всякий, кто соорудит коммуникатор, подобный этому, не поскупиться вмонтировать сюда какую-нибудь ловушку, которая разрушит все, чему здесь не положено быть.

— Нужно проследить за этой служащей,— предложил Райан.— Дон, ну-ка проверьте, кто это.

Дон пошел к себе рыться в личных делах.

— Черт побери,— прорвало Мандина.— Я не убежден. Эта штука возникает в самый разгар развернутой нами компании. Неужели этот Гаскелл Арнольд и его окружение такие ловкачи?

— Нет,— хмурясь, пояснил Райан.— Гаскелл Арнольд и его группировка тут ни при чем.

— Вот!— Дон Лавин выложил карточку.— Фамилия и имя служащей — Херриет Элберс. Незамужняя, двадцать шесть лет, выпускница Колумбийского университета, три года работала в исследовательском отделе братьев Чоут, уволена по сокращению штатов, когда тема была закрыта. Гм... Деловые качества оцениваются весьма высоко. Статус имеющей контракт с фирмой у нее сохранен. Живет с матерью-вдовой.

— По всем признакам неплохая девушка,— упавшим голосом произнес Райан.

— Райан, если Арнольд здесь ни при чем...

Старый адвокат пожал плечами:

— То кто же ее подослал? Кто же, как не Грин и Чарльзуорт? Арнольд не пошел бы на это. Он ведь, в конце концов, слизняк и не более того. А вот Грин и Чарльзуорт — это классные специалисты. Они ждут, пока мы не наберем полные обороты, а затем подставят ножку, и мы полетим в тартарары, по дороге ломая себе шеи. Или... может быть, это не они... Хотя... Видите ли, мои друзья, мне уже приходилось однажды встречаться с их тактикой. Результаты этой встречи ясны из моей карьеры.

Одно можно сказать с уверенностью,— подытожил Мандин.— Нам нужно сообщить об этом Хабблу, Нельсону и Котту. Таково мое распоряжение. Видимо, им придется немного раскошелиться.

— Разумеется,— кивнул Райан и уставился на вазу на своем собственном столе.

Трое финансовых воротил были не просто испуганы — они окаменели.

— Вот сукины дети! — распаленно воскликнул Котт.— Заставили нас гонять, как идиотов, бросать деньги на ветер!

— Мои служащие в Кошоктоне! И этот чертов иск к ДМЛ. Слушанье вот-вот начнется,— хныкал Нельсон.— Ей-богу, Мандин, может, это какая-то ошибка?

Хаббл мог себе позволить более глубокомысленный вид — он потратился меньше всех и даже отхватил кое-какую мелочишку на увеличении тиража своих изданий.

— Лучше потерять какую-то часть, чем всю,— заявил он утешительным тоном.— Я почти убежден, что все неудачи наших попыток выйти на Грин и Чарльзуорта обозначают то, что они против нас. Разумеется, как только это подтвердится на все сто процентов...

— Вы выйдете из игры? — закончила за него Норма.

Все трое устремили на нее свои взоры.

— Дорогая моя,— произнес через мгновение Гарри Котт,— мы прекрасно помним, что случилось с вашим отцом. Вы, может быть, забыли это?

— Черт вас всех побери! — взбесился Мандин.— Да это же безумие! Ведь они всего-навсего люди! Их ничто так не интересует, как деньги. Мы тоже люди и тоже хотим нахапать побольше золота. Чем больше этого будет у нас, тем лучше. Наверное, это удается им лучше, чем нам, но и они не всемогущие боги! И мы можем одолеть их, если не будет другого выхода!

Он замолчал. Хаббл, Нельсон и Котт вздрагивали от каждого произнесенного им слова.

Гнетущую тишину первым нарушил Райан:

— Может быть, если бы кто-нибудь из нас встретился с ними, Котт, может быть...

Все его тело тряслось, но он закончил свою мысль:

— Я сам это сделаю. В самом худшем случае они откажут мне в свидании. Такое уже случалось раньше, бог свидетель, но я не вижу иного выхода...

— Да возьмите же вы себя в руки, старый идиот! — воскликнул Котт.

— Вы понимаете, что это такое, Райан? — более вежливо произнес Хаббл.— Видит бог, если бы только можно было отправить к ним кого-нибудь рангом поменьше...

— Я отказываюсь! — решительно произнес Нельсон.

— Я тоже! — так же решительно кивнул Гарри Котт.

— Вот видите? — удовлетворенно произнес Нельсон.— Ставка слишком велика. Можно потерять слишком многое. Так что извольте...

Тогда поднялась Норма, бледная и дрожащая...

— Мой отец изобрел дом-пузырь ради... — она задрожала всем телом, но затем овладела собой.— Нет! К черту это! Оставим в покое нашего папу, но тем не менее четвертая часть компании «ДМЛ-Хоуз» принадлежит Дону и мне. Она наша, понимаете! Наша! Не ваша, не Грин и Чарльзуорта! Если вы, трусливые негодяи, хотите выйти из игры, валяйте, скатертью дорога! Мы не отступимся и будем бороться до последнего вздоха! Мы или погибнем, или победим. Второе более вероятно. Дело, поймите, не только в деньгах. Мы прекрасно обходились и без них. Мы можем обходиться без них и дальше. Дело в людях, Котт! Стоит жить ради тех бедняков-трудяг, которые своим потом и кровью покупают себе дома. Рабство является нарушением закона. ДМЛ нарушила закон, но мы хотим восстановить справедливость, и мы намерены коренным образом изменить практику предоставления жилищ. Вы слышите меня?

Они услышали ее и началась всеобщая свалка. Все семеро кричали одновременно, даже старик Райан. Кто-то вопил, что это идеализм чистой воды, кто-то бесконечно изрыгал ругательства. Мандин уговаривал присутствующих выслушать Норму до конца.

Открылась дверь. На них с растерянным видом смотрел Мишал, проводник.

— Посетитель! — выпалил он и исчез.

— У, черт! — выругался Мандин в неожиданно наступившей тишине и направился к двери.— А, это ты!

Не скрывая раздражения, он глядел на Уильяма Чоута IV, который стоял на пороге.

— Привет, Вилли. Послушай, я сейчас ужасно занят.

Нижняя губа Вилли Чоута задрожала.

— Привет, старина,— угрюмо произнес он.— У меня... э... для тебя... э... послание.

— Потом, Вилли, пожалуйста.— Мандин сделал жест, как будто пытаясь отмахнуться от гостя.

Вилли был незыблем, как скала.

— Вот!

Он передал Мандину белый квадратный конверт. Мандин, едва сдерживая себя, раскрыл его и рассеянно глянул на небольшую белую карточку внутри конверта.

Потом посмотрел на нее более внимательно.

Затем он не мог отвести от нее взгляд, пока к нему не подскочил Котт и не вынул из рук листок бумаги. Едва разборчивые каракули гласили:

«Господа Грин и Чарльзуорт просят о встрече с мистером Мандином и мисс Нормой Лавин в любое удобное для них время».

Поездка была неблизкой.

Как только они расселись в машине, Вилли с извиняющимся видом вынул журнал.

— Вилли, пожалуйста. Помнишь, как это было в школе?

Вилли, казалось, готов был расплакаться.

— Чарльз, дружище! Что я могу тебе рассказать?

— Ты можешь мне рассказать, что все это значит!

Вилли посмотрел на Мандина. Затем обвел взглядом все вокруг, посмотрел на Норму, на приборную панель машины. Затем снова стал смотреть на Мандина. Было ясно, что он под этим подразумевает.

— Ну, скажи хотя бы, каким образом ты с ними связан! — взмолился Мандин.

— Чарльз, дружище! — на этот раз ответ, во всяком случае, был прямым. Он был в его кротком коровьем взгляде, в подрагивании губ. Вилли был тем, кем ему назначили быть — мальчиком на побегушках, и, несомненно, ему было известно несомненно, ненамного больше, чем Мандину. Поэтому Мандин отказался от дальнейших попыток, и Вилли уткнулся в свой журнал, а сам Мандин с мрачным видом глядел на развалины города, по которому они проезжали.

Все в этом здании источало старину. Мандин, Норма и Вилли вошли в кабину скрипучего лифта и стали медленно подниматься на пятидесятый этаж. Затем длинный коридор и еще один лифт, еще меньший и еще более скрипучий.

Затем небольшая комнатка с твердой скамьей. Здесь Вилли их покинул.

— До скорого! — это все, что он сказал им напоследок.

Затем наступило ожидание. Прошел час, еще один, потом еще... Они терпеливо ждали.

Мандину внезапно послышался какой-то щелчок. И действительно в комнату вошел невысокий тихий человек и проводил их в другую комнату.

В ней было не на что сесть и некуда повесить пальто. Мандин положил пальто на руку и стоя смотрел в немигающие глаза человека, восседавшего за письменным столом. У этого человека был весьма внушительный вид. Он был худощавым брюнетом с посеребренными сединой висками. Он сидел, подперев ладонью подбородок. Глаза его внимательно следили за Мандином, грудь ритмически поднималась и опускалась. Во всем остальном он был совершенно неподвижен.

Мандин прочистил горло.

— Мистер... э... Грин? — спросил он.

— Мы презираем вас, мистер Мандин, — голосом, лишенным каких-либо эмоций, произнес незнакомец. — К вашему сведению мы намерены раздавить вас.

— Почему? — вскричал Мандин.

— Вы раскачиваете лодку, молодой человек, — произнес мужчина, сверля взглядом Мандина.

Мандин еще раз откашлялся.

— Послушайте, мистер Грин... я не ошибся, мистер Грин?

— Вы наш враг, Мандин!

— Погодите минутку! — Мандин сделал глубокий вдох. Пожалуйста, в глубине души взмолился он к своим железам, качающим адреналин. Спокойно, скомандовал он, пытаясь унять удары молотом под черепом.— Я уверен, что мы можем поладить, мистер... сэр,— сдержанно произнес он.— Ведь мы не жадные.

Мужчина не шевельнулся.

— Дай волю людям, подобным вам, и они уничтожили бы весь мир. Но мы не можем допустить этого.

Мандин в отчаянии обвел взглядом комнату. Этот человек был явно сумасшедшим. Ну, хотя бы здесь был еще кто-нибудь, кто угодно. Но никого не было. Здесь был только письменный стол и этот незнакомец, не считая, конечно, Мандина и Нормы.

— Послушайте! — Мандин решил еще побороться.— Вы позвали меня сюда только для того, чтобы оскорблять?

— Я позвал вас сюда, чтобы предостеречь. Вы подставляете свои пальцы под циркулярную пилу, Мандин! Пила отрежет их.

— Бред сумасшедшего,— тихо прошептала Норма.

— Черт бы вас побрал! — завопил Мандин и яростно швырнул свое пальто на пол, но это не принесло ему успокоения.— Если вы спятили с ума, то так и скажите, и не задерживайте меня здесь! За всю свою жизнь я еще не слыхал подобного вздора...

Он запнулся на полуслове.

Мужчина больше не смотрел на него. Теперь все тот же немигающий взгляд был направлен на пол, где валялось пальто Мандина. Обращаясь к пальто, мужчина произнес:

— Мы привезли вас сюда, Мандин, чтобы своими собственными глазами удостовериться в вашем бесчестье. И мы теперь удостоверились в этом и смоем позор.

После этих слов он неожиданно пронзительно крикнул:

— Хи!

Мандин бросился к столу, перегнулся через него и взглянул туда, где должны были быть брюки скромного костюма этого человека.

Персонал Грин и Чарльзуорта обходился без брюк. Вместо брюк у персонала Грин и Чарльзуорта была бронзовая подставка, из которой уходили черные кабели и к которой была прикреплена медная табличка, гласившая:

«Неусыпный секретарь, фирма «Вестерн электрик», 115 вольт переменного тока».

— Хи! — издали пронзительный звук неподвижные губы прямо у уха Мандина.— Довольно, Мандин, вы слишком много себе позволяете. Похоже, вы были правы, миссис Грин.

Мандин отпрыгнул назад, словно ужаленный этими самыми 115 вольтами переменного тока. Растворились створки двух встроенных шкафов по бокам комнаты. Норма, едва не лишившись чувств, прижалась к Мандину.

Он не верил своим глазам.

Содержимым встроенных шкафов были Грин и Чарльзуорт.

Грин, невероятно, непостижимая древняя унылая старуха с вылезшими из черепа волосами. Чарльзуорт, такой же невероятно, непостижимо древний старик без единого волоска на голове, похожий на гороховый стручок.

Из тех же неподвижных губ послышался другой голос:

— Мы можем его убить, мистер Чарльзуорт?

— Пожалуй, нет, миссис Грин,— ответил неусыпный секретарь первым голосом.

— Подождите минутку...— выдавил из себя Мандин и запнулся, не в силах сказать еще что-нибудь.

— Наверное, он совершит самоубийство, мистер Чарльзуорт,— грустно сказал женский голос.— Скажите ему, против кого он поднялся.

— Он понимает, против кого он поднялся, миссис Грин. Не так ли, Мандин?

Мандин кивнул. Он был заворожен взглядом неусыпного секретаря, который снова сверлил его глазами, видимо, привлеченный движением.

— Скажите ему!— взвизгнула миссис Грин.— Скажите ему об этой... девке! Скажите ему, что мы с ней сделаем!

— Дочь Зла,— механически произнес голос.— Она хочет отобрать у нас ДМЛ.

— О, нет!— встрепенувшись, как от удара током, вскричал Мандин.— Не у вас! Только у Арнольда и его шайки!

— Разве наши пальцы — это не мы?— спросил голос.— Разве наши руки и ноги — это не мы? Арнольд — это мы!

— А девка?— пропищал женский голос.— Девка, мистер Чарльзуорт?

— Накрашенная проститутка,— заметил мужской голос.— Она хочет освободить наших рабов, вот что она говорит. Говорит о мистере Линкольне.

— Мы остановили поезд, который вел мистер Линкольн!— прохрипел женский голос.

— Остановили, миссис Грин. И то же самое сделаем с нею.

— Неужели вы настолько стары?— удивился Мандин.

— Неужели мы так стары, миссис Грин?— спросил мужской голос.

— Именно так!— провизжал женский.— Скажите ему! Скажите ему об этой девке!

— Пожалуй, не сейчас, Миссис Грин. Пожалуй, это надо будет сделать попозже. Когда мы сделаем их податливее. А теперь вам надо уходить, Мандин.

Мандин машинально поднял пальто и помог Норме твердо встать на ноги. Посмотрел на матовые стеклянные дверцы встроенных шкафов. Стеклянные гробы, внутри которых дрожащие трупы, и малейшее дуновение ветра могло бы...

— А ну-ка, попробуйте, Мандин!— вызывающе произнес мужской голос.— Мы хотим поглядеть, посмеете ли вы!

Мандин задумался и решил, что надо отказаться от подобных попыток.

— Очень плохо. Нам очень жаль вас, Мандин. Ты ничтожный червяк, Мандин. О, если бы ты только знал, как мы ненавидим тебя, Мандин! И знаешь, почему? Ты как-то сказал, что мы не всемогущие боги.

— Атеист проклятый! — прошипел голос миссис Грин.

Глава 22

— Все было не так уж плохо,— солгал Мандин, возвращаясь в кабинет Райана.

Райан воспользовался их отсутствием для того, чтобы нагрузиться наркотиками, можно сказать «до бровей».

— Подумать только,— мечтательно произнес он.— Сотни лет жизни. Вы знаете, что сказал Уэллс где-то в году 1940? «Ужасные нелепости входят в нашу жизнь». Что ни делаешь, ничего путного из этого не получается. К тому времени Грин и Чарльзуорт уже очень многого достигли. Знаете, как назвал Джонатан Свифт таких, как Грин и Чарльзуорт? Струльбругами. Только вот люди были против них. Гулливер рассказывал, что люди приняли такой закон, по которому струльдбруги лишались всех своих денег после того, как им перевалило за сотню. Подумать только! Сотни и сотни лет жизни, сотни и сотни...

Дон Лавин притронулся к его плечу, и он замолчал. Гарри Котт сделал характерный жест большим пальцем.

— Может выпьем? — предложил он тихо.

Мандин налил ему, стараясь не замечать слез, выступивших на глазах старика.

— Нам нужно начать организованное наступление,— произнес Нельсон, беспокойно бегая глазами из стороны в сторону.— Естествоенно, любые действия в соответствии с прежним курсом должны быть немедленно исключены.

В дверях появилась Норма. Мандин оставил ее на попечении служившей в фирме медсестры, но сейчас она уже, очевидно, полностью пришла в себя.

— Уже все улажено? — спросила она печально.

— Похоже, что достигнуто всеобщее согласие,— произнес Мандин. Его самого охватила какая-то чудовищная апатия. Грин и Чарльзуорт. Они подали голос, и титаны пали ниц. Четверо прожженных дельцов, каждый из который был в несколько раз старше его по возрасту и во много раз опытнее — с этим фактом нельзя было не считаться.

— Организованное наступление,— повторил Нельсон.— Ничего. Как-нибудь переживем свое поражение. В данных обстоятельствах...

— Вы хотите сложить оружие? — перебила его Норма.

Котт потер щеку.

— А есть другие предложения? — спросил он.

— Значит, вы все-таки сделали свой выбор. Ну, хорошо. Кто еще?

— Норма, ты в своем уме? — сдавленно выкрикнул Мандин.

— Не знаю! Может быть, и не в своем! Судите сами. Я скажу вам, что я думаю, а вы сами судите, спятила я или нет. Я считаю, что Грин и Чарльзуорт — это пара выживших из ума старцев. Не знаю, сто лет они прожили или тысячу. Но сейчас мне все равно! По-моему, нет причин, которые помешали бы жить очень долго, если есть уйма денег на соответствующее медицинское обслуживание. И я считаю, что у того, кто щедро платит докторам за то, что они не дают ему свалиться, есть уйма возможностей возместить убытки. Но мне, повторяю, все равно! Это не имеет сейчас особого значения. Главное в том, что они люди. Я видела их, и, поверьте мне, они все-таки люди. Пусть старые и дряхлые. Пусть они наполовину выжили из ума. По меньшей мере наполовину. Но они все же люди. А раз это так, то позвольте мне спросить вас — чего они добились?

— Денег! — улыбаясь, ответил Райан.

— Да, денег. Их у них уйма. Но как уже подчеркнул Мандин, у нас их тоже немало. Может быть, они и одолеют нас, но, ей-богу, они не в состоянии запугать нас. Я говорю только за себя — я не стану отрицать того, что они могут сделать со мной все, что им заблагорассудится, но им придется сделать это, прежде чем я уступлю. Слышите!

— И я тоже! — быстро поддержал ее Мандин.

— Прощайте,— рассудительно произнес Котт.

Он встал, поклонился и направился к двери. Норма неожиданно затряслась всем телом и крикнула:

— Черт побери! — и опрометью кинулась мимо него к двери.

Через несколько минут она вернулась, держа в руках небольшую светло-зеленую вазочку. Из ее горлышка свисали полуувядшие розы и веточки папоротника.

Норма выбросила на пол цветы и закричала прямо в горлышко вазы:

— Я нисколько не боюсь вас, Грин и Чарльзуорт! Домапузыри будут использованы именно так, как о том мечтал мой отец! И если вы будете этому препятствовать, то лучше сразу бросайтесь из окна небоскреба — вместе с моими так называемыми коллегами, которые отказываются сейчас меня поддержать!

Ваза завибрировала и рассыпалась на части. На мелкие фрагменты прямо у нее в руках. Один осколок стекла впился ей в щеку. Показалась кровь. Вместе с осколками на ковре валялись крохотные металлические осколки и кристаллики. Они начали накаляться, на глазах испаряясь. Мандин затоптал ногой десяток крохотных огоньков на ковре. Одновременно с этим он услышал крики из других кабинетов.

Возникшая после этого суматоха длилась минут десять. Взрывались самые неожиданные и неподходящие предметы — авторучка в пиджаке Котта, кондиционер в соседней комнате,

пульт оконного поляризатора, корзина для бумаг рядом со столом Райана. Но, кроме истерики среди женщин, ничего существенного не произошло. Небольшие очаги пожара были погашены без особого труда.

Котт, поправляя оплавившуюся материю своего пиджака, крикнул Норме:

— Вот к чему приводят ваши сумасбродные прожекты, мисс! Вы что, надумали ликвидировать систему аренды жилья работающих по контакту? Вы что, думаете сделать из нас погонщиков рабов, да? Да вы просто низкая, подлая...

Он уже не соображал, что говорит. Мандин и Дон одновременно метнулись к нему. Мандин был ближе. Он был удостоен чести нокаутировать Котта.

Нельсон поднял компаньона и стал стряхивать с него золу.

— Гарри, подумайте о своем давлении,— посоветовал он Котту.— Не беспокойтесь, мы одолеем этих подлецов.

Хаббл молча грыз ногти.

— Видите ли,— наконец, не спеша произнес он,— я воспитан благоразумным, опасающимся за свои доллары молодым человеком, а у Грин и Чарльзуорта долларов больше, чем у любого из этих находящихся... Понимаете... ради бога, только не смейтесь надо мной. Но я продолжаю борьбу до тех пор, пока хватит моих нервов.

Норма подбежала, обняла и поцеловала его.

— Эй, хватит...— начал было он и запнулся, так как до него дошло, что он не имеет ни малейшего права проявлять неожиданно охватившую его ярость. Два других финансиста, казалось, были шокированы.

— Предатель!— выкрикнул Нельсон.— Ну, что ж, давай! Мы уходим отсюда, вы все тут с ума посходили! Мне даже в голову не могло прийти, что...

— Предположим,— спокойно перебил его Райан,— вы выйдете из игры. Подумаем, что тогда у нас получится. Если вы хлопнете дверью, то вы чисты — во всяком случае, на бумаге. Но договор остается у нас на руках. Так что убирайтесь подобру-поздорову, пока мы не вызвали полицию.

— Побереги свое сердце, Гарри! — резко бросил Нельсон Котту, который хотел что-то возразить на слова старого адвоката.

Они вышли из кабинета, и Большая Семерка уменьшилась до Большой Пятерки — Норвел Блай тут же агрессивно потребовал, чтобы он был введен в дело.

Когда с ним было утрясено, он обвел взглядом мрачные лица и рассмеялся весело и задорно.

— Выше голову, господа! — крикнул он.— В Белли-Рэйв случаются вещи и похуже!

— У нас все еще впереди,— угрюмо заметил Мандин.

Норвел похлопал его по плечу.

— Точно,— кивнул он.— Именно так, Чарли. Это худшее, что может с нами случиться. А со мной и некоторыми другими, здесь

находящимися, это уже произошло раньше. Так чего же нам бояться?

— Чарльз, прислушайтесь к тому, что он говорит,— взмолилась Норма.— Мир стал тюрьмой, Чарльз, и в этом вина моего отца, хотя у него и были самые благие намерения. Я почти рада, что он не дожил до этого, что он не может увидеть, что сотворили с миром его дома-пузыри. Даже у такого злодея, как Нерон, не было такого оружия, как эти дома! И подумайте о том, что это оружие в руках таких людей как миссис Грин и мистер Чарльзуорт!

— Насколько я понимаю,— тяжело дыша, произнес Мандин,— все, что вы требуете от своего адвоката, это чтобы он перевернул весь мир для вас?

— Прекратите, Чарли! — резко оборвал его Норвел и почти что угрожающе двинулся на адвоката, глядя прямо в глаза мужчине, который был намного крупнее его.— У меня скоро будет сын. И я хотел бы, чтобы у него был шанс на настоящую жизнь, а не рабство по контракту. О, если вам нужны деньги, мы их наделаем. ДМЛ стоит кучу денег, а насколько я понимаю, наш первый шаг — овладеть ДМЛ. Но это только начало!

От его петушиной самоуверенности, Мандин готов был вот-вот расхохотаться. Но он сдержался. А Норви Блай, ростом чуть повыше полутора метров и без гроша в кармане, продолжал:

— Давайте приберем к рукам ДМЛ, и это даст нам 14 миллиардов долларов и природные богатства всей этой страны...

Мандин ухмыльнулся.

— Ну, что ж, как вы говорите, нам нечего терять. Хотя, постойте, это никоим образом не относится к вам, Хаббл.

— Называйте меня Блисс, Мандин,— криво улыбаясь, произнес финансист.— Как вы там когда-то сказали, Блай: «Что такое ад?» Отличный вопрос. Вы думаете, Белли-Рэйв — эталон жестокости? Провели бы вы некоторое время на заседании совета директоров! Вы знакомы с моей женой — прекрасная женщина, не так ли,— и тут же добавил: — Была когда-то. Но коррупция распространяется. Болезнь разносится. Плохие дела на дне жизни, но они становятся все хуже и наверху.— Он мотнул головой, как попавшее в капкан животное.— Всю свою жизнь я что-то делал. Что-то искал, пытался ухватиться за что-то стоящее, пытался изменить порядок вещей, вот только не знал, как это делается. И сейчас не знаю, но, может быть, вы знаете? Я...

— И даже все ваши деньги не помогли? — неожиданно сочувственно спросила Норма.

Хаббл рассмеялся.

— И вы еще спрашиваете? У вас денег больше, чем я мог когда-либо представить себе наличными, в крупных купюрах. Продайте свои акции на бирже, если хотите убедиться сами, что это такое.— Он снова покачал головой и после минуты молчания произнес:

— К черту все это! Каков ваш план дальнейших действий?

Мандин, обведя взглядом комнату, с удивлением обнаружил, что все смотрят на него, и понял, почему — на него смотрела Норма. А Дон глядел туда, куда смотрит сестра. Остальные просто следовали примеру Лавинов.

— Биржа! — закричал Мандин. — Не понимаете? Если нам удастся... что это?

«Это» было чистой и звонкой нотой, которая неожиданно пришла как бы ниоткуда.

Все подняли взоры. Дон Лавин встрепенулся и, озираясь, поднялся. Немного постояв в нерешительности, он двинулся к двери.

— Эй, погоди! — крикнул ему Мандин. — Куда это ты собрался?

Дон пробурчал что-то через плечо, что-то вроде «на высокую проволоку», но Мандин не уловил в сказанном смысла. В этот момент в комнате прозвучал еще один микровзрыв, в основании торшера, рядом с которым сидел Дон, и возникло еще несколько миниатюрных очагов пожара.

Но, как и раньше, никто серьезно не пострадал.

— Надеюсь, здесь больше нет мин замедленного действия, — заметил Мандин. — Так на чем мы остановились?

— Вы начали рассказывать нам, что нужно сделать, — напомнил Норви Блай.

— Да, да, вспомнил. Я намеривался сказать, что нам еще рано считать, что мы потерпели поражение. У нас еще есть кое-что. С одной стороны, мы не должны считать деньги. Пусть это будет даже миллион долларов. Когда начинаешь такую кампанию, не стоит считать расходы на поддержание респектабельности фирмы. С другой стороны, наша кампания против ДМЛ не должна прекратиться из-за того, что несколько участников вышло из игры. Разумеется, нас еще ждут крупные передряги, огонь, вода и медные трубы — но, возможно, нам удастся все же кое-что выудить из мутной волны. В третьих, у нас в запасе главный козырь — Дон и его акции. Вот так... Постойте-ка! А куда это подевался Дон?

— Он вышел как раз за секунду до того, как началась эта кутерьма, — с беспокойством в голосе произнес Норви. — Мне почудилось, будто он сказал что-то вроде «высокая проволока», но, видимо, я ослышался.

— И мне такое же послышалось, — недоумевая, произнес Мандин. — Странно... Вы извините меня...

Он поднял трубку телефона и позвонил в вестибюль.

— Видели, как он вышел. У него спросили, когда он вернется, и он ответил, чтобы его не ждали. Он сказал, что собирается отправиться на стадион.

Наступила гнетущая тишина.

— Интересно, кто-нибудь понимает, что может означать эта «высокая проволока»? — с тревогой в голосе поинтересовался Хаббл. — Наверное, существует очень простое объяснение...

— Я знаю немало о работе на высокой проволоке,— вяло произнес Норвел Блай.— Это наиболее опасный номер Дня Состязаний. Только вот, Чарли, у вас не создалось впечатления, что глаза у Дона как бы светились?

Норма и Мандин от изумления раскрыли рты.

— Врач!— истерически закричала Норма.

— Да,— отозвался Мандин.— Мы сначала не обратили на эти слова внимания. Он ведь говорил нам, что, возможно еще не все кондиционирование вышло наружу. Что могло быть еще что-то, глубоко спрятанное, что навсегда останется в глубинах его подсознания...

Бом!

Хриплый смех разнесся по комнате.

— Не так ли, мистер Чарльзуорт?

— Несомненно, миссис Грин.

Глава 23

Они упорно проработали всю ночь и только под утро нашли таксиста, которого искали.

— Точно, мистер. Кондиционированный парень? Я подвез его к служебному входу стадиона «Монмаунт». Это ваш родственник? Что? Родственник?

Они попытались с помощью взятки проникнуть на арену, и это едва не удалось им. Хитрый привратник уже готов был поверить их небылицам и загрести пару копеек, когда подошел ночной надзиратель. Это был гигант с сияющими глазами.

— Извините, господа,— вежливо произнес он.— Посторонним вход воспрещен. Но очередь за местами на открытые трибуны начнется через несколько часов, так что... Здравствуйте, мистер Блай, давненько я вас здесь не видел.

— Здравствуйте, Бернес,— произнес Норвел.— Послушайте, не могли бы вы нас пропустить? Понимаете, дурак-мальчишка, наш знакомый, записался в участники. С его стороны это самая настоящая глупость, его обхитрили, как простака.

Гигант печально вздохнул.

— Посторонним вход воспрещен. Вот если бы у вас был пропуск...

— Я не против, чтобы подождать, господа,— сказал таксист,— но что может быть неразумнее, чем спорить с кондиционированным?

— Он прав,— кивнул Норвел.— Лучше попытаемся еще раз у Канделлы. Когда-то этот гнус был моим боссом.

Такси вихрем провезло их в микрорайон домов-пузырей фирмы «Дженерал Рикрейшенз», к веселому домику Канделлы.

Они звонили минут пять, пока Канделла не проснулся и не подошел к видеопереговорному устройству. Очевидно, он не верил своим глазам.

— Блай?— брызжа слюной, взревел он.— Блай?— на этот раз

в его тоне не было того прежнего почтения к Блаю из ДМЛ. До него, наверняка, дошли слухи о плачевном состоянии фирмы.

— Да, мистер Канделла. Извините, что разбудили вас, но, видите ли, дело срочное. Не могли бы вы пропустить нас на...

— Разумеется, нет! — экран погас.

Норвел нажал кнопку звонка, и на экране снова возник Канделла.

— Убирайтесь к черту, Блай, или я позову полицию. Вы, должно быть, пьяны.

Мандин вытолкал Норвела из поля зрения телекамеры.

— Я адвокат Чарльз Мандин. Поверенный мистера Дона Лавина. У меня есть основания полагать, что мистер Лавин сбежал из-под опеки и в настоящее время находится в общежитии для участников соревнований стадиона «Монмаунт» и будет принимать участие в завтрашнем, то есть сегодняшнем Дне Состязаний. Я предупреждаю вас, что мой клиент умственно неправомочен записываться для участия в играх, и, следовательно, ваша фирма понесет крупные убытки, если с ним что-нибудь случится. Я предлагаю, чтобы вы немедленно расторгли контракт с ним. Естественно, мы готовы уплатить любую неустойку и оплатить ваши расходы... — он понизил голос, — в небольших купюрах, но в большом количестве.

— Проходите, — немедленно откликнулся Канделла.

Дверь открылась. Когда они вошли, Канделла, стоящий на пороге, пробормотал:

— О, боже! Да тут их целая армия!

В динамике внутреннего переговорного устройства послышался женский голос:

— Что это, папочка?

Канделла покраснел.

— Дело. Отключись, пожалуйста, крошка. Я хотел сказать, малышка.

Послышалось хихикание и щелкание отключения.

— Так вот, дамы и господа, — начал Канделла, проведя гостей в комнату и усадив в кресло, — меня не интересует, как вас зовут. Поэтому я сразу приступаю к делу. Вот один из наших бланков для расписки. Вы, насколько я понял, адвокат, поэтому взгляните первым.

Мандин изучал документ в течение десяти минут. Так, покрытие из какого-то материала... должно быть, углекислый вольфрам. А если это так, то бумага практически неуничтожима, не горит, не окисляется, не рвется, не растворяется.

Канделла наслаждался.

— Вы думаете, вы первые? — хихикнул он презрительно. — Стоит только уступить один раз, и тогда все кончено. О, сколько раз я видел, как эти расписки пытаются уничтожить. Но за тридцать лет нам удалось, да будет вам известно, мистер адвокат, не проиграть ни одного иска...

— К черту закон, мистер Канделла! — вскричал Мандин. — К

черту деньги, если вы отказываетесь их взять. Подумайте о мальчишке, ведь это вопрос человеколюбия. Мальчишке там нечего делать!

Канделла напустил на себя вид праведника.

— Я защищаю, мистер Каквастам, интересы своей компании и ее акционеров! Поскольку это вопрос политики, мы не можем допускать никаких исключений. Наши Дни Состязаний превратятся в хаос, если каждый пьянчужка...

Мандин уже замахнулся, чтобы ударить его, когда Норвел неожиданно поймал взметнувшуюся вверх руку.

— Бесполезно,— сказал коротышка.— Я сам раньше не понимал этого. Он садист. Без сомнения. Кто еще так держался бы за свое место и получал от работы такое наслаждение. Вы вмешиваетесь в его личную жизнь, когда пытаетесь отнять у него одну из его жертв. Нам придется обратиться в более высокие сферы.

Канделла фыркнул и показал им на дверь.

Уже снова находясь в такси, Мандин произнес:

— Мы могли бы подцепить их угрозой иска о возмещении причиненных повреждений, разумеется. Но это им все равно. Блисс, как я полагаю, теперь ваша очередь браться за дело.

Финансист пролистал записную книжку и потянулся к телефону. Такси продолжало катиться к стадиону.

— Сэм?— произнес Хаббл в трубку.— Это я. С добрым утром, Сэм. Кто там верховодит в «Дженерал Рикрейшенз»? Группа, которая ведает представлениями, которые ставятся в Дни Состязаний на стадионе «Монмаунт»? Что? Хорошо, я подожду.

Через несколько минут он услышал ответ и, поблагодарил Сэма. Затем он повесил трубку.

— Так вот,— произнес он, глядя в окно,— мы имеем дело с трестом акционеров. Заправляет ими фирма Чоута. И мы знаем, у кого она на побегушках, не так ли?

Он стал барабанить пальцами по стеклу.

— Блай!— отрывисто бросил он.— Вы должны знать какой-нибудь способ, который помог бы нам проникнуть внутрь. Вы ведь, как-никак, работали там.

— Единственный способ,— произнес Норвел,— это записаться самому и...

— Тогда давайте запишемся,— произнесла Норма, едва сдерживая истерику. Все уставились на нее в изумлении.

— Нет, я вовсе не сумасшедшая! Мы хотим отыскать Дона, не так ли? А когда мы его найдем, мы удержим его — пусть даже с помощью дубины, если это понадобится. Мы можем записаться в массовку, или во что-нибудь подобное, ведь можем, Норви? Куда-нибудь, где не слишком опасно. Ведь это все добровольно, не так ли?

— Не забывайте,— тут же возразил Блай,— что я не был боссом на арене. Я занимался постановкой, сидя в своем кабинете. А в кабинете считалось, что ничего особенного с этими добровольцами случиться не должно.— Он поморщился.—

Возможно, это не такая уж плохая идея. Я вот что скажу вам — я отправлюсь туда один. Я знаю все ходы, и я...

— Черта с два! — коротко бросил Мандин. — Он сделает, как я полагаю, все, чтобы его не нашли. Он будет сражаться. Поэтому должен пойти я.

Через некоторое время они пришли к мнению, что должны идти все вместе, даже Хаббл и старик Райан. И тогда Норвелу пришла в голову гениальная мысль, и чтобы привести ее в исполнение, им пришлось раскошелиться на уйму денег в малых купюрах, чтобы таксист отвез их в Белли-Рэйв, и потратить добрый час, чтобы отыскать Дану из банды Кроликов.

— Мы придем, — сказала она мрачным тоном, услышав, что ей предлагали.

Мандин благодарно кивнул девчушке.

Помещение для инструктажа, под трибунами стадиона, было огромным, и тем не менее оно было переполнено. Почти четверть из находившихся здесь были в доску пьяны, другая четверть — профессионалы, и еще одна четверть — молодое хулиганье, которое записалось ради того, чтобы сделать единственный выстрел, которым можно бахвалиться всю оставшуюся жизнь. Было уже полпервого, и каждому был предоставлен превосходный горячий завтрак в кафетерии стадиона. Один из профессионалов заметил, как Мандин с жадностью проглотил свою порцию, и небрежно посоветовал.

— Я на твоем месте, парень, все же воздержался бы от еды. На случай раны в живот.

И Мандин прекратил есть, неожиданно задумавшись.

Пока что не было никаких следов Дона Лавина, хотя это и не было странным. В такой толпе было нетрудно затеряться, даже не прилагая к этому усилий. А Дон, повинуясь приказу, глубоко внедренному в его сознание, пытался сделать это изо всех сил. Они искали его как можно тщательнее, но все было бесполезно, и, когда времени осталось совсем немного, собрались вместе, чтобы обсудить создавшееся положение.

— Кролики, — с надеждой произнес Норвел. — Они заметят его с трибун и дадут нам знать. Тогда...

Тогда могло оказаться слишком поздно. Все зависело от того, удастся ли сразу оказаться с ним рядом, что означало, что нужно принимать участие в том же номере программы, что и он. В этом они не могли быть уверены. Нелегким делом было даже удержать Кроликов на трибунах.

Неожиданно рядом с собой Мандин услышал спокойный голос Норвела:

— Убирайся отсюда к черту! Я-то думал, ты усвоил урок, когда я согнул на твоей башке трубу!

Крупный лохматый мужчина попятился назад от маленького боевого петушка.

— Нет, нет, — взмолился великан. — Шеп пришел не для того,

чтобы валять дурака. Шеп пришел извиниться. Он готов помочь вам всем, чем может...

Мандин вопросительно посмотрел на Норвела:

— Откуда это он взялся?

— Это Дана. Она его привела. Он когда-то был вроде как телохранитель, пока я его... не уволил. По подсказке жены.

— Мы можем воспользоваться услугами другого,— сказал Мандин.

Норвел пожал плечами.

— Смотрите сами,— вот все, что он сказал в ответ.

Верзила Благодушно усмехнулся и рассыпался в благодарностях перед Норвелом, вызвав удивленный взгляд Мандина.

— Минуточку внимания, пожалуйста,— сказал кто-то с возвышения.— Может быть, соизволите закрыть свои рты? Вот вы, болтуны в дальнем углу, к вам что, это не относится? А ну заткнитесь, ублюдки! Вот теперь спасибо! — Это был потерявший рассудок молодой человек, который ерошил пальцами прическу.

— Уилки,— прошептал Норви Мандину.— Сегодня вечером у него будет нервный припадок. Это случается каждый год. Но...— задумчиво прибавил Норвел,— он прекрасный ведущий.

— Вы прекрасно знаете, леди и джентльмены,— начал Уилки,— что сейчас начнется грандиозное представление, шоу года. Участники его оплачиваются по двойному тарифу и получают удвоенное страховое пособие. А мы, в свою очередь, леди и джентльмены, ждем вас, что вы постараетесь изо всех сил ради вящей славы нашего стадиона.

Он обвел толпу взглядом.

— А теперь приступим к распределению ролей. Сначала пойдет комический номер. Нужно несколько джентльменов и леди, пожилых — повреждений организмов не предвидится. Набитые волосом дубинки, борьба до последнего вздоха. Последняя оставшаяся на ногах леди получает 500 долларов, последний джентльмен — 1000. Ну, посмотрим, кто поднял руки. А ну, назад, проходимец! Тебе еще далеко до шестидесяти!

— Давайте,— подтолкнул Райана Блай.— Идите с ними и глядите в оба, не покажется ли где Дон.

Райан кивнул и побрел с другими пожилыми леди и джентльменами.

— А теперь двое крепких мужчин, которые воображают, будто они хорошо владеют ножами. В стиле древних викингов. В голом виде, так что не тратьте мое время, если у вас большое пузо...

Стиль викингов означал, что соперники будут привязаны друг к другу поясом и не смогут отдалиться более чем на полметра.

— Одна тысяча! Ну, кто согласен за одну тысячу? Ладно, согласен повысить награду до двух с половиной тысяч, и если добровольцев все равно не будет, то обойдемся и без этого номера, слюнтяи паршивые...

Почти дюжина люмпменов, ухмыляясь, подпрыгнули:

— Мы!

— Вот и прекрасно. Значит, одновременно у нас будет шесть пар. Забирайте их, ребята!

Распределение ролей продолжалось. Инферно Спиллейна. Львы. Тигры и медведи. Еще несколько номеров. Дана метнула взгляд отчаяния в сторону Мандина. Дона Лавина не было, хотя толпа изрядно поредела.

— Мы, должно быть, упустили его,— брюзжал Хаббл.

— Роллер-дерби! — провозгласил Уилки.— На локтях шипы, тело без доспехов. Пятьсот долларов на всех принимающих участие. Двадцать долларов за участие в толпе, сотня, если кто-нибудь упадет на вас и у вас покажется кровь.

Норвел обвел взглядом Мандина, Норму и Хаббла. Шеп поволочился за ними, когда они встали и были приняты в качестве «простых участников». После этого их вывели из помещения для инструктажа. Они тщетно искали взглядом Дона.

А затем они, разумеется, увидели его только после того, как стеклянная дверь окончательно закрылась за ними. Он поднялся — с остеклянелыми глазами — для участия в номере «Высокая проволока с пираньями», за десять тысяч долларов.

Но даже за такую плату он был единственным добровольцем.

Норма изо всех сил пыталась стронуть с места неподвижную дверь, пока две матроны не оттащили ее и не затолкали в соседнюю комнату.

— Надо что-то придумать,— повторил Норвел.— Надо что-нибудь обязательно придумать...

Глава 24

Сначала Норвел пытался все уладить по-приятельски с менеджером, заправляющим в помещении, откуда участников выпускали на арену. Менеджер от него отмахнулся. Тогда Норвел стал просить, а затем и угрожает, но результат был тем же. Менеджер упрямо бубнил одно и то же:

— Вызвался — давай работай! Много вас таких на мою голову — наложат в штаны и хнычут. Всех не пожалеешь. А зрители не хотят ничего знать.

— В чем дело, Кэмп? — прозвучал знакомый голос.

Это был Стимменс, бывший помощник Норвела, того самого Иуды, который тихо и умело предал своего босса, отправив в Белли-Рэйв.

С каким удовольствием Норвел сейчас задал бы ему трепку, но ставка была слишком высока.

— Мистер Стимменс,— униженно обратился он к своему бывшему подчиненному.

— О, мистер Блай!! Да, да, Норви! Что это вы здесь делаете?

Норви неряшливо вытер нос рукавом пиджака.

— Пытаюсь зашибить пару долларов, мистер Стимменс,— хнычущим голосом произнес он.— Вы знаете, каково очутиться в Белли-Рэйв. Я вызвался в качестве участника публики на Дерби,

но мистер Кэмп говорит, что я не гожусь для этого, уж очень сильно я боюсь и могу испортить все зрелище. Наверное, так оно и есть, поэтому я хочу перейти в другой номер. С дерби на «Высокую проволоку» в качестве трепальщика. Я знаю, что за это я получу всего десять долларов, но зато ко мне на колени не бухнется какая-нибудь девка с шипами на локтях. Сделайте одолжение, мистер Стимменс. Для меня. И для пары моих приятелей.

Стимменс был наверху блаженства.

— Просьба не совсем обычная, Норви. Ее нелегко выполнить. Может возникнуть путанница.

Норвел знал, чего он добивается.

— Ну, пожалуйста,— тут же всплакнул он.

— Для старого нашего коллеги не грех немного изменить правила, а, Кэмп. Проследи, чтобы его перевели в другой номер.

— И моих друзей, пожалуйста, мистер Стимменс!

Стимменс пожал плечами.

— И его друзей, Кэмп.

Он важно проследовал из помещения, явно гордый сознанием того, что он сотворил добро, а заодно и унизил своего бывшего босса, а самому ему это ничего не стоило.

— Вы слышали?— обратился Норвел к Кэмпу.— Давайте, переводите.

Кэмп пробурчал что-то себе под нос и переставил карточки участников.

— Порядок,— удовлетворенно сказал Норвел друзьям.— Шансы Дона явно повышаются. Возможно, мы и успеем выудить его из этого дерьма, если только...

— Извините меня, но у вас есть деньги?— перебил его Шеп.— Нужно раздать их другим трепальщикам на «Высокий проволоке», когда выйдем к бассейну, и сказать им, чтобы они не мешали.

— Верно, Шеп,— согласился Норвел.— Хаббл, у вас есть деньги?

Деньги у Хаббла водились всегда. Теперь им оставалось только смотреть на арену через застекленную стенку. Норвел показал остальным, как банда Даны потихоньку заняла все передние места перед бассейном, образовав как бы кольцо вокруг него.

— У них есть духовые пистолеты,— прошептал он.— Она обещала. Если будет необходимо, они посшибают трепальщиков — таков уговор.

Пока что на арене шла старинная народная забава — они увидели, как какая-то дама, лет восьмидесяти, не меньше, зверским ударом набитой волосами дубины уложила на землю Райана. И хотя дубины были не очень жесткими, завсегдатаи этого номера очень хорошо знали, как ими пользоваться для максимальной эффективности удара. Стонущего старика перенесли через барьер и отнесли в лазарет. Мандин и Норма переглянулись, но для более глубокого выражения чувств у них не было времени.

Зрители принимали самое живое участие во всем, что происходило на арене. С чисто техническим интересом бывшего специали-

ста, Норвел отмечал, что они смеялись, взывали и швыряли самые различные предметы в самые подходящие моменты.

Шоу по всем признакам должно было получиться на славу, даже если им придется испортить гвоздь программы. Подумав об этом, Норвел встрепенулся и взял себя в руки, предчувствуя, что вот-вот ему предстоит быть готовым для чего-то большого и нового...

Но это предчувствие вызвало одновременно бесконечную горечь в душе, так как он понимал, что именно ему предстоит совершить.

Сверкнули клинки, и начался бой в стиле викингов. Несколько взмахов кинжалами, и полилась кровь. Из шести пар две поубивали друг друга, и оркестр сменил мелодии Грига на бравурную музыку Гершвина, которой в течение добрых десяти минут должно будет сопровождаться роллер-дерби.

Оно было сплошным кровопролитием. Один за другим по отгороженному досками желобу на большой скорости скатывались вниз, прямо в толпу, называвшуюся «публикой», роликобежцы и наносили направо и налево рваные раны своими острыми, как лезвие, шипами, прикрепленными к локтям и коленям, оставляя за собой просеку из поваленных, будто ураганом, людей. Впечатление, было такое, что будто бы толпу рассек наждачный круг.

Глядя на это, Норвел впервые в жизни задумался, когда и с чего все это началось. С костоломного футбола? С хоккейных матчей, где зрителей интересовало не столько число забитых шайб, сколько количество сотрясений мозга? С нетерпеливой толпы, с гиканием взиравшей на смельчаков, ходивших по карнизам небоскребов? С тех чикагских фанатиков, которые расстреливали из ракетниц болельщиков команды противника? Или еще раньше, с призывом «пленных не брать, снарядов не жалеть»? С фосфорных гранат? Напалма? Ужасов Бухенвальда?

И пока он пытался докопаться до этого, он почувствовал, как Кэмп трясет его за плечо.

— Ладно, трус паршивый,— проворчал Кэмп.— Ты и твои друзья, ваша очередь. Берите свои манатки.

Он тупо взял корзину и посмотрел на шеренгу трепальщиков, которая начала выстраиваться перед выходом на арену и в которую они должны были стать. В корзине была галька размером до трех дюймов. В задачу трепальщиков входило шумом, бросанием камней и другими методами осложнять выход основного игрока по высоко натянутой проволоке. Смутно воспринимая происходящее, он обнаружил, что Хаббл и Мандин почти что несут его.

— Возьмите себя в руки, черт вас подери! — взмолился Мандин.— Нам сейчас необходим каждый человек!

Норвел криво улыбнулся Мандину и подумал: «Может быть, и не придется все-таки, может быть, не придется. Может быть, все уладится само собой. Может быть, все уладится, и мне не придется... Но если я... если нужно будет, то я...»

— Леди и джентльмены! — прозвучал зычный голос ведущего, когда они заняли свои места вокруг бассейна, а монтажники быстро установили две вышки и натянули между ними проволоку.— Леди и джентльмены! Стадион «Монмаунт» горд и счастлив тем, что имеет возможность впервые представить вам на этой известной на всю страну арене абсолютно новый номер, номер, требующий захватывающей дух смелости и необыкновенной ловкости. Совершать этот подвиг будет вот этот молодой человек...

Дона поспешно вытолкнула на одну из вышек. Норма, потеряв самообладание, разразилась рыданиями. Хаббл и Мандин ходили среди трепальщиков, тыча им деньги, за ними зловещей тенью маячил Шеп.

— Не шевелиться, ясно? И ни звука! Я повторяю, стоять, как статуи. Чтобы не единого выкрика. Ясно? Когда все это закончится, получите еще, и намного больше — если с парнем ничего не случится. Если кто-нибудь из вас вздумает нас обмануть, мы швырнем его рыбам. Понятно? Это будет стоить жизни тому, кто посмеет помешать парню. Ни звука, ни шороха. Ясно?

— ... этот молодой человек, не имеющий никакой предварительной гимнастической подготовки, сделает попытку пересечь пять метров, которые разделяют эти башни друг от друга, несмотря на энергичное противодействие этих вот шестнадцати трепальщиков. Им будет разрешено насмехаться, выкрикивать угрозы, дуть в дудки и бросать камни, словом делать все, что угодно, только не шатать вышки...

Эффект соучастия, подумал Норвел. Шестнадцать «оппонентов» будут делать все то, что хотели бы делать зрители, только вот зрители слишком далеко отсюда находятся. И все же сильная и ловкая рука при попутном ветре да плюс камень хорошей формы... Или духовой пистолет, если еще кто-нибудь, кроме Кроликов, протащил тайком на трибуны оружие.

— Изюминка этого номера, леди и джентльмены, заключается в обитателях бассейна, над которым совершит попытку пройти этот юный сорвиголова. За баснословные деньги стадион «Монмаунт» импортировал из истоков реки Амазонки, что в южной Америке, стаю беспощадных убийц, стаю наиболее хищных из всех известных людям рыб. Это — пираньи!

Приготовьте свои бинокли, леди и джентльмены! Не упустите ни одной мельчайшей детали из того, что сейчас увидите! По моей команде в бассейн будет брошена двухпудовая овца, и вы увидите, что из этого получится!

В бассейн полетело блеющее, смертельно напуганное животное — остриженное, и с несколькими порезами на боку, чтобы был запах крови. Затем служители потянули за веревки и выволокли окровавленные кости. Меж ребер еще извивались и бились небольшие рыбешки, пытаясь дочиста обглодать скелет. Когда служители стали смахивать их в воду, толпа пронзительно завизжала от восторга.

Вы все такие же подлюги, как и эти твари, подумал Норвел. И все-таки, может быть, мне не нужно будет совершить это...

Шеп снова как-то странно поглядел на него, и Норвел инстинктивно отодвинулся в сторону. Стал смотреть на Дона Лавина, который стоял неподвижно, ожидая сигнала. Невозмутимый, во всяком случае внешне, не обращая внимания на то, что происходит внизу. Ему двадцать два года, подумал Блай. Мгновение рассеянной страсти между одержимой работой над чертежной доской и собраниями акционеров, и он был зачат. Девять месяцев тошноты, продолжительных болей и предродовых мук — и он появился на свет. Регулярное кормление. Мокрые пеленки. Его любят и ласкают. Он — мечты и надежды, он — воплощение грандиозных планов на будущее. И вот он уже превращается в подростка. Вот уже в мужчину...

И вот этот мужчина должен будет вскоре превратиться в груду обглоданных, окровавленных костей, если кто-то не уплатит за него выкуп ценой собственной жизни. Но, возможно, мне не придется этого делать, в отчаянии убеждал себя Норвел.

Наушник его слухового аппарата чуть сдвинулся в сторону. Он робко посмотрел вокруг и вознамерился поправить его. Затем отказался от этого намерения.

В этом не было необходимости.

Пронзительный визг толпы, торжествующе-злорадный голос ведущего, поскрипывание брусьев, из которых была сооружена вышка — даже это — все это не проходило мимо его ушей.

Он мог слышать.

На мгновение его объял ужас. Это приговор, подумал он, не совсем соображая, что он имеет в виду. Он не хотел ничего этого слышать. У него не было достаточной храбрости слышать это. Он думал, что не будет все это слышать — пока он сам будет частью разворачивающегося перед ним кошмара.

Но он не смог отрешиться от того, что его окружало.

А был ли он на самом деле всегда глухим,— спросил он себя. Ощущения его были такими же, как и всегда. Но теперь он мог слышать, а раньше не мог. Он подошел к Норме Лавин и обнял одной рукой ее содрогающиеся плечи.

— Все будет хорошо,— сказал он.— Она молча прижалась к нему.— У меня скоро родится малыш.— Она рассеянно кивнула не сводя глаз с вышки.— Если что-нибудь случиться,— продолжал он,— то будет только справедливо, если о нем позаботятся? Верно? О Сэнди, Вирджинии и мальчика. Вы не забудете о них?— Она кивнула, хотя смысл его слов вряд ли доходил до нее.— Я слышал примерно о таком же дне состязаний в Бэйсити,— не умолкал Норвел.— Там тоже, как и здесь, была высокая проволока над бассейном с пираньями. Один из судей, сидевший на ступеньках лестницы, был слегка подвыпившим и то ли оступился, то ли еще что-то вроде этого...

Она не обращала никакого внимания на его слова. Он поднялся и подошел к Мандину.

— Если что-нибудь случится,— начал он,— будет только справедливо, если позаботятся о Сэнди, Вирджинии и мальчике.

— Что?

— Просто не забывайте об этом.

Шеп снова как-то подозрительно посмотрел на него.

Норвел отошел в сторону.

Прозвучала барабанная дробь, и ведущий поджег платформу, на которой, будто каменная статуя, стоял Дон Лавин. При виде языков пламени толпа взвыла, а мальчик сделал отчаянный прыжок вперед, раскачивая своим шестом для равновесия.

Ведущий яростно набросился на трепальщиков.

— Что это с вами такое стряслось? Ну-ка, давайте! Бросайте камни! Вам за это платят!

Один из молодых хулиганов на дальнем краю бассейна начал размахивать трещоткой, нервно поглядывая на Шепа.

— Еще сотню, гад!— вспылил стоявший рядом с ним Хаббл.— Успокойся же!

Хулиган замер и, открыв рот, стал следить за канатоходцем.

Полметра, метр... Горизонтальный шест раскачивался все сильней.

У него особая обувь, понял Норвел. Может быть, обойдется, может быть, мне не придется ничего предпринимать. И тогда я снова смогу для собственного удобства стать глухим, буду регулярно менять батарейки, чтобы не было тошно глядеть на этих людей, рассудок и волю которых помутила жажда крови.

— Метр, полтора...

Ведущий неистовствовал.

— Что вы стоите, ублюдки, сложа руки? Дуйте в дудки! Забрасывайте его камнями!

Полтора метра... два...

Рев толпы становился все более страшным, все более угрожающим. Она напоминала ведущему, что ее обманывают. На одной из трибун возникло пение, возбужденные зрители топали в такт ногами и хлопали в ладоши.

Два метра... Два с четвертью...

Ведущий сменил проклятия на рыдания.

— Мы платим вам за то, чтобы вы трепали ему нервы, а не мне. Вот как вы отвечаете на все наши старания,— лепетал он.— Неужели все эти прекрасные жители на трибунах не заслуживают того, чтобы вы исправно выполнили свои обязанности? Подумайте о репутации стадиона! Неужели вам не стыдно?

Два с половиной метра... два и три четверти... три...

Почти две трети пути к противоположному краю.

У Норвела появилась надежда. Но кто-то на трибуне, кто-то с сильной рукой да плюс ветер, сумер перекрыть расстояние. В конце своего полета большой булыжник бухнулся в бассейн. На всплеск метнулись мелкие твари с бледными животами, которые

тут же стали рвать на куски друг друга. Вода окрасилась кровью и словно начала кипеть.

Неожиданно Норвел стал хладнокровным и решительным.

— Через несколько секунд они его доканают,— отрывисто бросил он Мандину.— Приготовьтесь вытаскивать его как можно быстрее. Не забудьте о том, что я говорил вам ранее.

Он направился к Уилки, который в немом отчаянии глядел на упорствующих в своем молчании трепальщиков.

Упал еще один булыжник...

На этот раз удар пришелся в вышку.

Один конец балансировочного шеста резко взмыл вверх. И тут же прозвучал отчаянный крик Нормы.

— В этом году у тебя не будет нервного припадка, Уилки,— сказал Норвел, обращаясь к ведущему.

— Что? Это ты, Блай? О, боже, они меня совсем не слушают! — всхлипывал Уилки.

Три с половиной метра...

Дон Лавин был почти у цели, но в этот момент кирпич угодил ему прямо между лопатками. Балансировочный шест взметнулся еще выше, и трепальщики потеряли над собой контроль. Хаббл и Мандин кричали, просили, умоляли их, но они уже вцепились руками в камни и не слушали никого на свете. От вкуса крови обезумели не только маленькие рыбки пираньи.

Норвел бросил последний отчаянный взгляд на арену. Но вокруг ничего не было. Ни стула, ни столика, ни подушки, ничего такого, что можно было бы швырнуть рыбам. Оставалось только...

— Нет! — взревел Шеп позади него, и ошеломленный Норвел полуобернулся. Всего лишь на мгновение. Но именно это мгновение решило все — это сделал Шеп, а не Норвел, обхвативший рыдающего Уилки. Шеп, а не Норвел, бросился в это мгновение в бассейн и в вечность. Шеп, который полностью уплатил свой долг.

Сперва поверхность воды была спокойной, но тут же закипела.

На другом конце бассейна, где все было спокойно, Мандин и Хаббл одним рывком вытащили Дона из бассейна.

Глава 25

— Я хотел это сделать,— повторил Блай, срывающимся голосом.— Я был готов это сделать!

— Конечно, вы хотели,— утешила его Норма, обнимая, когда они возвращались на такси в Белли-Рэйв.

Мандин, сидя рядом с ними в полудремотном состоянии, пытался успокоиться. Какой все-таки хороший человек, этот Блай, думал он. Хорошо, что Шеп принял на себя его роль. Он еще нам пригодиться. Но он сам, разумеется, еще не в состоянии осмыслить все, что произошло.

Хаббл болтал без умолку.

— Вот это настоящее приключение. Но еще большие при-

ключения ждут нас впереди, не правда ли, Мандин? После пираний есть еще Грин и Чарльзуорт. Они заставят нас пожелать оказаться лучше в бассейне с пираньями, чем...

— Заткнитесь! — посоветовал ему Дон Лавин.

С ним что-то происходит. Возможно, он что-то узнал, находясь на проволоке, подумал Мандин. Интересно, как быстро взрослеешь после таких испытаний.

Вспомнив что-то, он поднял телефонную трубку и позвонил в справочную. Неугомонный Хаббл, подслушав, тут же сделал замечание:

— Да, разумеется, лазарет стадиона. Мы начисто забыли о старике Райане. Ведь он еще будет очень нужен нам для грядущих больших дел — кстати, когда вы намериваетесь посвятить нас в дальнейшие планы? Теперь, когда Дон опять с нами, акции в нашем распоряжении. Но мы не сможем голосовать опираясь на них. Вам понятно, почему? Да потому, что нас повяжут самыми разными судебными запретами... — он осекся, увидев выражение лица Мандина, когда тот положил трубку. — Что с Райаном? — спросил он уже другим тоном.

— Кровоизлияние в мозг. Он скончался на операционном столе. Никакая война не обходится без жертв, — грустно отметил Мандин. — Сначала Шеп, потом Райан. Еще одна такая победа — и кто следующий? Может быть, я?

Но тут же, отбросив мрачные мысли, он начал обдумывать план дальнейшей борьбы, костяк которого разработал Райан и который он уже никогда не сможет воплотить в жизнь.

— Неужели вы думаете, — сказал Дон Лавин, — что десятичасового сна достаточно, чтобы полностью оправиться?

— Вот-вот прозвучит звонок, — устало произнес Мандин. — Вам виден Норви?

Они находились в зале фондовой биржи, ожидая начала ее открытия. Огромный зал был, как всегда, наполнен обычной возбужденной, бурлящей толпой брокеров — но Мандин каким-то шестым чувством ощущал не совсем обычное напряжение собравшихся. Дельцы были гораздо более сосредоточенными, чем в тот последний раз, когда они были здесь, и более обеспокоенными. Это результат их собственной рекламной компании, не без некоторого удивления и удовлетворения подумал Мандин. Продавались акции ДМЛ-Хоуз. За последние недели стоимость их упала на несколько пунктов. Не очень сильно, но достаточно, чтобы расшатать, пусть пока не сильно, но все же расшатать их не пробиваемую убежденность в устойчивости фирмы. А если уж дела нехороши у самой ДМЛ, качали головой вкладчики, шепчась по углам, то не происходит ли на самом деле что-то важное?

Они наконец заметили Норви, стоявшего, не привлекая особого внимания к себе, у дальней стены. Он бросил в их сторону взгляд, в котором можно было прочесть, что и он их увидел, а затем умышленно стал смотреть в другую сторону. Они последова-

ли за его взглядом и увидели Хаббла у стодолларового окошка, весело болтавшего с брокером у соседнего окошка. А затем прозвенел звонок, возвестивший о начале работы биржи.

— Ваша честь! — произнес Мандин официально, обращаясь к Дону Лавину. Тот ответил ему ироническим поклоном и небрежно отстучал первое свое распоряжение о продаже;

«333: 100 акций продаются».

На большом табло замелькали цифры, компьютеры производили необходимые вычисления и выплюнули результат. Мандин и Дон настроили свои бинокли на строку 333, строку ДМЛ. На ней пылали слова:

«333 минус 1/2»

— Поздравляю,— произнес Мандин.— Только что вы выбросили тысячу долларов на ветер.

— Это моя привилегия,— ухмыльнулся Дон.— Теперь, мне кажется, ваша очередь.

Прозвучал тридцатисекундный предупредительный звонок, и Мандин отстучал свое собственное распоряжение:

«333: 100 акций продаются».

На табло вспыхнули слова, возвещавшие о том, что стоимость ценных бумаг ДМЛ-Хоуз упала еще на полпункта.

Дон задумчиво делал подсчеты на бумаге.

— Если каждый такт биржевых операций занимает три минуты,— заметил он,— а время работы биржи составляет триста минут в день, то при нынешнем темпе прогресса для того, чтобы обанкротиться, понадобиться сорок рабочих дней.

Они угрюмо обменялись рукопожатиями.

Скромно одетая школьная учительница, показывая юным гражданам своего класса первоклассный образец истинно американского образа жизни, провела своих питомцев вдоль линии окошек, где делались ставки и где сидели Дон и Мандин. Вкладчики по обе стороны от двух заговорщиков стали проявлять все большее любопытство. Сосед Дона наклонился и прошептал:

— Если вы хотите избавиться от ДМЛ, я могу познакомить вас с одним парнем, который может заключить с вами личную сделку.

— Прочь! — рассмеялся Дон и набрал на клавиатуре очередное распоряжение. Цифры на табло оповестили:

«333, минус 1/2».

— Медленно, и к тому же неизвестно, насколько эффективно,— философски заметил Мандин.

Ковыляя вдоль прохода к ним подошел раздраженный невысокий мужчина в сопровождении угрюмого охранника.

— Вот вы, у окошка К-35. И вы, у соседнего! Вам известно о тех наказаниях, которые положены за непоставку акций, проданных по взаимному соглашению?

— А это что? — рассмеялся Мандин и ткнул в лицо служащего сертификаты акций.

Сердитый мужчина посмотрел на них и тут же захихикал.

— О, разумеется, господа, извините нас. Идем, Хэйнс. Эта жалоба совершенно необоснована...

Хэйнс наклонился к Мандину.

— Я наблюдаю за вами,— шепнул он.— Выход вон там, в районе касс. Я буду там, когда вы сдадите свои акции.

Сделав это, он неуклюже бросился догонять своего начальника.

— Грин и Чарльзуорт,— прошептал Мандин, и Дон кивнул. Кто же еще? Грин и Чальзуорт или кто-то из их приспешников. Пока что просто присматриваются и проверяют.

Но как только проверят им все станет ясно.

Прозвенел тридцатисекундный звонок. Мандин начал отстукивать свое распоряжение, затем нажал кнопку сброса.

— Лучше, пожалуй, увеличить продажу,— бросил он Дону через плечо.

«333: 500 акций, продаются».

Биржа работала около получаса, но беспокойный шепот уже слышался все громче, заглушая даже выкрики брокеров. Присутствующим становилось ясно, что кто-то подкапывается под ДМЛ.

После первоначального падения курс стабилизировался. Мандин, потея над своим пультом, догадался, что скупающая группа брокеров, работающая на Грин и Чарльзуорта, получила наказ позволять падение курса на каждом такте не более, чем на полпункта. Они могли себе позволить пока что наблюдать, ничего не предпринимая в ответ. У них пока что была уйма времени. И еще большая уйма денег.

А если времени и денег окажется недостаточно, то в их распоряжении уйма других рук, чтобы уладить неприятности.

Дон Лавин что-то прошептал. Мандин раздраженно поднял глаза.

— Что?

— Я сказал, взгляните-ка на курс «Электроприводных Тротуаров».

Мандин скользнул биноклем по главному табло. Курс акций компании «Электроприводные Тротуары» упал на десять пунктов, а он даже не заметил этого. Сейчас немудренно загадить себе мозги, выругался он про себя. Однако он не предвидел, что нечто подобное произойдет так быстро. Наверное, это засуетились мелкие игроки, встревоженные оживлением на бирже, и стали отделываться от своих бумаг. Если эта тенденция сохранится, то скоро не замедлят появиться у окошек и крупные воротилы.

— Вы правы,— сказал Мандин Дону.— Дайте знак Норвелу.

Норви, находившийся в другом конце зала, кивком головы дал понять, что принял сигнал, и начал раздавать незаметные распоряжения скупать акции фирм, курс которых пошатнулся, всех фирм, кроме ДМЛ. Он с такой силой нажимал на клавиши своего

пульта, словно бил самих Чарльзуорта и Грин, с контролируемой и приносящей наслаждение радостью и яростью. У него ушло немало времени, чтобы до конца осознать, что он после всего случившегося жив, и еще больше времени на то, чтобы перебороть незамедлительно возникшее в нем чувство обиды на Шепа за то, что тот украл у него главную роль в спектакле и погиб той смертью, которую Норвел зарезервировал для себя самого. Но теперь все это было уже в прошлом, и он не скрывал своего ликования, вызванного представившейся ему возможностью сражаться, пусть даже слабо, пусть даже безрезультатно.

Через полтора часа после начала операции на бирже, они дали знак, чтобы к ним присоединился Хаббл, и тот, кивнув, прекратил пустяковую возню с грошевыми сделками и последовал примеру Мандина. Потери Мандина и Дона теперь исчислялись тысячами акций, каждый такт работы биржи лишал их акций стоимостью более миллиона долларов, а они с тупой решительностью выколачивали из старой доброй ДМЛ полпункта за полпунктом.

Уже трижды кондиционированный посыльный из кассового зала проходил вдоль прохода, где находились брокеры, с удостоверениями на передачу акций из рук в руки, забирая сертификаты акций и оставляя их владельцам деньги — до таких размеров дошел обмен акциями. Сейчас он подошел снова, и Мандин увидев сумму, указанную на удостоверении, выпучил глаза. Внезапно все прояснилось с кристальной четкостью — Чарльз Мандин каждые несколько минут вышвыривает в урну с мусором акции стоимостью в миллионы долларов, и это тот самый Чарльз Мандин, который тремя месяцами ранее не был в состоянии расплатиться за полуисправную робосекретаршу! Его почти что охватила паника, он стал дико озираться, видя вокруг себя следящих за ним прихлебателей, мелких агентов, зачарованных вкладчиков, которые побросали свои собственные пульты, охранников, детишек — учащихся коммерческой школы и их степенную учительницу.

Что-то сверкнуло, и это привлекло его взгляд. Через мгновение он уже шептал ближайшему из этих учеников.

— А ну, чтобы духу твоего здесь не было!

Восьмилетний мальчишка, неуютно чувствующий себя в непривычном для него месте, покраснел и поспешно засунул подальше под пиджачок бутылку с отбитым горлышком, но все же не настолько быстро, чтобы этого не заметил «староста» класса — костлявая, но смазливая девчонка лет тринадцати, которая стала зловеще приближаться к нему.

— Не надо, Дана,— шепнул Мандин.— Просто следи за тем, чтобы их не было видно.

Он поглядел на «учительницу», а затем повернулся к стоящему рядом с ним брату «учительницы».

— Сколько же мы уже распродали?— спросил он.— Десять тысяч есть?

Дон Лавин оторвался от своих подсчетов.

— Что-то около восемнадцати тысяч,— буркнул он.

Капля в море, подумал Мандин. Начали они, имея в своем распоряжении двадцать пять процентов акций, выпущенных фирмой ДМЛ — примерно это составляло около семи миллионов акций. При таком темпе, подумал он, процесс растянется на целый год.

— Дон,— сказал он,— мы сейчас начнем оба одинаково. По две с половиной тысячи акций за раз.

Четырнадцать миллиардов долларов.

Четырнадцать миллиардов долларов — это огромная величина, четырнадцать миллиардов долларов обладают инерцией. Такую глыбу просто не раскачать. Попробуй-ка протаранить эти четырнадцать миллиардов долларов колесницей Джаггернаута. Она рассыплется и расшвыряет по мостовой всех находившихся в ней индийских богов. А четырнадцать миллиардов долларов останутся на том же месте как ни в чем не бывало.

Но четырнадцать миллиардов долларов, как и все остальное, сотворенное создателем, имеют свою собственную частоту колебаний. Качни их чуть-чуть и немного подожди. Гигантская конструкция станет вибрировать, шататься и...

А двадцать пять процентов акций, принадлежащих Дону Лавину, были весьма приличным тараном.

Цифры на гигантском табло стали колебаться со все большей амплитудой.

«333 — минус 10».

«333 — минус 6».

А один раз даже совершенно немыслимый скачок:

«333 — минус 42».

Работая, как ломовые лошади, Мандин, Хаббл, Блай и Лавины преуспели в обесценении своего капитала почти наполовину. Наступило время, когда должно было что-то произойти.

И это не заставило себя ждать.

Ать, два. Ать, два. Ать, два. Это было отделение из восьми человек, из городской управы, а впереди был Дел Дворкас.

Он подошел к Мандину по проходу, образованному расступившейся толпой людей с отвисшими челюстями.

— Ты! — негодуя, вскричал он.— Ты — плут, неблагодарный мальчишка, мошенник, авантюрист...

О, нет, подумал Мандин, не веря своим глазам. Не может этого быть, чтобы Дел Дворкас...

— Я вручаю тебе,— официально объявил Дел Дворкас,— эту повестку. Херб, вручи ее этому человеку. Одновременно с этим, я налагаю арест на вашу собственность, пока не будет вынесено судебное решение. Штраф восемьсот долларов, Мандин! Я не раз одалживал тебе деньги, выручал тебя, а ты сейчас пытаешься меня надуть! Несмотря на все эти деньги, которыми ты разжился. Погляди на эти сертификаты акций! Погляди на эти чеки! Ребята, забирайте этот хлам, и уходим отсюда!

Он повернулся, чтобы уйти, давая возможность полицейским дотянуться к акциям Мандина и Лавина.

— А ну, уберите руки! — рявкнул Мандин.— Дел, послушай. Ты суешь свой нос в нечто более крупное, чем ты сам!

Дворкас непроизвольно отпрянул, посмотрел через плечо и глаза его тревожно забегали.

— Эй, мистер,— пропела звонким голоском смазливая тринадцатилетняя девчушка у него под локтем.— Дайте парню шанс. Уходите!

Дворкас, казалось, потерял дар речи.

— Э... ладно,— выдавил он наконец из себя.— Херб, уходим.

— Нет, мистер,— не уступала девчушка.— Вы же не хотите уйти? Просто отошлите отсюда этих фараонов. Вы хотите остаться здесь и охранять эту собственность, верно?

— Верно,— с горечью произнес Дворкас.— Херб, проваливайте отсюда!

Здоровяк-полицейский нахмурился и попытался было возражать.

— Я вручаю ему повестку, Дел. В ней говориться, что мы обязаны забрать под опеку все его монатки.

— Убирайся, Херб!

Полицейский раздраженно повел плечами и, собрав свое отделение, торжественно промаршировал к выходу.

— Прекрасная работа, Дана,— сказал Мандин, переводя дух.

Она пожала плечами.

— Все в порядке, ребята,— кивнула она.— Теперь можете попрятать свои бутылки. Он будет тихоней. Верно, мистер?

Задыхаясь от гнева, Дворкас с ненавистью произнес:

— Разумеется.

Его остекленевший взгляд никак не мог оторваться от кроликов и от их бутылок, которые они снова начали прятать в одежду.

Мандин устало повернулся к главному табло. Он пропустил несколько тактов, и вот, и вот...

Несколько долгих секунд он не отводил бинокль от 333-й строки. Она гласила:

«333 — минус 13».

— Дон! — позвал он Лавина, не веря своим глазам.— Дон! Началось! Кто-то распродает свои акции!

Котт? Нельсон! А, может быть, сами Грин и Чарльзуорт? Этого они никогда не смогут узнать. Но через минуту распродавать начали уже все. Старая добрая 333 падала в цене все больше и больше. Взвыв, как полуумные, Мандин и Лавин, раз за разом выбрасывали на распродажу десятки тысяч акций, а из припрятанных портфелей появлялись новые десятки тысяч.

«... — минус 15».

«... — минус 28».

«... — минус 47».

«... — минус 61».

Теперь будто взбеленилась вся биржа, а цифры на главном табло уже имели мало общего с происходящим в зале. Информация на табло опаздывала на десять минут. Дважды вспыхивало волнение, и дважды сверкали бутылки с отбитыми донышками.

Несколько окровавленных недотеп опустились на пол биржи, где были затоптаны толпой в кровавое месиво. Но только дважды. Плотность толпы защищала их. Даже фашистские «тигры» не смогли бы пробиться сквозь такую толпу к Мандину.

Наступил кризис, с отчаянием подумал Мандин, не переставая стучать по клавишам своего пульта, выбрасывая распоряжения и мучительно ожидая, каким образом отзовется на это прежде мгновенно действующее, а теперь невероятно медлительное табло. Именно сейчас им было особенно необходимо ощущать пульс рынка, чтобы точно определить, когда потихоньку прекратить распродажу и начать незамедлительно скупать акции ДМЛ. Через его плечо метнулась чья-то рука и что-то схватила.

— Осторожнее, приятель! — хрипло крикнул Мандин, поднимая глаза. Но это был всего лишь Дел Дворкас, забравший назад повестку, которую его люди недавно вручили Мандину.

Его лицо было бледным, но сосредоточенным. Он молча порвал бумажку.

— Твоя взяла,— сказал он Мандину, бросая обрывки на пол.— Я знаю, когда прекратить ставки на проигравшую лошадь, Чарльз. И не забывай, кто именно отправил тебя к Лавиным.

Суждение трезвого политика, с удивлением подумал Мандин. Это был будто голос из могилы, голос Райана.

И благодаря этому он понял, что они победили.

Глава 26

Этот вечер они праздновали в Белли-Рэйв. Оно показалось им наиболее подходящим местом. Торжество было тихим, но гордым. Они добились своего, добились все вместе. И им всем вместе принадлежало наивысшее сосредоточение могущества, которое когда-либо могло существовать на этом свете.

Даже теперь они еще не в полной мере осознали величину своего богатства. Мандин и Норвел замучили себя подсчетами своей доли капитала ДМЛ — получалось почти семьдесят процентов. Они вернули себе все свои собственные акции и скупили, наверное, акции Нельсона, Котта и еще многих других, что означало, что они основательно потрясли запасы Грин и Чарльзуорта. Но теперь уже было безразлично, кто был прежним владельцем этих акций. Их было достаточно, чтобы организовать фирму «Дома Лавина», а не «ДМЛ-Хоуз». Именно ту фирму, которой она должна была быть с самого начала.

— «Электроприводные тротуары», обычные акции,— прочел Хаббл.— Двести пятьдесят сертификатных листов.

Дон стал рыться в бумагах, сделал нужную пометку и ответил:

— Отмечено.

Хаббл аккуратно отложил в сторону поручительство и взял другое.

«Национальные цветные металлы»,— ба! Да ведь это Нельсон!» «Цветные металлы», тысяча пятьсот акций.— Он почесал затылок.— Я, что ли, купил их? А, теперь это все равно! «Тиога Пойнт Корпорейшн», ну-ка, погодите.— Он внимательно осматривал биржевое поручительство.— Кто-нибудь слышал о существовании такой фирмы? «Тиога Пойнт Корпорейшен»? Мы, кажется, овладели контрольным пакетом.

Никто ничего не слышал о такой фирме. Хаббл пожал плечами, разгладил поручительство и передал его Дане.

— Эй, малышка. Похоже, это фабрика по изготовлению кукол. Теперь она будет твоей.

Дана поначалу изумилась, затем вид у нее стал враждебным, после чего она вконец смутилась. Взяла поручительство и стала его разглядывать.

— Куклы,— произнесла она удивленным тоном, будто не понимая, что значит это слово.

Хаббл швырнул остальные поручительства в портфель и хлопнул Дона Лавина по плечу.

— Пошли они все к черту. Закончим завтра. Наши приобретения не очень-то сбалансированы...— его лицо стало необыкновенно моложавым и энергичным, когда он широко заулыбался.— Делая их, мы несколько спешили, но в любом случае, похоже, мы теперь владеем по куску от всего, чего угодно.

— Нам это пригодится,— сказала Норма, уютно положив голову на плечо Мандина.— Эти старые чудовища в своих стеклянных бутылях...

Мандин погладил ее по руке.

— Не знаю,— произнес он, сделав некоторую паузу.— Они ведь, понимаете ли, по сути своей покойники. Единственное, ради чего они живут, это власть, а раз мы перехватили у них рынок, мы отобрали у них власть. Следовательно...

Он замолчал. Весь дом задрожал и застонал. Ослепительно белая вспышка света озарила комнату снаружи, затем стала оранжевой и потухла.

— Что это?— спросил Норвел, прикрывая рукой свою жену.

Никто ничего не понял, и они все вместе побежали на ветхий этаж, где было единственное в доме окно со стеклами. Но как оказалось, осколки этих стекол уже засыпали деревянный пол комнаты.

Над покрытым шлаком заливом, там, где стоял и разрушался старый Нью-Йорк, медленно поднималось грибообразное облако.

— Грин и Чарльзуорт,— задумчиво произнес Норвел.— Как мне кажется, вы не единственный, кто понял, что они покойники по всем статьям.

Они долго стояли у окна, наблюдая, как облако уносится за океан, глядя на этот иллюзорный памятник самоубийства жадных подонков, на этот единственный памятник, который они заслужили.

— Пора спускаться вниз,— сказал Мандин.— Надо произвести генеральную уборку.

ДЖЕМ

Глава 1

... Когда Дэнни Дэйлхауз приехал в Софию, он не знал ни того, что это только первый этап его гораздо более далекого путешествия, ни того, что здесь он встретится со своими будущими спутниками. Он никогда не слышал ни об этом грандиозном проекте, который носил непривлекательное название И-ОА Бес-бес Геминорум 8426, ни об этих людях. Их имена были Нан Димитрова и капитан Мэди Юсиннингер. Поводом для приезда явилась десятая Генеральная Ассамблея мировой конференции по Экзобиологии. И время встречи было не самым плохим. Была весна, и на это время весь мир, казалось, погружался в приятную дружелюбную жизнь.

В Большом Холле Науки и Культуры на открытии было три тысячи человек. И интерес к встрече был таким, что пятьсот-шестьсот ученых не могли найти себе места в зале. Даже переводчики сидели в своих кабинах по двое.

Симпатичный подтянутый Карл Саган открыл сессию. Выглядел он весьма моложаво, несмотря на свой солидный возраст. Он уже двигался к концу речи, когда Дэн Дэйлхауз нашел себе место в задних рядах. До этого Дэйлхауз никогда не бывал в Болгарии. Его восхитили солнечные парки, и он дал себе слово побывать в музее древних икон в соборе Святого Стефана, в нескольких кварталах отсюда. Но Дэн не хотел пропустить речь Сагана и первое пленарное заседание. Ведь на нем должны были прочесть важнейшие доклады. Многие имена докладчиков он слышал впервые. Конечно, это работа Сагана, подумал он. Саган, как почетный председатель, пропустил все тезисы через свои фильтры. Значит то, что осталось, очень полезно послушать. Саган говорил вдохновенно и, закончив, сошел с кафедры под звуки оваций.

Вследствие того, что основным докладчиком был американец, председателем сессии был назначен представитель другого блока. Таков был международный этикет. Председатель был англичанином из группы Фред Хойл Кэмбридж. Несколько представителей Блока Горючего остались послушать его из солидарности, но большинство политиков покинули зал, особенно даже и не скрывая свой уход. Поэтому Дэйлхауз смог перебраться на более лучшее место в центре зала. Он удобно устроился и приготовился слушать нудные речи и язвительные замечания председателя. Из от-

крытого окна на него волнами накатывал цветочный запах. В Болгарии даже меньше чем в Америке пользуются кондиционерами.

Так как были уже прослушаны доклады Блоков Горючего и Продовольствия, протокол требовал, чтобы выступил представитель Группы Народ. Им оказался пакистанец, который прочел первый доклад под заглавием: «Измерения жизненно важных параметров планет звездных систем Альфа Драконис, Процион, 17-Каппа Инди и Семистеллар Объект Кунга».

Дэйлхауз уже задремал, но когда он услышал в наушниках название доклада, он сел прямо и шепнул соседу:

— Кто этот парень?

Соседом оказалась женщина. Она показала Дэну программу и имя: Доктор Ахмед Дулла, Зульфикар Али Бхутто университет, Хайдабарад. Когда Дэн наклонился к программке, он понял, что запах цветов исходит от женщины, а не из окон. Дэйлхауз поднял на нее глаза. Блондинка. Немного пухленькая, но с приятным доброжелательным лицом. Возраст трудно сказать, но вероятно, как и у него — тридцать с небольшим. Со времени своего развода Дэйлхауз стал обращать внимание на сексуальность своих коллег-женщин и случайных знакомых. Однако он стал и более осторожным. Он улыбкой поблагодарил соседку и сел прямо.

В первой части доклада не оказалось ничего особенного. Сообщения о зондовых исследованиях Альфа Драконис уже были опубликованы. Дэйлхауз не был расположен слушать о фотометрических измерениях, которые установили наличие в убывающей атмосфере растительной жизни с фотосинтезом. Уже было много найдено и исследовано таких планет. Исследования проводились тахионными зондами, которые были размером не больше грейпфрута, напичканы аппаратурой и способны были преодолевать межзвездные пространства за неделю.

Казалось, пакистанец решил сообщить им каждую цифру своего доклада, перечислить все открытые планеты с убывающей атмосферой и непригодными условиями для жизни. Зонд, исследующий Процион, исчез, и сообщение о Проционе было самым коротким. С Дуллы, к счастью, тоже не пришло никаких сведений. Данные по 17-Каппе Инди были получше — кислородная атмосфера, хотя перепады температуры были так себе. Но самое воодушевляющее было в конце.

Семистеллар Объект Кунга был немного больше, чем его планета. Хотя звезда была маленькая, у нее хватало энергии излучать достаточно тепла. И эта звезда имела свою планету. Причем данные по ней были многообещающими. Теплая. Влажная. Плотная атмосфера с парциальным давлением кислорода, идеальным для жизни. Даже для жизни исследовательского отряда с Земли. Конечно, если кто-нибудь согласится вложить деньги, чтобы отправить его туда. И анализы были превосходные. Двуокись кислорода. Следы метана, но только следы. Хорошая фотометрия. Отсутствовал единственный параметр — радиоизлучение. А в остальном — все было также, как на Майами Бич.

Пакистанец объяснял очень долго, как была открыта Звезда Кунга. Ее заметили сотрудники большого радиотелескопа в горах Тангла. И это открытие было прямым результатом мудрости и предвидения председателя Мао. Это не представляло интереса ни для кого, кроме представителей Блока Народа, которые глубокомысленно кивали головами, но планета казалась удивительно странной. Хотя это и не было сферой специальных интересов Дэйлхауза, он отметил для себя, что биологическим исследованиям было подвергнуто только одно полушарие планеты. Занятно! И был озадачен не он один. Он посмотрел в зал и увидел перешептывающихся людей.

Дэйлхауз попросил ручку у соседки и сделал заметку в своей программе: «Иссл. Зв. Кунга. Возможно более полн. ознакомл».

Он не написал название планеты. Может, она еще не имела названия, хотя он слышал, как некоторые из Блока Народа называли ее с почтением — Сын Кунга. Что же, бывают названия и похуже.

Что можно сказать о таком человеке, как Дэнни Дэйлхауз? Начальная школа, средняя школа, колледж, высшая школа. Он получил свой диплом с отличием в двадцать шесть лет, когда работы было мало. Год он обучал новичков биологии, затем год стажировки в Тбилиси и защита докторской диссертации. Поэтому ему уже было за тридцать, когда он получил должность на факультете экзобиологии в Мичигане. Его семейная жизнь, просуществовавшая год на сыре и белом вине в Советской Грузии, стала распадаться в Мичигане. Дэн был среднего роста — правда, это сказано с преувеличением: у него было сто семьдесят сантиметров в обуви,— и довольно тощий. Кроме того, его нельзя было назвать симпатичным. Но каким он был, так это умным. Он был настолько умным, что за три года работы в Мичигане он стал одним из ведущих экспертов Блока Продовольствия по расшифровке телеметрии тахионных зондов. Он с хорошей степенью вероятности определял, существует ли жизнь на исследуемой планете, и даже предсказывал ожидаемые формы жизни. Затем он усовершенствовался настолько, что стал известным во всем мире интерпретатором телеметрических данных, и его искусство было признано настолько ценным, что было решено не рисковать его жизнью и не включать в экспедиции на удаленные миры. Поэтому он сосредоточился на совершенствовании своего искусства, а также увлекся скалолазанием, яхтами и бегом на длинные дистанции. Кто знает, какие физические качества могут потребоваться тому, кому повезет, и он будет включен в состав ежегодной экспедиции к далеким звездам.

Развод дал ему дополнительные преимущества. Человек, которому не надо спешить домой, может лучше сосредоточиться на своей работе. Дэйлхауз не хотел, чтобы Полли уходила. Но когда она собрала вещи и ушла, он быстро понял, что холостая жизнь это не так уж и плохо.

Этим вечером в Аперетив Баре он снова столкнулся с блондинкой. Он пришел послушать конференцию для представителей пе-

чати, но толпа в конце бара была слишком плотной и большинство в ней были репортеры, привычные к такой обстановке. Между их головами и камерами Дэн мельком заметил Сагана и Иосифа Шкловского, которые сидели в креслах с жизнеобеспечением. Они что-то говорили, улыбаясь, а затем поехали к лифтам. Вся толпа двинулась за ними. Дэйлхауз заказал выпивку и огляделся.

Блондинка пила скотч с двумя невысокими смуглыми улыбающимися мужчинами. Нет скотч пила она одна. А эти двое пили апельсиновый сок. Мужчины вскоре встали и попрощались с нею. Дэйлхауз подыскивал себе место, чтобы сесть, и сразу же воспользоваться возможностью.

— Не будете против, если я присяду? Я Дэнни Дэйлхауз, Мичиган.

— Мэди Меннингер,— ответила она. И она ничего не имела против его компании. Она также не возражала, когда он предложил взять для нее один скотч. А затем она сама заказала еще скотч для него и для себя. Она также не возражала против прогулки с ним под покровом теплой темной болгарской ночи. И она не возражала против того, чтобы зайти к нему и распить бутылочку болгарского вина. И весь этот день, когда Дэнни Дэйлхауз впервые услышал о Звезде Кунга, был для него весьма успешным и приятным.

Следующий день оказался не таким хорошим.

Правда, начался он довольно хорошо ранним утром. Они проснулись в объятиях друг друга и, не меняя положения, сразу же занялись любовью. Для завтрака было еще рано, поэтому они допили оставшееся вино, приняли душ, оделись. Затем они решили пойти прогуляться.

Ночью прошел небольшой дождь. Улицы были влажные. Но воздух был теплым, и в розовом рассвете желтые дома в стиле Марии-Терезии выглядели мирными и дружелюбными.

— Больше всего,— экспансивно произнес Дэйлхауз, обнимая Мэди за талию,— мне хочется взглянуть на Звезду Кунга.

Мэди с интересом взглянула на него.

— У тебя для этого есть деньги?

— Нет. Пожалуй, нет. Наш МСУ получил дополнительные ассигнования в прошлом году, но у нас никогда не хватало денег, чтобы запустить зонд с человеком на борту.

Она потерлась лбом о его плечо.

— Ты более деятельный человек, чем кажешься.

— Что?

— Ты не кажешься сильным, Дэнни-мальчик, но каждую минуту знаешь, что делаешь, верно? Как в прошлый вечер. Эти два араба не ушли бы никуда, стараясь заманить меня с собой. Но ты вовремя появился.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Нет?

— Ну, не совсем.

Однако она не собиралась ничего разъяснять ему, и поэтому

Дэн вернулся к тому, что действительно интересовало его.

— Планета очень многообещающая, Мэгги. Может быть даже с цивилизацией. Ты понимаешь это? Следы двуокиси углерода и озона.

Она задумчиво возразила:

— Но никакого радиоизлучения.

— Да. Но это не доказывает ничего. Двести лет назад с Земли никто не слышал радиосигналов, но цивилизация существовала.

Она поджала губы, но ничего не сказала. Ему показалось, что Мэдж что-то тревожит. Может, что-то по женской части. Дэн не считал себя крупным знатоком в этой области. Он осмотрелся вокруг, ища что-нибудь, что могло бы развлечь ее.

— Посмотри на этих парней.

Они проходили мимо мавзолея Димитрова. Несмотря на ранний час, несмотря на то, что вокруг не было ни души, кроме них двоих, два часовых стояли абсолютно неподвижно в своей старинной, как из музыкальной комедии, форме. Даже кончики перьев на плечах не шевелились.

Мэдж посмотрела, но, по-видимому, что-то более важное занимало ее.

— Этот полет займет по крайней мере два года,— сказала она.— Ты действительно хотел бы полететь?

— Я... я не понимаю тебя, Мэгги,— пробормотал он, действительно ничего не понимая.

Нетерпеливо:

— А, черт. Если бы у тебя были деньги, ты полетел бы?

— Испытай меня.

— Этот Паксам горит желанием попасть туда. Вероятно, он уже заручился согласием Блока Народа — наследников Мао, чтобы они финансировали полет человека к Кунгу.

— Что же, это тоже хорошо. Мне плевать на политику. Мне все равно, какая страна впервые встретится с цивилизованными братьями. Я просто хочу быть там в этот момент.

— А мне не все равно,— пробормотала она. Выскользнув из его объятий, Мэдж стала прикуривать сигарету.

Дэйлхауз остановился и смотрел, как она ладонью прикрывает огонек зажигалки от легкого утреннего ветерка. Вчера они неплохо выпили и совсем мало спали. Он чувствовал внутреннюю слабость от вчерашнего, но на Мэдж, казалось, это не подействовало. Впервые в жизни Дэйлхауз лег в постель с женщиной, с которой не обменялся даже парой слов о том, кто она, чем занимается. Он совершенно не знал ее разумом, а только чувствами.

Затем Дэйлхауз подумал, что в 10:00 начинается доклад, который он хотел бы послушать: «Предварительные исследования первого контакта с субтехническими разумными существами». Кроме того, он хотел бы получить дополнительные сведения о планете Звезды Кунга.

Дэн бросил взгляд на часы: 7:39 — уйма времени. Город еще спал. Правда уже слышались первые трамваи где-то вдалеке. Впе-

реди, на улице, по которой они шли, виднелись два жандарма, шагающих плечо к плечу. Дубинки мирно покачивались у пояса в такт их шагам. В Софии больше не происходило ничего. Это заставило его подумать о собственном доме в Ист-Лэнсинге. В это время года и дня университетский городок бурлит, готовясь к сессии. А он сам в такое утро идет или едет на велосипеде в свой рабочий кабинет. После развода он всегда старался пораньше покинуть свой пустой дом.

Он напомнил себе, что София вовсе не была похожа на его Ист-Лэнсинг. Это был настоящий город со всеми его атрибутами. А Ист-Лэнсинг больше походил на веселую деревушку. И Мэдж Меннингер тоже не была похожа на Полли, смуглую, быструю. Что же такое эта Мэдж Меннингер? Дэйлхауз терялся в мыслях. Она была совсем не похожа на всех его знакомых. Она не из его круга. Вчера, в Большом Холле Культуры и Науки, она была его ученым коллегой. Затем ночью она была именно тем, что хотел бы каждый американский мужчина иметь в своей постели. Но кто она сегодня утром? Они уже не шли рядом, прижавшись друг к другу и полуобнявшись. Мэдж шла твердым шагом, глубоко затягиваясь сигаретой, смотрела только вперед.

Наконец, она, казалось, пришла к решению и повернулась к нему.

— Университет Штата Мичиган, Институт Экстрасолярной Биологии, Дэниел Дэйлхауз, бакалавр, Магистр, Доктор. Разве я не говорила тебе, что я изучила все материалы о тебе, прежде чем вылететь из Вашингтона?

— Ты?— удивился он.

— У тебя интересный доклад. Думаю, что ты говоришь серьезно о твоем желании лететь. Дэнни-мальчик, я могу тебе помочь.

— Как?

— Деньгами, мой милый. Это все, что я могу дать. Разве ты не заметил эмблему с моим именем и должностью, когда раздевал меня? Я работаю в КИЭКСМЕ.

— Хвала тому, откуда проистекают все блага,— с чувством процитировал Дэнни. Это была строфа из институтской песни. Ведь ежегодно институт Дэнни получал дотацию из Комитета по Исследованию и Эксплуатации Космоса. Только благодаря этим дотациям мог существовать институт.— Почему же никогда во время приездов в Вашингтон я не встретился с тобою?

— Я работаю там с февраля. Я вице-секретарь новых проектов. Этой должности раньше не существовало. Так что я первый вице-секретарь. А до этого я преподавала в своей альма-матер. Маленькая школа без факультета экстрасолярной биологии. Ну так что?

— Ты о чем?

— Ты спишь? Ты хочешь участвовать в экспедиции к Звезде Кунга?

— Я? О, Боже, конечно, да!

Она взяла его руку, легонько похлопала:

— Считай, что все улажено. О, что это?

— Но...

— Я же сказала — все улажено.— Она больше не смотрела на него. Что-то иное привлекло ее внимание. Они пришли в большой парк, и аллея вела к мемориальному комплексу. Справа и слева у входа в аллею находились две бронзовые скульптурные группы. Дэйлхауз шел за Мэдж к скульптурам. Он ничего не понимал, он еще не мог поверить ее словам.

— Думаю, что я должен принять предложение,— пробормотал он нерешительно.

— Тупица! Сколько можно говорить. Ты получишь официальное приглашение.— Она рассматривала бронзу.— Посмотри на это!

Дэйлхауз рассматривал фигуры без интереса.

— Это военный мемориал,— сказал он.— Солдаты и мирные жители.

— Разумеется. Но не совсем он старый. Пулемет у солдата.. и этот, на мотоцикле. И посмотри, некоторые солдаты — женщины.

Она наклонилась и рассматривала надпись, исписанную кириллицей.

— Проклятье. Не понимаю, что написано. Но эти рабочие и крестьяне приветствуют освободителей, да? Наверное, это последняя большая война — Вторая Мировая. Это Болгария, а значит, Красная Армия изгоняет отсюда немцев, и все болгары встречают их цветами, сердечными рукопожатиями и кружками с чистой родниковой водой. Боже! Дэнни, оба моих деда сражались в ту войну, и одна из бабок. Двое на одной стороне, одна на другой.

Дэйлхауз с любопытством посмотрел на нее. Все-таки странно видеть человека, который так интересуется той войной, хотя каждый знает, что любая война — это только борьба за рынки.

— А что с твоей второй бабкой? Она жива?

Мэдж коротко взглянула на него:

— Погибла во время бомбежки,— сказала она.— Эй, вот это любопытно.

Скульптуры действительно были интересными для любого любителя войны. Каждая фигура выражала мужество, радость победы, решимость в самых лучших традициях соцреализма. Все фигурки были выполнены так, чтобы вписаться в прямоугольный объем, и поэтому напоминали банку сардин, которые переплелись между собою. Интерес Мэдж к этим скульптурам был интересен сам по себе. Дэйлхауз заметил, что жандармы уже прошли мимо них и теперь разворачивались, чтобы идти в обратном направлении по своему маршруту. Взгляды у них были непроницаемы.

— Так что тут любопытного в солдатах?— спросил он.

— Это же мои противники, дорогой Дэн, разве ты не знаешь? Мэрнджорн Мод Меннингер, капитан армии США, закончила Уэст-Пойнт. Если бы ты видел меня в форме!— Она закурила вторую сигарету, и когда она протянула ее Дэну для затяжки, он понял, что это вовсе не табак.

Она задержала дым в легких, затем выпустила длинную струю дыма.

— Какие были времена! — мечтательно проговорила она, глядя на бронзовые изваяния.— Посмотри на этого молодца, который поднял ребенка в воздух. Знаешь, что он говорит другому солдату? «Давай, Иван, я подержу ребенка, пока ты позабавишься с его матерью, а затем подержишь ты, а я сменю тебя».

Дэйлхауз рассмеялся. Ободренная Мэдж продолжала:

— А ты знаешь, что говорит этот мальчик? «Эй, доблестный солдат Красной Армии, тебе нравится моя сестра? Что ты дашь за нее? Шоколад? Русские сигареты?» А офицер, который берет цветы из рук женщины? Он говорит: «Послушай, товарищ. Зачем ты воруешь народное достояние из парков. Смотри не ошибись, а то тебе придется много времени провести в лагере. Немцы ушли, с ними покончено. Но теперь сюда пришли советские солдаты...»

— Эй, Мэдж,— беспокойно сказал он.— Идем.

Он внезапно понял, что жандармы не улыбаются больше, и вспомнил, правда, немного поздно, что вся городская полиция прошла краткосрочные курсы иностранных языков. Все-таки в городе проходила крупная международная конференция, а жандармы должны быть на высоте.

Глава 2

Все, что можно сказать об Ане Димитровой, вряд ли нужно говорить, потому что это было очевидно с первого взгляда. Нежная восторженная девушка, способная любить и внушить любовь. Иногда ее мучили жесточайшие головные боли, и тогда она была раздражена, теряла ориентацию, боль буквально ослепляла ее. Но она старалась переносить такие приступы в одиночестве, не причиняя никому беспокойства.

Она встала рано, как и рассчитывала, пробралась на кухню, чтобы сварить кофе своими руками. Никакого суррогата для Ахмеда! Когда она принесла ему кофе, он поднял эти длинные, разбивающие сердце ресницы и улыбнулся ей. Легкие морщинки побежали вокруг его темно-коричневых глаз.

— Ты слишком добра ко мне, Нан,— сказал он на урду. Она поставила чашку возле него и опустилась на колени, чтобы потереться своей щекой о его лицо. Ахмед не признавал поцелуев, за исключением таких обстоятельств, каких она, хоть и испытывала при этом необычайное наслаждение, не хотела включать в свои теперешние планы.

— Вставай и быстро одевайся,— сказала она.— Я хочу показать тебе свое доброе чудовище.

— Чудовище?

— Ты увидишь.— Она выскользнула из его объятий и направилась под душ. Там она долго стояла под струей горячей воды. Сегодня ни в коем случае нельзя допустить головной боли.

Позже, когда она уже сушила волосы полотенцем, тихо подошел Ахмед и пробежал пальцами по узкому прямому шраму на ее голове.

— Милая Нан,— сказал он.— Столько выдержать, чтобы изучить урду. Я выучил его без такой операции.

Да, эта операция и принесла ей жуткие головные боли. Она на мгновение прижалась к нему, затем завернулась в полотенце и улыбнулась.

— Сейчас у нас нет времени для ласк, если мы хотим увидеть чудовище в утреннем свете. Кроме того, я сделала операцию на мозге не только для того, чтобы изучить языки. Это помогло мне стать хорошей переводчицей.

— Мы в Пакистане такого не делаем,— сказал он.

Нан вышла из ванной и, занимаясь своими делами, прислушивалась к кряхтенью и возгласам Ахмеда, который плескался под струей холодной воды. Нан серьезно думала об Ахмеде. Она была практичным человеком. Она не задумываясь пожертвовала бы материальными выгодами ради принципа или чувства, но при этом она хотела бы знать, ради чего жертвует, каковы ставки. А сейчас ставка была достаточно высока — ее любовь к Ахмеду. Болгария, как и Советский Союз, была одной из стран, экспортирующих продовольствие и лояльно относящихся к отсталым народам стран Блока Народов. И тем не менее, политические проблемы существовали и между ними. Нан и Ахмед редко могли видеться друг с другом, и единственный выход был в том, чтобы или ей или ему переменить гражданство. И Нан знала, что Ахмед не пойдет на это.

Насколько глубоко она хочет связать свою жизнь с милым пакистанцем? Сможет ли она жить в переполненных сонных городах Блока Народов? Она видела их. Они достаточно красивые. Но пища в основном растительная, полное отсутствие личных машин, замкнутость, погруженность в себя людей... Хочет ли она этого? Там приятно быть в гостях. Месяц, два... Но вся жизнь?..

Она быстро оделась, так ничего и не решив. Часть ее мозга контролировала ее действия, другая часть обдумывала планы на сегодняшний день конференции. Все-таки операция по расщеплению мозга прекрасная вещь. Она сильно расширяет функциональные возможности человека. Однако даже ее расщепленного мозга сейчас не хватало на мысли об Ахмеде. Она быстро прибрала постель, вымыла и убрала посуду и буквально вытащила Ахмеда за дверь.

Небо было ярко розовым, но солнце только-только появилось. Самое время, если они поторопятся. Она потащила его вниз по лестнице, не дожидаясь лифта. Они выбежали на двор и затем на пересечение двух бульваров. Здесь она остановилась и обернулась.

— Вот, видишь?

Ахмед прищурился от солнца.

— Я вижу собор,— кивнул он.

— Да, это собор. И чудовище.

— Чудовище? Этот собор?

— Да.

— Хм... Святой Стефан чудовище?.. О! Кажется, я понял. Вон те окна вверху, что глаза. А окна внизу — зубы.

— Он улыбается нам, ты видишь? А вон там — уши и нос.

Ахмед уже смотрел не на собор, а на нее.

— Ты очень странная девушка. Интересно, какой ты будешь в Пакистане?

У Нан перехватило дыхание.

— Нет, нет. Пожалуйста, не говори так.— Она взяла его за руку.— Пожалуйста, давай просто гулять.

— Я еще не завтракал, Анна.

— У нас много времени.— Она повела его через парк к университету.— Ты простил меня за то, что я так плохо переводила тебе на болгарский язык?— она засмеялась.

— Я бы не узнал, что плохо, если бы ты не сказала мне.

— Это было очень плохо, Ахмед. Я посмотрела на тебя, когда ты говорил о Звезде Кунга, и совсем забыла, что нужно переводить.

Он взглянул на нее.

— Знаешь, что сам Наследник Мао заинтересовался звездой. Именно он выбрал название для планеты. Он был в обсерватории, когда была открыта звезда. Я думаю...

— Что ты думаешь, Ахмед?

— Я думаю, что должно произойти нечто необычное,— осторожно сказал он.

Она рассмеялась и погладила его щеку.

— Аня,— выдохнул он и остановился посреди бульвара.— Слушай меня. Ведь если меня не будет долгое время, ты же не забудешь меня?

— Пожалуйста, Ахмед, милый...

— Я знаю, это трудно,— сказал он, забыв, что они стоят у всех на виду.— Я знаю, что Пакистан — бедная страна. У нас нет возможности экспортировать продовольствие, как у вас или американцев. У нас нет нефти, как у Стран Ближнего Востока или у Англии. Поэтому мы и присоединились к Блоку Народов.

— Я очень уважаю Пакистан.

— Ты была в Пакистане еще ребенком,— сказал он с горечью.— Но можно быть счастливым даже в стране Блока Народов.

Проехал троллейбус, за ним, тихо шурша шинами, три длинных черных автомобиля. Нан затащила Ахмеда на тротуар, радуясь случаю сменить тему разговора. Главная трудность международной конференции, думала Нан, в том, что приходится встречаться со своими политическими противниками, которые иногда кажутся совсем не противниками. Она сейчас вовсе не имела в виду свой роман с Ахмедом. Она вовсе не желала иметь какие-то неудобства и страдания. Она прекрасно знала, каковы ставки в этой

игре. Как переводчик с четырех основных языков и дюжины менее значительных, она могла бы найти работу в любой стране, и особенно в странах Блока Продовольствия от Москвы до Канзас-Сити, от Рио до Оттавы. Она встречала тех, кто перешел в другие Блоки. Она видела в Сиднее девушку из Уэльса, даже в ее университете было две японки. Они жили с нею по соседству. Все они отчаянно старались приспособиться к жизни в новых условиях — и все же сразу было видно, что они иные.

Однако нынешнее утро и Ахмед были слишком прекрасны для таких тоскливых размышлений. Одна часть ее мозга переключилась с беспокойства на размышления о планах на день, другая часть, которая воспринимала и интерпретировала происходящее вокруг, зафиксировала ее внимание на том, что она увидела.

— Смотри,— сказала она, стиснув локоть Ахмеда, чтобы привлечь его внимание.— Что там происходит?

Это случилось возле Мемориала Освобождение. Блондинка, которую она видела на одном из приемов, спорила с двумя милиционерами. Один держал ее за руку. Другой постукивал своей дубинкой по руке и что-то втолковывал мужчине, по виду, профессору, который тоже скорее всего прибыл на конференцию.

Ахмед остался безучастным к этому. Он сказал:

— Американцы и болгары. Пусть жирные решают свои проблемы между собою.

— Нет, нет,— возразила Нан.— Может я смогу чем-нибудь помочь.

Но после долгих разговоров дело кончилось тем, что Нан Димитрова оказалась тоже арестована.

В этом была вина американки. Даже американцы должны знать, что не стоит отпускать шовинистические шуточки по адресу Красной Армии, если их может услышать полиция столицы самой русофильной страны. Но даже если американка и не знала этого, то она должна была бы знать, что ей не стоило бы настаивать на том, чтобы американский посол должен быть информирован об инциденте. До этого момента милиционеры ждали случая, чтобы закончить разговор и отпустить нарушителей. А когда был упомянут посол Америки, дело сразу приобрело международную окраску.

Единственный положительный момент в этой истории только то, что Ахмед не был замешан в ней. Нан отослала его прочь в самом начале. И Ахмед охотно ушел. Остальных — двух американцев и Нан, препроводили в Народный Дворец Юстиции. Поскольку это было воскресение, им пришлось провести много часов на деревянной скамье, пока удалось собрать членов магистрата.

Никто не стоял возле них. И Нан была уверена, что никто их не остановит, если они поднимутся и выйдут из здания. Но она не хотела, чтобы инициатива исходила с ее стороны. Американка тоже не желала воспользоваться шансом. Видимо, она руководствовалась своими принципами. А мужчина не уходил потому, что

женщина оставалась. Нан с неудовольствием осмотрела их, особенно пышную американку, которая была чересчур откормлена даже для представительницы страны Блока Продовольствия. Да, подумала Нан, нам не приходится выбирать своих союзников. Мужчина ей понравился. Пожалуй он немного тощ по сравнению со своей партнершей по сексуальным развлечениям.

Время шло. Милиционер принес им тесты, крепкий чай. Постепенно совместное заключение немного сблизило их. Они уже оживленно болтали между собою, когда явились члены магистрата. Чиновники отказались вызвать представителей посольства и настоятельно посоветовали в будущем руководствоваться здравым смыслом, которым Господь наградил людей, и пользоваться хорошими манерами, которым без сомнения обучили их родители. После этого они были отпущены с миром.

Они пропустили десятичасовое заседание конференции, а что еще хуже, не попали на ленч, устроенный для делегатов. Так как это был воскресный день, все рестораны в Софии были забиты народом, поэтому все трое остались без ленча.

Это был первый раз, когда эти трое встретились.

Вторая встреча состоялась позже и очень далеко от земли.

Дэнни Дэйлхауз выяснил, что его доклад прочитал за него его коллега. Так что пропуск заседания вовсе не оказался катастрофой. Более того, в этом были даже свои преимущества. Он заручился обещанием Мэгги в том, что она постарается устроить ему место в экспедиции на Звезду Кунга.

И сидя в лайнере, который уносил его домой с конференции, Дэйлхауз сочинил официальное письмо Мэгги с просьбой зачислить его в штат экспедиции. К рассвету они уже были над Лабрадором, и самолет летел плавно сквозь ночную мглу. Дэйлхауз в одиночестве съел свой завтрак — яйца и кофе,— который ему приготовила стюардесса. После этого он сидел и рассеянно смотрел через иллюминатор на проносящиеся внизу облака. Он размышлял, какова же в действительности Звезда Кунга.

Глава 3

На следующий день после того, как Мэдж Меннингер вернулась в Вашингтон, она получила официальное письмо Дэйлхауза. Однако к этому времени она уже и сама начала работу по претворению проекта экспедиции в жизнь.

Из своей квартиры она позвонила государственному секретарю по культурным связям. Время уже было не рабочее, но Мэгги без труда связалась с секретарем. У нее были довольно близкие отношения с этим высоким человеком. Она была его дочерью. Она коротко рассказала ему о том, как долетели, а затем сразу перешла к делу:

— Папа, мне нужна поддержка проекта межзвездной экспедиции.

Короткое молчание. Затем он спросил:

— Зачем?

Мэгги почесала пупок, обдумывая свои аргументы. Ради увеличения знаний человечества? Ради потенциальной экономической выгоды Соединенных Штатов и стран Блока Продовольствия? Потому что она обещала Дэйлхаузу? Каждый из этих аргументов имел смысл для той или иной части человечества, а последний был важен только для нее самой. Но Мэдж привела только тот аргумент, который мог подействовать на ее отца.

— Потому что. если не полетим мы, полетят эти сукины дети, пакистанцы.

— Сама? — даже за три тысячи километров Мэгги уловила скептицизм.

— Китайцы примут участие. Они очень заинтересованы.

— Ты знаешь, сколько это будет стоить? — Это не был вопрос, так как ответ они знали оба. Даже простая капсула с сообщением, весившая всего несколько килограммов, требовала затрат в пару миллионов долларов, если ее нужно было переправить из одной звездной системы в другую. А она требовала отправить по меньшей мере десять человек со всем снаряжением. Это обойдется в биллионы долларов.

— Много, — сказала она. — Но полет этого стоит.

Отец хмыкнул с восхищением.

— Ты всегда была расточительным ребенком, Мэгги. Как ты хочешь протащить это через комитет?

— Думаю, что мне это удастся. Оставь это мне, папа.

— Хм. Хорошо, я помогу тебе со своей стороны. Что тебе нужно от меня сейчас?

Мэгги колебалась. Это была открытая телефонная связь, и она тщательно подбирала слова.

— Я попросила этого Паки прислать нам полный отчет. Конечно, если бы я первой ознакомилась с ним, это дало бы мне преимущества.

— Разумеется, — согласился отец. — Что еще?

— Пока я не ознакомлюсь с отчетом, я ничего не могу просить.

— Понимаю. А что вообще нового? Как тебе понравились наши смелые болгарские друзья?

Она рассмеялась:

— Полагаю, ты знаешь, что я была арестована?

— Я только удивляюсь, почему тебя не арестовывают чаще. Ты ужасная девчонка. Ты пошла совсем не в меня.

— Я скажу матери, что ты говоришь, — пообещала она и повесила трубку.

Вскоре она уже получила микрофильмированную копию доклада пакистанца, уже переведенную для нее. Она внимательно прочла все, делая заметки для себя, затем оттолкнула бумаги от себя и откинулась в кресле.

Этот чертов пакистанец не рассказал и трети того, что было

в отчете. Он даже не упомянул о существовании трех основных форм жизни. По крайней мере три формы жизни живых организмов имели социальную структуру. Антроподы, затем существа, живущие в норах — теплокровные и мягкие, и, наконец, существа, живущие в воздухе. Вернее, они проводили большую часть жизни в воздухе, но крыльев не имели. Они не были птицами, а поднимались в воздух с помощью воздушных баллонов, шаров.

Три формы социальной жизни! Может быть, одна из них окажется разумной настолько, чтобы создать цивилизацию!

Эта мысль привела ее к Дэнни Дэйлхаузу, к его докладу о первом контакте с разумной жизнью на субтехнологическом уровне. Она нашла его письмо и ухмыльнулась. Этот бедняга Дэнни даже не знает, чего просит. Ведь стоимость экспедиции семнадцать биллионов долларов.

Семнадцать биллионов долларов — это примерная стоимость Манхэттена... годовой доход многих стран... двухмесячные выплаты США за горючее... уйма денег.

Она положила бумаги в красную папку с надписью СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО и заперла их в сейф. Затем она стала пробивать то, что обещала Дэнни Дэйлхаузу.

Много можно сказать о Мэгги Меннингер, но самое главное в ней то, что она всегда знает, что хочет.

А хотела она многого, причем самого разнообразного. Все ее желания были выстроены в ее мозгу стопочкой, по степени их важности. Третье или четвертое желание сверху было в данный момент менее важным, чем второе, а первое сверху было в данный момент самым главным, для выполнения которого Мэгги готова была применить все силы, все возможности.

Через неделю она должна была предстать перед Комитетом Сената по Космическим Исследованиям. Эту неделю она использовала для того, чтобы сообщить Дэйлхаузу, как изменить текст его письма, чтобы шансы на успех увеличились, а также заполнить пробелы в своем образовании.

Чтобы перебросить космический корабль с людьми из одной звездной системы в другую, необходимо вывести его на орбиту.

Тахионная транспортация была весьма элегантным достижением человеческой технологии. Как только капсула переводится в определенное зарядовое состояние, она начинает подчиняться тахионным законам. Она теперь может двигаться со скоростью, превышающей скорость света, преодолевая громадные расстояния за короткий срок. И для этого ей требуется удивительно мало энергии. Парадокс тахионного процесса заключается в том, что для медленного движения требовалось гораздо больше энергии, чем для движения с большой скоростью.

Самое главное и сложное — это изменить зарядовое состояние капсулы. Для этого требуется огромная платформа. Платформа очень дорога, а кроме того, она очень тяжелая.

Вывести платформу на орбиту чрезвычайно сложно. Нужно сжечь сотню килограммов горючего, чтобы перевести грамм ве-

щества в тахионное состояние. А горючее — это горючее. Это может быть нефть, может быть что-то другое, заменяющее нефть. Во всяком случае, нужно сжечь полмиллиона метрических тонн нефти, чтобы послать десять человек и минимум аппаратуры к Звезде Кунга.

Полмиллиона метрических тонн!

Это не просто стоимость в долларах. Это четыре супертанкера, полных нефти, которые пришли из одной из нефтедобывающих стран. Интерблочный Комитет по Импорту и Ценам очень плохо относится к странам Блока Продовольствия и непрерывно повышает цены на нефть. Так что стоимость экспедиции может возрасти до такой цифры, какую Мэгги и Дэйлхауз представить не могли.

Когда все цифры благополучно перекочевали из бумаг в ее голову, Мэгги закрыла свой сейф в кабинете в Вашингтоне. Она направилась в комнату 20! — Кабинет Слушания, понимая, что она подготовилась к разговору полностью.

Теперь перед нею находилось следующее препятствие. Мэгги терпеть не могла препятствий. Ее отточенный мозг рассекал проблему на части, и она концентрировала свое внимание на решении каждой из частей по отдельности. Проблема Комитета представлялась ей состоящей из четырех частей: председатель, лидер меньшинства, советник Комитета и Сенатор Ленц. Мэгги подготовила стратегию борьбы с каждым из них. Лидер меньшинства был другом ее отца, поэтому можно было оставить его отцу. Председатель лелеял мечту стать Президентом. Он всегда не упускал возможности поднять волны — ведь это была реклама. Так что с ним нужно держать себя поскромнее, чтобы ему казалось, что это он владеет инициативой.

После того, как она принесла присягу и прочла свой меморандум, председатель первым стал задавать вопросы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну, мадам, уверен, что ваши намерения самые лучшие, но вы знаете, сколько приходится нам здесь, на Холме, работать, чтобы снизить дефицит?

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Конечно, Сенатор.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И вы ждете, что мы дадим вам Бог знает сколько биллионов долларов на этот проект?

Это звучало оптимистично. Он не сказал, сумасшедший проект, или что-нибудь похуже.

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Я не жду, Сенатор. Я надеюсь на это. Я надеюсь, что Комитет одобрит проект, так как по моему мнению, все расходы, вложенные в него, со временем многократно возместятся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы не можем тратить деньги налогоплательщиков на надежды.

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Я знаю это и ценю. Я прошу деньги не на надежды. Это реальность, расчет. Не только мой, но и коллективный расчет хорошо информированных экспертов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы получаем много проектов, которые

базируются на весьма авторитетных оценках. Мы не можем финансировать все проекты.

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Конечно, Сенатор. Я не появилась бы здесь, если бы не была уверена в вашей компетентности и здравом смысле.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну и что же. Кто-нибудь из моих коллег хочет задать вопросы?

Конечно, они хотели. Вопросов было много, но мало из них по существу. Самые значительные люди, сенатор Ленц и лидер меньшинства держались в тени, ожидая своего часа. Остальные старались выговориться, чтобы их имена попали в отчет о заседании, что укрепило бы их положение.

Самую сложную проблему представлял главный советник. Он был умен. И его основной задачей было сделать так, чтобы Комитет не попал в какую-нибудь неприятную историю. А задача Мэгги в данном случае заключалась в том, чтобы для Комитета сказать «да» сулило меньше неприятностей, чем сказать «нет».

Мр. ДЖИАНПАОЛО. Вы говорите о том, что вложения будут возмещены. Вы имеете в виду реальные ценности или нечто абстрактное — знания или тому подобные ирреальные штучки.

КАПИТАН МЕННИНГЕР. О, и то, и другое.

Мр. ДЖИАНПАОЛО. Да, м-с Меннингер? Доллары вернутся?

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Исходя из прошлого опыта и наших знаний о планете, да. Определенно, да.

Мр. ДЖИАНПАОЛО. Можете вы сказать, в каком виде вернутся доллары?

КАПИТАН МЕННИНГЕР. В широком смысле, могу. Из всех сообщений ясно, что там имеются ценные сырьевые ресурсы. А кроме того, присутствие разумной жизни. Разумеется, пока что это только показания приборов.

Мр. ДЖИАНПАОЛО. Насколько я знаю, интерпретация показаний приборов всегда вызывает споры.

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Совершенно точно. И именно поэтому следует направить на планету экспедицию. Экспедиция должна точно выяснить то, что другим способом выяснить мы не можем. Если бы мы точно знали, что найдем там, то не стоило бы посылать людей. Но тут есть и другая, более важная причина для посылки экспедиции. Эта причина — приоритет, лидерство.

Мр. ДЖИАНПАОЛО. Лидерство?

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Все страны, экспортирующие продовольствие, видят в нас лидера. Я не думаю, что кто-то из нас хочет обмануть их надежды. Такая возможность выпадает раз в жизни. Я здесь потому, что не хочу брать на себя ответственность за то, что мы упустим ее. Пусть комитет проанализирует все и примет на себя эту ношу.

Так как на открытой сессии ничего не решалось, Мэдж была уверена, что у членов комитета будет время все обдумать и понять, что эту ношу комитет может скинуть с себя только если проголосует за принятие проекта.

Однако Мэдж не забывала о том, что главным дирижером событий был Джианпаоло. Он был слишком умен, чтобы закончить это заседание на той ноте, которая удовлетворила бы Мэдж. Он стушевал ее драматическое заявление с помощью выуживания из нее самых разнообразных технических данных: ...да, мистер Джианпаоло, я знаю, что сила тяжести, давление выше, чем на Земле, на несколько процентов. Но количество кислорода то же самое... Он расспрашивал ее о непрерывном выделении газообразных веществ на холодной части планеты, о резервах внутреннего тепла, он долго дискутировал с нею по поводу, какова классификация планеты по последнему каталогу ОАО: Бес-бес Джеминорум 8326 или Бес-бес Джеминорум 8426, так как в ее отчете были приведены оба обозначения. Видимо машинистка сделала ошибку. Эта дискуссия длилась так долго, что даже председатель запротестовал. И затем, вполне удовлетворенный тем, что ему удалось усыпить половину аудитории, он попросил десятиминутный перерыв, после которого снова бросился в атаку.

Мр. ДЖИАНПАОЛО. Капитан Меннингер, я уверен, что вам известно, сколько стоит запуск тахионного корабля. Во-первых...

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Да, сэр. Конечно, знаю.

Мр. ДЖИАНПАОЛО. Вы же понимаете, что это громадные деньги. Корабль будет стоить не менее шести биллионов долларов.

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Да, сэр. Но как заявил вице-президент на Десятой Ассамблее Всемирной Конференции по Экзобиологии, у нас уже есть такой корабль. Он может быть использован для выполнения самых разнообразных миссий.

Мр. ДЖИАНПАОЛО. Но как сказал вице-президент, время использования корабля полностью расписано. И тем не менее вы настаиваете на отправке экспедиции на... как называется планета?

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Сын Кунга. Хотя это еще не официальное название.

Мр. ДЖИАНПАОЛО. Надеюсь, что нет. Но эта экспедиция означает прекращение исследования Проциона VI. А вы знаете, что, по предварительным данным, эта планета имеет очень твердое ядро и, следовательно, перспективна с точки зрения добычи урана для наших энергетических установок.

Англичане запустили эту утку. Они заверили всех, что в соответствии с существующими международными соглашениями они сделают данные всех своих исследований Проциона доступными всем. Это будут общие знания.

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Да, сэр. Но вы же знаете, что добыча урана на Проционе, очистка его и доставка на Землю будут обходиться очень дорого. С этой точки зрения Бес-бес Джеминорум гораздо более перспективна.

Мр. ДЖИАНПАОЛО. Да, капитан Меннингер. Мы уже выслушали вашу точку зрения по этому вопросу.

Такой конец был обнадеживающим. Англичане не сообщили, но и Мэдж и Джианпаоло знали, что приборы не обнаружили ни-

какой ионизирующей радиации на Проционе. Может там и был уран, но на глубине тысячи метров. Мэдж подробно ознакомилась со всеми официальными и не официальными отчетами.

Так что теперь она была вполне удовлетворена тем, что события двигались в нужном ей направлении.

Оставалась еще проблема сенатора Ленца. Он был твердым орешком и играл большую роль и здесь, в комитете, да и в сенате тоже. С ним нужно было поработать индивидуально и в частном порядке. Мэдж уже кое-что придумала для него.

Она решила возвращаться в Хьюстон кружным путем, через Денвер. Отец отвез ее в аэропорт Даллеса в своем автомобиле. Впрочем, это был не его автомобиль. Он принадлежал государству. Как и сам Годфри Меннингер, если хорошенько подумать об этом. Автомобиль был и свидетельством его положения, и необходимостью. Дважды в день служащий связывался с электронной системой автомобиля, чтобы убедиться, что автомобиль вместе с Меннингером не взорван и не похищен.

— Ты прекрасно вела себя на слушании,—сказал он дочери.

— Благодарю, папа. И спасибо за доклад пакистанца.

— Нашла в нем, что хотела?

— Да. Ты поговоришь с лидером меньшинства?

— Уже.

— И?

— О, с ним все ол райт. Если ты пройдешь Гуса Ленца, я думаю, что комитет у тебя в кармане. На слушании они молчали.

— Я и не ждала, что он будет говорить.

Отец подождал, но так как Мэдж не продолжала, он не стал задавать вопросы, он сказал:

— Относительно твоего друга пакистанца есть еще сведения. Он имел встречу в Кушуи с весьма значительными людьми.

— Кушуи? Где это черт побери?

— Как бы хотелось знать больше об этом, чем знаю я. Это местечко в провинции Синкянь. Пока у нас нет полных сведений о встрече. Это городок поблизости от Лоб Нора и не очень далеко от большого радиотелескопа. Сам Наследник Мао был в прошлом году там раз пять или шесть.

— Похоже на то, что они что-то замышляют.

— Вероятно. Я верю в твои оценки ситуации. И лучшее доказательство твоей правоты то, что Наследник Мао решил сделать то, о чем ты просишь нас.

— Дерьмо!

— Не беспокойся. Я уже сообщил это лидеру меньшинства, я не сомневаюсь, что тот обо всем доложит Джианпаоло. Так что это сработало в твою пользу.

— Но я хочу быть первой!

— Первые не всегда снимают сливки, милая. Сколько людей открывали Америку до того, как Англия положила ее себе в карман? Но расскажи мне, что интересного в этой планете?

Мэгги смотрела на проносящиеся мимо пригороды Вирджинии — высокие дома, окутанные сетью солнечных батарей.

— Все в докладе Ахмеда Дуллы, папа.

— Я не читал его.

— Жаль. Это маленькая звезда со множеством мелких планет. Но есть одна планета размером с Землю. Чуть меньше сила тяжести, чуть плотнее атмосфера. Это настоящее богатство, папа. И там есть жизнь.

— Мы и раньше находили жизнь.

— Мхи и амебы? Здесь совсем другое. Там настоящая жизнь. Скорее всего, разумная. И, может быть, там уже есть цивилизация. Но планета интересна и в другом смысле.

Она почти задохнулась от возбуждения.

— Эта планета не вращается. Она ведет себя, как наша Луна — всегда повернута к звезде одной стороной. Так что на одной стороне планеты вечный день!

Отец слушал ее внимательно, почесывая живот. Когда она замолчала, чтобы перевести дух, он сказал:

— Подожди минутку.— Он наклонился и включил радио. Даже в служебном автомобиле Год Меннингер не хотел рисковать. Под завывание электрогитар он сказал: — Ты должна знать еще кое-что. Страны Блока Горючего ведут между собой переговоры о шестидесятипроцентной надбавке на цены за нефть.

— Боже, папа. Значит мне уже никогда не пить скотч?

— Нет, на этот раз не Англия. Это китайцы.

— Но они же экспортируют народ, рабочие руки!

— Они экспортируют все, что им хочется,— поправил отец.— Единственная причина, которая привела их в Блок Народов, это то, что там они могут играть первую скрипку. Наследник Мао играет свою игру. Он объявил, что сам повысит цены независимо от результатов голосования блока. Саудовцы, индонезийцы и прочая мелочь поддерживает его. Они тоже хотят играть в игру вместе с большими мальчиками.— Он задумчиво помолчал.— Так что твоя просьба о полумиллионе тонн нефти несколько несвоевременна.

— Понимаю. А что же мы собираемся делать? Я не имею в виду мой проект. Я имею в виду страну.

— Что мы не собираемся делать,— угрюмо сказал он,— так это поднимать цены на зерно. Мы не можем. Хитрость Наследника Мао заключается в том, что он поднимает цены только на экспорт горючего. Внутри Блока цены останутся низкими. Так что их затраты на ирригацию и прочее будут низкими. И внутренние цены на зерно тоже. Если мы поднимем цены, то они просто откажутся покупать его. Мы, конечно, выдержим это. Но Советы, Индокитай, бразильцы... их экономика потерпит крах. И тогда блок разрушится. Именно этого и добивается Наследник Мао.

Он припарковал автомобиль возле аэропорта. Прежде чем выключить радио, он сказал дочери:

— Если ты хочешь протолкнуть свой проект, действуй быстрее.

Мэдж выскользнула в сырой теплый воздух. Вдали темнели вздыбленные хвосты лайнеров. Некоторые из них разогревали моторы и в воздухе стоял гул.

Мэдж пошла за отцом, который подхватил ее сумки и направился к терминалу.

— Папа,— сказала она.— Но я могу сказать об этом сенатору?

— Нет, нет! Может он и сам уже знает об этом, но ты-то не должна знать!

Она расхохоталась.

— Ну, ладно, придется действовать по-другому. Постой, папа. Я не полечу рейсом на Хьюстон.

— Почему?

— Я полечу по другому маршруту.

Меннингер поцеловал дочь на прощание возле стойки, где шла регистрация пассажиров на Денвер. Он смотрел, как она исчезла в туннеле со смешанным чувством восхищения и опасения за нее. Он хотел спросить ее, как она собирается обрабатывать сенатора Ленца, но не стал. Этим же рейсом летел и сам Ленц.

Потому что полет был ночной, самолет задержался здесь на двадцать минут для дозаправки и прогрева. Пассажиры поднялись на борт. По салону сновали стюардессы, рассаживая пассажиров. Моторы работали, нагоняя теплый воздух в салоны.

Мэгги воспользовалась случаем, чтобы умыться, причесаться, подновить косметику. Она видела, что сенатор тоже поднимается в самолет. Она подумала, стоит ли ей сменить форму на что-нибудь женственное, затем решила, что не стоит. Это будет выглядеть расчетливым действием, а Мэгги всегда рассчитывала действия так, чтобы не выглядеть расчетливой.

Гул моторов несколько стих, и пассажиры стали пристегиваться ремнями для взлета. Самолет несколько раз тряхнуло, и он стал плавно набирать высоту.

Через некоторое время Мэгги встала с кресла и пошла к стойке, чтобы заказать себе выпить. Через пару минут к ней присоединился улыбающийся сенатор.

Сенатор, несмотря на свой авторитет в сенате, был немногим старше сорока лет. Но выглядел моложе. Он уже дважды разводился. Его избиратели в Колорадо посмеивались над его невезением в семейной жизни, но исправно переизбирали его. Он мог бы стать председателем собственного комитета, но предпочел участвовать в других комитетах, где было более интересно — и где он был больше на виду. Этот парень Гус мечтал стать президентом США, и все знали это.

— Мэгги,— сказал он.— Я предчувствовал, что это будет приятный полет, но только сейчас догадался о причине.

Мэгги похлопала по сиденью кресла рядом.

— Вы дадите мне семнадцать биллионов?— спросила она.

— Ленц рассмеялся:

— Вы не теряете времени, Мэгги.

— У меня нет времени. Блок Народов собирается сам наложить лапу на планету, если мы не решимся. Впрочем, они полетят в любом случае. Это гонки.

Он нахмурился, кивнул на стюардессу — маленькую, смуглую. Она носила форму Юнайтед Эрлайнз как сари. Когда им принесли заказ, он сказал:

— Я выслушал все, что ты сказала, Мэгги. Это звучит неплохо. Только не знаю, стоит ли это семнадцать биллионов долларов.

— Есть еще кое-что, чего вы не имели возможности прочесть. Вы обратили внимание на ту часть, где говорится о том, что планета имеет свое солнце?

— Не уверен.

— Оно маленькое, но совсем недалеко. Оно излучает в основном на низких длинах волн. Света мало, но много тепла. И планета постоянно повернута к светилу одной стороной.

— И что?

— Энергия, сенатор. Солнечная энергия. Весьма экономично.

— Не совсем понимаю, о чем вы говорите. Значит, это солнце горячее, чем наше?

— Нет, не горячее. Но ближе. И самое главное, оно не двигается относительно планеты. Какова основная проблема с солнечной энергией у нас? Солнце постоянно перемещается по небу. А половину суток вообще скрывается за горизонтом. А там, Гус, там же никогда не бывает ночи!

Ленц кивнул, немного выпил из бокала, ожидая продолжения.

— Там не бывает темноты, не бывает зимы. Больше того, даже облака там не помеха для приема солнечной энергии.

— Разве там не бывает облаков? — удивился Ленц.

— Бывают. Но длина волны излучения такова, что облака не могут служить экраном. Они пропускают энергию беспрепятственно. На Земле мы можем использовать не более десяти процентов солнечной энергии, так мы будем использовать все сто.

Ленц задумался на мгновение.

— Интересно,— осторожно сказал он и жестом показал, чтобы им наполнили бокалы.

Мэгги не стала мешать ему обдумывать все услышанное, раскладывать в мозгу по полочкам. Скоро он спросит, что даст эта энергия в сотне световых лет от Земли его избирателям в штате Колорадо. Она уже подготовила ответ на это, но предпочитала подождать, пока он спросит.

Но когда он спросил, вопрос захватил ее врасплох.

— Мэгги, что ты имеешь против этого пакистанца?

— Пакистанца? Нет, ничего.

— Кажется, ты слишком серьезно относишься к этому соревнованию.

— Но не на личном уровне, Гус. Я, конечно, не люблю пакистанца, но с некоторыми у меня дружеские отношения. С одним пакистанцем я училась в Уэст-Пойнте. Ничего парень. Гладил

мою форму и никогда не мозолил глаза мне, если чувствовал, что я не хочу видеть его.

— Понятно,— заметил Ленц.

— Да, да,— Мэгги призадумалась.— Так что я против Ахмеда вовсе не потому, что он пакистанец. Я против пакистанцев потому, что они на другой стороне. И ничего не могу поделать с этим. Я пустила корни в своей команде.

— В какой, Мэгги? В Блоке Продовольствия? В США? Или ты имеешь в виду женщин офицеров Армии США?

Она хихикнула.

— Все. И именно в этом порядке.

— Мэгги,— серьезно сказал он.— Тебе не кажется, что мы слишком много пьем? Я не хотел бы решать серьезные вопросы в таком состоянии.

— А почему нет, Гус? Закажи еще пару порций, и мы поговорим обо всем.

Он повиновался. Пока им готовили выпивку, он сказал:

— Ты хорошая девушка, Мэгги. Но только немного кровожадная. Жаль, что ты училась в Уэст-Пойнте.

— Ты не прав, Гус. Жаль, что так мало молодых американцев идет в Армию.

Он покачал головой.

— Я голосовал за то, чтобы упразднить военные академии и урезать военный бюджет.

— Я знаю. И осуждаю тебя.

— Ты не права. У нас нет выбора. Мы не можем рассчитывать на войну, Мэгги. Разве ты не понимаешь этого? Даже пакистанцы могут стереть нас с лица Земли. Не говоря уже о китайцах, турках, поляках и остальных из Блока Народов. И не говоря об англичанах, саудовцах, венесуэльцах. Мы не можем победить никого. Впрочем, в этой войне не победит никто. И все это знают. Они не враги нам...

— Но они же соревнуются с нами, сенатор,— сказала капитан Меннингер, выпрямившись и тщательно подбирая слова.— Экономически. Политически. И во всех остальных отраслях жизни. Вспомните Клаузевица: война — это логическое продолжение политики. Нет, я понимаю,— быстро сказала она,— что мы не можем заходить так далеко. Мы не хотим уничтожить планету. Я знаю, о чем вы говорите. Это, как сказал один русский космонавт... как же его фамилия? А, Севастьянов. Это было очень давно. «Когда я был в космосе, я видел, как мал наш мир. И я понял, как важно для всех нас научиться жить вместе». Вот так, Гус. Но научиться жить вместе не означает, что некоторые народы будут жить получше, другие — похуже. Вот последний факт! Люди Блока Горючего поднимают цены. Люди Блока Народов требуют большой оплаты на экспортируемых рабочих, иначе их не выпустят за границу, и что мы тогда будем делать без рабочих рук? И мы сопротивляемся. А когда я сражаюсь, Гус, я сражаюсь до конца.

Я сражаюсь, чтобы победить. Я играю, чтобы выиграть. И сейчас я хочу выиграть Звезду Кунга. Я знаю, что на планете есть много полезного для нас. И я хочу, чтобы она служила нам. Нам — это значит Техасу, городу Хьюстону. И многому другому, чему служу я. Я хочу, чтобы то, чему я служу, было всегда первым, преуспевающим, лучшим во всем. Я думаю, что это и есть патриотизм, сенатор. Сомневаюсь, что вы на это сможете возразить.

Он задумчиво посмотрел на нее поверх бокала, затем поднял его.

— За вас, Мэгги. Вы настоящая железная леди.

Она засмеялась.

— Ол райт,— сказала она, смягчившись.— За это я выпью. А как насчет моих денег?

Ленц выпил вино и поставил бокал.

— Хочешь ты этого или нет, но все мы только часть сообщества. И предлагать мне свой проект, это не значит предлагать его всему сообществу. Мы должны сотрудничать со всеми странами Блока.

— Чепуха, Гус. Мы же заплатим за все!

— Да, во всяком случае девяносто процентов.

— Почему бы нам не заплатить все и не взять все в свои руки?

— Потому что,— раздельно сказал он.— Потому что я не буду голосовать за это.

Мэгги долго молчала, оценивая приоритеты. Затем пожала плечами.

— Пусть так,— сказала она.— Я не возражаю, если мы примем в игру несколько пешек. Канадцев. Бразильцев. Может быть, болгар. К тому же, я знакома с одной болгаркой...

И тут она остановила себя. Ей пришла в голову мысль, что она все же обязана этой Нан Как-Там-Ее-Фамилия, но одновременно она вспомнила, что эта болгарка была близка с тем самым Паком...

— Нет,— сказала она.— Подумав, я решила, что болгары нам ни к чему. Может взять парочку из Советского Союза? Если мы пошлем десять человек и шесть из них будут самые чистокровные Мэйд ин ЮэСЭЙ, то я буду довольна.

— Хм.— Ленц задумчиво смотрел на нее. Самолет потихоньку начинал снижение.— Посмотрим,— сказал он.— Что же мы будем делать с этой ночью, которую Бог подарил нам, Мэгги? Уже слишком поздно, чтобы усиленно думать, и слишком рано, чтобы идти спать. Хочешь посмотреть на звезды просто так?

— Именно это я хочу,— ответила она, допила бокал и поднялась. Они прошли через салон в переднюю рубку и встали, опершись о поручни и глядя сквозь стекло. Самолет летел над Холмами Западной Вирджинии. Впереди над горизонтом плыла торжественная Венера. Немного погодя Ленц обнял Мэдж одной рукой.

— Просто проверяю,— сказал он,— насколько ты железная леди.

Мэгги прильнула к нему достаточно охотно. Ленц не был бо-

льшим мужчиной. Не был он и красивым, но он был теплый, мускулистый, и рука его приятно согревала. Существуют гораздо более низкие способы борьбы за голоса в сенате, чем этот, подумала она, поворачивая к нему лицо с приглашающими губами.

Ленц сделал все. Полный состав Комитета одобрил проект, и через три месяца в жаркий полдень Джорджин Мэдж была вызвана из отряда по телефонному звонку высшего приоритета. Она не мылась уже три дня. Летние полевые маневры проводились в условиях, максимально приближенных к боевым. Она была вся потная, грязная, в глине. Она знала, что от нее пахнет совсем не духами. Кроме того, ее отряд готовился к атаке высоты, захват которой она сама готовила. Так что к телефону она подошла в очень плохом настроении.

— Капитан Меннингер! — рявкнула она.— И, черт побери, позаботьтесь, чтобы вызов был действительно важным!

В ушах ее раздался смех отца.

— Ты сама решишь,— сказал он весело.— Десять минут назад Президент подписал билль.

Мэдж буквально рухнула в кресло сержанта.

— Боже, папа! Это так здорово!

Она смотрела на стены командного трейлера, не видя их, и думала, что сейчас для нее более важно — вернуться к отряду, штурмующему высоту, или сейчас же позвонить Дэнни Дэйлхаузу.

— ...Что?— она вдруг поняла, что отец говорит что-то.

— Я сказал, что у меня для тебя есть еще новости. Не вполне радостные. Это насчет твоего Пака.

— Что с ним, папа?

— Дело в том, что он собирался на каникулы, помнишь? Так вот, он отправился на прошлой неделе.

Глава 4

Пилотом был Виссарион Ильич Капелюшников. Он был низеньким, смуглым — таковы были традиции космонавтов. В числе его предков было гораздо больше евреев, чем это можно было предположить по его фамилии. Инженер экспедиции тоже был советский, но высокий, с вьющимися волосами. Его звали Петя Кривитин. Номинальным командиром экспедиции был американец Алекс Вудринг. Сейчас они все говорили одновременно. Алекс пытался рассудить двух русских. Помогала ему Харриет Сантори, переводчица. Однако она плохо ему помогала, и командир никак не мог примирить двух спорящих. Капелюшников хотел опуститься на планету и начать исследования. Кривитин же хотел изучать показания пробных зондов, чтобы выбрать место для посадки. Харриет требовала от них, чтобы они, ради бога, вели себя, как взрослые люди. Трудность Вудринга состояла в том, что пока они не приземлятся, капитаном был Капелюшников, а он, Вудринг

обладал только формальной властью, и весь этот шум продолжался уже больше часа.

Дэнни Дэйлхауз проглотил желание вмешаться в спор. Он ослабил пристяжные ремни и посмотрел в иллюминатор. Вот она, планета. Она заполнила весь иллюминатор. До нее всего лишь сотни тысяч километров. Это уже не «вдали», а вот тут, «внизу». И вот они там спорят, но никто из них не знает, что участвует в его экспедиции. Ведь ничего бы не было, если бы он не смог убедить эту блондинку и армию поддержать экспедицию.

Кто-то сказал ему в ухо:

— Как ты думаешь, мы когда-нибудь сядем на планету?

Дэнни обернулся. Это была Спарки Кербо, довольно приятная женщина, но после того, как они все вместе провели девятнадцать дней в пространстве в двадцать кубических метров, им было трудно выносить друг друга.

— Планета очень оригинальна. Она не похожа ни на что.— Спарки продолжала говорить, явно делая усилия быть дружелюбной.

Дэйлхауз заставил себя ответить. Она ведь не причем, что Дэнни не выносил звука ее голоса, не мог слышать ее голос, ощущать ее запах. А кроме того, она действительно была права. Сын Кунга действительно не был похож ни на одну планету. Дэнни знал, как должны выглядеть планеты. Некоторые из них были красные и мутные, как Марс. Некоторые были молочно-белыми, как Венера. Эта планета даже не пыталась выглядеть правильно.

Но в этом была вина не планеты, а самого Кунга. Он был некомпетентен, как звезда. Если бы Сын Кунга вращался вокруг земного солнца, он выглядел бы великолепно. Он имел бы все краски земли. А здесь планета не имела настоящего солнечного света. Кунг едва тлел. Он был лишь немного ярче, чем земная луна. Так что Сын Кунга получал от своего светила кроваво-красный свет и отсюда, из космоса, был похож на открытую рану.

Отсюда даже невозможно было различить, какая сторона планеты дневная, а какая ночная. Можно было только угадывать переход от темного к очень темному. Кривитин заверял их, что как только они будут на поверхности, глаза их быстро приспособятся, и они будут видеть нормально.

Однако отсюда это выглядело весьма сомнительным. И ради этого, подумал Дэнни, я бросил прекрасную работу в Мичигане.

Русский язык достиг своего крещендо в перепалке, и внезапно спор утих. Кривитин, улыбаясь так, как будто такие жаркие споры были не больше, чем невинная дружеская болтовня о погоде, занялся аппаратурой. Затем посмотрел на Дэнни и Спарки.

— Сара, дорогая,— сказал он на прекрасном английском языке.— Тебя ждут в главной каюте. Тебе тоже лучше идти туда, Дэниел.

— Мы будем садиться?— спросила Спарки.

— Нет, нет. Капитан наконец понял необходимость перейти на другую орбиту.

— Дьявол! — кратко выразилась Спарки. Ею тоже владело страстное желание поскорее оказаться на твердой почве. Дейлхауз полностью разделял ее чувства. Значит, им болтаться здесь еще день, по меньшей мере.

— Да, я согласен, — сказал Кривитин. — Но Алекс хочет, чтобы он снова попытался поймать сигналы Пипов*.

Харриет стала жаловаться, что Дейлхауз не стал слушать. Он отстегнул ремни и достал кассеты с информацией, которые спрятал на случай перегрузок при посадке.

Он включил магнитофон, вставил в ухо наушник. Послышалось шипение ленты, случайные щелчки и далекий угрюмый вой. Это были звуки, посылаемые посадочным зондом. Его миссия заключалась в том, чтобы обнаруживать биологические объекты и исследовать их во встроенной лаборатории. Однако его микрофоны воспринимали звуки, которые приходили снаружи. Дэнни пожал плечами, остановил магнитофон и сменил кассету. Эту он слышал уже раз пятьдесят.

На этот раз звуки стали громче и чище. Это был уже нейтральный аппарат-исследователь. У него имелся локатор двуокиси углерода. Как самка комара, которая ищет кровь, чтобы оплодотворить яйца, аппарат дрейфовал до тех пор, пока не обнаруживал двуокись углерода. Затем он летел по следу, пока не находил источник. После этого аппарат кружился поблизости, засекая и передавая эти звуки. Но какие звуки! Иногда они были похожи на звуки труб большого оркестра, иногда — на крики ребятишек, занятых азартной игрой. Дейлхауз идентифицировал по крайней мере двенадцать фонем. (Дейлхауз записал частотный спектр — от единиц герц, которые человеческое ухо не способно воспринимать, до звуков, издаваемых летучей мышью). Это не были крики птиц. Это был язык, Дэнни в этом был непоколебимо уверен.

Внезапно на него потянуло теплом. Дэнни повернулся к иллюминатору. В иллюминатор вплыл тускло-красный Кунг. Дэнни опустил темный экран. Конечно, смотреть на звезду было не опасно, но можно было обжечь обнаженную кожу.

Теплота охватила его, и сразу захотелось спать. А почему нет? — подумал он. Он выключил магнитофон, откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и приготовился уснуть. Но вдруг услышал свое имя.

— Дэйлхауз! Кривитин! Ди Паоло! Все на корабле. По местам!

Он стряхнул с себя сон, пожалел, что нет под рукой чашки кофе, и пошел в рубку. Алекс Вудринг сказал ему:

— Тебе нужно посмотреть это. Пипы передали еще один отчет, и Харриет записала его на ленту.

Дейлхауз придвинулся поближе к экрану, чтобы лучше видеть. На экране было растение красного цвета необычной формы с грушеподобными плодами, свисающими с его ветвей.

— Перемотай ленту, Харриет, — нетерпеливо сказал Вудринг. Изображение на экране подпрыгнуло и погасло.

---

* Пипы — сокращенное от Пипл — представителей Блока народов.

Затем на экране появилось новое изображение. Сначала Дейлхауз подумал, что он видит еще одно растение Кисига — вероятно, пустынное растение. Красные и желтые шары росли из чего-то, что Дейлхауз принял за губку... А затем это шевельнулось!

— Боже! — прошептал кто-то. Дейлхауз почувствовал, как комок подкатил к его горлу.

— Что это?

— Мне кажется, что это похоже на белую мышь,— сказал Моррисей, биолог.

— Но что произошло?

— Произошло то,— сказал биолог с оттенком профессионального превосходства,— чего я сам еще не понимаю. Пипы передали речевое сообщение в зашифрованном виде.

— Но ведь они обещали делиться информацией,— рявкнул Дейлхауз.

— Ну что же, они и поделятся. Я полагаю, что наследник Мао дал указание опубликовать отчет на сессии ЮНЕСКО. А затем, после того, как копия попадет в Нью-Йорк, она будет передана нам. Но это будет не скоро. Но то, что мы видели, достаточно для того, чтобы понять — Клонг не такая гостеприимная планета, как нам бы хотелось. Я...

Он помолчал, затем продолжал:

— Я не думаю, что то, что мы видели — то, что произошло с подопытной мышью,— инфекционное заболевание. Я не могу себе представить микроорганизм, так быстро приспособившийся к нашей биохимии. Я думаю, что мы также ядовиты для них, как и они для нас. Поэтому мы будем есть только свою пищу и ничего больше.

— Значит, мы все же будем садиться? — спросила канадский инженер-электронщик.

Капитан Капелюшников сказал по-русски:

— Да!

Он кивнул, затем пробормотал что-то переводчице, которая сказала:

— Он говорит, что мы для этого прилетели сюда. Он сказал, что мы предпримем все меры предосторожности. Посадка будет со следующей орбиты.

Дэйлхауз снова прокрутил странные песни зонда-комара, но вся аппаратура для серьезных исследований была уже упакована. Теперь уже не было смысла снова доставать ее. Как бы убить время? Засыпая, он думал о планете. Как же назвать ее? Кунгсон, Дитя Кунга, Сын Кунга. Клонг — Сын Кунга — так окрестил планету кто-то из американцев. Но это неудачное название.

Когда Дэнни проснулся, ему вручили тюбик с густой желеобразной массой. Нужно намазать все тело и одежду. Это должно предохранить от инфекции на первое время, пока мы не сориентируемся, что и как.

Затем он снова оделся и стал ждать. Электронщик засекал все

источники излучения на планете и наносил их на карту солнечной стороны Клонга.

— Кажется, передают две станции,— прокомментировал Дэйлхауз.

— Да, я думаю, это базовый лагерь, а это поисковый отряд. Вот здесь база Пипов,— она коснулась ногтем до точки, расположенной на берегу большого залива.— А вот здесь другая станция.— Это было на другом берегу залива.— Мы знаем, что это их база. Мы фотографировали ее с орбиты. Кажется, что они даже еще не устроились по-настоящему. Это импульсно-кодовые сигналы научной информации, которые принимаются тахионными приемниками, а затем передаются на Землю.

— А что на другой стороне залива?

— Больше ничего. Есть стойбище каких-то антропоидов. Но радио у них, конечно, нет.

Она сняла датчик с виска и протянула его Дэйлхаузу.

— Послушай этот сигнал.

Дэйлхауз прикрепил датчик. Звук оказался частью двутональным. Он повторялся снова и снова.

— Печальный звук,— сказал он.

Женщина кивнула.

— Я думаю, что это сигнал отчаяния,— сказала она.— Только на него никто не откликается.

Глава 5

Что можно сказать о человеке, подобном Шарн-игону, что сделало его бы облик четким и понятным? Может, сделать это кружным путем, методом аналогии? Примерно так?

Представьте себе ласкового и веселого человека, которого любят дети, который танцует польку, читает елизаветинские стихи и знает, почему Тибальди величайший мим из всех, кто когда-либо жил на Земле.

Это и есть Шарн-игон?

Нет. Это просто аналогия. А предположим, что вас спросят, видели ли вы когда-нибудь этого человека. Вы задумываетесь, будете перебирать в памяти все свои встречи. Нет, скажете вы, приложив палец ко лбу, думаю, что мы никогда не встречались.

И предположим, что мы вам скажем: но все же вы встречались! И это было неделю назад, в понедельник. Он ехал на автобусе А-37, на который вы сели от своей станции. И вы опаздали на встречу с налоговым инспектором, потому что этот человек не разменял вам пятидолларовую банкноту.

Что вы скажете тогда? Возможно, вы скажете: «Ну, конечно! Я прекрасно все это помню!» Но это был совсем не тот приятный век, которого вы обрисовали. Это был водитель автобуса.

Вот так это может быть, если говорить о Шарн-игоне. Достаточно легко представить себе, что вы встречались с ним. Давайте поставим мысленный эксперимент, к чему он приведет. Предпо-

ложим, что вы находитесь где-то вне времени и пространства, как некий герой Уэлса. Вы смотрите на него со своего облака. Ткните своим пальцем в бесконечность. И вы притронетесь к планете Шарн-игона, вы откроете его для себя.

Что вы увидите?

Один попытается описать его, сказав, что он консерватор, глубоко моральный и фундаментально честный. Другой отвергнет все ваши заявления и скажет, что Шарн-игон буквально кричит от неизлечимой душевной боли.

Но может случиться так, что вы при первом взгляде ахнете и отдерните палец. И скажете:

— Боже! Это же не человек. Это чужое существо! Оно живет на планете, расположенной в тысяче световых лет от нас. Планета вращается вокруг звезды, которую мы никогда не видели. И кроме того, это существо ужасно! Если бы меня спросили, на что оно похоже, я бы сказал — и не погрешил бы против истины ни на йоту — что оно похоже на раздавленного краба.

И, конечно, вы были бы правы.

Однако точка зрения Шарн-игона на себя была совсем иной. Во-первых, он не был простой фантазией природы. Он был личностью. У него имелись родственники. Он жил в обществе. Он жил по строгим законам и повиновался жизненному укладу своего общества. Он не был похож ни на одного из кринпитов — так его народ называл себя, несмотря на то, что на взгляд человека все они были неразличимы. Он был Шарн-игоном.

Например, Шарн-игон ненавидел Празднество Приветствия Кольца — а сейчас именно это время и наступило. Для него это было одиночество и самая худшая часть цикла. Он ненавидел бодрый шум, наигранную веселость, фальшь, загадочные сантименты. Все магазины и бордели были забиты народом, так как каждый старался приобрести подарок или стать беременным, но для Шарн-игона все это бесплодная суета, так как он был одинок.

И если бы вы спросили его, он бы ответил, что ненавидит Празднество Приветствия Кольца. Он сказал бы, что всегда ненавидел его. По крайней мере, с тех пор, как он стал зрелым. Праздник Приветствия Кольца был для молодых, вступающих в половую зрелость. Но это не было полной правдой. Всего лишь за цикл до этого он и его муж-жена Чи-прюитт провели весьма приятно это Празднество.

Но Чи-прюитт ушел. Шарн-игон послал вызов, споткнувшись о Привидение, лежавшее на его пути. Ответа не было. Он колебался. Что-то — может привидение — как будто назвало его имя. Но это было слишком невероятно. После некоторого времени нерешительности он пробился через толпу и... назовем это баром... — чтобы сжевать парочку возбуждающих.

Посмотрим на Шарн-игона, запутавшегося в галлюциогенных сетях, пробирающегося через толпу кринпитов. Он был привлекательным с точки зрения соплеменников. Он был по-мужски ши-

рок — почти два метра от обода до обода, но удивительно строен — всего сорок сантиметров в узкой части панциря. Несмотря на его хмурый вид, встречающиеся самцы и самки обращали на него внимание. Он был молод, обладал достаточной сексуальной потенцией и имел успех в выбранной им профессии.

Впрочем, это не совсем верно, так как тут опять возникал парадокс.

Профессией Шарн-игона была социальная деятельность. И в этом заключался парадокс: к таким, как он, кринпиты обращались только тогда, когда у них начинались неприятности. Кринпиты создали общество, в котором каждый зависит друг от друга. Причем это не похоже на общество технологической культуры, развившееся на Земле. Может быть, аналогии их можно найти в тесных семейных кланах бушменов или эскимосов. Там жизнь племени зависела от каждого его члена. Так что Шарн-игон мог считать себя счастливым и успешно делающим свое дело, тогда когда к нему никто не обращается. Празднество Кольца всегда приносило ему урожаи ущербных личностей, уделом которых стало одиночество среди всеобщего ликования. Во время праздников Шарн-игон всегда был занят больше, чем обычно.

Посмотрите повнимательнее на Шарн-игона со своего облака. Он наверняка может показаться вам странным, даже отвратительным. Его могучий панцирь был усыпан чем-то, похожим на хитиновые крылышки. Некоторые из них были несколько сантиметров высотой, другие меньше. И между ними бегали мелкие насекомые, похожие на вшей. Но это были не вши. И даже не паразиты, если конечно забыть о том, что каждый детеныш по сути паразит для своей матери. А это и были малыши, детеныши. Шарн-игон был в баре не единственным кринпитом, вступившим в пору воспроизводства рода. Из сотни кринпитов в баре у каждых восьми из десяти по панцирю бегали детеныши. Иногда кто-либо из этих суетящихся малышей падал вниз или перебирался на панцирь другого кринпита, когда они соприкасались, и тогда начиналась возня по возвращению малыша к родителю. Ведь если он не попадет обратно, он погибнет.

Панцирь Шарн-игона по окружности крепился к телу с помощью подвижных хитиновых пластин, которые находились в постоянном движении — то сжимались, то расширялись, как меха аккордеона.

Он прошел по утоптанному грязному полу на своих суставчатых ногах. Их было не меньше десятка.

После того, как он принял три быстрых и почувствовав себя лучше, он вышел из бара и пошел, не торопясь, по дороге. Ничего определенного у него на уме не было. По сторонам дороги тянулось то, что вы могли бы принять за японские ширмы. Они не были укреплены ничем, но, соединенные между собой, тянулись вдоль дороги. Они скрывали дома и коммерческие здания. Некоторые из них, подобно бару, были забиты кринпитами, другие почти пусты. Ширмы тоже были покрыты маленькими крылы-

шкоподобными выступами, но это было единственное их украшение. Можно было сразу же заметить, что ширмы даже не были покрашены. Кринпиты не знали, что такое цвет, живя в тусклом багровом свете Звезды Кунга. Так что, даже если бы ширмы были покрашены, этого невозможно было бы заметить в таком свете.

Вот так бы видели это вы своими глазами землянина. Но каким представлялось это все взгляду кринпита? Это бессмысленный вопрос, потому что у кринпитов не было глаз. На их панцирях имелись светочувствительные элементы, но никакого хрусталика, никакой радужной оболочки, ни мозаики чувствительных клеток, которые могли бы анализировать изображение и переводить его в информацию.

Но хотя тут было темно, жизнь кипела. Здесь было очень шумно.

Каждый кринпит постоянно произносил свое имя — разумеется, имя не в том смысле, который мы имеем в виду, когда говорим, что имя жены Рузвельта — Элеонора. Здесь имя было тем звуком, который был присущ каждому индивидууму из этого общества. Это был звук, который вел их, постоянно прощупывая пространство вокруг кринпита. Этот звук возвращался к кринпиту, пославшему его, и приносил информацию его чувствительному мозгу. Эти звуковые импульсы, которые кринпиты посылали вперед, и были их имена. Все звуки отличались между собою, характеризуя каждого отдельного индивидуума. Слуховой аппарат кринпита располагался на нижней поверхности живота и представлял собою тугонатянутую барабанную перепонку. Перепонка крепилась к животу связками и с ее помощью можно было производить различные звуки во время ходьбы. Они не могли ходить в тишине. Причем это не были случайные звуки. Все они четко различались и контролировались. Это был язык, очень сложный для понимания. Самыми простейшими звуками языка были имена кринпитов. Эти звуки определялись чисто физическими параметрами тела кринпита. Но кринпиты могли производить и другие звуки в частотном диапазоне их слуха. И в этом их «голоса» были подобны человеческим.

И куда бы ни шел Шарн-игон, он испускал этот звук: Шарн — резкий усеченный звук с легким шипением, Игон — дробное стаккатто, спускающееся на тонику ниже. Все кринпиты испускали присущие им звуки в то время, когда не испускали других, когда не общались с соплеменниками. Но звуки исходили не только от кринпитов. Все вокруг них излучало звуки. Каждое строение было снабжено приводимой в движение ветром шумовой машиной. Это были трещетки, трубы, колокольчики, струны — все они были предназначены, чтобы испускать определенные шумовые сигналы, благодаря которым кринпиты могли бы ориентироваться в пространстве.

Так что человеческому взгляду Шарн-игон представился бы неуклюжим крабом, ковыляющим в скопище себе подобных в полутьме багрового света и в какафонии разнообразных непривычных звуков, доносящихся со всех направлений.

Но для Шарн-игона все представлялось совсем по-другому. Он бесцельно шел по хорошо знакомой улице. Улица тоже имела название. И оно переводилось достаточно близко к оригиналу, как Большой Белый Путь.

На перекрестке с Бридерс Вэлоу Шарн-игон вступил в беседу со знакомым.

— Ты не знаешь ничего о местонахождении Чи-прюитта?

— Нет. Справка: статистически возможно, что он находится на берегу озера в деревне.

— Почему?

— Некоторые заболели там. Много любопытных, рассказывают об Аномальных Привидениях.

Шари-игон поблагодарил за сведения и повернул к озеру. Он вспомнил, что возле резиденции Чи-прюитта некоторое время назад видели привидение. И оно было аномальным. Обычно существует два типа привидений. Верхние Привидения были привычны и легко «видимы» — они производили очень много шума. Однако они не отражали звуковых сигналов кринпитов. Если их удавалось схватить, то они были хорошей едой. Нижние Привидения были почти «невидимы». Они редко издавали звуки и отражали очень мало звуковых сигналов кринпитов. Их обнаруживали в основном тогда, когда их подземные ходы наносили повреждения строениям кринпитов. Они тоже были хорошей едой, и кринпиты с удовольствием охотились на них, особенно, если удавалось обнаружить гнезда с детенышами.

Но что такое «Аномальные Привидения», которые не были ни Верхними, ни Нижними?

Шарн-игон спустился по Бридерс Вэлоу к Рыбному Рынку и пошел вдоль берега озера. На фоне мягкого перекатывания волн в заливе Шарн-игон чувствовал нечто, почти невидимое. Хотя кринпиты редко используют металлы, Шарн-игон сразу почувствовал его яркость. Однако этот яркий металл плавал над чем-то мягким и нематериальным, почти не дающим эха на его сигналы. Однако яркая часть этого объекта не только почти ослепительно отражала сигналы Шарн-игона, но и генерировала собственный звук, слабый высокого тона, слегка напоминающий шуршание песка при ветре. Шарн-игон не смог идентифицировать эти звуки. И не удивительно: он никогда не видел ни ТВ-камеру, ни радиопередатчик.

Он остановил одного из кринпитов, который раздраженно отходил от группы соплеменников, спросив, что случилось.

— Некоторые кринпиты попытались съесть привидение. Им стало плохо.

— Это привидение нанесло им вред?

— Нет. Им стало плохо после еды. Одно привидение еще здесь. Есть не советую.

Шарн-игон более внимательно прислушался к странным звукам.

— Ты тоже ел привидение?

— Совсем немного, Шарн-игон. Мне тоже плохо.

Шарн-игон потер нижнюю челюсть и пошел дальше, беспокоясь о Чи-прюитте. Он не слышал его в толпе, но шум вокруг был слишком силен. По меньшей мере две сотни кринпитов собрались тут. Они ползали по песку, карабкаясь и соскальзывая с панцирей соседей. Все они копошились возле кровавой массы, которая некогда была привидением. Шарн-игон остановился и нерешительно прозондировал звуком окружающее пространство.

И вдруг откуда-то позади себя он услышал свое имя, плохо произнесенное, но достаточно различимое: Шарн-игон. Он повернулся и тут же обнаружил источник звука. Привидение. Это оно произнесло его имя. Шарн-игон осторожно приблизился к нему. Ему не нравился его запах, его приглушенный смягченный звук. Но им двигало любопытство. Во-первых, его имя: Шарн-игон. И тут же еще что-то. Другое имя? Это конечно не имя кринпита, но что? Привидение все время повторяло этот звук.

На другом берегу залива Культурной революции, в пятидесяти километрах отсюда, Фенг Хуа-цзе прополоскал корзины в пурпурной воде и понес их к куполообразным строениям, которые являлись основной базой Блока Народов. Отсюда с берега было невозможно увидеть приземлившийся корабль. Прозрачные купола скрывали его. Через прозрачную стену ближайшего купола — стена могла быть сделана не прозрачной, но группа решила, что экономия энергии более важна для них, чем интимность обстановки в помещениях,— Фенг мог видеть двух женщин, которые работали в помещении для больных. Они занимались этим потому, что в противном случае сами бы лежали в постелях. Хотя они едва передвигались, все же они могли позаботиться о больных и о себе.

Фенг поставил корзины в помещение, сожалея об оставленном драгоценном иле. Однако это было его собственное решение: не использовать ил для удобрения их маленького сада. По крайней мере до тех пор, пока они не узнают, что убило одного члена экспедиции и от чего заболело еще четверо — почти половина действующих членов экспедиции была выведена из строя. Фенг не хотел рисковать. Жаль, что их биолог тоже заболел — сейчас его знания были бы очень полезны. Но Фенг сам в молодости изучал биологию, и сейчас он проводил эксперименты с животными, посылал отчеты в Пекин, четыре раза в день осматривал больных.

Он задержался в радиорубке. Видеоэкран, отслеживающий путь небольшого отряда, который должен был пересечь залив, показывал все ту же монотонную картину. Очевидно, камера была оставлена на корабле, который сейчас, видимо, дрейфовал в медленном течении. Поэтому на экране лишь изредка появлялась полоска берега на расстоянии примерно в четверть километра. Изредка можно было рассмотреть на берегу двигающихся антропоидов и их приземистые здания. Но Фенг не видел ни Ахмеда Дуллу, ни костариканца, который ушел с ним.

Возле купола со связной аппаратурой два вестиндийца лениво нагружали почву в плетеные корзины. Фенг резко прикрикнул на них, и те сразу зашевелились веселее. Они тоже были больны, но еще было не ясно, той ли болезнью, что и остальные. Фенг с завистью подумал, что вестиндийцы чувствуют себя здесь, как дома. Жара и влажность здесь были такими же, как в их родных джунглях. Но хуже всего здесь дело обстояло со светом. Постоянный багровый полумрак — никогда по-настоящему светло и никогда — полная темнота. Фенга постоянно здесь мучили головные боли — с самого первого дня их прибытия сюда. Он объяснял это напряжением зрения. Но по крайней мере он не ел ничего, что выросло на этой планете. В этом ему повезло, а может он просто был мудрее тех четверых, что заболели и одного, который умер, не говоря уж о бесчисленных крысах и морских свинках, с которыми проводились эксперименты. Фенг выругался. Почему он позволил этому длинноволосому дикарю с гор Дулле уговорить его разделить отряд? Правда, это произошло до того, как заболели пятеро. Но все равно это было ошибкой. Фенг подумал, что когда он вернется, у него будет достаточно времени для самокритики.

Если он вернется.

Он набрал две корзины ила, поднял их на коромысле и пошел осмотреть дамбу. Это была его самая большая надежда. Когда дамба будет построена, у них будет достаточно электрической энергии, чтобы питать ультрафиолетовые лампы. И тогда эти скудные ростки земных растений дадут хороший урожай. Все-таки почва здесь очень плодородная. Ну что, что некоторые болели, а один даже умер. Почва здесь не причем. Фенг удовлетворенно взял землю, потер ее между пальцами, даже понюхал. Очень плодородная почва. Единственное, чего здесь не хватает, это солнечного света. А когда будет построена дамба, электричества хватит на все. Фенг подумал, что они здесь будут получать урожаи, которым может позавидовать любой колхоз в провинции Ченси.

Когда он возвращался, пошел дождь. Крупные ленивые капли сбегали по спине Фенга под хлопчатобумажной курткой. Это хорошо, что здесь много воды. Фенг подумал, что дождь прибивает к земле летающие споры здешних растений. Это тоже хорошо. Может, именно споры и ответственны за болезни людей. Даже сквозь облака Фенг ощущал тепло Кунг Фу-цзе. Звезды не было видно на небе, но свет ее придавал зловещий вид облакам, висящим над далеким серым городом. И так будет до тех пор, пока движение воздушных масс не переместит облака, и на небе снова появятся звезды и этот тлеющий раскаленный уголь — звезда Кунга.

Фенг пошел к лагерю по лесной тропе. Он решил проверить ловушки. В одной из них было два многоногих существа, похожих на земноводных рыб. Одно из них погибло, второе пожирало его. Фенг оглушил его и не стал освобождать ловушку. У них сейчас не было людей, чтобы заниматься животными. Три ловушки были спущены, но пусты. Одну кто-то утащил. Фенг раздраженно выру-

гался. Все-таки они очень мало знают о фауне планеты и, в частности, этого леса. Например, кто украл ловушку? Большинство здешних существ, которых они тут видели, были антропонды — похожие на жуков или ракообразных. И ни одно из них не было больше ладони человека. Но было ясно, что существовали и большие существа. Разумные обитатели селения на берегу залива — доказательство этому. Они были размером с человека. Но дикие — если они существовали,— никогда не попадались людям. А в этом лесу наверняка кто-то живет. Иногда их можно было услышать, даже увидеть неясные тени, но ни разу еще не удалось сфотографировать. Как же они могут выглядеть? Волчьи клыки, кошачьи когти, клешни краба?.. Фенг бросил думать об этом — такие мысли не могут привести ни к чему. Во всяком случае, не вызывает сомнения, что местная фауна также считает людей несъедобными, как и люди считают несъедобными местных животных.

Впрочем, может еще не все обитатели этого леса поняли это.

В общем, похоже на то, что люди ничего не могут есть на этой планете. Вся природа на этой планете была не похожа ни на что земное. И все же, Фенг добьется того, что поля планеты будут давать урожай!

Вдруг Фенг услышал свое имя.

Он быстро повернулся и пошел к лагерю. Возле берега сквозь редкие кусты он увидел одного из членов экспедиции, который в возбуждении размахивал руками.

Фенг подбежал к нему, едва дыша.

— Что? Что?— спрашивал он.

— Радиосообщение от Длинноносого. Это сигнал опасности, Хуа-цзе!

— Черт! И что он сказал?

— Он ничего не сказал. Это был аварийный автоматический сигнал. Я попытался вызвать его, но безуспешно.

— Ну конечно,— Фенг нервно стиснул руки. Еще одна опасность перед коммуной. Два члена экспедиции в опасности, может даже погибли. И все из-за того, что он по глупости позволил разделить силы. Две ничтожных личности, конечно,— горец и испанец, но все же это люди. Их гибель может вызвать серьезные трудности. И пропали не только люди. Одна из трех телекамер. Радиопередатчик. Драгоценный пластик, из которого была сделана их лодка. Это невосполнимая потеря. Пришлось истратить много пластика для изготовления лазарета для больных. Это была тоже глупость. Вполне можно было сделать барак из бревен и жердей, которые можно было нарубить в лесу. В этом климате такого убежища было бы вполне достаточно. Почему он позволил использовать пластик вместо того, чтобы воспользоваться тем, что предлагает природа?

Можно ли теперь построить другую лодку? Пожалуй, пластика хватило бы на корпус. Но если сделать лодку, кого послать на ней? Вначале их было одиннадцать. Один умер, два пропали и четверо больны. Не будет ли это еще большей глупостью, если

он снова разделит силы, чтобы исправить то, к чему привела его первая глупость? И кто может поручиться за то, что с теми, кто отправится на лодке, не случится то же, что произошло с горцем и испанцем?..

— Мы идем, Хуа-цзе?

Он оторвался от своих размышлений.

— Что?

— Мы попытаемся помочь нашим товарищам?

Фенг стиснул руки.

— Как? — спросил он.

Глава 6

На планете, где нет ночей, дни бесконечны, подумал Дэйлхауз, углубясь на метр в глубину клонганской почвы и зная, что ему предстоит выкопать еще не меньше. Его мышцы говорили ему, что копает он уже часов восемь. Хотя хилая куча земли на краю ямы пыталась возражать такому заключению. Дэйлхауз подумал, что он летел сюда вовсе не для того, чтобы копать отхожее место — нужник. Но его нужно было выкопать, и из всех членов экспедиции он был самым подходящим для такой работы.

Они были на планете всего три дня — старые привычки отсчета времени умирали с трудом. И этого времени было вполне достаточно, чтобы улеглись первые восторги. Участники экспедиции уже познали и неприятную работу, и скуку. А в первые часы после их приземления, когда они натянули первый тент, на них обрушился шторм, сорвавший их палатку. Другим их развлечением стало всеобщее расстройство желудка, после которого строительство нужника стало жизненно необходимым. И что хуже всего оказалось, что на планете есть недружественные им существа. Капелюшников отчаянно ругался по-русски, докладывая, что уже третий запущенный их зонд исчез с орбиты. Все это означало, что противоречия Земли переносились и на Клонг.

Внезапно его лопата ушла в пустоту.

Дэнни потерял равновесие, рванулся и упал в яму, лицом прямо в открывающуюся пустоту. Оттуда исходил тяжелый влажный запах. Ему сразу пришли в голову замурованные подвалы с глухими камерами, и он услышал быстрые легкие шорохи.

Змеи? Он содрогнулся при этой мысли и, как дружина, выскочил из ямы. Это был самый настоящий земной страх, которому не было места на Клонге. Вряд ли это было нечто большее, чем гнездо крыс. Дэнни закричал:

— Моррисей!

Биолог находился в нескольких метрах от него. Он занимался посадками растений, завернутых в пластиковые конверты.

— В чем дело?

— Я выкопал проход в туннель. Хочешь взглянуть?

Моррисей взглянул на саженцы, на яму Дэйлхауза, сказал:

— Конечно, но сначала я закончу посадки. Не копай больше, подожди меня.

Это был приятный приказ и Дэнни принял его с благодарностью. Он уже привык подчиняться. Даже, когда ему поручили копать нужник, он был подручным для любого, более ценного члена экспедиции, которому нужны были рабочие руки. Харриет он помогал устанавливать радио, Моррисею — таскать его саженцы и удобрения, Кербо — отыскивать томаты в банках и кухонную утварь, исчезнувшую во время шторма. В общем — любому. Уже дважды ему приходилось опоражнивать химический туалет с корабля, которым они временно пользовались, в мелкие ямы, которые он же и выкапывал где-нибудь в окрестностях лагеря. Никто не желал ждать, пока он закончит свою работу по устройству нужника. Более того, все они даже мешали ему закончить ее, отвлекая на другие работы. Это было неприятно. Но все же он на Сыне Кунга! Он вдыхал в себя запахи Клонга, похожие и одновременно не похожие ни на что земное. Он видел ландшафты планеты, немного, пока, но он еще увидит все.

А пока он был именно тем, чем и должен был быть в компании специалистов. Он не был поваром, не был фермером, не был врачом, не был радиоспециалистом. Он не обладал ни одним из полезных навыков на этой стадии искусства, которыми обладали остальные. Сейчас в экспедиции он был вне дела, и так будет продолжаться до тех пор, пока они не вступят в контакт с разумными существами, и тогда он сможет применить свои знания, ради которых его и взяли в экспедицию. Ну, а пока он был на подхвате.

Русский пилот Капелюшников позвал его:

— Эй, Дэнни, я принес тебе попить. Возмести свой пот!

— С удовольствием.— Дэнни с удовлетворением заметил, что Каппи поднял вверх стакан, в котором было на сантиметр воды. Русский широко улыбался. Дэйлхауз жадно проглотил воду, вытер губы, затем влажный лоб. Капелюшников был прав насчет пота. В этом жарком влажном климате они все обливались потом. Капелюшников только что закончил работу по монтажу дистиллятора. Он пока что работал от паяльной лампы. Позже он будет перенесен на берег озера и будет приводиться в действие солнечной энергией. Но сейчас он был необходим здесь: экспедиция нуждалась в питьевой воде.

— Хорошо, да?— спросил Капелюшников.— Судя по всему, тебе стало лучше, значит ты выпил не яд. О'кей. Тогда пойдем, принесем попить Гаше.

Переводчица взяла на себя обязанности руководителя при установке лагеря, и никто не возражал. Половину своего времени она проводила на радиостанции, ища связь, другую половину времени выдавала задания и контролировала их выполнение. Может, она и правильно поступила, подумал Дэйлхауз. Она была самым упрямым человеком в экспедиции, и никто не хотел спорить с нею. К тому же она была очень малопривлекательна внешне. Однако она с благодарностью приняла воду.

— Благодарю за то, что смонтировали дистиллятор. И, конечно, за нужник, Дэнни. А теперь если вы оба...

— Я еще не закончил,— поправил ее Дэнни.— Джим сначала хочет осмотреть дыру. Есть что-нибудь новенькое по радио?

Харриет улыбнулась поджатыми губами.

— Мы получили радиограмму от Пипов.

— О том парне, который пропал?

— Нет. Взгляните.— Она подала им пленку с факсимиле и прочитала наизусть:

«Народная Республика протягивает руку дружбы второй экспедиции, прибывшей на Дитя Кунга. Благодаря мирному сотрудничеству мы достигнем блистательных результатов на пользу всему человечеству. Мы приглашаем вас на празднование 1500-летия трудов Конфуция, в честь которого названа наша звезда».

Дэйлхауз был поражен:

— Ведь это один из ваших праздников. Верно?

— Ты сегодня прекрасно информирован, Дэнни. Этот праздник в декабре. Это поистине ответ Конфуция Канукке.

Дэнни нахмурился, пытаясь вспомнить.

— Но ведь сейчас у нас октябрь!

— Молодец, Дэнни. Так как же ты истолкуешь их предложение?

— Не знаю. Что-нибудь вроде того, что просят не соваться к ним пару месяцев.

— Видимо, так. Впрочем, нельзя сказать, что они недружественно отнеслись к нам,— сказала Харриет, рассматривая пленку.— Обратите внимание, что они называют имя Конфуция с латинским произношением, а не Кунг Фу-цзе, как он произносится по-английски. Уже одно это говорит о почтительном к нам отношении. Но...— она нахмурилась, глядя на ленту. Глаза ее были слегка выпучены, как у кролика, так как она носила толстые контактные линзы.— Но с другой стороны она не преминула упомянуть, что мы вторая экспедиция.

— Что подчеркивает то, что они первые. Но какая разница? Пусть даже они и первые, но согласно международных соглашений, они не могут установить территориальные претензии ни на что, кроме области с радиусом пятьдесят километров вокруг их основной базы.

— Но они указывают на то, что они могут объявить часть планеты своею собственностью.

Каппи надоели эти разговоры.

— А от Ойли нет любовных писем?

— Пока ничего. Теперь, насчет нужника...

— Минутку, Харриет. А что с тем Паком, который попал в беду?

— Он все еще в опасности. Хочешь послушать последнюю ленту?— Она не ждала ответа, а включила плейер, зарядив в него кассету. Это был автоматический сигнал о помощи — каждые тридцать секунд кодированный СОС, затем пять секунд для пеленгирования. Между сигналами, когда микрофон был включен, были слышны окружающие звуки.

— Все шумы я обрезала. Вот голос человека.

Ни Дэйлхауз, ни Капелюшников не знали урду.

— Что он говорит? — спросил пилот.

— Просит помощи. Но он в плохом состоянии. Почти все время он молчит и стонет.

Из плейера исходили странные звуки, как будто передавали концерт оркестра народных инструментов аборигенов Австралии.

— Что это, черт побери? — спросил Дэйлхауз.

— Это, — сказала она, — тоже язык. Я поработала над ним и могу определить несколько ключевых моментов. У них какие-то неприятности, но я не уверена, что именно.

— Во всяком случае, им полегче, чем Паку, — хмыкнул Капелюшников. — Идем, пора работать.

— Да, этот мужик...

— Нет, не мужик! Есть более важные вещи, чем дерьмо, Гаша!

Она молчала, глядя на пилота. Капелюшников был почти также бесполезен сейчас, как и Дэйлхауз. Может даже больше. После того, как появятся первые контакты, понадобится и искусство Дэнни. Во всяком случае, они все надеялись, что вступят в контакт с разумной жизнью. А искусство пилота — это пилотирование. Управление космическим кораблем, автомобилем, может, даже лодкой. Но на Клонге не было ничего подобного.

Но у пилота было то, чего не хватало Дэйлхаузу, — инициатива.

— Дорогая Гаша, — сказал он. — Сейчас у нас есть вода. Из нее можно получить водород и сделать летательный аппарат на нем.

— Ты хочешь летать с помощью водорода?

— Ты поняла меня, Гаша, — просиял русский. Он показал наверх. — Как они.

Дэнни посмотрел наверх, затем бросился в палатку за биноклем.

Вот они, носимые ветром баллонисты, высоко, почти под солнцем. Они были довольно далеко, в двух километрах от них, и услышать их песни было невозможно, но в бинокль Дэнни видел их достаточно ясно. В пурпурном небе виднелись их шары, ярко-зеленые и желтые. Да, это было зрелище. Некоторые из них светились сами, как светлячки. Их люминесцирующие шары были диаметром до пяти метров.

— Черт побери, Каппи, — спросил он. — Ты полагаешь, что тоже можешь так летать?

— С легкостью, Дэнни. Нужно только сделать баллон и нагнать в него водород. Тогда можно летать.

— Ты молодец, Каппи, — торжественно заявил Дэйлхауз. — Говори, что делать, и я сделаю. О, что это?!

Стая шаров разнеслась в стороны, и в открытом пространстве появилась точка, посылающая импульсы света. Затем до них донесся шум мотора.

— Это не геликоптер! — воскликнул Дэнни в изумлении.

Пилотом геликоптера оказался низенький смуглый ирландец. И не просто ирландец, а репатриировавшийся в Англию уро-

женец Хьюстона, штат Техас. Они с Моррисеем выяснили это моментально.

— Помнишь Бисмарк?

— А ты был когда-нибудь в Ля Карафа? Я там жил.

Когда все собрались, пилот сказал:

— Рад встретиться с вами. Меня зовут Терри Бойн, и я принес вам официальное приветствие от нашей экспедиции, экспедиции Блока стран-экспортеров горючего. Вы выбрали прекрасное место для лагеря,— сказал он, оглядываясь вокруг.— Мы опустились прямо на полюсе тепла. Здесь прохладный ветерок, и вы не можете себе представить, как мы там поджариваемся.

— Так почему же вы сели там?— спросил Моррисей.

— О, мы делаем то, что нам приказывают хозяева. Разве у вас не так? Мне было приказано сегодня прилететь к вам и передать добрососедское приглашение.

Разумеется, в разговор вступила Харриет.

— От имени стран экспортеров продовольствия мы принимаем ваше приветствие и...

— Пожалуйста, не надо так официально, Гаша,— взмолился Капелюшников.— Но мы же единственная колония на Клонге, Терри Бойн.

— Что такое Клонг?

— Так мы называем планету.

— Хм. Клонг. Нам приказано называть ее Джем, сокращенное от Джеминорум. Бог знает, как называют планету Пипы.

— Вы собираетесь посетить их?

Бойн кашлянул.

— Вообще-то имеем намерения, хотя и не знаю, насколько они реалистичны. Вы прослушиваете их радиообмен?

— Конечно. И ваш тоже.

— Значит, вы слышали их сигналы бедствия. Бедняга попал в лапы этим тварям, которых наш переводчик называет кринпитами. Вернее, они себя так называют. Мы предложили помощь пипам, но они, если сказать мягко, послали нас подальше.

Моррисей посмотрел на Харриет. Их транслятор узнал больше, чем она. Биолог сказал:

— У нас с вами такие же отношения, Терри. Они сказали нам, что не желают видеть нас на их территории. Конечно, у них нет прав на такие заявления...

— Но вы не хотите начинать здесь междублочные конфликты,— закончил, кивнув, Терри.— Ну что же, с точки зрения гуманности...— Он кашлянул и с благодарностью выпил стакан воды, который преподнес ему Моррисей.— Ну что же, будем честными. Из любопытства — мы хотим посмотреть, что же здесь происходит, а также из соображений гуманности, мы решили помочь этому парню выбраться. Пипы очевидно не могут помочь ему. Мы понимаем, почему они не хотят, чтобы мы вмешивались в это дело: они не хотят, чтобы мы видели, насколько они слабы. Вам тоже трудно...— он деликатно кашлянул,— ясно, что нам на гели-

коптере легче добраться до парня, чем вам снарядить экспедицию. Мы охотно полетим на помощь. Но не одни. Я думаю, вы понимаете, что я имею в виду.

— Да,— фыркнула Харриет.— Вы хотите, чтобы кто-то разделил с вами вину.

— Мы хотим выполнить интерблочную миссию спасения,— поправил ее Бойн.— Я полечу прямо сейчас спасать парня. Но я хочу, чтобы кто-то из вас был со мной.

Восемь из десяти человек экспедиции сразу вызвались, но Капелюшников закричал:

— Пойду я! — заглушая всех.

Харриет осмотрела всех и сказала:

— Хорошо, иди, если хочешь. Хотя у нас мало народа, а работы много...

Дэнни Дэйлхауз не ждал, пока она закончит:

— Верно, Харриет! Поэтому должен лететь я. Я мало полезен здесь и ...

— Нет, Дэнни! Полечу я. Я ведь пилот...

— Прости, Каппи,— мягко сказал Дэнни.— Мистер Бойн тоже пилот, а кроме того, у тебя есть дело — воздушный шар. Сделай его к моему возвращению. Во-вторых, это мое дело — контакт с разумными существами, разве не так? И...— Он не ждал возвращения Каппи.— Кроме того, я знаю этого парня, который попал в опасность. Это Ахмед Дулла. Нас обоих задержали полицейские в Болгарии два месяца назад.

Пилот увеличил обороты двигателя и геликоптер плавно поднялся вверх. Дэнни развалился в кресле, восхищаясь щедрости, с которой Блок Экспорта Горючего растрачивал свои сокровища. Он даже не мог себе представить, сколько энергии потребовалось, чтобы переправить геликоптер весом в четыре тонны с Земли сюда.

— Ты не страдаешь воздушной болезнью? — крикнул Бойн. Дэнни покачал головой, пилот ухмыльнулся и направил геликоптер вперед с большой скоростью.

К разочарованию Дэнни, стая воздушных шаров рассеялась, но в воздухе были и другие существа, которые, однако, старались держаться подальше от геликоптера. Дэнни не мог рассмотреть их и подозревал, что существа действуют вполне сознательно, стараясь, чтобы их не было видно. Но внизу! Дэнни с наслаждением смотрел на диковинные ландшафты, проносящиеся под ним совсем близко. Ведь геликоптер летел на высоте всего пятидесяти метров. Густые заросли лесов с деревьями, напоминающими многие земные и достигающими высоты тридцати метров. Мелкие животные, которые бросались врассыпную при их приближении, ища убежища. Камни, вода, почва были окрашены немигающим зловещим багровым светом.

Дэйлхауз, конечно, изучил карту Клонга, но снимки, полученные с орбиты, не отражали и сотой доли того, что можно было увидеть живым глазом. Позади он увидел свой лагерь, располо-

жившийся на узком перешейке, отделяющем залив от океана или озера. Сам океан, или озеро, имел форму лимонной дольки и в свете Кунга имел почти такой же цвет. Дальше на берегу находился лагерь Пипов. А если смотреть в другую сторону, в сторону экватора, где было сухо и жарко, можно было надеяться увидеть лагерь Гризи — представителей Блока Горючего. Однако сейчас не было видно ни того, ни другого лагеря. Геликоптер летел над водой. Бойн показал, а Дэйлхауз кивнул. Он видел, как их цель постепенно вырисовывалась через багровый полумрак на дальнем берегу.

Дэйлхауз понял, что Бойн был честен не до конца. Он не сказал, что это не первый полет к кринпитам. По крайней мере дважды он летал сюда. Об этом говорили снимки. Бойн вытащил из ящика целую пачку в целлофановом пакете, быстро просмотрел их и протянул верхний Дэйлхаузу.

— Вот, на берегу! — прокричал он. Его палец показал на маленькую фигурку в нескольких метрах от воды. Рядом находился пластиковый челнок. А кроме того, вокруг него сгрудились неприятные на вид существа, напоминающие прямоугольных крабов. Кринпиты. Некоторые из них были совсем близко от человека.

— Он еще жив? — спросил Дэнни.

— Не знаю. Он здесь уже несколько дней. Видимо, с водой у него все в порядке, но он, вероятно, очень голоден. И болен.

С воздуха деревня кринпитов была похожа на скотный двор. Строения без крыш напоминали овечьи загоны. Кринпитов было довольно много, и двигались они на удивление быстро. И все они явно почувствовали приближение геликоптера. Некоторые подняли вверх безглазые головы, другие быстро поползли к берегу.

— Довольно противные на вид, — крикнул Бойн.

— Послушай, — сказал Дэнни. — А как мы заберем отсюда Дуллу? Они не кажутся мне безобидными.

— Да, — Бойн опустил стекло в иллюминаторе и заложил крутой вираж. Он покачал головой и спросил: — Это твой знакомый?

Фигура человека передвинулась, если сравнить с последней фотографией. Человек лежал лицом вниз. Невозможно было сказать, жив он или мертв.

Бойн задумчиво нахмурился, затем повернулся к Дэйлхаузу.

— Открой ящик у себя под ногами и дай мне пару этих штук.

«Штуками» оказались металлические цилиндры с проволочной петлей на конце. Бойн взял их полдесятка, вытянул петли и бросил их в скопление кринпитов. При ударе из цилиндров повалил густой желтый дым, образовавший плотное облако. Кринпиты, как ошпаренные, выскакивали из облака.

— Слезоточивый газ, — ухмыльнулся Бойн. — Им он очень не нравится. — Он смотрел вниз. Почти все, кто окружал распростертого человека, разбежались. Все, кроме одного...

Этот один видимо был в нерешительности, однако он не отходил от человека. Он явно мучился нерешительностью, дергаясь взад и вперед, как бы не зная, бежать ему, или остаться... и сражаться.

— Что же делать с этим сукиным сыном? — поинтересовался Бойн. Но в это время кринпит быстро заковылял прочь, и Бойн принял решение. Он опустился на землю между кринпитом и пакистанцем.

— Хватай его, Дэнни! — крикнул он.

Дэнни выскочил на землю. Он подхватил пакистанца с большим трудом, чем ожидал. Хотя он весил всего́ килограммов пятьдесят, но он был как будто без костей, совершенно резиновый. Дэнни втащил его в кабину геликоптера, и все это время Бойн отчаянно ругался. Взревели моторы, и аппарат стал подниматься, но тут они услышали скрежещущие звуки. Взрослый кринпит весом в две сотни килограммов взгромоздился на правую плоскость. Бойн выругался и налег на ручное управление. Вертолет накренился, как будто пытаясь опрокинуться, затем выпрямился и полетел дальше.

— Что будем делать, Бойн? — крикнул Дэнни, стараясь втащить ноги пакистанца в кабину, чтобы закрыть дверь. — Ты не можешь просто так сбросить его!

— Конечно, не могу, — Бойн с беспокойством посмотрел на когтистые ноги, пытающиеся процарапать пластик, чтобы добраться до него, затем повел машину домой. — Я всегда хотел иметь домашнее животное. Посмотрим, довезу ли я до дома это чудище!

К тому времени, как он вернулся в свой лагерь, Дэнни полностью выбился из сил. Его переполняли одновременно и удивление, и беспокойство. Он сделал краткое сообщение остальным членам экспедиции и погрузился в глубокий сон. «Ночь» была весьма условным понятием на Клонге. Когда он проснулся, небо было таким же, как всегда: облака и багровый диск Кунга.

Снова началась обычная работа. Капелюшников или кто-то другой, немного покопал за него, поэтому Дэнни пришлось копать чуть больше часа, да и то в основном он подравнивал стены. Дэнни с благодарностью подумал о своем помощнике.

После спасения пакистанца Бойн полетел на свою базу. Он даже не спросил, жив ли Дулла, так как все его внимание было поглощено мощной клешней, которая шевелилась почти рядом с его левым ухом. Он предупредил по радио членов экспедиции, и Гризи приготовили сеть. Они спеленали кринпита так быстро, что тот даже не успел понять, что же произошло. Затем они быстро поели, сделали Дулле укрепляющий укол, ввели в вену глюкозу. После этого они покинули раскаленную пустыню и полетели в лагерь пипов. Там они оставили больного, выслушали пренебрежительную благодарность китайца, и Бойн отвез Дэнни домой.

Все путешествие заняло пять часов. И все это время беспокойство владело им.

Это беспокойство было связано с кринпитом. Несомненно, это существо было разумным. Это доказывали его методические попытки пробраться в геликоптер, прекращение этих попыток, когда кринпит понял, что пластик слишком крепок для него. Крин-

пит почти не сопротивлялся, когда Гризи накинули на него сеть и позволил отволочь себя в стальную клетку. Только когда стальная дверь захлопнулась за ним, он методично освободил из сети свои конечности. Дэйлхауз провел все время, наблюдая за ним и стараясь понять смысл его звуков. Однако все эти звуки оставались для него только шумом, хотя он был уверен, что это язык.

Сам лагерь Гризи поразил его. Стальные балки! Геликоптер! Различное оборудование! Сколько же нужно было сжечь драгоценного горючего, чтобы доставить это все с Земли сюда? У них были даже кондиционеры! Впрочем, без кондиционеров тут было бы не выжить. Температура земли здесь доходила до сорока градусов. Но никто же не заставлял их устраивать лагерь в этом пекле!

И по контрасту с этим — лагерь пипов. Старый китаец сделал хорошую мину при плохой игре, хотя было ясно, что прибытие больного поставило пе́ред ним проблему, кто же будет ухаживать за ним. Он с гордостью дал понять визитерам, что в пути еще одна экспедиция, «почти такая же большая, как и наша». Но сколько у него людей сейчас?

Джим Моррисей прервал его размышления. Биолога не было в лагере в момент возвращения Дэнни, поэтому он попросил все рассказать для него. Дэйлхауз повиновался, а затем спросил:

— Ты нашел что-либо в яме?

— А? Нет,— вероятно, это было далеко в прошлом для Моррисея.— Нет, я попытался прощупать туннель, но все время попадал в тупики. Кто бы они ни были, они чрезвычайно умны. Как только ты попал в их туннель, они сразу же заделали наглухо все проходы.

— Значит, у тебя нет животных, которых ты переправишь на Землю?

— Нет животных? Никогда не говори так, Дэнни. У меня целый зоопарк. Крабокрысы, жуки, флайеры и много других. Бог знает, что они все такое. Я думаю, что крабокрысы родственники кринпитов, но это можно сказать с уверенностью только после палеонтологических исследований, а я даже еще не начал делать таксономию. А растения? Да, ты можешь называть их растениями, но я не понимаю, где там происходят процессы фотосинтеза.

Биолог разразился длинной речью по поводу этих странных растений и непонятных их свойств. Дэнни ничего не понял из этой речи за исключением того, что в пищу их вряд ли можно использовать людям с Земли. Наконец он не выдержал и сказал:

— Пожалуй, с меня хватит,— и похлопал биолога по плечу.

После этого он занялся туалетом: вытащил из корабля химический туалет, закрепил его на яме и доложил Харриет.

— Все в порядке. Первоклассный американский нужник готов к работе.

Она прошла к нужнику, чтобы осмотреть его, поджала тонкие губы:

— Дэйлхауз, ты думаешь, мы животные? Неужели нельзя натянуть тент? Ведь здесь часто идут дожди. Посмотри на небо.

Видишь, сколько облаков? Черт побери, Дэнни, почему я должен контролировать все, даже это?

Он натянул тент. Но буря, которая обрушилась на лагерь, была слишком сильной. Молнии рассекали все небо от горизонта до горизонта. Кунга совершенно не было видно на небе. Даже в том месте, где он должен был находиться, не было и намека на светлое пятно. Единственным источником света были молнии. Сначала отказала энергетическая станция. Затем вихрем сорвало тент палатки. Во время окончания бури все вымокли до нитки, промерзли и, выбравшись из-под обломков, снова начали собирать разбросанные вещи, восстанавливать палатку. Дэнни на земле никогда не видел подобных бурь, и теперь он с тревогой думал о грядущей жизни на этой коварной планете. И когда он понял, что не спал уже двадцать часов подряд, он упал в постель и уснул. Снилось ему теплое тихое утро в Болгарии и красивая блондинка, лежащая рядом с ним.

Когда он проснулся, над ним стоял Моррисей.

— Вставай, я ложусь следующий.

Это была даже не кровать, а просто спальный мешок на надувном матраце. Но все же тут было сухо и тепло. Дэйлхауз неохотно уступил место биологу.

— Значит, лагерь цел?

— Более или менее. Но не подходи близко к Харриет. У нее исчез радиоприемник, и она мечет гром и молнии.— Он залез в мешок, вытянул ноги и сказал:— Каппи хочет тебе что-то показать.

Дэнни не рвался повидать пилота. Он думал, что его наверняка ждет какая-нибудь тяжелая работа. Каппи подождет, пока он, Дэнни, поест. Хотя, думал он, с трудом пережевывая дневную дозу витаминов и минералов,— пища очень напоминала собачий бисквит — такая еда немногим легче, чем копанье нужника.

Но Капелюшников имел в виду совсем не это.

— Больше ни тебе, ни мне,— сказал он, ухмыляясь,— не придется копать землю. Меня только что удостоили звания главного метеоролога. Я должен запускать воздушные шары для контроля ветров, и ты будешь мне помогать.

— Харриет была потрясена бурей?— предположил Дэйлхауз.

— Гаша? Да. И она хочет, чтобы мы предсказывали погоду. Но я хочу совершить путешествие по планете. Увидишь!

Дистиллятор Капелюшникова уже был приспособлен для работы от солнечной энергии. Вода из озера проходила между двумя алюминиевыми пластинами, и пар задерживался пластиковым щитом. Капли конденсировавшейся воды капали в бак, и часть воды посредством электролиза разделялась на кислород и водород. Из водородного накопителя маленький компрессор накачивал водород в металлический цилиндр.

Капелюшников проверил клапан и удовлетворенно кивнул:

— Баллон полон. А теперь иди и попроси теодолит у нашего

шефа — Гаши. Постарайся, чтобы она не отказала тебе. Тогда я покажу тебе нечто необыкновенное.

К счастью для Дэйлхауза Харриет отсутствовала, когда он явился за теодолитом. Поэтому он без особых угрызений совести самовольно забрал прибор и вернулся к Капелюшникову, который уже заполнил пластиковый баллон водородом и уравновешивал его на серебряном основании.

— Ну вот, все хорошо,— сказал он.— У тебя есть ручка?

— Ручка? У меня шариковая ручка.

— Не смейся над нашими старомодными советскими ручками,— сказал Капелюшников.— Когда я отпущу баллон, ты будешь следить за ним и каждые двадцать секунд записывать показания прибора, которые я буду тебе сообщать.

Маленький баллон плавно взмыл вверх, и тут же его подхватил легкий ветерок. Хотя после такой бури Дэйлхауз вовсе не ощущал движения воздуха, хотя баллон двигался так, как будто повиновался воздушным течениям. Капелюшников периодически сообщал Дэнни параметры полета, и тот записывал их. Но после девятого отсчета русский выругался и выпрямился.

— Проклятый свет. Я ничего не вижу. В следующий раз к баллону нужно привязать свечку.

— Прекрасная идея. Но ты не сможешь объяснить мне, чем мы занимаемся?

— Измеряем силу и направления ветров. Ты видишь, ветры на разной высоте различны по силе и направлению. Шары летят по ветру, мы следим за шарами. А сейчас мы замеры будем делать реже. Вскоре ты узнаешь о Клонгане больше, чем ты думаешь.

Дэйлхауз задумчиво наблюдал, как в багровом полумраке исчезали шары.

— Как же мы узнаем, куда летят шары?

— О, Дэнни. Как невежественны вы, американцы! Простая тригонометрия. Я в течение двадцати секунд измерил полет шаров. Верно? Значит, у меня есть один угол треугольника. Второй должен быть прямым. Ты понимаешь, почему? Так что теперь я знаю значения всех углов прямоугольного треугольника. Но я не знаю его сторон.

— И ты их не можешь знать. Ты же не измерил высоту!

— Но я тщательно взвесил шар перед полетом. Расчеты очень просты. Дай бумажку с замерами.— Он просмотрел цифры.— Ужасный почерк. Хотя, разобрать можно. Пойду заложу цифры в компьютер.

— Если все так просто, зачем тебе компьютер?

— Да, я легко сделал бы все расчеты, но компьютеру тоже нужна практика. Подожди немного, Дэнни.

Пока русский колдовал над клавиатурой компьютера, в палатку заглянула Харриет.

— Что вы тут делаете?— резко спросила она.

— Важные научные исследования,— легкомысленно ответил Капелюшников, не поднимая головы. К удивлению Дэнни Хар-

риет не отреагировала. Она выглядела потерянной, подавленной, совершенно непохожая на себя. Куда девался ее самоуверенный вид, вид начальника, привыкшего повелевать? Она вошла в палатку и тихо села в стороне, просматривая свои бумаги.

— Вот! — воскликнул пилот и нажал кнопку на клавиатуре. Экран вспыхнул разноцветными полосами, на фоне которых были видны стрелы.— Цвета спектра,— объяснил Капелюшников.— Красный цвет — низшая скорость, цвет свежей травы — самая высокая. Видите? На высоте пятидесяти метров направление ветра сорок пять градусов, скорость восемь километров в час. На высоте сто метров ветер поворачивает на девяносто пять градусов и скорость его пятнадцать километров в час. И так далее. Триумф советской технологии.

Дэйлхауз осторожно заметил:

— Все это прекрасно, но зачем нам?

— Метеорология,— ухмыльнулся Капелюшников, кивком головы показывая на Харриет.

Женщина подняла голову и вспыхнула.

— Прекрати это, Виссарион. У меня не то настроение, чтобы шутить. Расскажи Дэйлхаузу, что ты действительно хочешь.

Русский удивился, задумался, затем пожал плечами:

— Ол райт. Бедный американец Дэнни, ты беспомощен без своих машин, без техники. Но не я. Я пилот! Я вовсе не желаю барахтаться здесь, как земляной червь, или ты в своем нужнике, Дэнни. Я хочу летать. Мне не дают горючего. Мне не дают материалов для постройки парусного глиссера. Гаша твердо говорит — нет, что же мне делать? Я смотрю вверх и вижу, как в небе летают эти существа на шарах. И я тоже хочу лететь на шаре! — Он ударил кулаком по панели компьютера.— У меня теперь есть газ! Я получил информацию о воздушных потоках. У меня есть советское упорство и способность из ничего создавать вещи. Кроме того, здесь сила тяжести небольшая и повышенное атмосферное давление. Так что теперь я сделаю маленький шар, который сможет поднять меня, и буду снова летать!

Волна энтузиазма захлестнула Дэйлхауза:

— Это великолепно! А получится?

— Конечно.

— Значит, мы сможем приблизиться к этим существам на шарах. Харриет, ты слышишь? Может, удастся вступить с ними в контакт!

— Прекрасно,— сказала она, и Дэйлхауз более внимательно посмотрел на нее. Да, выглядела она угрюмой.

— Что случилось? — спросил он.

— Я обнаружила радио.

— Аппарат, который пропал во время бури?

Она засмеялась странным каркающим смехом:

— Кхе, кхе, кхе. Надо быть идиотом, чтобы поверить, что аппарат унесло ветром. Он весит не менее двадцати кило. Мне пришло в голову, что он работает и ведет передачи. Так оно и ока-

залось. Я попыталась засечь его, и мне это удалось. Передатчик оказался...— она смотрела на них,— он оказался прямо под нами, под землей...

Минута была и оставалась минутой. Дэнни был уверен в этом, потому что в нем зародилось сомнение. Пульс его насчитывал сорок два удара в минуту по часам. За минуту он делал три вдоха. Так что маленький промежуток времени не изменился. Но тысяча четыреста сорок минут, кажется, перестали представлять день. Иногда ему казалось, что прошел целый день, а может, и больше, но по часам оказывалось, что прошло всего шесть или семь часов. Иногда он вдруг чувствовал, что страшно устал, и часы ему говорили, что прошло уже больше суток с тех пор, как он спал последний раз. Харриет пыталась подчинить их определенному распорядку не потому, что в этом была необходимость, а из-за ее любви к порядку. Но это ей не удалось. Они ели тогда, когда им хотелось есть, спали, когда хотелось спать, и вели отсчет времени не по часам, а по событиям. Первый визит воздушных существ произошел сразу после большой бури и незадолго до того, как Пипы получили подкрепление с Земли. Капелюшников запеленговал пропавший передатчик и обнаружил, что он находится в двадцати метрах под землей тогда, когда они отправили первое сообщение и первые образцы на Землю. И когда воздушные существа нанесли визит...

Да, это было чрезвычайное событие, изменившее очень многое для них.

Дэйлхауз проснулся с мыслями о воздушных жителях. Он помог Моррисею проверить ловушки, приготовил себе еду, установил клапан на водяной душ. Но он все время думал о шарах Капелюшникова. Дэнни отговорил его от использования одного большого шара, наполненного водородом. Он был слишком велик, труден в изготовлении, да и опасен в использовании: ведь одной случайной дыры хватило бы, чтобы пилот рухнул вниз. Поэтому они сейчас наполняли водородом сотню небольших шаров. Капелюшников связывал их вместе. Теперь, даже если лопнет сразу несколько шаров, можно было надеяться, что пассажир спустится на поверхность планеты относительно медленно, а не разобьется в лепешку.

Капелюшников не доверял Дэнни финальную часть работы:

— Нет, дорогой, полечу я, и я хочу сам убедиться, что все сделано правильно.

— Но ты будешь долго копаться. Позволь, я помогу.

— Нет,— ухмыльнулся пилот.— Я знаю, тебе тоже не терпится подняться в небо. Но первым и единственным буду я.

Дэйлхауз в бешенстве побрел прочь. Он уже торчит на этом Клонге больше двух недель, и за все это время он, автор труда «Предварительные Исследования Первого Контакта с Разумными Существами», все еще не вступал в контакт с ними, хотя и видел их. Они ковырялись где-то под землей. Он сидел с кринпитом

в геликоптере, и воздушные существа часто висели в небе, хотя никогда не приближались. Тут есть целых три разумных расы, которые нужно изучить! А самое продуктивное, что он, Дэнни, сделал на этой планете — это выкопал яму для нужника.

Он прошел к палатке Харриет, надеясь, что произошло чудо, и она смогла проникнуть в тайны языка жителей планеты. Харриет не было, но ленты были на месте. Он крутил и крутил ленты, напряженно пытаясь уловить смысл в странных звуках, пока в палатку не ввалился потный и радостный Капелюшников.

— Все в порядке. Великолепный подъем. Теперь нужно подождать, проверить, нет ли утечки газа. А ты наслаждаешься концертом своих воздушных друзей?

— Это не концерт. Это язык. Это совсем не случайные птичьи крики. Можно услышать и аккорды, и гармонии. Ты понимаешь что-либо в музыке?

— Я? О, Дэнни, я пилот, а не длинноволосый скрипач.

— Все равно. Во всяком случае, это скорее хроматические звуки, а не диатонические. Они близки к тому, что можно услышать у Скрябина.

— Прекраснейший композитор,— просиял русский.— Но скажи, зачем ты слушаешь записи, когда можно слушать реальные голоса?

Дэнни удивленно поднял голову. Действительно, он услышал голоса воздушных существ прямо на улице.

— И к тому же,— продолжал Капелюшников,— ты отбиваешь хлеб у Гаши. Она переводчик, а не ты, и у нее трудный характер. Так что выходи на улицу и слушай своих зеленых и розовых друзей.

Воздушных существ было так много, что они закрывали часть неба и мешали друг другу. Весь лагерь смотрел на них. Красный свет Кунга освещал их, но многие из них светились сами, излучая розовое или зеленое сияние. Их песни были громкими и чистыми. Харриет уже была здесь. Она установила свои микрофоны везде, чтобы не упустить ничего, но на лице ее было выражение недовольства. Однако это не говорило ни о чем, так как такое выражение было для нее обычным.

— Почему они подлетели так близко?— удивился Дэйлхауз.

— Я не хочу отбирать у тебя кусок хлеба, дорогой Дэнни. Ты специалист. Но может быть, их привлекает свет маяка, который мы установили для пилота геликоптера?

Капелюшников показал на вершину башни, где горел прожектор.

— Хм-м,— Дэнни задумался.— Проверим. Будь добр, принеси переносной фонарь. Тогда мы сможем рассмотреть их получше, а может, они подлетят еще ближе.

— Хорошо,— Капелюшников исчез в палатке и вскоре появился, держа в одной руке фонарь, в другой батареи. Он отчаянно ругался на всех языках, стараясь распутать провода. Наконец, он справился с ними, и яркий луч ударил в небо. Он чрезвычайно воз-

будил шаристов. Крики, свист, щелканье многократно усилились. Шаристы стремились к лучу фонаря.

— Как же они управляют полетом? — спросила Харриет.— У них нет никаких органов управления, даже крыльев.

— Так же, как я, дорогая Гаша,— улыбнулся русский.— Они перемещаются вверх и вниз в поисках подходящего по направлению воздушного течения. Держи фонарь, Дэнни. Я должен наблюдать за действиями специалистов, учиться.

Шаристы были совсем близко. Яркий свет фонаря позволял рассмотреть их окраску, которая отличалась большим разнообразием. Цветные полосы, разводы, сложный рисунок — совсем как камуфляжная окраска военных объектов в эпоху мировых войн.

— Изумительно,— проговорил Дэнни.— Но зачем им столько цветов, если они не могут видеть их?

— Это ты так считаешь,— сказал Капелюшников.— Но ты же не знаешь природу их зрения. Может, для них этот свет такой же, как для тебя свет солнца. О! Прекрасный выстрел, Моррисей!

Дэйлхауз от неожиданности подпрыгнул на метр, когда сзади него раздался выстрел единственного в лагере пистолета. Один из шаристов по крутой спирали полетел вниз.

— Я поймаю! — крикнул Капелюшников и бросился, чтобы не допустить удара о землю при падении шариста.

— Зачем ты сделал это, черт побери? — крикнул Дэнни.

Биолог удивленно повернулся к нему:

— Мне нужны образцы фауны.

Харриет зло рассмеялась.

— Стыдись, Моррисей. Ты даже не спросил разрешения Дэнни на отстрел его друзей.

— Не смейся, Харриет. У меня трудная работа. Как я мог бы раздобыть образец воздушного существа, если бы не выстрелил?

— О, конечно, Дэйлхауз, тебе не кажется, что они заметались в ужасе? — она показала на разметавшуюся в небе стаю.

Вернулся Капелюшников, неся на плече пластиковый мешок.

— Чуть не подрался с одним из ваших друзей кринпитов. Огромный, безобразный. Не знаю, кто победил бы из нас, если бы он захотел оспаривать добычу.

— Но в окрестностях нет кринпитов,— сказала Харриет.

— Сейчас есть, Гаша. Но не думай об этом. Лучше посмотри, какого красавца я принес.

Шарист был жив. Более того, он даже не был ранен. По крайней мере, крови не было видно. Пуля попала и продырявила только газовый пузырь. Маленькое личико все время гримасничало, как будто его мучил нервный тик. Его большие глаза смотрели на них. Он издавал еле слышные вздохи.

— Ужасно,— сказала Харриет, отступая.— Почему он не кричит?

— Если бы я знал ответ,— сказал Моррисей,— мне не нужно было бы собирать коллекцию образцов местной фауны.— Он опустился на колени, чтобы лучше рассмотреть пленника.— Могу

предположить, что моя пуля вышибла из него дух. Видимо, он пользуется водородом для движения голосовых связок.— Он покачал головой и посмотрел вверх.

— Может быть нужно подстрелить еще несколько?

— Нет!

— Боже, Дэйлхауз! Харриет права относительно тебя. Ну, хорошо. Посмотрим хотя бы повнимательнее. Дай мне фонарь.— Капелюшников протянул ему и фонарь и батареи. Моррисей долго ковырялся, пока смог зажечь фонарь.

— Направляй свет на них, Моррисей!

Биолог направил луч на край стаи. Все большее и большее число устремлялись к лучу, и вскоре все они сбились в плотный клубок.

Когда погас огонь, стая стала действовать, как единый организм. Они образовали эллипсовидный клубок вокруг луча. Песни их достигли крещендо, и они непрерывно меняли конфигурацию клубка. Те, что были поменьше и менее яркие, оказывались внизу, а самые большие и яркие переместились наверх. Дэйлхауз смотрел на это в изумлении и даже не заметил, что лицо его стало влажным. Он пришел в себя, только услышав удивленный крик Капелюшникова:

— Дождь!

Но это был не дождь. Жидкость была сладкой и немного липкой на губах. Она пробуждала что-то дикое, первобытное.

— Только не глотать!— закричал Моррисей в панике, но многие из них уже облизали губы. Теперь уже ничего не поделаешь, подумал Дэнни. Если жидкость ядовита, все они погибли и так.

— Идиоты! — закричала Харриет, вскакивая на ноги. Она никогда не была привлекательной, но сейчас совсем напоминала ведьму: узкое лицо искажено гримасой, неровные зубы оскалены.

— Нужно смыть это! Тащите воду, Дэнни и Капелюшников!

— Да, Гаша,— томно сказал пилот.

— Быстрее! — крикнула она.

— О, конечно,— он прошел несколько шагов, затем остановился и кокетливо посмотрел через плечо.— Алюша, дорогая. Ты не поможешь мне принести воды?

Навигатор хихикнула. Она что-то ответила по-русски. Эти слова заставили покраснеть Харриет и ухмыльнуться Капелюшникова.

— Разве вы не понимаете, идиоты, что это опасно? — кричала Харриет, стиснув руку Дэйлхауза.— Дэнни, ты всегда был мне более приятен, чем остальные. Принеси мне воды.

Он повернулся к ней и прошептал:

— О, да, дорогая, мы пойдем за водой вместе.

— Дэнни! — выдохнула она. Она уже больше не сердилась. Теперь она улыбалась, позволяя увлечь себя к озеру.

Он снова пробежал языком по губам. Что бы это ни было, чем больше он пробовал, тем больше хотелось лизать эту жидкость — не сладкую, не терпкую, не похожую ни на какой фруктовый или

цветочный сок. Это было нечто, чего он не пробовал никогда. Он увидел, как Харриет тоже скользнула языком по губам, и у него возникло странное желание вкусить эту жидкость с ее губ. Яростное желание вспыхнуло в нем, и он грубо обхватил Харриет за талию и притянул к себе.

Они страстно целовали друг друга, а их руки, помимо их разума, ожесточенно срывали одежду.

Им даже не пришло в голову спрятаться. И они не думали о том, что вокруг них все члены экспедиции, как охваченные внезапным безумием, совокуплялись друг с другом. А над ними с пением кружили жители и сыпали на них туман сладостной жидкости.

Глава 7

Ана Димитрова сидела за столом возле окна в греческой чайной в Глазго и писала свое ежедневное письмо Ахмеду. Она совсем не посылала их. Это было бы слишком экстравагантно. Но каждую неделю в воскресенье она раскладывала их на столе и копировала лучшие места, чтобы занести их на микрофон. Сейчас она сидела в лучах северного солнца, положив левый локоть на стол рядом с чашкой крепкого остывающего чая, положив голову на руку и забыв об уличном шуме, о пролетающих мимо по дороге желто-зеленых автомобилях, и писала:

«Кажется, прошла вечность с тех пор, как я поцеловала твои ресницы и попрощалась с тобой. Мне так же не хватает тебя, милый Ахмед! Здесь ужасно. Ужасно и чуждо. Здесь пахнет нефтью, выхлопными газами. Жуткие запахи. Пусть. Еще пять-десять лет, и в их Северном море нефть кончится, и тогда мы посмотрим.

У меня жуткие головные боли. Я думаю, это от их языка. Очень мучительно говорить на их языке. Но все будет хорошо, дорогой Ахмед. Головные боли пройдут. Боли в сердце гораздо мучительнее и они пройдут не скоро...»

— Еще чаю, мисс?

Английские слова резанули ухо Нан. Она моргнула и подняла голову:

— Благодарю, нет.

— Скоро мы подадим ленч, мисс. Сегодня очень вкусный сульваки.

— Нет, нет. Спасибо. Я должна возвращаться в отель.

Она подумала, что слишком много времени засиделась над письмом и теперь ей нужно торопиться. Снова вернулась головная боль. Да, эти резкие, грубые, чуждые звуки болью отдавались в ее голове. Но, разумеется, дело было вовсе не в языке, как таковом. Скорее всего, дело в том, что она стала дипломатическим переводчиком. Научные доклады было легко переводить. Ведь многие слова звучали одинаково на всех языках. В дипломатии риск был гораздо больше. Здесь большое значение приобретали нюансы. Ведь безразлично, каким тоном вы будете говорить о поляриметрии в рентгеновском спектре. Но в речи об установке радиостан-

ции в Средней Атлантике любая неточность в выражении могла привести к войне.

Нан оплатила чек и осторожно пошла по Галлоугэйт, сторонясь громадных автобусов, проносящихся по улице. Выхлопные газы вызывали кашель. У нее першило в горле.

Она проходила мимо магазинов, таких оживленных, ярких и веселых, но не смотрела ни на одну витрину. Нынешняя мода дойдет до Софии только через пару лет. Но ей это было все равно. Приятно купить новое платье и надеть его для Ахмеда. Но сейчас, когда он был за миллионы километров от нее, Нан одевалась как можно проще, чтобы не привлекать к себе внимания. Все вечера она проводила одна, слушая музыку и изучая грамматику. Главным ее развлечением было перепечатывание редких писем Ахмеда. Хотя они не были очень веселыми. Из них следовало, что Сын Кунга оказался довольно угрюмой и жестокой планетой. Она повернула, чтобы дойти до отеля по набережной и избежать уличного шума. Но это было бесполезно. Автомобили проносились и тут. Даже поверхность воды Клайда была покрыта нефтяными разводами. Как можно жить здесь? И всего этого можно было избежать. Только немного подумать. Разумно спланировать. Зачем монтировать очистители нефти в центре города? Зачем загрязнять реку, которая могла бы стать чистым и свежим оазисом в этом мире нефти и бензина? Зачем выкачивать нефть со дна океана, если она могла бы стать поставщиком энергии, пищи, сырья для следующих поколений? И зачем вообще использовать нефть, вонючие автомобили, если можно использовать чистые источники энергии, например, водород, который с удовольствием продавала бы соседняя Исландия?

Но Сын Кунга...

На Сыне Кунга все было бы по-другому. Как ей хотелось бы оказаться там! С Ахмедом. Но не только для того, чтобы быть с ним, сказала она себе, но для того, чтобы стать частью нового мира, где можно было бы построить жизнь. Там можно было бы избежать земных ошибок. Где дети могли бы с уверенностью смотреть в будущее.

Конечно, дети ее и Ахмеда. Нан улыбнулась про себя. Она была честной перед собой и прекрасно понимала, что Сын Кунга казался ей привлекательным только потому, что там был Ахмед. Если бы она была не здесь! Она читала между строк его писем тревожные ноты. Многие члены экспедиции заболели. Некоторые умерли в первые же дни. И его письма были написаны и исправлены именно в первые дни. Может, и он тоже... Нет. Она все же не могла отогнать эту мысль. Нет, нет, не нужно думать об этом. Есть и другие тревожные темы. Например, на том снимке, который он прислал, он был ужасно похудевшим. На снимке Ахмед был один, но Нан заметила, что на его плече лежала чья-то рука. И она дала бы голову на отсечение, что это была рука женщины.

— Мисс Димитрова! Нан!

И тут же поняла, что ноги принесли ее в отель и что ее приветствует мужчина, которого она почти узнала. Смуглый, низенький,

пухлый, среднего возраста. На его губах была улыбка дипломата, и даже в полумраке отеля она заметила, что на нем костюм из настоящей мягкой шерсти.

Он тут же представился:

— Я Там Гулсмит. Помните? Мы встретились на приеме в прошлом месяце.— Он щелкнул пальцами.— Ваши вещи собраны. У вас есть время, чтобы немного выпить?

Теперь она вспомнила его. Он был очень настойчив в своих ухаживаниях за нею. Он даже поджидал ее в коридоре и тут же пустился в длинные разговоры. Иногда очень откровенные. Нан объяснила ему, что все это ни к чему не приведет. Нан не стала объяснять причины. Ведь дело тут вовсе не в том, что она любит другого. Дело в социалистической морали. В. И. Ленин говорил об этом. Свободная любовь, конечно, хорошо, но кто захочет пить из сосуда, которого касались тысячи губ до тебя? И тут же она вспомнила, что в Москве к каждому питьевому крану цепью прикован стакан, из которого наверняка пили тысячи человек. Пусть люди Блока Горючего делают, что хотят: индивидуальный разврат, групповые оргии, что угодно. Она здесь не для того, чтобы судить о их поведении, но девушке из социалистической страны не к лицу даже курить на улице. Эти принципы были выучены ею с детства и теперь, когда она стала взрослой, она не собирается отказываться от них.

— Сэр Там,— начала она, вспомнив, что каждый англичанин любит, чтобы к его имени добавляли эту бессмысленную приставку,— я рада снова видеть вас, но сейчас я должна лететь в Нью-Йорк на дебаты в ООН, и у меня совершенно нет времени...

— О, у вас полно времени, дорогая. Именно для этого я здесь. Бой!

Тут же к ним подкатил бой на своей тележке. Это тоже было совершенно ни к чему. Для переноски ее единственного маленького чемодана на молнии вовсе не требовалась эта громоздкая, пахнущая бензином колымага. Она и сама с легкостью донесла бы его.

Сэр Там ухмыльнулся:

— Мы, англичане, очень консервативны, даже в приверженности к этим старым развалинам. Даже от лошади мы отказались через много лет после того, как от них отказались во всех остальных странах. К счастью для нас, мы можем позволить себе такой консерватизм. А теперь, может выпьем немного?

— Нет, сэр Там. За мной вот-вот должен прийти автомобиль, чтобы отвезти в аэропорт.

— Он уже здесь, дорогая. Я сам привел его. Правительство доверило мне Конкорд!!! И я сам вожу его. Когда я услышал, что здесь находится друг Год Меннингер, я сразу освободился от дел, чтобы приехать сюда. Вам понравится автомобиль. Он очень просторный, и мы доедем до Нью-Йорка за девяносто минут.

Ужасно, ужасно. Конечно, англичане могут многое позволить себе. Океан нефти под Северным морем и щупальца их станций

уже добрались до средне-атлантического хребта. Но это же ужасно аморально.

Однако возможности отказаться у нее не было. Сэр Там разбил все ее возражения, и прежде чем она поняла, что случилось, она уже садилась, о боже, в сверхзвуковой самолет. Когда они пристегнулись, и мягкие кресла приняли их, перед ними сразу возник столик с бутылкой и стаканами. Самолет взмыл вверх. Ускорение было пугающим. Земля уходила от них с небывалой скоростью. Странно, но она совершенно не слышала шума двигателей, как на обычных самолетах.

— Как тихо,— сказала она, отодвигаясь от нахальной руки сэра Тама.

Он хмыкнул:

— Пять тысяч километров в час для вас. Весь звук остается сзади. Вам нравится?

— О, да,— согласилась она стараясь помешать ему налить в свой стакан вино. Но это ей не удалось.

— По вашему тону можно судить, что вы сказали «о, нет».

— Может быть, сэр Там. Ведь самолет сжигает уйму нефти.

— Он ее совсем не сжигает. Горючее здесь — кислород и водород. Никакого загрязнения.

— Но чтобы получить водород, нужно сжигать нефть.— Она подумала, сможет ли поддерживать разговор о химии весь полет через Атлантику, и решила, что нет. Поэтому она выбрала другую тему.

— Но лететь страшно. Через эти окошечки ничего не видно.

— А что там видеть? Вы хотите смотреть на облака?

— Я летела над океаном много раз, сэр Там. И там есть, что посмотреть. Айсберги. Сам океан. А здесь, на высоте двадцать тысяч метров, смотреть не на что.

— Не могу согласиться с вами,— сказал сэр Там, недвусмысленно придвигаясь к ней.— Будь моя воля, я бы вовсе не делал окон в самолетах.

Нан смочила губы виски и сказала:

— Но это так необычно. Может, вы покажете мне самолет?

— Показать самолет?

— Да, пожалуйста. Это так ново для меня.

— Что тут смотреть, дорогая?— Затем он пожал плечами.— Впрочем, как хотите.

Она поднялась с благодарностью. Наконец-то он будет вынужден убрать руку с ее колена. Головная боль уменьшилась. Возможно потому, что она дышала теперь свежим воздухом, а не смогом Глазго, но она была очень обеспокоена. Он дал ей ясно понять, что они были единственными пассажирами на самолете. Это подействовало на нее обескураживающе. Правда, она надеялась на помощь стюардесс, но они все трое ушли в свое служебное помещение. Так что этот небольшой салон стал несколько более интимным, чем ей хотелось бы.

Но когда они вошли в другое помещение, ей совсем стало не

по себе. Она надеялась, что это будет служебное помещение, а оказалось, что это спальня. Здесь даже была — разве можно поверить в это? — кровать. И, разумеется, не для чего иного, как для самых аморальных действий.

— Вот это помещение,— сказал у нее за плечами сэр Там,— вам следует осмотреть. Вперед, Нан, пусть эмоции ведут тебя.

— Нет, нет! — вскрикнула она, пытаясь освободиться от его похотливой руки.— Сэр Там,— сказала она серьезным тоном,— должна сообщить вам, что я помолвлена. И мне неприлично находиться в подобной ситуации.

— О, как старомодно!

— Сэр Там,— она уже почти кричала. Она была зла не только на него, но и на себя. Если бы она подумала хоть немного, она могла бы понять, к чему все это приведет, и смогла бы избежать этого. И теперь она в ловушке: перед ней постель, а позади нее этот грязный тип. Его губы уже прижались к ее уху и что-то шепчут. Снова у нее голова взорвалась болью. В отчаянии она ухватилась за соломинку.

— Мы... мы говорили о Годфри Меннингере?

— Что?

— Годфрид Меннингер. Отец моей хорошей подруги, капитана Мэдж Меннингер. Вы говорили о нем в отеле.

Он некоторое время молчал, не выпуская ее, но и не пытаясь притянуть к себе ближе.

— Вы хорошо знаете Года Меннингера?

— Только через его дочь. Я когда-то спасла ее из тюрьмы.

Его объятия ослабели. Через момент он легонько шлепнул ее и отступил назад.

— Идем, выпьем,— сказал он и позвонил, вызывая стюардессу. Улыбку сатира на его лице сменила улыбка дипломата.

Разговор снова стал нейтральным. Они вернулись на места, и Нан даже заказала стюардессе стакан крепкого чаю вместо виски, на котором настаивал сэр Там. Он, казалось, чрезвычайно заинтересовался маленьким эпизодом в Софии и потребовал, чтобы она подробно рассказала все. Снимали ли у них отпечатки пальцев? Занесли ли данные о них в книги? Вызывали ли Ану в милицию впоследствии и не допрашивали ли ее?

Его интересовали самые тривиальные вещи, но Ана была рада рассказывать ему без конца, пока длится полет через Атлантику, лишь бы он держал при себе свои похотливые руки. Когда он выкачал у нее все, он откинулся на спинку кресла, смакуя виски и глядя в задумчивости на черно-голубое безоблачное небо.

— Очень интересно,— наконец сказал он.— Бедняжка. Я знал ее еще с детства.— Нан не могла себе представить Мэдж Меннингер девочкой, но промолчала. Сэр Там продолжал:— И этот старый Год. Вы давно знакомы с ним?

— Лично я с ним не знакома,— осторожно сказала Нан, стараясь не солгать.— Но он крупный мужчина в делах культуры. А меня эти вопросы очень интересуют.

— Культура,— протянул задумчиво сэр Там. Казалось, он хо-

тел искренне улыбнуться, но не позволил улыбке дипломата соскользнуть с лица.— Вы очень милая, Нан,— сказал он и посмотрел на часы.— О, почти прилетели,— с сожалением сказал он.— Но я надеюсь, вы позволите мне проводить вас в отель.

Утренняя сессия ООН была очень утомительной. У Нан не было времени даже для ленча. Она была занята редактированием переводов компьютера. Полуденная сессия тоже оказалась настоящей кошачьей дракой.

Дебаты на право ловли криля в Антарктике. Это была пища, поэтому споры были жаркими. Переводить приходилось очень тщательно, и Нан не могла расслабиться ни на секунду. В каждом языке находились свои названия для рыболовных судов, морских продуктов, моряков. Она переводила с трех языков: русского, болгарского и английского. Когда говорили на других языках, она молчала, но все равно напряженно прислушивалась. Головные боли буквально терзали ее.

Такова была цена за то, что оба полушария мозга были искусственно расщеплены, чтобы она могла легко постигать языки. Когда ей предлагали эту операцию, то не сказали, с какими мучениями это будет сопряжено. Впрочем, откуда им знать. Ведь если сам не испытал такой боли, тебе не понять мучения другого.

И хуже всего, что она очень устала и очень хотела спать. Сэр Там сопровождал ее до самой двери ее комнаты в отеле и даже попытался сунуть ногу в дверь. Руки его беспрерывно шарили по ее телу все время, пока они ехали в лимузине. Единственный способ избавиться от него, это сказать, что она смертельно устала и если сразу же не ляжет спать, то упадет с ног.

Итак, она уснула. И проснулась в полночь, понимая, что больше ей не уснуть. А что делать одиннадцать часов до начала утренней сессии?

Конечно, письмо Ахмеду. Несколько часов изучения неправильных глаголов английского языка. Еще час работы с магнитофоном для отработки произношения. Но затем она ощутила усталость. Сейчас бы хорошо пройтись по университетскому парку. Но он в Софии, за десять тысяч километров отсюда. В Нью-Йорке ей не найти свежего утреннего воздуха. Так что она вошла в свою кабину переводчика с таким ощущением, что она уже проработала целый день без отдыха.

Сейчас выступал сэр Там. Лицо его стало пурпурно-красным, и он буквально кричал. Одной половиной мозга Нан думала, почему он кричит, в то время как вторая половина занималась автоматической работой по переводу. Странно, столько страсти, и все ради этой рыбы. Даже не рыбы. А мелкого рачка. Нан знала, что это продается в банках в виде серого порошка под названием белковый концентрат. Ясно, что это в пищу годится, но аппетита не вызывает. В богатой продовольствием Болгарии этот продукт не пользовался спросом.

Но сэр Там был крайне возбужден. Он кричал, что этот про-

дукт жизненно важен для стран блока Горючего. И он должен быть предоставлен Блоку. Страны Блока уже создали большой флот для ловли и обработки криля в холодной Антарктике. Он сослался на Морское Право, на Британо-Португальский Договор от 1242 года. Он заявил, что криль абсолютно необходим сельскому хозяйству Англии, как удобрение для полей.

Здесь его прервал уругвайский делегат:

— Сельское хозяйство! Вы скармливаете протеин скоту!

— Конечно,— твердо сказал сэр Там.— У нас нет таких пастбищ, как в вашей стране. Чтобы накормить скот, нам нужно ввозить...

Кто-то их американской делегации громко и неприятно рассмеялся, и уругваец осуждающе постучал по столу.

— Значит, вы кормите животных, сэр Гулсмит? Но у нас есть свидетельство вашего министерства здравоохранения, что вы кормите крилем своих кошек и собак! Как это понимать?

Сэр Там мученически посмотрел на президента ассамблеи.

— Сэр, я должен просить, чтобы вы воздействовали на моих оппонентов и потребовали от них уважения ко мне.

Президентом был здоровенный негр из Ганы. Он ни разу не посмотрел ни на одного из ораторов. Он не поднимал глаз от стола, так как секретарь непрерывно подкладывал ему документы на подпись. Он сказал:

— Я прошу делегата Уругвая воздержаться от вопросов и замечаний, пока делегат Объединенного Королевства не закончит свое выступление.

Сэр Там благодарно поклонился ему.

— Благодарю. Но я уже почти закончил. Конечно, какая-то часть криля идет на корм домашним животным, другая часть на удобрение полей, третья — на добавление протеина в знаменитый английский биф. Но разве это предмет для разговора здесь? Я думаю, что никто из делегатов не может посягать на традиционные права Англии по ловле рыбы и криля в своих целях в международных водах и использовать их. Если нам никто не будет препятствовать в этом, заверяю вас, что с нашей стороны никаких инцидентов не будет. Мир будет сохранен.

И он сел на место, почтительно поклонившись президенту, сардонически улыбнувшись уругвайцу и весело подмигнул Ане, сидящей в кабине переводчика. Она чуть не задохнулась от негодования: до чего же легкомысленный субъект! Однако сэр Там тут же стал серьезным и начал что-то писать, даже не обратив внимания на то, что президент закончил подписывать документы, со щелчком застегнул портфель и сказал:

— Мы получили сведения, что выступление следующего делегата будет длинным. Сейчас уже четыре часа, поэтому я предлагаю перенести дебаты на завтрашнюю утреннюю сессию.

В зале поднялся шум. Нан откинулась на спинку кресла, потерла виски. Затем она поднялась, чтобы быстренько перекусить, а потом — спать, долго спать.

Нет. Ничего у нее не вышло. Когда она вышла из кабины, к ней подошел посыльный и вручил записку от сэра Тама.

«Абсолютно необходимо, чтобы вы присутствовали на приеме и в ДВЛ. Я буду сопровождать вас».

Значит, отдыха не будет. Она могла бы отказаться от приглашения, но сэр Там заручился поддержкой главы болгарской миссии при ООН, и тот все равно бы заставил ее идти на прием.

Она быстро вымылась, оделась так, как ей казалось подходящим для случая, и вышла из отеля на улицу. В голове у нее непрерывно стучало. Она сказала свое имя охраннику у дверей ДВЛ. Тот сверился со списком, официально улыбнулся и пропустил ее.

Какой гвалт! Сколько дыма, запахов пищи и вина! И вот, конечно, сэр Там, с букетом в руке. Другой рукой он обнимал за плечи пухлого смуглого улыбающегося человека, которого Нан не сразу узнала. А ведь это был именно тот уругваец, которого сэр Там час назад обвинял в оскорблениях.

— Нан! Эй, Нан! Иди сюда! — сэр Там представил их друг другу. Нан не могла найти причину для отказа и поняла раньше, чем это случилось, что Гулсмит будет снова ее лапать. Именно это и произошло вскоре. Цветы оказались парижскими фиалками — совершенно не по сезону, — и предназначались именно для нее. Гудсмит настоял на том, чтобы самому приколоть цветы на ее грудь и затратил на это гораздо больше времени, чем требовалось. Остальные старались не замечать этого, хотя и посмеивались.

Нан рассердило то, что этот наглый шотландец демонстрирует перед всеми свою близость с нею, как бы намекая на существующие между ними активные отношения. Тем более здесь, где собрались леди из соперничающих блоков. Что скажет глава ее делегации, когда узнает об этом? Сэр Там и саудовец — из блока экспорта Горючего. Уругваец — из блока Народов. Его союзники здесь — две китаянки в туфлях на высоких каблуках и пиджаках из синего шелка в нео-маоистском стиле.

— Вы даже не можете себе представить, — ухмыльнулся сэр Там, представив их друг другу, — что наши друзья прячут в рукавах на завтра. Расскажи, Ляо-цвен.

Одна из китаянок положила руку на локоть Нан и улыбнулась. К этому времени она уже прилично выпила. Она несколько затягивала слоги, но речь ее была вполне разборчива.

— Народная Республика Бенгали делает чрезвычайное сообщение. Весьма решительное сообщение, мисс Димитрова. Относительно многонациональной экспедиции стран Блока Экспорта Продовольствия и насильственных действий против аборигенов Сына Кунга.

— Насилие? Что вы имеете в виду? — спросила Нан, удивившись и испугавшись. Неужели на планете начались военные действия, и Ахмед оказался втянутым в них?

— Вот так, дорогая девочка, — хмыкнул сэр Там, — маленькая банда вашего друга Года начала стрелять по безвредным шари

стам. Но не беспокойтесь. Я не думаю, что это серьезно. Мы ведь собрались не для этого, сеньор Коррубаис?

Уругваец пожал плечами.

— Официальных консультаций с Народной Республикой еще не было, это правда.

— А неофициальных?

Коррубаис посмотрел на старшую китаянку, которая кивнула, и сказал:

— Я могу высказать свое личное мнение. Я считаю, что акты насилия, о которых мы слышали, это абсурд. Разве можно относиться серьезно к стрельбе по резиновым воздушным шарам?

— Сообщают еще о насилии над подземной расой,— сказала китаянка. Она сделала еще глоток из стакана и с таинственным видом посмотрела на сэра Тама.— Но это тоже... Откуда нам знать, что эти существа действительно разумны? Не будем же мы порицать фермера из Небраски, который, вспахивая свое поле, разрушил нору крота?

— Можно говорить также,— сказала Нан, сама удивляясь резкости своего тона,— о том, что и раса ракообразных пострадала от действий землян.— Но сэр Там остановил ее, мягко нажав на плечо. Она не протестовала. Внезапно она подумала, что вдруг группа Ахмеда повинна в этих насильственных действиях, о которых она так мало знала.

— Мне понравилась ваша пикировка,— сказал сэр Там, пряча за улыбкой угрозу, прозвучавшую в его словах. Нан задумалась, почему он так откровенно и настойчиво афиширует свою близость с нею, обнимая ее за плечи, постоянно наполняя ее бокал.

Да, окружающие могут подумать, что он частый гость у нее в постели. Она вспыхнула при одной этой мысли. Плохо, когда люди видят твою распущенность, но быть виновной без вины... это ужасно! Почему сэр Там всячески старается создать у людей такое впечатление о ней? Может быть, среди людей Блока Экспорта Горючего это считается нормальным? А может, он старается продемонстрировать, что он все еще может удовлетворить женщину? Что это за люди, которые окружают ее здесь?

— Простите меня,— сказала она, оглядываясь вокруг, как бы ища туалетную комнату. Но как только ей удалось избавиться от общества сэра Тама,— странно, что он не пошел сопровождать ее в туалет,— она пошла в буфет. Нужно восстановить сахар в крови. Может это уменьшит головную боль, снимет усталость, и тогда она сможет придумать, как же ей освободиться от настойчивых ухаживаний сэра Тама.

Стол был очень богатым. Даже в Софии не могло быть богаче. Она знала, что прием устраивала делегация Тибета. Но почему такой богатый стол? Икра вряд ли была привезена из Гималаев. А эти фрукты на льду? В высокогорных долинах они не растут. А в центре стола высились искусно изготовленные копии представителей рас Сына Кунга! Ракообразный был изваян из клубничного щербета. Нечто длинное, тонкое,— подземный жи-

тель?— сделан из фауграс! И тут же, рядом с нею, стоял возле стола седоволосый человек. Он попросил более молодого спутника положить ему на тарелку эти лакомства. Полная ложка фауграс, кусочек мяса, круассем, ложку от воздушного шара шариста. Человек перехватил взгляд Нан и молча улыбнулся.

Отвратительное зрелище. У Нан сразу пропал аппетит. Она отвернулась от стола и тут же увидела сэра Тама, который направлялся к ней. Странно, но он кивнул ей и показал... на кого? На седого человека возле стола?

Она присмотрелась к нему более внимательно. Они встречались раньше? Нет. Но лицо его было ей знакомо. По фотографиям. Но фотография явно не из газет.

Она повернулась к нему, но молодой человек тут же оказался между ними, вежливый, но готовый ко всему. К чему? Может он считает ее убийцей?

И тут она вспомнила, где видела это лицо.

— Вы Годфри Меннингер,— сказала она.

На лице его выразилось удивление.

— Да.

— Мы никогда не встречались, но я видела ваш портрет в газетах. С дочерью. Я Ана Димитрова, и мы встречались с вашей дочерью в Софии.

— О, конечно! Ангел спасения. Все в порядке, Тедди,— сказал он телохранителю, и тот отошел в сторону и начал накладывать в тарелку различные салаты.— Рад встретиться с вами, Ана. Мэгги где-то здесь. Но еда ее не привлекает. Она унаследовала от матери метаболизм. Она не может даже смотреть на пищу. Пойдем, найдем ее.

Капитан Меннингер задумчиво пила перье и позволила пятидесятилетнему японскому атташе думать, что он наконец пробился через ее защитные бастионы. Вдруг она услышала сзади голос отца.

— Мэдж, дорогая. Для тебя сюрприз. Ты помнишь Ану Димитрову?

— Нет,— Мэдж внимательно осмотрела женщину. Не с вызовом, а так, как человек изучает карту незнакомой земли. Затем в голове ее щелкнуло реле:— Да,— поправила она себя.— Болгарка. Рада видеть вас здесь.

Разумеется, она вовсе не желала входить в дружеские отношения с этой болгаркой. Но, с другой стороны, она не хотела и приобретать в ее лице врага. Эта болгарка валялась в постели с пакистанцем, как его? Ахмед Дулла, член первой экспедиции пипов на Клонг. Может, эта связь окажется полезной. Поэтому Мэдж повернулась к японцу и сказала:

— Тэцу, позвольте представить вам Ану Димитрову. Она мне здорово помогла в Болгарии. Вы знаете, что я иногда очень неосторожно шучу. Мне не удержаться. И конечно, я сказала что-то ужасное в Софии. Политика, разумеется. И я попала в неприятную историю. И тут явилась Нан. Совершенно незнакомая со

мной. Просто хороший человек. Она вытащила меня из неприятностей. А где тот приятный молодой человек, с которым вы были тогда, Нан?

— Ахмед на Кунгсоне,— сказала Нан. Ей не понравился этот покровительственный тон, которым говорила с нею эта пухлая блондинка.

— О, да? Какое совпадение. Вы, конечно, помните доктора Дэйлхауза? Он там тоже. Может, они там встретились.— Она заметила знаки своего отца и спросила:— Папа, что ты забеспокоился? Я опять сказала что-то не то?

Годфри Меннингер улыбнулся.

— Я беспокоюсь о том, что нам уже пора. Ты не забыла, что у тебя назначена встреча в МИТ?

— О, дорогой, совсем забыла.— Неправда. Мэдж не забыла о назначенной встрече, которая должна была состояться завтра утром. И она знала, что отец ее тоже не забыл.

— А кроме того,— продолжал он,— если ты еще немного побудешь здесь, завтра ты будешь чесаться. Ты забыла, что у тебя аллергия к цветам?

Тоже неправда. У Мэдж не было никакой аллергии:

— Ты так заботлив, папа. Как жаль, что наша встреча была такой короткой, но я очень рада была повидаться с тобой.— К Тэцу:— когда будешь в Хьюстоне, заходи.— Японец что-то просвистел и поклонился. Если он когда-либо появится в Хьюстоне, подумала Мэдж, я сбегу оттуда. Для нее лечь в постель с мужчиной давно уже перестало быть проблемой, но для этого все же нужен взаимный интерес, а не только притязания мужчины.

В автомобиле, где уже сидел на переднем сидении телохранитель, она спросила:

— В чем дело, папа?

— Может быть, эта маленькая болгарка вовсе не такая уж провинциальная простушка, как кажется. Тедди незаметно пощупал ее. У нее в корсаже микрофон.

— У нее? Не может быть.

— Это факт. Может быть, это дело рук ее службы безопасности, кто знает? Там было полно акул. Может, она — одна из них.

— Ты хочешь знать, что я вытянула из японца? — и она рассказала, что ей удалось узнать о Бенгальской резолюции.

Он откинулся назад.

— Обычная возня в кулуарах ООН. Я перевернул твое ведро с помоями, ты забросил мне на крышу дохлую кошку. Они собираются опубликовать это?

— Он не сказал, папа. Кажется, он относится к резолюции не очень серьезно.

Отец в задумчивости потер живот.

— С этими пипами никогда ничего не знаешь. Наследник Мао сделал ставку на Клонг. Бенгалы не начнут ничего, пока не прояснят отношения с Запретным Городом.

У Мэдж зашевелились на голове волосы.

— Ты думаешь, что моя миссия закончится провалом?

— О, нет. Не беспокойся. Расслабься. Ты совсем, как твоя мать. Она была очень эмоциональна. Когда тебя похитили, я думал у нее будет нервный припадок.

— Зато ты всегда был очень спокоен и не собирался шевельнуть даже пальцем ради меня.

— Но я же знал, что с тобой будет все ол райт. Я действительно знал.

— Ладно, не будем говорить об этом.— Мэгги сложила руки на коленях и посмотрела в окно. Между комплексом зданий ООН и аэропортом не было никаких зданий. Все было пусто. Однако Мэгги все равно ничего не видела. Она была погружена в свои мысли. Наконец, она медленно сказала:

— Послушай, папа. Я хочу усилить нашу миссию. Именно теперь.

— Почему такая спешка?

— Не знаю, но чувствую, что нужно торопиться. Я хочу сделать это до того, как Пипы и Гризи пустят там глубоко свои корни и забросят туда столько людей, чтобы объявить Кунгсон своей собственностью. Я хочу, чтобы мы там были самыми первыми и самыми сильными, потому что я хочу эту планету для нас.

— Чепуха, милая. Разве в Уэст-Пойнте тебя не учили приоритетам? Все эта возня насчет криля, а теперь еще Гризи снова угрожают поднять цены... Ты понимаешь, какая сложная обстановка? Сейчас передо мною стоит сложная задача, и я могу заняться только ею одной.

— Но, папа. Я не хочу говорить, насколько важна моя миссия. Ведь это целая планета.

— Разумеется, но...

— Никаких но. Мне кажется, ты не понимаешь, какие выгоды сулит владение целой планетой. Для нас, папа, только для нас! Разрабатывать все природные ресурсы планомерно и самым рациональным способом. Горючее. Города, которые не будут уничтожать природу. Поля и пастбища. Индустрия, развивающаяся по строго намеченным планам в зависимости от необходимых потребностей. Планирование роста населения. Мы вырастим новое, сильное, уверенное в себе поколение. Это будут американцы, папа. Может, сначала там будет трудно, но через сотни лет каждый захочет жить только там. И я хочу сделать это.

Годфри Меннингер вздохнул, с любовью посмотрел на дочь, самую старшую и самую беспокойную из всех его детей.

— Ты еще хуже, чем была твоя мать,— сказал он.— Ну, что же, я выслушал тебя и посмотрю, что можно сделать.

Технологическая Башня Два высилась на берегу Чарльз Ривер и превосходила по объему все старые кирпичные здания вокруг. В Башне не было аудиторий, не было администрации. Это был чисто исследовательский корпус с мощным вычислительным центром в подвале. На крыше было установлено множество антенн для изучения космического излучения.

Массачусетский Технологический Институт имел богатые традиции в исследовании космоса, здесь работали в этом направлении еще тогда, когда в печати не появилось ни одной работы на эту тему. Мэгги Меннингер провела шесть месяцев в этом учебном заведении, изучая космические дисциплины. И теперь она старалась не порывать контакты с МТИ.

Женщина, с которой Мэгги хотела увидеться, обладала огромной властью в МТИ, хотя была всего лишь помощником декана. Она организовала завтрак по просьбе Мэгги и пригласила на него руководителей пяти факультетов.

Женщина представила всех друг другу и сказала:

— Мэгги, дорогая, переходи сразу к делу, наши люди не очень любят собираться так рано.

Мэгги попробовала круто сваренное яйцо.

— Я прекрасно понимаю их, если их всегда собирают на такой завтрак. Ну что же, к делу, так к делу. У меня есть десяток голограмм с Сына Кунга. Просто изображения и никакого звука.— Она откинулась назад на спинку кресла и щелкнула тумблером. В розоватой дымке появилась голографическая картина.— Вероятно, вы видите это не впервые,— сказала она.— Это кринпит. Представитель одной из трех, вполне возможно, разумных рас. И единственная раса с урбанистическим уклоном. Сейчас вы увидите их дома. Эти жилища без крыш. Видимо, кринпиты не страдают от непогоды. Непонятно, зачем им эти дома, но тем не менее, они есть. Кажется, это раса, с которой проще всего будет наладить торговые отношения. К сожалению, Пипы первыми вступили с ними в контакт. Но мы перехватим инициативу у них.

Глава конструкторского отдела была тоненькая черная женщина, которая ограничила свой завтрак стаканом сока и чашечкой кофе.

— Перехватим инициативу? Что это, капитан Меннингер?— спросила она.

Мэгги смерила ее взглядом и решила не ввязываться в драку.

— Для начала, доктор Равенель, я бы хотела, чтобы ваши люди создали предметы для торговли. Для всех трех рас. Ведь все они когда-нибудь станут нашими торговыми партнерами.

Экономист посмотрел на чудище в панцире:

— Партнер — это означает двустороннюю торговлю. Что могут продавать они, что стоило бы возить оттуда за сотни световых лет?

Мэгги хмыкнула.

— Я думала, что вы этого не спросите.— Она поставила кейс на пол, расстегнула замки, затем поставила его на стол, сдвинула блюдо с яйцами.— Пока что,— сказала она,— мы не имеем продуктов их производства. Но посмотрите на это.— Она достала эластичную пленку.— Из этой пленки сделаны шары у шаристов. Они имеют утечку водорода всего один процент за двадцать четыре часа. Мы можем иметь очень много такой пленки, если создадим мощный рынок.

— Вам пришлось убить шариста, чтобы получить это?

— Хороший вопрос,— Мэгги с улыбкой кивнула экономисту.— Нет. Существует другая, неразумная раса с такой же структурой тела. Так как, вы обеспечите рынок? Если я хорошо помню, то немцы использовали даже желудок осла, когда строили дирижабль «Гинденбург».

— Понимаю,— сказал экономист.— Значит, нам нужно наладить контакт с изготовителями цеппелинов.

— Я уверена,— сказала Мэгги,— что у вас есть идеи получше. О, я забыла еще упомянуть о том, что национальный фонд Науки выделил субсидии, которые только и ждут того, кто возьмется за работу.— «Спасибо тебе, папа, за этот подарок»,— подумала она.

Экономист не стал бы главой факультета, если бы не научился вовремя отступать.

— Я вовсе не имел в виду отвергать ваше предложение, капитан Меннингер. Это действительно заманчивое предложение. Что еще есть у вас для нас?

— У нас есть образцы, которые еще не изучены внимательно. Правда, они не должны были бы оказаться здесь. В Камп Детрик еще не знают, что они исчезли.

Все зашевелились. Декан быстро сказал:

— Мэгги, я думаю, что у всех нас мелькнула одна мысль, когда ты упомянула Камп Детрик. В этом нет ничего, связанного с биологическим загрязнением?

— Конечно, нет! Нет, поверьте мне. Иногда я выхожу из рамок, но не настолько, чтобы нарушить закон о биологической безопасности.

— Тогда почему Камп Детрик?

— Потому, что это чуждые организмы,— объяснила Мэгги.— Каждый образец герметически запакован в целлофан. Снаружи все обработано кислотой и ультрафиолетовыми лучами. Нет, подождите...— добавила она, улыбнувшись. Все присутствующие за столом внезапно отдернули руки от пленки шариста.— Эта пленка о'кей. Остальные экспонаты — не совсем о'кей. Кажется, на них нет патогенов или аллергенов, но все же с ними нужно обращаться осторожно.

— Большое спасибо, капитан,— сказал один из деканов.— А почему вы так уверены насчет пленки?

— Я съела кусочек три дня назад.— Сразу же она завладела вниманием и продолжала.— Вот эта группа — образцы растений. Они обладают способностью к фотосинтезу, причем в инфракрасной части спектра. Интересно для агрономов? Конечно! А это — предметы искусства. Это изделия кринпитов, тех самых, что похожи на раздавленных крабов. Эти штуки способны «петь», достаточно потереть их о хитиновый покров.

Женщина-конструктор взяла в руки один из предметов, разглядывая его через прозрачный пластик.

— Вы сказали, что нам нужно разработать предметы для торговли и обмена?

— Да.— Из своего кейса Мэгги вытащила папку, на красной обложке которой четко виднелись слова: «Совершенно секретно».

— Это отчет о трех расах Кунгсона. Пока что военные его засекретили, но это ненадолго. Через десять-двадцать дней он будет зачитан в ООН.

Все шесть деканов потянулись к документам, но женщина-дизайнер оказалась самой проворной.

— Хм,— сказала она, листая папку.— У меня есть аспирант, который сможет переварить это. Могу я показать документ ему?

— Конечно. Оставим эту копию и образцы нашим друзьям, а сами пройдем к нему. Я хочу поговорить с ним.

Через пятнадцать минут Мэгги, сопровождаемая деканом, и тощим, возбудимым молодым человеком по имени Уолтер Пинсон встретились лицом к лицу.

— Вы можете сделать это?— спросила Мэгги.

— Это... это большая работа...

Мэгги положила руку ему на плечо.

— О, я уверена, что сможете. Впрочем, скажите, как вы планируете начать работу?

Пинсон задумался.

— Во-первых, нужно понять, в чем их первоочередная нужда,— предложил он.

— Любопытно. Должно быть, это очень трудно. Могу сказать, что самая основная задача у всех их — остаться живыми. Почти все они тратят все свое время, чтобы сожрать что-нибудь, даже кого-нибудь из разумных собратьев.

— Каннибализм?

— Не думаю, что это можно определить именно так.

— Значит, хищники,— сказал Пинсон, кивнув.— Что же, пусть это будет стартовая позиция. Будем создавать им средства защиты от низших форм жизни.

— О, да!— воскликнула Мэгги.— Мы не хотим давать им в руки оружие друг против друга. Мы не хотим войны.— Она посмотрела на часы.— У меня идея, Уолтер. Завтрак у меня был довольно скудный, а уже время ленча. Почему бы нам не поесть вместе? Тут есть местечко, где я бывала студенткой. Довольно старый мотель, но пища превосходная. Если у вас есть время...

— О, у меня есть время,— сказал Пинсон, с любопытством поглядывая на Мэдж.

— Это за Гарвард Сквер, но нам нужно взять кэб. Только уговор — плачу я. Мне выдают деньги на представительские расходы.— Когда она спустилась вниз, мимо них пробежала стайка первокурсников, торопящихся на лекцию. Провожая их взглядом, Мэгги спросила:

— Может, вы знаете студента Ллойда Уэнсли? По-моему, он только что поступил.

— Вряд ли. Он ваш друг?

— Нет. Я знала его еще ребенком. Просто я знакома с его родителями. Так что вы говорите о средствах самозащиты...

Через несколько часов, проведенных довольно приятно, Мэгги садилась в кэб возле старого мотеля. Если кухня сейчас не была такой же хорошей, как в добрые старые времена, то комната была уютная, а постель мягкая и широкая. Когда кэб подъехал к Гарвард Сквер, Мэгги, повинуясь импульсу, сказала водителю:

— Поезжай к Масс Эйв. Я хочу сделать маленькую экскурсию.— Через несколько кварталов она приказала свернуть в боковую улицу и осмотрелась.

Она тут же узнала все вокруг. Супермаркет, парикмахерская, а вон там, за углом, та самая квартирка, где она прожила десять месяцев с Ллойдом и Ллойдом-младшим. Это было время, когда Мэгги совсем близко подошла к тому, чтобы стать женой, матерью. Старина Ллойд! Ему было тридцать, когда ей было всего девятнадцать, и он выглядел так импозантно в офицерском клубе, что никто бы не мог предположить, каков он в постели. Даже если лечь с ним пару раз, как это предусмотрительно сделала Мэгги. При одном взгляде на окно своей бывшей спальни, у Мэгги судорогой свело спину и шею при воспоминании о том, как она забивалась в угол постели и закрывала голову подушкой, чтобы не слышать, как Ллойд занимается самоудовлетворением. Она даже не могла устроить ему скандал за это, так как за дверью спал шестилетний приемный сын.

Конечно, хорошо бы увидеть Ллойда-младшего, уже взрослого. Но лучше не видеть. Она не встречалась с обоими Ллойдами со времени их разрыва и теперь не желала искушать судьбу. Все-таки эта ненормальная связь очень подействовала на такую девушку, как она. Счастье, что она не навсегда отвратила ее от мужчин.

Вернувшись в отель, она нашла послание от отца:— «Постарайся услышать передачу новостей».

Она включила телевизор и через пять минут поиска по всем каналам услышала о политическом скандале в Бостоне, интервью с лидером Ред Секс и, наконец, то, что хотела услышать.

— К удивлению всех делегатов ООН, польский делагат Владислав Пженский объявил, что его правительство согласно с резолюцией Бенгали. Страны Блока Продовольствия решили послать комиссию с широкими полномочиями, чтобы изучить акты насилия против аборигенов планеты Клонг или Сын Кунга. В комиссии не будет представителей крупных держав, как США или СССР. В нее войдут офицеры из Польши, Бразилии, Канады, Аргентины и Болгарии.

Глава 8

Дэнни Дэйлхауз подскочил и подхватил теодолит, спасая его от падения на землю. Моррисей ухмыльнулся и извинился:

— Вероятно, я потерял равновесие.

— А может, снова захотел женщину,— сказал Дэйлхауз. Он был зол — и не только на Моррисея. Он понимал, что вся его злость вызвана тем, что Капелюшников летает, а он нет.

Они все были поражены тем веществом, что шаристы высыпали на них. И время от времени, впоследствии, все они снова впадали в состояние жадной похоти и эйфории. Дэйлхауз не считал, что Моррисей более других был подвержен таким вспышкам, но он был уверен, что биохимик отдается страсти с большей энергией. Моррисей обнаружил, что в этом странном веществе, по-видимому, сперме самцов шаристов, содержались какие-то сильно действующие галюциногены, которые возбуждают человека гораздо сильнее, чем любые известные на Земле афродизнаки. Проведя исследование спермы, Моррисей сильнее других подвергся воздействию этих галюциногенов и теперь почти постоянно находился в состоянии похоти.

Высоко в небе описывала спирали гирлянда ярко-желтых шаров. Это Капелюшников экспериментировал, изучая воздушные потоки на разной высоте. Когда закончат работу, у них будет достаточно информации, чтобы совершать воздушные путешествия. И тогда наступит очередь Дэйлхауза. Он уже устал ждать.

— Каппи,— сказал он в микрофон,— тебе не пора на землю?

К ним подошла Харриет как раз в тот момент, когда Капелюшников ответил. Ответил он по-русски. Харриет услышала и раздраженно дернула головой. Вот такой характер. Все-таки она настоящая сука, подумал Дэйлхауз. После того, как они пришли в себя в тот странный вечер, она закричала на него:

— Животное! Разве ты не понимаешь, что мог сделать меня беременной!

Дэнни не пришло в голову спрашивать у нее, не забеременела ли она. Было бесполезно напоминать ей, что она была так же беременна, как и он. После этого она снова замкнулась в свою раковину и стала в сотню раз более придирчивой, чем раньше, и не позволяла в своем присутствии никаких самых невинных шуток на сексуальную тему.

— У меня есть для тебя новые записи,— пробурчала она.

— Есть достижения?

— Да, немного. Я поняла структуру языка и сегодня вечером ознакомлю с ним весь лагерь.

Она посмотрела на Каппи, который кружил в воздухе, а шаристы врассыпную бросились от него, когда он подлетел слишком близко.

Структура языка...

Харриет торопить бессмысленно. «Предварительные Исследования Первого Контакта с Субтехнологическими Разумными Существами». Как это теперь далеко! Дэйлхауз прикинул, что сделано. Совсем немного. Они так и не вступили в контакт с кринпитами — крабовидными, и с подземными жителями — бурроверами. Газовые мешки висели вокруг в воздухе, как и в тот день, когда они пролили на членов экспедиции свою сперму. Однако они не приближались на такое расстояние, чтобы Дэнни смог установить контакт с ними. Они висели над лагерем на высоте сотен метров и спускались ниже только когда члены лагеря уходили или спали.

Несомненно, что они уже имели опыт общения с земными существами и знали, что их следует опасаться. Видимо, на поверхности планеты жили враги шаристов. Но Дэнни от этого было не легче.

Правда, пока эти существа были в пределах видимости, можно было фиксировать их песни с помощью направленных микрофонов. Харриет сказала, что она разгадала структуру языка. Харриет сказала, что это не песни птиц и не крики тревоги. Харриет сказала, что она всех обучит этому языку. Но Дэнни знал, что нельзя верить всему, что говорит Харриет. Следующей его мыслью была та, что им нужен другой переводчик. Расщепление мозга облегчает изучение языков, но приносит другие проблемы. Иногда оно служит причиной плохого физического состояния, в частности, вызывает сильнейшую головную боль. Иногда оно изменяет личность человека. А кроме того, оно не всегда эффективно. Человек, у которого нет способности к языкам, не приобретает их после операции. Дэнни был уверен, что в случае Харриет имели место все три эффекта.

Они передали на Землю все ленты. И рано или поздно, но сложные компьютеры сделают свое дело.

Но сейчас Дэнни очень хотел оказаться в небе, рядом с шаристами, изучать их язык старым добрым способом. Все остальное только компромисс. Они попробовали все, что было в их силах. Воздушные шары с сенсорными устройствами, настроенными на живых существ. Ловушка для кринпитов, микрофоны под землей для бурроверов, направленные микрофоны для шаристов. У них были уже километры пленки с записями самых разнообразных звуков, с изображениями самых разнообразных движений. И из всех этих километров вряд ли можно было выделить более нескольких метров, несущих полезную информацию для Дэнни.

И все же кое-что завершено. Во всяком случае, Дэнни смог отправить пару отчетов на Землю. Пусть ему позавидуют коллеги по МСУ. Правда, сам Дэнни не был удовлетворен. Он продолжал учиться.

Главное, что нужно было понять,—это тайна трех независимых разумных рас, живущих на планете. И между ними не было никакой взаимопомощи. По крайней мере, люди не видели ее. Бурроверы, казалось, вообще не вступали ни с кем в контакт. Шаристы и кринпиты вступали, но вовсе не для гармоничного сотрудничества. Шаристы никогда не опускались на землю. На поверхности у них было много врагов: маленькие существа, похожие на летучих мышей, существа, похожие на лягушек, да и сами кринпиты. Если шарист спускался к земле и оказывался в пределах досягаемости одного из этих существ, он погибал.

Поэтому вся жизнь шаристов проходила только в воздухе, а кончали они жизнь в желудке одного из земных существ. Такой грустной была судьба этих прелестных и безвредных существ.

Капелюшников скользил совсем низко над землей в одном из воздушных потоков. Оказавшись на высоте пяти метров, он спу-

стил веревку и скатился по ней. Шары проволокли его несколько метров по земле, затем он закрепил шар за дерево и встал.

Дэнни задрожал, предчувствуя свой первый полет. Пожалуй, самое трудное в полете, подумал он, это посадка. Он пошел, чтобы помочь Капелюшникову, и внезапно остановился, оглушенный выстрелом за спиной.

Он в ярости обернулся:

— Какого черта, Моррисей?

Биолог вскинул винтовку на плечо.

— Я добываю образцы, Дэнни,— сказал он радостно. Видимо, он при выстреле учел направление и силу ветра, так как шарист упал прямо возле его ног.— А, черт,— выругался он.— Снова самка.

— Неужели?— изумился Дэнни, глядя на то, что показалось ему чудовищным пенисом.— Ты уверен?

— Меня эта штука тоже сначала одурачила,— ухмыльнулся Моррисей.— Нет, у самцов таких органов нет. Да, да, у них нет пенисов. Эти существа занимаются любовью не так, как мы, Дэнни. Самка выкидывает яйца прямо в воздух, затем самцы впрыскивают в них свою сперму.

— Когда же ты понял это?— Дэйлхауз был обеспокоен. Ведь основное правило экспедиции гласило: всеми новыми открытиями нужно было делиться с остальными.

— Я думал, что это связано с их способом производства водорода,— сказал Моррисей.— И в этом процессе завязано излучение солнца. И когда они видят свет наших прожекторов, они начинают процесс оплодотворения. А так как мы оказались как раз под ними в этот момент, они опрыскали нас своей...

— Я знаю, чем они нас опрыскали,— сказал Дэйлхауз.

— Да! И ты знаешь, Дэнни, когда я резал тела шаристов и добирался до положенных органов, я ощущал сильнейшее возбуждение, доходящее до оргазма. Такая работа мне очень понравилась.

— И ты убиваешь их именно для такой работы? Ты же отогнал всю стаю. Как мне теперь наладить контакт с ними?

Моррисей ухмыльнулся. Он не стал отвечать. Дэйлхауз понял его без слов. Какими бы эмоциями не обладали шаристы, страх не входил в их число. Моррисей уже подстрелил по меньшей мере дюжину, но стая все время оставалась в пределах видимости. Может, их привлекал свет. В постоянном сумраке, который царил на планете, такого понятия, как день, не существовало. Люди попытались создать его искусственно, включая прожектора «утром» и выключая их на «ночь». Световой день составлял двенадцать часов. Однако один прожектор был включен постоянно: чтобы отпугивать хищников, говорили члены экспедиции, но на самом деле ими владел первобытный страх темноты.

Моррисей поднял шариста. Он был еще жив и слегка шевелился. Здесь, на земле, они никогда не издавали звуков. Моррисей объяснил это тем, что их голосовые связки приводятся в движение водородом. А теперь газовые мешки были пусты. Но это существо пыталось что-то сказать. Первый шарист, которого подстре-

лил Моррисей, жил целых сорок часов. Он бродил по лагерю, волоча за собой пустой мешок, и весь вид его вызывал сострадание. Дэйлхауз был рад, когда шарист, наконец, умер, и рад тому, что этот шарист умер почти сразу, и Моррисей сунул его в свою сумку.

К ним подошел Капелюшников, потирая задницу.

— Первый, кто поднимется в воздух, всегда является жертвой. Ну, Дэнни Дэйлхауз, ты хочешь еще летать?

Дэнни как будто был поражен шоком:

— Ты имеешь в виду прямо сейчас?

— А почему нет? Ветер благоприятный. Вот только нужно наполнить еще пару баллонов.

Это заняло гораздо больше времени, чем полагал Дэнни. Подкачать два баллона до такой степени, чтобы они могли поднять человека, насосом, который выпускал через клапаны воздуха больше, чем накачивал в баллон, оказалось довольно трудным и долгим делом. Дэйлхауз поел, побродил, попытался заняться другими делами, но все время возвращался к насосу и смотрел на гроздь шаров, которые болтались на веревке, связывающей их вместе.

Погода постепенно портилась. Облака закрывала небо от горизонта до горизонта, но Капелюшников был настроен оптимистично.

— Облака разнесет ветром, и небо прояснится,— сказал он решительно.— Все о'кей. Привязывайся, Дэнни.

Дэнни с ощущением недоверия накинул на себя ремни. Он был выше, но гораздо легче русского, и мощный Капелюшников хмыкнул, стравливая излишек водорода.

—Иначе,— объяснил он,— ты улетишь в свой Мичиган.

На плечах были быстро отстегивающиеся замки, и Дэйлхауз дотронулся до них.

— Нет, нет,— закричал Капелюшников.— Можешь воспользоваться ими, когда будешь на высоте двести метров, если тебе не дорога жизнь.— Он показал Дэнни два контрольных шнура.— Это не реактивный самолет, понимаешь? Это шар для свободного полета. Здесь нет горючего. Ты способен подниматься и лететь туда, куда тебя тащит ветер. Все дело в том, чтобы найти нужный поток. Если тебе нужно подниматься, сбрось балласт. Если нужно опуститься, стравли газ. Но лучше экономить газ.

Дэйлхауз покрутился, чтобы приспособиться к ремням. Это было так не похоже на планеры, на которых он летал над озером Мичиган. Но если русский смог полететь на этом сооружении, значит должен полететь и он. По крайней мере, он надеялся на это.

— Я готов,— сказал он.

— Тогда летим,— крикнул Капелюшников. Он накинул на себя ремни, застегнул их и поднял с земли довольно большой камень. Он кивнул, чтобы Дэнни сделал то же самое. Кто-то из стоящих рядом подал камень Дэнни. По приказу Капелюшникова отвязали шары.

Капелюшников, подпрыгивая, как водолаз, идущий по дну, приблизился к Дэнни.

— У тебя все нормально? — Дэнни кивнул. — Тогда бросай камень и летим! — Он бросил свой камень и по диагонали полетел вверх.

Дэйлхауз сделал глубокий вдох и последовал его примеру, глядя на Капелюшникова, поднимающегося вверх.

Казалось, ничего не произошло. Не было никаких перегрузок, только внезапно онемели ноги. Дэнни смотрел вниз, пока не поднялся на высоту метров пятьдесят.

Они дрейфовали на юг, вдоль побережья. Высоко над ними, чуть в стороне, парили шаристы. Под ними виднелся лагерь экспедиции. Дэнни уже был на уровне последней ступени их ракеты, на которой они должны были вернуться на Землю. Слева от него расстилалось море, и вдали виднелись острова, покрытые густой растительностью.

Затем он услышал крик Капелюшникова:

— Что? — переспросил он. Расстояние между ними увеличивалось. Каппи был метров на сорок выше его и летел в глубь материка. Видимо, он попал в другой воздушный поток.

— Сбрось... немного... балласта! — кричал русский.

Дэйлхауз кивнул и потянул за шнур, связанный с клапаном. Ничего не произошло.

Он потянул сильнее. И тут же из танка на него хлынула вода. Танк находился прямо над пассажиром. Вымокший Дэнни выругался и решил, что этот элемент конструкции следует доработать.

Но он летит!

Не очень красиво. Совсем не грациозно. Даже с органами управления он едва справлялся, и первый час он провел, гоняясь за Капелюшниковым по небу. Это было похоже на игру в пятнашки. Правда, Капелюшников делал все, чтобы облегчить задачу Дэнни, но тот так и не смог в этот раз приблизиться к русскому.

Но он летел! И это было, как в его снах. Полное завоевание воздуха! Никаких двигателей! Никаких крыльев. Никакой техники. Он просто плавал в океане атмосферы, не делая решительно никаких усилий.

Такие чувства владели им и в этот, первый раз, и в следующие. Со временем он приобрел опыт управления.

И войти в контакт с шаристами тоже оказалось просто.

Он не пытался догнать их — это было бессмысленно. Ведь они были гораздо более искусными пилотами. Они сами подлетели к нему, окружили его, заглядывая ему в лицо, и пели. О, как они пели!

Всю следующую неделю, вернее, то, что можно было считать неделей на Клонге, Дэйлхауз провел в воздухе. Жизнь в лагере проходила без него. Даже Капелюшников чаще бывал на Земле, чем он. Ничто не привязывало Дэнни к Земле. Он ощущал себя гостем, когда ему приходилось спускаться, чтобы поесть, поспать, наполнить баллоны. Харриет прикрикнула на него, когда он

потребовал от нее данных по языку шаристов. Видимо, она не могла многого предложить ему. Она горько сожалела о трате энергии на генерацию водорода. Джим Моррисей молил Дэнни, чтобы тот выделил время и помог ему в изучении других существ. Но Дэнни уже не был с ними. Он жил в небесах Клонга. Из жалкого любителя он стал искусным аэронавтом. Он даже стал обмениваться информацией, правда весьма примитивной, с некоторыми из шаристов. А один из них, самый большой — почти два метра в диаметре, казался Дэнни наиболее дружественным. Дэнни называл его Бонни Принц Чарли. Хотя он понятия не имел, как шарист называет себя. Если бы не было физической необходимости, Дэнни вообще не возвращался бы в лагерь.

Но там была и Харриет.

Дэнни нуждался в ее помощи в переводе. Правда, вскоре он убедился, что многие из ее заключений неверны. Тем не менее, это было все, чем он мог располагать в общении с этими изумительными существами воздуха. Дэнни ругался с Харриет, доводил ее до слез, требуя язык, на котором говорили шаристы... но что она могла поделать! И все же время шло, и между Дэнни и шаристами стали устанавливаться некоторые взаимоотношения.

Никто не может сказать, какая часть нашего образования может оказаться полезной в жизни. Долгое изучение грамматики Хомского, критика Дарта и Лоренца — все это было бесполезно в небесах Клонга. Но Дэнни благословлял каждый час, который он провел под парусами на озере, и каждый вечер, когда он играл в квартете. Язык шаристов был музыкой. Даже китайцы не были так требовательны к изменению тональности, как шаристы в своих песнях. Еще не зная их языка, Дэнни вступил в их хор. И они отвечали ему, без особого энтузиазма, но с любопытством. Друг Дэнни даже научился напевать его имя.

Дэнни понял, что некоторые песни шаристов означают опасность. Причем различались три вида опасности: одна с земли, а две другие, правда очень отличающиеся друг от друга, с воздуха. Один из этих звуков означал приближение акулы воздуха — самого опасного естественного врага шаристов.

Что касается другого, то насколько мог понять Дэнни, он означал опасность сверху, причем не просто опасность, а смертельную опасность. Дэнни размышлял над этим часами, но ничего не мог понять, и Харриет не могла ему помочь ничем. Дэнни сделал ее жизнь настоящим адом. Вскоре с Земли пришли некоторые расшифрованные данные, и Харриет смогла составить для него несколько предложений. Теперь Дэнни мог петь: «Я друг...», и к его удивлению его приятель Чарли в ответ разразился целой песней.

— Да, да, конечно! Мы друзья!

И весь хор присоединился к нему.

Коварная погода благоприятствовала Дэнни восемь дней. А затем поднялся ветер, по небу понеслись облака.

При сильном ветре даже искусные шаристы с трудом могли держаться вместе, и Дэнни буквально понесло по небу. Он только

старался держаться поближе к лагерю. Стая шаристов тоже не улетала далеко. Он пропел прощальную песню и тут же услышал в ответ песню «Опасность с воздуха». Сначала он подумал, что это связано с погодой, но вдруг через свист ветра он услышал звук мотора геликоптера.

Дэйлхауз оставил стаю, взмыл вверх, чтобы найти подходящий поток, и полетел к лагерю. Да, действительно, к лагерю спускался геликоптер Гризи с флагом Юнион Джек на хвосте. Такая расточительная трата энергии! Более того, что они израсходовали уйму энергии, доставив сюда геликоптер, они еще позволяют себе совершать развлекательные прогулки! Как это типично для Гризи, сидящих на нефти!

Дэнни выругался с презрением. Если бы Гризи отдали им хотя бы часть тех килокалорий, которые они так беззаботно пускают на воздух, он, Дэнни, давно имел бы компьютер, Капелюшников запустил бы свой глайдер, Моррисей поставил бы на свою лодку хороший мотор и уже давно бы имел полную коллекцию образцов морской фауны.

Да, в шаре что-то неправильно, раз горстка людей может беззаботно жечь горючее только потому, что им посчастливилось жить там, где горючего много. Конечно, когда запасы нефти кончатся, эти страны будут такими же нищими, как паки или перуанцы. Но ничего хорошего в этом не будет, ведь закат этих наций будет означать закат всего мира...

По крайней мере, мира Земли. Возможно, удастся что-то сделать в этом мире. Планировать. Думать. Готовиться. Обязательный контроль за рождаемостью, чтобы увеличение населения не поглотило скудные ресурсы: тщательно разделенные богатства Клонга, чтобы ни одна нация, ни один человек не получил преимуществ перед остальными. Попытаться добиться всеобщего объединения...

Внезапно Дэйлхауз осознал, что он мечтает. Ветер занес его гораздо дальше, чем он предполагал. Дэнни оказался почти над открытым морем. Он быстро спустил водород и приземлился на песчаной косе. Теперь придется идти пешком в лагерь и тащить шары. Капелюшников будет в бешенстве. Вздохнув, Дэнни отправился в путь. Начинался дождь.

Дождь шел и шел, не прекращаясь ни на минуту. Это был тот безумный шторм, который обрушился на лагерь после их приземления. Но дождь шел и шел с унылым постоянством. Казалось, что они все обречены на то, чтобы постоянно жить в воде, шлепать по грязи. Весь лагерь превратился в унылое болото. Дэнни с сожалением понял, что летать сейчас невозможно, и он занялся шарами, надеясь на изменение погоды. Харриет Сантора совсем осатанела и бросилась на всех с руганью. Моррисей в своей палатке сортировал образцы, рисовал какие-то таинственные схемы и, поглядывая на мутное небо, качал головой. Дэнни составлял длиннейшие послания на Землю, требуя побольше информации

о языке своих друзей шаристов. Кривитин и Спарки Кербо изготовили самогон из местных вишен и упились до чертиков. А на следующий день они заболели и чуть не умерли. Дэнни ухаживал за ними и по приказанию Харриет принес Моррисею их анализы для изучения.

Моррисей сидел над своими диаграммами, когда пришел Дэнни. И когда Дэнни объяснил ему цель прихода, Моррисей равнодушно отказался:

— Чепуха, Дэнни. У меня нет для этого оборудования, выбрось образцы в яму. Я не хочу заниматься ими.

— Харриет сказала, что ты должен выяснить, насколько серьезно отравление.

— Мы и так это узнаем. Они заболели, но не умрут.

— Харриет сказала, что ты можешь провести анализы.

— На что? Я даже не знаю, что смотреть.

— Харриет сказала...

— Плевать на Харриет. Прости, Дэнни, я не хотел напоминать тебе о том, что было между нею и тобой. Но у меня есть более интересная и нужная работа.

— Но ведь идет дождь, Джим.

— Он прекращается. И когда он прекратится, я намереваюсь откопать наших друзей.— Он показал на пол палатки.— Тех самых, что стащили радио Харриет.

— Мы уже пытались сделать это.

— Да, пытались. И поняли, что главное — это скорость. Они успевали закрыть входы в туннели раньше, чем мы успевали среагировать. У нас нет шансов захватить их врасплох, если,— добавил он небрежно,— если мы не заполним все туннели цианидом. Тогда у нас будет время.

— Значит ты предлагаешь убивать?— вспыхнул Дэйлхауз.

— Нет, нет. Я знаю, что ты не хочешь убивать своих братьев.

Дэйлхауз глубоко вздохнул. Он уже достаточно общался с шаристами, чтобы осознать — они разумная раса. Подземные жители были совершенно неизвестны ему, к тому же, он не симпатизировал им — все-таки для него они олицетворялись с термитами, червями,— и все же он не был готов к геноциду.

— Что же ты предлагаешь?

— Я предлагаю копать. Но дело в том, надо знать, где копать. И мне кажется, что я знаю.

Он собрал бумаги со стола. Верхний лист оказался картой, которая ничего не говорила Дэйлхаузу. Следующие листы были фотографиями, и Дэнни узнал их. Это были образцы аэрофотосъемки лагеря. Некоторые из них сделал он сам, некоторые — Капелюшников.

— Ну и что?

— Если ты внимательно присмотришься, то заметишь, что растительность распределена не регулярным образом. Вот эти оранжевые кусты растут по четко определенным линиям. И я уверен, что подземные жители каким-то образом обрабатывают поч-

ву, может быть, удобряют. И она становится предпочтительной для растений определенного типа. Подобные аналогии есть и на Земле. Возьмем, например, земляных червей, которые взрыхляют почву, и растения растут лучше. Конечно, здесь, может быть, совсем другие процессы, но смысл тот же.

Он сел на складной стул и с тревогой посмотрел на Дэнни.

Дэйлхауз задумался, прислушиваясь к ударам дождевых капель о полотно палатки.

— Ты сказал мне больше, чем я хотел знать, Джим. Ты хочешь, чтобы я помог тебе копать. А сможем ли мы копать так быстро, как потребуется? Особенно теперь, когда почва превратилась в грязь?

— Именно поэтому я взял у Бойни канавокопатель. Теперь он работает все время, пока идет дождь. Я думаю, что подземные жители ощущают вибрацию земли. Поэтому я хочу, чтобы они привыкли к этому, прежде чем мы начнем.

— Ты сказал Бойну, зачем тебе это нужно? Я думаю, что они и сами хотят заняться подземными жителями.

— Именно поэтому я и не сказал ничего. Я сообщил, что мы хотим выкопать новые ямы для уборных. Сейчас машина как раз над теми кустами, которые, с моей точки зрения, наиболее привлекательны. Ты идешь со мной?

Дэнни с тоской подумал о своих воздушных друзьях, гораздо более привлекательных, чем черви или крысы. Но сейчас нет возможности подняться в воздух...

— Конечно,— сказал он.

Моррисей ухмыльнулся.

— Ну что же, это было самое простое — уговорить тебя. Теперь предстоит более сложная задача — убедить Харриет.

Харриет повела себя именно так, как они и предполагали.

— Вы серьезно думаете вытащить кого-то из этой грязи, выкопав несколько дырок в земле?— саркастически спросила она.

— Послушай, Харриет,— проговорил Моррисей, стараясь не взорваться.— Дождь уже почти прекратился.

— Но у нас есть тысяча более важных дел!

— Это будет забавно,— вмешался Капелюшников.— Настоящий спорт английских джентльменов — раскапывать лисьи норы!

— Это не просто норы,— добавил Моррисей.— Взгляни на результаты сейсмических исследований. Здесь, под землей, большие камеры — размером в двадцать квадратных метров. Это не просто туннели. Может быть, города.

— Моррисей, я понимаю, почему никто из нас не верит тебе. Ты говоришь такие глупости. Города! Да, я вижу под землей пустоты, но называть их городами...

— Хорошо, хорошо, это не города. Может, даже не деревни. Но все-таки это что-то. Может, помещения, где они содержат своих детей. Может, склады пищи. О, Боже, я не знаю. Может, это сцена, где дают балетные представления, или играют в бинго.

Какая разница? Раз они большие, значит должны иметь какое-то значение. И жителям земли труднее закрыть эти проходы.

Он взглянул на Алекса Вудринга, который осторожно кашлянул и сказал:

— Я думаю, это разумно, Харриет. А ты?

Она задумчиво поджала губы.

— Разумно? Нет, я не могу считать это разумным. Конечно, ты глава экспедиции, по крайней мере, номинально. И если ты считаешь, что это разумно...

— Я считаю, что это хорошая идея,— гордо сказал Вудринг.

— Может, ты дашь мне закончить? Я скажу, что если ты решил забыть о соглашении, по которому все решения должны приниматься единогласно, тогда мне сказать нечего: вас ведь больше.

— Гаша, дорогая,— примирительно сказал Капелюшников.— Заткнись, пожалуйста. Расскажи свой план, Джимми.

— Слушайте. Во-первых, мы выкапываем яму, как можно больше. И все сразу прыгаем в нее. Нам прежде всего нужны образцы. Значит, надо хватать все, что попадется на глаза. Мы должны захватить их врасплох. А кроме того,— добавил он с удовлетворением,— двое из нас понесут это.— Он показал на камеру.— Здесь есть яркие лампы вспышки. Мне пришла в голову эта идея, когда я пил с Бойном. Гризи везде таскают с собой такие камеры, делая снимки для развлечения. Вспышка временно ослепит подземников, и мы легко захватим их.

— Временно, Джимми?— спросил Дэнни.

— В этом я не уверен,— неохотно ответил Моррисей.— Конечно, их глаза должны быть очень хищными. Но мы не знаем, есть ли у них вообще глаза.

— Тогда как же мы их ослепим?

— Ол райт. И все же мы сделаем именно так. Кроме того, у нас будут переговорные устройства, если что-нибудь случится с кем-либо.

Он нерешительно обвел всех взглядом.

— Если кто-нибудь заблудится и тому подобное, пусть вызывает помощь и копает вверх. Мы по несущей частоте сможем его запеленговать и откопать попавшего в беду.

Капелюшников прикрыл ему рот ладонью:

— Джим, дорогой, только не пугай нас, а то мы все разбежимся. К делу.

Харриет не собиралась принимать участие в этой авантюре. Но она настояла, чтобы два человека остались наверху: вдруг придется откапывать наших героев.

Но Спарки Кербо сказал, что он намерен идти со всеми. А Алисия Даир заявила, что никто лучше ее не справится с канавокопателем. И вот шесть человек с лампами и веревками собрались возле машины, готовые прыгнуть вниз по приказу Моррисея.

Машина начала работать, выбрасывая комья почвы, пропитанные водой. Через минуту все было готово.

Моррисей проглотил комок в горле, перекрестился и прыгнул вниз.

За ним Алекс Вудринг, Дэнни, Капелюшников, ди Паоло и Спарки Кербо.

По плану они должны были разбиться на пары, чтобы исследовать каждый туннель. Предполагалось, что там будет много туннелей. Но яма, куда они спрыгнули, была не более метра шириной. Это оказался просто туннель.

Ди Паоло упал на ногу Дэнни, а Спарки Кербо свалилась ему на спину. Втроем они ворочались в яме, стараясь высвободиться, и отчаянно ругались. Если тут и были подземные жители, подумал Дэнни, то они давно разбежались.

— Хватит терять время! — крикнул Моррисей.— Дэйлхауз! Спарки! За мной!

Дэнни повернулся и увидел силуэт Моррисея на фоне светлого круга лампы. Он на четвереньках пробирался в туннель.

Дэнни кинулся за ним.

— Ты видишь что-нибудь? — крикнул он.

— Нет. Молчи. Слушай.— Голос Моррисея был глухим, но Дэнни отчетливо слышал его. И вдруг он услышал еще что-то. Что? Звук был слабым и неузнаваемым. Крики белок?

Его собственное дыхание, шорох одежды мешали слушать, но, несомненно, что-то было!

Яркая вспышка ослепила его. Глазам стало больно. Это была лампа Моррисея далеко впереди. Все, что мог видеть Дэнни, это скрюченная спина, взвинчивающиеся и грязные стены туннеля. Теперь Дэнни был уверен, что слышит рассерженные крики белок. Естественно, подумал Дэнни, внезапно проникшись симпатией к подземникам. А что они еще могут подумать о нас? Наверняка они считают нас хищниками, несущими смерть и разрушение.

Он наткнулся на спину Моррисея и остановился. Моррисей рявкнул через плечо:

— Сволочи! Они блокировали его.

— Туннель?

— Да. И довольно крепко, как это удается им так быстро?

Внезапно Дэнни охватил атавистический страх. Заперты! А в другом направлении? Дэнни лег и посмотрел между ног назад. Скрюченный силуэт Спарки вырисовывался на фоне багрового неба планеты. Слава богу! Но даже теперь он ощущал, как одеревенели мышцы его шеи от древнего страха человека быть погребенным заживо. И тут он вспомнил, что этот туннель проходит прямо под канавокопателем. А что если тяжелая машина провалится в туннель?

— Джимми! — крикнул он.— Что ты думаешь? Может стоит вернуться?

Пауза. Затем со злостью.

— Пожалуй. Нам здесь ничего не сделать. Может ребятам больше повезло, чем нам.

Но Капелюшников с остальными был уже наверху. Он помогал им вылезать из ямы. Их отряду удалось пройти по туннелю всего метров десять, и потом туннель тоже был блокирован. Груп-

па Моррисея прошла вдвое больше. Но результат был одинаков. Реакция подземников была очень быстрой. Несомненно, условия жизни на Клонге научили их этому. Однако для людей все это означало, что трудно добыть образец этой фауны. Но еще труднее установить контакт. Дэнни с нежностью подумал о своих воздушных друзьях: насколько приятнее летать по небу, чем копаться в грязи, как крыса.

Капелюшников стряхнул с него грязь, затем со Спарки Кербо.

— Послушай, дорогая,— сказал он.— Ты возмутительно грязная. Пойдем искупаемся вместе в озере.

Девушка с добродушной улыбкой увернулась от его объятий.

— Узнаем сначала, что хочет от нас Харриет,— сказала она.

И действительно: Харриет стояла в дверях палатки в сотне метров от них и явно поджидала путешественников.

Когда они вошли, Харриет с неудовольствием осмотрела их.

— Понимаю,— сказала она.— Полный провал. И этого следовало ожидать.

— Харриет! — с вызовом бросил Моррисей.

Она подняла руку.

— Но дело не в этом. Может, вам интересно знать, что произошло, пока вы копошились в земле?

— Харриет, нас не было всего минут двадцать! — взорвался Моррисей.

— И тем не менее. Во-первых, пришел сигнал с Земли. Мы получили подкрепление. И Пипы тоже. Во-вторых...— она отступила в сторону, приглашая их выйти из палатки. Все столпились вокруг.

Дэйлхауз был ошарашен.

Харриет язвительно проговорила:

— Вы хотели поймать это подземное существо? Мы нашли его, когда оно воровало наши припасы. Конечно, если бы вы были тут, а не теряли время на глупости, вы помогли бы нам...

Капелюшников взвыл:

— Гаша! Не тяни! Вы поймали подземника?

— Конечно,— ответила она.— Мы посадили его в одну из клеток Моррисея. Он страшно оцарапал меня, но что можно ждать, когда я почти одна...

Они не дали ей закончить. Все они ворвались в палатку.

Затхлый мышиный запах здесь был в тысячу раз сильнее, чем в туннеле. Дэйлхауз чуть не упал в обморок от этого запаха. Подземник был длиной почти в два метра. Маленькие глазки были посажены совсем близко друг от друга над узким длинным носом и излучали злобу. Однако стоны подземника вызвали жалость у Дэнни. Он грыз железные прутья клетки и одновременно царапал пол когтистыми лапами. Весь он был покрыт короткой шерстью. У него было шесть ног. Все короткие, сильные и снабженные острыми когтями.

Из чего бы они ни были сделаны — его зубы, они были очень твердыми. Один из прутьев решетки был уже почти перегрызен. И его жалостные стоны почти не прекращались.

Глава 9

Сейчас в стае было много детенышей. Маленькие шары юрко сновали между двухметровыми сферами взрослых шаристов. В хоре голосов четко выделялись тоненькие голоса детенышей. Они пели тихонько, стараясь экономить водород, которого и так было мало в их воздушных пузырях. Чарли величественно парил в стае, руководя хором детенышей, которые то и дело сбивались с ритма, постоянно наблюдая за небом, чтобы вовремя предупредить об опасности, прислушиваясь к восторженным песням и песням-жалобам. И он вел стаю.

Восторженных песен было много. Но много было и песен-жалоб. Восторженные песни он пропускал мимо ушей. Но песни-жалобы он выслушивал внимательно, постоянно готовый помочь и посочувствовать. Несколько самок оплакивали своих детенышей, которые слишком рано возомнили себя взрослыми, неразумно израсходовали свой водород и упали вниз, в безжалостный мир земли. Другие проклинали Среднее Солнце, погубившее их детенышей.

Это правда. И Чарли вел стаю, учитывая это обстоятельство.

— Никогда, никогда, никогда,— пел хор,— никогда мы не будем плодиться вблизи Нового Солнца.

Самки выражали согласие, но некоторые из самцов возражали:

— Но как мы узнаем, какое солнце опасно, а какое нет? И где же тогда плодиться? Дети Трех Солнц живут везде.

Ответная песня Чарли была убеждающей:

— Я спрошу моих друзей Среднего Солнца. Они знают все. (Он узнает, он узнает,— пел хор).

Но самцы задавали прямой вопрос:

— И мы это будем помнить?

— Да,— пел Чарли.— Мы будем помнить, потому что должны. (Мы должны, мы должны! — подхватывал хор).

Да, песня стаи вовсе не была мирной и спокойной. То и дело возникали мотивы недовольства на фоне доминирующей мелодии. Даже сам Чарли иногда фальшивил, притворялся, вместо того, чтобы переходить на новые мотивы. В его мозгу пробегали волны сомнений, но они не доходили до его сознания, и он не смог бы выразить их в песне. Но они были. Тревоги. Сомнения. Загадки. Кто такие люди Трех Солнц? Откуда они пришли? Они были похожи на шаристов, но его друг Дэнни Дэйлхауз объяснил, что они совсем другие.

Сначала появились люди Маленького Солнца. В первое время они казались просто другими наземными жителями, хотя сразу же зажгли маленькое солнце. Но их лагерь был почти на границе владений Чарли, и стая почти не обращала внимания на них.

Затем появилась группа друзей Чарли и после них третья группа — Люди Большого Солнца. Эти были ужасны! Их солнце всегда ярко светило. Ярче, чем истинное солнце. И так как глубочайшим инстинктом Чарли и его стаи было лететь к свету, ему было

до боли трудно повернуть и лететь от Большого Солнца. Прибывавшие люди опускались вниз на огненных столбах. В это время стая была далеко, и поэтому никто не пострадал. А к тому времени, как стая приблизилась, огни уже погасли. Затем Люди Большого Солнца послали вверх одного человека на странной жужжащей штуке, которая несла вокруг себя смерть. Когда кто-либо из стаи приближался к ней, что-то разрывало его шар, и он падал на землю, беспомощный и неспособный извлечь хотя бы один звук. Теперь стая старалась держаться от них подальше, как и от двух других групп прибывших людей. Одна из этих групп убивала. Люди второй группы не могли летать совсем, и вряд ли их можно было считать разумными...

За исключением Дэнни Дэйлхауза.

Чарли пел о своем друге:

— Дэнни Дэйлхауз и его товарищ Каппи — это разумные существа! Они летают с грацией и изяществом настоящих шаристов. Очень жаль, что даже Среднее Солнце светит так ярко, что инициирует наше оплодотворение. Ни Дэйлхауз, ни Капелюшников в этом не повинны. Когда светит Кунг, шаристы оплодотворяются. Дэнни и Каппи тут не при чем. Активное излучение всегда вызывает оплодотворение.

Стая плыла к клубящемуся облаку. Чарли повысил голос:

— Поднимайтесь, братья!

Хор подхватывал его слова:

— Поднимайтесь, сестры и друзья! Поднимайтесь, старые и молодые! Следите за окрестностями. Держите маленьких поближе к себе!

Каждый член стаи пел во весь голос, и стая собралась в компактный шар, вплывающий в облако. Теперь они видели друг друга сквозь туман, расплывчатые, как привидения. Но песни были слышны всем. Чарли и несколько взрослых самцов патрулировали периферию стаи. Если бы появились хайхэй, самцы не смогли бы защитить стаю, они не смогли бы и защитить себя, но они пропели бы песню-предупреждение, и тогда стая бросилась бы врассыпную. Погибли бы только самые слабые.

При столкновении теплых воздушных потоков с холодными образовывались густые облака, в которых нередко скрывалась опасность: акулы воздуха хайхей. Они никогда не спали и находились в постоянном движении — они всегда были голодны. Хайхей летали очень быстро и имели острые когти и клыки. Но у них были маленькие мешки с водородом. Поэтому они тратили много усилий, чтобы держаться в воздухе.

На этот раз стае повезло. В воздухе убийц не было. Чарли пропел благодарственную песнь, когда стая благополучно вылетела из облаков на чистый воздух.

Стая дрейфовала к Полюсу Тепла. Чарли внимательно выбирал нужные по направлению потоки воздуха. Он всегда знал, на каком уровне их подхватит попутный поток. Ему не нужно было размышлять — он просто знал. Чарли не хотелось улетать далеко

от своего друга, которого не видел уже давно. Он просигналил стае подняться вверх на сотню метров. Все похватили его песню, и вниз начали капать капли воды: стая сбрасывала балласт. Вскоре стая собралась вместе на новом уровне, и поток понес ее к лагерю Среднего Солнца.

Хайхей не было видно. Чарли был доволен. Как хорошо плыть в воздухе. Он снова запел благодарственную песнь.

Они уже приближались к границе своей территории, и Чарли увидел в нескольких километрах от них другую стаю. Чарли спокойно наблюдал за нею. Между стаями не было соперничества. Временами две стаи дрейфовали вместе целыми днями, даже смешиваясь между собою. Иногда отдельные особи переходили из стаи в стаю. И никого это не трогало. Перешедшие становились полноправными членами нового сообщества и начинали петь новые песни. И тем не менее стаи обычно держались внутри своих ничем не обозначенных регионов. Небо было для всех одно, и места обитания одних стай не отличались от других.

И все же некоторые области были более привлекательными. Область, где Люди Большого Солнца построили свои сверкающие хижины и зажгли огромные лампы, была одной из самых любимых. Приятные потоки воздуха обтекали плавные холмы и хайхей было мало. Чарли запел песню сожаления, так как им долго придется избегать той области. Берег бухты, где поселился Дэнни Дэйлхауз с друзьями, наоборот, редко посещался шаристами. Водяные пары океана создавали густую облачность, в которой скрывались убийцы. Любой член стаи мог бы оспорить решение Чарли вернуться туда, и был прав. Однако жизнь шаристов подчинялась строго определенным законам, и решения вожака не оспаривались никогда. Если он говорил — сделай это, то это должно быть сделано. Чарли был самым старшим, и его песни превалировали над всеми. И теперь, если один из самцов заводил свои песни, Чарли умел настоять на своем.

Кроме того, все знали, что Чарли привел в стаю своего друга, который принес в стаю свои новые и удивительные песни. Это была личность. Странная, это да. Но совершенно не похожая на ползающих по земле людей Маленького Солнца или летающих по воздуху при помощи убивающих машин людей Большого Солнца. Когда стая приблизилась к лагерю Среднего Солнца, все стали разворачиваться лицом вниз, чтобы первыми увидеть Дэнни или Каппи. И когда первый из стаи заметил его, песня превратилась в триумфальную.

Но как странно выглядел теперь Дэнни! Его воздушный мешок и раньше не отличался красотой и изяществом формы. А теперь он стал еще более бесформенным. Чарли бы не узнал его, если бы не был уверен, что во всем мире нет второго Дэнни. Стая стала спускаться вниз, чтобы встретить его, распевая песню приветствия, которую изобрел Чарли для своего друга.

Дэнни также рад был увидеть своих друзей, как и они его. Ведь прошло столько времени! После шторма им пришлось долго при-

водить все в порядок. А потом прибыл второй корабль и привез новых людей и целый контейнер нового оборудования. Это было прекрасно, но потребовало еще времени для того, чтобы установить аппаратуру, включить ее, настроить. Некоторые вещи, которые были доставлены, предназначались в дар шаристам. А это значило, что для их подъема нужно было сделать и наполнить новые шары, перераспределить баланс. Дэнни вообще не был уверен, что это нужно.

Но самым ценным был груз, состоящий из полукилограмма микрофишей, которые прибыли из Добл А-Я. Выяснилось, что профессор Дэйлхауз стал широко известен среди ксенобиологов. Его статьи обсуждались. На конференции в Мичигане разгорелась настоящая битва. Как привязать теорию Дарвина к эволюции шаристов?

Когда самки выпускают нитевидные яйца в воздух, и образуется прозрачная паутина, которую самцы орошают своей спермой одновременно, то где же отбор наиболее сильных и приспособленных к жизни? Как может следующее поколение унаследовать силу, разум, сексуальную привлекательность в таких условиях, когда все самцы передают свои гены в облако смешанного генетического материала самок? Основным производителем здесь является случай, который решает, кто будет отцом, а кто матерью будущего шариста. Да, у шаристов никогда не будет донжуанского списка. Любой из них мог быть лучшим оплодотворителем, но никто и никогда этого не сможет узнать.

Чарли бы мог внести ясность, если бы его спросили. Шаристы вступали в половую зрелость с того момента, как начинали свободно летать. Но все шаристы были разного размера.

Чем старше, тем больше. А чем больше, тем больше спермы, необходимой для оплодотворения яйцеклеток в облаке, выпущенном самками. Люди же, напротив, перестают участвовать в эволюции, когда проживут половину жизни. Селекция перестает играть свою роль. Именно поэтому человечество так и не избавилось от болезней старости — рака, артритов, атеросклероза. Эволюция не смогла отобрать особей, которые не подвержены таким болезням, так как человек, заболевший ими, уже выпадает из процесса эволюции. Он не воспроизводит потомство.

С шаристами все по-другому. Гиганты вроде Чарли оплодотворяют, по крайней мере, половину яйцеклеток, в то время как молодые выпускают жалкие капли. Чарли и ему подобные доказали свою способность к выживанию простейшим тестом: они выжили.

Дэйлхаузу очень хотелось поговорить с Чарли именно об этом. Он хотел поговорить даже больше, чем опробовать новые конструкции языка, созданные для него большим компьютером Земли. Кроме того, Дэнни думал о подарке с Земли для стаи. С точки зрения людей Земли это был лучший подарок стае.

Разумеется, это был не просто подарок, но Дэнни понимал, что за все нужно платить. Песни Чарли стоили ему потери воздуха. Впрочем, как и всем шаристам. Когда шаристы пели, они рас-

ходовали газ и теряли высоту. При потере высоты они раньше или позже, но оказывались на поверхности планеты. И если их там не съедали, то они там барахтались, беспомощные и безголосые, дожидаясь, пока смогут набрать достаточно газа для подъема. Эту цену они платили с радостью. Жить — значит петь. Жить молча, это все равно, что умереть. Да, в большинстве случаев пение — это цена жизни.

Цена подарка, который принес Дэнни, была жизнь пяти шаристов, которые были отправлены на Землю.

Исследователи в Камп Детрик хорошо поработали над присланными образцами. Двое, погибшие во время полета, были препарированы сразу же. Этим двоим повезло. Остальных исследовали в живом виде. Самый большой и сильный из них выдержал две недели.

Экспериментаторы из Камп Детрик тоже заплатили свою цену: восемь из них погибли от клонганских болезней, а один имел несчастье сойти с ума и теперь до конца жизни не мог подвергать стрессам экспериментальные объекты. Шаристы вряд ли сочли бы такую расплату нечестной.

Дэнни Дэйлхауз снял с плеча сверхлегкий карабин и прицелился. Сам карабин весил не больше килограмма, а большая часть веса приходилась на высокоскоростные пули. Это было неудачное решение. Дэнни чувствовал, что отдача после выстрела отбросит его на полнеба. Зачем здесь нужны высокоскоростные пули? Кого здесь убивать ими? Однако партия, прибывшая с Земли, привезла приказ Комитета Мира Объединенных Наций, что пули должны быть именно такими. И вот они у Дэнни.

Дэнни снова надел на плечо карабин и снял с другого плеча карабин для Чарли. Кто-то где-то решил, что нужно Чарли и его народу для защиты от хищников. Он весил совсем немного и приводился в действие не спусковым крючком, а натягиванием нити. Стрелял карабин пачками маленьких игл или капсул с той или иной жидкостью. Иглы предназначались для воздушных хищников, а жидкость для наземных хищников, типа крабов, если шарист будет вынужден спуститься на землю и подвергнется нападению крабов. Жидкость не убивает, а только парализует живые существа.

Дэйлхаузу нужно было здорово потрудиться, чтобы со своими скудными познаниями объяснить все это Чарли. Но начинать нужно. Он поднял лук-карабин вверх и запел, придерживаясь того мотива, который разработали для него компьютеры МТИ:

— Я принес тебе подарок!

Чарли разразился целой трелью. Дэйлхауз понял всего несколько фраз, но для него было ясно, что это песня благодарности, вежливого любопытства. Маленький магнитофон на поясе Дэнни зафиксировал песню для будущего анализа.

Дэнни пропел следующее предложение:

— Ты должен лететь со мною и найти хайхей.

Это была трудная фраза. Дэнни, пока тренировался над нею, почти сорвал себе горло. Однако Чарли вроде бы понял его, так как песня благодарности сменилась тонкой мелодией беспокойства. Дэнни рассмеялся:

— Не бойся. Это будет охота за хайхей. Я убью его этим подарком. Так что стае можно будет больше не бояться.

Песня смятения. И в ней многократно повторялось слово «стая».

Теперь самое трудное.

— Ты должен оставить стаю,— пропел Дэнни.— Она будет в безопасности. Мы вернемся. Но мы с тобой должны найти хайхей.

Это заняло много времени. Но постепенно смысл дошел до Чарли. Он пропел песню доверия своему другу с Земли, заявив, что готов отправиться с ним в трудное и опасное путешествие.

Через час после того, как они спустились ниже и оставили стаю позади, песня Чарли стала печальной. Хайхей не было видно нигде.

Они оставили позади лагерь Блока Продовольствия, пролетели над побережьем, обогнули залив над колонией пипов. Дэнни уже начал сомневаться — правильно ли компьютеры Земли рассчитали слова его песни-обращения. Но вот в песне Чарли появился смертельный страх. Они нырнули под скопление облаков, и из одного из них появилась тень хищника-убийцы.

Дэнни испытывал искушение убить его из своего карабина. Все-таки приближение хайхей внушало ужас даже ему. Однако он подавил свои чувства: ведь ему нужно было продемонстрировать возможности нового оружия Чарли.

— Смотри! — крикнул он, поднимая оружие, приспособленное для конечностей шариста. Он поймал тело небесной акулы в перекрестке прицела, все время чувствуя низкое тремоло песни ужаса Чарли. Когда акула приблизилась на двадцать метров, он нажал курок.

Десяток металлических игл полетели навстречу акуле расширяющимся конусом. Для успеха достаточно было одной иглы. Воздушный мешок акулы был пропорот в нескольких местах, и из него потекла жидкость. Существо вскрикнуло от боли и удивления. Но для следующего крика у него уже не было воздуха. Акула полетела вниз, жуткая физиономия ее была искажена болью и ненавистью. Ужасные когти конвульсивно сжимались и разжимались в нескольких метрах от них.

Чарли испустил трель изумления, а затем разразился песней триумфа.

— Великолепно! Дэнни, ты убьешь всех акул?

— Нет, не я, Чарли. Ты сделаешь это сам.— И, зависнув в воздухе, Дэнни стал обучать умное существо, как обращаться с оружием, как прицеливаться, как заряжать, как спускать крючок. Для существа, которое никогда не имело дела с техникой, Чарли довольно быстро освоил все операции. Дэйлхауз дал ему возможность немного попрактиковаться и терпеливо показывал ему, как заряжать, как прицеливаться, как стрелять.

Они уже были не одни. Стая полетела за ними и теперь была

в полукилометре от них. Их песня доносилась до Дэйлхауза. Он понимал, что стая скучает и ждет разрешения приблизиться к вожаку. Внизу был лагерь Пипов, и Дэнни мог видеть любопытные лица. Пусть смотрят, подумал он. Пусть видят, как представители Блока Продовольствия налаживают контакты с аборигенами Клонга. Пипов осталось совсем немного, и не было видно никого из столь разрекламированного пополнения.

Пополнение. Дэйлхауз сразу вспомнил, что он еще не все сообщил Чарли.

— Это подарок,— пропел он,— тебе. Но мы тоже хотим кое-что попросить у тебя.

— Что именно?— вежливо спросил Чарли.

— Я не знаю слов. Но вскоре я сумею сказать тебе. Мои соплеменники хотят попросить тебя отнести кое-что кое-куда. Некоторые из вещей вы оставите на Земле, другие принесете назад.

Обучая Чарли, как пользоваться камерами и микрофонами, датчиками и сейсмическими микрофонами, Дэнни думал, как объяснить ему, где установить их. Что было так просто на Земле, оказалось почти невыполнимым здесь, на Клонге.

— Опасность! Опасность!— раздались крики из стаи.

Дэнни быстро осмотрелся. На них падала тень акулы. Она подлетела сзади, куда Дэнни просто не смотрел, а Чарли был слишком занят новыми игрушками.

Если бы не крики стаи, они были бы захвачены врасплох. Однако реакция у Чарли оказалась лучше, чем у Дэнни. Он быстро повернулся, и прежде чем Дэнни успел снять свой карабин с плеча, шарист показал, как он усвоил уроки. Хищник, судорожно извиваясь, полетел вниз.

— Прекрасно!— воскликнул Дэнни.

Чарли тоже запел:

— Какой чудесный подарок!

Они полетели к стае.

Иглы огня начали вонзаться в стаю. Они направлялись из лагеря пипов.

— Боже!— вскричал Дэнни.— Эти идиоты стреляют ракетами!

Ракеты взрывались посреди стаи, и тут и там вспыхивали огненные факелы водорода.

Глава 10

Прошло совсем немного времени с тех пор, как Дулла пришел в себя, поэтому он плохо сознавал, что происходит вокруг. Сначала он слышал странный звук, который он никак не мог идентифицировать, и какие-то люди тащили его к аппарату, который издавал эти звуки. Затем боль — ужасная боль. Затем долгие периоды, когда люди говорили над ним, говорили о нем. Но он совсем не испытывал желание отвечать. В свои короткие периоды, когда он приходил в сознание, он понимал, что боль ужасна. Это Гризи применили к нему неприятные методы лечения, но они оказались

эффективными. Он остался жив. Опухоли спали. Он уже не был слеп. Он был только очень ослабевшим.

Когда он проснулся в следующий раз, он понял, что даже может держать глаза открытыми. Возле него стоял Фенг Хуа-цзе. Китаец очень исхудал. Дулла подумал, что Фенг выглядит еще хуже, чем он сам.

— Тебе лучше? — печально спросил он.

Дулла задумался:

— Пожалуй, да. А что случилось?

— Я рад, что тебе лучше. Длинноносые принесли тебя от твоих друзей-жуков. Они сказали, что ты будешь жить, но я не поверил. Ты был без сознания очень долго. Хочешь поесть?

— Да, впрочем, нет,— поправился Дулла.— Хочу, но не сейчас. Сейчас мне нужно в уборную.

— Тебе помочь?

— Нет, я сам.

— Я рад этому,— сказал Фенг, который прислуживал, как сиделка, пока Ахмед был без сознания. Пакистанец мучительно медленно поднялся с циновки и, пошатываясь, побрел к уборной.

Он осмотрелся вокруг. Лагерь представлял печальное зрелище. Правда, крутилось водяное колесо, а значит — была энергия. Но где обещанное электричество, богатый урожай, удобства? И где мои люди?

Фенг последовал за ним и грустно смотрел, как Дулла опорожняет свой мочевой пузырь.

— Почему ты стоишь здесь? — рявкнул Дулла, с трудом затягивая шнур пижамы.— Что происходит? Почему сделано так мало?

Лидер развел руками.

— Что я могу сказать? Нас было десять. Двое умерло в том путешествии, которое ты счел таким необходимым. Один умер здесь. Двое были так плохи, что их пришлось отправить на Землю — благодаря Гризи. Итальянец спит, две женщины собирают топливо.

— Собирают топливо! Разве мы снова стали крестьянами?

Лидер вздохнул.

— Я делал, что мог.— Эту фразу он произносил про себя снова и снова.— Помощь придет. Сам Наследник Мао распорядился. Два больших корабля, люди, материалы. Скоро...

— Скоро! А до этого что? Мы ничего не будем делать?

— Иди в постель,— осторожно сказал Фенг.— Ты устал. И утомил меня. Если хочешь, поешь. Еда есть. Это нам дали Жирные. Иначе бы не осталось никого.

— Теперь мы уже попрошайки,— вспыхнул Дулла.— Для этого я учился и летел сюда через столько световых лет. За это я чуть не погиб! Какими мы будем выглядеть идиотами, когда вернемся на Землю!

Фенг покачал головой. Он снял со своего плеча руку пакистанца и отошел в сторону: от давно не мывшегося Дуллы ужасно воня-

ло. Ему было незачем это слушать. Он знал это и сам. Он принял подачку от Жирных, так как иначе все они умерли бы от голода. Он принял помощь Гризи для освобождения Дуллы и возвращения больных на Землю. А теперь они там наверняка говорят, как плохо подготовил Фенг Хуа-цзе экспедицию, которую ему доверили. Сейчас его наверняка критикуют со всех сторон. Когда он вернется на Землю — если вернется — самое большее, на что он сможет рассчитывать,— это снова оказаться нищим биохимиком на Желтой Реке.

А если его не снимут до тех пор, пока не прибудут два больших корабля...

О, тогда... Он снова вспомнил послания с Земли. Второй корабль доставит не десять, не пятнадцать, а целых тридцать пять человек. Агроном! Он продолжит то, что начал сам Фенг — возделывать земные злаки. Нет никаких сомнений, что во втором или третьем поколении растения будут давать большие урожаи. Два высококвалифицированных переводчика, причем один с расщеплением мозга. Доктор, нет, специалист по сложнейшим травмам, подумал Фенг, хирург с мировой репутацией. Судя по фотографии, он ростом метра два и черен, как волос ребенка. Три человека — специалисты по выживанию. Один из них ранее служил в Красной Гвардии, а затем прошел курс обучения скаута и практиковался в пустыне Гоби, затем в Гималаях.

А что доставит другой корабль! Фотоэлектропреобразователи, способные вырабатывать напряжение 239 вольт в большом количестве. Пластик, топоры и мачете, несколько винтовок, легкие велосипеды, компьютер с шестью терминалами, радиооборудование, лазер. И продовольствие, много продовольствия, достаточное для того, чтобы безбедно прожить несколько месяцев...

Это казалось сном.

Но Фенг знал, что среди этих тридцати пяти человек обязательно найдется тот, кто спокойно подойдет к нему и скажет:

— Фенг Хуа-цзе? Меня направил сюда Наследник Мао, чтобы выслушать твои объяснения насчет того, почему потерпел неудачу проект, на который мы возлагали столько надежд.

И после этого начнется для Фенга самое трудное. Оправданий никто не примет. Посланника будет интересовать, почему трое умерли, двое отправлены домой, а остальные десять сделали так мало.

Вот такие мысли теснились в голове Фенга, но он только сказал:

— Иди спать, Дулла. Ты мне уже надоел.

Дулла не пошел спать. Гнев придал ему сил. Он разбудил итальянца.

— О, ты уже ожил? — Спадетти пошатнулся и погладил подбородок, отливавший синевой.— А мы думали, что тебе хана. Я даже держал пари на дневную порцию еды.

— Я только что говорил с Фенгом, этим кретином.

— Дулла, он ни в чем не виноват. Просто мы первые. И мы де-

лали ошибки, без которых не обойтись, и которые послужат уроком другим.

— Я не желаю быть учителем Жирных и Гризи! Я вообще не хочу, чтобы они были здесь. Это должна быть наша планета, и мы сделаем ее такой, какой она нам нужна.

— Да,— признал Спадетти.— Я тоже так считал, но что мы можем сделать? Каждое наше действие казалось правильным. Даже твое решение завязать дружбу с аборигенами...

— Эти животные! Никто не может стать им другом.

— О, ты не прав, Дулла. Наши соперники достигли кое-каких успехов. Шаристы переносят их аппаратуру по всей планете. А Гризи обучают червей, чтобы они сделали туннели под нашим лагерем и подслушивали наши разговоры. Может, они и сейчас слушают.

— Чепуха. Ты настоящий идиот!

— Возможно, но не совсем чепуха,— улыбнулся итальянец, нисколько не обидившись.— Конечно, я немного пошутил, но тут есть доля правды. А чего достигли мы? Вот ты, Дулла, чего ты достиг, посетив колонию своих друзей, кроме того, что потерял двоих? Мы потерпели неудачу, вот и все.— Он зевнул и почесался.— А теперь, Дулла, сделай милость, дай мне возможность проснуться самому. Вокруг все так сурово и жестоко, что лучше жить во сне.

— Пей свое вино и спи,— холодно сказал Дулла.

— О, Дулла, идея неплохая. Но если бы тут было настоящее вино, а не эта мерзость.

— Свинья,— сказал Дулла, но не так громко, чтобы Спадетти мог сделать вид, что не слышал. Он повернулся, пошел к своей постели и сел, игнорируя жалобы Спадетти, который пил вино, сделанное им самим из сока местных фруктов. Может, этот сок убьет его? А почему нет? Один запах этого зелья отбил аппетит у Дуллы, хотя он знал, что есть необходимо. Со времени высадки на Клонг он потерял десять килограммов, и худеть дальше было недопустимо. Он выпил воды из фляжки, а затем заметил возле постели небольшой сверток. Дулла развернул его. Это оказалась микрофиша — письма с Земли.

— О, ты нашел свои любовные письма,— крикнул итальянец.— Жаль, что я не могу их прочитать — я не знаю языка. Но девушка очень симпатичная.

Дулла не обратил на него внимания. Он прошел в радиорубку, где было единственное работающее устройство для чтения. Спадетти был прав: почти все письма от болгарской девушки. И почти все они об одном и том же. Ей не хватает Дуллы. Она думает о нем, она с грустью вспоминает дни, проведенные с ним в Софии.

Но на фотографиях была Ана в Париже, Ана в Лондоне, Ана в Каире, Ана в Нью-Йорке. Да, она неплохо проводит время без него.

Богатые страны! И разные, так как их богатство обусловлено или горючим или продовольствием. Но богатство есть богатство.

И его, представителя Пипов, отделяет от болгарина, жителя страны Блока Продовольствия, большее расстояние, чем от кринпита. Но тут же он подумал, что он несправедлив. Нан совсем не такая. К тому же она провела детские годы в Хайдарабаде.

Избавившись от тошнотворного запаха итальянского вина, Дулла почувствовал голод. Он нашел немного жареной кукурузы и начал есть, просматривая письма Аны и другие сообщения с Земли. Да, много произошло событий, пока он был вне жизни. Жирные получили с Земли подкрепление. Официально считалось, что это отряд ООН для поддержания мира, но это заявление могло обмануть только аборигенов Клонга. Гризи запустили спутник с астрономической обсерваторией и исследуют изменения радиации Клонга. Правда, эксперимент нельзя назвать чистым. Но даже в этом случае Дулла изучал результаты с изумлением и завистью. Ведь это был его собственный проект! Это была работа, которой он обучался все годы! Какая неудачная их экспедиция! Он с отвращением посмотрел на разбросанные и ржавеющие приборы, которые валялись в палатке просто потому, что некому было на них работать. Так много нужно сделать. Так много, что он даже не знал, с чего начать.

Снаружи послышались рассерженные голоса. Дулла выглянул из палатки. Из-за чего-то ссорились Фенг и итальянец, а в небе была стая шаристов. Если бы Наследник Мао был более дружелюбен с другими странами и если бы Фенг был бы меньшим идиотом, тогда они могли иметь геликоптер, как Гризи, или сделали бы воздушный шар, как Жирные. И тогда он мог бы тоже летать со стаей. Но этот шанс упущен. И даже кринпиты, с которыми он, Дулла, хотел установить контакт, были ему такими же чужими, как раньше. Да, он рисковал. Он вспомнил свои ощущения, когда лежал беспомощный среди шевелящейся массы крабообразных. Если бы они не начали пожирать тех двоих, то его бы уже не было в живых. И весь риск впустую. Даже того единственного кринпита, с которым можно было бы попытаться установить контакт или хотя бы сохранить как образец, идиот Фенг умудрился отдать Гризи.

Внезапно на улице послышались другие звуки — шипение и свист. Дулла вскочил и выбежал из палатки. Он увидел, как огненные стрелы вонзились в небо, а Фенг с итальянцем отчаянно борются друг с другом. Одна из ямайских женщин ругалась на них обоих.

— Что случилось? — спросил Дулла.

Итальянец оттолкнул Фенга и повернулся к Дулле. Глаза его светились возбуждением.

— Фенг решил приветствовать наших друзей, — сказал он, показывая в небо. Ракеты взорвались, и тут же появились огненные вспышки вокруг. Шары вспыхивали один за другим, подожженные искрами.

— Идиоты! — закричал Дулла. — Вы видите, что вы наделали?

— Я поджег всего несколько шаров. Ну и что? — сказал Спадетти.

— Шары! Протри глаза, пьянчуга. Ты видишь, там человек? Он решит, что мы пытаемся убить его. Теперь он вернется на свою базу и доложит, что Народная Республика объявила войну. Это может плохо кончиться для нас.

— Тише, Дулла,— сказал Фэнг.— Теперь нам плевать на отношение к нам Жирных и Гризи. Помощь уже в пути.

— Ты такой же идиот, как и он. Зачем нужно было стрелять?

— Хотелось бы мне,— сказал Фенг,— чтобы тебя не спасали, Дулла. Здесь было спокойнее, пока ты торчал у кринпитов.

— А мне бы хотелось,— ответил Дулла,— чтобы нашим лидером был тот кринпит, который хотел убить меня. Он менее безобразен, чем ты, и более умен.

Этот кринпит был за много километров от лагеря Пипов и почти так же зол, как Дулла. Его привели в почти безумное состояние голод и постоянный ослепляющий шум в лагере.

В мире кринпитов никогда не было тишины. Но уровень шума всегда был приемлемым. Шестьдесят — семьдесят децибел, за исключением редких случаев грозы с раскатами грома.

Для Шарн-игона пребывание в лагере стало пыткой. Иногда здесь было тихо и спокойно, иногда ослепительно шумно. У кринпита не было внутреннего механизма для уменьшения чувствительности слуховых нервов. Шарн-игон не имел понятия, какие приборы работают и для чего они. Но он мог распознать каждый прибор: завывание сверлильной машины, мягкий рокот геликоптера, взвизги электропил, глухие удары водяного насоса. Шарн-игон прибыл в лагерь почти ослепшим, так как пребывание возле мотора геликоптера можно было сравнить с состоянием человека, смотревшего на солнце незащищенными глазами. В состоянии слепоты он оставался очень долго. Его сразу же поместили в железную клетку. Кринпит попытался перегрызть прутья, но это ему не удалось. Как только на пруте появлялась царапина, его сразу же заменяли новым. Ядовитые Привидения — обитатели лагеря — без конца беспокоили его, произнося его имя, имитируя его звуки каким-то таинственным способом. Шарн-игон понятия не имел о звукозаписи, и когда воспроизводился его собственный голос, он чувствовал себя как человек, впервые увидевший свое отражение. Он понял, что Ядовитые Привидения хотят поговорить с ним, но он редко отвечал им. Ему было нечего сказать им.

И он почти умирал от голода. Его кормили в основном растительными продуктами. Ел он с отвращением, и голод его еще больше усиливался, так как он ощущал запах Низших Привидений и даже Верхних Привидений. Но Ядовитые Привидения не бросали ему ничего мясного. И почти все время вокруг был ослепляющий шум. Шарн-игон был близок к тому, чтобы сойти с ума.

Но он цеплялся за жизнь потому, что у него была цель. Ядовитые Привидения убили Чи-прюитта.

Он еще не научился отделять одно привидение от другого и не знал, кто же из них убийца. Да это и не важно. Виновны они все.

Кринпиту было ясно, что для отмщения он должен убить как можно больше, но он не понимал, как это сделать. Он стер когти и края панциря, но прутья решетки держались.

Когда лагерь затихал, кринпит разговаривал с Верхним Привидением, которое было в соседней клетке.

— Хотел бы я съесть тебя,— сказал он. Если бы не решетка, Привидение стало бы его легкой жертвой. Оно потеряло весь свой газ и теперь корчилось на полу в клетке. Его песни стали еле слышным шепотом.

— Тебе до меня не добраться, если ты не сбросишь свой панцирь. А тогда я съем тебя.

Они говорили на своих языках, но многие поколения совместной жизни на планете привели к тому, что все они немного понимали язык друг друга.

— Я съел уже несколько таких, как ты,— сказало Верхнее Привидение.— Особенно мне нравится спинка.

Хвастается, конечно, подумал кринпит. Но кое-что было правдой. Шаристы нападали на кринпитов, когда те меняли панцири.

— Послушай,— прошептало Верхнее Привидение.— Я умираю. Можешь съесть меня, если хочешь.

Шарн-игон с грустью ответил:

— У меня тоже положение безвыходное. Так что можешь съесть меня.

И вдруг он понял, что Привидение каким-то образом оказалось вне клетки.

— Как ты выбрался?

— Я так близок к смерти,— слабо пропело Привидение,— что легко пролез между прутьями. Мне продырявили мешок с газом, и жизнь утекает из меня.

— Как бы мне пролезть между прутьями!

— Почему ты не откроешь клетку? Убивающие суют твердую штуку в определенное место клетки, когда хотят открыть ее.

— О чем ты говоришь?

— Подожди, тут есть одна такая. Я покажу.

Понятия Шарн-игона о ключах и замках отличались от человеческих. Однако и у кринпитов было нечто подобное. Он ерзал от нетерпения, пока умирающее Привидение подтащилось к клетке с чем-то твердым и блестящим во рту.

— Ты освободишь меня?— спросил кринпит.

Привидение задумалось, затем пропело:

— Но ты же съешь меня.

— Да. Съем. Но ты все равно умрешь,— сказал Шарн-игон и добавил:— Твой голос очень слаб.

Шарист что-то печально просвистел. Видимо, примирился с правдой.

— Если ты освободишь меня,— начал торговаться Шарн-игон,— я убью за тебя Ядовитое Привидение.— Затем честно добавил:— Я все равно буду убивать, так как они убили мою жену.

— Сколько убьешь?— с сожалением пропел шарист.

— Сколько смогу. Одного обязательно. Нет, двоих. Двоих за тебя и остальных, сколько смогу, за себя.

— Троих за меня. Трое напали на меня и причинили мне боль.

— Хорошо. Троих. Но давай побыстрее, а то Привидения вернутся.

Через несколько часов, уже на пределе своих сил, Шарн-игон приблизился к деревне кринпитов. Это была не его деревня. Он давно слышал звуки из деревни, но был так слаб и болен, что добирался сюда очень долго.

— Шарн-игон, Шарн-игон,— произносил он, приближаясь к чужой деревне.— Я не ваш. Шарн-игон! Шарн-игон!

Самка проползла мимо, но даже не обратила на него внимания.

Это не удивило Шарн-игона. Именно это он и ожидал. Каждый шаг по чужой деревне давался ему с большим трудом, чем все предыдущие.

— Шарн-игон!— снова позвал он.— Я хочу говорить с кем-нибудь из вас, хотя я не ваш.

Ответа, конечно, не было. Контакт наладить очень не просто. Каждая деревня была изолирована друг от друга как в географическом смысле, так и в культурном. Они не воевали. Но и не взаимодействовали.

— Шарн-игон! Шарн-игон!— взывал он снова и снова, и наконец навстречу ему выполз самец-мать. Он не заговорил с ним, но и не уходил. Двигаясь, он произнес свое имя:

— Тшар-и-фленг.

— Хорошо ли прошли празднества, чужой брат?— вежливо спросил Шарн-игон.

Ответа не было, только снова послышалось имя, на этот раз громче и отчетливее.

— Я не ваш,— сказал Шарн-игон.— Мне неприятно находиться здесь. Вам это тоже неприятно. Однако я должен поговорить с тобой.

Снова послышалось имя чужого кринпита, и наконец, Шарн-игон услышал:

— Зачем ты здесь, Шарн-игон?

У Шарн-игона подогнулись колени.

— Мне нужна пища. Шарист был такой тощий и хрупкий, что мне не удалось восстановить силы.

Шарн-игон постарался не съесть ни кусочка Отравленных Привидений. Он был уверен, что убил двоих, а третий, если и останется жив, то придет в себя не скоро. Так он отдал долг шаристу. Но не отомстил за Чи-прюитта.

Шарн-игон с трудом сломал традиционные барьеры между деревнями. Это заняло много времени и отняло много сил у Шарн-игона. Но в конце концов Тшар-и-фленг предоставил ему кров и удовлетворил его просьбы.

Шарн-игон ел то, что ему принесли, а Тшар-и-фленг оживленно разговаривал с остальными обитателями деревни за стенами

хижины. Затем они все вошли и окружили Шарн-игона, наблюдая, как он ест. Шарн-игон игнорировал их вежливые звуки любопытства до тех пор, пока не наелся. Затем он отодвинул в сторону объеденный скелет и заговорил.

— Ядовитые Привидения убили мою жену и не съели ее.

Послышались возгласы неодобрения.

— Они схватили меня и посадили в клетку. Они забрали моих детенышей и утащили их куда-то, но я уверена, что они их не съели.

Снова оглушительные звуки — смесь сочувствия и гнева.

— Они захватили Верхнее и Нижнее Привидения и много других живых существ. И никого из них не съели. Я убил троих из Ядовитых Привидений. Хотел бы убить и больше. Вы друзья Ядовитых Привидений?

Тшар-и-фленг с презрением сказал:

— Нет. Их друзья Нижние Привидения.

Кто-то заметил:

— Но Привидения умеют убивать. Они говорили с нами на нашем языке и сказали, чтобы мы не воевали с ними, а то нас перебьют.

— Ядовитые Привидения лгут,— сказал Шарн-игон.— Послушайте! Они уверяют, что прилетели с другого мира, подобного звездам на небе. Вы знаете, что такое звезды?

— Говорят, что они светят с небес.

— С небес исходит тепло. Я не слышал ничего об этих звездах. Как бы громко я не кричал, я не слышу эха от них.

— Мы тоже говорим об этом,— осторожно сказал Тшар-и-фленг.— Но мы боимся Ядовитых Привидений. Они убьют нас и не станут есть.

— Да, это правда,— сказал Шарн-игон. Он помолчал. Затем продолжил: — Если мы не убьем их первыми. Если все наши деревни не объединятся и не нападут на них и не убьют их всех.

Глава 11

Мэгги Меннингер больше не была блондинкой. И в паспорте ее имя уже было не Мэгги Меннингер. Согласно же путевым документам, она была теперь майор, направляющийся на новое место службы. Хотя генерал, подписывавший документ, санкционировал возможную задержку, вряд ли он полагал, что майор задержится в Париже.

В маленькой комнате отеля Мэгги съела несколько крувесантов с апельсиновым соком и позвонила консьержке, чтобы узнать, не прибыло ли письмо, которого она ждала.

— Сожалею, мисс Бернарди, но ничего нет,— вздохнула консьержка. Мэгги с отвращением откусила крувесант. Франция номинально входила в Блок Продовольствия — в основном за счет своих вин — но, черт побери, что за гадость подают на завтрак!

Она устала от этой комнаты, от застоявшегося запаха предыдущих постояльцев. Ей хотелось походить, но места совсем не было. А пока она торчит в этой комнате, корабли Пипов летят на

Клонг, собирается новая миссия стран Блока Продовольствия, и только бог знает, что происходит в Вашингтоне и ООН.

Она позавтракала и быстро оделась. Когда она спустилась вниз, то увидела на столе консьержки записку: продолговатый листок бумаги. Там было написано:

«Мисс Эстер Бернарди ждут в 15.00 для встречи».

Видимо, записка была здесь уже давно. Мэгги не стала ругаться с консьержкой. Сейчас ей нужно было подумать, как убить время — целых шесть часов! Она вышла на улицу Комартин, решая, что же ей делать. Надо было потратить время с какой-то пользой.

День был теплый. Запах газолина висел над Плас де Опера. Хотя Франция принадлежала к Блоку Продовольствия, она была гостеприимна и к арабам, и к пипам. Вот еще одна причина, почему нельзя доверять лягушатникам, подумала Мэгги.

Но сейчас не время решать такие проблемы. Сейчас нужно подумать, как провести время. У нее было только одно решение. Она должна делать то, что делает большинство американок в Париже. Она должна ходить по магазинам. Это лучший способ не привлекать к себе внимания. К тому же ей и самой этого хотелось.

Тайной страстью Мэгги, которую она тщательно скрывала, было периодическое хождение по магазинам, где она щупала ткани, примеряла одежду, обувь. В ее маленькой квартире было две туалетных, которые, как и гостиная, были завалены ее покупками. Они были засунуты в шкафы, под диван прямо в пластиковых мешках: свитеры, которых она никогда не одевала, материалы, скроенные, но не сшитые. Ее спальня всегда была чисто прибрана — никогда не знаешь, кто сегодня ляжет с тобой в постель. Но эти тайные комнаты были частью сущности Мэгги Меннингер. Она не делала дорогих покупок. Не потому, что она была скупа. Ее счета в банке были не ограничены. Но у нее был свой особый вкус, который и определял качество покупок. Периодически она объявляла войну своей расточительности, и тогда миссия Доброй Воли и Армия Спасения растаскивали ее залежи, но спустя неделю все начиналось сначала.

Мэгги не привлекали обычные ловушки для туристов на Елисейских Полях. Магазины фирмы Юникарикс, Прентампс и Галери Лафайет были в ее вкусе. К тому же она понимала, что не может целиком отдаться своей страсти. Ведь ей некуда было девать покупки, а оставить их в гостинице, значило привлечь внимание. Поэтому шесть часов она провела в парижских магазинах, прицениваясь, примеряя и сделав жизнь продавщиц настоящим адом. Но это не беспокоило Мэгги Меннингер. Когда, наконец, такси ровно в три часа доставило ее к отелю, ее настроение улучшилось. Тут она пересела в другой автомобиль и откинулась на твердую пластиковую спинку, ожидая, что будет дальше.

Водитель остановился на Плас Венесуэла. Среди туристов мелькнуло лицо ее отца, который вовсе не удивился, увидев Мэгги.

— Привет, дорогая,— сказал он.— Я принес твою игрушку.

Она взяла у него камеру и критически осмотрела ее. Она была

тяжелее, чем казалась на вид. Значит, нужно быть осторожной и не давать ее никому.

— Не пытайся снимать ею,— сказал отец.— Просто повесь ее на шее. Затем, когда ты прибудешь, куда направляешься,— он нажал на затвор и камера открылась, обнаружив предмет, отливающий тусклым металлическим светом.— Это то, что тебе надо. И еще сто тысяч нефтедолларов. Они в сумке.

— Спасибо, папа.

Он повернулся и посмотрел на нее.

— Ты не сказала матери, что я позволил тебе пойти на это?

— Конечно, нет.

— И не говори,— добавил он после размышления.— Как обстоят дела в Камп Детрик?

— Неплохо, папа. Ты дашь мне транспорт, и я смогу послать несколько стоящих парней.

Он кивнул.

— Ты знаешь, Пипы обстреляли одного из наших ребят. Все обошлось без последствий, но прецедент есть.

— Он не отстреливался?

— Нет! Это твой старый знакомый по Болгарии. Насколько я знаю, он не верит в действенность применения силы. По моему требованию он доложил об инциденте в ООН. У него есть ленты и снимки, чтобы доказать нападение.

Он выглянул в окно машины. Они уже пересекли Сену и углублялись в рабочий пригород Парижа.

— Здесь я выйду. Увидимся в Вашингтоне. И береги себя.

На следующее утро Мэгги уже была в Триесте. Теперь она уже была и не Мэгги Меннингер, и не Эстер Бернарди. Она была сонной швейцарской домохозяйкой и пересекла югославскую границу на наемном фиатовском электромобиле. С нею ехали другие женщины, стремящиеся купить дешевые овощи в Югославии. Она приехала в Загреб и затем пересела в автобус, который направлялся в столицу.

Предмет, который передал ей отец, находился в пластиковом мешке под свитером и старой потрепанной книжкой. Она очень устала и хотела спать.

Мэгги выросла в семье Годфри Мэннингера в атмосфере шпионажа. Она была единственным человеком в мире, которому ее отец доверялся полностью. Сначала потому, что она ничего не могла понять и можно было спокойно говорить при ней все. Затем потому, что она стала понимать все. Она выросла в атмосфере подозрительности, ликвидации предателей и врагов, она знала курьеров и двойных агентов. Она выросла в самом центре зловещей паутины, окутавшей весь мир.

Но сейчас она была не в центре паутины. Сейчас она была на самом краю ее, где риск был огромным, а наказание быстрым и жестоким. Она быстро шла по улице, избегая прямых взглядов. Двери маленьких магазинчиков были открыты и, ее обдавало то острым запахом жарящегося мяса из закусочных, то тошнотвор-

ным запахом немытых подмышек из магазинов одежды. Вскоре она увидела этот дом, куда шла. Надпись гласила: «Электротек Мюнхен». Офис располагался над небольшой мастерской, где мужчина шил на допотопной швейной машинке.

Она посмотрела на часы. До встречи еще больше часа. Человек, с которым она должна встретиться, это маленький щуплый итальянец в пиджаке футбольного клуба Скопле. Разумеется, сейчас никого, похожего на этого итальянца, поблизости не было.

Невдалеке она заметила множество ларьков, окружающих двухэтажное здание, напоминавшее здание вокзала в каком-нибудь заштатном американском городишке. Базар? Мэгги влилась в толпу женщин, одетых в самую разнообразную одежду, мужчин с корзинами розовых помидоров. Здесь же шныряли детишки. Да, это базар. Здесь она ни у кого не вызовет подозрений.

Однако она была голодна.

Наступил сезон клубники. Мэгги купила полкилограмма и бутылку пепси. Она уселась на край каменной балюстрады и начала есть. Конечно, она с большим желанием съела бы бифштекс с кровью, но здесь это не продавали. Так что она, по крайней мере, ничем не отличалась от окружающих: простая домохозяйка, направляющаяся по своим обычным делам и решившая освежиться.

Ровно в два она была перед зданием Электротек Мюнхен и изучала, как ей было предписано, путеводитель по Белграду. Однако никакой итальянец не появился. Она прождала полчаса, изредка приглядываясь к прохожим, затем со злостью сунула путеводитель в урну. Второе свидание должно было состояться в десять часов в большом старом роскошном отеле. Но черт побери, что ей столько времени делать?

Она шла по улицам. Трудно пробыть на ногах семь часов, но изредка можно останавливаться и пить содовую воду. Слава богу, она, наконец, нашла кафетерий. Эти странные буквы весело горели над входом. Мэгги изучала в университете кириллицу, так что ее скудных знаний хватило, чтобы понять, что одна из проблем ее решится. Она с трудом заказала что-то, что показалось ей похожим на жареного цыпленка с зеленью и овощами. Времени у нее было очень много. Поев, она расплатилась и снова пошла по улицам, заходя в каждый туалет, в каждую лавчонку. Она прошла по ботаническому саду, по бульвару маршала Тито. А затем пошел дождь. Она спаслась от дождя в кино, где до девяти смотрела чешскую комедию с сербско-хорватскими субтитрами. Ее главной проблемой в кино было только бы не заснуть.

Но когда она пришла в отель, то тут столкнулась с настоящей проблемой: итальянец не появился и здесь.

Она шаталась от усталости, одежда ее была грязной и потной. Ей казалось, что от нее уже стало вонять. Папа недостаточно все продумал, подумала она с горечью. Он должен был бы предвидеть, что портье обратят внимание на потную грязную иностранку, которая вдруг появится среди этой роскоши, мрамора, струнных трио. Если бы она была мужчиной, все было бы проще. Мо-

жно было бы взять проститутку. Вон ту тонкую блондинку, сидящую в одиночестве у камина, или ту пышную брюнетку, которая уже дважды покидала холл, и все с разными мужчинами. Каждый раз она возвращалась снова, готовая принять нового клиента. Мэгги отказалась от кампари и заказала официанту турецкий кофе. Следующая встреча состоится в полдень следующего дня. А где же она будет спать?

У проституток есть комнаты. Если бы она была одна их них...

Эта идея не покоробила Мэгги с моральной стороны, но она сразу поняла, что это практически неосуществимо. Даже если бы она и имела комнату, ее сразу выкинули бы вон, так как она нарушила бы существующую монополию местных проституток. Мэгги с интересом посмотрела на одиноких мужчин. На нее тоже поглядывали с интересом.

Мэгги взяла кофе и подсела к блондинке. Она заговорила с нею по-английски, полагая, что в таком отеле проститутки должны знать самые необходимые в их профессии слова.

— Сколько за ночь? — спросила она.

Блондинка изобразила возмущение.

— С тобой? Какая мерзость. Я никогда не занималась этим с женщиной.

— Пятьдесят динаров.

— Сто.

— Ол райт, сто. Но только ты должна будешь выполнять мои желания в точности, а у меня вкусы очень необычные.

Блондинка пожала плечами, затем подозвала официанта:

— Сначала купи мне настоящий виски, а потом объясни мне, что у тебя за вкусы. Тогда и посмотрим.

На следующее утро Мэгги проснулась свежей и отдохнувшей. Она вымылась под душем, переоделась и с улыбкой заплатила проститутке.

— Могу я задать вопрос? — спросила женщина, пересчитывая деньги.

— Конечно.

— Ты заставила меня гладить тебе шею, пока ты не уснула. Это действительно удовлетворяет тебя?

— Еще как! — улыбнулась Мэгги.

Она величественно вышла из отеля, вежливо кивнув местным полицейским в мешковатой серой униформе. Бульвар привел ее в кафе Лондон. И там за столиком сидел с кружкой пива тощий щуплый итальянец. На нем была шапочка с эмблемой спортивного клуба Скопле.

Она села за его стол, заказала кофе и удалилась в дамский туалет. Когда она вернулась, итальянца уже не было. Пластиковый мешок, который она оставила на стуле, казался нетронутым, но она сразу же ощупала его и поняла, что камеры в нем нет, а на ее месте лежала толстая книга.

Мэгги пересекла границу таким же способом, каким и приеха-

ла сюда. Вскоре она уже была в Триесте и вернула себе прежнее обличье. В самолете, который нес ее в Париж, она заперлась в туалете и исследовала содержимое пластикового мешка.

Каким образом Гелиззи стал человеком в большой армии шпионов, которому можно доверять, она не знала. Он не произвел на нее впечатления преданного человека. Однако все что было от него нужно, он сделал. Маленькое устройство было на пути к цели, а в ее руках были микрофиши всех секретных переговоров между Землей и лагерем Блока Продовольствия на Клонге. Ее отец будет доволен ею.

Глава 12

Ана Димитрова увидела в Соединенных Штатах то, что видела в большинстве стран мира: аэропорты, комнаты отелей, улицы городов. Но сейчас она с живым интересом смотрела на ландшафт, который разворачивался перед нею, когда она ехала в скоростном электробусе к месту своего назначения. Столько открытого пространства! И даже не занятого фермами!

Больше половины пассажиров в бусе были американцами. Некоторые из них курили, не взирая на запретные надписи, другие жевали резинку, трое на заднем сидении по очереди прикладывались к бутылке. Армейский сержант, который сразу же предложил ей полплитки шоколада, сейчас угощал чем-то женщину-агронома из Канады. Нан изо всех сил старалась, чтобы американцы ей понравились, хотя это было нелегко. Почти все американцы-мужчины старались завязать с нею дружеские отношения, которые буквально через несколько минут после знакомства старались превратить в сексуальные. Даже вьетнамский полковник, сидевший перед нею, такой любезный и обходительный, вскоре начал делать весьма двусмысленные намеки на прекрасном английском языке. Нан уже поменяла шесть мест, и отчаявшись найти спокойное место, теперь сидела, глядя в окно, хотя ничего уже не видела. До чего отвратительный, наглый, бесцеремонный народ!

Она притронулась к микрофишу, который лежал в кармане ее блузки. Она помнила его содержание наизусть. Как всегда оно было формальным и исключительно коротким:

«Дорогая Ана!
Я благодарю тебя за твои письма и часто думаю о тебе.
С признательностью *Дулла*».

Мог бы потратить и побольше долларов, подумала она и тут же оборвала себя. Ахмед был из бедной страны. Каждая буква, переданная с Клонга на Землю, стоила чрезвычайно дорого. А она в своих письмах буквально тратила море денег. Но ей никогда не приходилось экономить каждый пенни. Со вздохом она отбросила мысли о Дулле и начала думать о более близких вещах. Тут она поняла, что бус остановился.

Три американца в военной форме вошли в салон. Один из них поднял руку, призывая к тишине, и сказал:

— Приветствуем вас. Прошу предъявить документы.

В окно Нан увидела нечто вроде баррикады, окутанной проводами. Возле нее стояли еще два солдата и внимательно смотрели на бус. Странно. Они охраняли это место, где производится подготовка ученых и персонала поддержки для мирной экспедиции на Клонг. Когда сержант подошел к ней, она подала ему паспорт и улыбнулась. Сержант был высоким негром. Он бесстрастно ответил на улыбку.

— Имя?

— Оно же в паспорте. Ана-Елена Димитрова.

— Место рождения?

— Место рождения? Марек, Болгария. Город к югу от Софии, недалеко от границы с Югославией.

— Приложите пальцы, пожалуйста.— Она прижала пальцы сначала к подушечке, затем к белой карточке, которую он вложил в паспорт.— Документы вам вернут позже,— сказал он и спросил:— Вы любите танцевать? Сегодня в клубе играет прекрасная группа. Спросите меня, если мы не увидимся раньше. Мое имя Лерой.

— Благодарю, Лерой.

— Увидимся вечером, красотка.— Он подмигнул и отошел.

Ана нашла платок и стерла краску с пальцев. Эти американцы еще хуже, чем сэр Там,— не только американцы, поправила она себя, вспомнив блудливые руки вьетнамского полковника. Неужели так будет все время? А может, будет еще хуже, когда все они окажутся в маленьком лагере в составе небольшой колонии на Кунгсоне.

Но тогда Ахмед будет где-то поблизости. В другом лагере, да. Но она сможет найти способ увидеться с ним. Одна эта мысль делала ее пребывание в чужой ненавистной стране вполне переносимой.

На следующий день жизнь показалась ей более привлекательной. Она не смогла бы принять приглашение Лероя на танцы, даже если бы захотела. Просто не было времени.

Выдача одежды:

— Вы должны носить только эту одежду все время, кроме тех случаев, когда получите указание инструктора.

Указание по квартире:

— Вы должны поддерживать чистоту в квартире все время!

Короткое описание дня:

— Завтрак в 6.00. С 7.00 до 11.00 вы будете заниматься по индивидуальному плану, чтобы приспособиться вашим знаниям к условиям на Клонге. С 12.00 до 16.30 курс выживания в условиях Клонга. С 18.00 до 22.00 ваше личное время, за исключением тех случаев, когда вам придется проходить дополнительные курсы по выживанию. Выходные? Кто здесь спрашивает о выходных? А, вы! Нет, выходных у вас не будет.

Когда все это кончилось, была уже почти полночь. А когда Ана втащила свой чемодан в маленькую комнату, предназначенную ей, она увидела, что ее соседом оказался вьетнамский полков-

ник. Даже здесь чин имеет свои привилегии. Но у Аны не было привилегий, и ей пришлось удалиться. После долгих споров в офисе к двум часам ночи она, наконец, получила место в другой комнате, где соседкой была женщина.

Завтрак был на удивление обильным. Яйца, хлеб с джемом и мармеладом, кокосовое масло на каждом столе.

После завтрака вместе с двадцатью другими курсантами выстроилась на улице. Дул холодный сырой ветер. После переклички все разбились на группы и отправились по местам занятий. Ана входила в группу вместе с женщиной-агрономом из Канады и двумя незнакомыми мужчинами. Они прошли по улицам лагеря, мимо бейсбольного поля, между бараками и неизвестными зданиями, возле которых стояли вооруженные охранники. Вскоре они оказались на открытой площадке площадью в квадратный километр. В центре площади находился шар, привязанный по периметру к вбитым в землю кольям. Шар был диаметром пятьдесят метров. Площадка была окружена забором, и возле ворот стояли охранники. Прежде чем курсанты прошли в ворота, у них тщательно проверили документы.

В стороне горел огонь в печи, труба которой была соединена с отверстием в днище шара с помощью пластиковой трубы. Ана не могла себе представить, зачем нужен этот шар. Она не могла также понять, зачем здесь нужны вооруженные охранники. Почему они вооружены? Какой враг может угрожать тренировочной базе научной экспедиции, которая является, по сути, сборной командой всего мира?

Когда она прошла через ворота, она очутилась в длинном открытом загоне, закрытом сверху белым пластиковым куполом. Атмосфера была сырой и тяжелой, густо настоянной на неизвестных запахах. Свет был тускло-красный. Сначала Ана ничего не видела, а затем начала различать людей, которые ходили вдоль небольших прозрачных пластиковых куполов. Свет исходил от небольшого количества ламп с тлеющим разрядом.

Человек, который привел их, обратился к Ане:

— Вы себя нормально чувствуете?

— Кажется, нормально.

— Некоторым очень противен запах.

Ана принюхалась: перец, чеснок, гнилостный запах джунглей.

— Нет, терпимо.

Женщина из Канады сказала:

— Здесь звук очень странный.

— Это положительное давление внутри сферы. Ваши уши немного заложило.

— Я слышала о странных заболеваниях.

— Здесь их нет. Но, разумеется,— продолжал проводник,— вы можете погибнуть и здесь. Но не от болезни, а от аллергии. Вам всем сделают необходимые прививки. Димитрова, вы лингвист? Вы пойдете со мной, остальные пока подождут здесь.

Он повел ее вдоль ряда куполов. Глаза Аны уже привыкли

к свету, и она видела, что под каждым куполом образцы флоры и фауны с Клонга. Это были в основном растения, и некоторые из них достигали громадных размеров. Ана подумала, сколько же энергии пришлось затратить, чтобы перенести эти гиганты на сотни световых лет.

Они направлялись в ту часть, откуда доносились разнообразные непривычные звуки. Проводник сказал:

— Добро пожаловать в наш зоосад.

И тогда она увидела шариста.

Она узнала его сразу: такого странного существа не могло быть больше нигде во вселенной! Но шарист был... ранен. Он сидел в клетке. Его шар пульсировал, но был опавший и почти лежал на полу клетки. Она увидела пластиковую трубку, которая тянулась от насоса к шару. Женщина с магнитофоном склонилась над насосом, подкручивая клапан подачи воздуха. Она слушала жалобные песни шариста.

Неудивительно, что голос был таким слабым. Женщина подавала воздуха ровно столько, чтобы шарист мог петь, но взлететь он не имел возможности. Женщина подняла голову и сказала:

— Вы Димитрова? Я Джулия Арден. А это,— она показала на клетку,— Ширли. Сейчас она поет о своем детстве.

Ана всплеснула руками, глядя на жалкое сморщенное маленькое существо. Неужели эти песни — язык? Она не могла представить, как возможно понимать его.

— Я буду стараться, мисс Арден, но неужели вы думаете, что вы сможете обучить меня этому языку?

— Я? Нет. Я буду помогать, но учить вас будут компьютеры. Однако по настоящему может обучить вас только Ширли сама. Она любит петь для нас. Бедняжка. Ведь это единственное ее времяпрепровождение.

Нан долго смотрела на Ширли, а затем воскликнула:

— Какой стыд! Неужели вы не видите, что ей больно!

Женщина пожала плечами:

— А что я могу сделать?— тон ее был скорее агрессивным, чем защитительным.— Я не думаю, что Ширли с удовольствием выполняет свои обязанности. Но этого нельзя сказать и обо мне. Ваша задача изучить язык, Димитрова, и думайте только об этом.

— Но ей же больно...

Джулия Арден рассмеялась и покачала головой.

— Милая, вы здесь только со вчерашнего вечера. Подождите пару дней. Тогда мы снова поговорим о боли.

С 7.00 до 11.00 Ана Димитрова так напрягала свои мозги, что под конец ей показалось, что сейчас она умрет. Но с 12.00 до 16.30 она также истязала свое тело, как бы уравновешивая нагрузку на мозг. Джулия Арден была права. Через сорок восемь часов Ана стала экспертом по боли. Каждое утро она просыпалась с дикой головной болью. Каждый вечер она ложилась в постель, и все тело ее болело так, что она с трудом удерживалась, чтобы не принять

таблетки, которые ей давали. Она не могла принимать таблетки, так как ее мозг должен быть бодрствующим даже во сне. Она продолжала учиться и ночью, когда под подушкой работал магнитофон с песнями шариста.

Головные боли — но к этому она была привычна. Гораздо хуже был эффект прививок. Кожа ее покрылась пятнами, струпьями, прыщами, некоторые из которых гноились. Но это еще не все. Она чихала и кашляла. Глаза ее слезились, из носа постоянно текло. И она не была исключением. У всех из ее группы была такая же реакция на противоаллергические прививки. Если такова профилактика, то какой же должна быть сама болезнь? Когда же им показали снимок несчастного Пипа, умершего от аллергии прежде, чем были разработаны защитные меры, Ана поняла разницу между профилактикой и реальностью. Это глубоко поразило ее. Это было ужасно. И как Ахмед справляется с этим? Он ничего не писал в своих письмах, должно быть он очень отважный.

Каждый полдень, невзирая на состояние, их гнали на поле для физических занятий. Прыжки и бег, полоса препятствий, карабканье по веревке. Руки у нее сначала покрылись волдырями, затем превратились в сплошные раны, которые затянулись заскорузлой коркой и загрубели. Колени постоянно кровоточили. Все тело, где не было прыщей, было усеяно синяками и ссадинами.

Она держалась только потому, что понимала — это необходимо! Клонг не место для пикника. Это планета неизвестных и, может быть, смертельных опасностей. Курс обучения жесток и беспощаден, но он поможет ей встретить опасности и преодолеть их. Пусть она попала сюда не добровольно, но она не хотела отказываться от экспедиции.

И, наконец, самый главный аргумент. Это же путь к Ахмеду. Поэтому она старалась изо всех сил и втайне гордилась, что многое у нее получится лучше, чем у других. Вьетнамский полковник однажды упал с большой высоты, когда взбирался по канату, и был отправлен в госпиталь. Он вернулся на следующий день, прихрамывающий, но такой же игривый. Женщина лет сорока упала на землю при подъеме на холм. Она была тоже отправлена, но уже не вернулась.

Здесь быстро завязывались дружеские отношения. Она уже называла полковника «Гай», хотя его звали Нгуен, и уважала его за острый ум и чувство юмора. Она научилась не оставаться наедине с ним или с сержантом Свеггертом — да и с любым мужчиной. У всех у них откуда-то появлялись резервы сил в присутствии привлекательной женщины. Да и не только привлекательной. Ее соседка по комнате Елена Кристианидис не была привлекательной, но не однажды Нан, возвращаясь вечером домой, находила дверь запертой, и из комнаты доносилось прерывистое дыхание, слабые стоны, хихиканье. Когда Елена извинялась перед нею, Нан сказала:

— Ол райт, Крис. Не говори об этом.

Но это было для нее не ол райт. Она нуждалась во сне! Неужели им не нужен сон?

Когда дни перешли в недели, постоянная усталость стала меньше, ссадины зажили, реакция на антиаллергены уменьшилась. Головные боли не прекратились, но Нан привыкла к ним и даже принимала участие в дружеской болтовне в холле. Какие здесь рассказывались истории! Одни говорили о том, что они предназначены для полета на Кунгсон и для создания там новой человеческой расы. Другие говорили, что экспедиция направится вовсе не на Кунгсон, а на другую планету, название которой держится в тайне. Были версии и о том, что собранные здесь будут направлены вовсе не в космос, а на захват шотландских нефтяных вышек или для создания колонии в Антарктиде, где они расплавят льды и создадут новую Страну Блока Продовольствия. Сначала эти истории пугали Ану, затем забавляли, а потом наскучили. Она стала сочинять сама и увидела, что ее рассказы принимаются с таким же интересом, как и рассказы остальных. Однако кое-что из рассказанного казалось правдоподобным. Даже самые страшные новости. Например, необъяснимый инцидент в космосе, который уничтожил корабли Пипов с подкреплением и даже сам тахионный спутник. Нан даже опоздала на обед, чтобы успеть прослушать вечерние новости. Да, все было подтверждено официально. Какой ужас! Что теперь будет с Ахмедом? Но затем было объявлено, что Народной Республике предложили помощь экспедиции Блоков Горючего и Продовольствия. Ана, полная радости, поспешила в столовую и там предложила всем составить послание с выражением симпатии и добрых пожеланий их коллегам из Блока Народов. Все лица повернулись к ней, люди начали перешептываться, но в конце концов ее предложение было принято, письмо составлено, и все подписались под ним. На следующий день ей даже простили опоздание на занятия, так как она относила документ в офис. Комендант в офисе выслушал ее, трижды перечитал письмо, а затем пообещал отправить его по назначению.

Вечером она рассказала о своем визите, но ее рассказ потонул в потоке других слухов. Во-первых, кто-то сообщил о прибытии новой большой партии курсантов. Во-вторых, было сказано, что уже намечена дата их отлета на Кунгсон. И в-третьих, кто-то сказал, что весь проект аннулируется.

Черт знает что! Нан со злостью швырнула вилку в тарелку.

— Как можно верить во всю эту чепуху? Неужели все это может быть правдой одновременно?

Но большинство не обратило внимания на ее вспышку, а на своем бедре Нан ощутила чью-то поглаживающую руку.

Это был полковник, который всегда старался держаться поближе к Нан, чтобы, как он говорил, не упустить свой шанс.

— Прекрасная Ана,— сказал он.— Не будьте дурочкой. Я кое-что знаю и могу сказать, что все это правда.

Истинность одного из слухов подтвердилась на следующее утро. На базу прибыло пятьдесят пять новых курсантов, и одного человека среди них Ана знала. Это была блондинка, дочь Годфри Меннингера.

Разумеется, все сразу пошло кувырком. Распределение по комнатам изменилось, чтобы дать место вновь прибывшим. Но и не только поэтому, как сообразила Ана. Часть старых и большинство новых курсантов поселилось в бараке, который находился в километре от старой резиденции. Соседка Аны тоже переехала, и Ана боялась, что снова окажется вместе с полковником Гаем... Но этого не произошло. Он переехал в другой барак, и соседкой Нан оказалась женщина-агроном из Канады, специалист по выращиванию злаков в необычных условиях. Мэгги Меннингер заметила Нан в толпе и помахала ей рукой. Но у них не было случая поговорить. К тому же Ана и так на целый час опоздала на встречу с Ширли.

Ширли больше не была просто предметом изучения для Аны. В мозг Нан проникли песни шариста. Сначала она понимала только простые фразы, потом стала воспринимать абстрактные понятия, а затем уже полностью вжилась в образ чуждого ей существа. Ана никогда не считала себя певицей, но Ширли не была слишком критически настроена. Они часами пели друг другу, и песни Ширли становились все печальнее, все чаще отчаяние звучало в них. Иногда они даже становились бессвязными. Она рассказала Ане, что является последней из тех десяти, что прибыли с нею с Клонга сюда, на эту чужую для них Землю. Она понимала, что никогда ей уже не придется петь в стае. И она была трижды права. Ей уже не было суждено вернуться на родную планету.

Через два дня ее не стало. Ана пришла в зоосад и увидела, что клетка пуста, а Джулия Арден дезинфицирует ее.

— Не расстраивайся,— сказала она.— Ты узнала все, что должна была узнать.

— Я плачу не из-за того, что не успела научиться всему. Я потеряла нечто дорогое мне.

— Боже. Иди вон отсюда, Димитрова. Как только они взяли тебя в проект? Плакать над безмозглым существом: это черт знает что! К тому же ты пишешь любовные письма Пипу — ты действительно не в себе.

Ана пришла к себе в барак, бросилась на постель и позволила себе разрыдаться, чего не делала уже много месяцев. Она плакала, грустя по Ахмеду, по Ширли, плакала, так как ей было жалко себя, весь мир. Неужели люди могут быть такими ужасными, жестокими?

В этот день физические упражнения стали для нее настоящей мукой. Они перешли в совершенно новую стадию. И они, и вновь прибывшие начали заниматься не укреплением мускулов, а освоением новой, незнакомой, по крайней мере для Аны, аппаратуры. Она обратила внимание, что некоторые из курсантов уже знакомы с этой аппаратурой. И что это за аппаратура! Брандспойты, огнеметы, лазерные пушки, гранатометы... Для чего все это? Ана делала все, что ей приказывали. И тем не менее, она попала под сильную струю воды, которая сбила ее с ног. Сержант Свеггерт поднял ее.

— Зря утруждаете себя,— рявкнула Ана.— Со мной все в порядке.

— Конечно,— примирительно сказал сержант.— Для того, чтобы обращаться с этой штукой, мускулы не нужны. Нужно только немного мозгов.

— Я не согласна.

Он покачал головой.

— Почему ты так упряма, Ана?

— Я не хочу учиться обращению с оружием.

— Каким оружием?— он воззарился на нее.— Это оружие не предназначено для убийства разумных существ, как уверяет полковник Меннингер. Это против законов человечества. Но мы собираемся на чужую планету, обитатели которой летают в воздухе, передвигаются по земле и даже под землей. Так что если вам вздумается сесть на землю, вы рискуете тем, что подземный житель отгрызет половину вашей очаровательной попки. Вот чтобы этого не произошло, мы и учимся пользоваться этой аппаратурой.

— Во всяком случае,— сказала Ана,— мне не нужна ваша помощь. И я не верю ни вам, ни полковнику Меннингер.

Свеггерт посмотрел на нее и поджал губы.

— Хэлло, вот и полковник. А мы как раз говорили о вас.

— Это я заметила,— раздался голос Меннингер.

Она повернулась и увидела ее. Выглядела Мэгги, как без сожаления отметила Ана, очень плохо. Противоаллергены хорошо сделали свое дело.

— Хватит, сержант,— сказала Мэгги.— Димитрова, зайдите ко мне после занятий.

Она отвернулась и повысила голос:

— Хорошо, ребята!— крикнула она.— Ниже задницы, покажите, как вы умеете ползать.

Ана с возмущением бросилась в грязь и поползла попластунски. Это же тактика пехоты! Зачем это нужно в научной экспедиции? Она сдерживала свой гнев весь день, пока не кончились занятия, до того момента, как она постучала в дверь полковника Меннингер.

— Заходи,— Мэгги сидела за столом в халате. Наполовину съеденный обед на подносе был отодвинут в сторону.— Садись, Ана,— сказала она.— Закуришь? Или хочешь выпить?

Ана притушила свой гнев.

— Нет, благодарю,— отказалась она.

Мэгги встала, налила себе виски. Она предпочла бы марихуану, но не хотела курить при этой болгарке. Мэгги сделала глоток и сказала:

— Личный вопрос. Что ты имеешь против сержанта Свеггерта?

— Ничего. Просто не хочу ложиться с ним в постель.

— Димитрова, ты разве монахиня? Тебя никто не заставляет спать с ним. Почему ты не хочешь позволить ему помочь тебе, просто подать руку.

— Полковник Меннингер,— четко сказала Ана,— вы предла-

гаете мне поощрять сексуальные заигрывания, чтобы мне было легче преодолеть полосу препятствий?

— Я не предлагаю тебе это, Димитрова. Что с тобой? Свеггерт так ведет себя со всеми. Такова его натура. Он пристает даже ко мне. Я могла бы заслать этого сукиного сына в те места, куда он запускает руки во время занятий. Но не делаю этого, потому что он хороший специалист. Потому что он хороший человек. Он всегда может помочь вам, если вы позволите это. Вы всегда можете пообещать переспать с ним. Никто не заставит вас сдержать это обещание, хотя я порекомендовала бы его как партнера. Он всегда хорош в постели.

— Но это аморально, полковник Меннингер.

Мэгги допила бокал и налила еще.

— Ты несчастлива здесь, Ана?

— Это точно, мисс Меннингер. Я не просилась сюда.

— А я просилась.

— Возможно, но я...

— Я просила не только за себя, но и за тебя. Я знала только твое имя, и было чрезвычайно трудно найти тебя в Болгарии. Тебя считают крупным специалистом в переводе.— Она допила виски и отодвинула бокал в сторону.— Слушай, Ана, ты мне нужна. Этот проект очень важен для меня. Он будет важен и для тебя, если ты проникнешься патриотизмом.

— Патриотизмом?

— Пусть не патриотизмом, а преданностью,— терпеливо сказала Мэгги.— Преданностью нашему Блоку. Я знаю, что мы все из разных стран, но цель у нас одна.

Ана была больше озадачена, чем рассержена этой странной американкой. Она попыталась привести в порядок свои чувства, чтобы высказать их.

— Болгария мой дом. Я люблю свой дом. Блок Продовольствия — это абстрактное понятие, мисс Меннингер. Я понимаю, что в мире существует две сотни наций, которые могут объединиться в союзы и которые могут иметь врагов. Но я не могу сказать, что ощущаю преданность к какому-либо союзу. По крайней мере, по отношению к Блоку Продовольствия.

— Значит, и ко всему человечеству,— сказала Мэгги.— Разве ты не видишь это? Ты только что сказала сама: мир двухсот наций. Но Клонг может принадлежать одной нации. Никакой борьбы. Никаких шпионов. Никаких дел типа плаща и кинжала. Кто колонизировал Америку?

— Что?— Ана с трудом поняла, что ей задан вопрос.— Англичане. А до этого датчане.

— А перед ними были испанцы и итальянцы, а может быть, и те, кого ты так любишь: полинезийцы, китайцы, викинги. Кто знает? Но сейчас в Америке живут только американцы. А кто будет жить на Клонге через пару поколений? Клонганцы. Или как там они назовут себя. Просто раса людей. Все равно, откуда они придут. Все они будут равны, все они будут иметь равные возмо-

жности. Ты и я можем сделать это реальностью, Ана. Мы можем научить, как жить на Клонге. Мы можем построить мир без национальных барьеров, без вражды и без соревнований, которые разрушают этот мир. Ты понимаешь, что значит получить новый мир, чтобы начать все с нуля?

Ана молчала.

— Я... я сама думала об этом,— призналась она.

— Разумеется, думала. А я хочу, чтобы это произошло. Я хочу заложить основы общества, которое понимает необходимость переговоров, планирования, сотрудничества. Ты знаешь, сколько мы вложили в это мероприятие? Четыре корабля. Почти девяносто человек. Тридцать пять тонн оборудования. Это очень много, поверь мне. Это поразит всех, в том числе и Пипов. Гризи, конечно, поднимут цены. Нам нужны все наши ресурсы. Завтра соберется одна палата Конгресса...

— Ходят слухи,— осторожно сказала Ана,— что проект может быть закрыт.

Тень набежала на лицо Мэгги.

— Нет,— сказала она.— Это не случится, потому что этот проект слишком важен. Именно поэтому я и просила за тебя, Ана. Если мы пошлем девяносто человек, то это должны быть лучшие из лучших. А ты лучший переводчик, которого я знаю.— Она тронула руку Аны.— Ты понимаешь?

Ана отодвинулась, но не очень резко, чтобы это не показалось оскорблением:

— Д-да,— неохотно сказала она.— Но с другой стороны, нет. Все это хорошо, мисс Меннингер, но причем тут огнеметы и другое оружие? Значит, мы хотим построить монолитный мир, уничтожив кого-то?

— Нет, Ана!— воскликнула Мэгги, вложив в эти слова всю силу убеждения.— Даю тебе слово, что нет!

Наступило молчание.

— Ясно,— сказала Ана.— Вы даете мне слово.

— А что еще я могу сделать?

Ана задумчиво сказала:

— Мы здесь совсем не общаемся с внешним миром. Мне бы хотелось обсудить этот вопрос с другими людьми. Лучше всего с делегацией моей страны в ООН.

— А почему нет?— воскликнула Мэгги. Она задумалась, затем кивнула.— Вот что я скажу тебе. Когда закончатся тренировки, у нас будет три дня отпуска. Я сама собираюсь в Нью-Йорк. Едем со мной. Мы побродим по ресторанам, заглянем на какую-нибудь вечеринку. А ты можешь переговорить с кем хочешь. Идет?

Ана колебалась. Наконец, довольно неохотно, она сказала:

— Олл райт, мисс Меннингер. Все звучит довольно привлекательно.— Разумеется, в этом плане многое для Аны не было привлекательным, но она не собиралась обсуждать это с Меннингер.

— Отлично, милая. Теперь, если ты не возражаешь, я оставлю тебя. Мне нужно принять ванну.

Мэгги заперла дверь за болгаркой и с удовольствием забралась в ванну. Эта идиотка и не знает, что покинув Камп Детрик, она сможет попасть только прямо на взлетное поле. А шанс поговорить с кем-либо у нее появится только на Клонге. А там пусть болтает, что хочет. Но Ана Димитрова — это всего лишь одна из проблем, причем самая простая. Ходят слухи, что полет будет отменен! Черт возьми. Если Димитрова слышала это, то слышали все. И, вероятно, эти слухи близки к истине.

Мэгги позволила себе пять минут в ванне для расслабления. Затем она вышла из ванной и накинула на себя полотенце, но не из скромности, а для того, чтобы не видеть свое тело, покрытое отвратительными прыщами. Она не хотела быть такой. И очень не хотела, чтобы ее в таком виде видел сенатор.

Набирая номер сенатора, Мэгги посмотрела на себя в зеркало — какая гадость! Поэтому она не включила видеоканал.

— Хэлло, милый,— сказала она, услышав ответ сенатора.— Прости, что нет изображения, но в этом медвежьем углу нет аппаратуры, и к тому же... — она хихикнула,— я только что из ванны и голая.

— Хэлло, Мэгги,— тон сенатора был нейтральным. Он как бы говорил: да, между ними достаточно близкие отношения, но только не нужно пользоваться этим и давить на меня.— Полагаю, ты звонишь относительно нового полета?

— Только полагаешь, Андриан? Три недели назад ты голосовал за него.

— Я сам знаю, за что голосую, Мэгги.

— Разумеется, Андриан. Послушай, я позвонила не для того, чтобы ссориться.

— Нет, конечно. Ты позвонила, чтобы попытаться сохранить меня в упряжке. Я был уверен, что ты позвонишь. Ты хочешь сказать мне, что в предприятие вложены огромные средства и нельзя отказаться от проекта и выбросить деньги в трубу.

— Что-то подобное, сенатор,— неохотно ответила Мэгги.

— Я уверен в этом. Ты знаешь, что все это было уже сказано и раньше. Каждый раз, когда вам нужны деньги, вы просите немного, чтобы провести исследования. Затем вы требуете больше, так как получены хорошие результаты и исследования нужно продолжить. А затем требуете еще больше, так как в работу уже вложено много денег и глупо бросать ее на полпути. А в результате мы получаем такие никому не нужные вещи, как новые ракеты, оборонительные противоракетные системы, ядерные бомбардировщики. И совсем не потому, что этого хочет правительство, а потому, что нет возможности остановиться, если начал работу. Может, пришло время остановить эту затею с Клонгом, Мэгги? Через три дня состоится заседание комитета. Я не знаю, за что я буду голосовать, так как еще не имею всей информации. Но сейчас я не могу обещать ничего.

Мэгги удалось не выразить в голосе разочарование, но с гневом справиться она не смогла.

— Адриан, этот проект слишком много значит для меня.

— Ты думаешь, я не знаю? Слушай, Мэгги, это линия открытая, но тебе должно быть интересно знать кое-что. У меня находится завтрашняя утренняя газета Геральд, и в ней сообщение из Пекина: «Авторитетные источники сообщают, что исследование остатков тактрановых спутников доказывает, что взрыв, уничтоживший сателлит и два транспортных корабля, имеет подозрительное происхождение».

— Я слышала об этом, Адриан. Но пишут и о том, что диссиденты Народной Республики, наверняка, замешаны в это дело.

Сенатор молчал. Мэгги многое бы дала, чтобы увидеть сейчас выражение лица сенатора, пусть даже при этом он увидел бы и ее обезображенное лицо. Она даже протянула руку к выключателю видеоканала. Но сенатор заговорил:

— Думаю, что это все, что ты можешь мне сказать, Мэгги. Я согласен с тобой в одном. Вы втянули нас слишком глубоко.— И он отключил связь.

Мэгги десять минут сидела в задумчивости, затем схватила трубку и набрала номер дежурного офицера:

— Говорит полковник Меннингер. Сообщите руководителю тренировок, что меня завтра не будет, и подготовьте транспорт к восьми часам. Мне нужно в Нью-Йорк.

— Есть, мадам,— сказал офицер. Он не удивился. Ни один офицер проекта не мог покидать базы, таков был приказ. Но он также знал, кто подписал приказ.

Мэгги сидела в комнате свидания Совета Безопасности и ждала вызова. Мэгги не обращала внимания на разговоры членов делагации Перу, которые сидели тут же. Ее мысли были далеко на Клонге, за много световых лет отсюда. Вскоре молодая негритянка вышла, чтобы пригласить ее.

Женщина провела ее в скромную комнату, на двери которой была надпись: «Только для высшего персонала».

— Хэлло, папа,— сказала Мэгги, как только закрылась дверь за негритянкой, и подставила щеку для поцелуя.

Отец не стал ее целовать.

— Ты выглядишь ужасно,— сказал он без всякого сочувствия.— Какого черта тебя понесло туда?

Мэгги была захвачена врасплох. Это был не тот вопрос, которого она ожидала и который была готова обсуждать. Но она ответила сразу.

— Я обучаю колонистов тактике выживания.

— Посмотри на это! — сказал отец, протягивая ей пачку снимков.— Образцы из личной коллекции Наследника Мао. Стоили мне кучу денег.

Мэгги взяла один снимок. Это была голограмма. Мэгги чуть-чуть повернула ее, чтобы получить трехмерное изображение.

— Здесь я выгляжу слишком толстой,— критически заметила она.

— А это взято у курьера в Оттаве. Полагаю, ты узнаешь их.

Вот один из твоих парней кидает гранату. А это струя из огнемета. А вот одна из девушек, не могу сказать кто. Она поражает кого-то, очень похожего на кринпита. Кажется, у нее меч.

— О, папа, это вовсе не меч. Это просто нож. К тому же это только имитация кринпита. Чучело.

— Черт побери, Мэгги. Это же подготовка к войне.

— Это борьба за выживание,— поправила она.— А как ты считаешь? Наши ребята и девушки встретятся на Клонге с опасностями: все эти кринпиты, шаристы, подземные черви... Не забывай и о Гризи, и о Пипах. Я не проповедую убийство, папа. Я просто учу их, как защитить себя, чтобы остаться живым.— Лицо ее затуманилось.— И все же мне хотелось бы знать, как получены эти снимки.

— Ты узнаешь,— угрюмо сказал он.— Но дело не в том. Это просто копии. Оригиналы у Пипов, да и Там Гулсмит имеет их. А на следующей неделе Гризи и Пипы на Клонге узнают, что межнациональная дружба кончилась. Ты слышала дебаты в Совете?

— Что? Да, немного.

— Послушай. Перу расширило свои морские границы на тысячу километров.

Мэгги поморщилась:

— А при чем тут события на Клонге?

— Перу не стало бы ничего предпринимать без солидной поддержки. Номинально они входят в Блок Продовольствия, но если пропадет рыба... Поэтому они стараются поддерживать дружеские отношения с другими блоками.

— С какими?

Отец пальцами оттянул уголки глаз, сделав себя похожим на китайца. Хотя в этой комнате вряд ли были устройства подслушивания, не стоило рисковать, упоминая без особой необходимости имя Наследника Мао.

Мэгги долго сидела молча, пока в ее мозгу работало сортировочное устройство, раскладывающее шкалу приоритетов. Наконец, она нашла главное:

— Папа, Перу может хоть выпить свое море, и я не потеряю сон из-за того, что у нас есть шпион. Я переживу и небольшой скандал с военной подготовкой. Все это будет длиться только две-три недели, пока мы здесь. Именно поэтому я решила увидеться с тобой. Адриан Ленц колеблется. Мне нужна помощь, папа. Не позволяй ему закрыть проект.

Отец откинулся на спинку кресла. Мэгги не привыкла видеть отца таким, усталым и измученным. Сейчас он выглядел совсем стариком.

— Милая,— тяжело сказал он.— Разве ты не понимаешь, в каком мы сейчас тяжелом положении?

— Я понимаю, но...

— Нет. Слушай. Я думаю, что не понимаешь. Сегодня сел на мель танкер с шестьюстами тысячами тонн горючего, которое предполагалось доставить на Лонг-Бич. В обычное время это не

имело бы особого значения. В Южной Калифорнии большие резервы. Но сейчас они все передали на наш проект. Так что, если этот танкер не будет в течение сорока восьми часов снят с мели, Лос-Анджелес останется без горючего. Ты представляешь, какова будет реакция народа?

— Ну и что, если кое-кто и пошумит...

Он поднял руку.

— А сегодняшнее сообщение в газетах? Пипы утверждают, что их спутник был намеренно уничтожен.

— Нет! Это случайность! Бомба должна была уничтожить корабль снабжения.

— Случайность в подготовке — тоже преступление, Мэгги.

— Но они же не смогут это доказать. Им на меня не выйти... если не...

Она взглянула на отца. Тот покачал головой.

— Итальянец уже ничего не сможет сказать. Его убрали.

Значит, бедный Гвидо уже не сможет истратить свои сто тысяч нефтедолларов.

— Он хорошо поработал,— сказала она.— Взгляни на микрофиши. Ты получишь доказательство, что Гризи построили свою базу именно там, где сейсмическое сканирование позволяет предполагать большие запасы нефти. Это же нарушение международного договора.

— Не будь ребенком, Мэгги. Что можно сделать с таким доказательством? Сэр Там и Пипы не могут доказать, что ты передала Джелизи бомбу, но они и не нуждаются в этом. Им достаточно просто знать. И они знают. Выступление Перу доказывает это. Не говоря еще о мелких неприятностях, о которых ты еще не слышала. Вроде взрыва американского посольства в Буэнос-Айресе. Это небольшой подарок от сэра Тама и Наследника Мао, насколько я могу судить. Ты можешь предположить, что последует дальше.

Мэгги вдруг осознала, что с ожесточением расчесывает свои струпья и поспешно опустила руку.

— Дерьмо,— угрюмо сказала она и задумалась.

Вообще-то говоря, подумала она, основные правила не изменились. Соотношение национальной мощи осталось тем же. Ни одна нация не смогла бы одержать решительную победу во всем мире. И Блок Продовольствия, и Блок Горючего, и Блок Народов — каждый из них обладал достаточной ударной мощью, чтобы сокрушить врага — и каждый знал об этом. Более того, даже небольшие страны могли нанести врагу сокрушительный удар. Конечно, весь мир уничтожить они были не в состоянии, нет. Однако Перу обладала достаточно мощным оружием, чтобы настаивать на своем решении. В мире постоянно происходили пограничные инциденты, гибли люди, но никто не хотел доводить дело до крайности, так как все знали, чем это может кончиться.

— Папа, сказала Мэгги,— ты же знаешь, что никто не предпримет чего-либо серьезного. Баланс сил не позволит.

— Чепуха! Баланс сил нарушится сразу, как только кто-нибудь совершит ошибку. Пипы ошиблись, когда открыли огонь по шаристам на Клонге. Я сделал ошибку, когда позволил тебе отвезти бомбу в Белград. Настало время исправлять ошибки, милая.

Впервые Мэгги Меннингер ощутила реальный страх.

— Папа, значит ты не собираешься мне помочь уговорить Ленца?

— Я сказал даже больше. Я согласен с ним. Завтра у меня встреча с Президентом, и я буду советовать ему закрыть проект.

— Папа!

Он колебался.

— Милая, может быть потом, позже. Когда все успокоится...

— Тогда будет поздно! Пипы пошлют подкрепление, как только запустят новый спутник. А Гризи? И...

— Все уже решено, Мэгги.

Она изумленно смотрела на него. Это был тот Год Меннингер, которого знало все его агентство, но которого так редко видела его дочь. Сейчас она видела не своего отца. Это был человек непреклонный и решительный, какой всегда была она, чувствуя за собой мощную поддержку отца.

— Я не могу изменить своему решению,— сказала она. Это был не вопрос, и Годфри Меннингер ничего не ответил ей.

— Ну что же,— сказала она,— не вижу причин оставаться здесь дальше. Гуд бай, папа. Заботься о себе. Увидимся позже.

Она, не глядя на него, встала, взяла свою сумочку и офицерскую фуражку и вышла из комнаты.

Если ее отец был упрям и решителен, то она тоже была и упряма, и решительна, не менее, чем он. Она спустилась вниз и вошла в телефонную будку.

На экране появилась женщина ослепительной красоты. Однако она была не символом секса, а произведением искусства.

— О, Марджори,— сказала она.— А я думала, что ты появилась здесь по своим шпионским делам. Марджори, что случилось с твоим лицом?

Мэгги потерла свой покрытый прыщами подбородок.

— О, это. Просто реакция на прививки. Могу я увидеться с тобой?

— Конечно, дорогая. Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.— Мэгги положила трубку и вышла из будки. Но перед этим она посмотрела в зеркало, чтобы проверить макияж.

Мать Мэгги Меннингер жила в одном из самых высоких и самых дорогих небоскребов Нью-Йорка. Это было старомодное строение, возведенное в те времена, когда энергия была дешева, так что можно было не экономить на звуко- и теплоизоляции, на создании самых комфортных условий жизни. Теперь, когда нефть была безумно дорога, жизнь в этом здании была доступна

лишь очень немногим. Алисию Хоуз и ее теперешнего мужа стоимость роскошной квартиры не беспокоила.

Привратник приветствовал Мэгги.

— Рад видеть вас, мисс Меннингер! На этот раз вы будете жить у себя?

— Боюсь, что нет, Харви. Мне нужно поговорить с матерью.

— Да, мисс Мэгги. Она ждет вас.

Алисия Хоуз поднялась для приветственного поцелуя и окинула дочь все видящим проницательным взглядом.

— Тебе неплохо похудеть на пару килограмм, милая.

— Обещаю похудеть, мама. Мне нужна от тебя одна услуга.

— Конечно, милая.

— У папы возникли некоторые трудности, и мне нужно выйти на публику. Я хочу провести пресс-конференцию.

Муж Алисии Хоуз был владельцем большой телесети с выходом на три главных города. Ему принадлежали также дюжина спутников-передатчиков.

— Думаю, что кто-нибудь из людей Харольда поможет тебе,— медленно сказала она.— А в чем проблема?

— Мама, тебе это знать не нужно.

Мать вздохнула. С тех пор, как она вышла замуж за Годи Меннингера, она привыкла жить, не интересуясь ничем. Однако, разведясь с ним, она думала, что обрела свободу. Она никогда не говорила со своим экс-мужем. Не потому, что она не любила его. В глубине сердца она всегда считала его образцом мужчины. Однако она боялась, что случайное слово, сказанное ею кому-либо, если она будет много знать о работе мужа, произведет катастрофу в мире.

— Дорогая,— сказала она.— Я же должна что-нибудь сказать Харольду.

— О, конечно. Но не как проблему. Я хочу рассказать о Джеме. Планете Джем. И собираюсь туда, мама.

— Да, ты говорила мне. Через пару лет, когда все успокоится.

— Я хочу успокоить всех сейчас, мама. Я хочу, чтобы Соединенные Штаты послали туда достаточно сил и сделали эту планету пригодной для жизни. Чтобы любой американец мог посетить ее в любое время. Я хочу сделать это сейчас. Я предполагаю улететь через три недели.

— Мэгги! Неужели, Мэгги?

— Ты же не будешь возражать, если я хочу этого?

Алисия Хоуз никогда не могла устоять против такого аргумента дочери. Не могла она противостоять ему и сейчас. Мысль о дочери, несущейся сквозь пространство туда, где люди погибают от страшных мучений, была ужасна. Но Мэгги давно уже доказала свою возможность постоять за себя.

— Ладно. Видимо я уже не могу запереть тебя дома. Ол райт. Ты не сказала мне, что я должна сделать.

— Попроси Харольда выпустить меня в программе новостей. Он сам знает, как это лучше сделать. Правительство против поле-

та на планету. Оно урезает фонды, жалуется на возникающие проблемы. Я хочу, чтобы все знали, насколько важна для нас эта планета, я хочу рассказать народу все.— Она добавила из соображений стратегии.— Папа сначала поддерживал меня. Но теперь он переменил мнение и хочет, чтобы проект закрыли.

— Значит, ты борешься против собственного отца?

— Точно.

Алисия Хоуз улыбнулась. Это могло повлиять на ее теперешнего мужа. Она развела руками и пошла к телефону.

— Я скажу Харольду, что тебе нужно.

Ана Димитрова сидела в большой комнате за круглым столом. На голове ее были наушники. Она сидела с закрытыми глазами, губы ее двигались, а голова покачивалась, стараясь уловить ритм песни шариста, записанной на пленку. Но это было трудно, так как на пленке был голос не только шариста, но и кринпита. Пленка была записана несколько недель назад, когда единственный оставшийся в живых кринпит разговаривал с Ширли, единственным оставшимся в живых шаристом лагеря Детрик.

Имя шариста было не Ширли. Оно звучало примерно так: Моахри Балуи, что означало нежно-золотой носитель облаков. Скрипы и постукивания кринпита с трудом воспроизводили звуки шариста, но Ширли понимала его. Ана тоже хотела понять и прокручивала ленту снова и снова.

— Майа хийи (эти существа не похожи на нас) хуу хайэй (они жестокие животные).

Ответ Ширли: Ньюа малийи на хухаа (они убили мои песни).

Ана сняла наушники и с удовольствием потерла глаза. Сегодня головная боль очень сильна. И эта ужасная комната! Двадцать наушников и двадцать магнитофонов перед двадцатью одинаковыми стульями с жесткими прямыми спинками. Так ужасно!

Ана слишком устала, поэтому она выключила магнитофон, повесила наушники на крюк и встала. Она хотела попрощаться со своими собратьями по проекту, которые пришли сюда вместе с нею, но оказалось, что все ушли. Она осталась одна.

Было уже почти одиннадцать часов! А в шесть часов гонг поднимает ее с постели! Быстро идя по пустынной улице домой Ана вдруг изменила курс. Она решила выпить чего-нибудь с кофеином, чтобы подавить головную боль.

Но когда она опустила доллар в машину и подставила стакан, она вдруг поняла, что зря пришла сюда. Такой ужасный, раздирающий уши шум! Дюжина парочек бесновалась под музыку проигрывателя в одном углу. Компания людей восточного типа собралась в другом углу и пела под гитару, совершенно не обращая внимания на музыку проигрывателя. Но хуже всего был шум из телевизионной ниши: возбужденные крики, смех. Что там они смотрят? Неужели их так забавляет рекламный ролик?

— О, Нан,— крикнула ее соседка по комнате.— Ты пропустила все. Она была великолепна.

— Кто? Что я пропустила? Кто великолепна?

— Лейтенант-полковник Меннингер. Это действительно супер. Ты знаешь,— доверительно сказала женщина,— я всегда недолюбливала ее. На сегодня она была прекрасна. Она выступила в шестичасовой передаче новостей. Это было небольшое интервью, просто рассказ о Джеме. Я не знаю, как они вытащили ее на экран, но сделали они это не зря. Она прекрасно говорила, она сказала, что Джем дает надежду всем несчастным в мире. Она сказала, что там все ненависти будут забыты. Она сказала, что там, на чудной планете, каждый ребенок сможет выбрать себе идею и мораль, и у каждого будет пространство, чтобы жить так, как ему хочется, как он решил.

Ана захлебнулась кока-колой.

— Полковник Меннингер сказала это?

— Да, да, Нан, и это было великолепно. Мы все тронуты. Даже люди, подобные Студу Свеггерту и Нгуену. Комментатор спросил ее, правда ли, что на Джем будут посланы войска. И полковник сказала: «Я сама солдат. В каждой стране есть солдаты, как я, и каждый из нас молит бога, чтобы ему пришлось воспользоваться своими знаниями и умением. Но на Джеме мы сможем сделать нечто полезное. Сделать для мира, а не для уничтожения. И позвольте нам лететь туда, чтобы сделать это...» Что?— переспросила женщина, так как Нан бормотала что-то по-болгарски.

— Нет, нет, продолжай, пожалуйста,— сказала она.

— Ладно. И только что повторили часть ее выступления. Комментатор сказал, что отклик общественного мнения был потрясающим: телеграммы, звонки. В студию, в Белый дом, в ООН.

Ана забыла свою головную боль.

— Может, я была несправедлива к полковнику Меннингер. Я потрясена.

— Да, и я тоже. Но она заставила нас почувствовать, что мы здесь делаем великое дело. И все говорят об этом!

Да, говорили все. Не только в этом кафе. Звонили сенатору Ленцу и требовали от него поддержки героям Джема. Телефон Года Меннингера зазвонил лишь один раз, и на другом конце провода был сам Президент Соединенных Штатов. Когда Год повесил трубку, лицо его был напряженным, но, расслабившись, он улыбнулся.

— Милая,— сказал он в никуда.— Черт бы побрал твое черное сердце. Ты заставила своего отца гордиться собой.

Глава 13

Двадцать километров Чарли и его стая пытались следовать за маленьким бипланом, который летел в небе Джема. Бесполезно. Шаристы взмывали вверх, спускались вниз, отыскивая подходящие воздушные потоки, которые несли бы их к Полюсу Тепла. Они находили потоки, которые, однако, не были достаточно быстрыми. Чарли пропел прощальную печальную песню в микрофон пере-

датчика, и в кабине биплана стало оглушительно шумно. Звуки песни перекрыли даже рокот двигателя.

— Очень много шума,— крикнул Капелюшников в ухо Дэнни Дэйлхауза.— Выключи, пожалуйста.

— Я сначала попрощаюсь,— и Дэнни пропел песню и выключил приемник.

Стая осталась далеко позади. Дэнни наклонил голову, но лагерь Гризи еще не был виден. Они летели почти прямо к Полюсу Тепла. Гризи поступили глупо, расположив лагерь в самой негостеприимной части планеты. Но, может, у них были свои соображения?

Капелюшников наклонился к нему и хлопнул по плечу.

— Все в порядке,— прокричал он.— Конечно, такой — полет это совсем не то, что заниматься любовью с ветром на воздушном шаре. Здесь приходится сражаться с ветром. Но у тебя очень опытный пилот за рычагами управления.

— Я не жалуюсь.

У него не было оснований жаловаться. Биплан был настоящим чудом техники на Клонге — на Джеме, как они теперь его называли. По крайней мере, теперь они летят. До лагеря Гризи было трудно добраться другим способом. На Джеме не было автомобилей, потому что не было дорог. Можно было бы проехать на тракторе, но тракторов здесь не было. Даже Гризи не могли себе позволить иметь трактор. Эти тупоголовые Гризи умудрились расположить лагерь в десяти километрах от ближайшего судоходного водного пространства, так что лодки исключались. И вот теперь они летели на встречу, которая должна была наладить дружеские отношения между всеми людьми на Джеме. Дэйлхауз посочувствовал бедным, гордым, упрямым Пипам, которые сейчас проделывали этот путь, двигаясь пешком. И, может быть, шли где-то внизу. Так что сам по себе полет был их триумфом, хотя Дэнни слегка мутило. Но это была не воздушная болезнь, а пища, которой они питались. В лагерь прибыло двадцать два новых члена, и поэтому приготовление пищи стало проблемой. А эти новенькие привезли с собой свой аппетит, но не догадались захватить хорошего повара. Поэтому еда была отвратительной. Но никто не осмеливался жаловаться, так как тот, кто выражал недовольство, назначался следующим поваром.

Их состав рос. Третий корабль снабжения принес нечто неожиданное. Этот нелепый маленький двукрылый самолет. Выглядел он совершенно неуместно здесь, но тем не менее, он работал, летал! Кроме того, прибыло много аппаратуры и механизмов для того, чтобы Каппи мог изучать своих подземных друзей в туннелях, а Дэйлхауз получил радио для связи с Чарли. Новый спутник Аргус будет фотографировать облачность и поможет им предсказывать погоду с большей или меньшей точностью.

Он даже поможет им наладить контакт с разумными существами. Чарли был в восторге от своего арбалета и радио. Джим Моррисей тоже испытал свою новую аппаратуру. С помощью привезенных источников энергии он проделал три больших отвер-

стия вдоль туннеля, затем устроил ловушку, стены которой облицевал моноокисью кремния, чтобы подземники не могли быстро заделать отверстие. Таким образом ему удалось добыть несколько образцов, но для целей Дэйлхауза они уже не годились, хотя сам Моррисей был доволен.

Еще большие чудеса должны были прибыть на следующих кораблях. Кроме нового оборудования сюда должно было прибыть сто человек. Это же будет настоящий город!

Правда, не было известно, с какой целью прибывает подкрепление. Разумеется, тем, кто сейчас находился в лагере, нужны были разные специалисты. И, во-первых, хороший повар. Зубной врач. Побольше и красивых женщин. Хороший переводчик. Вспомнив о переводчике, Дэйлхауз оглянулся, чтобы посмотреть, как Харриет устроилась на небольшом пространстве площадью в один квадратный метр. Ее безбожно трясло, когда самолетик проваливался в воздушные ямы. Будь на ее месте кто-нибудь другой, Денни посочувствовал бы ему. Но для Харриет у него не нашлось ничего. Глаза Харриет были закрыты. На лице ее было выражение обиды за то, что она оказалась самой маленькой и поэтому именно ей пришлось упаковаться в эту коробку.

— Приближаемся,— крикнул ему Капелюшников.

Дэнни посмотрел вниз, но сквозь постоянный полумрак Джемианского неба увидел лишь облака.

И вот в просвете сверкнул ослепительно белый ободок Полюса Тепла. И что-то еще. Теперь уже сами облака светились ослепительно ярко. Когда биплан вынырнул из облаков, Дэнни понял причину столь яркого свечения.

— Боже! — воскликнул Каппи.— Неужели им не стыдно?

Источником света был сам лагерь. Он стоял на горизонте, как праздничная иллюминация, прорезая сумрак лучами прожекторов, освещенными окнами... даже уличными фонарями — изумлялся Дэйлхауз. Это был не лагерь экспедиции. Это был настоящий маленький город.

Вертикальный луч прожектора качнулся, приветствуя прибытие биплана. Капелюшников пробормотал что-то неразборчивое в микрофон, прислушался и затем пошел на вираж.

— В чем дело? — спросил Дэйлхауз.

— Ничего. Просто нам не нужно спешить. Пипы еще в пути, так что мы можем осмотреть это чудо, прежде чем приземлимся.

Это было действительно чудо. В лагере Гризи было всего сорок человек, но домов казалось гораздо больше. Домов, а не палаток или пластиковых шатров. Из чего они все это сделали? Некоторые дома напоминали бараки, другие были индивидуальными бунгало. Здесь же была конструкция, напоминающая Эйфелеву башню в миниатюре. Некоторые дома достигали двадцати пяти метров в высоту. И еще какой-то конус с лепестками в дальнем конце лагеря. Что это? Было похоже на то, что он состоит из центрального цилиндра, окруженного тонкими металлическими полосками. Может, солнечный генератор? Если так, то мощность

его не меньше мегаватта. А башня с пропеллером, вращающимся в горизонтальной плоскости. Может, это кондиционер?

Харриет приподнялась, перегнулась через плечо Дэнни и ахнула. Она сказала хрипло в самое ухо Дэнни:

— Но это же... это жуткое расточительство!

— О, да, дорогая Гаша,— ответил пилот.— Как было бы чудесно, если бы мы могли себе позволить это!

Сквозь скрипы и постукивания, которые доносились от его эскорта, состоящего из кринпитов, Ахмед Дулла услышал отдаленный шум.

— Опустите меня. Подождите. Постарайтесь не шуметь,— приказал он на смеси языка урду и языка кринпитов. Эта смесь позволила наладить контакт с существами. Он соскочил с носилок, на которых его несли кринпиты, взобрался на дерево и осмотрелся. В небе под облаками он увидел маленький кургузый самолетик.

— Значит, прибыло еще одно чудо техники,— сказал он.

Кринпит по имени Джорн-фтит смотрел в небо, рассматривая необычный объект. Он махнул массивной клешней:

— Мне непонятен смысл твоих слов.

— Ерунда. Давай двигаться дальше.— Дулла был не в настроении разговаривать с этими гипертрофированными жуками. Однако они были ему нужны.— Тащите носилки в мой мешок. Я пойду сам,— приказал он.— Слишком трудная дорога, чтобы ехать.

Они взбирались из долины на каменистые холмы, и растительности становилось все меньше и меньше. Вместо деревьев появились странные растения типа кактусовых. Дулла с отвращением смотрел на них. Изучать растения, находить новые продукты питания — вот путь, идя по которому отцы стали независимы от машинной цивилизации внешнего мира. Так перед отлетом советовал Феng Хуа-цзе. Но Дулла был астрофизиком, а не ботаником, и у него не было намерения следовать дурацким инструкциям.

Сейчас небо не было закрыто ветвями деревьев, и Дулла ясно видел кружащий самолет и огненное зарево Теплого Полюса. Так, Гризи имеют геликоптер, у Жирных появился аэроплан. А на чем явился представитель Народной Республики на эту встречу? На носилках, которые тащат странные существа, напоминающие сплющенных крабов. Дулла закурил. Если бы Феng прислушался к нему, они бы настояли, чтобы встреча состоялась в их лагере. Тогда они бы избежали такого унизительного прибытия на пластиковых носилках, которые несут странные существа из детских сказок. Какая катастрофа! И все ошибки Фенга или Наследника Мао. Экспедиция должна была быть технически оснащена. Но этим занялись китайцы, и проект с самого начала был обречен на поражение.

Кринпиты вдруг остановились, и Дулла, споткнувшись о них, чуть не упал.

— В чем дело?— спросил он.— Почему вы встали?

— Быстро приближается громкая вещь,— проскрипел Джорнфтит.

— Я ничего не слышу.— И тут, отвлекшись от своих мыслей, он увидел над холмом клубы пыли. На вершину холма вскарабкалась машина и двинулась навстречу ему. До нее было с полкилометра. Она была похожа на трактор.

— Еще один триумф расточительства,— пробормотал Дулла.— Как они осмеливаются ехать навстречу мне, если я могу дойти сам?

Кринпит вопросительно проскрипел, и Дулла добавил:

— Ладно. Положите носилки, теперь я понесу мешок сам. Спрячьтесь. Я не хочу, чтобы Гризи видели вас.

Но смысл слов не дошел до кринпитов. Кринпиты никогда не прятались друг от друга, так как если они были близко, то слышали друг друга. Дулла попытался объяснить:

— Идите за холм. Гризи там вас не заметят. Я вернусь сюда примерно через такое же время, которое занял у нас подъем от реки.— Он все равно не был уверен, что кринпиты поняли его. Кринпиты имели четкое представление и чувство времени, но не было возможности перевести временные понятия земли на их язык. Все же они покорно повернулись и двинулись прочь. Дулла пошел навстречу приближающемуся трактору.

Водителем был кувейтец, видимо переводчик, так как он приветствовал Дуллу на языке урду:

— Тебе нравится идти пешком? Забирайся ко мне.

— Ты очень любезен,— улыбнулся Дулла.— Действительно, сегодня немного жарко для пеших прогулок.

Но это вовсе не любезность, подумал он про себя, это все их проклятое высокомерие. Ахмед Дулла был уверен, что он единственный человек на Джеме, чей родной язык урду. Поэтому Гризи и послали ему навстречу переводчика, хотя они были уверены, что Дулла говорит и на других языках.

Придет время, пообещал он себе, когда он сполна расплатится с этими грязными свиньями. И он поехал по направлению к лагерю Гризи, дружески болтая с кувейтцем. Он вежливо отметил залитое огнями место обитания Гризи, хотя сердце его разрывалось от ярости.

Официальным хозяином встречи был назван Чесли Понтефакт, лондонец по рождению, но не коренной англичанин. Кожа у него была пурпурно-коричневого цвета, а волосы — цвета белой шерсти. Кодированные сообщения с Земли дали Дулле полную информацию о каждом члене экспедиции Гризи. И о Жирных тоже. Он знал, что Понтефакт был отставным маршалом авиации и номинальным командиром экспедиции. Но он также знал, что фактически экспедицией руководил один из гражданских лиц из Саудовской Аравии.

Понтефакт прошел вокруг длинного стола для конференции (деревянный! перевезен с Земли), предлагая выпивку и сигареты.

— Вам бренди? Доктор Дэйлхауз? — спросил он.— Или, может, кока-колу. Правда у нас нет апельсинового сока, но зато есть лед.

— Мне ничего не нужно,— сказал Дулла.— Полагаю, что лучше начать нашу встречу.

— Конечно, доктор Дулла.— Понтефакт тяжело сел во главе стола и осмотрел всех.— Вы не будете против, если я займу председательское кресло?

Дулла посмотрел, будут ли возражать Жирные, и, увидев, что нет, заговорил на долю секунды раньше, чем они:

— Пожалуйста, маршал Понтефакт,— тепло сказал он.— Мы ваши гости.

Однако в душе он понял, что это еще одно оскорбление. Разве не нужно гостям оказывать почтение?

Понтефакт сел во главе. Рядом два помощника: переводчик-кувейтец и женщина, наверняка, та самая, которая принимает решения. По одну сторону стола сели трое Жирных: Дэйлхауз, их русский пилот и их переводчик. С третьей стороны стола он оказался один. Разве можно было более ясно показать, насколько он, представитель Блока Народов, одинок и незначителен?

— Доктор Дулла, мы пригласили вас сюда потому, что мы все работаем над одними задачами. Ваша экспедиция переживает трудности, и вы знаете об этом. Экспедиция Блока Продовольствия и наша в немногим лучших условиях. У вас даже нет доктора, да, Дэйлхауз? Если не упоминать о многом другом. Да и у нас энергетические ресурсы очень ограничены. По решению ООН мы все должны сотрудничать и нести равную ответственность. В частности, в области научных исследований. Мы занимаемся геологией, и вы не можете не признать, что мы ведем честную игру.

— Да, конечно,— сказал Капелюшников.— Вы по чистой случайности оказались в той зоне, где находятся запасы нефти.

— Верно,— согласился Дулла.— Я полагаю, что мы все знаем об этом, маршал Понтефакт.

Да, удачно, что Жирные и Гризи стали ссориться между собой.

— Что случилось, то случилось,— надменно сказал маршал,— но здесь очень много работы, и мы не можем делать все. Например, астрономия. Мы запустили на орбиту лабораторию, но — и вы знаете об этом — аппаратура плохо работает. Позвольте мне показать кое-что.

Он встал и повесил на стене экран, затем он включил прибор и на экране появился какой-то график.

— Вы видите наш солнечный генератор. Это кривая выходной мощности генератора. Как вы видите, на кривой имеются выбросы. Вам это может показаться мелким фактом, но наш генератор — точный инструмент. Он не сможет делать свою работу так, как надо, если постоянные величины не будут постоянными.

Дулла смотрел на график с черной завистью. Именно из-за этого он и появился здесь. Ведь он, помимо всего, специалист по звездам! Он едва заметил, что в разговор вступил Дэйлхауз:

— Если излучение Клонга такое непостоянное, то это для нас более важно, чем всплески на кривой вашего генератора.

Понтефакт кивнул:

— Конечно. Мы и сами потрясены этим. Может быть, Кунг — нестабильная звезда?

— Вряд ли,— фыркнул Дулла.— Каждый знает, что всплески возможны всегда.

— Да, но никто не знает, сколько их и какой они мощности. А это мы должны знать точно. И именно это мы хотели бы узнать из результатов астрономических исследований, которые ведет ваша экспедиция, доктор Дулла.

Дулла взорвался.

— Это уж слишком. Как можно голодному человеку заниматься астрофизикой? И кто в этом виноват?

— Конечно, не мы, старики,— негодующе сказал Понтефакт.

— Но кто-то взорвал наши корабли. Кто-то убил тридцать восемь человек, граждан Народной Республики, старина!

— Но это было...— Понтефакт прервал фразу на полуслове. Он сделал видимое усилие, чтобы овладеть собой.— Пусть так,— снова начал он.— Факт то, что работа должна быть сделана, и кто-то должен ее сделать. У вас есть литература, у нас нет. По крайней мере, пока с Земли не прибудет телескоп. У нас есть люди, у вас нет.

— Прошу прощения. Позвольте мне проинформировать вас, что я директор Института планетологии в университете имени Зульфикара Али Бхутто и получил ученую степень по астрофизике в ...

— Никто не оспаривает ваши ученые звания. Мы только можем сомневаться, что в теперешнем положении вы вряд ли способны проводить исследования. Позвольте прислать вам нашего астронома. А еще лучше, переправить вашу аппаратуру сюда. Здесь и условия для наблюдения лучше.

— Нет, никогда! Ни то, ни другое!

— Не думаю, что это честно. Разве мы не сотрудничали в производстве продуктов питания?

— Какого питания? Для нас вы производите риса совсем немного. Так что вы делаете только для себя.

Дэйлхауз примирительно сказал:

— Мы можем увеличить производство риса для вас, если вы так его любите.

— Как великодушно,— фыркнул Дулла.

— Подождите, Дулла. У нас ведь тоже есть к вам претензии, если вы хотите знать. Например, стрельбу по мне.

Дулла сделал гримасу.

— Это была глупость Хуа-цзе. Народная Республика уже выразила свои сожаления.

— Кому? Мертвым шаристам?

— Да,— сказал Дулла с подчеркнутым издевательством,— да, мы передали соболезнования вашим друзьям, газовым мешкам.

И вашим, сэр, которые копаются в земле и которых вы считаете очень нужными и полезными.

— Если вы имеете в виду кринпитов,— сказал Понтефакт, едва сдерживая себя,— то мы, по крайней мере, не заставляем их таскать носилки.

— Нет! Но вы заставляете их помогать вам эксплуатировать минеральные ресурсы. Разве не правда, что среди них начались болезни, вызванные радиацией?

— Нет, нет. По крайней мере, не здесь. Мы использовали их для добычи различных образцов на разных территориях. И, может быть, некоторые из них получили дозу облучения. Но я должен сказать, что категорически отрицаю обвинение в том, что мы эксплуатируем их.

— О, я уверен, что вы не занимаетесь эксплуатацией, маршал Понтефакт, ведь ваши собственные предки на своей шкуре испытали всю тяжесть эксплуатации чужеземцев.

— Послушайте, Дулла!

Но Понтефакта прервала женщина из Саудовской Аравии, которая сказала:

— Я думаю, нам нужно прерваться для ленча. У нас много вопросов для обсуждения, и наши ссоры не помогут решению проблем. Давайте попытаемся начать снова после ленча.

Следующая сессия, состоявшаяся в полдень, была более спокойной, но Дэнни Дэйлхаузу не показалась более продуктивной.

— По крайней мере, мы немного разорили их на мясе,— сказал он Капелюшникову.

— Его вкус до сих пор у меня во рту,— прорычал русский.— О, сколько хорошего у них тут. Не только из еды.

С этим спорить было нельзя. Они долго стояли и смотрели, как быстро и легко возводится новый дом. Техника тут применялась крайне широко.

— А вы видели, что находится на склонах того холма?— спросила Харриет. В ее голосе была зависть. Там были террасы, на которых были видны ряды зеленых саженцев. Зеленых! Эти Гризи использовали лампы, дающие спектр солнца, чтобы выращивать земные растения!

— Сейчас у меня такое ощущение, какое было в семнадцать лет,— сказал Капелюшников.— Я тогда приехал в Москву из Нижнего Тагила. Как тогда меня ошеломила Москва! Трамваи, высотные дома, магазины, рестораны!

Он показал на колонну солнечного генератора с розеткой отражательных лепестков.

— Это потрясающе, друзья. Неудивительно, что они пригласили нас сюда. Им нужно поразить нас, доказать, что диктовать свою волю будут они, так как сила у них.

Они обогнули бараки и вышли к аэродрому. Тут Капелюшников улыбнулся:

— Эй, Бойн! — закричал он.— Иди и попрощайся с родственниками из провинции.

Ирландец после колебаний подошел к ним.

— Хэлло. Только что подвез нашего друга Дуллу, который отправился домой.

Пилот ухмыльнулся:

— Да, должен сказать, что его самолюбие серьезно пострадало. Он не готов, чтобы мы узнали, что он использовал для поездки кринпитов. Вы не знали этого? Они спустились по реке на лодке, а восемь-десять километров кринпиты тащили его на носилках.

Харриет заметила:

— У него было бы получше настроение, если бы ты, Дэйлхауз, не оскорбил его.

— Я? Как?

— Он решил, что ты издеваешься над ним, сказав, что слишком мало Пипов выжило. Лицо его сразу вытянулось.

Дэйлхауз запротестовал:

— Я и не имел это в виду. Просто у него такой характер — все принимать в штыки.

— Ладно, забудь,— посоветовал Капелюшников.— У него дружки — эти крабы, пусть они и заботятся о его настроении.

— Этого я не понимаю, Каппи. Кринпиты едва не убили его.

— Да, как получилось, что эти крипы таскают на себе по джунглям пакистанского сахиба?

— Я не могу это объяснить,— угрюмо сказал Бойн.— Хотя не могу сказать, что это мне нравится. Помните первого кринпита, которого мы принесли сюда? Его звали Шарн-игон. Он ненавидит всех людей. Его подруга погибла при первом контакте с Пипами, и он теперь хочет мстить. Он взбунтовал всех кринпитов поблизости, и мы не можем наладить с ними контакт. Я предполагаю, что он считает, что Пипы достаточно наказаны, и он хочет помочь им наказать нас. Так что будущее мне прдставляется в весьма мрачном свете.

Он шел с ними к взлетной полосе, но избегал встречаться взглядом с ними. И то, что он говорил, скорее походило на монолог, чем на разговор.

Капелюшников примирительно сказал:

— Эй, Бойн, ты на что-то в обиде?

— Я? Почему?— Но Бойн не посмотрел на русского.

Капелюшников посмотрел на своих товарищей, затем снова обратился к Бойну.

— Ты знаешь, что мы оба члены великого братства пилотов, почему мы должны ссориться друг с другом?

— Да я не о тебе лично,— сказал Бойн.— Я бы дал съесть себе ползадницы, если бы таил злобу против тебя. И мне хотелось бы говорить более открыто о том, чем мы здесь занимаемся.

— Но мы делаем одно дело,— вступил в разговор Дэйлхауз.— Так сказал Понтефакт. И мы должны делиться информацией.

— Да, у Понти правильные идеи. Но их можно истолковы-

вать двояко. Вы ведь тоже не сказали о своих маленьких шалостях. Например, о том, что вы вооружили шаристов.

— Нет! Этим занимаюсь лично я, Бойн. Мы дали им немного простейшего оружия для обороны против хайхэй, воздушных акул. И это все.

— Да, но они могут применить оружие против любого. А если вспомнить случай с кораблями Пипов...

— Это был несчастный случай,— сказал Дэйлхауз.

— Да, конечно. Такой же случай, как ваш самолет...— он после некоторого колебания закрыл рот.

— Продолжай, Бойн,— потребовал Дэнни.— Что ты хотел сказать?

— Ничего. Забудь это.— Бойн оглянулся, затем быстро сказал:— Вы видите, что эта мирная конференция не принесла никакого результата. И то, как развиваются события, вселяет в меня дурные предчувствия. Местные крипы нападают на наших подземников — все это происки Пипов, я думаю. Взорвали корабли Пипов — вы говорите, это случайность, а мы думаем, что это ЦРУ. Вы дали оружие шаристам. И ваш самолет...— Он помолчал, глядя на Капелюшникова.— У меня есть глаза и поэтому нет желания говорить откровенно. Может, как-нибудь в другой раз. Так что до свидания, желаю приятного полета.— Он кивнул и пошел обратно к базе.

Капелюшников, сдвинув брови, смотрел ему вслед.

— У меня тоже дурные предчувствия,— сказал он.— И относительно дорогого друга и пилота Бойна. Мне бы хотелось задать ему несколько вопросов, да время не подходящее.

— Мне бы хотелось побольше узнать, для чего они используют подземников,— сказал Дэйлхауз.— И, честно говоря, мне несколько неприятно, что на нас возлагают ответственность за случай с кораблями Пипов. Ты думаешь, это может быть правдой?

Капелюшников задумчиво посмотрел на него.

— Ты очень хороший парень, Дэнни,— сказал он.— Но ты не умеешь удивляться. Вот, например, тебе не странно, что у Гризи есть взлетная полоса, которая совсем не нужна геликоптеру?

— Да? Я не обратил на это внимания,— признал Дэнни.

— А я обратил. Так же как Бойн обратил внимание на бомбовый люк в нашем самолете. Вы с Гашей тоже видели его и только спросили, зачем это, для какой цели? А когда пилот видит такую штуку, он сразу спрашивает себя, зачем в самолете, предназначенном для научных исследований, бомбовый люк?

В тридцати метрах под взлетной полосой Мать др-Сии проснулась от запаха цианида, слишком слабого, чтобы быть опасным, и достаточно сильного, чтобы не оставить его без внимания. Снова эти Панцирные дьяволы.

Она властно позвала дежурного члена семьи. Им оказался т-Вихр, малорослый подземник, в обязанности которого входило удовлетворять потребности Матери, когда она просыпается.

Сейчас в ее выводке было семеро — все самцы, и ни один из них не походил ни размером, ни силой, ни умом на их отца. Внезапно она рассердилась.

— Воду,— приказала она хриплым рычанием.— И пищу. И кого-нибудь, чтобы почистить меня.

Т-Вихр сказал покорно:

— Здесь только я, Мать Семьи. Я быстро принесу пищу и все сделаю, пока ты ешь.

— Почему никого нет?

— Все на обучении у Новых Дьяволов. Они приказали, чтобы были все.

Мать Семьи презрительно фыркнула, но она была не очень раздражена этим обстоятельством. Т-Вихр вернулся с пищей. Это были только тюберы и раковина с водой. Но в придачу к этому он принес еще немного свежих листьев и фруктов с Поверхности.

— Дали или взял? — подозрительно принюхиваясь спросила она.

— Это подарки от Новых Дьяволов, Мать Семьи,— извинился молодой самец.

Она снова фыркнула. Но зелень была вкусной, а она голодна. Все съев, она опорожнила свой желудок в раковину, которую т-Вихр закрыл.

— Будут еще поручения, Мать Семьи? — спросил он, вылизывая ее мех возле заднего проходного отверстия.

— Нет. Иди.

Он коснулся ее носа и, извиваясь, уполз, чтобы освободить раковину в камере гниения. Следующий член семьи смешает дефекалии с растительной массой, и эта смесь будет перегнивать для того, чтобы в будущем послужить удобрением для выращивания тюберов.

Несмотря ни на что, т-Вихр был хорошим ребенком. Вскоре она расстанется с ним, когда выводок подрастет, заматереет, и каждый начнет свою жизнь. Это время совсем близко. При каждом ее пробуждении вымя становится все меньше и тверже. Взрослые самцы знали это тоже, и она нередко чувствовала, как они пробираются в ее гнездо, чтобы коснуться носом ее ануса, проверить, насколько она близка к совокуплению. Только вчера самец с ногами в шрамах спросил ее:

— Что тебе захочется в следующий раз? Раковину кринпита? Живого Летающего Дьявола? Голову Нового Дьявола?

— Твою собственную голову,— ответила она раздраженно.

Он рассмеялся и уполз, но он вернулся. И нельзя сказать, что мысли о нем были неприятны Матери. Ее сестра совокуплялась с этим самцом два выводка назад. Прекрасное потомство — две самки. И сестра сказала, что он неутомим при совокуплении. Что же, совокупление — это долг каждой самки, но оно вдвойне приятнее, если самец положит перед тобой хороший дар.

Слабые отдаленные раскаты заставили ее вздрогнуть. Опять Новые Дьяволы. Раньше такие раскаты и вибрация земли означали, что наверху сильная буря, или упало большое дерево. А теперь Новые Дьяволы срывают холмы, взрывают скалы, и трудно дове-

ряться в такой обстановке своим чувствам. Она поползла вдоль стен своей камеры, принюхиваясь, ощупывая, все ли в порядке, все ли на своем месте. Органы вкуса, обоняния и осязания были главными в ее жизни. Др-Ши ощущала свет, но не нуждалась в нем. Для ее народа глаза были лишь придатком, которым они пользовались, поднимаясь на поверхность. Да и там они не были необходимостью, так как из-за плотных облаков и постоянного полумрака все равно не было ничего видно.

— Привет, др-Ши.

Она фыркнула и тут же узнала самку у входа в камеру.

— А, это ты, др-Шью. Входи, входи.

Самка вошла и др-Ши сказала:

— Я пошлю за едой.

— Я уже поела,— вежливо ответила др-Шью.— Какие прекрасные дары для совокупления. Она с завистью посмотрела на коллекцию. Шесть выводков, шесть подарков. Какая-то, никому неизвестная твердая штука, украденная у Новых Дьяволов, нога краба — ее первый подарок — и наименее ценный, когти шариста... Все это было добыто на поверхности, с большим риском. Немало самцов погибли на поверхности в своих попытках добыть дар для совокупления. Враги были везде.

Приличия соблюдены, и др-Шью перешла к делу.

— Отец моего последнего семейства умер от плохого дыхания,— сказала она.— И еще три молодых — в другом семействе.

— Жаль,— сказала др-Ши. Эти слова не относились к самцу — он сделал свое дело. Но молодые умерли от цианида!

— Я боюсь за наши жизни,— сказала прямо др-Шью.— С тех пор, как пришли Новые Дьяволы, наши камеры и туннели в постоянной опасности.

— Я тоже думаю об этом,— призналась др-Ши.— Я говорила об этом со своими сестрами.

— И я со своими. И мы решили вот что. Наши молодые учатся у Новых Дьяволов. Др-Ши, почему бы и нам, матерям, не пойти учиться?

— Но они же учатся приносить смерть! Мы с тобой Матери, др-Шью! — др-Ши была шокирована.

— Кринпиты приносят нам смерть, разве нет? Наши молодые блокировали галереи, откуда приходит плохой воздух, но нет уверенности, что Панцирные Дьяволы не проделают снова дыры.

— Я не могу приносить смерть. Разве, чтобы добыть пищу.

— Слушай внимательно, др-Ши,— угрюмо заговорила др-Шью. Она колебалась. Затем продолжала:— Есть история. Не знаю, правда ли она. Она пришла от кринпитов, а может от Летающих Дьяволов.— Это была обычная формула выражения сомнения. Но в данном случае др-Ши была уверена, что это правда.— Панцирные Дьяволы рассказали одному из наших, что Новые Дьяволы уничтожили целый город нашей расы. Он сказал, что Новые Дьяволы считают нас паразитами и не успокоятся, пока не уничтожат всех. Вот почему они дали кринпитам плохой воздух.

— Но Новые Дьяволы учат наших, как уничтожать кринпитов.

— Следующая часть истории еще более любопытная. Но я думаю, что это правда. Эти Панцирные Дьяволы сказали, что есть три типа Новых Дьяволов. Один тип уничтожил город. Второй тип дал им плохой воздух, которым они могут вредить нам. Те же, кто учит наших молодых — третий тип. Они уничтожают Летающих Дьяволов и кринпитов, а также представителей других двух типов Новых Дьяволов. Но они не убивают нас.

Длинное тело др-Ши задрожало от возбуждения.

— Это ложь! — закричала она. — Они послали наших молодых куда-то, откуда вернулись лишь немногие, да и те стали медленными и больными. Они только и говорят о смерти.

— Я и мои сестры тоже слышали это.

Др-Ши фыркнула. Складки кожи вокруг ее носа дрогнули.

— Я считаю, — заговорила она снова, — что это хорошо, что наши учатся убивать. Если мы будем приносить смерть кринпитам, они не смогут впускать плохой воздух в наши туннели. Если мы поможем Новым Дьяволам уничтожить других Новых Дьяволов, то те не смогут помогать ни кринпитам, ни Летающим Дьяволам против нас.

— Я тоже так думаю, др-Ши.

— Я также считаю, что если мы поможем нашим дьяволам уничтожить других Новых Дьяволов, то затем мы сможем уничтожить и их самих.

— И тогда наши дети будут снова принадлежать нам!

— И наши туннели снова будут темными и безопасными. Да! Я предлагаю собрать всех, и т-Вихр будет обучать нас тому, чему они учатся у Новых Дьяволов.

Глава 14

Законы природы определяют жесткие условия для подъема. Дэнни Дэйлхауз мог поднимать в воздух все, что ему хотелось, при помощи простого добавления шаров с водородом. Чарли не мог этого делать. Он мог поднимать только то, что он мог поднять, и все. Чтобы нести дары Дэйлхауза, ему приходилось пожертвовать балластом и, следовательно, подвижностью. И поднимать все дары было невозможно. Дэйлхауз уговорил его передать арбалет другому самцу из стаи, и Чарли взмолился:

— Если я уж не могу иметь и то и другое, то оставь мне громкоговоритель. Оставь мне его!

— А если тебя убьет хайхэй, какой прок будет тебе от радио?

Но Чарли сделал вид, что не понял вопрос. Он со своей стаей распевал что-то вроде рапсодии, и громкоговоритель обогащал звучание хора. Поэтому Дэйлхауз прекратил уговоры.

То, что у Чарли было радио, имело как положительные моменты, так и отрицательные. Дэйлхауз теперь имел возможность связаться со стаей с земли, если она не была слишком далеко. И этот факт был известен майору Сантангело, новому коменданту лагеря. Теперь стало гораздо труднее договориться насчет по-

летов. А в лагере оставаться стало совсем противно. Сантангело взял все в свои руки. Он доказал это, отослав Харриет и Алекса Вудринга в отдаленные районы, чтобы они попытались завязать контакт с племенами подземников, которые еще не связались с Гризи. Весь лагерь теперь был окружен оборонительными сооружениями.

Дэйлхауз прорвался сквозь песню стаи:

— Я должен вернуться. К нам должна прилететь большая стая людей, и я должен быть при встрече.

— Мы полетим с тобой, мы полетим с тобой...

— Нет, нет,— возразил он,— слишком много хайхэй возле лагеря.— Это было правдой.— Летите в Мокрую Долину, посмотрите, все ли в порядке у наших людей.

— Это не нужно,— ответил Чарли.— Мы видели крылья твоего друга Каппи, которые только что прилетели оттуда.

Действительно, над линией побережья Дэнни увидел биплан, заходящий на посадку.

— Тогда до свидания,— сказал Дэнни и, умело открыв кран для выпуска водорода, спустился в нижние слои атмосферы, где его подхватил ветер и понес к лагерю.

Он уже прекрасно пилотировал на шарах. Пролетев над земляным фортом, выстроенным по приказу коменданта на побережье, он спустился на землю. Затем он собрал обвисшие шары, перебросил их через плечо и пошел в водородную лабораторию. И тут кончилось его счастье. Возле Капелюшникова и Сантангело собралась половина лагеря. Сюда же шли Джим Моррисей и еще несколько человек. Лица их были угрюмы. Дэйлхауз схватил Моррисея за руку:

— Что случилось?

Моррисей помолчал:

— Большие неприятности, Дэнни. Пропали Харриет, Вудринг, Дугаченко. Каппи говорит, что лагерь разрушен, а они пропали.

— Харриет?

— Все, черт побери. Там кровь и следы кринпитов по всему лагерю. Идем, нужно узнать, какие будут приказания.

Приказания! Как похоже на армейского офицера, который сразу же в незнакомой обстановке начинает отдавать приказы во все стороны. Дэйлхауз пошел к группе вокруг Сантангело и Каппи. Он услышал чьи-то слова:

— ...Не знаю, есть ли кринпиты в Мокрой Долине...

— Если ты живешь в Беверли Хилл, то откуда тебе знать, есть ли змеи в Калифорнии. Но когда ты будешь бродить вокруг Голливуда, то они быстро отгрызут тебе задницу. Хватит спорить,— сказал майор.— Те, кто получил приказ, пусть займут свои посты. Через двадцать часов сюда прибудут четыре корабля. Поэтому для врага будет очень соблазнительно застать нас врасплох. И этого допустить нельзя. По местам!

Дэйлхауз еще не получил приказа, поэтому он не поспешил за остальными, а обогнул барак и подошел к радиорубке. Там нахо-

дились дежурные, которые внимательно смотрели на экран дисплея, где отсвечивались зеленые символы на координатной сетке. Четыре корабля снабжения уже находились на орбите Джема и сейчас делали окончательную корректировку курса перед посадкой. Дэйлхауз был уверен, что сюда придет и Капелюшников. Действительно, через минуту возле рубки появился пилот.

— А, Дэнни. Ты нашел прекрасное убежище, чтобы спрятаться от коменданта. Посмотри, я проверю, все ли нормально.

Он посмотрел на экран, переговорил с дежурным, пожал плечами и повернулся к Дэйлхаузу.

— Корабли на курсе,— сказал он.— Теперь вопрос, правилен ли курс? Мы это определим. Бедная Гаша!

— Ты уверен, что она мертва?

— Трупов я не видел. Но, Дэнни, крови было очень много.

— Но трупов ты не видел?

— Нет, Дэнни. Видел кровь. Видел разодранные палатки, разбросанную одежду, разбитое радио. И везде следы кринпитов. Я искал, кричал, облазил все кусты. Тел не нашел и полетел домой. Жаль Гашу, не говоря об Алексе и Грегоре.

Дэнни покачал головой.

— Кринпиты такие шумные, я не понимаю, как они могли застать наших врасплох. А если они видели нападение, то могли бы постоять за себя. Сантангело заставил их взять оружие.

Капелюшников пожал плечами.

— Если хочешь, летим со мной и ты увидишь все собственными глазами. Но не сейчас. Первый корабль готов сойти с орбиты, и я должен сам наблюдать за посадкой.

Половина персонала первого корабля были военные — факт, который в другое время произвел бы неприятное впечатление на Дэнни, но не сейчас. Когда корабль еще был на орбите, командир — вьетнамский полковник — получил по радио сообщение о событиях в лагере. Поэтому, так только произошла посадка, отряд с оружием занял позиции по периметру лагеря. На втором корабле тоже были в основном военные, но среди прибывших Дэйлхауз узнал знакомое лицо. Он задумался и вскоре вспомнил: болгарская девушка, котору он помнил по Софии. Он позвал ее взмахом руки. Девушка удивилась, затем улыбнулась и ответила на приветствие. Очень привлекательна, подумал он.

Между майором Сантангело и прибывшим полковником произошел небольшой разговор, и вскоре весь лагерь был мобилизован. Вьетнамец — его имя было Три — взял Капелюшникова и поднялся с ним в воздух. Самолет стал облетать лагерь, сначала на большой высоте, затем едва не касаясь верхушек деревьев. Все палатки были разобраны, а к тому времени, как приземлился третий корабль, они стояли четырьмя рядами — по шесть в ряд. По углам лагеря были выкопаны окопы, куда установили пулеметы и огнеметы, сгруженные с третьего корабля. Те, кто не имел никакой специальности, разгружали корабли, устанавливали палатки,

рыли окопы, вбивали металлические шесты вокруг лагеря. С третьего корабля скатили две катушки с колючей проволокой, а к тому времени, как последний корабль начал снижение, лагерь превратился в неприступную крепость.

Небо Джема было необычайно чистым, когда четвертый корабль появился на горизонте. Началась посадка, которая для Дэйлхауза, хотя он видел уже пять таких посадок, казалась чудом. И все эти посадки были разными. Как и сами корабли.

Первым человеком, вышедшим из высокого серебристого корпуса, была Мэгги Меннингер.

Но это было не удивительно. Более удивительно было то, что она не прилетела на одном из предыдущих кораблей. Дэйлхауз вдруг понял, что он ждал ее пребывания. Она выглядела усталой, задумчивой, но для Дэйлхауза она была великолепна. Женщины экспедиции Блока Продовольствия не могли сравниться с нею по сексуальному воздействию. Если не считать редких случайных связей с женщинами экспедиции, в основном от скуки, сексуальная связь Дэнни была редкой, скучной и безрадостной. Мэгги напомнила ему лучшие времена.

Мэгги изменилась с тех пор, как он видел ее в Софии. Знаки на ее мундире больше не были капитанскими полосками, а полными орлами полковника. Она стояла в стороне, чтобы проследить за высадкой. Полковник Три и майор Сантангело уже приготовились рапортовать ей. Она внимательно слушала их, а глаза ее осматривали лагерь и защитные сооружения. Затем она стала говорить быстрыми короткими фразами. Дэйлхауз был слишком далеко, чтобы слышать ее, но не было сомнения, что это были приказы. Три спорил о чем-то. Мэгги сердечно обняла его за плечи, отвечая ему, затем похлопала его по заду, и он, ухмыляясь, пошел выполнять приказ. Мэгги и Сантангело пошли на командный пункт, и Дэйлхауз стал обдумывать, что можно ждать после послания Мэгги Меннингер.

Она увидела его и раскинула руки:

— Эй, Дэнни! Рада видеть тебя! — Она расцеловала его.— Ты изумительно выглядишь!

— Ты тоже,— сказал он.— Поздравляю!

— С прибытием? О, ты имеешь в виду орлы? Мне их дали, чтобы я сравнялась в звании с Гаем Три. Димитрова должна быть где-то тут. Ты видел ее? Теперь, если Пак нанесет нам визит, мы можем посидеть и вспомнить старые добрые времена в болгарской тюрьме.

— Полковник Меннингер...

— Ол райт, майор, я иду. Подожди, Дэнни. Мы посмотрим, что нужно еще сделать.

Он смотрел ей вслед. В те времена, когда он учился в колледже и люди еще не поняли, что войны совсем не нужны, полковники были другими. И не потому, что Мэгги была женщиной. Красивой и молодой. Полковники казались более значительными, чем

Мэгги Меннингер, особенно те, которые имели право нажимать кнопку в кризисной ситуации.

Грузный человек в форме сержанта подошел к нему:

— Вы доктор Дэйлхауз? Для вас почта в библиотеке.

— О, благодарю.— Дэйлхауз обратил внимание, что сержант был удивлен и озадачен, но он понял его.— Прекрасный человек ваш полковник,— сказал он легкомысленным тоном и пошел, не дожидаясь ответа.

Большая часть почты была из Мичигана и Добл А-Я, но одно из писем было сюрпризом для него. Оно было от Полли. Дэйлхауз почти забыл, что у него была жена! Он не мог понять, почему она решила написать ему. Дэйлхауз положил микрофиши в карман и направился в лабораторию Капелюшникова. Там пилот собрал все, что, как он считал, могло понадобиться ему на Джеме. И среди прочих вещей здесь было и устройство для просмотра микрофишей. С расчетливым любопытством Дэйлхауз установил письмо своей экс-жены в рамку.

«Дорогой Дэниель.

Не знаю, известно ли тебе, что дедушка Медвой умер прошлым летом. По завещанию он оставил Гранд Хавен Хауз нам. Я думаю, что он не успел изменить завещание после нашего развода.

Разумеется, дом не очень дорогой, но все же, по оценке, он стоит 43 500 фунтов стерлингов. Я в небольшом замешательстве. Мне бы хотелось, чтобы ты прислал заверенное нотариусом заявление, что ты не будешь претендовать на свою долю. Есть ли там нотариус? В противном случае сообщи, что ты собираешься делать.

С нами все в порядке, Дэниель, несмотря на разные события. Детройт снова охвачен забастовками и демонстрациями. В связи с этим правительство повысило налоги, передача по ТВ ограничена международными сводками. Почти все считают, что это вызвано тем, что вы на Джеме, хотя вы тут не виноваты. Я всегда помню о тебе, Дэниель, надеюсь, и ты обо мне.

Паулина».

Сидя на постели Капелюшникова, Дэйлхауз задумался. Гранд Хавен Хауз. Это просто бунгало, построенное пятьдесят лет назад и лишь немного перестроенное. Он и Полли провели в нем медовый месяц — снежный январь, когда дул пронизывающий ветер с озера Мичиган. Конечно, она должна иметь дом. Кто-нибудь в лагере сможет заверить его заявление. Это будет достаточно законно, чтобы удовлетворить земной суд.

Он поднялся, думая о Паулине и ее письме. Но новости с Земли все же не были интересными для него, и он стал думать о шаристах, об усложнениях жизни на Джеме. Затем вспомнил снова письмо Полли. Мятежи, грабежи, забастовки, беспорядки... Он решил, что нужно поговорить с кем-нибудь из вновь прибывших, как только они устроятся. Например, с этой болгарской девушкой. Она может рассказать ему, что происходит на Земле, к то-

му же она весьма привлекательна. Он лег, размышляя, стоит ли ему выходить отсюда или оставаться здесь.

Но решение пришло само.

— Хэлло, доктор Дэйлхауз! — раздался голос Аны Димитровой. — Мистер Капелюшников сказал, что вы здесь. Но я должна признаться, что не была уверена в его искренности.

Дэнни открыл глаза и сел. У входа стояли Каппи и девушка. По выражению лица пилота было ясно: что бы он не говорил девушке, он надеялся, что здесь никого нет. Однако он улыбнулся и сказал:

— Аннушка, ты должна верить мне. Дэнни, я привел твоего старого друга.

Дэйлхауз пожал руку Ане. Он заметил, что у нее приятная улыбка. И если бы она не зачесывала волосы назад и больше пользовалась косметикой, она была бы чрезвычайно привлекательна.

— Я как раз хотел поговорить с вами, мисс Димитрова.

— О, ради бога, зовите меня Ана. Ведь мы с вами сидели в одной камере.

— Только не задерживай дорогого Дэнни, — сказал Капелюшников. — Он очень голоден и будет крайне огорчен, если пропустит великолепный обед с мясом.

— Хороший ход, Каппи, — сказал Дэнни. — Но я не голоден. Как дела на Земле, Ана? Я слышал плохие вести.

Выражение ее лица затуманилось.

— Если вы слышали о жестокости, насилиях, беспорядках, то это правда. Перед нашим отлетом на ТВ объявили о введении смертной казни в Лос-Анжелесе и городах Европы.

— Мой бог!

— О, там творится что-то ужасное, Дэн. Но мы привезли последние газеты, записи телепрограмм. А кроме того, в библиотеке Меннингер более двадцати тысяч книг в микрофишах.

— Двадцать тысяч книг?! — Дэйлхауз покачал головой. — Никогда не думал, что она такой любитель книг?

Ана улыбнулась и села на пол, скрестив ноги.

— Пожалуйста, устраивайтесь поудобнее. Меня тоже очень удивила Мэгги Меннингер. — Она помолчала, как бы в нерешительности. Затем заговорила снова: — Она обещала, что перед отлетом даст мне возможность переговорить с нашей делегацией. Но этого не произошло. Никому из нас не было разрешено покинуть лагерь. Нас привезли прямо на космодром. Может, она не хотела рисковать, так как условия на Земле очень нестабильны.

— Неужели все так плохо?

— Видишь, Дэнни, — сказал Капелюшников, — мы должны радоваться, что находимся в этом тропическом раю, на далекой планете. Здесь только однажды загадочным образом исчезли три человека.

— Это другое дело, — сказал Дэйлхауз. — Мэгги Меннингер, кажется, не очень обеспокоена этим.

— Да, причин для беспокойства нет, дорогой Дэнни. Мы с ма-

леньким вьетнамским полковником обшарили все вокруг в радиусе десяти километров с помощью магнитометра, ИК-сканнера и хороших глаз пилота. Уверяю тебя, что вокруг нет ни одного металлического предмета, кроме консервных банок, и ни одного живого существа больше краба. Так что можешь спать спокойно, Дэнни. В собственной постели,— со значением добавил он.

Нан быстро все поняла.

— Это хороший совет, Каппи,— сказала она, поднимаясь.— Я воспользуюсь им.

— Я провожу тебя,— сказал Капелюшников.— Не утруждай себя, Дэнни, я вижу, ты очень утомлен.

Ана вздохнула:

— Господин Капелюшников не желает замечать, что я тоже устала после долгого перелета и трудной посадки. Надеюсь, что мы с вами будем друзьями. Только постарайтесь не вести себя как дикий казак с деревенской девушкой.

Каппи сначала смутился, затем рассердился, потом улыбнулся.

— Аннушка, ты настоящая славянская девушка. Да, мы будем друзьями сейчас. А может, и потом... Но,— добавил он поспешно,— я буду ухаживать за вами в настоящем советском стиле: никаких пошлостей и непристойностей, хорошо? А теперь пройдемся втроем по воздуху к вашей палатке.

Ана рассмеялась и похлопала его по плечу:

— Русский медведь! Ну ладно, идем.

Она вышла на улицу и остановилась, глядя на утихший лагерь. Официально день закончился, но Кунг сиял на небе.

— Не знаю, смогу ли я привыкнуть к миру, где не бывает ночи,— пожаловалась она.

— Да, в некоторых случаях это крайне неудобно,— согласился Капелюшников. Они прошли к той части лагеря, где располагались палатки женщин. На одной, самой большой, уже висела надпись: «Полковник М. Мэннингер, командир».

— Мэгги уже устроилась,— заметил Дэйлхауз.

— Привилегия чина,— сказал Капелюшников, который смотрел на высящиеся громады только что прибывших кораблей. Один высокий и стройный, три других — приземистые конусы с широким основанием.

— Странно,— сказал Дэнни,— эти три корабля совсем не похожи на остальных.

Каппи взглянул на него.

— Ты очень наблюдателен.— Но тон его был таинственным.

— Ол райт, Каппи, в чем секрет?

— Секрет? Простой пилот не имеет секретов. Но он имеет глаза и может делать выводы.

— Ну расскажи, Каппи. Все равно ты расскажешь раньше или позже.

— Во-первых, обратите внимание на форму этих трех кораблей. Представьте, что вы разрезали их пополам, получив маленькие конусы, расставили эти шесть конусов по углам лагеря, убра-

ли стекла с продолговатых окон и установили там крупнокалиберные пулеметы. Что мы будем иметь? Мы будем иметь укрепленные форты.

— Но в это нельзя поверить,— возразила Ана. Мы же мирная исследовательская экспедиция, а не армия завоевателей.

— Да, и то, что большая часть членов экспедиции военные — это только совпадение.

Дэйлхауз и девушка рассматривали корабли.

— Но я все равно не верю,— сказала Ана.— Может...

— Подожди,— воскликнул Дэйлхауз.— Эти три корабля даже не имеют ступени для возврата на Землю.

Капелюшников кивнул:

— Верное наблюдение! — Затем он добавил: — Библиотека из двух тысяч книг, космический корабль, легко разбирающийся на защитные укрепления и не имеющий возможности для обратного полета. Так что вывод один: многие из нас вряд ли вернутся на старушку-Землю.

На следующий день Дэйлхауз поднялся в небо, и это было его победой. Он не знал, сколько таких побед он еще сможет одержать. День начался крайне неприятно. Ровно в 8.00 был объявлен подъем. Оказалось, что с этого дня в лагере объявлена военная дисциплина, и все поступили под начальство майора. По пути в столовую на завтрак Дэнни заметил слугу, который принес два прикрытых подноса в палатку Меннингер. Слуга! Даже последний командир Харриет Сантори не заходила так далеко. Возвращаясь из столовой, Дэнни увидел вьетнамского полковника, выходящего из палатки Мэгги. Его мало волновало, кого Мэгги пускает в свою постель, да и все эти военные Микки Маусы совершенно были неинтересны ему. В то же время Дэйлхауз не мог наслаждаться свободным полетом в небе Джема, как обычно.

Во-первых, Чарли и его стаи не было поблизости, частично потому, что Сантангело потребовал, чтобы они облетели другие территории в поисках разумных существ. Но в основном потому, что сам Дэнни не хотел, чтобы они были здесь, так как возле лагеря в облаках было много хайхэй, и они ждали своих жертв.

Дэнни сам настаивал, чтобы шаристы держались не ближе двух километров от лагеря Гризи. Может быть, этого было достаточно для безопасности. У Дэнни с собой был его карабин, и он надеялся подстрелить парочку хайхэй, пока Чарли подлетит со своей стаей. В лагере уже был один шарист, ожидающий, пока его мешок, пропоротый хайхэй, заживет, и он сможет подняться в воздух. Дэнни не хотел, чтобы Чарли присоединился к нему.

Пытаясь выглядеть аппетитным, он подлетел к густому облаку. Именно в таких облаках скрывались акулы воздуха. Но либо в этом облаке не было никого, либо акулы не были голодны.

Дэнни не хотел погружаться в облако. Он предпочитал встретиться с акулой в чистом воздухе, где его невозможно застать врасплох. Ветер понес его над лагерем, и Дэнни посмотрел вниз.

Около двадцати человек все еще разгружали корабль. Другие вырубали лес и кустарники вокруг лагеря, чтобы расширить его площадь. Маленький трактор таскал поваленные стволы. Это новость! Значит, предполагается распахивать землю для посева злаков.

Если Жирные могут выращивать свежую зелень, то почему не можем мы? Но что-то тревожило Дэйлхауза. Может быть, солдаты? Неужели они будут работать в поле? Или заставлять работать других?

Он отогнал мысли: слишком мала высота полета.

Дэнни спустил немного балласта, и вода вылилась на землю. Мысль, которая не покидала его голову, стала его тревожить. Почему-то ему вспоминался профессор антропологии — мягкий нетребовательный человек, напоминавший Алекса Вудринга...

Алекса Вудринга, который мертв. Вместе с Гашей и болгарским капралом, которого он так и не видел.

Очевидно, хайхэй уже научились отличать человека от шариста, и сегодня их не обмануть. Он неохотно повернул назад, пролетел над пляжем и опустился на крупный песок.

Когда он собрал баллоны, к нему подошла Мэгги Меннингер в сопровождении женщины-сержанта, которая была у нее в услужении.

— Прекрасно летаешь, Дэнни,— сказала Мэгги.— Как воздушный шарик. Ты как-нибудь дашь мне попробовать?

Он некоторое время рассматривал ее. Она действительно выглядела хорошо, даже в полумраке Клонга, который затемнил цвет ее губ и притушил золото волос.

— Как только прикажешь, Мэгги, или полковник?

Она рассмеялась.

— Вы, штатские, с какой-то подозрительностью относитесь к чинам. Нет, сейчас я на отдыхе, так что — Мэгги. Не бойся, ты привыкнешь к дисциплине и субординации.

— Не уверен, что мне хочется привыкать к этому.

— Захочешь,— пообещала она.— Тинка, иди вперед, мы немного пройдемся.

Сержант пошла впереди, внимательно рассматривая изгородь из колючей проволоки. Солдаты подняли изгородь так, что они втроем смогли пройти под проволокой. Сержант в карауле отсалютовал Мэгги, и та ответила мягкой улыбкой.

— Если человек захочет здесь выкупаться,— спросила она,— его никто не съест?

— О, мы здесь постоянно купаемся.

— Искушение большое. Ты выкупаешься со мной?

Дэйлхауз покачал головой, но не в знак отрицания, а от удивления.

— Мэгги, ты совсем не похожа на полковника. Я думал, что полковники все время думают о солдатах, оружии, укреплениях.

— Дорогой Дэнни,— добродушно сказала она,— я не была полковником очень долго и изучила этот вопрос чисто теоретически. Думаю, что основные принципы я постигла. Полковник не

должен что-либо делать. Главное следить, чтобы остальные были заняты. Этим утром я уже здорово поработала.

— Да, я видел, как из твоей палатки выходил полковник Три.

Она задумчиво взглянула на него, но ничего не сказала. Затем она заговорила снова:

— По всему периметру у меня стоят часовые, местность просматривается с воздуха. А кроме того, Тинка прекрасно владеет всеми видами оружия. Так что все будет ол райт.

— Я не беспокоюсь за свою безопасность.

— Да, конечно. Тебя солдаты под моей командой беспокоят, и я благодарна тебе за это.— Она ухмыльнулась и похлопала его по руке.— Подожди минуту.— Она достала сигарету, зашла за Дэнни, чтобы укрыться от ветра, и умело закурила. Она глубоко вдохнула дым, задержала его в легких и протянула сигарету Дэнни. Выдохнув воздух, она сказала:

— Тинка, когда в следующий раз будешь готовить наркотик, сохрани семена. Может, их здесь можно вырастить.

— Да, мэм.

Дэнни затянулся, начиная расслабляться. Да, с Мэгги Меннингер, по крайней мере, не скучно. Выдыхая дым, он с некоторым восхищением смотрел на нее. Она быстро приспособилась к здешней жаре, непривычно низкой силе тяжести, повышенному давлению, которое немало досаждало им всем сначала. Да, она была женщиной особого типа.

К тому времени, как они докурили сигарету, они уже были далеко от изгороди лагеря и находились возле пляжа. Мэгги остановилась, осматриваясь.

— Неплохо. Тинка, займи позицию.

— Да, мэм,— сержант вскарабкалась на вершину ближайшего холма, и Мэгги скинула свою форму. Под ней у нее ничего не было.

— Если будешь купаться, иди, если нет, помоги Тинке караулить.— И она с шумом бросилась в воду.

Из-за наркотика или из-за чего-то другого, но настроение у Дэнни улучшилось. Он рассмеялся, сбросил одежду и присоединился к Мэгги.

Через десять минут они уже лежали на пляже, чтобы высохнуть.

— О,— сказала Мэгги,— если бы у меня были лишние люди, я заставила бы их убрать камни из песка. Я собираюсь создать хороший лагерь, Дэнни. Например, ты знаешь, что мы будем делать сегодня вечером?

Он повернул голову к ней:

— Что?

— Первые на Джеме танцы лагеря Блока, экспортирующего продовольствие.

— Танцы?

Она ухмыльнулась.

— Понимаешь, что я хочу сделать? Вы, кто первые поселились

здесь, никогда не думали об этом. А дело простое: выровнять площадку и запустить магнитофон. Вот и все. Танцы — лучшая вещь в мире для подъема духа.

— Вероятно, ты лучший полковник в армии США, который придумывает развлечения.

— Полковники должны думать и об этом, Дэнни.

— Я верю, Мэгги, но видишь ли, при нынешних обстоятельствах...

— Ладно, я оденусь, если это поможет тебе сосредоточиться. Это не просто развлечение. Я хочу поговорить с тобой.

— О чем?

— Обо всем, что ты хочешь сказать мне. Как, по твоему мнению, идут дела. Что не делается так, как должно делаться. Чему ты научился за свое пребывание здесь, а я еще не успела осознать.

Он оперся на локоть, чтобы видеть ее всю. Мэгги почесала голый живот прямо над темным треугольником волос.

— Ты же видела все наши донесения о контактах с разумными существами.

— Да. Я даже видела некоторых в Детрике, правда, они были в плохом состоянии. Особенно, подземник.

— Крипи? Нам с ними не очень везет.

— Должна сказать, жалкие существа.

— Да, но мы получили только десять подземников, и лишь двое из них были живыми. Моррисей составил донесение, но еще не отправил. Он сказал, что фермеры — подземные — весьма интересная идея. Они выращивают тюберов на потолках своих тунелей. Он хотел переговорить с переводчиком, который прилетел с вами,— не помню, как его имя.

— Сандра Леклер? Она не прилетела, Дэнни. Я вычеркнула ее из списков.

— Почему?

— Политика. Она из Канады. Тебе это говорит что-нибудь?

— Ничего.

— Я так и думаю. Канада голосовала в ООН за предложение Перу. Значит, она связана с Пипами. И каждый знает, что Канада тяготеет к Пипам. Сейчас Канада политически ненадежна. На этот полет было записано четыре канадца, и я всех вычеркнула.

— Это звучит, как бред сумасшедшего,— сказал Дэнни.

— Нет, это реальность. У меня нет времени учить вас жизни, Дэнни. Что еще? Я имею в виду подземников.

Он задумчиво смотрел на нее. Она лежала на спине, заложив руки за голову и подставляя свою наготу сиянию Кунга. Хотя она была несколько полноватой, ее талия красиво переходила в выпуклость бедер, а груди ее торчали упруго вверх, несмотря на то, что она лежала на спине. Не у многих женщин можно наблюдать такое. И под этими светлыми волосами таился такой ум, какой было трудно предположить в красивой женщине.

Он отодвинулся и сказал.

— Ну что же, еще есть шаристы. Я много знаю о них. Одна

стая улетела к Полюсу Тепла, другая находится поблизости. В основном они придерживаются одних районов обитания, постоянных, но...

— Ты был недавно в лагере Гризи?

— Да. Мы летали туда с визитом. Об этом ты хочешь расспросить меня?

— И об этом тоже.

— Ол райт. У них очень много такого, чего не имеем мы.— Он описал машину, которая отливает блоки для домов, плазменный генератор, ферму, кондиционер, лед.

— Отлично,— прокомментировала она.— Мы тоже будем иметь все это, Дэнни, я обещаю. Ты видел аэроплан и четыре глайдера?

— Нет. Но там есть взлетная полоса. Она не имеет смысла, если они летают на вертолете. Однако самолета у них нет.

— Теперь есть. Я думаю, что они спрятали от вас все, что прибыло с последним кораблем. Ты знаешь о базе на Фарсайде?

— Фарсайд? Темная сторона Джема? Какого черта им там надо?

— Я тоже хочу это знать. Но база там есть. Почему, ты думаешь, мы сделали четыре лишних оборота на орбите перед спуском? Я сфотографировала и просмотрела радаром все, что могла. Я знаю каждый спутник Джема. Я знаю каждое пятно на Джеме, излучающее энергию. И мне очень не нравится то, что я знаю. База на Фарсайде неприятная для меня неожиданность. Ты видел детей в лагере Гризи?

— Детей? Нет. Но почему...

— Я думаю, что они прилетели сюда целыми семьями, Дэнни. А значит, у них планы больше, чем просто исследовательская экспедиция. А бейсбольное поле там есть?

— Бейсбол?— он уселся, глядя на нее.— Зачем оно нужно? Может быть, крикет, футбол... но бейсбол...

— Жаль, что не видел,— сказала она без объяснений.— Последний вопрос. Ты не встречался с человеком по имени Тамил?

— Вряд ли. Подожди. Маленький человек с бритой головой? Шахматист?

— Не знаю. Он индонезиец.

— Нет. Не уверен. Но мне кажется, там был химик по нефти с таким именем. Я с ним не говорил. Не был уверен, что он знает английский.

— Жаль.— Мэгги задумалась на момент, затем села, закрыв глаза.— И эти твои шаристы полетели туда?

Мэгги поднялась, сделала несколько шагов к воде, и теперь Дэйлхауз видел только ее, все остальное исчезло. Еще Хоггарт говорил, что самая красивая линия в природе — это изгиб женской спины, и Мэгги, силуэт которой вырисовывался на фоне багрового неба, была прекрасным подтверждением этого. Дэйлхауз по-

чувствовал возбуждение, в нем проснулось вожделение. Но только самое легкое. Стимулом к этому была обнаженная красивая женщина, но был и подавляющий фактор: это то, что она говорила. Он еще не мог понять, какие чувства питает к Мэгги Меннингер.

Затем он отвел глаза и сразу забыл про вожделение.

— Здесь еще есть хайхэй!

— Хайхэй? Кто это?

— Это хищники. Все они слетаются сюда, к лагерю. Во-первых, их привлекает свет, а во-вторых, они охотятся за шаристами, которые держатся вблизи лагеря. В этих облаках полно хайхэй.

Стая уже была близко. Ее песня была слышна в сотне метров отсюда. А сверху и сзади к стае быстро приближались три зловещие тени.

— Так это и есть они, как ты их там назвал? Посмотри на нее! — крикнула она, когда первая из акул мгновенно пробила шар самки-шаристки, перевернулась в воздухе и устремилась за падающей жертвой, чтобы смертельным ударом оборвать ее предсмертную песню.— Какой прекрасный иммельман сделала эта акула! Никто такого не делал со времен второй мировой войны.

— Это не представление, черт тебя дери! Она же погибла!

Еще два хищника нанесли удары, и еще два шариста, кувыркаясь, полетели к земле. Это была стая не Чарли. Эти несчастные не были друзьями Дэнни.

— Видишь, что сыплется из самок? Это их яйца. Они будут летать в воздухе долго, но не будут оплодотворены, пока...

— К черту яйца! Меня восхищает акула! Какая прекрасная машина для убийства! Дэнни, я понимаю, почему здесь так плохо идут дела. Вы нашли себе не тех союзников. Мы должны подружиться с акулами.

Дэйлхауз был поражен.

— Это же звери! Они даже не имеют разума.

— Покажи мне профессора, и я смогу доказать тебе, что он осел. Много ума тебе понадобилось, чтобы начать летать?

— Но шаристы наши друзья. Они производят для нас наблюдения с воздуха. Хайхэй никогда не смогут это сделать. Почему ты хочешь, чтобы мы объединились со злейшими врагами шаристов?

— Да, я знаю, тут могут возникнуть проблемы,— она смотрела на акулу, которая наслаждалась пиршеством, разрывая на части тело еще живой жертвы.— Плохо,— философски заметила она. Она шагнула к Дэнни и взяла его за руку, не отрывая глаз от спектакля.— Ты уверен в том, что нам не удастся убедить наших ученых попытаться объединиться с акулами? Или помирить шаристов с ними?

— Это невозможно. Даже если ты как-нибудь сумеешь объяснить хайхэй, что ты хочешь. Хайхэй даже не поют. А пение — это смысл жизни шаристов. Они не общаются с теми существами, которые не поют.

— О? — Мэгги задумчиво посмотрела на него. Затем освободила руку и села на песок, не сводя с него глаз. — Скажи мне, Дэнни, ты не хочешь сделать мне приятно?

Он взглянул на нее. Неужели кровавая сцена возбудила ее?

Дэнни посмотрел на вершину холма, где виднелась голова Тинки, стоящей на страже.

— Может, нам лучше вернуться?

— В чем дело, малыш? Ты не любишь делать это при зрителях? Тинка нас не побеспокоит.

— Я не думаю о ней.

— Тогда что же? О, я могу предположить. Ты думаешь о полковнике.

— Три? Мне плевать на него.

— О, не думай об этом, малыш. — Она похлопала по земле возле себя. Помедлив, он сел, но не очень близко. — Ты думаешь, я спала с этим Нгуен Три?

— Нет. Я не думаю, я знаю. Но это твое дело. Может, я немного старомоден и брезглив...

— Дэнни, ты очень хорош в постели, — она улыбалась, но без прежней мягкости.

Он пожал плечами.

— Идем обратно, полковник.

— Останемся здесь, — сказала Мэгги. — А когда полковник говорит, останемся, нужно подчиняться.

Вожделение покинуло Дэнни. Он был зол и сказал прямо:

— Значит, ты приказываешь мне взять тебя?

— Нет, конечно, милый начальник. — Она ухмыльнулась. — Я никому не могу приказать этого. Разве что очень узкому кругу лиц. Да и то не часто, так как это вредно для дисциплины.

Полностью расслабившись, она достала из кармага сигарету с марихуаной. Дэйлхауз смотрел, как она прикурила. Тело ее было полностью загорелым — никаких следов от бикини или бюстгалтера. Она снова почесала живот ниже пупка, глубоко вдохнула дым и протянула ему сигарету. Перед Дэнни всплыли воспоминания о днях, проведенных с нею в Болгарии, и он забыл все плохое, связанное с последними днями.

— Слушай, Мэгги, — сказал он прерывисто, — наклонись вперед.

Утолив свою первую страсть, они некоторое время оставались в одном положении. Затем Мэгги выпрямилась, подпрыгнула и бросилась в воду. Дэйлхауз последовал за нею. Они плескались, хохотали, а когда вышли из воды, Дэнни снова был готов отдаться страсти, и Мэгги с удовлетворением увидела это. Она крикнула:

— Тинка! Сколько времени!

— Тринадцать двадцать, мэм.

Мэгги быстро оделась и наклонилась, чтобы поцеловать Дэнни, который натягивал штаны.

— Пора возвращаться. У меня сегодня много работы перед танцами. Дэнни, я буду тебе благодарна, если ты сделаешь для меня кое-что.

— Что именно?

— Научи Тинку обращаться с этими шарами.

— Зачем?

— Мне нужно. Это очень важно.

Он задумался.

— Конечно, начать я могу, но не уверен, что она быстро научится.

— Она научится быстро, я обещаю. Теперь возвращаемся: вызываю тебя на соревнование.

Они пробежали сотню метров. Сначала Мэгги бежала впереди, затем Дэнни обогнал ее, но она схватила его за руку, и они пошли шагом.

— Спасибо за разминку,— задыхаясь, сказала она.

— Какую разминку? Бег, плавание, или...

— За все, дорогой Дэнни.— Она тяжело дышала. Не доходя до поста возле ворот, Мэгги остановила его: — Я хочу сказать тебе одну вещь.

— Что именно?

— Я просто хочу все поставить на свои места. С Нгуен Три я отдаюсь животной страсти, удовлетворяю инстинкты. С тобой я занимаюсь любовью.

Двенадцать стражников по периметру, двое возле бухты, трое у радиорубки, еще восемь на разных постах. Таким образом, оставалось еще сто двадцать человек — и все, как один, пришли на танцы. Мэгги поздравила себя с большим успехом. Когда закончился очередной танец и послышался латиноамериканский мотив, к ней подошли сразу трое, чтобы пригласить. Но она сказала, что хочет немного передохнуть, а затем произнесет небольшую речь.

Она отошла в сторону и уселась, скрестив ноги, на землю. Родители Мэгги снабдили ее хорошим здоровьем. После тяжелого дня ум ее был ясен. Она сделала все, чтобы ослабить тягостное ощущение, вызванное гибелью троих людей. Она собрала всех на танцы. Мэгги подготовила все для миссии Тинки, организовала охрану лагеря и разгрузку кораблей. Она начала еще множество важных дел и постаралась привлечь на свою сторону Дэнни Дэйлхауза. Это было личное дело, но тоже важное. Мэгги всегда думала о перспективе, старалась предвосхитить события. Если в будущем на Джеме должны будут сформироваться супружеские пары, Дэнни, пожалуй, лучшая кандидатура для этого.

Мэгги с некоторых пор была убеждена, что здесь она делает то дело, ради которого рождена. И самое главное — это делать его правильно. А что может быть важнее, чем правильное начало. Никаких фальстартов. Люди счастливы, когда у них много работы. А когда много времени, надо организовать развлечения. Джем принадлежит им, и они должны тут жить и работать.

Ожидая, когда кончится ча-ча-ча, она обдумывала следующий день. Первый корабль уже разгружен, и можно начинать его размонтировать на две части и установить в необходимых местах на

границе лагеря. Дэйлхауз или Капелюшников? Пожалуй, русский должен сопровождать Тинку в лагерь Гризи. Его даже можно кратко посвятить в тонкости ее миссии. Нужно организовать рабочую команду для монтажа фермы. Через две недели она должна знать все о каждом члене экспедиции.

Ча-ча-ча закончилась, и кто-то выключил магнитофон, посмотрев на Мэгги. Та кивнула и встала.

Шум и смех стихли. Сто лиц повернулись к ней. Она улыбнулась, ожидая полной тишины. Они выглядели точно так же, как слушатели в Уэст-Пойнте, как представители в Палате Общин Сената США, как любые слушатели, перед какими она когда-либо выступала. Она всегда могла сделать так, что слушатели полюбят ее, и поэтому она любила их.

— Приветствую вас, дорогие друзья, на первых танцах Экспедиции Блока Продовольствия. Я — полковник Марджори Меннингер, США, командир лагеря. Некоторые из вас уже хорошо знакомы друг с другом. Остальным еще только предстоит знакомиться, так как вам ничего другого не остается. Об этом я не беспокоюсь. Вы ведь прекрасно подобранная команда.— Она позволила себе обвести взглядом всю аудиторию. Она с юмором добавила: — Хотя вы сами не знаете об этом.— Послышался смех.— Так что теперь давайте знакомиться. Гай! Сант! Где вы?— Она представила всем Три и Сантангело, вышедших вперед.— Теперь Бинс Кудахти. Ты где? Бинс наш математик, и к тому же капеллан. Он согласился быть капелланом нашей миссии, хотя учился в Фордхэме. Так что, если кто из вас захочет пожениться, у Бинса есть право узаконить ваши отношения.— Снова смех.— Он немного старомоден, но для его обязанностей это необходимо.— Снова смех, но уже с нотками неуверенности.— А если у вас возникнут некоторые сложности с женитьбой, то вам нужно встретиться с Чичи Аркашвили. Чичи! А, вот она, наш доктор. Постарайтесь обойтись без нее в течение двадцати четырех часов, так как ей нужно развернуть свой кабинет. А потом она будет готова принять любого из вас.— На этот раз смеха не было. И Мэгги ждала этого. Она дала время всем осознать сказанное и продолжила: — Как вы видите, мы планируем создать здесь постоянную базу, так что большинство из вас останется на планете навсегда. Для тех, кто решится остаться здесь и создать семью на Джеме, я предлагаю специальный приз. Тысяча нефтедолларов за первого официального ребенка, родившегося в лагере. И имя ему будет Марджори — в честь меня, вашего первого начальника.— Она подождала аплодисментов и закончила: — А теперь — танцы!

Загремела музыка, Мэгги спрыгнула на площадку, схватила первого попавшегося мужчину и закружилась с ним в танце.

Следующие полчаса Мэгги играла роль хозяйки бала, и это ей очень шло. Она танцевала с мужчинами, которые жались по уголкам, она следила, чтобы музыка не прерывалась, чтобы выпивка все время была на столах. Она очень хотела, чтобы недовольных не было на этом празднике.

Завтра будет время, чтобы подумать о том, что нужно сделать для будущей жизни здесь. А сейчас все шло хорошо. При любой возможности она разговаривала с тем или иным человеком о том, что нужно сделать. Это привело ее в хорошее настроение, и она по-настоящему наслаждалась танцами. Она пила с теми, кто пьет, курила с теми, кто курит, и танцевала со всеми. Все шло хорошо. Тинка предупредила ее, когда настанет время прекратить танцы. Мэгги танцевала, веселилась и внимательно наблюдала. Из своих наблюдений она извлекла только одно: что все идет нормально. Все развивается так, как она и рассчитывала.

Она прошла по кругу, кивая, улыбаясь. Тинка шла за ней, сунув руку в карман и внимательно глядя на нее. Она была готова к действиям в любой момент. Мэгги взглянула на нее и покачала головой. Сейчас она была полностью счастлива и расслаблена. Ей ничего не было нужно. Однако у нее были и свои личные проблемы. Подойдя к доктору, она шепнула ей на ухо:

— Ваши холодильники готовы принять сперму и яйцеклетки, док? Мне кажется, что я готова сделать свой вклад.

— Завтра к полудню мы будем готовы,— пообещала Чичи Аркашвили.— Но, судя по тому, как часто молодые люди и девушки скрываются в кустах, нам вряд ли это понадобится.

— Лучше подготовиться на всякий случай. Иначе, когда придет время, будет поздно.

Если бы Мэгги имела возможность, она привезла бы с Земли бочку спермы и бочку яйцеклеток. Ибо только с таким генофондом можно рассчитывать на стабильное и здоровое потомство. Но она еще не была готова послать такое требование на Землю. Тем более, что на таком расстоянии весомость ее аргументов была ограничена.

Невдалеке от нее сержант Свеггерт, прибывший на первом корабле, домогался любви болгарской девушки Димитровой. В обычное время Мэгги не стала бы вмешиваться, но сейчас Димитрова была ей нужна для одного дела.

— Тинка,— бросила она через плечо.

— Да, мэм.

— Оставайся рядом,— Мэгги подошла к спорящим, и те сразу замолчали.— Простите, что прервала вашу беседу,— сказала она.

Димитрова посмотрела на нее.

— Прерывать нечего,— сказала девушка.— Сержант хочет мне показать нечто, что я не хочу видеть.

Мэгги улыбнулась.

— Ты извинишь нас, сержант?— Когда он отошел достаточно далеко, чтобы не слышать их разговор, она спросила:— Как насчет индонезийского языка, Димитрова?

— Индонезийского? Это не мой язык, но документ я могу перевести вполне удовлетворительно.

— Мне не нужно переводить документ. Мне надо знать, как сказать: «Доброе утро. А где поле для бейсбола?»

— Что?

— О, черт! Только скажи, как произнести это!

Ана колебалась, а затем сказала:

— Селемат паги. Димана лапинган бейсбол?

— Хмм,— Мэгги задумалась, взглянула на Тинку. Та пожала плечами.— Хорошо. Запиши мне эти слова. И еще: «У тебя есть карта?»

— Саудара пунджа пэта.

— Слышишь?— спросила Мэгги у Тинки.— Не уверена? Димитрова, ты все запишешь для нее.

Ей показалось, что болгарка будет возражать, но та кивнула, и Мэгги с Тинкой отошли от нее.

Сержант Свеггерт издали смотрел на них со спокойным интересом. Мэгги засмеялась.

— Ну что, сержант, хочешь пригласить меня на танец? Или ты хочешь показать мне ту маленькую штучку, которой пытался соблазнять Димитрову? Кстати, судя по твоей комплекции, она не такая уж маленькая.

— Черт побери, полковник, вы заставляете меня краснеть.

— Ну ладно, Свеггерт,— добродушно сказала Мэгги.— Ты неплохой парень, но сейчас не время для твоих вожделений.

— О, полковник, здесь совсем другое дело! Тут в лагере есть прирученные шаристы! Это очень интересно!

— Да?— Мэгги посмотрела на него более внимательно и поняла, что им действительно владеют не плотские вожделения.— Я тоже посмотрю,— сказала она. Мэгги последовала за сержантом из палатки и увидела шариста, который был привязан и пел мягкую и скорбную песню. Он был гораздо больше по размеру, чем та самка, которую она видела в Детрике.

— Что он говорит?— спросила она.

Сержант сделал строгое лицо и ответил:

— Не знаю, мэм. Хотите поближе посмотреть? Потяните за веревку.

Мэгги задумчиво посмотрела на него, но сержант был прав — это было интересно. Она потянула за веревку:

— Черт! Это существо очень сильное. Эй, Свеггерт, что ты делаешь?

Сержант наклонился и вытащил что-то из-под брезента.

— Просто факел, мэм.

— И что ты будешь делать с ним?

Он лукаво улыбнулся.

— Я никогда не видел, но ребята говорят, что это любопытное зрелище. Надо просто поджечь мешок с газом.

Мэгги взглянула на печальное сморщенное лицо шариста.

— Сержант,— сказала она угрюмо,— подожги этот чертов факел.

— Это приказ, мэм?

— Подожги!— крикнула она.— Или...

И он поджег...

Глава 15

Через четыре дня Анна наконец получила разрешение связаться по радио с лагерем Пипов. Когда дежурный просигналил: «Давай!», она взяла микрофон и заговорила на урду:

— Ана Димитрова из Экспедиции Блока Продовольствия. Я хочу говорить с Ахмедом Дуллой.

Дежурный выключил микрофон и сказал:

— Теперь ждите. Для ответа нужно минут десять.

— Разве я не могу говорить прямо с доктором Дуллой?

— Только не с Пипами, мэм. Мы передаем сообщение, они передают ответ. Если захотят.

— Ужасно. Я подожду на улице.— Выходя, она добавила:— Позовите меня, когда придет ответ.

— Заметано.

Какая глупость, думала она, усаживаясь в позе лотоса под тускло-багровым сиянием Кунга. Десять минут! Но она ждала гораздо дольше, чтобы получить возможность услышать голос Ахмеда. Так что этот срок совсем не такой страшный, как ей показалось вначале. В лагерь Пипов недавно прилетел корабль, маленький, конечно, но, по крайней мере, Пипы теперь уже не будут столь беспомощны и зависимы от других колоний.

Вокруг лагеря Аны кипела работа. Был очищен и засеян почти гектар земли на склонах холмов, уже были установлены столбы с лампами дневного света. Монтировался солнечный генератор, уже действовал небольшой, но надежный атомный генератор.

Ана была лучшим из трех переводчиков экспедиции, а со времени исчезновения Харриет, единственной, которая смогла бы постигнуть все тонкости незнакомых языков. Язык кринпитов она знала не в совершенстве, но было ясно, что практики здесь у нее будет мало. Что касается подземников, то она провела много времени с Джимом Моррисеем, который, видимо, считал эти существа полностью принадлежащими себе. Микрофоны, которые он устанавливал в туннелях, не доносили ничего, кроме шорохов, повизгивания, а по большей части их просто воровали.

Но с шаристами у нее дела шли хорошо. Она работала в тесном сотрудничестве с доктором Дэйлхаузом, но только по радио, так как ее охватывал страх при одной мысли подняться в небо с помощью такой ненадежной штуки, как воздушные шары. Русский пилот с Тинкой улетели на воздушных шарах с каким-то идиотским секретным поручением, а ее вызвали по радиорубке и направили в маленький госпиталь, где ей было нечего делать, так как еще не было пациентов.

И все же. Несмотря ни на что, невзирая на ее тревоги и неудобства жизни, она была всего в нескольких сотнях километров от Ахмеда! Не говоря уже о том головокружительном ощущении, что она на Джеме! На другой планете! Под другим светилом! Так далеко от дома, что даже Солнце не видно в багровеющем небе Джема! Она еще не рискнула выйти в джунгли (хотя другие уже

ходили, вернулись в целости и сохранности, потрясенные странностью и загадочностью нового незнакомого мира). Она даже не купалась ни в озере, ни в море, хотя искушение было слишком велико. Она даже не захватила купальный костюм, а времени, чтобы его сшить, еще не было. Поэтому она не валялась с остальными на пляже возле моря. Правда, она с завистью смотрела, как они весело плещутся в воде. Предполагалось, что они работают на сборке гидроплана, который стоял у берега.

Ну и что, подумала она. Что в этом такого? Совсем не ее дело, если некоторые люди имеют совсем другие моральные стандарты. По крайней мере до тех пор, пока это не будет ущемлять ее права. А в такой жаре очень приятно искупаться...

— Димитрова!

Она подскочила и вбежала в радиорубку, чтобы увидеть ответ. Но на ленте были слова: «В настоящее время Ахмед Дулла отсутствует. Послание будет передано ему сразу при прибытии его в лагерь».

На английском. С неправильными выражениями. Видимо, в лагере Наследника Мао плохой переводчик. Она поблагодарила дежурного, скрыв свое разочарование, и побрела к забору, окружавшему лагерь. Черт побери, как можно работать, если у нее нет возможности удовлетворить самое большое свое желание.

Да, очень жалко. Где же он может быть?

Она почувствовала, что у нее снова начинается головная боль. Хлопоты и возбуждение прибытия на планету отодвинули головные боли на задний план. Ана не имела времени думать об этом. И вот снова. Ана была деятельна по натуре и считала, что безделье вовсе не излечивает головную боль, а лишь усугубляет ее. Что же делать? Если бы у нее был подходящий костюм, она с удовольствием присоединилась бы к тем, кто собирает гидроплан. Или пошла бы на склоны, где работали сельскохозяйственные рабочие, но она не умела водить трактор. Солнечный генератор? Она не понимала в этом деле ничего, но она была сильная и хотела работать. Почему бы и нет?

К несчастью, она увидела среди работающих там сержанта Свеггерта.

Она сразу повернулась и пошла прочь.

Она избегала Свеггерта с той самой ночи, когда она вернулась с Тинкой, слугой полковника, и застала Мэгги и сержанта в весьма недвусмысленном положении. Нан сразу повернулась и убежала, вся красная от смущения. И в лагере не было никого, с кем она могла бы поделиться. Тинка говорить не будет, сержант — тем более. А полковник... Ана осознала, что она не понимает полковника Мэгги Меннингер. Избегать полковника она не могла, но женщина ни словом не обмолвилась о том, что было. Эта гордая американка отдается человеку, который социально намного ниже ее. Может, в этой похоти виновата вся атмосфера Джема, которая действует возбуждающе. Она слышала разговоры о тех оргиях, которые вызываются спермой шаристов.

Ана вдруг поняла, что очутилась возле пропускного пункта возле забора и сразу осознала, что она хочет сделать.

— Я хочу прогуляться,— сказала она охраннику. Тот пожал плечами и безразлично смотрел, как она прошла через ворота и оказалась за колючей проволокой ограждения.

Через некоторое время лагерь исчез из виду.

Если она не может видеть Ахмеда, то, по крайней мере, она может посмотреть Джем. Она пробиралась через фиолетово-масляничные заросли и постоянно прислушивалась. Шелест листьев на ветру, потрескивание стволов. Здесь не было диких животных, которые могли бы причинить ей вред. Здесь, вблизи лагеря, вовсе не было животных. Некоторые ушли отсюда, другие погибли, отравившись отходами пищи людей. Земная биохимия была столь же враждебна жителям Джема, как биохимия Джема враждебна землянам. Однако у обитателей Джема не было своего Камп Детрик, где бы они могли приспособиться к новым условиям и сделать необходимые прививки.

Однако даже то, что устояло перед натиском земной цивилизации, было чудесно и загадочно.

Ана остановилась и огляделась. Здесь невозможно заблудиться, заверила она себя, ведь море постоянно находится слева. В любой момент можно спуститься к берегу и вернуться в лагерь.

И выбиться из сил тут тоже нельзя, так как уменьшенная сила тяжести позволяет легко перепрыгивать через коряги и камни. Только бы не разболелась очень сильно голова.

Но что это за звук?

Как будто кто-то простонал, и затем на высохшую корягу упала палочка. Такие звуки, записанные на магнитофон, она слушала. Кринпиты, да! Возможно, не социальная раса. Возможно, это дикий кринпит-одиночка, очень опасный...

Внезапно сзади послышался голос человека:

— Ана, тебе не страшно быть одной в лесу?

На урду! И с такой сдержанной страстью, какую она слышала раньше! Прежде чем она повернулась, она знала, что это Ахмед.

Часом позже она лежала в его объятиях, боясь пошевельнуться, чтобы не разбудить его. Звуки кринпитов были слышны все время — то близко, то в отдалении. Она улыбнулась про себя, подумав, что кринпит был свидетелем того, как они занимались любовью. Ну и ладно. Никакого стыда в этом нет. Ведь это совсем не то, что было у развратной блондинки-американки. Ведь это же был Ахмед.

Он шевельнулся, всхрапнул и проснулся.

— А, Ана! Значит, это не сон?

— Нет, Ахмед.— Она колебалась, затем мягко сказала:— Этот сон я видела так часто... Нет... нет... подожди, Ахмед... не сразу... дай мне посмотреть на тебя. Ты так похудел. Ты был болен?

Черные глаза подернулись грустью.

— Болен? Да. И иногда я голодал.

— Почему? Какой ужас...

— Почему голодал? Но это так просто. Потому, что ваши люди уничтожили наш транспорт.

— Но это невозможно.

— Это возможно потому, что было. Пища на много дней, научные инструменты... и тридцать пять человек, Ана.

— Должно быть, это случайность.

— Ты очень наивна.— Он поднялся, рывком натянул брюки.— Я не обвиняю тебя, Ана. Но преступление случилось, и кого-то нужно обвинить.— Он исчез за деревьями, и через минуту она услышала, как он мочится в кустах.

И снова звуки кринпитов. Совсем рядом. Если бы она побольше занималась в Детрике кринпитами...

Она позвала:

— Ахмед...— и услышала его смех.

— О, Ана, мой друг напугал тебя? Он не причинит тебе вреда. Мы для него несъедобны.

— Я не знала, что у тебя такие друзья.

— Нет, мы не друзья. Но я враг его врагов, так что мы союзники. Иди, погуляй, Шарн-игон,— сказал он, как будто обращался к домашнему животному.

Он вышел из кустов, и за ним появилось кошмарное существо. Ана никогда не видела близко взрослого кринпита и не предполагала, насколько они огромны и насколько громки их звуки. Он остановился, казалось, разглядывая Нан, хотя глаз у него не было. Среди странных звуков она разобрала слова на урду:

— Это та, чтобы умереть?

— Нет, нет,— быстро ответил Ахмед и заговорил на непонятном языке. Ана не могла понять ни слова.— Я сказал, что ты моя жена.

— Жена?

— Да. У них очень богатая сексуальная жизнь.

— Пожалуйста, Ахмед, я не расположена шутить. Кринпит сказал «умереть», что это значит?

— Ты наивна,— задумчиво сказал Ахмед. Затем пожал плечами. Он не ответил, но развернул тряпку, показав тот предмет, что был у него в руках. Это было широкое плоское металлическое лезвие, острое, как бритва. Рукоять была приспособлена под ладонь человека.

— Ахмед, это же меч!

— Мачете. Но ты права, сейчас это меч.

— Ахмед,— сказала она. Сердце ее отчаянно билось в груди.— Несколько дней назад были убиты три человека из нашего лагеря. Я думала, что это случайность, но теперь я так не думаю. Ты знаешь что-нибудь об этом?

Он вонзил мачете в землю.

— Ол райт, если ты хочешь знать, я скажу. Нет, я не

убивал их. Но я знаю о их смерти. И я не скорблю по ним и надеюсь, что многие из Жирных погибнут. А если понадобится, то я и сам помогу им умереть.

— Но, Ахмед... дорогой, милый, это же убийство! Хуже, чем просто убийство, это война. Подумай, что об этом узнают на Земле... И там разразится война...

— Ну и что? — в ярости крикнул он. — Что будет? Бомбардировка Пакистана? Пусть! Пусть они уничтожат Хайдарабад, Мултан, пусть бомбардируют Карачи и все побережье. Ты была там, Ана! Какую часть Пакистана они уничтожат? Что бомбы могут сделать в горах? Народ выживет. Погибнет правительство, интеллектуалы, торговцы, промышленники — да! Погибнут все кровососы, ну и пусть! Народ в горах останется жить.

Она молчала, напуганная его словами, ища слова и не находя их.

— Но... — наконец сказала она. — Только не злись на меня. Но какой во всем этом смысл?

— Ты разве не понимаешь? Что нам делать? Дать им возможность уморить нас голодом? У нас один маленький корабль, а у них? Целый флот! И если война распространится... — Он колебался, затем крикнул: — Пусть! Пусть все богачи перебьют друг друга. Нам-то что за дело! Вспомни: шесть из десяти живущих на Земле — наши! Если после войны на Земле выживет миллион, то шестьсот тысяч — граждане Народной Республики. А здесь...

Она покачала головой, чуть не плача:

— А здесь? Тоже шестьдесят процентов?

— Нет. Больше. Если на Сыне Кунга кто-либо выживет, то наши — сто процентов.

Глава шестнадцатая

Началось время дождей. Мощные облака неслись по небу по направлению к Полюсу Тепла, где на землю обрушивались дожди, не долетающие до земли. На высоте двух километров они превращались в пар. Стая рассыпалась по небу на площади в один километр и распевала нестройным хором.

— Терпение, терпение, — внушал им Чарли. — Мы должны оставаться тут, мы должны оставаться.

И стая повторяла:

— Мы должны остаться. — Но песня была печальной.

Чарли обещал двуногому другу, что они будут оставаться над станцией в ожидании некоторых странных и непонятных событий.

Но ему было крайне неприятно, что стая находилась в таком беспорядке. Он почти физически ощущал дискомфорт. Место, за которым он обещал следить, находилось недалеко от лагеря Большого Солнца. К лагерю нельзя было слишком близко подлетать. Многие из его стаи были поражены огненными стрелами из этого лагеря. Дэйлхауз сказал ему, что это трудное задание. Но он также сказал, что оно чрезвычайно важное.

Чарли внимательно осматривал весь горизонт. Никаких признаков появления самолета, которого он ждал. Но он заметил тонкие серебряные нити, плывущие по небу. Он запел песню сбора стаи и спустил газ.

Стая последовала за ним, опускаясь до уровня, где ветер подхватил их и понес от дождя к этим приятным серебряным нитям.

Песня стаи стала довольной. Они находились у вершин невидимых столбов поднимающегося воздуха, где можно было найти лучшую пищу: мелких насекомых, споры и семена растений и многое другое. Стая начала кормиться. Раньше это было лучшее время для нападения хайхэй, которые вонзались в стаю, нанося смертельные удары направо и налево. Но так было раньше. Чарли запел хвастливую песню в честь его друга Дэнни, который дал им оружие, поражающее хайхэй за сотню облаков! Не только все самцы, но даже некоторые самки теперь были вооружены. Хайхэй научились опознавать стаю Чарли и держались от нее подальше.

В небе самолета все еще не было, в лагере Большого Солнца тоже не происходило ничего необычного. Чарли расслабился и тоже стал есть.

Однако глаза его постоянно просматривали весь горизонт. Но ни аэроплана, ни Нового Друга, который должен был подняться в воздух, не было. Они дрейфовали вместе с облаками, удаляясь от лагеря Большого Солнца.

Многие уже насытились и распевали песни благодарения. Хорошая стая, подумал Чарли.

Он запел:

— Хватит кормиться, хватит кормиться. Нужно лететь!

— Куда лететь? Куда лететь? — послышались голоса тех, кто еще не успел наесться. Они начали жаловаться, что должны еще поесть, иначе погибнут.

— Потом, потом! — скомандовал Чарли.— Летите за мной.— И он запел новую песню, песню долга, которой научил его Дэнни. Когда слышалась эта песня, нужно было забыть обо всем, кроме того, что существует станция, за которой надо наблюдать.

А кроме того, следовало избегать лагеря Большого Солнца, следить за появлением хайхэй, держать стаю вместе. Столько обязанностей, как новых, так и старых.

Долго он вел их, наблюдая за небом, как и обещал. И все же не он первый заметил это. Откуда-то сзади донесся голос старой самки: «Новая Небесная Опасность!»

— Громче! Громче,— потребовал он. Но голос был слабым. У старой самки осталось совсем мало газа.

Чарли поднялся на встречном потоке и тоже увидел.

— Я вижу Небесную Опасность! — пропел он, и стая подтвердила. Это была механическая вещь из лагеря Среднего Солнца. Он знал, что это летит Другой Друг, который часто летал с Дэнни, и Новый Друг, которого он никогда не видел.

Все было так, как сказал Дэнни. Биплан спланировал над дере-

вьями и сел в десяти километрах от лагеря Гризи. Из самолета вышли Капелюшников и женщина и начали наполнять шары из маленьких баллонов.

Когда Новый Друг поднялся на шарах в воздух, самолет взлетел и повернул к далекому океану. Новый Друг нашел нужный поток и полетел прямо к лагерю Большого Солнца.

Чарли не осмеливался подлететь ближе, но он видел, как она спускала газ, приближаясь к лагерю куда-то в лес. Все было так, как сказал Дэнни.

— Все сделано,— торжествующе пропел Чарли.

— А что теперь? — спросила стая, кружась возле него, после того, как исчез Новый Друг.

— Я спрошу воздух.— Маленькая нога включила передатчик, и он пропел песню приветствия Дэнни.

Он пропел дважды, вслушиваясь каждый раз, как учил его Дэнни. Ответа не было, только неприятный шум отдаленных разрядов.

— Нужно подлететь поближе к лагерю Среднего Солнца,— объявил Чарли.— Радио не может петь далеко.

Чарли быстро отыскал нужный поток воздуха и пропел:

— Летите!

Стая собралась вокруг него — все четырнадцать — и полетела за ним, знающим, куда лететь и что делать.

В полете они потеряли старую самку, у которой кончился газ, и она не могла держаться в воздухе. Исчезла также и одна из молодых самок. Так что, когда они прилетели к лагерю Среднего Солнца, их осталось всего двенадцать.

Мэгги Меннингер смотрела, как в ее служебный кабинет вошел Капелюшников.

— Есть сообщение? — спросила она.

— Дэнни получил радиограмму от своих газовых мешков: «Ваш друг спустился поблизости от лагеря Гризи. Все в порядке».

— Когда?

— Кто знает? Может, несколько часов назад. Вскоре после того, как я покинул место высадки шпиона.

— Ол райт. Благодарю.

Когда Капелюшников вышел, Мэгги хотела позвонить в радиорубку, но потом передумала. Если поступят сведения, дежурный сообщит ей и так. Как будут вести себя Гризи? Поверят ли они, что Тинка очутилась у них случайно? Может она...? А может...? Вопросы бесконечно множились в голове Мэгги, а ответов на них у нее не было.

Но Мэгги Меннингер не привыкла к такому состоянию. Она была человеком действия, она принимала решения. Ровно через час радист запросил лагерь Гризи, а пока ей нужно подождать. Она решила просмотреть список дел на день.

На сегодня она сделала пятнадцать отметок в календаре. Все намеченное шло по расписанию, каждый получил четко сформи-

рованные задания. Посевы зерна шли по плану, границы лагеря тщательно охранялись и укреплялись. Мэгги посмотрела на крупномасштабную карту, которая занимала всю стену ее кабинета. Обозначения ручьев, высот явно были недостаточно информативны. Нужно дать им названия. Но это потом.

Вошел дежурный.

— Мэм, сержант Свеггерт хочет видеть вас. Говорит, что дело не очень срочное.

Мэгги написала на календаре: «Свеггерт».

— Я скажу, когда смогу принять его.

Она еще не знала, как поступить со Свеггертом. У нее был широкий выбор возможностей: от высмеивания его до обвинения в изнасиловании. И что она выберет, будет зависеть от самого Свеггерта. Пока что он вел себя достаточно разумно.

Но с другой стороны ее авторитет в лагере пока что был основан только на военной власти, которую дала ей Земля. И кто знает, долго ли еще Земля будет поддерживать ее. И долго ли будет существовать колония. Вести с Земли были плохими, что она даже не распространяла их среди колонистов. Во всяком случае, ее предупредили, что подкреплений и кораблей снабжения в ближайшее время не предвидится.

Она ждала этого, и тем не менее это ее насторожило.

В своем блокноте она сделала две записи: «Медицинский Банк. Пища на шесть месяцев».

Очень жалко, что агрономом была канадка. Мэгги нужны были верные и надежные помощники на таком ответственном участке. Ведь урожай — это вопрос жизни и смерти, а к тому же Мэгги не хотела, чтобы в лагере это знали. По крайней мере, пока.

Впрочем, с этим можно пока подождать. Прошло сорок минут. Мэгги достала из ящика стола сигарету, закурила. «Свеггерт!»

— Джек, пригласи сержанта сюда,— крикнула она.

— Есть, мэм. Он ушел на пост, но я пошлю за ним.

Мэгги откинулась на спинку кресла, обдумывая линию поведения со Свеггертом. И тут зазвонил телефон. Это был дежурный с радиостанции.

— Полковник? Я только что говорил с Гризи о сержанте Пеллатинке.

— Я тебе не приказывала этого.

— Да, мэм. Но я постепенно посылал вызов на ее частоте, как было сказано. Их радист ответил мне. Он спросил, не потеряли ли мы ее. Я сказал, что сержант не отвечает на вызовы, и Гризи сообщили, что они вышлют поисковую партию в окрестности лагеря.

Мэгги села прямо, сделала глубокую затяжку. Судя по словам шаристов, Гризи не могли не видеть посадку сержанта. Значит, сейчас они нагло солгали.

Сержант Свеггерт был во многом схож с Мэгги Меннингер. Если он видел, что что-то плохо, то он не жалел ни сил, ни энергии, чтобы это исправить, сделать лучше. И когда он увидел, что если

третий пулемет переместить на два метра к озеру, то зона обстрела намного увеличится. Он приказал своим людям сделать это. На работу ушло почти пять часов, зато теперь, припав к прицелу пулемета, он был удовлетворен.

Он видел, что все пространство простреливается и никто не сможет подойти к лагерю незаметно.

Все боеприпасы были разложены по местам, телефон подключен и проверен, прожекторы установлены. Прожекторы будут периодически включаться и сканировать всю территорию вдоль границы. Во время боя многие прожекторы будут уничтожены врагом, но в лагерь никто не пробьется живым.

Правда, Свеггерт прекрасно понимал, что прямой атаки на лагерь не будет. Может быть нападение с воздуха. Может быть ракетный обстрел. А может, и ничего не произойдет. Если спросить его, сержанта Свеггерта, то война здесь была бы безумием. Из-за чего драться, когда в этой чертовой дыре нет ничего, даже самого маленького города. Да, он так и сказал бы, если бы его спросили, но такой ответ ни в коем случае не остановил бы его, если бы драться все же пришлось.

В глубине души он трусил. Почему полковник заставляет его ждать? Если она собирается расправиться с ним, то чего она ждет?

— Сержант,— он повернулся.— Вас вызывают к полковнику.

— Агги, прими командование,— приказал он,— если к моему приходу не будет все в порядке, вы пожалеете.

Он подбежал к палатке командира и вошел в нее. Мэгги Меннингер что-то ела и читала микрофиши. Она не подняла глаз.

— Граница должна хорошо охраняться, сержант,— сказала она.— Ты установил пулемет?

— Да, мэм. Поблизости летает стая газовых мешков. Может, мы вызовем снова у них извержение?

Она отложила ложку и посмотрела на него.

— Что значит «вызовем», сержант?

— О нет, мэм! — Боже, она оскорбилась. Сержант понял, что серьезные неприятности очень близки.— Я ничего не имел в виду, мэм, кроме того, что дела идут сложно и людям нужно расслабиться. А как можно проще расслабиться, чем не в сексуальном наслаждении?

Она долго рассматривала его.

— Хорошо, сержант, только будь сдержаннее на язык.

— Конечно, полковник. Есть, полковник.— Он буквально вылетел из палатки. Черт, чуть не вляпался. Но если бы он не был пьян, он не осмелился бы на такое. Но, черт побери, дело стоило риска. Вспомнив, как искусно она отдавалась ему, одурманенная извержением шариста, он ощутил возбуждение.

Вернувшись на свой пост, он с разочарованием посмотрел на своих людей. Капрал Кристианидис была слишком костлявой, но все равно лучшего у него не было под рукой.

— Агги, возьми Петтерсона и еще четверых. Будьте на посту, пока мы немного развлечемся. Крис и вы, остальные, пойде-

те со мной. Те, кто не хочет идти, можете заменить тех, кто не хочет оставаться. Идемте.

Свеггерт прошел со своим отрядом к пустым палаткам на краю лагеря. Он мог бы заняться этим и на открытом пространстве, на глазах у всех, но, черт побери, если есть возможность, почему бы и не использовать палатку, чтобы укрыться.

Свеггерт остановился. Нан Димитрова и Дэйлхауз разговаривали со связанным шаристом, который доставил столько приятных минут Свеггерту с полковником. В нескольких метрах отсюда пилот Капелюшников жаловался на что-то полковнику Три. Черт побери, это некстати. Но у него было разрешение Меннингер, а он считался только с нею. Он вытащил фонарь и направил луч на трепещущее существо.

— Что ты делаешь, сержант? — крикнул Дэйлхауз.

— Хочу немного развлечься. Полковник сказала свое о'кей.

— Мало ли что она сказала!

— Если вы не верите мне, можете спросить у нее самой. Не подвинитесь ли, сэр, вы заслоняете свет.

Ана Димитрова положила руку на плечо Дэйлхауза, который хотел резко ответить.

— Для шариста это вовсе не развлечение, сержант Свеггерт. Вызывать сексуальный всплеск насильно — это причинит боль и страдание. А это существо и так страдает. Оно может умереть.

— Ну и что, Ана? — ухмыльнулся Свеггерт. — У меня разрешение полковника. Присоединяйтесь и вы к нам. Дэйлхауз, что вы делаете? — Дэйлхауз включил радио и запел в микрофон. Полковник Три подошел к ним, и Свеггерт обратился к нему.

— Полковник, у нас есть разрешение Меннингер вызвать извержение спермы, а этот парень хочет помешать мне.

Три заложил руки за спину и сказал тонким детским голосом.

— Это будет интересно посмотреть, как это они делают.

Шаристы разлетелись по небу в полном беспорядке. Они пели громко, но не в лад. Их голоса доносились с неба и звучали из динамика Дэйлхауза. Свеггерт стоял неподвижно, стараясь унять ярость, зревшую в нем. Черт бы побрал этот Клонг. Здесь мало даже разрешения командира! И полковник Три не поспешил поддержать его.

— Черт бы вас побрал, — прорычал он.

Но внезапно выражение лица Дэйлхауза изменилось. Он пропел короткую фразу. Ответ пришел каскадом музыкальных трелей. Дэйлхауз замер. Ана Димитрова ахнула.

— Три, — сказал Дэнни, обращаясь к полковнику. — Чарли сообщает, что на пляже кринпиты, которые едят двоих людей.

— Но кринпиты не едят людей, — заметил полковник.

А Свеггерт крикнул:

— Там никого не может быть. Периметр надежно охраняется.

Дэйлхауз переспросил Чарли и, получив ответ, пожал плечами.

— Так он говорит. Может, он ошибается насчет съедения. Я думаю, он не понимает убийства просто так, только для еды.

Свеггерт погасил фонарь.

— Нужно доложить полковнику.

— Правильно,— сказал Три.— Дэйлхауз сделает это. А вы, сержант, соберите отряд в тридцать секунд. И в полном боевом снаряжении. Пойдем посмотрим, что там случилось.

Через полчаса Мэгги Меннингер во главе отряда в тридцать человек встречала возвращающихся полковника Три, сержанта Свеггерта и его людей. Они несли двоих людей. Один был на носилках, составленных из двух связанных плащей, второй висел на плече Свеггерта. Оба были мертвы. Когда Свеггерт положил свою ношу на землю, стало ясно, почему ему было легко нести. У человека не было обеих ног и части головы.

Второе тело было меньше изуродовано, и Меннингер узнала ее сразу: Тинка.

Мэгги стояла неподвижно, пока Свеггерт докладывал. Кринпитов поблизости не было. Видимо, они ушли далеко, так как даже не было их слышно. Оба были уже мертвы, когда прибыл отряд, но тела были еще теплыми. У мужчины под одеждой был непромокаемый пакет. Мэгги взяла его, развернула. Документ, из которого ясно, что это индонезиец, к которому на контакт шла Тинка. Микрофиши. Пара очков детского размера — не оптические: с плоскими стеклами. Как эти двое попали сюда? Может, их схватили как шпионов и они бежали? И как им удалось проделать такой большой путь от лагеря Гризи сюда, где они погибли?

Вернувшись в лагерь, она получила ответ на один вопрос. Дэйлхауз сказал, что шаристы видели дальше на берегу остатки резиновой лодки. Мэгги вертела в руках очки, слушая Дэнни и кивая. Она еще не была готова воспринять смерть Тинки как трагедию.

Она взглянула на очки повнимательнее. Они были не совсем прозрачными.

— Интересно,— сказала она почти нормальным голосом.— Должно быть, это фоточувствительные очки.— Она посмотрела сквозь них на угольно-багровое небо Кунга.— Только зачем они нужны на Джеме?

Глава 17

В шести километрах от берега, где он убил Ядовитых Привидений, Шарн-игон остановился и забился в щель под утесом. Ему нужно было спрятаться, чтобы отдохнуть.

Зарываться в землю было опасно из-за Нижних Привидений. Но здесь они вряд ли есть: слишком близко от воды. Они не любят, когда вода затопляет их туннели.

Устраиваясь поудобнее, Шарн-игон думал о своем союзнике Ядовитом Привидении Дулле. Он не ощущал к нему симпатии, какое он испытывал бы к дружественному существу. Он не считал Дуллу таковым. Дулла был для него всего лишь орудием. После

того, как они убили Привидения, которых Дулла называл Гризи, они бежали, причем Дулла бежал быстрее и убежал дальше. Шарн-игон не считал это предательством. Если бы он был быстрым, а Дулла медленным, он поступил бы также. Полезность Дуллы, как орудия, заключалась в его скорости и в том, что он мог заговорить с привидениями, отвлечь их внимание от Шарн-игона, который приближался и убивал. Ядовитые Привидения так легко убивать! Достаточно было нескольких ударов. Правда, у некоторых было оружие, и Шарн-игон научился уважать некоторые виды оружия. Но у этих двоих на пляже был только маленький пистолет, пули которого отскакивали от панциря. Этих двоих он смог бы убить и без помощи Дуллы.

Он подвигал панцирем, закапываясь глубже в свое убежище, и затих. Его органы слуха внимательно следили, не приближается ли опасность с воды или с суши, а тело его прослушивало вибрации земли, чтобы заметить приближение Привидений Снизу. Этих он боялся больше всего.

Разумеется, при нормальных обстоятельствах, его панцирь был бы надежной защитой от привидений. По крайней мере, до тех пор, пока он был на поверхности земли. Приведения снизу редко выходили на поверхность, так как здесь они были глухи и слепы.

Но обстоятельства не были нормальными: Шарн-игон не просто устал, он был болен. Он был готов к тому, чтобы вылезти из панциря и сменить его. Но сейчас не время, ведь рядом не было Чи-прюитт (ее панцирь давно засох), и некому было охранять его во время смены панциря, когда он был совершенно беззащитен.

Внезапно его желудок опорожнился. Съеденная пища хлынула из него широким потоком. Это сделало его еще более слабым, но успокоило. Отдохнув немного, он стал чистить панцирь от нечистот. Несомненно, Ядовитые Привидения будут мстить за убийство на пляже. Немного мяса Привидений попало к нему в желудок, и это, отчасти, было причиной его плохого состояния. Да, с самого появления в его городе Ядовитые Привидения причиняли ему только горе, они изгнали радость из его жизни.

Кринпиты не плачут. У них нет ни слезных желез, чтобы производить слезы, ни глаз, чтобы испускать их. У них нет чувства жалости и нет социальных табу, чтобы запретить выражать свое горе любым способом.

Через час он очистил панцирь от последних остатков чужой крови. Шарн-игон делал это в полной тишине, лишь изредка раздавался стон или удар клешни о панцирь.

Звуки более счастливых времен роились в его мозгу. Он слышал снова Чи-прюитт, маленькую самку, с которой он предавался радости и которая родила маленького кринпита. Это было сладчайшее существо...

Как все изменилось теперь!

И в этом виноваты Ядовитые Привидения. С тех пор, как появились они и как погибла Чи-прюитт — зря она ела этих пришельцев,— мир Шарн-игона развалился на части. И не только из-за

Чи-прюитт. Кринпиты, которых он поднял против Ядовитых Привидений, которых Дулла называл Гризи, понесли жестокую кару. Их деревня была атакована с воздуха. Многие кринпиты погибли. А скольких он смог убить в отместку? Очень мало. Двоих на берегу. Еще нескольких, которых он и Дулла застали врасплох на удаленной станции... Очень мало! И все планы Дуллы провалились. Деревня кринпитов, которых они пытались склонить к нападению на лагерь Жирных, не сдержала своего обещания. Он и Дулла долго выжидали возможность напасть, но так и не нашли ее. Пока эти двое не приплыли на резиновой лодке...

С воды послышался звук.

Шарн-игон замер. Он старался не дышать, чтобы производить как можно меньше шума. Он прислушивался и услышал слабое, еле уловимое эхо, отраженное от воды. Лодка. И в ней Ядовитое Привидение.

Еще одно, чтобы умереть? Оно приближалось. Шарн-игон выбрался из укрытия, готовясь к нападению, и тут услышал свое имя. А затем имя своего союзника: Ахмед!

Шарн-игон пополз по песку, готовый, как приветствовать своего союзника, так и убить его.

Дулла крикнул:

— Быстрее! Жирные обыскивают все побережье. Нам нужно бежать!

С Шарн-игоном на борту лодка передвигалась очень медленно. Она не могла утонуть, так как в ее ячейках было много воздуха.

Они плыли через Широкую Воду, постоянно наблюдая за воздухом, чтобы нападение Верхних Привидений не застало их врасплох. Маленький парус помогал им, но у лодки не было киля. Поэтому, когда ветер усиливался, им приходилось спускать парус и переходить на весла. Шарн-игон чувствовал себя отвратительно, и каждый удар волны причинял ему страдания.

— Если бы не вы, моя жена была бы жива.

— Ты дурак, Шарн-игон! Она же пыталась убить нас. Не наша вина, что она погибла.

— И моя деревня подверглась нападению. Еще одна деревня была уничтожена полностью. Я сам очень болен.

— Поговорим о чем-нибудь другом, Шарн-игон. Поговорим о том обещании, которое кринпиты дали нам относительно нападения на Жирных. Они нарушили свое обещание.

— Во мне говорят горе и гнев, Ахмед Дулла.

— Поговорим о моем горе и гневе. Мы пострадали оба в борьбе против нашего общего врага.

— Пострадали?

— Да, пострадали. После того, как ты, по своей неуклюжести, уничтожил мое радио, я не слышу голосов своего лагеря и не знаю, живы они или нет. Может, они уже погибли!

— Сколько их, Ахмед Дулла?

— Больше десяти.

— А сколько погибло наших? Если считать самцов, то две сотни, а если считать и самок, и детенышей?

Они еще не переплыли Широкую Воду, как Шарн-игон услышал молчание города, который он считал средоточием всей трагедии. Из города доносилось только эхо.

Раньше город всегда издавал звуки — прекрасные звуки. Но теперь Шарн-игон не слышал ничего! Ничего! Он слышал только эхо своих собственных звуков, отражающихся от знакомых холмов, лодок, полуразрушенных зданий, пустых панцирей... И больше ничего.

Город был мертв.

Ядовитое Привидение Дулла что-то говорил ему, и Шарн-игон с трудом выделил слова:

— Еще одно нападение! Город пуст. Гризи вернулись, чтобы завершить дело.

Шарн-игон не мог отвечать. Тишина обрушилась на него, такая глубокая, что даже Ядовитое Привидение удивилось:

— Ты болен? Что случилось?

С огромным усилием Шарн-игон ответил:

— Ты уничтожил мой город и моих друзей.

— Я? Нет! Не я и не люди Народной Республики. У нас нет столько сил, чтобы сделать это. В этом повинны Гризи!

— От которых ты поклялся защищать нас! — Шарн-игон поднялся на ноги, зависнув, как башня, над Дуллой. Тот вскрикнул от страха. Но Шарн-игон не напал на него. Он выбросился из лодки. Здесь было мелко. Шарн-игон встал на илистое дно, чтобы его дыхательные отверстия были над водой. Он пошел к берегу, вспенивая воду. Трагедия поразила его. Мертвы! Все мертвы! Улицы пусты, только высохшие панцири валяются на них. Дома пусты. Нет ни самцов, ни самок, ни детей.

Дулла звал его из лодки, махая руками:

— Шарн-игон! Теперь мы братья по несчастью. Больше чем раньше, мы связаны с тобой.

— Все мои братья мертвы.

Шарн-игон повернулся и прижал Дуллу к стене разрушенного здания.

— Мне нужны новые союзники, Ахмед Дулла.

Шарн-игон навалился на него. Дулла заметил опасность и попытался ускользнуть, но было поздно. Его скорости уже не хватало, чтобы увернуться от удара тяжелой клешней по голове.

Убедившись, что Дулла мертв, Шарн-игон оставил его и побрел между пустыми панцирями, которые когда-то были его друзьями. Он остановился отдохнуть возле стены лавки, которую он раньше часто посещал.

Он чувствовал удовлетворение от смерти еще одного Ядовитого Привидения. Но боль подступила к нему внезапно. Конечности его болели, все тело болело, казалось, панцирь слезал с него. Ему еще было не время. Но оно наступило, в этом не было сомне-

ния. Один, в открытом пространстве, которое когда-то было его домом, без кого-то рядом, чтобы позаботиться о нем, пока он был беспомощен, он начинал менять панцирь...

Глава 18

В час тридцать майор Сантангело вместе с пилотом третьего корабля вошел в палатку.

— Хорошие вести, Мэгги. На Плохих Холмах нашли уголь. В двух километрах отсюда. Кроме того, мы можем сжигать биомассу и дерево. Ричи сказал, что мы можем использовать для нагрева парового котла пластины одного из кораблей. Если прибудут турбины, то мы можем запустить генератор на полную мощность без использования резервов топлива.

— Когда?

Сантангело посмотрел на инженера:

— Десять дней? Пусть две недели.

— Пусть одна неделя,— рявкнула Мэгги.— А как насчет горючего для самолетов?

— Моррисей обещал провести ферментацию в самое ближайшее время.

— Хорошо,— сказала Мэгги.

Когда они ушли, Мэгги взяла микрофон:

— Есть сообщения?

— Нет, мэм. Они еще на орбите и спускаются, затрачивая минимум энергии.

Она отложила микрофон. Ну что же, корабль снабжения на орбите, а не в сотне световых лет. Но последний маленький шаг затягивается. Капитан сообщил, что у него малы резервы для маневра и он ждет благоприятных условий для спуска. А это может длиться несколько дней. Однако это плохой знак! Если корабль отправили почти без резерва, значит дела на Земле обстоят неважно. Даже хуже, чем можно заключить из тактрановых радиограмм. Она посмотрела на часы: 1:45.

— Пришлите доктора Аркашвили,— сказала она. Вскоре пришел доктор с чашкой дымящегося кофе.

— Вот кофе, Мэгги. Но было бы лучше немного поспать.

Мэгги понюхала напиток и с наслаждением отхлебнула:

— Скорее бы они сели,— сказала она.

Среди того, что она заказала на Земле, были зерна кофе и семена, чтобы попытаться вырастить его здесь. Во всяком случае, следующие несколько лет будут без кофе. Вероятно, Гризи уже сумели получить первый урожай, но делиться они, конечно, не будут. Они уже сейчас ничего не дают, даже консультации по радио. А Пипы вообще не отвечают.

В лагере пока что все здоровы, если судить по рапортам медиков. Антиаллергены действуют очень эффективно, а на Джеме больше нет ничего, что было бы враждебно организму человека. Так, ерунда: головные и зубные боли, аппендиксы...

— Только никаких операций,— сказала она резко.

Доктор задумалась.

— Все что угодно: таблетки, уколы, а чтобы предотвратить беременность — презервативы. Если кто-либо захочет иметь ребенка — искусственное оплодотворение. Как у нас с банком спермы?

— Прекрасно. Двадцать восемь яйцеклеток в криогенной камере и около сотни образцов спермы.

— Хорошо, но может быть лучше. Мне нужен стопроцентный охват. Если что-либо случится с кем-то, я не хочу, чтобы пропали его гены. Или ее. Это же не требует много места? Так что получи по четыре образца от каждого человека. Чему ты улыбаешься?

— Сейчас у меня есть две оплодотворенные яйцеклетки, так что мы можем хоть сейчас начать производство детей.

— Хмм,— задумчиво сказала Мэгги.— И от кого же они? Говори, не стесняйся, я же командир.

— Одна от Аны Димитровой.

— Черт! И чей же ребенок?

— Можешь спросить ее, если хочешь. Я не спрашивала.

Мэгги изумленно покачала головой.

— Я меньше всего считала ее способной на это. А вторая? Погоди! Не можешь быть, чтобы я... Я же принимала таблетки.

— Таблетка не предохраняет яйцеклетку от оплодотворения. Она просто не дает ей развиваться.

Мэгги посмотрела на доктора:

— Черт бы меня побрал...

Нгуен Дао Три опоздал на десять минут. У него были заспанные глаза, и он непрерывно зевал.

— Мне не подходит здешний распорядок,— пожаловался он.

— Послушай, Гай, если вместо того, чтобы спать, ты волочишься за каждой юбкой в лагере...

— О, Марджори, я бы предпочел, чтобы мое время сна совпало с твоим.

— Ну что же, может, когда-нибудь и совпадет. А пока мы опоздали для инспекции.— Она допила кофе и поднялась.

Люди работали хорошо. Граница была прекрасно укреплена и надежно охранялась, пахотная площадь все время расширялась. Мэгги каждый день осматривала все очень подробно, не гнушаясь залезать во все дыры.

Пока что все шло хорошо. Никто не нападал на лагерь, даже кринпиты. Но они были изолированы в мире врагов. Благодаря шпионским спутникам и наблюдениям шаристов, из перехваченных и расшифрованных радиоконтактов, из микрофишей индонезийца Мэгги составила четкое представление о том, чем занимаются Гризи. Или, вернее, занимались несколько недель назад. Они оккупировали лагерь Пипов, захватив там все. Они уничтожили все живое вокруг себя и продолжали убивать кринпитов и расстреливать шаристов. Подземников они, видимо, смогли приручить, и те помогали им эксплуатировать минеральные ресурсы Джема. Гризи разработали какое-то средство, пока еще не было сведений,

какое именно, которое отпугивало кринпитов. Черт побери! Что только они не сделали! Если бы отец послушал ее и дал бы ей необходимые средства для освоения планеты!

Нельзя сказать, что она плохо работала. Но она любила, чтобы у нее было все самое лучшее, а обстоятельства складывались так, что она оставалась на втором месте: Гризи контролировали планету. Под ее началом было только пространство, ограниченное изгородью. А у Гризи было три отдельных поселения, включая и то, что раньше принадлежало Пипам. Если не считать показаний спутников, полетов шаристов и редких вылазок Капелюшникова (что было чрезвычайно опасно: можно было лишиться единственного самолета). Мэгги была слепа относительно всего, что делается на планете. Она запретила даже Дэнни Дэйлхаузу подниматься в воздух. Во-первых, она не хотела рисковать его жизнью, во-вторых, лучше было тратить энергию на защиту лагеря, на освещение посевов. Она направила его вместе с Морриссем и Димитровой на обучение к агроному. Внезапно она задумалась: Дэнни и Димитрова? Может, да. А может, и нет. Они друзья. Но не до такой степени. Но кто же тогда? Она посмотрела на Гая Три, который беседовал с охраной. Кто же отец ее собственного ребенка? Дэйлхауз? Три? Этот сукин сын Свеггерт? Эти трое наиболее возможные кандидаты. Но который из них?

Раньше она поиздевалась бы над собой: зачем ей такие проблемы? К чему знать, кто впрыснул в тебя семя? Но сейчас это тревожило ее. Все-таки это будет ребенок в новом мире. И кто же его родитель? Ну, ладно. Нужно заниматься делами.

— У нас в лагере есть лучники? — спросила она.

Три замер на полуслове. Он пытался объяснить, как вооружить лодку.

— Что? — изумленно спросил он.

— Люди, которые умеют стрелять из лука, черт побери. Я хочу организовать соревнование.

— Прекрасно, Марджори. Но я полагаю, что в лагере нет ни луков, ни стрел.

— Если они знают, что такое лук и стрелы, то могут сделать их сами. Мы установим призы за победу. Кофе, сигареты. Я пожертвую даже бутылку виски.

Три был крайне удивлен, но затем сказал:

— Ну что же, я думаю, это пригодится на охоте.

Мэгги кивнула, не ответив. На кого охотиться? Каждое животное, которое можно увидеть на поверхности планеты, надежно защищено панцирем. Таковы особенности эволюции. Когда они осматривали станцию, пришел дежурный из радиорубки.

— Корабль идет на посадку, полковник, — сказал он. — Через пару минут мы должны увидеть его.

— Слава богу. Гай, организуй разгрузку. Скажи майору Аркашвили, чтобы все было наготове в случае неудачной посадки.

Посадка не была удачной. Но не была и неудачной. Ее вовсе не было. В воздухе появилась кабина, раскачивающаяся на больших пара-

шютах. Но она не приземлилась на берегу, где была посадочная площадка, а исчезла в джунглях, примерно в километре от лагеря.

К счастью, никто не пострадал. Пятнадцать человек, которые были в кабине, пришли в лагерь сами, и двенадцать из них были молодыми женщинами. Бог услышал молитвы Мэгги. Им пришлось преодолеть очень сложный путь в джунглях. Но ладно. Они пришли. А когда Мэгги просмотрела опись того, что прибыло на корабле, она начала расслабляться. Прибыло все до последней мелочи из того, что они просили. Семена, орудия труда, оружие, различные тренажеры. Конечно, этого было недостаточно — но было все, что она просила.

Теперь нужно было продолжать работать. Организовать рабочие партии и их охрану. Вблизи лагеря кринпитов не было видно, но леса кишели ими. Первый отряд ушел в джунгли, и Мэгги успокоилась только тогда, когда они вернулись, неся коробки с пищей, ящики с микрофишами, упакованные велосипеды, электронное оборудование. Мэгги с радостью приветствовала их всех. Маленький черный майор сказал ей, похлопывая по сумке:

— У меня есть кое-что для вас, полковник. Это частное, мэм.

— Пройдемте ко мне, Вандемир. Кажется, так ваше имя?

Он вежливо кивнул и прошел за нею в офис, где положил сумку на стол.

— Вот, мэм,— сказал он, открывая сумку.

Оказалось, что это микро-ЭВМ с индикаторной панелью на жидких кристаллах. Майор нажал на клавишу, и экран загорелся, высветив ряды символов.

— Это устройство для контроля спутников, мэм. Сейчас на орбите двенадцать спутников.

Мэгги нежно прикоснулась к прибору. Почти сексуальное чувство овладело ею, тепло распространилось по всему телу.

— А можно найти спутники Гризи?

— Да, мэм. Мы уже зафиксировали четыре спутника, среди них главный тактрановый передатчик. И два спутника Пипов, но, кажется, они перестали быть активными.— Он набрал определенную комбинацию на клавишах, и цвет символов изменился.— Зеленые наши, красные Пипов, а желтые — Гризи. Если в радиусе двух миллионов километров что-либо произойдет, система сразу зафиксирует это и выдаст информацию.

Тепло продолжало согревать ее тело. Это было именно то, о чем она всегда мечтала, что просила самым настоятельным образом.

— Благодарю, майор. Покажите мне, как с ним работать, а затем я хочу, чтобы мы работали на нем по очереди по двенадцать часов в день и вели наблюдения.

— Есть, мэм,— сказал он ровным тоном.— И вот еще письмо для вас от вашего отца.

Это было настоящее письмо, а не микрофиша. Бумажное письмо в конверте, а на конверте ее имя, написанное почерком Годфри Меннингера.

— Благодарю, майор. Можете идти и возьмите с собой

ЭВМ.— Когда он повернулся, она спросила: — Майор, дома дела совсем плохи?

Тот помолчал, а затем сказал:

— Очень плохи, полковник. Совсем плохи.

Мэгги стояла молча. Затем она сунула письмо в карман и подошла к окну, чтобы посмотреть на то, как идет разгрузка. Она не была готова осознать слова: очень плохи.

Она смотрела, как сержант Свеггерт уже крутится возле двух новых девушек, как один из грузчиков уронил прожектор, который разбился вдребезги, а пальцы ее все время ощупывали письмо в кармане. Когда колокол прозвонил на завтрак, она больше не могла сдерживаться. Она взяла поднос с едой и достала письмо.

«Мэгги, дорогая.

Я послал тебе все, что ты просила. Но дальнейшие поставки невозможны. Дела обстоят совсем плохо. Мы находимся в состоянии боевой готовности, и лишь один бог знает, сколько это продлится.

Так что ты будешь на год, а то и больше, предоставлена самой себе. Президенту угрожают импичментом, а может, и хуже. На прошлой неделе были две попытки убийства президента. Я посоветовал ему, что делать. Ввести смертную казнь. Распускать конгресс. Подавить все беспорядки. Но он политик. Он надеется уладить все. Однако уладить все мирным путем — это значит урезать все наши военные программы. В том числе и твою, дорогая.

Я не рассказывал бы тебе все это, если бы не был уверен, что ты поймешь все правильно и справишься с трудностями».

И это было все. Даже не было подписи. Мэгги долго сидела с письмом в руках и только потом заметила, что завтрак уже остыл.

Больше она не хотела есть. К тому же ей стало ясно, что продовольствие нужно экономить. Поэтому она заставила себя съесть все до последнего кусочка. И вдруг она поняла, что в лагере что-то изменилось. Случилось что-то плохое.

За завтраком сержант Свеггерт услышал странные звуки, не очень громкие и не очень близкие. Это было похоже на выстрелы. Никто из сидящих в палатке не слышал их. Свеггерт положил на большой кусок хлеба, омлет из яичного порошка с ветчиной и вышел из палатки.

Послышался третий выстрел.

На этот раз сомнения не было. Это выстрелы. Какой-то сукин сын играет с винтовкой. Конечно, ругать его нельзя — если сам Свеггерт увидит кринпита, то не удержится, чтобы не выстрелить в него. Но три выстрела — это слишком много. Ведь патроны нужно экономить. Он прибавил шаг и пошел к периметру. Обогнув кухню, он увидел группу людей, которые смотрели на тропу в джунглях, которая вела к месту посадки кабины. Другие люди тоже спешили туда, и когда Свеггерт приблизился, их уже бы-

ло больше двадцати человек. Говорили они все возбужденно и беспорядочно.

— Кто там? — спросил сержант, схватив за плечо капрала Кристианидис.

— Агги с двумя молодыми. Они решили сделать рейс. Лейтенант Маклин только что послал туда патруль.

— Тогда сидите и молчите, пока они не вернутся,— приказал Свеггерт. Но он сам не хотел бы подчиниться такому приказу. Стрелять в джунглях — это было не похоже на Агги. Толпа все увеличивалась. Пришел полковник Три, похожий на маленькую китайскую куклу. Затем несколько человек из палатки, где была столовая. И, наконец, сам командир лагеря, полковник Мэгги Меннингер. Все окружили ее, рассказывая, что тут происходит. Мэгги послушала немного и рявкнула:

— Тихо! Возвращается Маклин. Посмотрим, что он скажет.

Но Маклин не говорил ни слова. Он шел, держа карабин в руках и постоянно осматривался. Когда он подошел ближе, все увидели, что за ним идут двое и несут кого-то. Шествие замыкал солдат, тоже держащий карабин наготове.

Они принесли тело женщины. И это было все. Лицо было неузнаваемо. Когда женщину опустили на землю, оказалось, что одна рука ее была вывернута, а в груди пулевое отверстие.

— Кринпиты! — воскликнул майор Сантангело.

— У кринпитов нет оружия,— поджав губы, сказала Мэгги.— Может и кринпиты, но не одни. Три! Проверить границу! На боевые посты полный запас оружия и патронов. Сантангело, соберите всех по тревоге. Свеггерт, возьми троих человек. Пойдешь со мною на место. Три, вы со своим отрядом пойдете за нами в двухстах метрах.

— Есть, мэм.— Свеггерт стал отдавать распоряжения.

Полковник Меннингер слушала доклад Маклина. Он прошел всего полпути по тропе, когда наткнулся на труп и на разбросанные и разорванные мешки с припасами. Где остальные двое, он не знает. Он вернулся назад за подкреплением. Мэгги Меннингер больше слушать не стала. Она повернулась к майору Сантангело и дала приказ Свеггерту следовать за ней. С двадцатисекундным интервалом они начали по очереди перебегать открытое пространство. Пока Свеггерт, укрывшись под деревьями, ожидал остальных, он слышал отдаленные звуки, издаваемые кринпитами. Следующий за ним солдат упал на землю рядом и тоже услышал.

— Кринпиты,— прошептал он.

Свеггерт кивнул и приказал ему молчать. Полковник Меннингер перебежала открытое пространство, опустилась на колено и прислушалась. Затем она подняла руку и приказала двигаться дальше.

Чертова баба, подумал Свеггерт. С тех пор, как случилось то, о чем он до сих пор вспоминал с удовольствием, Мэгги пренебрегала им. Он просигналил своим людям идти вперед, и когда они дошли до места, он упал на землю рядом с Мэгги.

— Это здесь,— прошептал он.

— Вижу, сержант. Вперед. Я не хочу, чтобы Сантангело наступил мне на зад.

— Есть, мэм.— Он повел людей вперед, пробираясь сквозь джунгли. Звуки кринпитов все еще слышались вдали, но не приближались.

Вскоре впереди показалась темная громада корабля, стоящего на небольшой поляне. Сержант махнул рукой, чтобы привлечь внимание Мэгги, и показал на вершину дерева. Она кивнула, и сержант бросился к дереву, закинул за плечо карабин и начал забираться наверх. Лезть было легко, но крона была слишком густой, и Свеггерту пришлось несколько раз менять положение, чтобы он мог увидеть корабль и поляну.

Прямо перед кораблем лежали изуродованные трупы двух его солдат. Кринпитов поблизости не было, и их звуки, казалось, отдалились еще больше.

Свеггерту стало немного легче. Какого черта он боится кринпитов? Они настолько шумные создания, что ближе чем на двадцать метров незамеченными они подойти не могут. А тогда о нем позаботится его карабин. Разумеется, кринпиты могут быть не одни. С ними может быть пара Гризи. Ну и что? Гризи есть Гризи. Какие-нибудь арабы. Когда он боялся их? Он сдвинул пилотку на затылок и стал спускаться. Что бы там ни ждало его на поляне, он уничтожит всех. Он устроит небольшой спектакль для Мэгги Меннингер. Что-то шевельнулось в кустах справа. Сержант приготовил карабин, но это был солдат из его патруля. Сержант успокоился и навел оптический прицел на полковника. Перекрестие прицела задержалось на лице, затем спустилось вниз, к туго обтянутым брюками ляжкам. Может когда-нибудь снова...

Слабый звук сзади заставил его замереть.

Он насторожился слишком поздно. Кринпиты и люди были не единственными существами на Джеме. Поворачиваясь, он не увидел странное длинное существо, которое прыгнуло на него. Половиной из десяти рук оно схватило сержанта, а другими руками оно держало пистолет. Или что-то похожее. «Чертово создание, оно почему-то было в солнечных очках»,— подумал Свеггерт, отчаянно стараясь добраться до карабина. Но было поздно. Он не слышал выстрела, но пуля пробила ему голову.

Мэгги Меннингер первой вернулась в лагерь. Она не стала ждать конца. Поняв, кого надо искать, сорок человек прочесывали местность. Они нашли четырех подземников, и среди них был тот, что убил сержанта Свеггерта. «Тебе всегда везло, сукин сын,— подумала она.— Теперь тебе нечего бояться смертной казни за изнасилование полковника и кого бы то ни было». Она окликнула проходившего мимо человека и послала его в радиорубку. Она еще не дошла до своего офиса, как услышала голос по громкоговорящей связи:

— Майор Вандемир. Сообщение полковнику.

Она встретила его в дверях. Добросовестный человек. Он запыхался от бега, был полуодет, но принес с собой кейс.

— Откройте! — рявкнула она. — Они вооружили против нас подземников. Пистолеты и солнечные очки. Об этом хотела сообщить Тинка. Быстрее!

— Есть, мэм, — но даже майор Вандемир с трудом открыл футляр. — Готово, мэм, — доложил он.

Ярость в голове Мэгги уравновешивалась разливающейся теплотой внизу живота.

— Уничтожить их!

— Кого, мэм?

— Гризи. Все их спутники. — Пока он набирал нужную комбинацию, Мэгги подумала и сказала: — И спутники Пипов тоже.

Глава 19

Годфри Меннингер проснулся от ощущения, что кто-то трясет его кровать. Но никого не было. Он был один в комнате, как и все те, кто жил по всему миру в комнатах отелей Холидей Инн или Ховард Джонсон Мотор Лодж. На столике возле постели был телефон, возле стены серел экран телевизора. Телефон выглядел необычно. Он был с кнопочным номеронабирателем, и по его панели пробегали разноцветные огоньки. Штора закрывала одну стену. Но в ней было не окно, а огромный экран, панель дисплея. Здесь в окне не было надобности, так как комната находилась на глубине двадцати метров под землей.

На часах было 6:22.

Меннингер приказал разбудить его в семь. Следовательно, не звонок разбудил его. Значит, оставалось только две возможности, но ни одна из них не была желательной. Меннингер задумался. Включить телевизор, позвонить или открыть штору; чтобы выяснить ситуацию. Он решил не делать ничего. Если возникнет реальная угроза, то он узнает это и так. Меннингер в совершенстве умел отключаться от неприятных мыслей. Он встал, надел халат, прошел в ванну и сделал себе чашку растворимого кофе.

Минуты пробуждения его ото сна всегда были драгоценны для Года Меннингера. Он считал, что обе его женитьбы расстроились именно из-за того, что обе его жены не могли понять, что первые полчаса после пробуждения с ним нельзя говорить. Это было время для кофе, время для концентрации сил и мыслей. Разговоры мешали ему. Это была слабость характера Годфри Меннингера, но он не хотел пожертвовать ею ни для кого.

Кофе был нужной температуры и Годфри выпил его как лекарство, глоток за глотком. Затем он сбросил халат, сел в позу полулотоса, расслабил все тело и погрузился в мантру.

Он никогда не мог понять, что происходит с его нейронами и синапсами, когда он практикует трансцедентальную медитацию, и он даже не пытался. Во всяком случае, это занимало у него двадцать четыре сотни секунд из двадцати четырех часов. Он ни-

когда не обсуждал ни с кем полезность этого, так что ему не приходилось защищать свою привычку. К тому же он был уверен, что это помогает ему. Как помогает? Что делает? В точности он не мог ответить. Но он чувствовал себя более уверенным, спокойным. Да, это выгодное вложение менее трех процентов времени. Он сидел, закрыв глаза, и тело медленно покидало его. Он как будто укутывался в звуковую вуаль. Весь мозг его превращался в рецептор. Он сам не вносил ничего, только воспринимал. Перед глазами начали мелькать лица, загадочные силуэты, формы, которые переходили друг в друга. Некоторые из них были божественно прекрасны, другие дьявольски безобразны. Они не несли для него никакой эмоциональной нагрузки. Демонические гримасы не пугали. Очаровательные улыбки не привлекали. Они просто были. Обрывки разговоров нанизывались друг на друга и протекали через него, как разговоры за соседним столиком в ресторане. Циркулирующая память пропускала их через себя, и мозг оставался безразличным к ним. Более чем в двух тысячах километров отсюда на глубине полкилометра под водой в подводной лодке, принадлежащей Блоку Горючего, вице-адмирал ливийского флота вводил программу в Того, Кто имеет Свое Имя на Себе. Меннингер не знал этого. Мысли его свободно растекались внутри его мозга. Но он не смог бы сделать ничего, даже если бы он знал.

Постель двинулась снова.

Это было не землетрясение. В Западной Вирджинии землетрясений не бывает, подумал он, выходя из своего состояния и готовясь открыть глаза. Толчок был более резким, чем при землетрясении, более быстрый, чем смещение земной коры. И он не был особенно сильным. Он даже не смог бы разбудить, если бы Год Меннингер спал. Но что-то это было. И мигнул свет ламп.

В двухстах метрах под землей в горах Западной Вирджинии свет не мог мигать. Система энергоснабжения на плутониевом генераторе была абсолютна изолирована от всех внешних событий. Стрелы молний не могли поразить трансформаторы под землей. Ветры не могли сорвать линии электропередач, ибо все они были проложены в трубах под землей. Внезапно мелькающие огоньки на панели телефона погасли, остался один красный. Зазвенел зуммер. Он поднял трубку:

— Меннингер.

— Ракетный удар, сэр. Три ракеты. Структурных повреждений нет. Ракеты пущены из области поблизости от провинции Синкянь.

— Сейчас буду,— сказал Меннингер. Он еще выходил из медитации, поэтому не мог взглянуть на ситуационную панель. Но он не мог не принять душ и не побриться. Он втер дезодорант под мышки — как французская проститутка, с отвращением подумал он, пробежал щеткой по волосам, оделся и быстро пошел по тихому, устланному коврами коридору на командный пункт.

Ситуационная карта светилась вся.

— Ваш кофе,— сказала лейтенант Вейненштат.. Это были ее единственные слова. Она знала привычки шефа. Меннингер взял кофе, не отрывая глаз от ситуационной карты. На ней ярко-красные звезды показывали уничтоженные мишени. Голубые звезды тоже были уничтоженные мишени, только другой стороной. Это были Вашингтон и Ленинград, Буэнос-Айрес и Ханой, Чикаго и Сан-Франциско. Красные профили на карте были вражеские ракетные корабли, уничтоженные ответными ударами. Их было больше сотни. Тут же было и шестьдесят уничтоженных голубых. Пульсирующие звезды — красные и голубые — это еще не уничтоженные боевые соединения. Их было совсем немного, и количество их постоянно уменьшалось. Канзас-Сити, Тьенции, Каир и целый комплекс вокруг Франкфурта только что перестали существовать.

Вторая чашка кофе уже была не лекарством, а удовольствием. Он выпил кофе и спросил:

— Какова возможность их второго удара?

— Довольно большая. В настоящий момент сотни ракет готовы нанести удар. Но мы непрерывно сокращаем их количество. У нас примерно восемьдесят. И только два наших подземных укрепления уничтожено. Поверхностная радиация в допустимых пределах, во всяком случае, внутри экранированных машин.— Она отдала приказ налить еще кофе и добавила: — Пока рано говорить, но Кукурузный пояс, кажется, о'кей. Также Мексика и Юго-Запад Тихоокеанского побережья. Но мы потеряли Империал Вэлли.

— Так что пока у нас дела идут неплохо.

— Можно сказать да, Год.

— На следующие сутки они могут начать снова.

Она кивнула. Это был известный факт, что каждая большая страна имеет скрытые резервы ракет. Их нельзя выпустить в течение десяти минут простым нажатием кнопки, как ракеты с подводных лодок. Но их нельзя и уничтожить, так как неизвестно, где они находятся.

— Да, мы не можем предотвратить этот удар, так как их спутники наполовину ослепили нас,— сказал он.

— А мы полностью ослепили их, Годфри. У них нет глаз на орбите.

— Да, да, я понимаю. Здесь мы выиграли. Проклятые идиоты. Ну что же, приступим к работе.

Работа Меннингера не имела отношения к обмену ракетными ударами, призванными превратить поверхность Земли в подобие ада. Это был не его вопрос. Он начнет свои действия сразу после окончания военных действий.

Тем временем один из этих проклятых идиотов закончил программирование и теперь старался собрать команду для запуска. Это было непросто. Нейтронная бомба сделала свое дело. Ее излучение проникло сквозь слой воды и стальную обшивку субма-

рины и вывело из строя большую часть команды. Сам вице-адмирал получил почти пять тысяч рад. Он знал, что ему осталось жить несколько часов. Но если повезет ему, то мишень, куда он направлял удар, проживет еще меньше.

Три часа сна было недостаточно. Меннингер знал, что не выспавшись, он брюзглив и раздражителен. Его люди тоже знали это и прощали его.

Через каждые пять минут карта исчезала, и на экране появлялись десятисекундные картинки: индустриальные объекты, степень их разрушения, гистограммы, демонстрирующие соотношение боевых сил враждующих сторон и их эффективность. В соседней комнате работали люди, непрерывно корректирующие информацию на основе поступающих данных. Меннингер даже не взглянул на них. Его заботы были чисто политические и организационные. Роза Вейненштат контролировала их, каждые несколько минут появляясь в комнате. Сам Меннингер имел постоянную связь с правительством. Он говорил с сенаторами, офицерами главного штаба, губернаторами. Это все были американцы. Их союзники по Блоку Продовольствия находились в особом кабинете, и если кто-либо из них требовал внимания, то это расценивалось Меннингером как недопустимая наглость.

— Он не удовлетворен контактом со мной,— сказала Вейненштат.— Может, вы уделите ему пять минут, Годфри.

— Дерьмо.— Меннингер отложил перо и кивнул, чтобы она включила связь.

На экране появилось лицо маршала Красной Армии Крассариона. Но из динамика звучал голос его переводчицы.

— Маршал,— сказала она,— не сомневается, что ваш штаб действует по приказу Президента, но он хочет знать, кто президент. Мы знаем, что Вашингтона больше нет и убежищ Первого и Второго тоже не существует.

— Нынешний Президент,— заговорил Меннингер, с трудом подавив раздражение,— это Генри Монкас, который был спикером Палаты Представителей. Он назначен согласно нашей Конституции.

— Да, конечно,— сказала переводчица после того, как маршал выслушал ответ и что-то пролаял по-русски.— Но маршал не может добиться связи с ним.

— Проблемы связи существуют,— согласился Меннингер.— Кроме того, у меня есть сведения, что Президент сейчас переселяется со своим кабинетом в более безопасное место. Маршал должен понять, что в этом случае связь с ним затруднительна.

Маршал выслушал ответ и затем снова заговорил с переводчицей. Слова его излучали пламень. Переводчица наверняка смягчила большинство выражений маршала:

— Мы понимаем это, но существуют вопросы законности, и маршал хотел бы выслушать некоторые объяснения от самого Президента. Алло... Алло..?

Его изображение исчезло. Роза сказала:

— Я подумала, что в такой момент помехи на линии связи будут очень вовремя.

— Правильно. Кстати, а где этот сукин сын?

— Генри? Он в безопасности. Он приказал вам сделать ему сообщение примерно через час.

Меннингер задумался.

— Скажи ему вот что. Пусть возьмет команду для защиты от радиации и перебирается сюда. Здесь он будет в большей безопасности, чем в своей дыре.— Он взял ручку и почесал живот. Сейчас было бы неплохо выпить апельсинового сока, чтобы отрегулировать концентрацию сахара в организме, в крови. И вообще, он чувствовал себя голодным.— Вот тогда мы увидим Президента,— сказал он в пустоту.

В субмарине вице-адмирал собрал команду. Все люди были смертельно поражены, они непрерывно блевали, и в субмарине пахло как в припортовом баре. Однако люди выполняли свои обязанности. Ливийская военная доктрина заключалась в том, что лучше иметь одну большую ракету, чем несколько маленьких. И когда эта гигантская ракета разорвала поверхность воды, она сразу же была захвачена десятком радаров. Испуганные жители видели яркую вспышку и огненный хвост, направляющийся на запад. Кубинский крейсер попытался перехватить ракету с помощью залпа крылатых ракет, но бесполезно. Это была ракета, которую было легко опознать, но трудно уничтожить. Она пересекла пространство над побережьем Флориды. Десятки раз ее могли бы сбить специальные ракеты, предназначенные для обороны именно от этих ракет, но они были уже давно уничтожены. Ни одна такая установка уже не функционировала.

На последнем снимке его Мэгги стояла над трупом мертвого кринпита. Его дочь выглядела усталой, но счастливой. Это был хороший снимок высокого качества, и Год Меннингер прятал его в своем бумажнике. Вейненштат внимательно рассмотрела снимок, прежде чем передать ему.

— Она делает вам честь, Годфри,— сказала она.

Он посмотрел на снимок и убрал его.

— Да. Надеюсь, что у нее все хорошо. Вы можете представить ее мать? Когда я сказал, что Мэгги хочет кое-какую одежду, она потребовала от меня, чтобы я заказал тысячу метров тканей.

— Если она похожа на свою мать, то она не была бы такой, какой мне показалась на снимке.

— Надеюсь, что она не в мать.

«Я действительно надеюсь»,— подумал он про себя. Роза внимательно смотрела на него.

— Вы не беспокоитесь о ней, не так ли? Потому что нет оснований... Одну минуту...— Вейненштат включила наушник, и лицо ее стало серьезным.

— В чем дело?

Она выключила наушники.

— Генри Монкас. Он погиб в своем убежище. Теперь пытаются определить, кто следующий Президент.

— Дерьмо! — Годфри Меннингер смотрел на остатки своего завтрака и не видел ничего. — О, это плохо, Роза. Самое плохое, что у нас нет выбора.

Вейненштат хотела заговорить, но передумала.

— Что ты хотела сказать, Роза?

Она пожала плечами.

— Неужели нет выбора?

Он ухватился за ее слова:

— Какого? Говори, Роза.

— Может... может, уехать в Канаду?

Ливийская ракета пролетела над Алабамой, Ашвилен, над Джонсон-Сити. Она летела, повторяя профиль земной поверхности, зафиксированный в ее памяти. И один за другим отключались затворы безопасности взрывного устройства по мере того, как его параноидальный мозг начинал опознавать близость объекта, для уничтожения которого он был предназначен.

— Это плохо, Роза, — сказал Меннингер, усаживаясь за стол. — Может быть следовало отдать Мэгги матери, чтобы она растила ее. Сейчас у Мэгги, наверняка, был бы муж и двое детей... И возможно, что мир был бы совсем иным. — Годфри подумал, услышит ли он когда-нибудь ее голос.

— Роза, — сказал он, — свяжись с Хьюстоном. Спроси, есть ли связь с Джемом. И с другими колониями тоже.

— Прямо сейчас, Годфри? Хорошо, дайте мне десять минут.

— Прекрасно. Десять минут, — сказал он.

Но он не дождался. Прежде чем прошло десять минут, он был мертв.

Глава 20

Вдали показалась лодка. В пещере позади Аны Димитровой встала капрал Кристианидис, — нет, лейтенант Кристианидис, поправила себя Ана, — и навела на лодку полевой бинокль.

— Кринпиты, — сказала она. — Сукины дети. Наведи на них карабин, Нан, но не стреляй до приказа.

Бессмысленный приказ! Она и так не выстрелит. По крайней мере, до тех пор, пока не убедится, что в лодке одни кринпиты и там нет Ахмеда Дуллы. Впрочем, она не была уверена, что выстрелит даже в этом случае. Она не могла выстрелить в живое существо и говорила об этом, но никто не хотел ее слушать. Хорошо, что у ее карабина был оптический прицел, и она могла пользоваться им как биноклем.

Лодка исчезла за поворотом, но Нан уже убедилась, что людей в ней нет. Правда лодка была большая.

Когда лодка появилась снова, она была уже близко. В ней был виден один кринпит, который отчаянно боролся с парусом, чтобы

направить лодку к лагерю. Лодку уже видели все, и десяток карабинов были нацелены на нее. Через громкоговорители донесся голос Три, который приказал не стрелять без команды. Возле воды стояла Мэгги Меннингер, стояла, не обращая внимания на дождь, вода струями стекала по ней.

Анна протерла прицел и снова посмотрела в него. Этот кринпит не показался ей знакомым.

Какое разочарование. Да, глупо надеяться, что Ахмед снова появится в ее жизни. И даже если появится, то как она должна относиться к нему, если он пришел, использовал ее и снова исчез, оставив ее одну. Нет, он не гражданин Болгарии, подумала она, стараясь мыслить конструктивно.

Но о чем? О чем теперь думать? Мир, из которого она прилетела, уничтожил сам себя, а мир, куда она прилетела, кажется, хочет сделать тоже самое. Чем кончилось секретное совещание Мэгги Меннингер с офицерами, она не знала. И не хотела знать. Но оно могло означать смерть для всех них.

Кринпит был уже у берега. Он приподнялся, перевалился через край лодки и выполз на берег. Он казался очень больным. Полковник Меннингер и с десяток солдат окружили его.

Вероятно, они убьют кринпита, подумала она. Ну и пусть. Внезапно внимание Аны привлек солдат, который бежал к ней.

— Димитрова! — крикнул он.— Этот говорит! Полковник хочет, чтобы ты перевела!

Немного погодя Ана вслушивалась в странные звуки, издаваемые больным кринпитом.

— Он говорит, что Народная Республика обессилила, и он хочет помочь нам в борьбе с Блоком Горючего.

— Идиот! Что может он сделать своими маленькими конечностями?

Головная боль стиснула мозг Аны. Тяжелые мешки с песком обрушивались на ее череп. Ее уже начало тошнить.

Шарн-игон был в очень плохом состоянии. Звуки, которые он издавал, походили на звуки испорченного радио. Панцирь его был болезненно-желтого цвета. Из сочленений сочилась густая грязно-красная жидкость.

— Он линяет,— объяснила Ана полковнику.— И очень страдает. Видимо, это вызвано химическими веществами, которыми травят их люди Блока Горючего.

— Ты сама выглядишь неважно, Димитрова.

— Нет, я могу продолжать, полковник.— И все же она отошла подальше от кринпита. Жидкость, которой он истекал, окрасила песок вокруг него. От существа исходил тошнотворный запах гниющего сала. То, что она отошла подальше, не помогло. Головная боль не прошла. Более того, она усиливалась с каждым мгновением.

Мэгги Меннингер пробежала рукой по волосам, откинула их назад. Сейчас она была похожа на маленькую девочку.

— Как ты думаешь, Гай? Может, действительно теперь у нас будет свой кровожадный тигр-людоед?

— Отказываться не стоит, Мэгги. Но он вряд ли сможет повредить Гризи?

— Что точно он говорит, Димитрова? Нападет ли он со своими друзьями на лагерь Гризи, если мы попросим?

— Что-то вроде этого. Трудно понять, что он говорит, полковник. Он говорит на урду, но очень мало и плохо. Кроме того, сознание его затуманено. У него мания убивать. И ему все равно, кого. Иногда он говорит, что хочет убить меня.

Меннингер оценивающе посмотрела на кринпита.

— Думаю, что в таком состоянии он вряд ли способен убивать.

— Разве может быть такое состояние, что можно убивать? — спросила Ана.— Я даже не могу подумать о том, что мне придется убить. Это сумасшествие — убивать, когда и так мало осталось в живых.

Мэгги подняла руку, чтобы остановить яростную реплику Гая Три.

— Об этом мы будем говорить потом. Ты плохо выглядишь, Димитрова. Иди выспись.

— Благодарю, полковник,— натянутым тоном сказала Анна. Она буквально ненавидела Мэгги, причем ненависть ее усиливалась от того, что она видела участие в глазах полковника. Как осмеливается эта кровожадная ведьма чувствовать жалость?

Она пошла в палатку. Снова пошел дождь, и молнии сверкали над водой. Ана почти не чувствовала дождя. Каждый шаг отзывался мучительной болью в голове. Она знала, что помимо головной боли в ней зреет новая, более страшная боль, готовая вылиться наружу. И Ана хотела быть самой собой, когда это случится. Ана вошла в палатку, не сказав ни слова женщине, которая жила вместе с нею.

И почти сразу она заплакала.

Ана плакала беззвучно. Только нервность ее дыхания заставила чернокожую девушку, лежащую на кровати, приподняться на локте и посмотреть на нее. Ана молчала, и девушка легла снова. Ана спать не могла. Она не уснула ни через час, ни через два. Она плакала молча, будучи не в силах сдерживать боль. Исчезли надежды, мечты. Она не приняла то, что кринпит сказал ей в первой же фразе, но теперь она верила в это. Теперь у нее уже не было причин быть здесь, на этой планете. Не было даже желания жить. Ахмед был мертв.

Она проснулась от громких бесстыдных звуков веселой танцевальной музыки.

Плач очистил ее разум, а последовавший за ним сон оказал благотворное влияние. Ана полностью пришла в себя, когда приняла душ, причесалась, оделась. Музыка говорила о том, что сегодня еженедельные субботние танцы — очередная эксцентричная выходка Мэгги Меннингер. Все-таки, какая она странная! И ее

странности не всегда были привлекательными. На последнем корабле с Земли прибыли не только продукты и научные инструменты, но и разные ткани. Ана сшила себе блузку и юбку. Нельзя сказать, что это был праздничный наряд, однако это была и не рабочая одежда. Она очень давно не танцевала, но ей вовсе не хотелось быть с теми, кто наслаждался этим занятием.

Она прошла мимо генератора, возле которого находился кринпит. Возле него был солдат с карабином. Дождь прекратился, и угрюмый Кунг светился на небе. Ана взяла в буфете немного сыра и два бисквита, а затем снова вышла на улицу. Уйти было некуда. Сейчас никто не ходил в лес. Они жили, ели, спали, работали в пространстве, которое можно было обойти за десяток минут. Но сейчас почти все были на танцах, и только охранники находились на своих постах. Она прошла на пляж и присела, опершись на пулеметную турель. Ана съела свой ужин, и опершись подбородком в колени, стала смотреть на пурпурные волны.

Ахмед мертв.

Ей было неприятно думать о том, что Ахмед с самого начала относился к ней не так серьезно, как она к нему. И тем не менее, это было именно так, и не стоило себя обманывать. Она научилась рассекать свою боль на части. То, что она никогда не увидит его, не коснется его сильного тела, не будет лежать рядом, пока он спит,— все это реальность, и это уже не изменишь. Как не изменишь того, что она никогда не выйдет за него замуж, не будет иметь от него детей и не состарится рядом с ним. Однако это было то, что всегда оставалось только ее мечтой, ее фантазией и никогда не могло осуществиться.

Она снова поплакала немного, затем вздохнула и вытерла слезы. То, что потеряно ею, сказала она себе, потеряно уже давно. С того момента, как он прибыл на Джем, Ахмед стал совсем другим человеком. Но теперь все кончилось. Она должна быть только здесь, в лагере, ибо другого места просто нет. Ты должна пойти на танцы, усмехнулась она. Ты должна быть там, где смеются, пьют, поют.

Но она просто не могла пойти туда. И не потому, что она не хотела танцевать. Причина была где-то глубже. Ана прекрасно понимала, какие мысли владеют умами Мэгги Меннингер, Нгуен Три и других ястребов, в руках которых находится судьба лагеря. Сколько безумия в их головах! Они решили вести войну даже здесь, даже после того, как люди Земли уничтожили сами себя. И тем не менее, они танцуют, смеются, веселятся. Какой хирург разделил их мозги так, что днем они планируют безжалостный геноцид, а вечером пьют, флиртуют и ночью занимаются сексом? Как Ахмед презирал их!

Но Ахмед мертв.

Она глубоко вздохнула и решила больше не плакать.

Она встала, размяла затекшие ноги. Кринпит медленно полз к воде, чтобы попить после неаппетитной пищи. Солдат сопровождал его. Ана не хотела приближаться к кринпиту, но ей нужно

было сполоснуть тарелку, чтобы отнести ее на кухню, которая находилась возле танцплощадки. Внезапно она услышала свое имя. Это был русский пилот Капелюшников. Он сидел, скрестив ноги, у оружейного склада и беседовал с Дэнни Дэйлхаузом. Ана подошла к ним и пожелала доброго вечера.

— Он действительно добрый, Аннушка? Дэнни Дэйлхауз сказал мне о смерти Ахмеда Дуллы. Я глубоко сочувствую тебе.

В первый раз с ней говорили об этом. Оказалось, что она может отвечать.

— Благодарю, Виша,— сказала она.— Но неужели ты стал монахом, что не танцуешь сегодня вечером?

— Там нет никого, с кем я хотел бы танцевать. А кроме того, у нас с Дэнни интересная дискуссия о рабстве.

— И к чему вы пришли?— спросила она.— К тому, что мы все рабы прекрасной блондинки-полковника?

Он не стал отвечать на вопрос.

— Я знаю, в каком ты настроении, Ана. Я сочувствую тебе.

— Настроении?— переспросила она, глядя на него в упор.— Да, возможно, что я подавлена. Думаю, что мой дом уничтожен. Да и твой тоже. Ты отважнее, чем я. Я трусиха. Поэтому меня очень тревожит то, что здесь может случиться то, что произошло на Земле. Я подавлена тем, что мой друг погиб. Я подавлена тем, что полковник хочет смерти еще многим людям. Ты можешь себе представить, что она планирует сделать подкоп под лагерь Гризи и взорвать там ядерное устройство. Все это не может привести меня в хорошее настроение.

«Почему ты все это говоришь?»— спросила она себя. Но она знала, что если они снова будут говорить о сочувствии, то она заплачет. А она не хотела плакать перед ними. Дэйлхауз нахмурился.

— У нас нет ядерного оружия,— сказал он.

— Идиот,— съязвила она.— У твоей любовницы есть все, что она хочет иметь. Я не удивлюсь, если у нее есть танковая дивизия или соединение подводных лодок. Она украшена оружием, как дешевыми драгоценностями. Запах оружия постоянно вокруг нее.

— Нет,— сказал он упрямо.— Ты ошибаешься относительно ядерной бомбы. Она не могла бы скрыть это. И она не моя любовница.

— Мне на это плевать. Она может предаваться сексуальным развлечениям с кем угодно. И ты тоже.

Капелюшников кашлянул.

— Мне кажется, что внезапно танцы стали более привлекательны для меня.

Он встал, и Ана взяла его за руку.

— Я прогнала тебя, извини пожалуйста.

— Нет, нет, Аннушка, времена трудные для всех нас. Так что нечего извиняться.— Он похлопал ее по руке, затем улыбнулся и поцеловал ее.— Что касается меня,— сказал он,— то я вижу, что прекрасная блондинка-полковник ходит одна и, возможно, она хочет потанцевать с каким-нибудь новым кавалером вроде меня.

А ты не желаешь потанцевать? Или пообщаться другим способом? Нет? Тогда оставайся с моим другом Дэнни.

Они смотрели, как русский небрежно подошел к Мэгги, услышали ее смех, когда он заговорил с нею, затем он пожал плечами и пошел к танцплощадке.

Кринпит в своем беспорядочном передвижении по пляжу приблизился к ним. Это ощущалось по сильному запаху и тяжелому прерывистому дыханию. Ана прислушалась:

— Он теперь бормочет о своей любви. Кто-то убил ее, но я не могу понять, кто и как. Думаю, что Ахмед имел к этому отношение, и поэтому кринпит решил мстить людям. Но он стал союзником Ахмеда. Дэн, разве это не безумие? Ведь само убийство — это уже конец всему. И это не зависит от того, кто убивает, почему убивает. Только само убийство имеет значение.

Дэйлхауз встал, глядя на танцующих.

— Она идет сюда,— сказал он.— Слушай, пока она не пришла. Насчет того, что она моя любовница...

— Пожалуйста, Дэнни. Не обращай внимания на мои слова. Я действительно в ужасном настроении. Так что не думай об этом.

Он был явно не удовлетворен и хотел бы продолжить разговор, но Мэгги была слишком близко. Она остановилась, чтобы прикурить, осмотрела кринпита и его охранника, сейчас представляющего собой пример настоящего солдата — подтянутого и в полной боевой готовности. Затем она улыбнулась Нан и Дэнни.

— Болтаете? — дружелюбно спросила она.— Когда ты последний раз надевал наушники, Дэнни?

Дэнни спохватился и натянул наушники. Они были подключены к подземному датчику, предупреждающему о появлении подземников. Но внизу все было тихо.

— Извини, Мэгги.

Она покачала головой.

— Когда ты на посту, я для тебя полковник. И если я назову тебя лягушкой, ты обязан прыгать. А теперь, когда все стало ясным, я предлагаю немного покурить, прежде чем будем говорить о деле.

— Я не потребляю наркотики,— сказала Нан.

— Жаль.— Она смотрела, как Дэнни глубоко затягивается одурманивающим дымом. Затем она сказала: — Я хочу немного использовать твоего друга Чарли. Вскоре мы хотим нанести удар по лагерю Гризи, и Чарли будет нашим оружием.

Дэйлхауз от неожиданности закашлялся.

— Он... он не может...

— Спокойно, Дэнни. Переведи дыхание и слушай. Буря кончилась. Я возьму с собой пятнадцать человек и тебя, Дэнни. Мы возьмем лагерь без труда. Только я не хочу брать самолет, чтобы они не увидели нас. Так что основную задачу выполнит Чарли.

— Чарли не может воевать.

— Разумеется. Я не думаю, что твой друг хладнокровный

убийца, как и ты тоже. Но я не заставляю тебя убивать. Ты будешь поддерживать связь. Чарли будет наблюдать. Гризи не обратят внимания на одинокий газовый мешок.

— Как не обратят? Они стреляют в каждого шариста.

— Дэнни, мне не нужны твои советы. Я приказываю тебе.— Она выбросила окурок и затоптала его ногой.— Видишь ли, Гризи обязательно придут к тому же заключению, что и я. Только я пришла раньше. Все это как-то нужно решать. Единственный путь, чтобы разрешить все проблемы, уничтожить противника. Единственное, что должен делать Чарли, это висеть в воздухе с радио и сообщать нам, не выслали ли Гризи самолет и не вышли ли в лес. Я поведу отряд, но мы будем слепыми без прикрытия с воздуха. Мы должны знать, когда нам следует прятаться. Ведь для него это простая задача, не так ли?

— Да, конечно. Но, Мэгги! Ведь он почти единственный, оставшийся в живых. Полезно спросить...

— Опять ты делаешь ту же ошибку, Дэнни. Я не спрашиваю, я приказываю. Если он не сделает этого, то я сделаю из него небольшой факел.

Она дружелюбно посмотрела на Дэнни.

— Так что после танцев я сообщу об этом людям, а завтра мы уже будем в пути.

— С атомной бомбой для Блока Горючего? — резко спросила Ана.

Лицо Мэгги Меннингер застыло. Через мгновение она ответила:

— Пожалуй, я пропущу это мимо ушей, Димитрова. Я не приказываю тебе держать рот закрытым, но смотри, чтобы ты этого больше не говорила. Все, что ты слышишь, когда переводишь, засекречено.

— О, боже,— сказал Дэнни.— У тебя действительно есть ядерная бомба?

— Заткнись, Дэнни. Ты здесь, чтобы слушать, не приближаются ли подземники.

— Мэгги... вернее, полковник. Если ты имеешь в виду запасы плутония для станции, то их недостаточно для создания бомбы.

— Ошибаешься, Дэнни. Достаточно 1800 граммов. А у меня чуть больше 6000 граммов в ящиках с надписью «Горючее». Все это планировалось давно, и из этого можно легко создать небольшую атомную бомбу. О, конечно, это не стомегатонная бомба, даже и не килотонная. Но мне и не нужна большая. Я не хочу уничтожать лагерь Гризи. Я хочу завладеть им. Я хочу забрать запасы пищи, оружия. И я знаю место, куда заложить бомбу. А потом пусть они идут к нам на поклоны.

Она выглядела такой деловитой и такой невинной, что Дэйлхауз даже не поверил, что она вынашивает такие планы.

— Это же... неспровоцированная агрессия!

— Ты не прав, Дэнни. Это превентивная мера. У Гризи тоже нет выбора. Просто они еще не поняли это.

— Черт! Так же было и с Перл-Харбором!

Она широко раскрыла глаза.

— Ну и что? Если бы японцы развили успех в Перл-Харборе, произвели посадку, то история пошла бы совсем по-другому.

Казалось, она чрезвычайно довольна собой, но внезапно она заколебалась. Она выбрала местечко посуше и села на землю.

— Вам, моим старым друзьям по Болгарии, я должна признаться, что я устала, что я испугана. Ведь дела у нас идут совсем не так, как мы мечтали. Я... что с ним?

Кринпит приблизился к ним, скрипя и пощелкивая. Ана прислушалась:

— Его трудно понять. Он говорит об Ядовитых Привидениях, о Верхних Привидениях. То есть о нас и о шаристах. Видимо, он начал пугать нас.

— Я думаю, что для каждого из нас все враги одинаковы. Скажи, чтобы он убрался. Мне не нравится его запах.

— Хорошо, полковник Меннингер.

Но прежде, чем Ана успела составить фразу, Мэгги остановила ее.

— Подожди. Что это?

На фоне музыки послышался голос из громкоговорителя по трансляционной сети.

— Не понимаю,— сказал Дэнни.— Но я слышу что-то. В лесу... нет... в воздухе...

Внезапно музыка затихла и послышался испуганный голос.—

— Полковник Меннингер! Весь персонал! Приближается самолет!

Теперь уже было ясно слышно: летят геликоптер и самолет. Все танцующие смешались.

Над деревьями появились два силуэта. Они летели медленно: геликоптер и самолет, которого они еще не видели. Наверняка они не пришли с миром. Солдаты, сидящие в геликоптере, открыли огонь ракетами, а самолет поливал пулеметным огнем лагерь. Пулеметы были установлены на его крыльях. Самолет заходил на лагерь, открывая огонь, затем разворачивался и делал следующий заход. При одном из заходов самолет выпустил четыре ракеты, и многие палатки вспыхнули, как порох.

Гризи тоже не теряли время даром.

Тут и там охранники, которые отреагировали быстрее, чем танцоры, открыли ответный огонь. Мэгги вскочила и бросилась к ближайшей ракетной установке. Самолет устремился на нее, открыв огонь из всех пулеметов и из огнемета. Мэгги, увидев, что пули вонзаются в землю возле нее, упала рядом с кринпитом. Чудовище из последних сил поднялось во весь рост и всеми двумя сотнями килограммов своего тела рухнуло на Мэгги Меннингер.

Шарн-игон знал, что это его последняя линька, мучительная, болезненная. Он знал, что никогда не сможет насладиться новым прочным панцирем, не сможет ощутить приятной сексуальной близости с самкой. Он пытался предупредить своих новых союзников о приближении Ядовитых Привидений. Но они были глухи к сверкающим звукам с неба, глухи к его предупреждениям.

Боль была слишком сильна.

В его планы входило помогать им уничтожать друг друга как можно больше, а оставшихся он хотел уничтожить сам. Но, вероятно, в своей помощи он уже сделал, что мог. Дикая боль туманила его мозги. Ослепительные звуки летящих машин и взрывы бомб довели его до безумия.

Он дошел до такой степени, что мог убить только одно Ядовитое Привидение. Может быть, этого будет достаточно. Он поднялся на ослабевшие конечности и рухнул на слабое мягкое тело, и в это время обжигающий язык огнемета лизнул их.

К этому времени весь лагерь, вернее то, что от него осталось, стрелял по машинам. Но они были вне досягаемости. Они уже были над водой в километре от них. Они сделали пару кругов и полетели прочь, не возобновляя нападения. Следующий удар будет нанесен с другого направления.

Из одного укрепления вдруг раздался крик, и два солдата исчезли в обрушившейся земле. Из ямы выскочило длинное гибкое черное существо и бросилось к людям. За ним еще одно и еще.

Подземники смогли убить только десять человек. Даже в защитных очках они не могли противостоять обученным солдатам в бою на поверхности земли. Если бы самолет продолжал атаку... но он улетел. Поэтому вскоре пятьдесят подземников валялись на земле, орошая ее черной водянистой кровью. Никто больше не вылез из-под земли. Туннель был надежно заделан.

Дэнни Дэйлхауз стоял, молча глядя на море, а медсестра забинтовывала ему рану на плече. Воздушные пираты исчезли. Тихое море расстилалось перед ним.

— Почему они не прикончили нас? — спросил он.

Ответа не было.

Глава 21

Битва давно кончилась, и лагерь почти начал обычную жизнь, когда они нашли Мэгги Меннингер — еще живую.

Она лежала под мертвым зловонным кринпитом более двух часов, оглушенная, полузадушенная, неспособная сбросить с себя эту массу. Как джин, выпущенный из бутылки, сначала она хотела дать королевский выкуп своему избавителю, но сейчас люди, подошедшие к ней, слышали только сдавленные угрозы и требования вытащить ее.

Ее вытащили и отвели подальше, отворачивая головы, так как запах от нее был ужасен. Ее непрерывно рвало, и в промежутках между приступами она отчаянно ругалась. Подбежал доктор, но она не нуждалась в его услугах. Она нуждалась только в том, чтобы избавиться от тошнотворного запаха кринпита. Она позволила Чичи раздеть ее и отвести к воде. Через полчаса она уже могла ходить сама, правда, очень неуверенно. Надев бюстгалтер и трусики, перекинув через плечо ремень с пистолетом, она подошла

к зловонной каше, каким теперь стал кринпит. Она отдала приказ убрать его и ушла.

Почему они остановились?

Лагерь был в их руках. С какой точностью они уничтожили тяжелое оружие с первого захода! Теперь у них не осталось ни одной ракетной установки, ни одного пулемета. Только пистолеты и винтовки. Из ста восьмидесяти человек двадцать два были убиты, почти пятьдесят ранены или получили ожоги.

Воздушные пираты улетели без повреждений. Подземников уничтожили всех, но если бы самолет и геликоптер продолжили свою работу, подземники запросто прикончили бы всех. Почему? Время было согласовано точно. Как только аэропланы кончили стрелять, вышли подземники. Это не могло быть совпадением. Было ясно, что Гризи подготовили их для работы. Но затем бросили их на произвол судьбы.

Но почему?

Но спасибо папе и его последнему подарку! Тонна оружия и патронов уничтожена, но в последнем корабле осталось еще не меньше тонны. Там же есть палатки и пища. Самолет Каппи был прошит пулями, но есть запасные части для его ремонта. И самое главное: шесть килограммов плутония остались неповрежденными и нетронутыми. Убитых, конечно, не заменить. Хуже всего, что появились искалеченные. Теперь они будут обузой. Нгуен Дао Три потерял ногу и много крови. Шестеро получили сильные ожоги. Двое серьезно ранены. Легкораненных тоже очень много. Теперь нужно выделять людей для ухода за ними. Для того, чтобы вместить всех пострадавших даже не было большой палатки. Поэтому их уложили на тюфяки прямо на улице, и если снова пойдет дождь, то их положение будет незавидным. Но пока что для них сделано все, что можно, думала Мэгги, идя между ними.

Один человек привстал при приближении Мэгги. Это была лейтенант Кристианидис. Весь бок ее был забинтован. Видимо, она получила сильный ожог.

— Полковник,— сказала она,— я покинула свой пост у радио...

Мэгги взглянуа на доктора, и та покачал головой.

— Ложись, Крис. Расскажешь мне после.

— Нет. Я ол райт. Когда они прострелили палатку, я выбежала, но оставила работать магнитофон. Я записала весь их разговор. Только говорили они на разных языках.

— Спасибо. Теперь ложись,— приказала Мэгги и крикнула:— Дэнни! Проверь радиорубку. Если магнитофон работает, позови меня.

Он плохо выглядит, подумала она, когда Дэнни положил на землю узел с одеждой и, не говоря ни слова, направился к радиорубке. Впрочем, все мы выглядели не лучше. Особенно я сама. Палатка Мэгги была полностью уничтожена, и сейчас она была одета в одежду женщины, которая погибла. Одежда не подходила ей по размеру: женщина была выше и толще.

Когда Дэйлхауз позвал ее, она уже забыла, зачем послала его. Но она пошла к радиорубке. Палатка была цела. В ней были видны только пулевые отверстия. В палатке уже была Ана Димитрова. Дэйлхауз запустил пленку, а Ана надела наушники и приготовилась переводить.

— Сначала один из пилотов сказал: «Мишень!» и база подтвердила. Затем несколько раз включались передатчики пилотов, как будто они хотели говорить, затем заговорила база: «Задержать операцию. Не атаковать!» И тут один из пилотов — по акценту египтянин — сказал: «Удар нанесен. Мы заставили замолчать их ракетные установки. Примерно двадцать пять человек убиты». Затем какое-то время бормотание, которого я не могу понять и снова база: «Приказываю. Немедленно прекратить операцию». Затем слова другого пилота: «Мы барражируем над водой, наблюдаем, ждем дальнейших инструкций». С базы последовала инструкция возвращаться, не возобновляя нападения. После этого на ленте ничего, кроме инструкции по посадке.

— Это все? — спросила Мэгги.

— Да, полковник, больше ничего.

— Но почему же они переменили решение в ходе операции? — спросила Мэгги.

Ни Дэнни, ни Димитрова не дали ответ. Но она и не ждала его. Дело не в этом. Гризи объявили войну, и если они решили закончить ее посередине, это их проблема, а не ее. Она не пойдет назад. Для Меннингер атака на ее базу решила все вопросы. Так что теперь не было вопроса, зачем. Оставался один вопрос: как? Как навязать им сражение и выиграть его?

— Ты можешь копать с такой раной в плече? — спросила она Дэнни.

— Думаю, да. Она не кровоточит.

— Тогда помоги Капелюшникову копать могилы. Димитрова, теперь ты будешь радиооператором. Никаких передач. Только слушай. Если Гризи будут переговариваться, я хочу знать о чем.

Она оставила их и пошла в одну из уцелевших палаток. Она хотела побыть одна, чтобы подумать. Мэгги закрыла за собой дверь, села и закурила сигарету, глядя в пространство.

У нее не было сомнений, что она выиграет войну, потому что у нее осталась могущественная карта. И не одна. Например, плутоний. Вторая карта — небольшой пульт майора Вандемира. Ведь на орбите есть еще четыре спутника. Один ударит по основной базе Гризи, второй — по базе на Фарсайде. Она может сделать это в любой момент.

Основная трудность заключалась в том, что она не хотела уничтожать технику Гризи. Она хотела сохранить ее для себя. Так что спутники и бомбы были бы весьма нежелательны.

Нет. Это должна быть наземная операция. Может быть с плутонием, если его правильно заложить в нужное место. Конечно, жаль, что Гризи опередили ее с ударом и уничтожили ракетные установки. Но это не катастрофа. Жаль, конечно, что теперь

уменьшилось количество боеспособных солдат. А с кем же тогда она пойдет в рейд? Мэгги Меннингер только что приняла решение, определяющее будущий человеческий риск на Джеме, хотя и сама не знала об этом.

— Единственное хорошее во всем этом,— сказал Дэйлхауз Капелюшникову,— заключается в том, что объекты, которые уничтожены, в основном, военные. По крайней мере, теперь мы можем заняться тем, для чего прилетели сюда: научной работой.

Капелюшников хмыкнул и выбросил из ямы несколько лопат земли.

— Да, конечно,— он вытер пот с лица.— Только один вопрос: какова настоящая цель экспедиции?

— Выжить! И сохраниться! Бог знает, что произошло на Земле. Может быть, мы единственные оставшиеся люди, и все плоды нашей пятитысячелетней цивилизации здесь: и достижения науки, и литературы, и музыки, и искусства.

— Слишком огромная ответственность для двух гробокопателей,— заметил Капелюшников.— Конечно, ты прав, Дэнни. У нас в Советском Союзе говорили: любое путешествие начинается с первого шага. Какой шаг сделаем мы?

— Ну...

— Нет, подожди. Вопрос чисто риторический. Первый шаг очевиден. Когда закончим копать могилы для наших ушедших друзей, ты, Дэнни, пойдешь к полковнику и доложишь, что можно начинать погребальную службу.

Он воткнул лопату в грязь и сел. Он выглядел крайне раздраженным. Впервые Дэнни видел его таким.

Он сказал:

— Ол райт. Мы слишком устали. Нужно передохнуть.

Пилот покачал головой, затем улыбнулся.

— Я не только устал, Дэнни. Я ведь русский. А это очень тяжелая ноша. У нас в СССР есть другая пословица: сотня лет больше, сотня меньше — какая разница? Но я скажу тебе правду, Дэнни: все пословицы — чушь. Я знаю, что мы делаем: я, ты, все мы. Мы делаем, что можем. Не так много, как хотелось бы, но все, что можем.

Дэйлхауз положил лопату и направился к штабу, размышляя. Тяжелая ответственность! Если хорошенько подумать, то станет ясно: все сохранить невозможно. Слишком много невосполнимого будет утеряно — уже утеряно. Слишком мало шансов на то, что уцелеет Триумфальная арка, Британский музей, Парфенон, не говоря уже о миллиардах человеческих жизней. Дэнни с трудом сознавал, что никогда ему не услышать симфонию, увидеть балет, ужинать в российском ресторане на крыше небоскреба... Столько утеряно навсегда! И столько еще будет утеряно...

Однако не утеряно главное: надежда. Они могут выжить. Они могут построить все снова. Они могут построить все даже лучше, имея опыт прошлых ошибок жизни на родной планете...

Возле штаба толпились люди, и туда уже подошла Мэгги с парой своих помощников. Дэнни ускорил шаг и пришел как раз вовремя. Ана говорила:

— Только что пришло сообщение, полковник. Я воспроизведу ленту для вас.

— Давай,— сказала Мэгги. Она задыхалась от быстрого шага. Дэйлхауз подошел поближе. Мэгги, казалось, была близка к обмороку. Но она собралась с силами и приготовилась слушать.

Дэнни узнал голос. Это был чернокожий вице-адмирал авиации Понтефакт. Он говорил недолго:

— Это официальное послание лагеря Блока Горючего лагерю Блока Продовольствия. Мы предлагаем немедленное перемирие. Мы предлагаем, чтобы вы и мы со своей стороны не приближались к чужим лагерям ближе, чем на двадцать километров. Ждем ответа в течение часа.

Пауза, а после нее голос с явным ямайским акцентом:

— Как вы поняли, наше нападение на ваш лагерь было спровоцировано уничтожением наших спутников. Приказ на нападение был отдан после тщательного изучения возможных альтернатив гибели спутников. Мы хотели уничтожить вашу базу полностью, но ограничились минимальными потерями с вашей стороны. Поэтому мы и предлагаем вам перемирие.

Помните, наша звезда Кунг нестабильна. Она близка к тому, чтобы вспыхнуть.

Мы уверены в этом, так как уровень радиации постоянно колеблется. За последние двадцать четыре часа он возрос до максимума. Во время нападения мы получили данные от наших астрофизиков, что вспышка произойдет в ближайшее время. Точного времени мы не знаем. Видимо, в пределах от сорока восьми часов с этого момента до двух недель. Если вы принимаете перемирие, мы передадим вам все данные, и ваши специалисты сами смогут оценить правильность наших выводов.

Голос немного дрогнул, затем тон сообщения стал менее официальным:

— Мы не знаем положения дел на Земле. Думаю, что и вы тоже не знаете. Но очевидно, что мы, живущие на Джеме, единственные представители человеческой расы во вселенной. Мы считаем, что все ресурсы сейчас нужно направить на то, чтобы подготовиться к вспышке. Если мы будем продолжать войну, то можно с уверенностью сказать: мы все погибнем. Я не предлагаю работать вместе. Я предлагаю кончить войну. По крайней мере, до окончания кризиса.— Снова пауза. И затем: — Пожалуйста, ответьте нам в течение часа. Боже, помоги всем нам.

Мэгги закрыла глаза. Все молча смотрели на нее и ждали. Затем она открыла глаза, собралась с духом:

— Ответь им, Димитрова. Скажи, что мы принимаем предложение, запроси технические данные и скажи, что мы свяжемся с ними снова, как только нам будет что сказать. Люди, война закончена.

Через десять минут весь лагерь знал это. Мэгги выступила по трансляционной сети, прокрутила ленту с предложением Гризи и рассказала все о приближающейся катастрофе. Затем она приказала Алексу Харкурту изучить данные, полученные от Гризи, и сообщить ей результаты. Повернувшись к Дэнни, она сказала:

— У меня нет кровати теперь, но мне нужно поспать хотя бы час.

— Ложись в моей палатке.

— Я ждала твоего предложения.— Она взглянула на тусклобагровое небо, где в облаках прятался Кунг, и покачала головой.— Ужасный день сегодня.— Он сопровождал Мэгги к палатке.— И он еще не кончился. Знаешь, что я хочу сделать на митинге?

— Понятия не имею.

— Разумеется. Тебе никогда не догадаться. Я хочу сообщить о полной отставке полковника Марджори Меннингер от активной деятельности.

— Что?

— Закрой рот, Дэнни, и не стой здесь,— посоветовала она.— Мы создадим гражданское правительство, которое будет действовать, когда худшее будет позади. А может и раньше, мне все равно. Может быть, ты и все те, кто выступал против армии, правы. К тому же теперь очевидно, что мои действия не сработали так, как надо. Я полагаю, что нужно провести выборы в правительство и ты должен стать его главой.

— Зачем? Почему я? Мэгги, ты хочешь, чтобы я все расхлебывал?

— Почему ты? Потому что ты практически единственный, кто остался из первых поселенцев. Ты и Каппи. Потому что тебя все любят. Потому что ты единственный в лагере, кто может управлять, и к тому же ты не солдат. Я не давлю на тебя. Решай сам. Но я буду голосовать за тебя. Хотя...— добавила она,— хотя вряд ли наше решение изменит что-либо.

Они были уже у палатки, и Мэгги задержалась у входа, глядя на небо.

— Черт,— сказала она,— опять начинается дождь.

Действительно, крупные капли забарабанили по брезенту.

— Раненые!— сказал он.

— Да. Надо построить навес. Жаль, Дэнни, я надеюсь, что перед митингом мы с тобой немного поразвлечемся в постели.

Дэнни не смог удержаться от смеха.

— Мэгги, ты очень странный человек. Иди ложись.— И когда она пошла в палатку, Дэнни обнял ее.— Я никак не мог предположить в тебе такого поворота. Что заставило тебя поверить в гражданское правительство?

— Что заставило? Может, этот чертов кринпит. Если бы он не рухнул на меня, сейчас вы похоронили бы меня вместе с другими. Он отдал свою глупую жизнь, чтобы спасти меня. Хотя я и не доверяла ему.

Их осталось так мало, что для митинга не потребовалось включать трансляцию. Те из раненых, что могли, сидели в своих палатках и слушали, а остальные расположились на мокром помосте танцплощадки. Мэгги Меннингер говорила, стоя на небольшом возвышении. Она рассказывала о выводах Харкурта.

— Данные, полученные от Гризи, относятся большей частью к геологии, а не к астрономии. Они выкопали множество шурфов. Из данных очевидно, что вспышки происходят регулярно раз в двадцать-тридцать лет. Судя по количеству пепла и угля, происходит увеличение уровня излучения на семьдесят пять процентов и длительность вспышки неделя, а может и дольше. Этого достаточно, чтобы убить нас. Как теплом, так и ионизирующим излучением.

Теперь, когда это случится? Они предполагают, что минимум через десять дней. Я могу только подтвердить их заключение. К сожалению, более точный прогноз невозможен.

Из толпы слушателей послышался шепот.

— Из полученных данных видно, что температура поверхности постепенно повышается уже две недели. Поэтому и погода так испортилась. Во время вспышки температура поверхности будет где-то между температурой 35 градусов и точкой кипения воды. Я не думаю, что она будет выше, хотя в момент вспышки трудно что-либо предположить. Во всяком случае, то, что может гореть — сгорит. Например, леса. Но не сразу. Сначала они будут высыхать. После этого температура начнет спадать, начнутся сильные дожди, которые зальют пожары. Период дождей продлится несколько недель. А затем все придет в норму.

— Но не останется ничего живого,— сказал кто-то.

Харкурт развел руками.

— Может быть. Но если будут убежища, то можно выжить.— Он хотел продолжать, но Мэгги остановила его.

— Ты говоришь без большой уверенности.

— Да.

Дэйлхауз встал:

— Алекс, почему же все не погибло на Джеме, если эти вспышки регулярны?

— Я могу только высказать предположение. Сначала о растительности. Она выгорает, но затем из корней прорастает новая. Семена, вероятно, выживают тоже. А обильные дожди после вспышки дают хороший старт растительности для возобновления жизни. Первобытные люди на Земле тоже выжигали леса для удобрения почвы. Я не знаю насчет животного мира. Подземники, вероятно, не почувствуют особых неудобств, если, конечно, у них есть запасы еды. Большинство из них выживет. Может быть, и кринпиты. Они хорошо защищены от внешней среды. Им не нужно беспокоиться, что вспышка ослепит их — у них ведь нет глаз. Панцирь надежно защищает их внутренние органы.

— А как насчет Чарли?

— Не знаю. Тут сложнее. Думаю, что вспышка уничтожит

всех взрослых, но их разбросанная сперма может дать потомство. Разумеется, будут сильные мутации. Эволюция на этой планете происходит очень быстро.

— Но если все эти существа могут выжить, то почему не можем мы? — спросила Мэгги.

Харкурт пожал плечами.

— Они приспособлены, а мы нет. Кроме того, я говорил о выживании расы, а не отдельных особей. Может, выживет всего один процент. Может, меньше. — Он осмотрел аудиторию. — Сколько будет один процент от нас?

— Ясно, — сказала Мэгги. — Я полагаю, нам все ясно. Значит, нам нужно строить убежище, защищающее от теплового и ионизирующего излучений. И строить надо быстро. Есть ли у кого-нибудь идеи относительно этого?

Харкурт колебался.

— Понятия не имею. Палатки бесполезны. О, я еще должен упомянуть о ветрах, которые в это время будут очень сильными. Так что убежище должно выдержать ураганный ветер, скорость которого двести километров в час. Я подумал, нельзя ли использовать туннели подземников. Однако немногие из нас выдержат жизнь под землей при высокой температуре, без вентиляции.

Все молча оценивали такую возможность. Затем встал Капелюшников.

— Можно сделать вот что: человек пятнадцать могут взлететь в капсуле и продержаться на орбите, пока все кончится.

— Но там тоже будет жарко, — запротестовала Мэгги.

Каппи покачал головой.

— Только радиация. Стальная обшивка отразит процентов девяносто, а может быть и полностью защитит. Единственная проблема, как выбрать этих пятнадцать счастливчиков?

Мэгги задумалась, затем сказала:

— Нет, это последнее дело, Каппи. Здесь другая проблема — что будут делать эти счастливчики, когда вернутся на мертвую планету? Ведь никого из нас не останется. Думаю, что те, кто полетит туда, должны не возвращаться на Джем, а попытаться добраться до Земли или до других колоний. Здесь им будет не выжить.

Харкурт кивнул и добавил автоматически.

— Не вся планета будет мертва.

— Что?

— Да, только половина планеты. Та, что обращена к Кунгу. На обратной стороне даже не заметят, что была вспышка. Но нам это все равно, потому что мы живем здесь и у нас нет времени, чтобы построить там обогреваемый купол, изолированный от окружающей среды, и перебросить все туда. В чем дело?

Мэгги внезапно разразилась смехом.

— Сукины дети, — сказала она. — Снова убеждаешься, как ты глуп, когда начинаешь верить людям. Эти бастарды Гризи обманули нас. Они предложили мир не потому, что хотят мира.

Они прекратили войну потому, что поняли — мы и так погибнем!

— Но... но они...

— Нет! Они не погибнут! У них есть база на Фарсайде! — Она покачала головой.— Люди! Я хотела заявить о том, что передаю власть гражданскому правительству. Но теперь я решила, что нужно подождать. У нас есть необходимость выполнить военную работу Когда эта сторона планеты будет залита губительной радиацией и умирать от жары, Гризи спрячутся в уютном гнездышке на той стороне планеты. Им будет наплевать на то, что творится здесь. Да, гнездышко у них будет очень уютное. И я хочу отнять его у них.

Глава 22

Дэнни летел уже больше часа над высокогорной пустыней. Ущелья и каньоны проплывали под ним. И только изредка зеленые островки, слишком маленькие для того, чтобы сесть. Капелюшников снижался к ним, насколько возможно. Он проделал огромную работу по разведке и сократил пешему отряду, пробивающемуся сквозь джунгли и пустыню, сотни километров. И тем не менее им оставалось еще не меньше трех дней пути, и каждый шаг давался с огромным трудом.

Все же уже давно Дэйлхауз не чувствовал себя так хорошо. И это несмотря на страшную усталость. Несмотря на то, что вспышка может произойти в любой момент. Несмотря на то, что Мэгги Меннингер допустила ошибку в заказе обуви. Так что он натер правую ногу до пузырей. Однако он не был самым невезучим. Трое из отряда совсем остались без обуви.

— Мы вернемся за вами,— пообещала Мэгги.

Но Дэйлхауз понял, что она лжет. И по глазам остающихся было видно, что и они это понимают. И все же он был счастлив, шагая вперед, хотя иногда ему не хватало дыхания. Редкие полеты были для него не работой, а отдыхом.

Но теперь они пришли туда, где полеты были небезопасны. Дождь с перерывами шел уже сорок часов, то заставляя их дрожать от холода, когда они промокали до нитки, то заставляя задыхаться от удушливого пара, который исходил от промокшей одежды при ее высыхании. Впрочем, это не имело значения. Плохо было то, что невозможно было видеть Чарли и двух оставшихся в живых членов его стаи. Дэнни забрал от них радио, так как Гризи могли перехватить их разговоры. И когда рассеивались облака, Дэйлхауз обшаривал небо, отыскивая своих друзей. Он ни разу не видел их, не слышал их песен, но он знал, что они поблизости, они в небе.

Их было двенадцать человек, пробивающихся к лагерю Гризи. Они ушли с Базы, приказав остающимся изображать, что на базе их по крайней мере вдвое больше. Оставшиеся прекрасно понимали, что если миссия отряда завершится провалом, то выжить им не суждено. Мэгги сама передала последнее сообщение Гризи:

— Мы начали строительство подземного убежища. Когда вспышка кончится, поговорим о мире. А пока мы будем стрелять в любого, кто приблизится к нам.

Сейчас им осталось десять километров пути. Три часа для человека в хорошем физическом состоянии. Но целый день пути для измученных людей... Сложность заключалась не только в том, что им приходилось преодолевать различные препятствия, но и в том, что они были нагружены до предела. Им пришлось нести на себе все: пищу, оружие, воду, различное снаряжение. Все необходимое им пришлось нести на своих плечах.

Самыми тяжелыми были красные цилиндры с надписью: «Элементы питания. Замена». Каждый цилиндр весил не менее килограмма. А двадцать цилиндров — это уже была тяжелая ноша.

Сначала они несли эти цилиндры так, чтобы исключить возможность соединения их вместе для образования бомбы. Лейтенант Кристианидис следила за тем, чтобы расстояние между несущими было не менее метра. Конечно, шансы на то, что при падении цилиндры образуют критическую массу, были малы. К тому же Мэгги заверила всех, что без сложного оборудования и взрывателей бомба не сработает. Поэтому им приходилось тащить на себе еще двадцать килограммов сложной аппаратуры. И тем не менее, все они были крайне осторожны. Они боялись, что произойдет взрыв.

В конце каждого перехода Мэгги обходила весь отряд, проверяя груз. Когда она подошла к Ане Димитровой, сидящей очень близко к Дэнни Дэйлхаузу, она спросила:

— Ты не беременна?

— Что? Что за вопрос?

Но Мэгги покачала головой.

— Прости. Я устала. Я должна знать, что с тобой все в порядке.— Она ухмыльнулась, подмигнула Ане и Дэнни. Но когда отряд снова отправился в путь, то Ана уже несла фляги с водой, а красные цилиндры перекочевали на спину Марджори Нозелер.

Мэгги выглядела ужасно, и с каждым шагом вид ее становился все хуже. Ее пухлость давно исчезла. Впервые на лице ее обнажились скулы, а голос стал хриплым. Ее пребывание под кринпитом в течение двух жутких часов подавило ее защитные рефлексы. К тому же на коже у нее появились зловещие пятна коричневого цвета, похожие на ожоги. Она уверяла, что это не болезненно, но Дэнни понимал, что она лжет.

Но он думал, что Мэгги говорит правду относительно одного важного дела: она утверждала, что бомба, которую они несут, не будет использована.

Он был первым, кто предложил это, и Мэгги согласилась сразу.

— Конечно,— сказала она,— я не хочу уничтожать лагерь. Мне нужен этот лагерь — и не просто для нас, но для будущего всей человеческой расы на Джеме. Бомба нужна нам только для угрозы. Для этого мы и несем ее.

Дэнни сказал об этом Ане на последней остановке перед тем, как они приблизятся к лагерю Гризи.

— Она думает о будущих поколениях. Она считает, что наши гены и хромосомы не должны подвергнуться действию радиации.

— Конечно,— не удивилась Ана.— Я тоже так считаю.

Так что у Дэнни была надежда. Она привела его через дикие джунгли ко входу в грязную пещеру, через которую они могли проникнуть в туннели подземников, ведущие под лагерь Гризи. Она была у него, когда майор Вандемир и Крис Кристианидис собирали взрыватель и вставляли в него стержень детонатора. Она не покидала его и тогда, когда Мэгги, Вандемир и еще двое с тяжелым грузом исчезли из виду. И та часть его жизни, нет, всех жизней, которые они прожили вот до этого момента — эта часть жизни была их позором, их несчастьем, их бесчестием. Может быть, даже хуже. Дэнни не мог подумать об этом иначе, как о чем-то грязном, предательском. Это было не что иное, как грабеж со взломом! Воровство! Но это должно кончиться. Должно наступить лучшее время. Надежда на лучшее время не покидала его целых два часа с того момента, как Мэгги и другие исчезли в туннеле. Она не покидала его до того момента, как Крис Кристианидис посмотрела на часы и сказала:

— Ну вот. С этого момента никому не выходить. Лицом к стене. Руками закрыть глаза. Когда появится огненный шар, не смотреть! Затем выждать десять минут. Я скажу, когда...

И тут раздались крики. Дэнни кричал:

— Она хочет сделать это! Она же обещала...

— Дэнни, она же не могла его выполнить! Она дала фальшивое обещание Гризи, чтобы мы могли захватить продовольствие и оружие. Тогда мы сможем выступить против них и уничтожить всех!

— Это безумие! — вскричала Ана.— Радиация убьет нас, если мы войдем в лагерь.

— Может быть. У меня есть счетчик. Мы проверим все. Самое главное — самолеты. Если мы захватим их, мы можем полететь на их базу на Фарсайде.— Крис колебалась. Она была посвящена в тайну с самого начала и понимала, что они задумали преступление и что ее место вместе с полковником и майором за решеткой.— Во всяком случае,— сказала она,— мы уже ничего не сможем сделать. Бомба будет взорвана через десять минут. Прячьте свои головы!

И только сейчас надежда погибла полностью.

Для самки подземников тоже все было кончено. Слепая и одинокая, она двигалась по туннелю в то единственное место, где она могла еще быть.

Уровень на глубине тридцати метров под землей. Место для выращивания молодняка, любовных игр и место для того, чтобы умирать. Мать др-Ши никогда не была здесь раньше. Она была

главою семейства, которой было предназначено судьбой нести ответственность. Однако она знала, что придет время, когда в конце жизни ей придется увидеть эти старые туннели и умереть в них.

Но что-то было здесь не так. Время умирать пришло, и она приползла сюда. Но она не видела ничего.

С негодованием Матка подняла переднюю часть туловища и спросила:

— Здесь есть кто-нибудь?

Ответа не было. Ни звука. Никакого запаха, кроме запаха тех, кто давно умер здесь. Она снова крикнула. Но не потому, что надеялась получить ответ, а просто по привычке быть методичной во всем.

— Есть кто-нибудь, кто слышит меня?

Никого. Если бы она получила ответ, то это мог быть только кто-нибудь из одичавших молодых, которые носятся по туннелям, ища убийства. Но здесь даже их не было.

Так что ее чувство слуха было тут бесполезно. Зачем нужен слух, если слышать нечего?

Конечно жаль, что она слепа. Но у нее не было чувства злобы к Двуногим, которые выжгли ей глаза своими стробоскопами. Она отомстила не за то, что они отравили туннели, за то, что совратили молодых на путь злобы и убийства. Она сражалась против них, Двуногих, и даже против своих молодых, которые приняли новую веру. И вот теперь туннели пусты. Было бы не так печально, если бы она могла видеть слабый фосфоресцирующий свет разлагающихся останков. Что у нее осталось? Вкус уже не имел смысла. Еды почти уже не было. А зачем обоняние? Нюхать пыль под нею? Др-Ши чувствовала себя гораздо лучше, если бы она была заточена в своей норе, как это было в лучшие, счастливые годы своей жизни...

Которые теперь кончились...

Она потянулась и издала мягкий кошачий звук отчаяния. Ее начинал мучить голод. Двуногие уничтожили все хранилища для еды, отравили почти все туннели. Но туннели ведь тянулись на десятки километров во все направления. Ведь где-то в этом огромном мире должно остаться что-то. Однако она не собиралась пускаться в поиски. Она не хотела продлевать жизнь.

Внезапно туннель содрогнулся. Это было почти перестальтическое движение, а не обычное сотрясение. Мать др-Ши никогда раньше такого не испытывала. Туннели иногда обрушивались, в них вторгались кринпиты, заливали дожди... Но никогда раньше земля не двигалась. Такого не может быть! Мать др-Ши испытывала то же самое, что испытывал бы человек, если бы вдруг воздух вокруг него разлетелся на мелкие осколки, как стекло.

И затем, где-то в километре отсюда, на поверхности земли раздался звук. Это был не просто звук. Это была воздушная волна, которая ударила по ее ушным перепонкам, и в голове возник неприятный шум, похожий на беспорядочные крики о помощи пере-

пуганных детенышей. Однако с этого момента уже никогда детеныши не будут звать на помощь.

Левое колено Мэгги ужасно болело и кровоточило. Кожа на нем давно была стерта до мяса. Ей было все труднее и труднее поспешить за теми двумя, что ползли впереди. Бог создал ее совсем не для того, чтобы ползать часами по подземным туннелям высотой всего девяносто сантиметров. Чтобы немного облегчить нагрузку на больное колено, она попыталась ползти, опираясь на руки и на здоровую ногу. Но через два метра она просто упала, и ползший за нею Вандемир едва не наткнулся на нее. Двое впереди продолжали ползти, так что Мэгги пришлось удвоить усилия, чтобы не отстать, а это еще больше усилило ее мучения.

Она остановилась, посмотрела на часы. Больше четверти часа до взрыва. До того момента, как взорвутся две гранаты и подорвут бомбу. К этому моменту они удалились примерно на километр. Достаточно для того, чтобы не пострадать. Она крикнула:

— Отдых! — и перевернулась на спину, тяжело дыша затхлым воздухом.

По счастью, в туннеле было не совсем темно, что оказалось для нее неожиданностью. Глаза ее уже привыкли к темноте, и она различала световые пятна, такие слабые, что даже было невозможно сказать, какого цвета.

Мэгги услышала глубокий вздох в туннеле позади нее.

Затем снова тишина.

— Ван? — крикнула она. — Майор Вандемир?

Грязные стены поглотили ее голос, ответа не было. Она перекатилась на живот, развернулась в туннеле и поползла назад.

Запах мышей стал очень сильным. Мэгги включила фонарь на своем шлеме и увидела, что майор мертв. Один из подземников побывал тут, и нож, торчащий из глаза майора, подтверждал это.

— Черт, — прошептала Мэгги и вытащила пистолет. Свет фонаря прорезал тьму туннеля, но не смог успокоить ее. Туннель был извилистым, с боковыми ответвлениями, в каждом из которых ее мог поджидать враг, чтобы отвернуть ей голову.

Она хотела крикнуть остальных, но остановила себя. Им не вынести тело майора из туннеля. К тому же майор загораживал весь проход и мог сослужить последнюю службу, блокировав продвижение преследователей.

Есть более лучший способ. Она достала одну из своих двух гранат, завела ее на десять щелчков и, катнув ее к майору, поползла прочь, как можно быстрее. Через сто секунд она бросилась ничком на землю, закрыв голову. Позади раздался взрыв, и она поняла, что обрушила туннель, похоронив доблестного майора.

После взрыва она вдруг осознала, что не слышит своих спутников.

— Сэм! Чотник! — закричала она.

Они не отвечали, видимо не слышали ее приказа остановиться.

Она оставила свет фонаря на шлеме и поспешила за ними. Боль в колене сразу забылась сама собой. Когда часы показали время взрыва, она еще не нагнала своих спутников.

Она быстро легла на спину. Сейчас можно было не закрывать голову. Либо она погибнет тут, либо нет. Все зависело от того, далеко ли она смогла отползти от места взрыва. Расстояния должно хватить. Взрыв, по расчетам, должен быть не очень сильным. Если все сделано правильно, он должен уничтожить только оружие Гризи. В расчетах она была уверена. Карта, ради которой Тинка и индонезиец пожертвовали жизнью, ясно показала, где находятся жизненные центры базы. Однако рассматривать карту на поверхности земли и попытаться сориентироваться под землей — это разные вещи. Сейчас Мэгги даже не была уверена, что она правильно ползет обратно. Нужно было протянуть от выхода шелковый шнур.

И в это время раздался взрыв. Точно в назначенный срок. И она осталась жива.

Ей даже не было страшно. Значит, хотя бы в этой части ее план сработал. Теперь, если Крис правильно проведет атаку... если они не забудут накидки от радиации... если Гризи не успеют опомниться и оказать сопротивление... если бомба заложена туда, куда надо... слишком много если. Нет, ей нужно быть там, наверху, со всеми, а не здесь.

Какой-то глухой звук привлек ее внимание. Она посмотрела и увидела, что целая секция потолка рухнула в туннель и завалила его.

Последствия взрыва? Может быть, но маловероятно. Подземники пытаются устроить ловушку для врага? Ведь ее можно было так просто выследить по кровавому следу от раны на колене.

Пора выбираться отсюда. Содрогаясь от мучительной боли и замирая от страха, Мэгги ползла вперед.

Через десять метров голова ее уткнулась в стену.

Она снова включила свет. Свежая земля. Значит, подземники замуровали оба выхода из туннеля. Она быстро повернулась. Сзади никого. Она была одна.

Мэгги Меннингер сказала, обращаясь к стене:

— Самое страшное для человека — это быть погребенным заживо.

Она ждала, надеясь услышать хоть слово. Затем вытащила пистолет и пошарила рукой лопатку. Ее не было. Она оставила лопату возле места взрыва. Тогда пальцы.

Она бросила пистолет и стала когтями разрывать стену. С яростью. Потом в ужасе. И, наконец, потому, что больше ей ничего не оставалось делать.

От горизонта до горизонта, насколько мог видеть Чарли, все было затянуто облаками. Буря ослабевала там, вблизи океана, но здесь, над лагерем Гризи, она продолжалась. Уже несколько часов он не видел земли и несколько дней, как он не видел отряд его

друга Дэнни. Ветер, сильный и безжалостный, тащил его и двух оставшихся в живых самок по направлению к Полюсу Тепла. Они уже устали и выбились из сил. К тому же потеряли высоту.

Пока они сражались с ветром, появилась новая стая, летящая от Полюса. Чарли повел свои остатки, чтобы соединиться с нею. Он жаждал новых слушателей, чтобы пропеть им песни о новых друзьях с Земли, а также услышать песни, которые он не слышал. У него заняло много времени присоединение к стае. Стая была небольшая, меньше чем шестьдесят взрослых, но в ней были новые голоса, которых Чарли никогда не слышал. И он с радостью устремился к ним.

И тут небо озарила белая вспышка.

Она захватила всех врасплох. Чарли оказался одним из счастливчиков. Он смотрел в другую сторону и поэтому не ослеп. Он видел, как преобразилось вечно хмурое багровое небо, озарившееся невиданным сиянием. Затем он услышал звук, и немного погодя черное облако смешалось с облаками Джемианского неба.

Песни приветствия сменялись криками боли и ужаса. Чарли мог ответить только призывом подниматься. Старшие члены стаи подхватили песни, и самка начала сбрасывать балласт, чтобы подняться, но некоторые не могли. Они не просто ослепли, они испытывали сильную боль и не могли реагировать на песни Чарли.

Хотя они были далеко от взрыва, шквальный ветер разметал стаю по небу. Чарли никогда не ощущал таких ударов ветра. Всегда он мог предсказать заранее, что начинается буря, и можно было уйти от нее, подняться выше облаков, пропустить ее под собою. На этот раз не было никакого предчувствия. Ему казалось, что ветер отрывает части его тела, выкручивает его конечности. Его несло через чужую стаю, он сталкивался с самцами, самками, сбивая молодых.

И затем снова без предупреждения острый запах самок ударил в его ноздри. Пора оплодотворения!

Самки уже работали вовсю, выпуская длинные серебристые нити яйцеклеток. Весь воздух был пронизан требованием оплодотвориться. Для Чарли и всех взрослых самцов не было вопроса, что делать дальше: сеять семена, оплодотворять яйцеклетки. Сама природа требовала этого. Поверхность их воздушных мешков натянулась, превратив их лица в карикатуры на самих себя. Это было выражение боли, и боль должна будет кончиться, когда исторгнутся семена.

Но это неправильно, неправильно!

Чарли со страхом и болью задавал этот вопрос стае, которая пела вместе с ним. Почему это оплодотворение? Почему огонь пришел с враждебной земли, а не с неба? Что означают этот жар, грохот и дикий ветер? Всем своим теплом Чарли понимал, что это неестественно. Почему это огромное черное облако все время растет, намереваясь поглотить их всех?

Этот вопрос непрестанно задавали и Чарли, и вся стая, пока обжигающий жар ядерного пепла не выжег им глаза, не сжег их газовые мешки, выпустив водород, и не заглушил их песни навсегда.

Глава 23

Ядерный взрыв на этой планете был невиданным зрелищем. Он был менее килотонны и вряд ли на Земле был бы замечен кем-нибудь на фоне многомегатонных взрывов, которые искорежили поверхность планеты. Когда гранаты сблизили своим взрывом плутониевые стрежни, мощная реакция пришла в действие.

И затем раздался взрыв. Все, что окружало плутониевый заряд: оболочка, стены туннеля, обратилось в горячий газ с давлением в биллионы атмосфер. Газ стремился вырваться на свободу. И он вырвался. За одну тысячную долю секунды образовался огненный шар диаметром пятьдесят метров. И этот шар стал расширяться во все стороны со скоростью пятьсот километров в час. Он был ярче, чем Кунг, ярче, чем Солнце Земли, ярче, что сто солнц, собранных вместе. И яркость его начала уменьшаться по мере охлаждения шара.

Люди, скорчившиеся в пещере, видели вспышку даже с закрытыми глазами, а сильный удар они ощутили своими телами, когда затряслись стены пещеры. Грохот был ужасающий. И затем они услышали голос Крис Кристианидис:

— Не вставать! Глаза не открывать! Ждите! — Почти десять минут она держала их в пещере, и только потом она позволила им открыть глаза.

Осторожно они выглянули из-за хребта и с ужасом увидели, что сделала Мэгги Меннингер.

Ядерный гриб вонзился высоко в атмосферу, пробив дыру в облаках, но вершины гриба не было видно. Лагерь Гризи, казалось, почти не пострадал. С лица земли был сметен склад, сгорело несколько палаток. Повсюду бродили ошарашенные люди.

— Она... она промахнулась! — крикнула Крис, и Дэнни Дэйлхауз не мог понять, сердита она или рада.

Эпицентр взрыва был в полукилометре от лагеря. Мэгги промахнулась. Вся сила взрыва пропала понапрасну. Однако тепловой удар был достаточно эффективен. Люди, которые находились вблизи, ослепли и получили ожоги. Никто не предупредил их, что нужно закрыть глаза и не смотреть в сторону взрыва.

— Проверьте оружие, — сказала Крис. Она сняла защитные очки, глаза ее были красные и опухшие. Но голос у нее был решительный. — Накинуть плащи. Идем.

Дэйлхауз встал, натянул пластиковый плащ. Неужели он может защитить от радиации? Поднял карабин и вставил магазин в него. Зачем он делает это? И медленно пошел вместе с отрядом, в котором было только девять человек, к лагерю Гризи.

На каждом шагу он говорил себе, что все неправильно. Неправильно тактически: ядерный взрыв вывел из строя только нескольких, кому не повезло. Оставшиеся в живых легко справятся с ними. Неправильно стратегически: они не имели права попадать в такую ситуацию. И самое главное: неправильно морально. В каком мире они собираются жить, если в борьбе за него они нападают друг на друга исподтишка?

Дэйлхауз неспокойно посмотрел на отряд, шедший в одну линию. Все смотрели вперед, на лагерь Гризи. Неужели никто из них не чувствует себя также, как он?

Он остановился.

— Крис, я не хочу делать это!

Она медленно повернулась к нему так, что ствол автомата уперся ему в живот.

— Вперед, Дэнни.

— Нет, подожди, Крис...

Она резко сказала:

— Я ждала этого от тебя. Мы пойдем туда. Все. Полковник Меннингер приказала, и я выполню приказ. Иди.

Остальные встали, глядя на них. Все молчали, они ждали пока Дэйлхауз рассматривал ствол автомата, направленный уже ему в переносицу.

Он сказал:

— Нет, Крис.

Выражение лица Крис изменилось, посуровело, и он понял: да, она собирается нажать курок.

— Убери автомат, лейтенант,— крикнула Ана.

Она была немного сзади и уже направила свой пистолет в спину лейтенанта.

— Я не хочу убивать,— сказала она.— Но я тоже не хочу нападать на этот лагерь.

Дэйлхауз не стал ждать. Он шагнул вперед и взял автомат из руки Кристианидис. Он швырнул его далеко в кусты, куда тут же забросил и свой. Через секунду то же самое сделала и Ана, а за нею и остальные.

— Идиоты!— крикнула Крис.— Они перестреляют вас, как кроликов!

Дэйлхауз не отвечал. Он смотрел на лагерь, где люди уже заметили их. У них было оружие, и они смотрели на драму, разыгрывающуюся на холме.

Дэйлхауз поднял руки вверх и пошел к лагерю. Краем глаза он заметил, что Ана сделала то же самое. Может, Крис права? Может, кто-нибудь из Гризи уже опустился на колено, прицеливается и приготовился стрелять?

Но он уже ничего не смог бы с этим поделать. Как велика не была их вина, она уже не была его виной, и впервые за несколько месяцев он ощутил в душе мир и покой.

Глава 24

И, наконец, что можно сказать о них? Что можно сказать о Марджори Меннингер, и Дэнни Дэйлхаузе, и Ане Димитровой, и о Чарли, и об Ахмеде Дулле, и о Шарн-игоне, и о Матери др-Ши? Они делали, что могли. И слишком часто делали то, что считали необходимым сделать. И обо всех них можно сказать то, что можно сказать о любом живом существе — человеке или представителе другой расы — все они умерли. Некоторые пережили войну. Некоторые пережили вспышку. Но в борьбе со временем выживших не оказалось.

И затем, что можно сказать о прекрасной и могущественной женщине по имени Мускрат Гринклоуд Ан-Гуен?

Каждый скажет, что в ней есть следы Мэгги и Нан и некоторых других. Некоторые следы обусловлены цепочками ДНК, другие тем, что те люди были раньше. Она никогда не знала их, потому что с тех пор прошло уже шесть поколений.

Как все мы, она не была единой личностью. В ней заключалось три личности, или шесть, или сто, если учесть те отпечатки, которые наложили на ее личность множество людей, живших рядом. Для своего любовника она была желанным спутником для провождения уик-энда на озере Дьяволов. Для своих внуков она была строгим учителем, который водил их в целях образования по музеям и зоосаду. Для всех жителей, зарегистрированных в Бойн-Фен митрополитом Ареал, она была выборным судьей, контролирующим деятельность правительства. Или, вернее, неправительства.

Муски была твердым приверженцем Шести Принципов Джемианской Республики, из которых самым главным принципом было: Никакого Сильного Центрального Правительства. Понятие Правительство было давно забыто, сгорело в огне вспышки, умерло от голода в годы отчаяния. Оно исчезло с Джема полторы сотни лет назад. И никто не хотел возвращения этого ужаса, особенно Муски. Оно было таким же чудовищным, как армия, как голод. Муски была готова драться за свой принцип и готова была отдать за него каждую каплю крови, так же как и молодые добровольцы-милиционеры и приниматели Даров.

Но чтобы понять, что такое Муски, посмотрим на три главные ипостаси Муски и через это покажем сложный и своеобразный мир Джема.

Во-первых, Муски производила больше, чем десятую часть продовольствия для Бойн-фен, и почти все оно приходило из-под земли. Конечно, она не создавала его сама. Она стояла у ворот галереи. Старые добрые времена частной собственности умерли вместе с правительством. Муски не была владельцем чего-либо, она была равной среди равных. Но она выполняла специальные обязанности.

Вы могли бы подумать, что она похожа на виргинского фермера, присматривающего за батраками. Но это ошибочный взгляд. Здесь не было собственности. Здесь не было эксплуатации. Кринпиты приносили ей дары с подземных ферм. Это были именно дары. Их давали добровольно. Если Муски не нравились дары, она не приказывала заменить. Она просто отказывалась. Тогда кринпит спокойно возвращался в свою деревню, где мог свободно голодать. В метре от Муски подземники опрыскивали кринпитов антиаллергеном. Здесь тоже не было применения силы. Если кринпит не давал даров, то они не опрыскивали его. И кринпит мог по своей воле болеть и даже умереть. Так что кринпит был абсолютно свободен и мог выбирать то, что хочет сам без всякого принуждения. В этом мире не было никакой эксплуатации, никого, никем и никогда. Это был один из шести Принципов.

Кринпит знал это и наслаждался своей свободой, так же как радио, барабанами, металлическими предметами, которые давала ему Муски сама в обмен на то, что давал ей кринпит. Подземники тоже знали это и тоже были благодарны, особенно за то, что Двуногие улучшили их туннели. И подземники помогали сильным рабочим кринпитам возделывать урожаи на подземных фермах. Они также получали много такого, чего не знали их дикие предки, вечно жившие под землей. Шаристы тоже знали это, в воздухе постоянно звучали их песни. И, конечно, Муски Гринклоуд Ан-Гуен прекрасно знала это. У нее было все, что она хотела. И больше всего ее удовлетворяло то, что она всегда была уверена, что Шесть Принципов неукоснительно соблюдаются, справедливость всегда торжествует, и каждый на Джеме — человек, кринпит, шарист, подземник — имеет все. Хотя, может, и не всегда столько, сколько она.

Во-вторых, Муски была добровольным служащим. Она была выборным судьей, которая добровольно отдает свое время служению Обществу, даже по праздникам.

Она вышла из сельскохозяйственной галереи на поверхность, под купол города Жирных. Муски была довольно красивая женщина. Она загорела под искусственным солнцем плавательного грота. Она была высокая и весила шестьдесят килограммов, хотя талия у нее была пятьдесят сантиметров. Ее любовник предпочитал иметь дело с нею, а не с девицами более молодыми. Когда Муски шла по Холлу Воспоминаний, приветствуя всех, мужчины не отводили от нее глаз. Она скинула обувь для удобства и села на диван из пенорезины.

— Я хотела бы начать,— сказала она с солнечной улыбкой.

Остальные шесть выборных судей согласились с нею и сказали, что они тоже готовы начать обсуждать дела. Большинство дел были самыми ординарными, и согласие судей достигалось сразу же. Все берегли силы для действительно настоящего дела. Со своего места под бюстом Матери Кристианидис Роанок т-Шрайбер рассказала о том, как идут дела по очистке озера Дьяволов. Вся животная жизнь в озере была почти уничтожена с тех

пор, как был изобретен Эшеречил Соли, служащий антибиотиком против всех форм жизни на Джеме.

— Осталось еще несколько грузовиков вывезти в озеро, и оно будет абсолютно чистым,— сказала т-Шрайбер.

Оторвавшись от любования своими десятисантиметровыми ногтями, Сод Хауз Флареборы предложила давать дополнительные дары милиционерам, так как многие из них пострадали при исследовании старых туннелей подземников и освобождении дальних лагерей криппитов. Все согласились, что это надо сделать. Женщина в милицейской форме возле двери удовлетворенно улыбнулась.

Затем лицо Муски затуманилось. Она осмотрела всех сидящих.

— Я слышала, что пришло сообщение с Альфабазы.

Наступила тишина. Это дело было связано с грядущими изменениями, и никто не хотел бы рассматривать это. Все судьи заерзали в своих креслах под бюстами предков. Каждый ждал, чтобы заговорил кто-то другой.

Наконец, т-Шрайбер высказала свое мнение:

— Лично я считаю, что наши предки поступили неразумно, возобновив исследования космоса. Они добровольно влили большие средства, чтобы вывести на орбиту тактрановые спутники. И что мы получили взамен? Горе и смятение.— Т-Шрайбер перечислила все предыдущие контакты: угрозы со стороны марсианской колонии, мольбы о помощи с самой Земли, дюжина предложений с Альфаколонии наладить регулярное сообщение между Альфой и Джемом. Из остальной Вселенной — ничего.

Муски ждала мнения остальных с нетерпением. Затем она сказала:

— Интересно, стоит ли нам дальше отвечать на послания с Альфабазы?

Никто не ответил.

Следовательно, все согласны. И судьи перешли к разговору о том, как растет население планеты: от ста восьмидесяти выживших к тысяче восьмистам в третьем поколении и к почти четверти миллиона в шестом поколении. Теперь можно не бояться, что человечество не выживет. Человек на Джеме будет процветать.

Это напомнило Муски, что ее последний ребенок готов уже родиться. Она позвонила в госпиталь по телефону. Сиделка даже в этот час была на месте. Но новости были плохие. Ребенок родился мертвым.

— Я ругаю себя за то,— сказала Муски доктору,— что выбрала... как ее имя, доктор?

— Мери Глоубаг.

— Да, Мери. Ей почти шестьдесят лет, и мне нужно было пригласить кого-нибудь помоложе, чтобы родить мое дитя.

— О, не порти себе такой день,— сказал доктор.— Всякое может случиться. Помни, что почти все твои дети живы, и еще троих вынашивают другие сиделки.

— Ты очень добр,— Муски повесила трубку с улыбкой. Но новость поразила ее.— Мне бы хотелось уйти,— сказала она судьям. И все были рады этому предложению, так как всем хотелось по домам, к своим семьям.

И третья ипостась Мускрат — это мать, уважаемая глава семьи.

И это была не самая маленькая часть ее. Ее семья была огромна. Сорок четыре живых ребенка, из которых десяток старших уже многократно сделали ее бабушкой, а три самых младших еще находятся внутри трех женщин, добровольно согласившихся выносить и родить их. Она напомнила себе, что нужно сделать подарок Мери Глоубаг за ее добровольное согласие оплодотвориться ее яйцеклеткой. Не такой большой подарок, как обычно, ведь ребенок родился мертвым. Скоро Рождество, и все эти женщины придут ее поздравить. Муски удовлетворенно ждала этого дня.

Но не все думы о семье были приятными. Когда она шла по аккуратному саду сюда, где она спала и хранила свои вещи, из кустов навстречу ей выскочил подросток. Это был д-Дэйлхауз Дольфин Ан-Гуен, один из ее сыновей. Он тяжело дышал от бега. Муски вздохнула и сказала:

— Очень приятно, что ты спешишь поздравить меня, Дольф.

Он остановился и посмотрел на рождественское дерево посреди сада, с его огнями и звездой на вершине. Очевидно, он забыл о каникулах. Муски снова вздохнула.

— Счастливого рождества, Дольф. Садись и успокой дыхание.

Они сели на скамью из прессованной глины под деревом. Муски не смотрела на сына. Она знала, что несмотря на все свои недостатки, он не начнет говорить без разрешения, и она хотела, чтобы мальчик ощутил мир и покой в саду. Здесь стояли статуи Первого Поколения Восемнадцати Матерей из золота, пятьдесят две Кормилицы из хрусталя и восемьдесят девять Отцов, высеченных из гранита, который добывали в скалах возле Полюса Тепла. Двадцать один человек из выживших, которые не внесли вклада в гены ныне живущих, тоже были высечены в статуях, но эти статуи находились в самых дальних уголках сада. Статуи имели и другие различия. Имена тех, кто пережил вспышку на Фарсайде, были выгравированы на серебре, как бы подернутые морозом. Те, кто пережил катастрофу в катакомбах подземников, получили надписи из рубина. Остальные, пережившие вспышку в орбитальных капсулах, под машинами, в пещерах, в других местах, где были они и могли укрыться от гнева звезды, украшены оранжевым хризолитом, напоминающим цвет пламени. Это произошло шесть поколений назад.

Когда Муски почувствовала, что это святое место подействовало на ее сына, она сказала:

— Ол райт. Можешь говорить, что хочешь, Дольф.

Он не мог дождаться этого момента, так он был нетерпелив.

— Ол райт! Я скажу! Ты делаешь ошибку, Мать Муски. Мы не можем сказать нет Альфабазе!

— Не можем?

Он ужасно упрям. Даже свиреп.

— Да, я сказал, не можем! Это преступление против человеческой расы! Джем разлагается на наших глазах, Мать Муски. Это единственный шанс, чтобы мы могли развиваться дальше. На Альфабазе есть высокоэнергетическая технология. Ты знаешь, что значит их предложение? Они могут перевести в тахионное состояние десятки тонн. Мы не можем сделать этого даже ради спасения собственных жизней.

— Милый Дольф. У нас на Джеме очень много горячих проблем. Ты знаешь, сколько диких стай шаристов? Кринпитов, которые впали в дикое состояние? Подземников, которые стали совершенно неуправляемы и бесполезны для нас? Наш долг...

— У нас долг перед человечеством!

— Да, конечно. И мы выполняем его. Наши предки отдали жизни, чтобы спасти нас, и мы строго блюдем Шесть Принципов. У нас нет тирании, национализма, расовых распрей. Мы не насилуем Джем; мы служим его процветанию. Мы экономим его ресурсы, а на Альфе снова развивают индустрию и с нею все зло технологической цивилизации.

— Боже! — воскликнул он. — Ресурсы! Да мы пальцем не шевельнули, чтобы хотя бы тронуть их! Ты знаешь, что горючее образуется быстрее, чем мы используем его?

— Прекрасно! Но будь разумным, Дольф, дорогой! Зачем ты портишь мне праздник своими глупыми предложениями? Предположим, что кто-то примет твои предложения. Кто будет разрабатывать ископаемые минералы?

— Кринпиты! Подземники! Люди! Машины! Я не знаю. Если кто-либо не захочет работать, надо его заставить!

Мускрат была ошарашена.

— Ты испортил мне праздник.

Какой стыд! Упрямый подросток и неумелая сиделка — и вот ее праздник насовсем испорчен, еще не начавшись. Дольф ее любимый сын. Она восхищалась его ловким телом, быстрым умом. Но как он может не принимать этот рай и не быть в нем счастливым, как все остальные?

Каникулы Дольфа тоже были испорчены, и он, злой и растерянный, сел на каменную скамью, не слыша веселого пения вдали.

Если бы он мог заставить ее понять! Овладение Джемом дорого обошлось людям. И не только в первый ужасный год. В первые декады произошло еще несколько вспышек Кунга. Было восемь вспышек, и только две или три из них обошлись без страшных последствий. Последние. Людям пришлось выносить многонедельное заточение под защитными куполами, страшный голод в течение следующих полутора лет, пока планета не восстановила себя. И стоило ли людям платить жизнями за существование на такой планете?

Подземник с четырьмя садовниками-кринпитами, панцири которых были покрыты блестящим праздничным лаком, прошли мимо него. Внезапно он услышал песню вдали.

Спаси всех нас от сил Сатаны.
Когда мы уйдем звездным путем...

Черт бы побрал это время радости, подумал он про себя. Время самоубийц! Время медленно умирать в довольстве, когда все остальная Галактика благодаря достижениям технологии стремится бог знает куда! Ярость боролась в нем с праздничным настроением. И постепенно ярость отступила. Он вдруг вспомнил, что нес подземник, — бледно-тлеющий ультрафиолетовый факел, и решил пойти к рождественскому дереву. Кринпиты уже стащили по сторонам скамьи и столы для пикников, чтобы создать пространство. После этого они удалились. Подземник установил факелы по местам и ожидал распоряжений. На дереве привязанные шаристы распевали свои сладкие песни.

Молодые люди возле него скидывали одежду и бежали к украшенному стволу.

— Пора начинать! — кричали все, и шаристы начали песню «Добрый король Венцеслав». Подземник поджег факелы. Шаристы вздрогнули, как один, и душистые нити полились на землю. Под рождественским деревом пары сплетались в экстазе традиционного Кольца.

И Дольф не смог устоять. Ярость погасла, Рождество победило. Он сбросил одежду и бросился к дереву. «Зачем сражаться за утопию?» — подумал он про себя. И в этот момент в нем закончился процесс взросления. И начался процесс умирания. Что, во многом, одно и то же.

Конец.

ОПЕРАЦИЯ «ВЕНЕРА»

Глава 1

В это утро, одеваясь, я мысленно повторил длинный список цифр и обдумал все недомолвки и преувеличения, которые мне потребуется пустить в ход в сегодняшнем докладе на заседании правления. Мой отдел, рекламирующий готовую продукцию, изрядно пострадал из-за большого числа заболевших и уволившихся. А без людей какая тут работа! Но вряд ли правление станет считаться с этим.

Я натер лицо депиляторным карандашом и подставил его под тонкую струйку пресной воды, лившуюся из крана. Непозволительная роскошь, конечно, но я аккуратно плачу налоги, а соленая вода раздражает кожу. Однако прежде чем я успел смыть пену, струйка иссякла. Тихонько чертыхнувшись, я домылся соленой водой. Последнее время водопровод частенько пошаливал. Кое-кто считал, что это проделки «консов», и среди служащих Нью-йоркской компании водоснабжения то и дело проводились проверки лояльности. Однако толку от этого было мало.

На минуту мое внимание привлек экранчик утренних новостей, расположенный над зеркалом для бритья. Вчерашняя речь президента... Снимок ракеты, предназначенной для полета на Венеру, приземистой, серебристо поблескивающей в пустынных песках Аризоны... Мятеж в Панаме... Я выключил экран, когда радиочасы мелодично отбили очередную четверть.

Похоже, что сегодня я снова опоздаю в контору, и это, разумеется, еще больше настроит членов правления против меня.

Я сэкономил пять минут, натянув на себя вчерашнюю сорочку, чтобы не вдевать запонки в манжеты свежей, и оставил киснуть на столе утреннюю порцию сока. Но я потерял эти пять минут, пытаясь дозвониться Кэти. Ее телефон не отвечал, и я опоздал в контору.

К счастью, совершенно неожиданно для всех Фаулер Шокен тоже опоздал. Он ввел в конторе правило раз в неделю, перед началом рабочего дня, устраивать пятнадцатиминутные совещания членов правления. Это держит в напряжении клерков и стенографисток, а самому Шокену особого труда не составляет: он все равно каждое утро в конторе. А «утро» для Шокена начинается с восходом солнца.

Я даже успел прихватить со своего стола сводку, подготовленную секретарем. И когда, извинившись за опоздание, в конфе-

ренц-зал вошел Шокен, я уже сидел на своем месте в конце стола, спокойный и уверенный в себе, как и подобает члену правления Объединенного рекламного агентства «Фаулер Шокен».

— Доброе утро,— поздоровался Фаулер, и, как всегда, одиннадцать членов правления ответили ему невнятным бормотанием. Он не сразу опустился в кресло, а с минуту стоял, озабоченно оглядывая нас, словно отец свое многочисленное семейство. Затем любовным и восхищенным взглядом обвел стены зала.

— Я думал сейчас о нашем зале,— вдруг произнес он, и мы все, как по команде, тоже огляделись. Зал был не очень велик, но и не так уж мал — метров двенадцать-пятнадцать. Но в нем всегда прохладно, он хорошо освещен и обставлен красивой, добротной мебелью. Кондиционные установки искусно спрятаны в стенах за движущимися фризами, пол устлан толстым пушистым ковром, а мебель изготовлена из настоящего, неподдельного дерева.

— А зал-то у нас недурен, правда, друзья?— сказал Шокен.— Да разве может быть иначе? Объединенное агентство «Фаулер Шокен» — самая крупная рекламная фирма в городе. Наш годовой оборот на мегамиллион долларов больше, чем у других компаний. Но жалеть об этом нам еще не приходилось, не так ли?— Он снова выразительно оглядел присутствующих.— Среди вас ведь не найдется ни одного, у кого нет по крайней мере двухкомнатной квартиры? Даже у холостяков.— Он подмигнул мне.— А что до меня, так мне совсем грех жаловаться. Моя летняя вилла выходит в один из лучших парков Лонг-Айленда, я потребляю белки только в виде натурального свежего мяса, а прогулки совершаю в собственном педальном «кадиллаке». Нужда давно забыла дорогу в мой дом. Да и всем вам живется неплохо. Верно?

Рука заведующего Отделом рынков взметнулась вверх. Фаулер кивнул: — Да, Мэттью?

Мэтт Ренстед — парень не промах. Он вызывающе посмотрел по сторонам.

— Я только хотел подтвердить, что полностью согласен с мистером Шокеном. Согласен с ним на все сто процентов, целиком и полностью! — рявкнул он.

Фаулер Шокен одобрительно кивнул головой.

— Спасибо, Мэттью.— Он действительно был растроган. Прошло какое-то время, прежде чем он смог продолжить речь.— Всем известно,— вновь начал он,— как нам удалось добиться этого. Мы помним первый баланс компании «Старзелиус», помним, как наносили на карту «Индиастрию». Первый глобальный трест! Объединение всех недр континента в единый промышленный комплекс! И в том, и в другом случае мы были пионерами. Никто не посмеет сказать, что мы плелись в хвосте у времени. Но все это уже в прошлом.

А теперь мне хотелось бы спросить вас, джентльмены,— неужели мы сдаем позиции?— Фаулер выжидающе посмотрел каждому из нас в лицо, словно не видел леса поднятых рук. (Да простит меня бог, но моя рука тоже была поднята кверху.) Затем

он кивнул человеку, сидевшему справа от него.— Начинай, Бен,— сказал он.

Бен Уинстон поднялся и заговорил:

— Что касается нашего Отдела промышленной антропологии, то мы сдаваться не собираемся. Слушайте нашу сводку — ее передадут в дневном выпуске бюллетеня. А пока, разрешите, я вкратце познакомлю вас с нею. Согласно сведениям, полученным сегодня ночью, все начальные школы к востоку от Миссисипи приняли рекомендованную нами упаковку для школьных завтраков. Соевые котлеты и бифштексы из мяса ископаемых животных...— При одном упоминании о соевых котлетах и бифштексах из восстановленного мяса все присутствующие невольно содрогнулись. Уинстон продолжал: — ...поступят в продажу в такой же зеленой обертке, в какой идут все товары фирмы «Юниверсал продактс». Однако конфеты, мороженое, детские сигаретки — все это идет на рынок в ярко-красной упаковке фирмы «Старзелиус». Когда дети подрастут...— тут Бен Уинстон, оторвавшись от своих записей, торжествующе посмотрел на нас.— ...Короче, по нашим точнейшим подсчетам, через каких-нибудь пятнадцать лет фирма «Юниверсал продактс» будет полностью подорвана, обанкротится и исчезнет с рынков!

Под гром аплодисментов он сел на свое место. Шокен тоже аплодировал и сияя поглядывал на нас. Я выдвинулся вперед и придал лицу выражение Номер Один: готовность, деловитость, смекалка. Но я зря старался. Фаулер кивнул Гарвею Бренеру, сухопарому человеку, сидевшему рядом с Уинстоном.

— Я мог бы и не напоминать вам о том, что у Отдела торговли своя специфика работы,— начал Бренер, надувая впалые щеки.— Ручаюсь, что наше проклятое правительство кишит «консами». Знаете, до чего оно додумалось? Оно запретило нам принудительную обработку потребителя ультразвуковой рекламой. Но мы не отступили и дали рекламу с подбором таких слов, которые ассоциируются у потребителя с основными психотравмами и неврозами американского образа жизни. Правительство послушалось этих болванов из Департамента безопасности движения и запретило проецирование рекламы на окна пассажирских самолетов. Но и здесь мы его перехитрили. Наша лаборатория сообщает,— он кивком головы указал на сидевшего напротив заведующего Отделом научных изысканий,— что скоро будет испробован способ проецирования рекламы непосредственно на сетчатку глаза. И это еще не все! Мы постоянно ищем новые пути. В качестве примера можно сослаться на рекламу нашего напитка Кофиест...— Но тут он вдруг резко оборвал свою речь.— Прошу прощения, мистер Шокен,— сказал он почти шепотом.— Наш Отдел безопасности хорошо проверил эту комнату?

Фаулер Шокен кивнул.

— Абсолютно безопасна. Ничего, кроме обычных приборов для подслушивания, установленных государственным департаментом и палатой представителей. Мы их, разумеется, подключили к магнитофонам с заранее сделанной записью.

Гарвей успокоился.

— Так вот, о Кофиесте,— продолжал он.— Мы пробуем его сейчас в пятнадцати крупнейших городах страны. Условия обычные — трехмесячный запас Кофиеста, тысяча долларов наличными и недельная поездка на Лигурийскую Ривьеру для всех, кто согласен попробовать Кофиест. Но,— и это, с моей точки зрения, делает нашу рекламу поистине грандиозным мероприятием,— каждая порция Кофиеста содержит три миллиграмма простейшего алкалоида. Никакого вреда для здоровья, но привыкаешь, как к любому наркотику. Через десять недель клиент пойман, он наш до конца жизни. Чтобы излечиться, ему придется потратить по меньшей мере пять тысяч долларов; куда дешевле пить Кофиест — по три чашки за завтраком, обедом и ужином да кувшинчик у постели на ночь — все как указано на этикетках.

Фаулер Шокен буквально сиял, а я снова поторопился придать своему лицу выражение Номер Один. Рядом с Гарвеем сидела Тильди Матис, заведующая Отделом литературных кадров, подобранная на эту должность самим Фаулером Шокеном. Однако на заседаниях правления Шокен не любил давать слово женщинам. А рядом с Тильди сидел я. Мысленно я уже начал готовить свое выступление, как вдруг Шокен с улыбкой посмотрел на меня.

— Я отнюдь не собираюсь заслушивать все отделы. У нас нет времени. Но вы, джентльмены, уже ответили на мой вопрос. И ваш ответ мне по душе. До сих пор вы принимали любой вызов, думаю, не подведете и сейчас.

Он нажал кнопку на щитке перед собой и повернулся на вращающемся кресле. Свет в комнате погас; спроецированная на стену картина Пикассо исчезла, белела только матовая поверхность экрана. Но вот на ней появилось новое изображение.

Я уже видел его сегодня утром на экранчике над моим зеркалом для бритья.

Это была ракета для полетов на Венеру — трехсотметровое чудовище, уродливый отпрыск стройной «Фау-2» и приземистых лунных ракет далекого прошлого. Ракета была в стальных и алюминиевых лесах, по которым ползали крохотные фигурки людей, вспыхивали голубоватые огоньки сварочных аппаратов. Эти кадры были сняты в первые недели или месяцы постройки ракеты; я же видел ее сегодня совсем готовой к отлету.

С экрана донеслось: «Этот корабль проложит путь к звездам». Я узнал торжественный, как орган, голос комментатора из Отдела звукоэффектов. Автором полуграмотного текста была, несомненно, одна из девиц, подобранных Тильди Матис; только «таланты» из отдела Тильди Матис, не моргнув глазом, могли назвать Венеру звездой.

— «Вот корабль, который современный Колумб поведет в космос,— раздавалось с экрана.— Шесть с половиной миллионов тонн стали и укрощенных молний, ковчег, вмещающий тысячу восемьсот мужчин и женщин и все необходимое для того, чтобы но-

вый мир стал им родным домом. Кто же поведет этот корабль? Кто те счастливчики, которым выпала честь первыми отвоевать у космоса одну из богатейших и плодороднейших его территорий? Позвольте представить их вам. Вот супружеская чета, бесстрашные...»

И все в таком роде. Изображение ракеты сменилось видом просторной комнаты в пригороде. Раннее утро. Муж убирает в стену кровать, сдвигает перегородку, отгораживавшую на ночь детский уголок. Жена вращает диск автомата, отпускающего завтрак, устанавливает раскладной столик. За утренним стаканом сока для взрослых и завтраком для малышей (который, разумеется, все до одного запивают чашкой дымящегося Кофиеста) семья беседует о том, как мудро и дальновидно поступили они, решив лететь на Венеру. После вопроса, заданного самым младшим членом семьи («Мамочка, а когда я вырасту, можно мне отвезти моих маленьких сыночков и дочек в такое же хорошее местечко, как Венера?»), следовали впечатляющие кадры, показывающие Венеру такой, какой она станет к тому времени, когда малыш подрастет,— зеленые долины, кристально-чистые озера, сверкающие горные вершины.

Комментатор не то чтобы отрицал, он попросту умалчивал о тех десятилетиях, которые пионерам предстоит прожить в герметически закрытых помещениях, используя гидропонику и достижения безводной химии, работая над тем, как изменить совершенно непригодную для земных жителей атмосферу Венеры.

Когда началась демонстрация фильма, я машинально нажал кнопку своего секундомера. Теперь стрелка показывала девять минут. Втрое больше, чем полагается на коммерческую рекламу. На одну минуту больше того, что мы привыкли давать потребителю.

Лишь потом, когда зажегся свет и все потянулись за сигаретами, а Фаулер Шокен снова заговорил, я понял, почему это стало возможным.

Фаулер начал свою новую речь взволнованно и, как всегда, издалека. Уменье говорить туманно и витиевато принято считать у нас признаком профессионального мастерства. Фаулер напомнил нам историю развития рекламы — от первых попыток зазвать покупателя, чтобы сбыть изготовленные домашним способом товары, до той поистине великой роли, которую играет реклама сегодня, создавая новые отрасли промышленности, перестраивая весь образ жизни человека в угоду интересам рекламных компаний. Он снова напомнил нам все, что сделала фирма «Фаулер Шокен» за славную историю своего стремительного развития. Выступление он закончил так:

— Есть старинная пословица, друзья: «Так мир мне устрицею станет» *. Мы как нельзя лучше подтвердили это, проглотив устрицу.— Он старательно погасил окурок.— Да, мы проглотили

ее,— повторил он.— Мы в полном смысле слова завоевали этот мир. А теперь, как Александр Македонский, мы жаждем новых миров и новых побед. И там,— он махнул рукой в сторону экрана за своей спиной,— вы только что видели первый из них.

Как вы, должно быть, уже догадались, я не выношу Мэтта Ренстеда. Он всюду сует свой нос и, как я подозреваю, подслушивает телефонные разговоры даже у нас в конторе. Он, несомненно, заранее вынюхал все, что касалось Венеры. Пока мы все еще переваривали сообщение Фаулера, Ренстед уже вскочил на ноги.

— Джентльмены! — с подъемом воскликнул он.— Это поистине гениально! Это вам не Индия, не продажа товаров широкого потребления! Перед нами возможность продать целую планету! Приветствую тебя, Шокен — Клайв, Боливар, Джон Джекоб Астор ** нового мира!

Как я уже говорил, Мэтт высказался первым. Затем один за другим выступили все и повторили то же самое. Включая и меня. Мне это было совсем не трудно, так как за долгие годы не раз приходилось проделывать подобное. Кэти никак не могла примириться с этим, а я, отшучиваясь, говорил, что в сущности это своего рода ритуал — разбивали же бутылку с шампанским о нос нового корабля перед его спуском на воду или приносили девственницу в жертву богу урожая. Но даже в шутках я старался знать меру. Не думаю, чтобы кто-либо из нас, кроме разве Мэтта Ренстеда, хотел сбывать населению наркотики только ради одной наживы. Однако, слушая Шокена, завороженные собственными речами, мы, казалось, были готовы на все во имя нашего великого бога — Торговли.

Я отнюдь не хочу сказать, что мы преступники. Ведь, как заверил нас Гарвей Бренер, наркотики в Кофиесте совершенно безвредны для здоровья человека.

Когда наконец высказались все, Фаулер нажал еще одну кнопку на щитке и начал знакомить нас с материалами. Он объяснял все обстоятельно. Одна за другой возникали на экране таблицы, схемы, диаграммы нашего нового отдела, который должен заняться исследованием и эксплуатацией Венеры. Он посвятил нас во все закулисные махинации и сделки с членами конгресса, обеспечившие нам исключительное право обирать планету, и мне стало понятно, почему он так смело нарушил закон и втрое превысил время, положенное на коммерческую рекламу. Шокен сообщил нам, что американское правительство (странно, как мы все еще наделяем самостоятельностью этот орган сделок и взаимных услуг) очень заинтересовано в том, чтобы Венера принадлежала

---

* Слова Пистоля из комедии Шекспира «Виндзорские кумушки»:
«Так мир мне устрицею станет:
Его мечом я вскрою» (акт 2, сцена 2).
Здесь и далее примечания переводчика.

** Роберт Клайв — один из наиболее жестоких и предприимчивых английских колонизаторов периода завоевания Индии; Симон Боливар — руководитель борьбы за освобождение латино-американского континента от испанских колонизаторов; Джон Джекоб Астор — основатель династии американских миллионеров.

Америке. Поэтому-то оно и решило прибегнуть к истинно американскому способу рекламы. Слушая Фаулера Шокена, мы заразились его энтузиазмом, и я уже начал завидовать тому, кто возглавит наш новый отдел. Любой из нас был бы счастлив получить эту работу.

Шокен рассказал, сколько хлопот ему доставил сенатор, ставленник химического треста «Дюпон», прошедший большинством в сорок пять голосов, и как просто удалось разделаться с сенатором от компании «Нэш-Кальвинейтор», собравшим всего шесть голосов. Он с гордостью поведал нам, как ловко было подстроено фальшивое выступление «консов» против фирмы «Фаулер Шокен», обеспечившее нам поддержку министра внутренних дел, бешено ненавидевшего консервационистов. Отдел наглядной рекламы прекрасно суммировал материалы, однако понадобилось не меньше часа, чтобы просмотреть все карты и таблицы и выслушать рассказ Фаулера о его планах и победах.

Наконец он выключил проектор.

— Ну, вот и все,— сказал он,— такова программа нашей новой рекламной кампании. Приступаем мы к ней немедленно, сейчас же. Остается сделать последнее сообщение.

Фаулер Шокен — превосходный актер. Он порылся в своих заметках и конспектах и наконец, отыскав нужный ему клочок бумаги, прочел то, что мог бы произнести без всякой шпаргалки самый мелкий клерк в нашей конторе.

— «Заведующим Отделом Венеры,— торжественно читал по бумажке Шокен,— назначается Митчел Кортней!»

И это было, пожалуй, самым большим сюрпризом, ибо Митчел Кортней — это я.

Глава 2

Все члены правления разошлись по своим отделам, но я задержался у шефа еще на минутку-другую. Несколько секунд прошло, пока я спускался на лифте к себе на восемьдесят шестой этаж. Поэтому, когда я вошел в кабинет, Эстер уже разобралась с бумагами и освободила мой стол.

— Поздравляю, мистер Кортней,— сказала она.— Вы переселяетесь на восемьдесят девятый. Замечательно, не правда ли? Теперь у меня тоже будет отдельный кабинет.

Я поблагодарил Эстер и тут же пододвинул к себе телефонный аппарат. Прежде всего предстояло созвать сотрудников отдела и объявить им, в чьи руки отныне передаются бразды правления. Но начал я с того, что снова позвонил Кэти. Когда мне опять никто не ответил, я пригласил к себе сотрудников отдела.

Все, как положено, вполне пристойно сожалели о моем уходе и откровенно радовались — ибо каждый соответственно продвигался вверх по служебной лестнице. Наступило время ленча, и я отложил дела, связанные с Венерой, на вторую половину дня.

Позвонив еще раз по телефону, я быстро позавтракал в кафетерии компании и спустился на лифте к платформам метрополитена. Поезд, промчав кварталов шестнадцать, доставил меня в южную часть города. Выйдя из метрополитена, я впервые за весь день очутился на открытом воздухе. Достав пылеуловители, я хотел было заправить их в нос, но потом раздумал. Шел небольшой дождь, и воздух был сравнительно чистым. Стояла летняя погода, душная и сырая. Пешеходы, запрудившие тротуары, спешили поскорее укрыться в зданиях. Протиснувшись сквозь толпу, я пересек улицу и вошел в вестибюль одного из домов.

Лифт поднял меня на четырнадцатый этаж. Дом был старый, с плохим кондиционированием воздуха, и в своем промокшем костюме я сразу же почувствовал озноб. Я подумал, что, пожалуй, лучше сослаться на озноб, чем на придуманное наспех недомогание, но потом отказался от этой мысли и вошел в приемную. Девушка в белом, туго накрахмаленном халате вопросительно подняла глаза. Я назвал свое имя.

— Силвер. Уолтер Пи Силвер. Я записан на прием.

— Да, мистер Силвер,— тут же вспомнила она.— Вы сказали, что у вас сердце, случай неотложный.

— Совершенно верно. Возможно, это нервы, но я внезапно почувствовал...

— Конечно, конечно.— Она указала мне на стул.— Доктор Нэвин сейчас вас примет.

Но ждать пришлось минут десять. Когда из кабинета вышла молодая девушка, туда прошел мужчина, записавшийся на прием раньше меня. Наконец сестра сказала, обращаясь ко мне:

— Проходите, пожалуйста.

Я вошел. Кэти, очень строгая и очень красивая, в белом докторском халате, прятала в стол карточку больного. Подняв голову и увидев меня, она недовольно воскликнула:

— Митч!

— Я солгал только тогда, когда назвал вымышленное имя,— сказал я.— А в остальном все верно. Случай, действительно, неотложный, и речь идет о моем сердце.

Что-то похожее на улыбку мелькнуло на лице Кэти, но тут же исчезло.

— Этот случай медицину не интересует.

— Я сказал твоей девушке, что, возможно, это нервы, но она все же предложила мне подождать.

— Я с ней об этом потолкую. Ты прекрасно знаешь, Митч, что я не могу беседовать с тобой, когда идет прием больных. Пожалуйста, уходи...

Я сел у ее стола.

— Ты теперь совсем не хочешь видеть меня, Кэти? Что случилось?

— Ничего. Уходи, Митч. Я — врач, меня ждут больные.

— Да пойми же, для меня это важнее всего на свете! Я пытался дозвониться тебе и вчера и сегодня утром.

Не поднимая глаз, она закурила сигарету.

— Меня не было дома.

— Да, знаю.— Наклонившись вперед, я взял у нее из рук сигарету и затянулся. Пожав плечами, она вынула из пачки новую.— Должно быть, я даже не имею права спрашивать, где моя жена бывает по вечерам?

Кэти вспыхнула.

— Черт возьми, Митч, ты же отлично знаешь...

В это время на ее столе зазвонил телефон. Кэти на мгновение устало прикрыла глаза, а затем взяла трубку. Откинувшись на спинку кресла и устремив взгляд куда-то в угол, сразу смягчившись, она превратилась в врача, терпеливо выслушивающего жалобы больного. Когда разговор, длившийся несколько минут, наконец был окончен, Кэти уже полностью овладела собой.

— Пожалуйста, уходи, Митч,— попросила она, гася окурок.

— Не уйду, пока не скажешь, когда мы встретимся.

— Я... у меня нет времени, Митч. Кроме того, я тебе не жена. Ты не имеешь права преследовать меня. Я попрошу защиты, наконец, даже могу потребовать, чтобы тебя арестовали.

— Не забывай, что я уже подал заявление о браке,— напомнил я.

— Зато я не подавала и никогда не подам. Как только кончится год, я порываю с тобой, Митч! Порываю навсегда!

— Мне надо сообщить тебе кое-что очень важное.

Любопытство всегда было слабостью Кэти. Наступила долгая пауза, а затем вместо того, чтобы снова сказать мне «уходи», она спросила:

— Ну, что еще случилось?

— Нечто поистине потрясающее, и это необходимо отпраздновать. По этому случаю мне и хотелось бы увидеться с тобой сегодня вечером. Совсем ненадолго. Пожалуйста, Кэти! Я люблю тебя и обещаю не устраивать сцен.

— Нет...— Но она уже заколебалась.

— Прошу тебя!

— Хорошо.— Пока она раздумывала, снова зазвонил телефон.— Хорошо,— сказала она.— Позвони мне домой. В семь. А теперь я должна заняться больными.

Она сняла трубку. Я направился к двери. Кэти разговаривала по телефону и даже не взглянула в мою сторону.

Когда я вошел в кабинет Шокена, он сидел, низко склонившись над столом, и листал последний номер «Таунтонз уикли». Обложка журнала ослепительно сверкала, словно типографская краска вобрала в себя все цвета радуги, и каждая ее молекула била прямо в глаза, как крошечный яркий прожектор. Шокен потряс передо мною блестящими страницами.

— Что ты скажешь об этом, Митч?

— Дешевка,— не задумываясь, ответил я.— Если бы мы унизились до того, что стали издавать подобный журнальчик, я тут же подал бы в отставку. Слишком дешевый прием.

— Гм.— Фаулер положил журнал яркой обложкой вниз; краски вспыхнули в последний раз и погасли.

— Да, это дешевка,— сказал он задумчиво.— Однако нашим конкурентам нельзя отказать в изобретательности. Еженедельно рекламу фирмы «Таунтон» читают шестнадцать с половиной миллионов. И все они становятся потребителями товаров фирмы «Таунтон» — ее и никого больше. Надеюсь, ты пошутил, когда сказал об отставке? Я только что дал указание Гарвею Бренеру начать издание журнала «Шок». Первый номер выйдет тиражом в двадцать миллионов. Ладно, ладно,— милостиво остановил он меня, когда я стал неуклюже оправдываться.— Понимаю, что ты хотел сказать, Митч. Ты против дешевой рекламы. Я тоже против. Для меня Таунтон — олицетворение всего, что мешает рекламе занять принадлежащее ей по праву место в жизни нашего общества наравне, скажем, с религией, здравоохранением и судом. Таунтон способен на все, вплоть до подкупа судьи и похищения сотрудников конкурирующих фирм. Тебе, Митч, надо его особенно остерегаться.

— Мне? Почему именно мне?

Шокен издал самодовольный смешок.

— Да потому, что мы украли у него Венеру из-под самого носа, вот почему. Я уже говорил тебе — он предприимчив, эта идея пришла в голову одновременно ему и мне. Поверь, нелегко было убедить правительство отдать предпочтение нам.

— Понимаю,— сказал я. И действительно понял все. За долгую историю существования наших правительств нынешнее было, пожалуй, самым представительным. Не по количеству представителей *per capita* *, а скорее *ad valorem* ** этих представителей. Если вы любите пофилософствовать на разные темы, то лучше этой не найти. Следует ли расценивать голоса избирателей одинаково, как это пытаются провозглашать наши законы, ссылаясь на заветы отцов — основателей нашей нации, или правильнее будет прежде всего принимать в расчет силу, мудрость и влияние, точнее, деньги избирателя? Однако эти размышления не для меня. Я — прагматик, да к тому же прагматик, состоящий на жаловании у фирмы «Фаулер Шокен».

Меня беспокоило одно.

— Не вздумает ли Таунтон предпринять... э-э... решительные шаги?

— О, он, конечно, снова попробует украсть у нас Венеру,— спокойно ответил Фаулер.

— Я не об этом. Помните, что произошло, когда мы начали эксплуатацию Антарктики?

— Еще бы, я сам там был в это время. Сто сорок убитых у нас и бог знает, сколько у них.

— А ведь это был всего лишь один континент. Таунтон расценивает такие вещи как личный вызов. Если он полез в драку из-за какого-то паршивого замороженного континента, представляете, на что он пойдет из-за целой планеты?

— Нет, Митч,— терпеливо разубеждал меня Шокен.— Он не решится. Во-первых, драки теперь влетают в копеечку, во-вторых, мы не дадим ему формального повода и, в-третьих, мы вовремя прищемим ему хвост.

— Да, конечно,— сказал я и успокоился.

Поверьте, я искренне предан фирме. С первых же дней работы, еще в пору ученичества, я старался жить только интересами фирмы и интересами торговли. Но войны в промышленном мире, да и в мире рекламы, ведутся очень уж грязными способами. Всего несколько десятков лет назад одно небольшое, но предприимчивое рекламное агентство в Лондоне затеяло тяжбу с английским филиалом фирмы «Бэттн, Бартон, Дерстайн и Осборн». В результате уцелела лишь пара Бартонов да один малолетний Осборн.

Говорят, что и сейчас еще на ступеньках Министерства почт и телеграфа видны следы крови — свидетельство жестокой схват-

* На душу населения (*лат.*).

** По стоимости (*лат.*).

ки «Уэстерн юнион» с Американской железнодорожной компанией за контракты на перевозку почты.

Шокен продолжал.

— Прежде всего не спускай глаз со всякого рода фанатиков. Им ведь придется что-то сказать о проекте. Каждая из этих организаций, начиная с «консов» и кончая республиканской партией, немедленно выскажется «за» или «против». Надо сделать так, чтобы они были «за». От этого многое зависит.

— Чтобы даже «консы» были «за»?! — воскликнул я.

— Ну на этих я не рассчитываю. Они скорее будут помехой.— Фаулер задумчиво покачал головой.— М-м. Пожалуй, надо пустить слух, что космические полеты противоречат убеждениям консервационистов. Полеты требуют больших расходов сырья, а это непременно приведет к снижению жизненного уровня, понимаешь? К примеру, для получения горючего нужно органическое сырье, а «консы» считают, что его лучше пустить на удобрения.

Любо-дорого смотреть, когда за дело берется мастер. Фаулер тут же набросал программу действий. Мне оставалось уточнить детали. Консервационисты — всегда подходящая мишень. Эти свихнувшиеся фанатики пытаются утверждать, что современная цивилизация «опустошает» планету. Чудовищная ерунда! Когда не хватает природных ресурсов, на помощь всегда приходит наука. В конце концов, когда натуральное мясо стало редкостью, у нас появились соевые котлеты. Когда иссякли запасы нефти, техническая мысль дала нам педальный автомобиль.

Я в свое время тоже испытал на себе влияние идей «консов» и знаю, что все их аргументы сводятся к одному: жить, сообразуясь с законами природы. Вздор! Если бы природа хотела, чтоб мы жили в соответствии с естественными законами, зачем бы ей предоставлять нам возможности для изготовления заменителей?

Еще минут двадцать я слушал вдохновенные речи Фаулера Шокена и снова, в который уже раз, отметил про себя умение шефа кратко и четко излагать программу действий.

Детали, как всегда, он оставлял мне. А я-то уж свое дело знал. Необходимо, чтобы американцы колонизировали Венеру. Для этого нужно решить три задачи: завербовать колонистов, доставить их на Венеру и занять их там чем-нибудь.

Первую задачу легко решить с помощью рекламы. Телевизионная реклама фирмы «Шокен» поставлена настолько хорошо, что можно полностью на нее положиться. Людей, в сущности, не так уж трудно убедить, что хорошо именно там, где нас нет. Я уже набросал примерный план рекламной кампании с бюджетом в мегамиллион долларов. Запрашивать больше, пожалуй, было бы неосторожно.

Решение второй задачи лишь отчасти зависело от нас. Созданием межпланетных кораблей по заказам военного министерства занимались Республиканская авиационная компания, телефонная компания Бэлл и Американский стальной трест. Наша задача заключалась не в том, чтобы перевезти колонистов на Венеру, а

в том, чтобы заманить их туда. Когда ваша жена вдруг обнаруживает, что испортившуюся плитку для поджаривания хлеба невозможно заменить новой, потому что детали к ней изготовляются из нихрома, идущего на постройку реактивных двигателей, а вечно недовольный конгрессмен, ставленник какой-нибудь захудалой фирмы, вдруг решает, потрясая сводками, уличить правительство в безрассудном расходовании средств на бредовые проекты — вот тут-то и начинается наша работа. Нам предстоит убедить вашу жену, что ракета нужна ей больше, чем плитка для поджаривания хлеба, а фирме мы даем понять, что глупость конгрессмена может ей дорого обойтись.

Я подумал было о применении «жесткой» политики, но тут же отказался от этой мысли. Это может повредить другим капиталовложениям фирмы «Шокен». Пожалуй, правильнее сыграть на религиозных чувствах — например, убедить те 800 миллионов, которые не полетят на Венеру, что им необходимо чем-то жертвовать.

На всякий случай я взял все на заметку — в этом мне поможет Бренер. Оставалось решить третий вопрос: чем занять колонистов на Венере.

Я знал, что именно над этим ломает сейчас голову Фаулер Шокен. Правительственная субсидия на организацию рекламы была бы неплохим дополнением к нашему годовому бюджету. Но Шокен был слишком крупным дельцом, чтобы довольствоваться единовременной подачкой. Он хотел заручиться финансовой поддержкой на несколько лет, пока на Венере не будут построены основные промышленные центры. Кроме того, колонисты и все их потомство должны принадлежать только ему. Ясно, что Фаулер задумал повторить наш блестящий опыт с Индиастрией, только в еще более грандиозных масштабах. Наша фирма объединила Индию в гигантский картель, где каждая сплетенная крестьянином корзина, каждый слиток иридия и каждый грамм опиума находили сбыт только через рекламное агентство Шокена. То же предстояло сделать на Венере. Потенциальные выгоды от этого предприятия были бы равны общей сумме всех золотых запасов на Земле. Планета величиной с Землю, не менее богатая, чем Земля,— и каждый микрон, каждый миллиграмм ее наш!

Я посмотрел на часы. Около четырех. Свидание с Кэти назначено на семь. Времени в обрез. Я вызвал Эстер по телефону и велел заказать билет на реактивный самолет, отбывающий в Вашингтон. А сам тем временем позвонил человеку, которого указал мне Фаулер,— Джеку О'Ши, пока единственному из смертных, побывавшему на Венере. Когда он давал согласие на встречу, его молодой голос звучал довольно самоуверенно.

На посадочной площадке нас продержали лишних пять минут, затем у трапа послышался какой-то шум. Самолет окружили солдаты охраны из сыскного агентства Бринка, и лейтенант начал проверку документов. Когда очередь дошла до меня, я поинтере-

совался, что случилось. Внимательно посмотрев на коротенький номер моего свидетельства благонадежности, лейтенант отдал честь:

— Простите за беспокойство, мистер Кортней,— извинился он.— «Консы» сбросили бомбу вблизи Топеки. У нас есть сведения, что преступник находится на борту самолета, прибывающего в 16.30. Похоже, он стреляный воробей.

— На что же они покушались?

— На Отдел сырьевых ресурсов компании «Дюпон». У нас с ней контракт на охрану их заводов. Компания собралась заложить новую шахту на месте плодородного поля. Все было обставлено очень торжественно, но как только гидравлические машины начали бурение, из толпы бросили бомбу. Машинист, его помощник, а также вице-президент компании были убиты наповал. Преступник скрылся в толпе, но его заметили. Он от нас не уйдет.

— Желаю успеха, лейтенант,— сказал я и поспешил в здание аэровокзала. О'Ши уже ждал меня в баре за столиком у окна. Он был явно недоволен, но, выслушав мои объяснения, улыбнулся.

— Что ж, со всяким может случиться,— заметил он, болтая коротенькими ножками, и звонким голосом подозвал официанта. Когда тот принял заказ, Джек откинулся на спинку стула и сказал:

— Итак, я к вашим услугам.

Я посмотрел на него, а затем перевел взгляд в окно. Далеко в южной части аэродрома на гигантском обелиске в память Ф.Д.Р.* мерцал огонек светового сигнала, а еще дальше едва виднелся крохотный купол старого Капитолия. Я никогда за словом в карман не лез, а тут не знал, как начать разговор. О'Ши явно наслаждался моим замешательством.

— Итак,— снова повторил он не без ехидства, и я понял, что в эту минуту он думает: — «Ну вот, теперь вы все приходите ко мне на поклон. Каково? Вроде бы вам это не по вкусу?»

Наконец я решился:

— Что на Венере?

— Песок и туман,— ответил он не задумываясь.— Разве вы не читали мой отчет?

— Разумеется, читал. Но мне этого мало.

— В отчете все сказано. Господи, когда я вернулся, меня допрашивали целых три дня. Если я что-нибудь тогда и упустил, то теперь уже наверняка не вспомню.

— Меня не это интересует, Джек. Кому придет в голову убивать время на чтение официальных отчетов. Я специально держу пятнадцать человек только для того, чтобы они читали их за меня. Мне нужно другое. Я должен сам почувствовать, что такое Венера. И помочь мне в этом может только один человек — тот, кто сам там побывал.

— Иногда я жалею об этом,— устало сказал Джек О'Ши.— С чего начать? Вам известно, почему выбор пал на меня? Я един-

* Франклин Делано Рузвельт.

ственный на Земле пилот-карлик. О корабле, на котором я летал, вы и без меня все знаете. Видели, должно быть, образцы пород, которые я доставил на Землю. Целиком полагаться на них не стоит. Я совершил всего одну посадку, а в пяти милях от этого места геологическое строение Венеры может оказаться совсем иным.

— Все это мне известно. Послушайте, Джек, предположим, необходимо заманить на Венеру людей, много людей. Что бы вы им рассказали о планете?

Он рассмеялся.

— Наговорил бы кучу небылиц. Выкладывайте-ка все начистоту. Зачем я вам нужен?

И пока я посвящал его в планы Шокена, его крохотные круглые глазки на крохотном круглом личике, не отрываясь, глядели на меня. В лицах карликов есть что-то непроницаемое, как у фарфоровых кукол: будто природа, обидев их ростом, тут же поторопилась доказать, что рост — это еще не все, и придала их чертам то совершенство и утонченность, которых нет у обыкновенных людей. Джек медленно потягивал свой напиток, а я в паузах большими глотками пил свой.

Закончив рассказ, я все еще не знал, станет ли Джек моим союзником, а для меня это было очень важно. Он не марионетка из правительственного аппарата, пляшущая под дудку Фаулера Шокена, и не чиновник, которого легко можно купить. Фаулер дал ему возможность немного понежиться в лучах славы — мы рекламировали банкеты в честь О'Ши, его книги и публичные лекции. Он должен был чувствовать по отношению к нам известную благодарность, но не больше.

— Что ж, если я могу быть вам полезен...— сказал он. После этого беседа пошла непринужденней.

— Можете,— заверил его я.— За этим я к вам и приехал. Скажите, что можно сделать на Венере?

— Чертовски мало,— ответил он, и тонкая морщинка прорезала его гладкий блестящий лоб.— С чего бы начать? Вас интересует, должно быть, атмосфера Венеры? Формальдегид в чистом виде — препятствует гниению. Температура? Все время выше точки кипения воды, если бы вода вообще была на Венере. По крайней мере до сих пор ее там не обнаружили. Ну, что еще? Ветры, например? Меня несло со скоростью пятьсот миль в час.

— Нет, не то,— сказал я.— Это все мне известно. Право, Джек, на такие вопросы я и сам бы мог ответить. Я хочу почувствовать, что значит побывать на Венере, хочу знать, что чувствовали вы, когда попали туда. Говорите все. Я остановлю вас, как только услышу то, что мне нужно.

Джек прикусил верхнюю губу.

— Ладно,— заметил он.— В таком случае начну с самого начала. Закажем еще по стаканчику, а?

Официант подал напитки. Джек, барабаня пальцами по столу и потягивая рейнвейн с сельтерской, стал рассказывать.

Начал он издалека, и это было как раз то, что нужно. Я хотел

знать все, самую суть, хотел уловить то трудно передаваемое субъективное впечатление очевидца, которое неизбежно должно крыться за сухими, профессиональными данными его отчета о полете на Венеру. Ведь именно это впечатление должно было придать потом убедительность нашей рекламной компании и обеспечить ее успех.

Он рассказал о своем отце, инженере-химике, рослом мужчине, и о матери, хлопотливой толстушке. Он заставил меня пережить сначала их отчаяние, а затем горячую любовь к их крохотному сыну. Джеку исполнилось одиннадцать лет, когда впервые встал вопрос о его будущем и выборе профессии. Он вспомнил, как были они удручены, когда спокойным и нарочито небрежным тоном он внес свое первое предложение — поступить в цирк. И если в семье никогда больше не возвращались к этому разговору, то это была целиком заслуга его родителей. Однако самым большим подвигом их родительской любви была безоговорочная поддержка, которую они оказали сыну, когда он решил изучать механику и реактивные двигатели, чтобы стать летчиком-испытателем. Они помогли ему мужественно перенести насмешки и пережить обиду первых отказов, поступивших из школ. Все это потом окупилось его полетом на Венеру.

Создатели ракеты столкнулись с самого начала с большими трудностями. Послать ракету на Луну, до которой всего каких-нибудь четверть миллиона миль, было не трудно; теоретически просто направить ракету и на Венеру, ближайшую от Земли планету. Трудность состояла в том, какую выбрать орбиту, как сократить время полета, как управлять ракетой и как вернуть ее на Землю. Перед конструкторами встала дилемма. Можно создать ракету, которая достигнет Венеры буквально за несколько дней, но при этом потребуется столько горючего, что его не разместить и на десяти межпланетных кораблях. Можно, конечно, направить ракету по орбите Венеры,— она поплывет спокойно, словно баржа по тихой реке; это сэкономит горючее, но растянет полет на месяцы. За восемьдесят дней человек съедает такое количество пищи, которое вдвое превышает его собственный вес, поглощает кислорода в девять раз больше собственного веса, а воды — столько, что на ней вполне может продержаться шлюпка. Пытался ли кто-нибудь извлекать воду, продукты питания и кислород из отходов человеческого организма? Конечно. Но, к сожалению, такая аппаратура весила бы значительно больше всех запасов продовольствия, воды и кислорода. Казалось, послать в ракете пилота-человека невозможно.

Группа конструкторов начала работать над созданием автоматического управления. Автопилот был создан и успешно прошел испытания. Однако весил он порядочно, несмотря на то, что использовали печатный монтаж и микромодули.

На этом все попытки закончились, пока кому-то в голову не пришла мысль использовать самый совершенный из механизмов — пилота-карлика. Джек О'Ши весил втрое меньше нормаль-

ного человека, и соответственно ему понадобится втрое меньше еды и кислорода. Когда его снабдили легчайшими приборами для очистки воздуха и воды, Джек точно подошел по всем статьям и покрыл себя неувядаемой славой.

А сейчас он сидел печальный и задумчивый, немного захмелевший от быстрого воздействия алкоголя на его крохотный организм.

— Они сунули меня в ракету, словно руку в перчатку. Надеюсь, вы представляете, как устроен корабль? Понимаете, они втиснули меня в сиденье пилота. Собственно, это даже не сиденье. Это скорее напоминает водолазный костюм. Воздух поступает только в него, вода льется вам прямо в рот. Так достигается экономия в весе...

И все восемьдесят дней он провел в этом костюме. Костюм кормил и поил его, очищал воздух от испарений, уничтожал отходы организма. Если бы понадобилось, он мог бы ввести новокаин в сломанную руку, наложить жгут на разорванную артерию, накачать кислород в поврежденное легкое. Джек чувствовал себя в нем, словно младенец в утробе матери, и это ощущение было не из приятных. Полет на Венеру длился тридцать три дня, обратно — сорок один. И все это ради того, чтобы побыть шесть дней на планете.

Джек вел корабль вслепую: облака газа, окутывавшие поверхность незнакомой планеты, заволакивали иллюминаторы, мешали работе радиолокатора. Лишь на расстоянии трехсот с лишним метров от поверхности Венеры Джек смог разглядеть еще что-то, кроме желтых вихрей. Он посадил корабль и выключил моторы.

— Разумеется, выйти из ракеты я не мог,— сказал он.— По многим причинам не мне первому суждено было ступить на почву Венеры. Должно быть, эта честь выпадет кому-нибудь тогда, когда будет решен вопрос о дыхании. Но, во всяком случае, я был на Венере и видел ее.— Он пожал плечами и со смущенным видом негромко выругался.— Сколько раз повторял эти слова на своих лекциях, а вот до сих пор не могу к ним привыкнуть. Я уже говорил, что на Земле наиболее точное представление о Венере дает пустыня Пейнтед Дезерт. Может, это и действительно так. Я там не бывал. На Венере дуют ветры огромной силы и отрывают от скал целые глыбы. Мягкие породы выдуваются, возникают настоящие пыльные бури. Твердые остаются и, выветриваясь, принимают самые причудливые формы и окраску. Некоторые напоминают грандиозные, величественные монументы. Горы и впадины — самых фантастических очертаний; иногда кажется, что ты в пещере, только освещенной. А свет там какой-то странный. Такого на Земле не увидишь. Оранжево-красный, яркий, очень яркий и какой-то зловещий. Таким бывает летнее небо во время заката перед грозой, когда вот-вот загремит гром. Только гроз на Венере не бывает, потому что нет ни капли воды.— Он помолчал.— Молнии сверкают часто, а вот дождей нет...

— Не знаю, Митч,— вдруг отрывисто сказал он.— Даст ли вам это что-нибудь?

Я ответил не сразу. Взглянув на часы и увидев, что до отлета в Нью-Йорк остались считанные минуты, я нагнулся и выключил магнитофон, спрятанный в портфеле.

— Вы мне очень помогли, Джек,— заверил его я.— Но мне этого мало. Сейчас я должен лететь обратно. Послушайте, не могли бы вы приехать в Нью-Йорк? Мы бы вместе поработали? Я записал все, что вы говорили, но мне нужны наглядные материалы. Наши художники могут, конечно, использовать снимки, которые вы сделали, но этого недостаточно. Вы можете помочь нам лучше всяких фотографий.— Я подумал, что наши художники все равно изобразят Венеру такой, какой она должна, по их мнению, быть, а не такой, какая она есть на самом деле, но не стал ему этого говорить.— Ну так как же?

Джек, прежде чем дать согласие, с ангельски невинным видом откинулся на спинку стула и заставил меня выслушать подробнейший план обширного лекционного турне, составленный его антрепренером на ближайшие несколько недель. Я сидел как на иголках. Выступление можно отменить, согласился он, а встречу с литераторами, писавшими за него книгу, можно, пожалуй, провести вместо Вашингтона в Нью-Йорке. Едва мы успели договориться о встрече на следующий день, как объявили посадку на мой самолет.

— Я провожу вас,— предложил Джек. Соскользнув со стула, он бросил на столик деньги для официанта. Мы протиснулись между столиками к выходу. Джек самодовольно ухмылялся и пыжился, слыша восхищенные ахи и охи узнававшей его публики. На аэродроме было темно; на фоне городских огней вырисовывались контуры взлетавших в воздух самолетов. Навстречу нам низко плыл огромный грузовой вертолет; подвешенный к нему контейнер слабо поблескивал в темноте. Вертолет летел на высоте не более двадцати метров, и мне пришлось обеими руками придержать шляпу, чтобы ее не снесло воздушным потоком.

— Черт бы побрал этих извозчиков!— проворчал Джек, подозрительно поглядывая на вертолет.— И куда лезут? Их место на грузовом аэродроме! Только потому, что вертолеты могут маневрировать, эти лихачи и решили разгружаться где попало. Управы на них нет. Если бы я вздумал так обращаться с реактивными самолетами... Эй, бегите! Да бегите же!!.— вдруг завопил он, толкнув меня обеими руками в спину.

Я удивленно вытаращил на него глаза. Но тут он с такой силой толкнул меня своим маленьким телом, что я невольно отскочил в сторону.

— Какого черта!..— начал было я, но скрежет металла и стрекот винтов заглушили мои слова. В нескольких шагах от нас на цементную дорожку с грохотом упал контейнер. Из его лопнувшего алюминиевого брюха посыпались картонки с овсяными лепешками фирмы «Старзелиус».

Одна из красных круглых картонок подкатилась мне под ноги. Я машинально поднял ее.

Освещенный огнями вертолет поднялся вверх и вскоре исчез из виду. Однако я даже не заметил этого.

— Господи, да помогите же им! — вдруг крикнул Джек, дернув меня за рукав. И только теперь я увидел, что в этой части аэродрома мы были не одни. Из-под изуродованной стенки контейнера виднелась чья-то рука, судорожно сжимавшая портфель, и в хаосе звуков я различил захлебывающиеся прерывистые стоны. Так вот чего требовал от меня Джек — помочь этим несчастным! Он подтолкнул меня к контейнеру, и мы вместе попытались поднять его покоробленный край. Но я только оцарапал руки и разорвал пиджак. Вскоре появились работники аэропорта и грубо оттеснили нас прочь.

Не помню, что было потом; когда я пришел в себя, то увидел, что сижу у стены аэровокзала на чужом чемодане, а Джек что-то возбужденно говорит мне. Он проклинал пилотов грузовых вертолетов и на чем свет стоит ругал меня за то, что я не заметил, как разжались зажимы, державшие контейнер, и еще что-то в этом роде,— я все равно не в состоянии был ничего уразуметь. Помню, с каким негодованием он выбил у меня из рук красную картонку с лепешками «Старзелиус», которую я неизвестно зачем продолжал держать. Психиатры никогда не относили меня к числу слабонервных и впечатлительных натур, но я продолжал находиться в состоянии шока даже тогда, когда Джеку наконец удалось посадить меня в самолет.

Только потом стюардесса сказала мне, что под упавшим контейнером погибло пять пассажиров и дело, кажется, получит огласку. Но это я узнал, уже подлетая к Нью-Йорку. А пока только одно запечатлелось в моей памяти — выражение горечи и гнева на фарфоровом личике Джека и слова, которые он то и дело повторял: — Слишком много людей, Митч. Слишком тесно. Я с вами, Митч, нам нужна Венера, нам нужен космос...

Глава 3

Квартирка Кэти в Венсонхэрсте, деловой части города, была небольшой, но уютной, обставленной красиво, удобно и разумно. Кому как не мне это знать. Я нажал кнопку звонка над табличкой «Доктор Нэвин» и улыбнулся, когда Кэти открыла дверь. Но вместо того, чтобы ответить улыбкой, она упрекнула меня: — Ты опоздал, Митч. Кроме того, мы договорились, что ты позвонишь.

Я вошел и сел.

— Я опоздал, потому что чуть было не погиб. А не позвонил, потому что опаздывал. Тебя удовлетворяет такое объяснение? — Как я и надеялся, она сразу же спросила, что случилось, и я рассказал ей о том, как чудом избежал сегодня смерти.

Кэти красивая женщина. Лицо у нее неизменно приветливое и располагающее, белокурые со светлыми и темными прядями волосы всегда безукоризненно причесаны, в глазах затаилась улыбка. Я не раз глядел в это лицо, но никогда не всматривался в него так пристально, как сейчас, когда рассказывал о катастрофе на аэродроме. Увы, меня ждало разочарование. Без сомнения, моя судьба волновала Кэти. Но с таким же успехом ее могли волновать судьбы сотен ее знакомых; я не уловил на ее лице выражения, которое бы говорило, что для Кэти я все-таки значу больше, чем остальные.

Тогда я выложил ей другую важную новость — о Венере и моем новом назначении. Здесь, кажется, мне больше повезло. Она была удивлена, взволнована, обрадована и в порыве добрых чувств даже поцеловала меня. Однако, когда я попытался ответить ей тем же, — ведь я столько месяцев мечтал об этом! — она отстранилась и отошла в другой конец комнаты, сделав вид, что хочет заказать по автомату напитки.

— Придется выпить, — улыбнулась она. — По меньшей мере шампанского. Дорогой Митч, новость, действительно, замечательная!

Я решил воспользоваться моментом.

— Ты не откажешься отпраздновать ее со мной? Отпраздновать по-настоящему?

В ее карих глазах появилась настороженность.

— Гм, — нерешительно промолвила она, однако потом сказала:

— Конечно, Митч. Мы отправимся в город. Угощать буду я, только не возражай. Но ставлю одно условие — ровно в двенадцать мы простимся. Я ночую в госпитале. Утром операция, мне нельзя слишком поздно ложиться. И слишком много пить.

Но говоря это, она улыбалась.

Я решил, что и на том спасибо.

— Чудесно! — ответил я, ничуть не кривя душой, ибо знал, что с Кэти скучать не придется.— Можно мне позвонить по твоему телефону?

Пока Кэти готовила напитки, я успел заказать билеты в кино, обед в ресторане и коктейли в ночном баре. Кэти с сомнением выслушала мою программу.

— Не слишком ли много, Митч? Надо уложиться в пять часов. Я не имею права делать операцию, если руки дрожат от усталости.

Я успокоил ее. Она вынослива. Однажды, после того как мы проссорились всю ночь напролет, утром ей пришлось делать трепанацию черепа. Операция прошла блестяще.

С обедом я потерпел неудачу. Не такой уж я гурман, чтобы есть только натуральные белки, но меня возмущает, когда подсовывают суррогаты, а берут ту же цену, что и за натуральные продукты. Шашлык с виду был ничего, но вкус его никого не смог бы обмануть. Извинившись перед Кэти, я раз и навсегда поставил крест на этом ресторане. Но она только рассмеялась. Фильм был неплохой. Киногипноз обычно вызывает у меня головную боль, но здесь я сразу же впал в транс, а после чувствовал себя вполне прилично.

Ночной бар был переполнен, и метрдотель, конечно, перепутал время нашего прихода. Пришлось минут пять подождать в вестибюле. Я попросил Кэти в связи с этим продлить «комендантский час», но она отрицательно покачала головой. Однако, когда метрдотель, рассыпаясь в извинениях, провел нас наконец к нашим местам у стойки бара, Кэти поцеловала меня. Я был на седьмом небе.

— Спасибо,— сказала она.— Чудесный вечер, Митч. Почаще получай повышение по службе. Мне это нравится.

Я раскурил для нее сигарету, затянулся сам и открыл было рот, чтобы объявить ей то, что так хотелось сказать, но тут же передумал.

— Ты что, Митч?— спросила она.

— Я только хотел отметить, что нам всегда хорошо вместе, Кэти.

— Так и знала, что ты это скажешь. Но по-прежнему отвечаю тебе: нет.

— Я тоже знал, что ты так ответишь,— уныло произнес я.— В таком случае пошли отсюда.

Она уплатила за коктейли, и мы вышли на улицу, заложив в нос пылеуловители.

— Педикеб? — спросил швейцар.

— Да, пожалуйста,— ответила Кэти.— Двухместный.

Швейцар свистком подозвал двухместный педальный кеб. Кэти дала старшему из рикш адрес госпиталя.

— Ты тоже можешь ехать, Митч,— сказала она, и я сел рядом.

Швейцар подтолкнул кеб, и рикши тронулись с места.

Не спрашивая разрешения, я поднял верх. На мгновение мне показалось, будто я вновь ухаживаю за Кэти: та же уютная темнота, запах пыльного брезента, скрип рессор. Но эта иллюзия тут же исчезла, когда Кэти предупредила:

— Будь благоразумен, Митч.

— Пожалуйста, Кэти,— произнес я как можно спокойнее.— Выслушай меня. Я буду очень краток.

Она смирилась.

— Мы поженились восемь месяцев назад.— Заметив, что она хочет возразить, я торопливо добавил: — Хорошо, пусть не окончательно. Но мы на время дали друг другу слово. Ты помнишь, почему мы это сделали?

После небольшой паузы она терпеливо ответила:

— Мы были влюблены.

— Верно,— сказал я.— Мы любили. Но у каждого была своя работа, и мы знали, что иногда она мешает нам понимать друг друга. Поэтому мы решили, что наш союз будет временным. Через год мы посмотрим, стоит ли делать его постоянным.— Я дотронулся до руки Кэти, и она не отняла ее.— Дорогая, тебе не кажется, что мы знали тогда, что делаем? Разве мы не можем подождать? В нашем распоряжении целых четыре месяца. Давай подождем. Если к концу этого срока ты не изменишь своего решения, ну что ж, по крайней мере я не буду винить тебя в том, что ты не дала мне последней возможности. Что до меня, то мне нечего себя проверять. Я подал заявление и не возьму его обратно.

Мы проезжали мимо фонаря, и я заметил, как ее губы искривились в горькой усмешке.

— Черт побери, Митч,— сказала она с болью.— Я знаю, что ты не изменишься. И в этом все несчастье. Неужели мне снова надо повторять, что эти просьбы напрасны, что у тебя несносный характер, что ты хитер, как Макиавелли, и так же вероломен и эгоистичен. Когда-то мне казалось, что ты хороший, идеалист, для которого принципы дороже денег. У меня были основания так думать. Ты искренне и убежденно говорил мне об этом, так хорошо отзывался о моей работе. Ты интересовался медициной, чуть ли не через день приходил в больницу, чтобы присутствовать на моих операциях. При мне ты говорил своим друзьям, что гордишься женой-хирургом. Но спустя три месяца я поняла, зачем ты это делал. Взять в жены домашнюю хозяйку может каждый. Но превратить первоклассного хирурга в домашнюю хозяйку удалось только одному Митчелу Кортнею.— Голос ее дрогнул.— Могла ли я мириться с этим, Митч? Нет, и никогда не смогу. Дело не в наших размолвках, упреках, ссорах. Я — врач. Люди дове-

ряют мне свою жизнь. Могу ли я отвечать за нее, если я издергана бесконечными семейными ссорами? Неужели ты не понимаешь, Митч?

Я услышал звук, похожий на рыдание.

— Кэти, разве ты меня больше не любишь? — спросил я тихо.

Она долго молчала. Затем рассмеялась коротким нервным смехом.— Вот и госпиталь, Митч! — воскликнула она.— И уже полночь.

Я откинул верх, и мы вышли из коляски.

— Подождите,— сказал я старшему из рикш и проводил Кэти до дверей. Она не захотела поцеловать меня на прощанье и отказалась от новой встречи. Я постоял в вестибюле еще минут двадцать: хотел убедиться, что она действительно ночует здесь. Затем сел в коляску и велел довезти меня до ближайшей станции метрополитена. Настроение у меня было отвратительное. Разумеется, оно не улучшилось, когда, получив с меня деньги, один из рикш с самым невинным видом спросил:

— Скажите, сэр, а что такое мак... макиавелли?

— Это по-испански: «Не суй нос не в свое дело»,— ответил я как можно спокойнее. В метро я с горечью подумал, каким богатым в наше время надо быть, чтобы купить себе право побыть с кем-нибудь наедине.

Настроение у меня не улучшилось и на следующий день, когда я утром явился на работу. Только благодаря такту Эстер я не вспылил в первые же несколько минут. К счастью, в этот день не было заседания правления. Передав мне на просмотр утреннюю почту и бумаги, скопившиеся за ночь, Эстер благоразумно удалилась. А когда появилась вновь, в руках у нее была чашка кофе — настоящего ароматного кофе из настоящих кофейных зерен, выращенных на плантациях.

— Смотрительница дамской туалетной комнаты тайком варит нам кофе,— пояснила Эстер.— Она не позволяет выносить его: боится, что об этом узнают в отделе Кофиеста. Но так как вы теперь большое начальство...

Я поблагодарил Эстер и, передав ей пленку с записью беседы с Джеком О'Ши, принялся за дела.

Прежде всего предстояло выбрать участок для испытаний, и тут, конечно, не обошлось без стычки с Мэттом Ренстедом. Он заведует Отделом рынков, и нам бы следовало работать вместе. Однако особого желания сотрудничать он не выказывал. Пока я вставлял в проектор карту Южной Калифорнии, Мэтт и двое его безликих помощников курили, стряхивая пепел прямо на ковер.

Я обвел указкой участок, предназначавшийся для испытаний и размещения контрольных пунктов.

— На территории от Сан-Диего до Тихуаны и в доброй половине населенных пунктов вокруг Лос-Анжелоса и Монтеррея будут контрольные пункты. Остальная часть Калифорнии и Мексики к северу от Лос-Анжелоса станет районом испытаний нашей

рекламы. По-моему, тебе не худо побывать там, Мэтт. В качестве штаб-квартиры предлагаю контору фирмы в Сан-Диего. Ее возглавляет Тернер, он парень смышленый.

Ренстед заворчал:

— Ни снежинки за год. Ни за какие деньги не продашь там и одного пальто, даже если пообещаешь красивую девушку в придачу. Черт побери, почему ты не предоставишь заниматься рынками тому, кто в этом кое-что смыслит? Неужели ты не понимаешь, что климат сведет на нет все наши усилия?..

Младший из помощников Ренстеда, словно отштампованный из жести, попытался было поддакнуть своему патрону, но я тут же оборвал его. С Ренстедом я вынужден считаться, ибо он свое дело знает. Но Венера поручена мне, и я был намерен сам ею заниматься. Поэтому мой ответ прозвучал довольно резко:

— Местный и общий доход, возрастной состав и плотность населения, особенности его психического склада, здоровье, распределение дохода по возрастным группам, смертность и ее причины — все это дело десятое. Мэтт, Калифорния и Мексика самим богом созданы для испытаний нашей рекламы. Лучше места не сыщешь — на небольшой территории с населением около ста миллионов представлена в миниатюре вся Северная Америка. Менять свой план я не намерен — испытания будем проводить здесь.— Я сделал особое ударение на слове «свой».

— Ничего не получится. Климат решает все. Ясно каждому,— упорствовал Мэтт.

— Я не каждый. Я человек, отвечающий за это дело.

Ренстед погасил окурок и встал.

— Поговорим с Фаулером,— сказал он и вышел. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Выходя, я услышал, как старший из помощников Ренстеда по телефону предупреждает секретаря Шокена о нашем приходе. Ренстед неплохо вышколил своих ребят, и вместо того, чтобы обдумать, как получше изложить дело Фаулеру, я стал размышлять над тем, что и мне не мешало бы так же приструнить своих.

У Фаулера проверенный метод разрешать конфликты между сотрудниками. Он применил его и сейчас. Как только мы вошли, он радостно воскликнул:

— Вот хорошо, что вы здесь! Как раз вы оба мне и нужны. Мэтт, выручай старика! На этот раз дело с Американским институтом гинекологии. Они утверждают, будто наша реклама противозачаточных средств наносит им ущерб, если мы не прекратим этого дела, грозятся переметнуться к Таунтону. Правда, доход от них не ахти какой, но у меня есть сведения, что сам Таунтон подбивает их на это.— И он принялся объяснять нам запутанные взаимоотношения с АИГ. Я слушал без всякого интереса. В результате нашей кампании «Дети наверняка», оплачиваемой институтом, рождаемость выросла по меньшей мере на двадцать процентов. Казалось, после этого институт должен был бы стать на-

шим постоянным клиентом. Ренстед тоже так считал. Он прямо заявил:

— У них нет оснований затевать судебный процесс. Ведь рекламируем же мы одновременно спиртные напитки и средства от алкоголизма. Какого черта они суют нос в чужие дела? Кроме того, какое это имеет отношение к Отделу рынков?

Фаулер довольно ухмыльнулся.

— В том-то и дело,— довольно проворковал он.— Мы спутаем им карты. Они рассчитывают получить ответ обычным порядком — через финансовые органы. А мы напустим на них тебя. Засыпь их таблицами, диаграммами, статистическими данными и докажи, что наш антиберемин в конечном счете не спасает от детей, только дает возможность повременить немного. Словом, докажи, что институт остается при прежнем интересе. Это будет хорошей пощечиной Таунтону. Адвокатов лишат практики за то, что они ведут дела конкурирующих фирм, и кое-кому это влетит в копеечку. Надо им сразу дать понять, что с нами этот номер не пройдет. Пресечь все их попытки в самом начале. Надеюсь, ты не подведешь старика, а, Мэтт?

— О, черт, конечно,— проворчал Ренстед.— Ну, а как же Венера?

— Венера?— Фаулер подмигнул мне.— Обойдешься на время без Мэтта?

— Обойдусь совсем,— сказал я.— За этим я и пришел. Мэтт испугался Южной Калифорнии.

Ренстед уронил сигарету на ковер и не поднял ее; нейлоновый ворс, курчавясь, заплавился.

— Какого черта!..— раздраженно начал было Мэтт.

— Спокойно,— заметил Фаулер.— Твоя точка зрения, Мэтт?

Ренстед метнул в мою сторону злобный взгляд.

— Я только сказал, что Южная Калифорния не годится. В чем разница между Венерой и Землей? Прежде всего в температуре. Для рекламы надо выбирать район с умеренно-континентальным климатом. Жителя Новой Англии еще можно соблазнить жарким климатом Венеры, но жителя Тихуаны — никогда. Ему и без того до смерти надоела дьявольская жара Мексики и Калифорнии.

— Гм,— промычал Фаулер.— Знаешь, Мэтт, это надо обсудить, а ты будешь по горло занят, дело с институтом не терпит. Подбери себе на время хорошего заместителя по делам Венеры. Мы завтра же обсудим все на заседании правления. А сейчас,— он взглянул на часы,— сенатор Дантон ждет меня уже целых семь минут. Решено? Тебя это устраивает?

Разумеется, Мэтта это нисколько не устраивало. Зато я весь день был в отличнейшем настроении. Дела шли хорошо. Обработав мою беседу с Джеком О'Ши и другие материалы, Отдел идей дал предложения. Тут были планы создания на Венере новых отраслей промышленности — например, изготовление сувениров из органических веществ, которые мы в шутку именовали «атмосферой» Венеры,— и планы на более отдаленное будущее — добыча

чистого железа, абсолютно чистого, без примесей, какое невозможно ни найти, ни получить на такой «кислородной» планете, как Земля. Лаборатории неплохо заплатят нам за это. Отдел идей, правда, не сам придумал, а раскопал в архивах занятную вещь — так называемую установку Хилша. Без дополнительных источников энергии, используя горячие смерчи на Венере, она сможет охлаждать воздух в домах первых поселенцев. Это простейшее изобретение пролежало без движения с 1943 года. До сих пор никто не мог найти ему применение, да и не мудрено,— на Земле не приходилось иметь дело с ветрами такой силы.

Трэси Колльер, сотрудник Отдела идей, которому было поручено осуществлять связь с Отделом Венеры, попытался изложить мне свою мысль об использовании азотного катализатора. Рассеянно слушая его, я время от времени кивал головой, но из всего сказанного уяснил только одно,— если по поверхности Венеры рассеять платину и вызвать непрерывные мощные электрические разряды, то можно получить искусственный «снегопад» из окиси азота и «дождь» из углеводорода; это очистит атмосферу Венеры от формальдегида и аммиака.

— А не дороговато ли обойдется?— осторожно спросил я.

— Все в нашей власти,— сказал он.— Ведь платина давно не находит применения. Истратите грамм — результатов прождете миллион лет. Истратите больше — скорее добьетесь своего.

Так я толком ничего и не понял, но, видимо, идея была великолепной. Похлопав Колльера по плечу, я велел ему действовать дальше.

Однако в Отделе промышленной антропологии я столкнулся с неожиданным препятствием.

Бен Унистон жаловался:

— Нельзя запихнуть людей, словно сардины, в жестяные коробки и заставить их там париться. Американцы привыкли к определенному образу жизни. Кому охота переться куда-то за пятьдесят миллионов миль, только чтобы проторчать весь остаток жизни в закупоренном бараке? Это противно человеческой натуре, Митч! Не лучше ли остаться на Земле? Здесь столько простора: коридоры, эскалаторы, улицы, крыши домов, гуляй сколько влезет!

Я начал было возражать, но это ни к чему не привело. Бен стал объяснять мне, что такое американский образ жизни: он подвел меня к окну и показал бесконечную гладь крыш, где каждый американец может прогуливаться на свежем воздухе без всяких там громоздких кислородных масок, заправив в нос всего лишь простые пылеуловители. В конце концов я не выдержал.

— Но кто-то должен полететь на Венеру! Почему же люди расхватывают книги Джека О'Ши? Почему избиратель без возражений голосует за миллиардные ассигнования на строительство ракет? Видит бог, я не хочу тыкать тебя носом, но вот что тебе стоило бы сделать: изучи всех читателей Джека О'Ши, всех, кто по нескольку раз смотрит его передачи по телевидению, кто раньше

других приходит на его лекции, а после толпится в коридорах и спорит. О'Ши у нас на жалованье. Выжми из него все, что можешь. Разузнай хорошенько о колониях на Луне — что за люди их населяют. Тогда мы будем знать, на кого рассчитывать нашу рекламу. Возражения есть? — Возражений не последовало.

Эстер превзошла себя, составляя расписание моего первого рабочего дня в новой роли, и я успел переговорить со всеми заведующими отделов.

Однако она не могла прочесть за меня всю корреспонденцию, и к концу дня у меня на столе выросла солидная кипа бумаг. Эстер вызвалась остаться после работы, но она едва ли могла мне помочь. Я разрешил ей принести мне бутерброд и еще одну чашку кофе и отпустил домой.

Когда я закончил последнее письмо, шел уже двенадцатый час. По пути домой я завернул в ночное кафе на пятнадцатом этаже — мрачную комнатушку без окон, где подавали кофе, отдававшее дрожжами, из которых оно и было приготовлено, и бутерброды с ветчиной, по вкусу напоминавшей сою. Однако я постарался не думать об этом. Как потом оказалось, настоящие неприятности ждали меня впереди. Не успел я открыть дверь своей квартиры, как вдруг послышалось щелканье, а затем выстрел. Пуля ударилась в дверь над моей головой. Вскрикнув, я пригнулся. За окном мелькнула тень человека с пистолетом в руке, раскачивающегося на веревочной лестнице, которую относило куда-то в сторону.

Я был настолько неосторожен, что подбежал к окну и высунулся из него. Раскрыв рот от удивления, я провожал глазами удалявшийся вертолет. С него свисала веревочная лестница, на которой болтался человек. В это время я, должно быть, представлял собой отличную мишень, если бы только ему снова вздумалось в меня прицелиться. Но, к счастью, это было невозможно.

Удивляясь собственной выдержке, я подошел к телефону и набрал номер Муниципальной корпорации по обеспечению безопасности граждан.

— Вы наш клиент, сэр? — спросил меня женский голос.

— Да, черт побери, да. Целых шесть лет. Пришлите человека! Пришлите отряд!

— Одну минуточку, мистер Кортн... Мистер Митчел Кортней, не так ли? Литературный работник высшей категории?

— Нет,— ядовито ответил я.— Теперь я мишень для стрельбы. Не будете ли вы так любезны сейчас же выслать вашего агента, пока тот, кто только что стрелял в меня, не вздумал проделать это еще раз!

— Простите, мистер Кортней, вы как будто сказали, что вы литературный работник высшей категории? — вежливо и невозмутимо уточнял голос.

Я заскрежетал зубами.

— Да, да, высшей категории!

— Благодарю вас, сэр. У меня в руках ваша карточка. Очень сожалею, но у вас задолженность по взносам. Вам, должно быть,

известно, что для служащих высшей категории, учитывая острую конкурентную борьбу, у нас установлены особые расценки...— И она назвала мне цифру, от которой каждый волосок на моей голове встал дыбом.

Однако я сдержался — она была всего лишь простым исполнителем.

— Благодарю,— сказал я мрачно и повесил трубку. Через справочную-автомат я связался еще с двумя-тремя детективными агентствами, но везде получил отказ. Наконец какой-то частный детектив сонным голосом дал согласие приехать, заломив неслыханную цену.

Он явился через полчаса, и я уплатил ему его гонорар. Но он лишь извел меня глупыми вопросами и поисками несуществующих отпечатков пальцев. Наконец он ушел, заявив, что займется этим делом.

Я лег спать, так и не разрешив мучивший меня вопрос: кому понадобилось стрелять в меня, скромного служащего рекламной конторы?

Глава 4

На следующий день, мобилизовав всю свою храбрость, я направился к Фаулеру Шокену. Мне было необходимо получить ответ, и никто, кроме Фаулера, не мог его дать. Он мог, конечно, вышвырнуть меня за дверь, однако попытаться все же стоило.

Но, кажется, момент для этого я выбрал явно неудачный. Только я приблизился к двери кабинета, как она с треском отворилась, и из нее выскочила Тильди Матис. Лицо ее странно подергивалось. Она уставилась на меня, но, готов поклясться, она меня не узнала.

— Переделать заново! — исступленно взвизгнула она.— Работаю как каторжная на эту старую крысу и что же? Переделайте! Текст хорош, но ему, видите ли, нужен отличный! Переделайте! Вы только послушайте! «Пусть текст засверкает, заискрится! Мне нужна теплота человеческих чувств, восторг, трепет и печаль вашего нежного женского сердечка!» И все это извольте уложить в пятнадцать слов! Я покажу ему пятнадцать слов! — всхлипнула она и промчалась мимо.— Медоточивый ханжа и кривляка, мелочный придира, пустозвон несчастный, кровожадный спрут, старый...

С шумом захлопнувшаяся дверь помешала расслышать последний из эпитетов, о чем я очень пожалел, ибо не сомневался, что на этот раз Тильди подобрала самый подходящий.

Я откашлялся и, постучавшись, вошел к Шокену. В улыбке, с которой он меня встретил, не было и намека на только что разыгравшуюся сцену. Розовое лицо Фаулера и его безмятежный взгляд, казалось, вообще исключали что-либо подобное. Однако я не забыл, что вчера в меня стреляли.

— Я всего на одну минутку, Фаулер,— начал я.— Скажите, вы в последнее время не вели грубую игру с фирмой «Таунтон»?

— Я всегда играю грубо. Грубо, но чисто,— ухмыльнулся он.

— Я имею в виду очень грубую и очень грязную игру. Например, вы, случайно, не собирались подстрелить кого-нибудь из ее сотрудников?

— Ну, знаешь ли, Митч!

— Я спрашиваю потому, что вчера в меня стреляли с вертолета,— упрямо продолжал я.— Не представляю, кто бы это мог сделать — разве только Таунтон.

— Таунтон исключается,— категорически сказал Шокен.

Я собрался с духом.

— Фаулер,— произнес я,— скажите честно, вы не получали предупреждения? Возможно, я перехожу дозволенные границы, но я должен знать правду. Речь идет не только обо мне. Речь идет о проекте «Венера».

Румяные, словно яблоки, щеки Фаулера побледнели. По его глазам я понял, что моя карьера и положение служащего высшей категории висят сейчас на волоске.

— Митч, я сделал тебя сотрудником высшей категории прежде всего потому, что считал — ты способен взять на себя такую ответственность. Мне нужно не только умение работать. Работать ты умеешь, я знаю. Но мне казалось, что ты знаешь и кодекс нашей профессии.

Однако я не сдавался.

— Да, сэр.

Шокен сел и закурил сигарету «Старр». После умело рассчитанного секундного колебания он пододвинул ко мне пачку.

— Митч, ты еще молокосос, стал служащим высшей категории совсем недавно. Но в твоих руках теперь немалая власть. Твои несколько слов — и через недели или месяцы судьба полумиллиона потребителей, мужчин и женщин, может полностью измениться. Это власть, Митч, безграничная власть. Ты знаешь старинную поговорку: власть возвышает. Безграничная власть возвышает безгранично.

— Да, сэр,— снова сказал я. Что-что, а все старинные пословицы и поговорки были мне хорошо известны. Теперь я не сомневался, что он ответит на мой вопрос.

— Ах, Митч,— вздохнул Шокен, мечтательно размахивая сигаретой,— у нас есть права, есть обязанности, но не обходится и без профессиональных неприятностей. Одно немыслимо без другого. Без острой конкурентной борьбы и соперничества вся наша система утратила бы равновесие и полетела вверх тормашками.

— Фаулер,— опасливо прервал я его.— Вы же знаете, я не жалуюсь на систему. Она действует, и это все, что от нее требуется. Знаю, что и конкуренция необходима. И вполне согласен, что мы должны свято блюсти кодекс торговли, даже если Таунтон и затевает что-то против нас. Знаю, что об этом надо помалкивать, иначе вместо того, чтобы работать, заведующие отделами только и будут заботиться о безопасности собственной персоны. Но проект «Венера» у меня в голове, Фаулер. Так мне удобней. Если я стану все записывать, когда же мне работать?

— Разумеется,— согласился он.

— Но, допустим, вы получили предупреждение и, допустим, Таунтон решил первым убрать меня, что будет с проектом «Венера»?

— Ты прав,— согласился Фаулер.— Хорошо, я тебе отвечу. Я не получал предупреждения.

— Спасибо, Фаулер,— воскликнул я искренне.— Однако в меня стреляли. А затем этот случай на аэродроме — может быть, вовсе не случайность. Как вы считаете, Таунтон способен действовать без предупреждения?

— Я не давал ему повода, а ни с того, ни с сего он не решится. Он падок на дешевку, методы его нечестны, но правила игры он знает. Убийство в результате коммерческой конкуренции — это преступление. Убийство без предупреждения — грубейшее нарушение кодекса торговли. А может, ты приударил за чужой женой, Митч?

— Нет, я веду примерный образ жизни. Все это просто непонятно. Должно быть, какая-то ошибка. Мне повезло, что этот парень оказался никудышным стрелком.

— Очень рад за тебя, Митч. А теперь займемся делами. Ты виделся с Джеком О'Ши?— Моя история больше не интересовала его.

— Да. Он приезжает сегодня. Будем работать вместе.

— Прекрасно. Если умело взяться, кое-что от его славы перепадет и нам. Пошевели-ка мозгами, Митч. Не мне тебя учить.

Я понял, что аудиенция окончена.

О'Ши уже ждал меня в приемной. Судя по всему, ожидание не было для него тягостным. Все девицы из моего отдела плотным кольцом окружили Джека, восседавшего на краешке стола. Грубоватым и самодовольным тоном он что-то рассказывал им. В глазах девушек нетрудно было прочесть: даром что Джек мал ростом, но у него деньги и слава. Именно это мы усердно рекламируем и вбиваем в головы рядовому потребителю. Джек мог выбрать любую из этих девиц. Интересно, сколько их у него было после триумфального возвращения на Землю?

Порядки у меня в отделе строгие, но пришлось довольно громко кашлянуть, прежде чем девицы наконец разбежались по местам.

— Доброе утро, Митч,— приветствовал меня Джек.— Ну как, оправились от потрясения?

— Еще бы. Уже успел пережить новое. Кто-то пытался подстрелить меня.— И я рассказал ему, что произошло вчера вечером. Он задумчиво хмыкнул.

— Может, вам обзавестись телохранителем?

— Я уже думал об этом. Но, пожалуй, не стоит. Это какое-то недоразумение.

— Как и тот случай на аэродроме?

Я ответил не сразу.

— Не будем говорить об этом, Джек. Мне и так не по себе.

— Ладно, не будем,— широко улыбнулся он.— Займемся лучше делами. Итак, с чего мы начнем?

— Прежде всего нужны слова. Нужны такие слова о Венере, чтобы они задели людей, встряхнули их, заставили мечтать о переменах, о космосе и новых мирах. Надо, чтобы люди вдруг почувствовали неудовлетворенность и им захотелось бы чего-то

нового, захотелось представить себе, какими они могли быть. Нужны слова, которые заставили бы их гордиться тем, что они умеют мечтать, а отнюдь не стыдиться этого. Слова, которые должны пробудить у них чувство гордости за то, что существуют «Индиастрия», «Старзелиус» и «Фаулер Шокен», и негодование по поводу того, что есть на свете «Юниверсал продактс» и «Таунтон».

Джек уставился на меня, разинув рот.

— Вы это серьезно? — наконец вымолвил он.

— Теперь вы с нами, Джек,— ответил я прямо.— И вам следует знать, что мы работаем именно так. Ведь и вас мы заполучили в потребители только таким образом.

— Не понимаю.

— Вы, кажется, носите костюм и обувь фирмы «Старзелиус». Значит, нашей рекламе все же удалось вас поймать. С одной стороны, вас пытались обработать «Юниверсал Продактс» и «Таунтон», с другой — «Старзелиус» и «Фаулер Шокен». Вы выбрали «Старзелиус». Мы исподволь проникли в ваше подсознание и убедили вас, что есть что-то особенно хорошее в товарах фирмы «Старзелиус» и что-то особенно скверное в товарах «Юниверсал продактс».

— Да я никогда не читаю рекламных объявлений! — запротестовал Джек.

Я улыбнулся.

— Лучшей похвалы нашей работе не придумаешь.

— Даю слово,— воскликнул Джек,— как только вернусь в гостиницу, выброшу все свои пожитки в мусоропровод.

— И чемоданы? — спросил я.— И чемоданы фирмы «Старзелиус»?

Он испуганно взглянул на меня, потом твердо сказал:

— И чемоданы. А по телефону закажу себе все новое у фирмы «Юниверсал». И вам не удастся мне помешать.

— А мы и не собираемся, Джек. Нам это только на руку. Слушайте, что произойдет потом. Вы закажете себе полный комплект одежды у фирмы «Юниверсал». И чемоданы тоже. Какое-то время вы будете носить вещи и пользоваться чемоданами марки «Юниверсал». Но вас не будет покидать смутное чувство неудовлетворенности. Оно пагубно отразится на вашей мужской полноценности, ибо наша реклама, хотя вы и утверждаете, что игнорируете ее, давно убедила вас, как небезопасно для настоящего мужчины пользоваться товарами любой другой фирмы. Ваше самолюбие будет ущемлено, где-то в глубине души вы будете знать, что пользуетесь не самым лучшим. И наконец, вы подсознательно решите, что больше так продолжаться не может, и вдруг начнете «терять» одну за другой вещи, проданные вам фирмой «Юниверсал». Случайно вы обнаружите, как трудно попасть ногой в штанину брюк, купленных у фирмы «Юниверсал», а ее чемоданы покажутся вам невместительными и неудобными. И тогда у вас вдруг отшибет память, вы помчитесь в магазины и снова купите

себе полный комплект одежды и чемоданов нашей фирмы «Старзелиус», черт возьми.

Джек О'Ши растерянно улыбнулся.

— И всего этого вы добились при помощи слов?

— Слов, графических изображений. Воздействуя на зрение, слух, обоняние, вкус, осязание. Но прежде всего при помощи слов. Вы читаете стихи?

— Боже сохрани, конечно, нет! Кто в наше время их читает?

— Я не имею в виду современные. Здесь вы безусловно правы. Но стихи Китса, Суинберна, Уайли — великих поэтов-лириков.

— Почитывал в свое время,— осторожно признался Джек.— Ну и что из этого?

— Я хочу предложить вам провести несколько часов в обществе одной из величайших лирических поэтесс современности. Тильди Матис сама не подозревает, что она поэтесса, и считает себя простым сочинителем рекламы. Не разубеждайте ее. Зачем делать человека несчастным?

> Ты, непорочная невеста тишины,
> Приемное дитя Молчания и медленно текущих
> лет *.

Вот и она могла бы писать так, если бы не жила в век рекламы. Что поделаешь, расцвет рекламы — это закат лирической поэзии. Прямая зависимость. Людей, способных находить слова, звучащие как музыка, волнующие сердца, не так уж много. Когда работа в рекламном агентстве стала делом прибыльным, поэты ушли туда, а лирическую поэзию отдали на откуп бездарным писакам, которые вынуждены кривляться и кричать, чтобы хоть как-то привлечь к себе внимание.

— Зачем вы мне все это говорите? — спросил Джек.

— Я уже сказал,— вы теперь свой человек в рекламе, Джек. Власть — это также и ответственность. Представители нашей профессии владеют душами людей. Мы добиваемся этого, умело используя таланты. Никому не дано права играть жизнями, если только игра не ведется во имя высокой цели.

— Понятно,— промолвил он тихо.— Пусть вас не беспокоят мои побуждения. Меня не интересуют ни деньги, ни слава. Я согласен работать с вами лишь для того, чтобы люди получили хоть немного свободного пространства, чтобы человек мог снова вернуть себе утраченное достоинство.

— Вот именно,— сказал я, придав лицу выражение Номер Один. Но на душе у меня было прескверно. Ведь «высокая цель», которой я служил, обозначалась одним словом: «продавать».

Я вызвал Тильди.

— Побеседуйте с ней,— предложил я Джеку.— Ответьте на ее вопросы. Сами расспросите. Пусть это будет хорошая дружеская беседа. Дайте Тильди почувствовать все, что вы пережили. И вот

---

* Китс, «Ода греческой Урне».

увидите, она создаст из ваших переживаний лирическую поэму, которая затронет сердца наших читателей. Доверьтесь ей во всем.

— С удовольствием, Митч. А она мне доверится?

В эту минуту он напомнил мне танагрскую статуэтку, изображавшую юного сатира, выслеживающего нимфу.

— Да,— торжественно заверил я его. Ибо доверчивость Тильди была известна всем.

В этот день впервые за четыре месяца Кэти сама позвонила мне.

— Что случилось?— спросил я взволнованно.— Тебе что-то от меня нужно?

Кэти засмеялась.

— Ничего не случилось, Митч. Просто мне захотелось сказать тебе «здравствуй» и снова поблагодарить за тот чудесный вечер.

— Можем повторить его,— решил я поймать ее на слове.

— А ты не хочешь пообедать у меня сегодня?

— Еще бы, конечно, хочу. Какого цвета платье ты наденешь? Я куплю живых цветов.

— О, Митч, цветы — это ужасно дорого. Надеюсь, ты не собираешься снова делать мне предложение. А я и так знаю, что денег у тебя куры не клюют. Но у меня к тебе просьба, Митч.

— Все, что прикажешь.

— Приведи с собой Джека О'Ши. Можешь это устроить? По телевидению передавали, что он приехал сегодня утром. Ведь он будет работать у тебя, не так ли?

Это было ушатом холодной воды. Так вот почему она позвонила.

— Да, он здесь. Я свяжусь с ним и сообщу тебе. Ты будешь в госпитале?— Я не мог скрыть разочарования.

— Да. Спасибо, Митч. Мне так хочется с ним познакомиться.

Я разыскал Джека по телефону. Он был у Тильди.

— Вы заняты сегодня вечером?— спросил его я.

— Гм... Мог бы, если бы захотел,— ответил он. Очевидно, его отношения с Тильди развивались успешно.

— У меня есть предложение. Обед в спокойной домашней обстановке со мной и моей женой. Она недурна собой, превосходная хозяйка, первоклассный хирург и интересная собеседница.

— Согласен.

Я позвонил Кэти и сказал, что ровно в семь доставлю ей эту светскую знаменитость.

В шесть, недовольно ворча, Джек вошел в мой кабинет.

— Я заслужил хороший обед, Митч. Ваша мисс Матис занятная штучка. Действует как наркотик. Интересно, она всегда витает в облаках или когда-нибудь спускается и на землю?

— Сомневаюсь,— сказал я.— Да и зачем? Даже в прежние времена, как известно, встреча с реальностью не сулила поэтам ничего хорошего. Вспомните Китса, Байрона, Суинберна. Могу, если хотите, продолжить.

— Нет, не стоит. Скажите, а что представляет собой ваш брак, Митч?

— Это все временно,— ответил я с неожиданной горечью.

Джек слегка поднял брови.

— Возможно, у меня старомодные взгляды, но, ей-богу, нынешние браки мне не по душе. Они могут вызвать только негодование.

— Согласен с вами,— вздохнул я.— По крайней мере в моем случае есть от чего негодовать. Если Тильди еще не успела просветить вас, сообщаю, что моя очаровательная и талантливая супруга не хочет, чтобы наш брак стал постоянным. Мы не живем вместе, и если в ближайшие четыре месяца мне не удастся переубедить ее, пожалуй, расстанемся навсегда.

— Тильди действительно не успела меня просветить,— ответил Джек.— Вам порядком тошно, насколько я понимаю.

Я чуть было не поддался охватившему меня острому чувству жалости к самому себе и уже готов был рассказать Джеку, как мне тяжело, как я люблю Кэти, а она так несправедлива ко мне. Однако я вовремя сообразил, что буду рассказывать все это карлику, который, если женится, наверняка станет беспомощной игрушкой в руках жены, а то и предметом ее насмешек.

— Хватит об этом Джек,— сказал я.— К тому же нам пора. Времени только-только, чтобы пропустить по стаканчику и успеть на поезд метрополитена.

Никогда еще Кэти не была такой обворожительной, и я пожалел, что послушался ее и не истратил двухдневный заработок на букет живых цветов. Когда она поздоровалась с О'Ши, он тут же без стеснения заявил:

— Вы мне нравитесь. В ваших глазах нет эдакого огонька, который говорил бы: «Ну, разве он не прелесть?» или «Черт побери, он, должно быть, богат и несчастен» или «Девушка имеет право немножко поразвлечься». Короче говоря, я нравлюсь вам, а вы — мне.

Как вы уже догадываетесь, он был немного пьян.

— Вам кофе, мистер О'Ши?— спросила Кэти.— Я буквально разорилась, чтобы достать настоящие свиные сосиски и натуральное яблочное пюре, и вы обязательно должны их отведать.

— Кофе? Я пью только Кофиест, мадам. Пить кофе нелояльно по отношению к великой фирме «Фаулер Шокен», где я теперь работаю. Не так ли, Митч?

— На сей раз фирма вам простит, Джек,— сказал я.— Кроме того, Кэти не верит, что наркотики в Кофиесте безвредны.

К счастью, Кэти занялась обедом в дальнем углу комнаты, служившем ей кухней, и стояла к нам спиной; она или не слышала моих слов, или сделала вид, что не слышит. В свое время у нас с ней по этому поводу была ужасная перепалка. В ход пускались такие слова, как «отравитель младенцев», «сумасшедший торгаш» и другие, более короткие, но не менее выразительные.

Кофе несколько отрезвил Джека О'Ши. Обед был превосходный. После него атмосфера стала гораздо непринужденнее.

— Вы, должно быть, уже побывали на Луне? — спросила Кэти у Джека.

— Нет еще. Собираюсь на днях.

— Ну и зря,— вмешался я.— Только время убьете и деньги потратите. Луна — это замороженные капиталовложения. Мне кажется, мы занимаемся ею, только чтобы накопить опыт, который может пригодиться на Венере. Несколько тысяч человек работает в рудниках — вот и все.

— Прошу меня извинить,— Джек поднялся и вышел.

Я решил воспользоваться случаем.

— Кэти, дорогая, как мило, что ты пригласила меня. Это что-нибудь означает?

Она потерла друг о друга большой и указательный пальцы правой руки, и я уже знал — что бы она сейчас ни сказала, все будет неправдой.

— Возможно, Митч,— деликатно солгала она.— Но ты не должен меня торопить.

Я решил уличить ее.

— Ты лжешь,— возмутился я.— Ты всегда делаешь вот так,— я повторил ее жест,— когда собираешься сказать мне неправду. Не знаю, как ты ведешь себя с другими.

Она рассмеялась коротким смешком.

— Откровенность за откровенность,— сказала она с горечью.— А когда ты говоришь неправду, то задерживаешь дыхание и смотришь мне прямо в глаза. Не знаю, как ты ведешь себя в таких случаях с клиентами и подчиненными.

О'Ши вернулся и сразу же почувствовал, что атмосфера накалилась.

— Ну, мне пора,— объявил он.— Вы идете, Митч?

Кэти кивнула, и мне ничего не оставалось, кроме как сказать «да».

После обычного обмена любезностями у порога Кэти поцеловала меня на прощанье. Это был долгий и нежный поцелуй, с которого я предпочел бы начать вечер. Я почувствовал, как у Кэти учащенно забилось сердце, однако это не помешало ей преспокойно выставить меня за дверь.

— Вы так и не наняли телохранителя? — укоризненно спросил Джек.

— Стоит ли? Все это было чистейшим недоразумением.

— Может, зайдем к вам, выпьем? — словно невзначай предложил он.

Я был тронут тем, как крохотный Джек О'Ши решил взять на себя сегодня роль моего телохранителя.

— Конечно,— сказал я, и мы спустились в метрополитен.

Он первым вошел в квартиру и зажег свет, но ничего не произошло. Потягивая слабый виски с содовой, он медленно обошел комнату и проверил оконные задвижки.

— Этому стулу лучше стоять вот здесь,— указал он; «здесь» означало подальше от окна и револьверных пуль. Я переставил стул.

— Берегите себя, Митч,— сказал он прощаясь.— Если с вами что-нибудь случится, ваша очаровательная женушка и ваши друзья будут очень огорчены.

Но в этот вечер я всего лишь сильно ушиб ногу, раскладывая кровать, что, кстати, случалось со мной почти каждый вечер. Даже Кэти с ее точными скупыми движениями хирурга не смогла уберечься от боевых шрамов — следов жизни в тесной городской квартире. На ночь вы раскладываете кровать, утром убираете ее, затем устанавливаете столик для завтрака, потом его надо убрать, иначе вам не протиснуться к двери. Немудрено, что некоторые ограниченные обыватели с тоской вспоминают о старых временах, когда было много простора, подумал я, и с наслаждением растянулся на постели.

Глава 5

Всю неделю дела шли хорошо. Ренстед был занят разрешением конфликта с Институтом гинекологии и не мешал мне. Я полностью взял бразды правления в свои руки.

Девочки и мальчики из департамента Тильди дали первые образцы рекламы. Эти темпераментные юнцы то целый день просиживают над одной строкой, то, словно одержимые, строчат страницу за страницей. Тильди руководила всей работой, редактировала и вообще задавала тон. Отобрав лучшее из лучшего, она передавала мне тексты для девятиминутных рекламных передач, для афиш и плакатов, статьи, короткие заметки, объявления, наметки тем для кампании слухов, остроты, шуточки и каламбуры (как приличные, так и неприличные), которым предстояло потом облететь всю страну.

Отдел наглядной рекламы старался вовсю. Специалисты по рекламе в воздухе и кинорекламе испытывали подлинное вдохновение художников, воссоздавая образ Венеры. Им предстояло завершить нашу грандиозную панораму на тему «Венера До и После»; они и впрямь чувствовали себя так, словно создавали историю планеты.

Отдел идей походил на фокусника, извлекающего кроликов из цилиндра. Когда я попробовал намекнуть Колльеру, что он чересчур увлекается, он стал мне объяснять:

— Да ведь все дело в избытке энергии, мистер Кортней! Венера перенасыщена ею. Планета расположена близко к Солнцу, и оно щедро отдает ей свое тепло. У нас на Земле нет такого количества энергии. Для использования кинетической энергии атмосферы мы построили ветряные мельницы, а на Венере у нас будут турбины. Чтобы получить там электричество, достаточно поставить аккумулятор, присоединить его к громоотводу и самому поскорее убраться подальше. Там совершенно иные условия.

Отдел рынков и Отдел промышленной антропологии изучали район Сан-Диего и воздействие на население рекламы Тильди, макетов и фильмов Отдела наглядной рекламы, вносили поправки, что-то добавляли, что-то сокращали. Я держал постоянную связь по прямому проводу с Хэмом Гаррисом, замещавшим Ренстеда в Сан-Диего.

День обычно начинался с совещания: я произносил неболь-

шую речь, задающую тон, затем выступали заведующие отделами, докладывали об успехах, вносили предложения, критиковали друг друга. К примеру, звонил из Сан-Диего Гаррис и просил Тильди заменить слова «безоблачная атмосфера» другими, с его точки зрения более подходящими, и требовал подобрать список синонимов. Или Тильди спрашивала у Колльера, не лучше ли сказать «топазовые пески», как бы намекая на то, что на Венере драгоценные камни валяются под ногами. Или Колльер, например, предлагал Отделу наглядной рекламы сделать небо на панораме «Венера До» багровым, а не просто красным, а я просил его не совать свой нос куда не следует, ибо все делалось в пределах допустимых поэтических вольностей.

После совещания все расходились по своим местам. У меня, как всегда, работы было по горло: завязывать деловые знакомства, координировать действия всех отделов, проводить в жизнь собственные распоряжения и вообще руководить работой снизу доверху. Перед концом рабочего дня мы проводили еще одно совещание. На нем обычно обсуждались перспективные проблемы, например включение продукции «Старзелиус» в экономику Венеры или определение доходов будущих колонистов и учет их оптимальной покупательной способности через двадцать лет.

А затем наступало лучшее время дня. Теперь мы с Кэти виделись постоянно. Правда, мы все еще жили под разными крышами, но я был полон радужных надежд: то она назначала мне свидание, то я ей. Одетые с иголочки, мы проводили вечера в барах и ресторанах, развлекаясь в свое удовольствие, и радовались, что мы молоды, красивы и умеем наслаждаться жизнью. О серьезных вещах мы не говорили. Кэти уклонялась от таких бесед, да и я к ним не стремился. Я считал, что время работает на меня. Однажды перед отъездом в очередное лекционное турне Джек О'Ши составил нам компанию, и этот вечер особенно запомнился мне: мы были молодой парой, достаточно богатой, чтобы иметь своим гостем самого знаменитого человека в мире. Да, жизнь казалась мне прекрасной.

Прошла неделя напряженной и плодотворной работы над проектом «Венера», и я сказал Кэти, что мне не мешает обследовать дальние объекты — строительную площадку в Аризоне и штаб по испытаниям рекламы в Сан-Диего.

— Чудесно! — воскликнула она.— Можно мне поехать с тобой?

Я просто обалдел от счастья,— значит, ждать осталось совсем недолго!

Посещение строительной площадки было простой формальностью. Я держал там двух уполномоченных для связи с вооруженными силами, авиацией, лабораториями Телефонной компании Бэлл и Американским стальным трестом. Они, как заправские гиды, показали нам с Кэти ракету.

— ...огромная стальная оболочка... кубатура среднего нью-

йоркского небоскреба... замкнутый цикл обращения пищи, воды, воздуха... одна треть — двигатели, другая — грузы, третья — жизненное пространство... героические пионеры... герметичность... автоматическая кухня... регулирование температуры и света... беспрецедентное в истории достижение техники... самоотверженные усилия нации... национальная безопасность...

Странно, но самое сильное впечатление произвела на меня не ракета, а пустыня вокруг нее. На целую милю в окружности все было снесено: ни домов, ни теплиц на крышах, ни продовольственных складов, ни установок, улавливающих солнечные лучи. И все это во имя секретности или в целях защиты от радиации. Кругом расстилалась слепящая глаза пустыня, изрезанная сетью ирригационных труб. Пожалуй, во всей Америке не найдешь другого столь унылого места. Даже глазам больно глядеть на это огромное пустое пространство. Ведь долгие годы я охватывал взглядом «просторы» радиусом всего в несколько метров.

— Как интересно! — воскликнула Кэти.— Можно пройти туда?

— Весьма сожалею, доктор Нэвин,— ответил сопровождавший нас уполномоченный.— Это мертвая зона. Часовым дан приказ стрелять в любого, кто туда проникнет.

— В таком случае отмените приказ,— распорядился я.— Доктор Нэвин и я хотим совершить прогулку.

— Конечно, конечно, мистер Кортней,— забеспокоился чиновник.— Постараюсь сделать все, что в моих силах, но на это потребуется время. Я должен получить разрешение службы контрразведки, морской разведки и Центрального разведывательного управления, а также Федерального бюро расследований, Комиссии по атомной энергии, Отдела безопасности, Отдела...

Я взглянул на Кэти; она беспомощно пожала плечами.

— Хватит,— остановил я чиновника.— Пожалуй, действительно не стоит.

Он с облегчением вздохнул.

— Простите, мистер Кортней, но нам пришлось бы впервые испрашивать такое разрешение, а если не знаешь всех ходов и выходов, сами понимаете, как нелегко его получить.

— Понимаю,— вполне искренне согласился я с ним.— Скажите, оправдали ли себя такие меры предосторожности?

— Думаю, что да, мистер Кортней. По крайней мере до сих пор у нас не было ни единого случая саботажа или шпионажа со стороны иностранных держав или «консов».— Он самодовольно постучал костяшкой правой руки по обручальному кольцу из настоящего дуба, красовавшемуся на среднем пальце его левой руки. Я решил по приезде проверить его счета: чиновник с его жалованьем не имеет возможности покупать такие дорогие украшения.

— А разве наши работы могут заинтересовать «консов»?— полюбопытствовал я.

— Кто знает. Контрразведка, Центральное разведуправление и Комиссия по атомной энергии считают, что могут, но морская

разведка, ФБР и Отдел безопасности утверждают обратное. Не хотите ли познакомиться с комиссаром Макдональдом, начальником местной разведки? Большой специалист по «консам».

— Хочешь познакомиться со специалистом по «консам», Кэти? — спросил я.

— Если у нас есть время,— ответила Кэти.

— Я распоряжусь, чтобы в случае чего задержали самолет,— предупредительно предложил чиновник, стараясь хоть этим компенсировать неудачу с отменой приказа. Он провел нас по лабиринту узких проходов между бараками и складами к административному зданию, а затем, миновав семь контрольных постов,— в кабинет комиссара Макдональда.

Макдональд был типичным офицером-служакой, при встрече с которым невольно испытываешь гордость за Америку,— спокойный, уверенный, преисполненный сознания долга. По его погонам и нашивкам я определил, что он служит в сыскном агентстве «Пинкертон» и отрабатывает по контракту свой третий пятилетний срок.

Это был кадровый разведчик. Его руку украшало сосновое кольцо с выгравированным недреманным оком, лишенное всяких безвкусных украшений. Это был отличительный знак, свидетельство высшего класса.

— Вас интересуют «консы»? — тихо спросил он.— Я к вашим услугам. Борьбе с ними я посвятил всю свою жизнь.

— Личные мотивы, комиссар? — спросил я, надеясь услышать какую-нибудь романтическую историю.

— Отнюдь нет. Просто профессиональный интерес. Я люблю слежку, погоню, преследования, но в наше время этого почти нет. Для того чтобы поймать «конса», достаточно простейшей ловушки. Вы, должно быть, уже знаете о взрыве бомбы в Топеке? Конечно, нехорошо критиковать коллег, но, право, они могли бы догадаться, что все было подстроено «консами». Они используют любой предлог для демонстрации.

— Но почему вы так думаете, комиссар? — спросила Кэти.

Макдональд многозначительно улыбнулся.

— Интуиция. Это трудно объяснить. «Консы», конечно, против гидравлической разработки недр. Но дело не в этом. Им достаточно любого предлога для того, чтоб выразить недовольство.

— Почему же они против? — настаивала Кэти.— Ведь нам нужны и уголь, и руда?

— Ну вот еще,— шутливо недовольным тоном ответил Макдональд.— Вы еще чего доброго захотите, чтобы я начал объяснять вам психологию «консов». Некоторых я допрашивал сутками, но ни разу не получал вразумительного ответа. Поймай я этого «конса» из Топеки, уверен, он бы охотно болтал, но все это было бы отъявленной чепухой. Например, он сказал бы, что при гидравлическом способе разработки разрушается верхний слой почвы.— Ну и что же? — Разве вы не понимаете? — Чего не понимаю? — Да ведь верхний слой почвы невозможно восстановить! —

Ну и что же? — ответил бы я.— Восстановят, если нужно. А кроме того, куда лучше выращивать овощи на искусственных почвах. Тогда он обязательно сказал бы, что на искусственных почвах не вырастишь пастбищ для скота и все такое прочее. Разговоры с ними всегда заканчиваются так. Они утверждают, что мир летит в тартарары и люди должны наконец это понять, а я им отвечаю, что до сих пор все как-то обходилось, обойдется и дальше.

Кэти недоверчиво рассмеялась, а он продолжал:

— Все они болваны и ужасно упрямы. Но дисциплина у них железная, система ячеек. Если поймаешь одного, то зацепишь еще одного-двух, не больше. Связи между ячейками нет, а связь с верхушкой поддерживается через специальных людей. Мне кажется, я хорошо знаю «консов» и поэтому не боюсь саботажа или демонстраций на своем участке. Здесь у них ничего не выйдет.

В самолете, откинувшись на спинки сидений, мы с Кэти смотрели, как на уровне наших глаз вдоль пассажирской кабины парадным строем проплывала реклама. Это была старая добрая реклама для детей, текст к которой я написал много лет назад, еще в пору моего ученичества. Легонько толкнув Кэти локтем, я сообщил ей об этом, пока реклама подмигивала нам под звуки детской песенки Виктора Герберта «В стране игрушек».

Вдруг мелодия оборвалась, экран погас, и холодный голос диктора объявил:

«Самолет пролетает над сдвигом Сан-Андреас. Начинается зона землетрясений. Пассажиры ставятся в известность, что, согласно федеральным законам, пока самолет находится над зоной землетрясений, любые страховые полисы от несчастных случаев при землетрясениях не действительны».

Потом опять парадным строем поплыла реклама.

— Надо думать,— заметила вдруг Кэти,— где-нибудь здесь в самом конце совсем крошечными буквами набрано: «Страховые полисы от увечий, нанесенных яком, действительны везде, кроме Тибета».

— Страховой полис на такой случай? Неужели он у тебя есть?— в недоумении спросил я.

— Кто знает, где бедной девушке может повстречаться разъяренный як?

— Ты, кажется, изволишь шутить?— заметил я обиженно, стараясь сохранить достоинство.— Через несколько минут посадка. Я хотел бы нагрянуть к Гаррису без предупреждения. Парень он неплохой, но Ренстед мог заразить его пораженческими настроениями. В нашей профессии это самое опасное заболевание.

— Можно я поеду с тобой, Митч?

Мы смотрели в окна, пока наш самолет медленно кружил над аэродромом Сан-Диего, дожидаясь сигнала на посадку. Кэти была в этих краях впервые, а я однажды уже приезжал сюда. Но в этом районе тебя всегда ждет что-нибудь новое. Дома здесь то и дело рушатся и воздвигаются новые. Да разве это дома! Они

скорее похожи на шатры из пластмассы. Когда случается землетрясение, они шатаются, но стоят на месте, а если землетрясение такой силы, что не выдерживают даже эти конструкции, потери не так уж велики — несколько потрескавшихся пластмассовых щитов да сборные детали, которые на худой конец всегда можно извлечь из-под обломков и снова пустить в дело.

Развертывать капитальное строительство в Южной Калифорнии не имело никакого смысла. С тех пор как испытания водородных бомб в районе Сан-Андреас привели к сильным сдвигам почвы, возникла реальная опасность, что в один прекрасный день весь район преспокойно сползет в Тихий океан. Случиться это могло в любую минуту. Но, глянув вниз, мы убедились, что Сан-Диего все еще стоит на месте и, как всякие приезжие, понадеялись, что, пока мы здесь, ничего не произойдет. Говорят, что раньше землетрясения случались чуть ли не каждый день и вызывали панику среди населения, главным образом потому, что здания старой конструкции, разрушаясь, загромождали улицы грудами обломков. Но постепенно, как и следовало ожидать от местных уроженцев, они привыкли к землетрясениям и, пожалуй, теперь даже гордились ими. Ссылаясь на многочисленные статистические данные, они даже могли убедить вас, что в этих краях куда больше шансов погибнуть от удара молнии или упавшего метеорита, чем от землетрясения.

Мы наняли быстроходный педальный лимузин с тремя водителями, и он мигом доставил нас в местное отделение фирмы «Фаулер Шокен». Я не очень доверял сотрудникам Отдела рынков. Чутье подсказывало мне, что у Хэма Гарриса наверняка есть свой человек на аэродроме, который не замедлит предупредить его о моем приезде. Гаррис, конечно, соответствующим образом подготовится, а в таких случаях, как известно, любая ревизия ничего не даст.

Но поведение секретарши Гарриса немало удивило меня. Ни мое имя, ни мое лицо не были ей знакомы. Когда я назвал себя, она лениво ответила:

— Пойду узнаю, сможет ли мистер Гаррис принять вас, мистер Коннели.

— Мистер Кортней, а не Коннели, милая барышня, а к тому же я — начальник вашего мистера Гарриса.

А потом перед нашими глазами предстала картина такого безделья и нерадивости, что у меня от ужаса волосы встали дыбом.

Сняв пиджак, Гаррис дулся в карты с двумя младшими клерками. Двое других юнцов с остекленевшим тупым взором сидели перед гипнотелевизором, находясь, несомненно, в состоянии полного транса. Еще один клерк, сидя у стола, рассеянно постукивал пальцем по клавишам счетной машины.

— Гаррис! — рявкнул я громовым голосом. Все, кроме тех, кто сидел перед телевизором, вздрогнули, повернулись в мою сторону и застыли с открытыми ртами. Я подошел и выключил телевизор: теперь и эти двое тоже осоловело уставились на меня.

— М-м-истер Кортней,— запинаясь, пробормотал Гаррис.— Мы вас не ждали...

— Вижу, что не ждали. Можете продолжать,— заявил я клеркам,— а мы, Гаррис, пройдем в ваш кабинет.

Кэти скромно последовала за нами.

— Гаррис,— сказал я.— За хорошую работу многое можно простить. А вы посылали нам чертовски ценные для нашего проекта сведения. Но меня беспокоит, серьезно беспокоит то, что я здесь увидел. Надеюсь, все еще поправимо...

В это время на столе Гарриса зазвонил телефон, и я снял трубку.

— Хэм! — послышался взволнованный голос.— Он здесь, поторопись! Он взял лимузин.

— Благодарю,— заметил я и положил трубку на рычаг.— Ваш «жучок» с аэродрома.— Гаррис побледнел.— А теперь покажите образцы рекламы, записи интервью, анализ общественного мнения, карточки учета, короче — всю работу, включая и вашу собственную. Покажите то, что вам хотелось бы скрыть от меня. Выкладывайте-ка все на стол.

Он долго молчал, стоя передо мной, и наконец сказал:

— У меня ничего нет.

— Что же вы можете мне показать?

— Общие сводки,— пробормотал он,— сводные отчеты.

— Иначе говоря, фальшивки? Фиктивные сводки, которыми вы потчевали нас все время по телеграфу?

Он кивнул головой. Вид у него был несчастный.

— Как вы могли, Гаррис! — воскликнул я,— как — *могли* — вы так работать!!!

Он стал сбивчиво оправдываться. Здесь не было злого умысла: это его первая ответственная должность. Допустим, он не справился, но он старался, чтобы низшие чины его не подвели, вникал в мельчайшие детали, а все сделать самому невозможно; подчиненные это поняли, обленились, и теперь их не призовешь к порядку. Однако от жалостливого тона он вскоре перешел к воинственно-наступательному. Да так ли уж он виноват? Ведь проект существует только на бумаге, не все ли равно, как его выполнять. Может, он весь полетит в мусорную корзинку. Ну и что из того, что он не очень старался? Не он первый, не он последний — так работают все, и ничего страшного в этом нет.

— Хватит,— сказал я.— Вы не правы и сами должны бы это понять. Реклама — это искусство, но искусство, требующее строгого изучения средств, вкусов потребителя. Вы буквально выбили у нас почву из-под ног. Придется спасать то, что можно, и начинать все сначала.

Но он не собирался сдаваться.

— Напрасная трата времени, мистер Кортней, поверьте. Я работаю с мистером Ренстедом не первый год и знаю его мнение, а он не меньшая шишка, чем вы. Он уверен, что все это бумагомарание — чушь, которая влетит в копеечку и ничего не даст.

Я знал Мэтта Ренстеда получше этого Гарриса, знал, что он, как и все мы, предан фирме.

— Что? — возмутился я.— Вы можете это доказать? У вас есть компрометирующие письма, подслушанные телефонные разговоры?

— Кажется, у меня что-то сохранилось,— пролепетал Гаррис и нырнул в стол. Он рылся в бумагах, вытаскивал куски магнитофонных лент, тут же прослушивал их, и на лице его все больше застывало выражение испуга и растерянности.

— Ничего не могу найти, но я абсолютно уверен... — лепетал он в полном отчаянии.

Конечно, он был уверен. В этом и состояло величайшее искусство нашей профессии — вбить человеку в голову любую идею, да так, чтобы он и сам того не заметил. Вот так Ренстеду и удалось разложить этого слабовольного типа, посеять в его душе неверие, а затем послать его сюда, чтобы он провалил мой проект.

— Вы уволены, Гаррис,— сказал я.— Убирайтесь и никогда больше не попадайтесь мне на глаза. Не советую вам пытать счастья в рекламном деле.

Я вышел в контору и объявил сотрудникам:

— Вы уволены. Все. Поживей собирайтесь и проваливайте. Расчет получите по почте.

Они остолбенели, а Кэти шепнула мне:

— Неужели так надо, Митч?

— Да, именно так, черт побери! Почему никто из них не сообщил о том, что здесь творится? Они все преспокойно бездельничали и прохлаждались. Я говорил тебе,— в нашем деле это самая страшная болезнь. Теперь ты сама убедилась.

Мимо нас с обиженным и недоумевающим видом прошмыгнул к выходу Хэм Гаррис. Он был уверен, что мистер Ренстед вступится за него. В одной руке он держал плащ, в другой — разбухший портфель. И даже не взглянул на меня.

Я вернулся в опустевший кабинет Гарриса и связался по телефону с Нью-Йорком.

— Эстер? Говорит мистер Кортней. Я сейчас уволил весь штат конторы в Сан-Диего. Сообщите об этом в Отдел личного состава, пусть подготовят им расчет. А теперь соедините меня с мистером Ренстедом.

Я ждал целую минуту, нетерпеливо барабаня пальцами по столу. Наконец в трубке снова послышался голос Эстер.

— Простите, что заставила вас ждать, мистер Кортней. Секретарь мистера Ренстеда сообщила, что его нет в городе. Он уладил конфликт с Институтом гинекологии и решил отдохнуть несколько дней в Литтл-Америке.

— Отдохнуть, черт побери! Срочно закажите мне билет на первую же ракету, отбывающую в Литтл-Америку. Я вылетаю в Нью-Йорк, а оттуда — на Южный полюс. Понятно?

— Да, мистер Кортней.

Я повесил трубку и только тогда заметил, каким пристальным и сочувствующим взглядом смотрит на меня Кэти.

— Знаешь, Митч,— наконец сказала она,— пожалуй, я была к тебе несправедлива, когда упрекала за несносный характер. Теперь я понимаю, откуда он, если вся работа у тебя такая.

— Ну, пожалуй, не вся,— ответил я.— Это один из самых злостных случаев саботажа, с которым мне приходилось сталкиваться. Но и других неприятностей хватает. Каждый норовит подложить тебе свинью. Надо спешить на аэродром, дорогая. Ты едешь со мной?

Она помедлила, прежде чем ответить.

— Ты не рассердишься, если я останусь и осмотрю город?

— Конечно, нет. Надеюсь, ты найдешь здесь много интересного. А когда вернешься в Нью-Йорк, я уже буду там.

Мы поцеловались на прощанье, и я выбежал из кабинета Гарриса.

Контора к тому времени уже опустела. Я велел сторожу, как только уйдет Кэти, запереть помещение и никого не пускать до особого распоряжения.

Выйдя на улицу, я поднял глаза и увидел Кэти: она махала мне рукой из окна этого неправдоподобного, зыбкого здания.

Глава 6

Когда в Нью-Йорке я сбежал по трапу, Эстер уже ждала меня.

— Молодчина,— похвалил я ее.— Когда отлетает ракета на полюс?

— Через двенадцать минут, с шестой полосы, мистер Кортней. Вот ваш билет. А это завтрак на всякий случай...

— Прекрасно.— Я действительно не успел поесть. Мы направились к шестой полосе; жуя на ходу бутерброд с эрзац-сыром, я спросил:

— Что нового в конторе?

— Ваши увольнения в Сан-Диего наделали много шума. Отдел Личного состава пожаловался мистеру Шокену, но он вас поддержал — так балла на четыре, не больше.

Новость была не из приятных. Двенадцать баллов — это ураган, буря. Из кабинета Шокена доносились бы громовые раскаты: «Да как смеете вы, мелкая сошка, критиковать действия члена правления, облеченного правами?!. Чтоб я больше этого не слышал!..» и так далее. Четыре балла — это всего лишь крепчает ветерок, и мелким суденышкам лучше укрыться в гавани, ну, что-нибудь вроде: «Джентльмены, я уверен, что мистер Кортней имел все основания принять подобные меры. Занимаясь будничными делами, люди часто теряют чувство Большой перспективы...»

Я спросил у Эстер:

— Что, секретарша Ренстеда — просто одна из его сотрудниц или... — я хотел было сказать «наушница», но вовремя удержался: — ...э-э... его доверенное лицо?

— Да, он ей очень доверяет,— уклончиво ответила Эстер.

— А как она отнеслась к скандалу в Сан-Диего?

— Мне передали — хохотала, как безумная.

Больше я не стал расспрашивать. Выяснить как бы невзначай, что думает о тебе большое начальство,— это одно, но выспрашивать, что говорят рядовые сотрудницы,— все равно, что поощрять подчиненных к доносам. Хотя не скажу, чтобы у нас в конторе было мало охотниц до этого.

— Я хочу тут же вылететь обратно,— сказал я Эстер.— Только выясню кое-что с Ренстедом.

— Ваша жена не едет с вами?

— Нет. Я собираюсь разорвать Ренстеда на куски, а она хирург и, чего доброго, еще вздумает сшить его.

Эстер вежливо хихикнула.

— Приятного путешествия, мистер Кортней,— сказала она. Мы подошли к шестой полосе.

Но путешествие оказалось не из приятных. Летели мы довольно низко на отвратительной маломестной туристской ракете. Призматические стекла иллюминаторов неизменно вызывают у меня приступы воздушной болезни. Когда поворачиваешь голову и смотришь в такое стекло, видишь все внизу, прямо по вертикали. Но, пожалуй, хуже всего оказалась реклама — творение фирмы «Таунтон и К°». Глядишь в иллюминатор и только начинаешь внушать своему проклятому нутру, что все в порядке, а самому себе — что внизу под нами немало любопытного, как на стекла наплывает нахальная и бесстыжая таунтоновская реклама, и в уши назойливо лезет идиотский мотив.

Пролетая над долиной Амазонки, по интереснейшим местам, я с любопытством разглядывал «Третью электрическую» — величайшую в мире гидроэлектростанцию, как вдруг началось:

Чудо-бюст, чудо-бюст,
Чудо из чудес!

Сопровождавшие эту пошлятину изображения были выдержаны в самом низкопробном духе. Я в который уже раз возблагодарил господа бога за то, что не работаю у Таунтона.

Примерно то же повторилось над Огненной Землей. Ракета описала большой круг, чтобы туристы могли посмотреть китобойные промыслы. Под нами было огромное водное пространство, огороженное плавучими бонами — туда свободно проникал планктон, но попавшие в западню киты уже не могли выбраться оттуда. Я с восхищением смотрел, как самка кита кормит детеныша — это напоминало заправку самолета в воздухе. Но тут иллюминаторы опять помутнели — пассажиров начали потчевать очередной порцией таунтоновской рекламы:

Не мудрено, что он к тебе нейдет!
Скорей купи наш дивный «Антипот»!

Дальнейшее предназначалось непосредственно для органов обоняния. Это уже было свыше моих сил, и мне пришлось воспользоваться бумажным кульком, которым авиакомпания предусмотрительно снабжает пассажиров. А реклама чирикала дальше.

Затем музыка и пение прекратились и последовал грубоватый, прозаический медицинский совет:

«Не задерживайте естественное потовыделение. Это равносильно самоубийству. Врачи рекомендуют пользоваться дезодоратором, но ни в коем случае не астринджентом».

Потом еще раз густо шибануло в нос. Но мне было уже все равно — и в голове, и в желудке у меня было пусто.

Таунтоновские парни любят грубо приправлять свою рекламу медицинскими советами; можно подумать, будто они сами изобрели этот прием.

Мой сосед, невзрачный потребитель в костюме фирмы «Юниверсал», не без удовольствия смотрел, как меня выворачивало наизнанку.

— Что, многовато для тебя, приятель? — наконец спросил он снисходительно-покровительственным тоном человека, не подверженного воздушной болезни. Этот тон хорошо знаком и ненавистен всем, кто страдает ею.

— Угу,— промычал я, чтобы отвязаться.

— Да, от такой рекламы немудрено и захворать,— продолжал он, явно воодушевленный моим красноречивым ответом. Однако этого я уже не мог снести.

— А, собственно, что вы имеете в виду? — спросил я его ледяным голосом.

Он струхнул.

— Я только хотел сказать, что запах, пожалуй, был немного резковат,— поспешно пролепетал он.— В этой, последней рекламе. А так я ничего не имею против рекламы, я только об одной... Я лояльный гражданин Америки, приятель...

— То-то же,— сказал я и отвернулся.

Но он перепугался не на шутку.

— Я человек благонадежный, приятель. Вся семья проверена, учился в хорошей школе. Сам — по производственной части, у меня в Филадельфии мастерская по изготовлению штампов. Я соображаю — товар-то надо сбывать! Всякое там создание новых рынков сбыта, вертикальная интеграция экономики и прочее. Я вполне надежен... на меня можно положиться, приятель...

— Ладно,— буркнул я.— Тогда не распускай язык.

Он боязливо съежился в своем кресле. Я не испытывал ни малейшего удовольствия от того, что заткнул ему глотку, но дело тут в принципе. Пусть не болтает лишнего.

Над Литтл-Америкой нас продержали в воздухе, пока приземлялись два туристских самолета. Один из них прилетел из Индии, и при взгляде на него я просиял от удовольствия. Весь он от носа до хвоста принадлежал «Индиастрии», экипаж его был обучен «Индиастрией» и служил только ей. Пассажиры денно и нощно, ежечасно и ежеминутно обогащали «Индиастрию», а она в свою очередь обогащала рекламное агентство «Фаулер Шокен».

Наконец тягач подтащил нас к гигантскому тороиду с двойными стенами из пластической массы. Это и была Литтл-Америка. Здесь размещался всего один контрольный пункт для регистрации пассажиров. Литтл-Америка — это долларовая ловушка для туристов со всего света. Военно-стратегического значения она не имеет. На полюсе есть несколько военных баз, но они невелики, находятся на значительном расстоянии друг от друга и упрятаны глубоко под лед. От небольшого ториевого реактора Литтл-Америка получает тепло и электроэнергию. Даже если бы какому-

нибудь государству, отчаявшемуся получить собственные расщепляющиеся материалы, вздумалось захватить реактор, с военной точки зрения оно ничего бы не выиграло. Для получения тепловой энергии в помощь реактору использовались еще ветряные двигатели, которым в свою очередь каким-то непостижимым для меня образом помогали специальные «тепловые насосы».

В контрольно-таможенном пункте я справился о Ренстеде. Чиновник заглянул в регистрационный журнал:

— Он прибыл из Нью-Йорка, пробудет два дня. Его обслуживает туристская компания «Томас Кук и сыновья». Разместился в III-С-2205.

Чиновник достал план и показал мне, где находится кольцо III, третий этаж, пятый сектор, комната двадцать два.

— Найти нетрудно. Если хотите, могу поместить вас в соседней комнате,— предложил он.

— Благодарю, только не сейчас.

Пустив в ход локти, я протиснулся сквозь шумную многоязычную толпу туристов и, найдя после недолгих поисков кольцо III-С-2205, позвонил у двери двадцать второй комнаты. Никто не ответил.

Вдруг ко мне подскочил молодой человек приятной наружности.

— Камерон, директор туристского бюро,— представился он.— Чем могу служить?

— Мне срочно нужен мистер Ренстед. По очень важному делу.

— Что вы, сюда приезжают, чтобы забыть о делах! Если подождете минутку, я взгляну в свой реестр.

Я прошел за ним в его контору — она же спальня и ванная комната. Он полистал регистрационный журнал.

— Восхождение на ледник Старзелиус. О-ля-ля! Он пошел туда один, ровно в семь ноль-ноль, в электрокомбинезоне, с радиопеленгатором, взяв полный рацион питания. Должен вернуться часов через пять или около этого. Вы уже получили комнату, мистер э-э..?

— Нет еще. Но я намерен сейчас же отправиться на ледник. Дело не терпит отлагательства.

И это была сущая правда. Я чувствовал, что меня хватит удар от бешенства, если Ренстед сейчас же не попадется мне в руки.

Суетливый директор туристского бюро принялся меня убеждать, что я многое потеряю, если не воспользуюсь его услугами. Он берется все устроить. В противном случае, сказал он, мне самому придется покупать или брать напрокат у разных посредников необходимое снаряжение, а оно при проверке может оказаться неисправным. Поди ищи тогда тех, кто тебе его всучил. Так и отпуск кончится. Я согласился, и мистер Камерон просиял. Он отвел мне вполне комфортабельную комнату в этом же секторе. Она была бы даже просторной, если бы не имела формы клина.

Через пять минут мистер Камерон уже выдавал мне снаряжение.

— Батарею прикрепите вот сюда. Это единственное, что может вас подвести. Если прекратится подача электроэнергии, примите таблетку снотворного и не беспокойтесь ни о чем. Мы разыщем вас еще до того, как мороз повредит ткани. Вот ботинки. Подключать их надо сюда, а рукавицы — вот сюда. Комбинезон, капюшон, темные очки, радиопеленгатор. На контрольном пункте скажете: «Ледник Старзелиус» — и вам настроят пеленгатор на нужное направление. Два простых переключателя: «подъем», «спуск». При подъеме тональность сигналов повышается: «бип-би-ип, бип-би-ип!», при спуске понижается: «би-ип-бип, би-ип-бип!». Запомнить легко. Если нужно дать сигнал бедствия, дерните вот за эту красную рукоятку и переходите на передачу. Вертолет прибудет через пятнадцать минут. Расходы по поискам и спасению — за ваш счет, поэтому не советую дергать рукоятку только для того, чтобы поскорее вернуться на базу. Лучше отдохните, выпейте глоток Кофиеста и продолжайте путь. Маршрут отмечен на карте. Лыжи, гирокомпас, полный рацион питания. ...Вот, мистер Кортней, вы и снаряжены. Я провожу вас до контрольного пункта.

Снаряжение оказалось не слишком обременительным, как это подумалось мне поначалу. Зимой в Чикаго, когда с озера дуют сильные ветры, мне приходилось таскать на себе и побольше. Такие громоздкие предметы, как батарея, радиопеленгатор и запас еды, были удобно размещены в комбинезоне. Лыжи складывались и превращались в палки с крючьями на концах для восхождения на ледник, и все это удобно пряталось в чехол за спиной.

На контрольном пункте все тщательно проверили, начиная с моего сердца и кончая снаряжением, а строже всего — батарею. Наконец контролер настроил мой пеленгатор на ледник Старзелиус, в который раз предупредив о том, что нельзя перегружать прибор.

В комбинезоне мороз не чувствовался, но, когда я на мгновение приоткрыл лицевое стекло шлема, мне тут же пришлось захлопнуть его. Ух! Сорок градусов ниже нуля, сказали мне. Эта температура ровным счетом ничего не значила для меня, пока я за одну секунду не проверил ее на кончике собственного носа.

У стен гигантского пластмассового здания Литтл-Америки лыжи мне не понадобились. Шипы моих ботинок только слегка пробивали крепкий наст. Я сориентировал карту по гирокомпасу и зашагал в необъятную белую мглу. Время от времени я касался левого рукава, нажимал на рычажок пеленгатора и слушал ободряющее, веселое: бип-би-ип, бип-би-ип, бип-би-ип.

Я обогнал группу туристов и приветственно помахал им рукой. Они были не то из Китая, не то из Индии. Вот, должно быть, приключение для них! Однако, подобно неумелым пловцам, предпочитающим боязливо плескаться у берега, они не решались отходить далеко от Литтл-Америки и резвились на снегу прямо у ее стен.

Немного поодаль другая группа туристов играла в незнакомую мне игру. Установив по обеим сторонам квадратного поля, очерченного на снегу, шесты с корзинками без днищ, они пытались забросить туда большой силиконовый мяч. Еще дальше инструкторы в красных костюмах обучали туристов ходить на лыжах.

Когда через несколько минут я оглянулся, инструкторов в красных костюмах уже не было видно, а здание Литтл-Америки превратилось в бледно-серое пятно. «Бип-би-ип»,— пел мой пеленгатор, и я уверенно продолжал путь. Скоро, Ренстед, ты услышишь меня. Скоро. Литтл-Америка уже совсем скрылась из виду — исчезло даже бледно-серое пятно. Но меня это не тревожило. Одиночество рождало жутковатое и вместе с тем приятное чувство. Я подумал, что, должно быть, Джек О'Ши испытывал такое же чувство, когда попал на Венеру. Не потому ли он с трудом находил слова, когда рассказывал о ней, и не потому ли всегда оставался недоволен своим рассказом?

Одна нога провалилась в сугроб, и я достал лыжи. Щелкнув, они раскрылись, и после нескольких неудачных попыток я наконец перешел на легкий скользящий шаг.

Я шел по азимуту, выбирая все новые ориентиры: причудливо торчащий ледяной торос, голубую тень во впадинке на белой равнине. Пеленгатор подтверждал правильность курса. Я не на шутку возгордился своим уменьем ориентироваться в белой пустыне.

Через два часа я почувствовал сильный голод, остановился, присел на корточки и, поставив палатку из силиконовой ткани, забрался в нее. Осторожно высовывая нос, через пять минут я убедился, что температура воздуха в палатке вполне терпима. Я с аппетитом съел саморазогревающееся жаркое, запил его горячим чаем и попытался было выкурить сигарету. Но после того, как я затянулся второй раз, крохотная палатка наполнилась дымом, и я буквально ослеп от слез. С сожалением загасив сигарету о подошву башмака, я опустил лицевое стекло шлема, убрал палатку и с наслаждением распрямил затекшую спину.

Еще раз проверив маршрут по карте, я снова пустился в путь. Черт побери, сказал я себе, вся эта история с Ренстедом — просто из-за разницы в характерах. Очевидно, он не способен видеть широкие горизонты. Здесь нет злого умысла с его стороны. Он считает идею с колонизацией Венеры сумасбродной,— просто не может понять, что есть люди, которых она способна увлечь. Ему надо только объяснить...

Однако надежды, рожденные благодушным настроением, тут же разбились о доводы трезвого разума. Ведь вздумал же Ренстед отправиться на ледник. Если из всех мест на земле он выбрал ледник Старзелиус, значит, он не против широких горизонтов? Что ж, ждать осталось недолго. Встреча все объяснит. Бип-би-ип!

Глянув через визир компаса, я заметил прямо по курсу неподвижную точку. Тогда я перешел на скользящий бег, но тут же запыхался и волей-неволей снова умерил шаг. Точка превратилась в человека.

Теперь нас разделяло всего шагов двадцать. Человек нетерпеливо посмотрел на часы, и я снова неуклюже побежал.

— Мэтт! — крикнул я. — Мэтт Ренстед!

— Ты угадал, Митч, — ехидно ответил он. — Сегодня ты точен.

Я впился в него долгим пристальным взглядом, не зная, как лучше начать разговор. Его сложенные лыжи стояли рядом, воткнутые в снег.

— Как же!.. Как же это ты!.. — наконец начал я, запинаясь.

— Хоть времени у меня достаточно, но ты и так слишком долго морочил мне голову, — бесцеремонно прервал он меня. — Прощай, Митч. — И прежде чем я успел опомниться, он выхватил из снега лыжи и со всего размаха ударил ими меня по голове. Я упал оглушенный; боль, удивление и бессильный гнев душили меня. Я почувствовал, как его руки шарят у меня по груди, и затем потерял сознание.

Когда я пришел в себя, мне показалось, что с меня сползло одеяло и я зябну от раннего осеннего холодка. Но белое небо Арктики больно резануло глаза, а под собой я почувствовал непрочный колючий наст. Значит, это не сон, все это действительно случилось. Голова раскалывалась от боли, и было холодно, ужасно холодно. Я ощупал себя и обнаружил, что батарея исчезла. Тепло больше не поступало в комбинезон, рукавицы и ботинки. Лишен питания передатчик, бесполезно подавать сигнал бедствия.

С трудом поднявшись на ноги, я почувствовал, как холод клещами впился в тело. На снегу виднелись следы, уходившие куда-то в сторону. А вот и моя лыжня. Ноги окоченели, и я с трудом сделал шаг, потом второй, третий.

Я вспомнил о рационе. Можно засунуть пакеты с едой под комбинезон, сорвать термоизоляционную обертку, и благодатное тепло, которое еще сохранила еда, хотя бы на мгновенье согреет закоченевшее тело. Едва волоча ноги, я медленно брел и спорил сам с собой: остановиться, отдохнуть, пока тепло от пакетов с едой согревает меня, или идти дальше? Отдохни, убеждал я себя. Случилось что-то страшное, от боли трещит голова, но тебе станет легче, если ты присядешь на минутку, вскроешь один-два пакета с едой, чтобы хоть немного согреться, а потом снова пустишься в путь.

Но я не разрешил себе сесть, зная, чем это грозит. Каждый шаг стоил мне невероятных усилий. Отыскав в кармане банку с Кофиестом, я сунул ее под комбинезон. У меня не хватало сил сорвать обертку одеревеневшими, непослушными пальцами. Тогда я приказал себе:

— Сядь, соберись с силами. Но не смей ложиться, даже если очень хочется...— Наконец я сорвал обертку, и горячая жестяная банка обожгла руки.

В голове туманилось. Я открывал еще банки, затем у меня уже не было сил доставать их из карманов. Я сел, но тут же заставил себя встать. Потом снова сел, мучимый чувством вины и стыда за свою слабость, говоря себе, что через секунду я встану — ради Кэти, через две секунды — ради Кэти, через три секунды...

Но я не тронулся с места.

Глава 7

Уснул я на ледяном холме, а проснулся в многоголосом, пульсирующем пекле с пылающей печью и свирепого вида чертями. Именно в такое пекло мне всегда хотелось отправить писак из рекламного агентства «Таунтон». Как же я сам здесь очутился? Меня это порядком обескуражило. Но удивляться долго не пришлось. Один из чертей грубо тряхнул меня за плечо и сказал:

— Хватит дрыхнуть! Помоги-ка убрать койку.

В голове немного прояснилось, и я начал соображать, что передо мной не черт, а всего лишь представитель самого низшего класса потребителей, наверное, санитар из госпиталя.

— Где мы? — спросил я. — Опять в Литтл-Америке?

— Эй, чтоб тебя! Что ты мелешь? — заорал тот, кого я принял вначале за черта, а потом за санитара. — А ну-ка, подсоби, слышишь!

— Еще чего не хватало! — уже обозлился я. — Это я-то — литературный работник высшей категории!?

Он с явным сожалением посмотрел на меня и, обронив: — Как есть свихнулся! — убежал куда-то в гулкую, пронизанную красными вспышками темноту.

Я поднялся, пошатываясь, и невольно ухватился за чей-то локоть.

— Простите, где я? Это госпиталь?

На этот раз мне попался потребитель с нравом похлеще, чем у первого.

— Отпусти к черту руку! — рявкнул он. — Нужен тебе госпиталь, — подождешь до высадки.

— Какой высадки?

— Вот такой. Послушай, чокнутый, ты что, запамятовал, как подписывал контракт?.

— Какой еще контракт? Ничего я не подписывал. Да как ты смеешь так разговаривать со мной? Знаешь ли ты, кто я? Я литературный работник высшей...

Выражение его лица смягчилось.

— Ага, ясно, — понимающе кивнул он. — Сейчас я тебе помогу. Одну минутку, полоумный, я вмиг соображу кое-что.

Через минуту он действительно вернулся и протянул мне на ладони маленькую зеленоватую таблетку.

— Всего пять сотен,— угодливо зашептал он.— Может, последняя на пароходе. Хочешь, сорганизуем припадочек. Не хочешь? Ну, тогда этой пилюльки тебе хватит перед высадкой.

— Перед какой высадкой?— завопил я уже в отчаянии.— Что все это значит? Я ничего не понимаю. Не надо мне твоей отравы! Только скажи мне, где я и что это за чертов контракт, а дальше я уж сам разберусь.

Он внимательно посмотрел на меня:

— Здорово же тебя отделали. Должно быть, треснули по башке. Ну так вот, чокнутый, ты в шестом трюме грузового судна «Томас Мальтус». Ветер или шторм — неважно, курс 273 градуса, скорость 300 узлов, пункт назначения Коста-Рика, везет таких вот олухов, как ты да я, на плантации «Хлорелла».

Поначалу я решил, что это грубая и неуместная шутка подвыпившего матроса.

— А сам-то ты?..— начал было я и умолк.

— Вот, скатился к чертовой матери,— докончил он с ожесточением и впился взглядом в зеленую таблетку на ладони. Затем, бросив ее в рот, продолжал:— Но я еще вернусь домой.— Глаза у него заблестели.— Я покажу им, как надо работать на плантациях. Через неделю меня уже назначат мастером, через месяц — управляющим, через год — директором компании. Я куплю пассажирскую линию «Кюнард» и все ракетопланы отделаю чистым золотом. Только высший класс обслуживания пассажиров, все самое лучшее. Когда-то я сам водил суда по Атлантике. У себя на флагмане я отделаю твою каюту чистым золотом. Ничего не пожалею для друга, чокнутого. Не хочешь золотом, могу платиной. Не хочешь платиной, могу...

Я осторожно отодвинулся от него, но он даже не заметил этого, продолжая нести уже явный вздор. Какое счастье, что я не пристрастился к наркотикам. Отойдя подальше, с чувством полной безнадежности я опустился на пол и прислонился к перегородке трюма.

Кто-то сел рядом со мной:

— Хелло,— послышался вкрадчивый голос.

— Хелло,— ответил я.— Послушайте, мы действительно идем в Коста-Рику? Как мне повидать капитана? Произошла ужасная ошибка.

— О, стоит ли огорчаться!— воскликнул мой сосед.— Живи и жить давай другим. Мой девиз — ешь, пей и веселись.

— Убери свои грязные лапы!— завопил я.

Мой сосед разразился отборной бранью.

Я вскочил и поспешно отошел, натыкаясь на ноги и тела спящих на полу.

Мне вдруг пришло в голову, что, пожалуй, я никогда по-настоящему не знал массового потребителя, встречаясь с ним только тогда, когда пользовался его услугами, всегда принимал как неизбежное его слабости и пороки и лишь старался использовать их, не задумываясь, к чему это может привести. Мне вдруг страст-

но захотелось выбраться из шестого трюма, вернуться в Нью-Йорк, выяснить, какую злую шутку сыграл со мной Ренстед и почему он сделал это. Я хотел вернуться к Кэти, к дружбе с Джеком О'Ши, к своей большой работе у Фаулера Шокена. Ведь мне нужно было столько сделать!

Над запасным выходом светилась красная табличка. Я с содроганием представил себе, как в случае катастрофы сотни людей, набитых в трюмы, кинутся в эту дверь, давя друг друга.

— Посторонись, приятель,— произнес чей-то хриплый голос. Человек корчился от рвоты. Я открыл дверь запасного выхода и проскользнул в нее.

— Ты куда?— рявкнул здоровенный детина — часовой в форме сыщика частного сыскного агентства.

— Мне нужно повидать капитана. Я попал сюда по ошибке. Меня зовут Митчел Кортней. Я работник высшей категории в рекламной фирме «Фаулер Шокен».

— Номер!— грубо оборвал он меня.

— 16 – 156 – 187,— ответил я не без гордости. У человека можно отнять все — деньги, здоровье, даже друзей, но нельзя отнять у него короткий номер его свидетельства благонадежности.

Сыщик довольно миролюбиво закатал мне рукав до локтя, и в ту же секунду сильнейшая оплеуха обожгла мне лицо, и я отлетел к перегородке.

— Марш в трюм, болван!— заорал он.— Здесь не место для прогулок! Мне надоела твоя болтовня!

В полной растерянности уставился я на свою руку, где было вытатуировано: 1304 – 9974 – 1416 – 156 – 187723... Мой собственный коротенький номер совершенно затерялся среди длинного ряда цифр. Краска была точно такого же цвета, лишь цифры чуть-чуть отличались, но заметить это мог, пожалуй, один только я.

— Ну, чего ты ждешь?— снова рявкнул сыщик.— Никогда не видел своего номера, что ли?

— Да, не видел,— ответил я как можно спокойнее, хотя ноги у меня подкашивались от страха. Я здорово перепугался.— Впервые вижу этот номер. Его кто-то вытатуировал вокруг моего настоящего. Говорю вам, я — Кортней, могу это доказать. Я заплачу вам...

И полез в карманы, но они оказались пусты. Только тут я заметил, что на мне чужой, в каких-то подозрительных пятнах, поношенный костюм фирмы «Юниверсал».

— Что ж, плати,— нагло ухмыльнулся сыщик.

— Уплачу потом,— растерянно пробормотал я.— А сейчас проведите меня к кому-нибудь из начальства...

В это время из-за поворота внезапно вынырнул аккуратный, подтянутый офицер с нашивками лейтенанта.

— Что здесь происходит?— напустился он на часового.— Почему горит лампочка над запасным выходом? Почему непорядок в трюме? Сообщу агентству, что не справляешься с работой.

Он даже не взглянул в мою сторону.

— Виноват, мистер Коблер,— вытянулся часовой, отдавая честь.— Этот малый, похоже, накачался. Мелет всякий вздор, говорит, что он какой-то там литературный сотрудник, попал сюда по ошибке...

— Посмотрите на этот номер! — завопил я, обращаясь к лейтенанту.

Лицо лейтенанта искривилось в брезгливой гримасе, когда я сунул ему под нос свой обнаженный локоть. Но часовой грубо схватил меня: — А ну, проваливай отсюда!..

— Подожди,— остановил его лейтенант.— Я сам разберусь. Номер, пожалуй, великоват, приятель. Для чего ты мне его показываешь?

— Он подделан. Справа и слева к нему приписаны цифры. Мой настоящий номер 16 – 156 – 187. Смотрите, как отличаются цифры!

Брезгливо задержав дыхание, лейтенант пристально посмотрел на татуировку.

— Гм. Вполне возможно. А ну-ка пойдем со мной.

Часовой торопливо открыл перед нами дверь. Вид у него был испуганный.

Через грохочущий хаос машинного отделения лейтенант провел меня в крохотную, как шляпная коробка, каюту вербовщика. Это был карлик с резкими чертами лица. Форма висела на нем как мешок.

— Покажи-ка ему свой номер,— велел мне лейтенант; я с готовностью сделал это. Затем он сказал, обращаясь к карлику:

— Надо посмотреть его личное дело.

Карлик сунул в проектор какую-то пленку.

— 1304 – 9974 – 1416 – 156 – 187723,— прочел он.— Гроуби Уильям Джордж, 26 лет, холост, третий ребенок в семье из пяти детей, неудачное детство, отец бросил семью, психически здоров, выносливость — 1, здоровье — 2,9, работал по второй категории семь лет, по полуторной — три месяца, получил образование по степени девять, заключил контракт по форме Б.— Он взглянул на лейтенанта.— Биография обычная. Есть особые причины заинтересоваться им?

— Этот парень утверждает, что он — служащий высшей категории и попал сюда по ошибке. Говорит, кто-то подделал его номер. Да и речь у него покультурней, чем у людей этого круга.

— Э,— воскликнул карлик,— пусть это вас не смущает. Неудачное детство, третий ребенок в семье — такие всегда стараются выбиться в люди, много читают. Особенно, обратите внимание...

— Довольно! — оборвал я его, не выдержав.— Я — Митчел Кортней и так богат, что могу купить вас со всеми потрохами без всякого ущерба для моего кармана. Я возглавляю отдел Венеры в Объединенном рекламном агентстве «Фаулер Шокен» и требую немедленно соединить меня с Нью-Йорком и прекратить эту идиотскую комедию! Действуйте же, черт побери!..

Лейтенант испуганно потянулся к телефону, но вербовщик улыбнулся и отодвинул аппарат.

— Итак, вы — Митчел Кортней? — вкрадчивым голосом спросил он и, достав еще какую-то пленку, вставил ее в проектор. — Читайте. — Он настроил аппарат.

Вместе с лейтенантом я взглянул в проектор.

Передо мной была первая страница газеты «Нью-Йорк таймс», и на самом видном месте — некролог Митчелу Кортнею, заведующему Отделом Венеры рекламного агентства «Фаулер Шокен». Меня нашли замерзшим на леднике Старзелиус неподалеку от Литтл-Америки. Оказывается, я вздумал ковыряться в батарейке, и она вышла из строя. Лейтенант давно уже с равнодушным видом отвернулся от проектора, а я все читал. Я узнал, что Отдел Венеры возглавляет теперь Мэтт Ренстед, что моя смерть была тяжкой утратой для мира рекламы, что моя жена, доктор Нэвин, отказалась дать интервью газетам, а Фаулер Шокен произнес прочувственную речь и высоко оценил мои заслуги. Я выяснил, что был личным другом Джека О'Ши, первого человека, побывавшего на Венере, который выразил глубокую печаль по поводу моей безвременной кончины.

— Я купил газету в Кейптауне. Можете преспокойно отправить этого проходимца обратно в трюм, лейтенант, — произнес вербовщик.

Вызвали часового. Всю дорогу он не переставал награждать меня пинками и с такой силой втолкнул в красноватый полумрак трюма, что я с размаху сшиб кого-то с ног. После сравнительно свежего воздуха в коридоре зловонье в трюме показалось мне невыносимым.

— Чего ты там натворил, приятель? — поднимаясь на ноги, добродушно спросил человек, послуживший чем-то вроде амортизатора.

— Хотел только им объяснить, кто я такой... — Но, сообразив, что рассказывать об этом бесполезно, просто спросил: — Что с нами будет дальше?

— Высадят в порту, разместят по баракам, определят на работу. По какой форме у тебя контракт?

— Сказали, по форме Б.

Он присвистнул.

— Ловко же тебя одурачили.

— Что ты хочешь сказать?

— Да где были твои глаза? Дело дрянь. Контракт по форме Б — пять лет работы. Им удается подбить на это лишь беженцев да законченных идиотов, редко кого другого. В контракте есть пункт о поведении. Когда мне предложили форму Б, я сказал, что, пожалуй, выгодней податься к ребятам из сыскного агентства Бринка. Тогда мне предложили форму Д. Должно быть, им здорово нужна рабочая сила. У меня контракт на один год, могу свободно покупать продукты не только в лавках компании, есть и другие поблажки.

Я стиснул голову руками, словно боялся, что она разорвется от отчаяния.

— Неужели все так плохо? А деревенский образ жизни, работа на свежем воздухе, солнце?..

— Да-а,— смущенно протянул мой собеседник.— Конечно, это лучше, чем работа на химических заводах, хотя, пожалуй, похуже, чем в шахтах. Впрочем, скоро сам увидишь.

Он ушел, а я, разбитый и опустошенный, начал обдумывать, что делать дальше, и не заметил, как задремал.

Сигнала высадки не было. Просто судно с силой ударилось о причал. Открылись люки трюмов, и в них ворвалось слепящее тропическое солнце. Яркий свет больно полоснул по глазам, привыкшим к темноте. Вместе с солнцем в трюмы проник не свежий деревенский воздух, а едкий запах дезинфицирующих составов. Я кое-как выбрался из толпы бранящихся и толкающихся потребителей и стал протискиваться к выходу.

— Подожди, олух!— грубо остановил меня человек с недобрым лицом; на груди у него была бляха надсмотрщика. Он накинул мне на шею шнурок с биркой, на которой был проставлен номер. Такую же бирку получил каждый из нас, и все мы выстроились в длинную очередь перед столом, стоявшим прямо на причале у стены высокого восьмидесятиэтажного здания компании «Хлорелла». Оно напоминало проволочные конторские корзинки для входящих и исходящих бумаг, поставленные одна на другую до самого неба. На каждом ярусе сверкали зеркала, и вокруг этой громадины на земле тоже было обжигающее глаза безбрежное море света. Я понял, что здесь еще больше зеркал — они улавливали солнечные лучи и направляли их на зеркала в разных ярусах. Оттуда солнечный свет отражался в чаны фотосинтеза.

С воздуха все это могло показаться красивым, хотя и довольно обычным зрелищем. На земле же это был сущий ад. Я должен придумать, как выбраться отсюда. Но в мозгу назойливо вертелось, мешая сосредоточиться: «С солнечных плантаций Коста-Рики, обрабатываемых умелыми руками гордых своим трудом свободных фермеров, к нам поступают свежие, вкусные, питательные продукты из белка хлореллы...»

Да, я сам когда-то написал эти строки.

— А ну, пошевеливайся!— заорал надсмотрщик.— Пошевеливайся, дьявол бы вас побрал, чертовы черпальщики!

Я прикрыл руками слезящиеся от света глаза и вслед за остальными приблизился к столу.

Сидевший за столом человек в темных защитных очках спросил:

— Имя, фамилия?

— Митчел Корт...

— Это тот самый,— услышал я голос вербовщика.

— Ага, понятно,— ответил человек в темных очках и, обращаясь ко мне, произнес:

— Гроуби, у нас и до тебя находились охотники нарушать

контракт по форме Б. И все они потом горько жалели об этом. Кстати, тебе известен годовой бюджет Коста-Рики?

— Нет,— пробормотал я.

— Почти сто восемьдесят три миллиарда долларов. А, может, ты знаешь, сколько налога платит в год корпорация «Хлорелла»?

— Нет, черт побери...

Тут он совсем вышел из себя.

— Почти сто восемьдесят миллиардов долларов! Такой сообразительный парень, как ты, легко может понять из этого, что правительство Коста-Рики и ее суд делают только то, что прикажет «Хлорелла». И если понадобится проучить какого-нибудь нарушителя контракта, они охотно окажут нам эту услугу. Можешь не сомневаться. Итак, твоя фамилия?..

— Грouби,— ответил я сдавленным голосом.

— Имя? Образование?

— Не помню. Если вы запишете мне это на клочке бумаги, я выучу наизусть.

Я услышал, как вербовщик засмеялся и сказал: — Этот одумается.

— Что ж, ладно, Грouби,— милостиво произнес человек в темных очках.— Худого мы тебе не желаем. Вот твой пропуск и направление. Будешь работать черпальщиком. Проходи.

Я отошел. Надсмотрщик, выхватив у меня направление, рявкнул:

— Черпальщики, сюда.

«Сюда» означало спуститься под нижний ярус здания, где свет был еще более слепящим, затем пройти по узкому проходу между низкими зловонными чанами в центральную часть здания. Помещение, куда я попал, было довольно хорошо освещено, но после трижды отраженного зеркалами тропического солнца здесь, казалось, царил полумрак.

— Черпальщик?— спросил меня какой-то человек. Щурясь и моргая, я кивнул.

— Я — Мюллейн, направляю на участки. Ну вот, решай сам, Грouби,— произнес он, заглянув в мой пропуск.— Черпальщик нам нужен на шестьдесят седьмом ярусе и на сорок первом. Спать ты будешь на сорок третьем. Выбирай, где тебе лучше работать. Предупреждаю, лифта для рабочих второго класса у нас нет.

— На сорок первом,— незамедлительно ответил я, стараясь что-либо прочесть на его лице.

— Разумное решение,— одобрил Мюллейн.— Очень разумное.— Затем он умолк. Потянулись томительные секунды.— Приятно иметь дело с разумным человеком,— снова повторил он и опять надолго замолчал.

— У меня нет при себе денег,— наконец сообразил я.

— Ладно,— могу дать взаймы,— сказал он.— Подпиши-ка вот эту бумажку, а в получку сочтемся. Сумма невелика — всего пять долларов.

Я прочел и подписался, для чего мне пришлось снова

взглянуть на пропуск — фамилию я помнил, а имя забыл. Мюллейн быстро нацарапал на пропуске цифру 41 и свои инициалы и тут же убежал. Разумеется, никаких пяти долларов я и в глаза не видел, но не стал его догонять.

— Я — миссис Хорокс, консьержка,— вкрадчивым голосом представилась мне какая-то матрона.— Добро пожаловать в нашу семью, мистер Гроуби. Я уверена, что вы проведете с нами немало счастливых лет. А теперь поговорим о деле. Мистер Мюллейн уже, наверное, сказал вам, что нынешнее пополнение оборванцев — то бишь законтрактованных рабочих — размещается на сорок третьем ярусе, если не ошибаюсь. В мою задачу входит помочь вам подобрать подходящих соседей по койке.

Миссис Хорокс напоминала тарантула.

— Есть свободная койка в седьмой комнате. Такие милые, милые молодые люди. Хотите туда? Я понимаю, как это важно попасть в свое общество. А?

Я сразу понял, о каком обществе она говорит, и поспешил отказаться.

Она оживленно продолжала:

— Тогда двенадцатая комната. Боюсь, народ там немного грубоват, но бедняку выбирать не приходится, не так ли? Они будут очень рады принять в свою среду такого приятного молодого человека, а? Однако там не мешало бы иметь при себе какое-нибудь оружие, ну хотя бы нож, например. На всякий случай, знаете. Итак, я помещу вас в двенадцатую, мистер Гроуби?

— Нет, нет,— воскликнул я.— Где у вас еще есть свободные койки? Кстати, не могли бы вы одолжить мне долларов пять до получки?

— Пожалуй, я устрою вас в десятую комнату,— сказала миссис Хорокс, что-то записывая.— Ну, конечно, конечно, я дам вам денег. Вы сказали десять долларов? Распишитесь вот здесь, мистер Гроуби, и поставьте отпечаток большого пальца. Благодарю вас.— И миссис Хорокс отправилась на поиски очередной жертвы.

Какой-то багроволицый тучный человек, схватив меня за руку, просипел пропитым голосом:

— Добро пожаловать, брат, в ряды местного отделения Пан-Американского Объединенного Союза Рабочих Слизе-Плесне-Белковой промышленности. Эта брошюрка расскажет тебе, как мы защищаем рабочих от шантажистов и вымогателей, которых везде хоть пруд пруди. Твой энтузиазм и уплата членских взносов будут учитываться автоматически, но за эту ценную брошюрку надо уплатить особо.

На этот раз я прямо спросил:

— Брат, скажи, что ждет меня, если я откажусь ее купить?

— Сбросят вниз головой в лестничный пролет, только и всего,— спокойно ответил он и, ссудив меня мифическими долларами на покупку брошюры, исчез.

Чтобы попасть в десятую комнату, мне не пришлось взбира-

ться по лестнице на сорок третий этаж. Рабочим моей категории пользоваться лифтом не полагалось, но вверх и вниз по этажам ходила грузовая клеть, прыгнув в которую, можно было подняться или спуститься на нужный ярус. Шахта, где ходила клеть, была очень узкой, и если твой зад хоть немного выпирал, ты рисковал его лишиться.

В десятой комнате было шестьдесят коек, размещенных по три в ряд одна над другой. Поскольку работали только при солнечном свете, сменного пользования койками не было, и моей постелью пользовался только я один. А это было великим благом.

Когда я вошел, какой-то старик с постным лицом меланхолично подметал пол в узком проходе между койками.

— Новенький? — спросил он, взглянув на мой пропуск.— Вот твоя койка. Меня зовут Пайн. Я — дневальный. С работой черпальщика знаком?

— Нет,— ответил я.— Послушайте, Пайн, где здесь можно позвонить по телефону?

— В комнате рядом.

В соседней комнате был телефон, довольно большой гипнотелевизор, проекционные фонари для чтения, катушки с микрозаписями, иллюстрированные журналы. Я стиснул зубы, увидев на стеллажах яркие обложки «Таунтонз Уикли». Телефон, разумеется, был платный.

Пришлось вернуться в десятую комнату.

— Мистер Пайн,— обратился я к дневальному,— не найдется ли у вас взаймы долларов двадцать мелкими монетами? Мне необходимо заказать разговор по международной линии.

— Найдется, если вернешь двадцать пять,— ответил он без тени смущения.

— Верну, сколько надо, верну.

Он медленно нацарапал расписку, я поставил свою подпись и отпечаток пальца. Затем Пайн извлек из своих бездонных карманов горсть монет и, не торопясь, отсчитал нужную сумму.

Мне очень хотелось позвонить Кэти, но я не рискнул. Может быть, она дома, а может, и в госпитале, и мой звонок оказался бы напрасным. Я набрал пятнадцать цифр телефона конторы Фаулера Шокена, предварительно всыпав в автомат целую пригоршню звенящих монет. Я ждал, что коммутатор произнесет знакомые слова: «Фирма „Фаулер Шокен" слушает. Добрый день.— День всегда начинался хорошо для фирмы «Шокен» и ее клиентов.— Чем можем служить?» Но вместо этого в трубке послышалось:

— Su número de prioridad, por favor? *

Для международных телефонных разговоров требовался пароль, а у меня его не было. Чтобы получить пароль хотя бы из четырех цифр, абонент должен обладать капиталом не менее чем в миллион долларов и аккуратно вносить плату за услуги. Международные телефонные линии теперь настолько перегружены, что

* Номер вашего пароля, пожалуйста (*исп.*).

нечего и думать о пароле для частных лиц. Все это меня мало волновало, когда я пользовался паролем фирмы «Шокен». Это было еще одним из тех удобств, без которых теперь придется обходиться.

Я медленно повесил трубку. Конечно, монеты обратно я не получил.

Можно написать письма. Написать Кэти, Джеку О'Ши, Фаулеру, Колльеру, Эстер, Тильди. Надо испробовать все! «Дорогая жена (дорогой шеф)! Настоящим уведомляю, что ваш супруг (сотрудник), которого вы все считаете мертвым, жив и самым непостижимым образом оказался законтрактованным на плантации «Хлорелла» в Коста-Рике. Поэтому бросьте все свои дела и немедленно выручайте его. Подпись: любящий муж (сотрудник), Митчел Кортней».

Но здесь все письма, несомненно, подвергались цензуре.

В полном отчаянии я вернулся в десятую комнату. Обитатели ее уже начали собираться.

— Новичок! — завопил кто-то, увидев меня.

— Встать! Суд идет, — протрубил чей-то бас.

Я не осуждаю их за то, что потом произошло. Это, должно быть, стало своего рода традицией, которая хоть немного скрашивала убийственную монотонность их жизни, единственной возможностью показать свое превосходство над кем-то, еще более униженным и несчастным. Ведь каждый из них тоже прошел через это. Я уверен, что в седьмой комнате эта процедура была бы куда более гнусной и унизительной, а в двенадцатой я бы вряд ли уцелел. Но здесь это было лишь способом немного поразвлечься. Уплатив «штраф» — еще одна долговая расписка — и получив положенное количество затрещин и пинков, я произнес какую-то богохульную клятву и стал полноправным жильцом десятой комнаты.

Я не пошел вместе со всеми обедать, а остался лежать на койке. Мне хотелось умереть, стать бездыханным трупом, каким теперь считал меня весь мир.

Глава 8

Работу черпальщика освоить нетрудно. Встав на рассвете, проглатываешь кусок белковой массы, только что отрезанный от Малой Наседки, запиваешь чашкой Кофиеста, надеваешь комбинезон, и грузовая клеть доставляет тебя на нужный ярус. С восхода до заката под слепящими лучами солнца ходишь вокруг низких бродильных чанов с хлореллой *. Если ходишь медленно, то через каждые полминуты на поверхности чана легко заметить созревший участок, пузырящийся, богатый углеводами. Собираешь черпаком готовую массу и сбрасываешь в желоб. А там ее подбирают, упаковывают в тару на экспорт или перерабатывают на глюкозу, которой кормят Малую Наседку, а та в свою очередь снабжает потребителя от Баффиновой Земли ** до Литтл-Америки питательной белковой массой. Каждый час можешь глотнуть воды из фляги и принять таблетку соли. Каждые два часа — пятиминутный отдых. И так до захода солнца, а после заката сдаешь комбинезон и идешь в столовую съесть очередной кусок белковой массы. Затем ты свободен и предоставлен самому себе. Можешь болтать с приятелями, читать, впасть в транс перед гипнотелевизором, пойти, если хочешь, в лавку, затеять с кем-нибудь драку или до умопомрачения раздумывать над тем, что все могло быть иначе; на худой конец можешь завалиться спать. Чаще всего выбираешь именно это.

Я писал множество писем и старался как можно больше спать, наверное, потому и не заметил, как прошли первые две недели и настал день получки. Компании «Хлорелла» я остался должен восемьдесят с лишним долларов. Кроме долговых расписок, которые я так щедро раздавал, были еще взносы в фонд благосостояния служащих (насколько я потом разобрался, мы в некотором роде платили налоги за фирму «Хлорелла»), членские и вступительные взносы в профсоюз, прямые налоги (на этот раз за самого себя), больничные (попробуй добейся, чтобы тебя полечили, жаловались старожилы) и страховые взносы.

Лишь одно служило мне слабым утешением. Вот выберусь от-

---

* Особый вид морских водорослей, обладающих способностью превращаться в сахар и белок, если их поместить в горячую воду с добавлением углекислоты и подвергнуть воздействию солнечных лучей.

** Остров в североамериканском архипелаге.

сюда,— а я не переставал в это верить,— и буду знать потребителя, как никто другой в нашем мире рекламы. Правда, у Шокена мы иногда набирали в ученики толковых ребят из самых низов. Но теперь я понял, что из-за какой-то непонятной гордости они не хотели посвящать нас в образ жизни и мыслей рядового потребителя. Возможно, они сами стыдились своего прошлого.

Кажется, только теперь я начал понимать, какое мощное воздействие на подсознание человека оказывает реклама. Куда большее, чем мы, профессионалы, привыкли считать.

Поначалу я был неприятно удивлен, услышав, что здесь рекламу называют просто враками, но затем немало обрадовался, увидев, что так или иначе, а она свое дело делает. Разумеется, больше всего меня интересовало, как откликаются на рекламу проекта «Венера». В течение недели везде, где только мог, я наблюдал, как растет интерес к Венере даже у тех, кто никогда и не помышлял лететь на нее и едва ли знал кого-либо, кто туда собирался. Я сам видел, как люди смеялись, слушая шутливые куплеты и побасенки, сочиненные сотрудниками Фаулера Шокена:

Лилипутик Крошка-Джек
На Венере взял разбег.
На Земле — не тут-то было,
Парню силы не хватило.

Очень ловко и где только можно протаскивалась мысль, что Венера избавит мужскую половину рода человеческого от унизительного чувства неполноценности. Я всегда считал, что отдел Бена Уинстона, готовящий рекламу на массового потребителя, был самым талантливым и оперативным.

Особенно хорошо им удавались загадки. Например: «Почему Венеру называют утренней звездой?» Вроде на первый взгляд здесь не заложено особого смысла. Но если вспомнить, что у древних римлян Венера считалась богиней любви... Главное в жизни — направить в нужное русло мощный поток человеческих страстей. (Я вовсе не собираюсь оправдывать тех изменников нашему общему делу, которые, чтобы поднять спрос на отдельные виды товаров, пытаются сыграть на якобы естественном для человека «желании смерти». Оставим это неблаговидное занятие таунтонам. Оно бесчестно и аморально, и я никогда не имел ничего общего с подобными делами. Кроме того, если люди начнут думать только о смерти, это неизбежно приведет к сокращению числа потребителей).

Не секрет, что, если в рекламе опираться на великие первобытные инстинкты, не только сбываешь товар, но целишься и подальше. Реклама помогает укрепить эти инстинкты в людях, дает им возможность полнее проявиться, привлекает к ним внимание. В конечном итоге это приведет к росту населения, а следовательно, росту числа потребителей, в которых мы, рекламные агентства, так нуждаемся.

Я с удовольствием убедился, что компания «Хлорелла» не-

устанно заботится о росте народонаселения. Каждый работающий в ней ежедневно получал необходимое количество гормонов. На пятидесятом ярусе здания «Хлореллы» был открыт великолепный пансионат на тысячу коек. Компания ставила лишь одно условие — дети, родившиеся на плантациях, с десятилетнего возраста автоматически становились собственностью «Хлореллы», если хоть один из родителей к этому времени продолжал работать на плантациях.

Но мне было не до пансионата и развлечений. Я наблюдал за окружавшими меня людьми, изучал обстановку и ждал случая. Если же случая вскоре не представится, придется самому его искать. А пока следовало освоиться как можно лучше.

Я внимательно следил за рекламой проекта «Венера». Какое-то время дела шли превосходно. Шутки, загадки, каламбуры, небольшие рассказики, умело поданные на страницах журналов, веселые песенки, передаваемые в эфир,— все это оказывало свое воздействие.

А затем что-то произошло. Начался явный спад. Через неделю я уже не сомневался в этом. Слово «Венера» исчезло из радиопередач, а космическая ракета, если и упоминалась, то только в соседстве с такими словами, как «радиоактивное заражение», «налоги», «жертвы». В передачах на массового потребителя зазвучали новые, внушающие тревогу нотки, например: «Слыхали, какой-то болван все-таки задохся в костюме для космических полетов?»

Внешне все как будто обстояло хорошо, и Шокену, ежедневно читавшему только выжимки из экстрактов кратких суммированных сводок, составленных на основании сокращенных резюме и рефератов докладов Отдела Венеры, вроде и не было оснований беспокоиться.

Но я знал проект «Венера» и понял, что за дело взялся Мэтт Ренстед.

В нашей комнате Херера считался аристократом. После десяти лет работы в компании «Хлорелла» он сумел подняться до мастера-резальщика, но топографически это означало, что он спустился глубоко под землю, в огромный холодный подвал, где росла и зрела Малая Наседка. Здесь он вместе со своими помощниками ловко обрабатывал ее ножами, похожими на мечи. Одним ударом Херера отсекал большие куски созревшей белковой массы, а затем его подручные фасовали их, замораживали, варили, сдабривая специями, упаковывали и рассылали во все концы земного шара.

Однако Херера был не только мастером-резальщиком. Он играл роль своего рода предохранительного клапана. Малая Наседка могла расти десятки лет. Начав с крохотной клетки, теперь она только и знала, что множилась и росла, готовая поглотить, всосать в себя все, что попадалось ей на пути. Она грозила постепенно заполнить свое цементное гнездо, сдавливая и разрывая клетки своей нежной ткани. Пока ее кормили, она росла. Херера

следил за тем, чтобы Наседка была сдобной и мягкой, чтобы ни один кусок ее не перезрел и не стал жестким и, главное, чтобы одна часть Наседки не вздумала расти за счет другой.

И хотя за свою работу Херера получал неплохое вознаграждение, он не обзавелся семьей или квартиркой на одном из верхних ярусов. Время от времени он куда-то исчезал, и это служило постоянной темой для соленых шуток, но при нем об этих отлучках упоминали с неизменной осторожностью и почтительностью. Херера всегда держал при себе меч и изредка небрежно проводил точильным камнем по лезвию. С этим человеком я решил во что бы то ни стало познакомиться поближе. У Хереры, несомненно, водились деньги — не мог же он ничего не скопить за десять лет работы. А мне чертовски нужны были деньги.

Что представлял собой контракт по форме Б, выяснилось очень скоро: я не вылезал из долгов. Продажа в кредит была неотъемлемой частью самой системы, как и обстоятельства, вынуждавшие людей залезать в долги. Если брать в долг по десять долларов в неделю, к концу контракта я буду должен «Хлорелле» тысячу сто долларов, и мне придется работать у нее до тех пор, пока не погашу долг. А работая, я, разумеется, снова залезу в долги.

Мне нужны были деньги Хереры, чтобы вырваться отсюда и вернуться в Нью-Йорк, к Кэти и к моей работе над проектом «Венера». Мне не нравилось, как Мэтт Ренстед распоряжался проектом. И один бог знает, как распоряжалась собой Кэти, считая себя вдовой. Я упорно старался не думать о Кэти и Джеке О'Ши. Малютка Джек был полон решимости расквитаться с женщинами за их прежнее пренебрежение к нему. До двадцати пяти лет он был предметом всеобщих насмешек, а в двадцать шесть стал мировой знаменитостью, первым человеком, посадившим на Венере космический корабль. Едва достигнув зрелости, он уже стал бессмертным.

Теперь ему многое надо было наверстать, особенно в любви. Поговаривали, что в этой части он поистине ставил рекорды, совершая свои лекционные турне по стране. Это-то меня и беспокоило. Мне не нравилось, что он симпатизирует Кэти, а Кэти — ему.

Прошел еще один день — чуть свет подъем, завтрак, рабочий комбинезон, защитные очки, грузовая клеть, черпаешь, сбрасываешь в желоба, час за часом, час за часом, под палящим солнцем, затем обед, а вечером отдых и, если повезет, разговор с Херерой.

— Здорово же ты отточил этот меч, Гэс. Люди делятся на тех, кто бережет свой инструмент и кто не бережет его.

Подозрительный взгляд из-под ацтекских бровей.

— Прямой смысл делать все как положено. Ты, видно, из новичков?

— Да. Первый раз в этих краях. Как считаешь, стоит здесь задерживаться?

Он сделал вид, что не понял.

— Придется, раз контракт.— Херера отошел к полке с журналами.

Следующий день.

— Здорово, Гэс. Устал?

— Здорово, Жоржи. Есть немного. Десять часов размахивать ножом поди не шутка. Руки отваливаются.

— Представляю. Работать черпальщиком куда проще, да и смекалка не нужна.

— Что ж, может, и тебя когда-нибудь повысят. Посижу, пожалуй, перед гипнотелевизором.

Еще день.

— Эй, Жоржи! Как дела?

— Не жалуюсь, Гэс. По крайней мере загорел.

— Да, это верно. Скоро станешь таким же чернокожим, как я. Ха-ха! Что, не хочешь?

— Porque no, amigo?

— Эй, tu hablas español! Cuando aprendiste la lengua?*

— Ну-ну, не так быстро, Гэс. Всего несколько слов. Жаль, что не знаю больше. Как-нибудь соберу деньжат и пойду в город к девочкам.

— Ну, они все болтают по-английски. Вот если заведешь постоянную милашку, тогда неплохо поболтать с ней по-испански. Это ей понравится. А попрошайничать они все умеют по-английски: «Дай доллар, дай доллар», да еще знают стишок насчет того, что можно получить за доллар. Ха-ха!

Еще день — самый удивительный. Выдали получку, и мой долг компании вырос еще на восемь долларов. Я мучительно пытался припомнить, куда ушли деньги, но все и без того было ясно.

После смены, как и предусматривалось администрацией, я был выжат словно лимон и помирал от жажды. У фонтанчика с напитком «Попси» я набрал свою комбинацию цифр и моя получка уменьшилась еще на двадцать пять центов. Стаканчика «Попси» мне было мало, и я выпил еще один — долой уже пятьдесят центов. На обед каждый день давали одно и то же — я с трудом проглатывал кусок-другой Малой Наседки, но вскоре меня снова начинал мучить голод. Тогда к моим услугам была лавчонка, где легко можно было получить в кредит пачку галет. Сухие галеты застревали в горле и камнем ложились на дно желудка, если не запить их стаканчиком «Попси». А «Попси» бунтовал и рвался обратно, если я тут же не выкуривал сигарету «Старр». Она в свою очередь снова вызывала острое чувство голода. Как знать, не предусмотрел ли все это Фаулер Шокен, создавая свой первый глобальный трест «Старзелиус»? От «Попси» к галетам, от галет к сигаретам, от сигарет к «Попси» и так до бесконечности...

За право пользоваться кредитом с меня взимали шесть процентов. Так продолжаться не может. Если я не выберусь отсюда

* — Почему бы нет, дружище?
— Эй, ты говоришь по-испански! Когда ты изучил язык? (*исп.*)

сейчас, мне уже не выбраться никогда. Я чувствовал, как с каждой минутой, проведенной здесь, глохнет моя инициатива — лучшее, что есть во мне. Небольшие дозы алкалоидов в пище незаметно подтачивали волю. Но самым страшным было сознание полной безнадежности, тупика, мысль, что ничего изменить нельзя и в сущности все не так уж плохо,— всегда можно впасть в транс перед гипнотелевизором, выпить стаканчик «Попси» или на худой конец проглотить одну из тех зеленоватых таблеток, которые продавались здесь из-под полы и стоимость которых колебалась в зависимости от спроса. Те, кто продавал их, охотно соглашались подождать, когда у тебя появятся деньги.

Нет, медлить было нельзя.

— Como 'sta Gustavo?*

Он сел и улыбнулся мне своей ацтекской улыбкой.

— Como 'sta, amigo Jorge? Se fuma?**

Херера протянул мне пачку сигарет. Он курил «Гринтипз», и я автоматически ответил:

— Спасибо, курю только «Старр». Они ароматней.

И тут же машинально полез в карман за сигаретами. Медленно, но верно я становился тем идеальным типом потребителя, которого мы с Фаулером так ценили: хочешь покурить — вспоминаешь о сигаретах «Старр», закуриваешь, тут же тебя тянет на «Попси» — выпиваешь стаканчик, немедленно вспоминаешь о галетах — покупаешь пачку, а съев галету, опять закуриваешь, а закурив... Назойливая реклама фирмы «Шокен» лезет в уши, мозолит глаза, впитывается каждой порой твоего тела. Тебе вдолбили в башку: «Я курю „Старр" — они ароматны. Я пью „Попси" — он освежает. Я ем галеты — они на вкус приятны. Я курю...»

— Не похоже, чтобы тебе было весело, Жоржи,— заметил Херера.

— Да так оно и есть, приятель.— Я говорил правду.— В странную историю я влип.

Интересно, что он ответит.

— Сам вижу — здесь что-то неладно. Такой смекалистый бывалый парень, как ты... Может, нужна помощь?

Вот здорово, клюнул!

— Не пожалеешь об этом, Гэс. Конечно, есть доля риска, но не пожалеешь. Дело в том...

— Тс-сс. Только не здесь,— понизив голос, остановил меня Херера.— Риска все равно не миновать, но когда встречаешь здесь такого толкового парня, сразу задумываешься, отчего да почему. Когда-нибудь я ошибусь, seguro ***, и тогда жди беды, может, даже сразу выжгут мозги. Ну и черт с ними! Плевал я на них. Ведь свое дело я все-таки сделал. Вот, держи. Насчет осторожности, думаю,

---

* — Как дела, Густаво? (*исп.*)

** — Как дела, друг Жоржи? Куришь? (*исп.*)

*** Будь уверен (*исп.*).

сам соображаешь.— Он сжал мою руку, и я почувствовал, как к моей ладони что-то прилипло.

Херера не спеша отошел к гипнотелевизору, выбил свой номер и, получив право на получасовой сеанс, опустился в кресло.

Я поспешил в туалетную комнату и, набрав свою комбинацию цифр, занял кабину на десять минут. Дзинь! — еще пять центов из получки. Я разгладил комочек, прилипший к моей ладони. Это была полоска тонкой бумаги:

«Жизнь человека в ваших руках!

При помощи листовки Номер Один Вы можете установить контакт со Всемирной Ассоциацией Консервационистов, широко известной под названием «консы». Листовку передал вам член ВАК, который решил, что Вы: а) умны; б) недовольны существующим положением в мире; в) сможете в дальнейшем быть полезны Ассоциации. Жизнь этого человека теперь в ваших руках. Прежде чем вы предпримете что-либо, просим прочесть эту листовку до конца.

Правда о ВАК

ВАК — тайная организация, преследуемая правительствами всего мира. Она считает, что хищническая эксплуатация природных богатств является причиной неоправданной нищеты и бедствий народов. Она считает, что, если так будет продолжаться, жизнь на Земле прекратится. Этого можно избежать, если все люди на Земле поймут, что надо добиваться планового роста народонаселения, восстановления лесных массивов и плодородия почвы, рассредоточения больших городов и, наконец, контроля над производством ненужных обществу товаров и запатентованных частными фирмами пищевых продуктов, которые не пользуются спросом. Программа воспитательной работы ВАК включает: пропаганду — примером служит эта листовка,— демонстрации протеста, а также акты саботажа на предприятиях, производящих ненужные населению товары.

Клевета на ВАК

Вам, вероятно, уже приходилось слышать, что «консов» называют убийцами, сумасшедшими или психически неуравновешенными людьми, которые по глупости или по злобе идут на бессмысленные разрушения и убийства. Не верьте этому. Члены ВАК — это гуманные и разумные люди, и многие из них занимают видное положение в обществе. Небылицы, распространяемые о них, охотно поддерживаются теми, кто наживается на хищнической эксплуатации природных богатств. А мы хотим этому помешать. Неразумные и неуравновешенные люди или преступные элементы, совершая акты насилия в состоянии невменяемости или с грабительскими целями, сваливают все на «консов». ВАК не имеет ничего общего с этими людьми и гневно осуждает их преступные действия.

Решение зависит от вас самих. Вы можете: 1) выдать человека, передавшего вам эту листовку; 2) уничтожить листовку и забыть о ней; 3) пойти к тому, кто передал ее вам, и попросить дальнейшей информации. Просим вас подумать, прежде чем принять решение».

Я подумал, хорошенько подумал — и пришел к выводу, что листовка: 1) скучнейший образчик самой бездарной писанины, какую мне когда-либо приходилось читать; 2) грубо искажает факты; 3) может помочь мне вырваться отсюда и снова увидеть Кэти.

Так вот каковы они, эти страшные «консы»! Ну и тарабарщину они здесь написали! А сколько противоречий в этой листовке! И все же она производит впечатление. Составлена квалифицированно и — правда, я убежден, что это чистая случайность,— немного напоминает наши рекламные фармакологические брошюрки для врачей. В них мы сдержанно и на профессиональном уровне рекламируем новые фармацевтические препараты людям трезвым и осведомленным, с которыми можно откровенно говорить о самой сути дела.

Это было обращение к разуму, а подобные обращения всегда опасны. Разуму доверять нельзя. Мы давно изгнали разум из нашей рекламы, и нам еще ни разу не пришлось об этом пожалеть.

Итак, у меня было два выхода. Можно пойти в контору и донести на Хереру. Возможно, на время я привлек бы внимание к своей персоне, меня бы выслушали и даже занялись бы расследованием дела. Но тут я вспомнил, что доносчикам нередко выжигают мозги, считая, что эти люди уже подверглись влиянию вредоносных идей,— даже если их первая реакция была верной, никто не может поручиться, что они сделают дальше. Такой конец меня мало устраивал. Более рискованным, но и более героическим было избрать другой путь: войти в организацию «консов», заслужить их доверие, а потом подорвать ее изнутри. Если это действительно всемирная организация, как они утверждают, то почему бы не попытаться с ее помощью попасть в Нью-Йорк? Там у меня будут все возможности выдать «консов» властям.

Я ни на минуту не сомневался в том, что мне удастся войти к ним в доверие. Руки чесались — так хотелось пройтись карандашом по тексту листовки: отточить фразы, выбросить все скучное, лишнее и ненужное, сделать текст броским, ярким, звонким. Это было просто необходимо.

Дверь кабины автоматически распахнулась — десять минут истекли. Торопливо бросив бумажку в унитаз, я спустил воду и вернулся в гостиную. Херера все еще сидел в трансе перед гипнотелевизором. Пришлось подождать минут двадцать. Наконец Херера пришел в себя, тряхнул головой, заморгал и огляделся вокруг. Когда он увидел меня, лицо его стало каменным. Я улыбнулся и кивнул ему. Он приблизился ко мне.

— Ну как, compañero *,— тихо спросил он.

— Все в порядке,— ответил я.— Готов в любое время, Гэс.

— Ждать придется недолго,— промолвил он.— Знаешь, в таких случаях всегда лучше впасть в транс. Уж больно неприятно ждать и мучиться. Когда-нибудь очнусь и увижу себя в лапах шпиков. От них пощады не жди.— Он провел точильным камнем по острию меча.

Теперь я истолковал этот жест совсем по-другому.

— Для них?— спросил я.

Он вздрогнул.

— Что ты! Нет, Жоржи. Для самого себя. Если вдруг струшу. Чтоб не стать предателем.

Это были смелые и благородные слова, и я проклял фанатиков, исковеркавших душу такого прекрасного потребителя, как Гэс. С моей точки зрения, это было равносильно убийству. Сколько пользы мог бы принести Гэс, работая и покупая товары, принося прибыль своим собратьям во всем мире! Он мог бы иметь семью, растить детей, которые в свою очередь стали бы потребителями. Больно видеть, что такого человека превратили в фанатика и скопца.

Я решил непременно помочь ему, как только удастся провалить всю организацию. Херера не виноват. За все обязаны ответить те, кто настроил его против существующего порядка вещей. Есть же способы излечивать таких околпаченных простофиль, как Гэс. Я наведу справки... Нет, пожалуй, не стоит. Люди любят делать поспешные выводы. Я уже представил себе, как иные скажут: «Конечно, у меня нет оснований сомневаться в Митче, но, по-моему, он зашел слишком далеко...» «Да, „консы“ остаются „консами“ — это всем известно». «Я не хочу сказать, что не доверяю Митчу, но...»

К черту Хереру! Пусть сам расхлебывает кашу, которую заварил. Человек, решивший поставить все с ног на голову, не должен сетовать, если и сам полетит вверх тормашками.

---

* Приятель (*исп.*)

Глава 9

Дни казались неделями. Херера редко разговаривал со мной. Но вот однажды вечером он неожиданно спросил:

— Ты когда-нибудь видел Наседку?

Я ответил, что нет.

— Тогда пойдем со мной. Могу показать. Не пожалеешь.

Мы прошли по коридорам до шахты лифта и прыгнули в грузовую клеть. Я зажмурился. Если глядеть, как мелькают этажи, можно потерять голову от страха. Сороковой, тридцатый, двадцатый, десятый, нулевой, минус десятый...

— Прыгай, Жоржи! — крикнул Херера.— Ниже только машинное отделение...

Я прыгнул.

На минус десятом было темно, с бетонных стен сочилась вода. Потолок покоился на огромных опорах. Коридор, куда мы вышли, заполняла сложная сеть труб.

— Система питания,— пояснил Херера.

Я поинтересовался, из чего сделаны массивные перекрытия.

— Бетон и свинец. Чтобы не пропускать радиоактивные лучи. Бывает, Наседка болеет. Рак.— Он сплюнул.— Тогда она никуда не годится. Приходится сжигать, если вовремя не отхватишь... — Херера красноречиво взмахнул мечом.

Он распахнул передо мною дверь.

— А вот и ее гнездышко,— сказал он с гордостью. Я взглянул, и дыхание замерло у меня в груди.

Передо мной был огромный зал с куполообразным потолком и бетонным полом. Малая Наседка заполняла его почти целиком. Серовато-коричневая, словно резина, масса в форме полушария, метров тринадцати в диаметре. В эту пульсирующую массу впивались десятки труб; она жила и дышала.

Херера стоял рядом и пояснял:

— Весь день хожу вокруг нее. Как только увижу, какой-нибудь кусок созрел, стал нежным и сочным,— тут же отсекаю его.— Его меч, сверкнув, снова разрезал воздух. На этот раз он отсек ломоть Наседки величиной с хорошую отбивную.— Ребята, идущие за мной, подхватывают отрезанные куски, разделывают их и бросают на конвейер.— Неподвижные ленты конвейеров уходили в темные отверстия в стенах.

— А ночью она растет?

— Нет. Ночью трубы перекрывают, пищи дают ровно столько, чтобы Наседка не померла с голоду. Каждую ночь она почти отдает богу душу, а утром воскресает, как святой Лазарь.— Он любовно похлопал мечом плашмя по упругой резинообразной массе.

— Ты ее любишь?— задал я глупый вопрос.

— Конечно, Жоржи. Иной раз она и шутки шутит со мной.

Он огляделся по сторонам, медленно обошел зал и заглянул во все конвейерные люки. Из одного он достал короткий брус и подпер им дверь зала. Брус одним концом уперся в дверную перекладину, а другим — в еле заметную ямку в бетонном полу. Получился довольно надежный запор.

— Одну из ее шуток я тебе сейчас покажу,— сказал Херера со знакомой мне ацтекской улыбкой и жестом фокусника вынул из кармана нечто вроде свистка без мундштука, снабженного небольшим баллончиком.— Не мое изобретение,— поспешил он заверить меня.— Эту штуку называют свистком Гальтона *, а кто такой Гальтон, я и сам толком не знаю. А теперь гляди в оба и слушай.

Он сжал баллончик и направил свисток на Малую Наседку. Я ничего не услышал, но вздрогнул от отвращения, когда резинообразная масса начала отступать, образуя полусферическое углубление.

— Не пугайся, compañero. Иди за мной.— Он протянул мне электрический фонарик. Я послушно включил его. Играя свистком, Херера направлял неслышимые ультразвуковые волны на Малую Наседку, и она пропускала нас все дальше и дальше, пока углубление не превратилось в сводчатый коридор, полом которому служило бетонное основание гнезда Наседки.

Ступив под своды коридора, Херера приказал:— Не отставай.— Сердце мое замирало от страха, но я последовал за Хererой. Мы продвинулись еще немного. Своды коридора поднялись, образуя купол, а за нашей спиной коридор становился все уже и уже...

Мы находились внутри Малой Наседки, в полусферическом пузыре, медленно двигавшемся сквозь стотонную серо-коричневую резинообразную массу.

— Посвети-ка на пол, compañero,— сказал Херера, и я направил луч фонаря вниз. Бетонный пол был исчерчен какими-то линиями, которые на первый взгляд казались хаотичными, но Херера прекрасно ориентировался по ним. Мы продвинулись еще на несколько дюймов, и в голове у меня вдруг мелькнула мысль — а что если свисток Гальтона откажет?..

Прошла, казалось, вечность с тех пор, как мы начали бесконечно медленно продвигаться в глубь Малой Наседки, но вот луч фонаря упал на металлический полукруг на полу. Херера остано-

* Свисток, работающий по принципу ультразвуковых волн.

вился, и я увидел под ногами крышку люка. Херера трижды топнул по крышке ногой. Она тут же открылась.

— Прыгай,— приказал он мне, и я, не раздумывая, прыгнул вниз. Упав на что-то мягкое, я лежал, дрожа от страха. Через секунду рядом со мной упал Херера, и крышка люка над нами захлопнулась. Херера поднялся, потирая руку.

— Ну и работенка,— сказал он.— Нажимаешь, нажимаешь, а сам ни черта не слышишь. Когда-нибудь свисток разладится, а я даже и не замечу... — Он снова улыбнулся.

— Джордж Грouби — Ронни Боуэн.

Херера представил меня низкорослому флегматичному потребителю в костюме служащего.

— А это Артуро Денцер.— Денцер был совсем юн и заметно нервничал.

Я находился в небольшом хорошо освещенном помещении, похожем на контору, с бетонным полом и вентиляционными установками. Здесь стояли столы и переговорное устройство. Трудно было поверить, что выбраться отсюда можно лишь через бурую неправдоподобную массу Малой Наседки. Но еще труднее поверить, что только крохотный свисток Гальтона может сдвинуть с места это огромное чудище.

Разговор начал Боуэн.

— Рады видеть тебя здесь, Грouби,— сказал он.— Херера утверждает, что ты не лишен смекалки. Я не сторонник бюрократических формальностей, но все же хотелось бы знать, кто ты и что ты.

Я выложил ему то, что знал о Джордже Грouби, и он все записал. Когда я упомянул о низком уровне «своего» образования, он подозрительно поджал губы.

— Скажу прямо, ты не производишь впечатление парня малообразованного.

— Сами знаете, как это бывает,— пояснил я.— В детстве я много читал, был наблюдателен. Нелегко расти в семье, где пятеро детей. Ты и не самый старший, чтобы тебя слушались, и не самый младший, чтобы тебя баловали. Чувствовал себя заброшенным, а поэтому и старался наверстать, что мог.

Он удовлетворился моим объяснением.

— Что ж, молодец. А что ты умеешь делать?

— Я? Пожалуй, мог бы написать листовку получше той, которую вы распространяете.

— Вот как? А что еще?

— Ну, и вообще пропаганда. Можно пустить слухи, а люди даже не сообразят, что слухи распускают «кон...», то есть мы. Слухи, которые вызовут недовольство, заставят роптать.

— Недурная мысль. Например?

Голова у меня работала неплохо.

— Например, пустить в столовой слух, что научились вырабатывать новый вид белка. На вкус он точь-в-точь как ростбиф

и стоит всего доллар за фунт. Сказать, что о нем объявят через три дня. А когда пройдут обещанные три дня и никто ничего не объявит, можно отпустить шуточку вроде такой: «Какая разница между ростбифом и Малой Наседкой?» Ответ: «Разница — 150 лет прогресса». Такие шуточки всегда схватывают на лету, и, смотришь, люди с удовольствием начнут вспоминать старые добрые времена.

Придумать все это было для меня сущим пустяком. Мне не впервые приходилось пускать в ход смекалку, чтобы расхваливать с моей точки зрения никуда негодные вещи.

Боуэн записывал все на бесшумной пишущей машинке.

— Неплохо,— сказал он.— Очень остроумно, Гроуби. Мы попробуем. Но почему именно три дня?

Не мог же я ему объяснить, что три дня — это тот оптимальный срок, когда слухи неизбежно выходят за рамки узкого круга и становятся достоянием всех. Вместо этого я смущенно пробормотал:

— Просто мне показалось, что три дня — самое подходящее время.

— Что ж, попробуем. А теперь, Гроуби, ты должен пройти курс обучения. У нас есть классические труды консервационистов, и тебе следует их прочесть. Есть специальные издания, за которыми надо следить. Например, «Статистические отчеты», «Журнал космических полетов», «Биометрика», «Сельскохозяйственный бюллетень» и многие другие. Если встретятся трудности, обращайся за помощью. Тебе следует выбрать область деятельности, которая тебя заинтересует, специализироваться в ней, чтобы вести исследовательскую работу. Чем консервационист осведомленней, тем он полезней.

— А какое отношение к этому имеет «Журнал космических полетов»?— спросил я с растущим волнением. Мне вдруг показалось, что здесь кроется разгадка саботажа Ренстеда, моего похищения, бесконечных задержек и проволочек с проектом «Венера». Не проделки ли это «консов»? Не решили ли они по своей глупости и неспособности логически мыслить, что космические полеты повредят их планам сохранения жизни на Земле, или еще что-нибудь в этом роде?

— Какое отношение? Да самое непосредственное. О полетах надо знать все.

Я продолжал прощупывать почву.

— Разумеется, для того чтобы помешать им?

— Наоборот!— возмущенно воскликнул Боуэн. Подумай только, Гроуби, что значит для нас Венера. Целая нетронутая планета с богатствами, в которых так нуждается человечество, с плодородными почвами, запасами продовольствия, сырья. Пошевелика мозгами.

— А-а,— протянул я. Гордиев узел оставался неразвязанным.

Я пристроился в уголке с фотокопиями журнала «Биометрика» и время от времени обращался к Боуэну за разъяснениями,

в которых совсем не нуждался: «Биометрика» была настольным журналом каждого работника рекламы. В нем сообщалось об изменениях в составе населения, его образовательном цензе, о росте смертности и ее причинах и о прочих вещах. Почти в каждом номере содержалось что-нибудь полезное для нас, работников рекламы, и что-нибудь такое, что неизменно приводило в негодование «консов». Нас всегда радовал прирост населения. Чем больше потребителей, тем больше товаров можно продать. Радовались мы и тогда, когда снижался уровень грамотности. Чем невежественнее население, тем легче всучить ему ненужный товар. Но эти фанатики «консы» думали иначе, и теперь мне приходилось притворяться, что я во всем с ними согласен.

Покончив с «Биометрикой», я принялся за «Журнал космических полетов». Новости были плохие, очень плохие. Чувствовалось, что население молчаливо и упорно протестует против трудностей, вызванных строительством ракеты для полета на Венеру; преобладали пораженческие настроения, когда речь заходила о колонизации Венеры, и высказывалось мнение, что колонистам будет нечем заняться, даже если на Венере и удастся создать колонию.

Проклятый Ренстед!

Но самая неприятная новость ожидала меня на обложке последнего номера, где я прочел подпись под фотографией: «Джек О'Ши с улыбкой принимает поздравления и поцелуй от прелестной подруги, после того как президент вручил ему Медаль почета». Прелестной подругой Джека оказалась ни больше, ни меньше, как моя жена Кэти.

Став членом ячейки «консов», я сразу же принялся за дело. Через три дня столовая глухо бурлила от скрытого недовольства. А через неделю массовый потребитель уже говорил:

— Какого дьявола я не родился сто лет назад?.. Черт побери, почему в этот барак напихали столько коек!.. Как бы мне хотелось работать на собственном клочке земли...

«Консы» ликовали. За неделю я сделал больше, чем они за год. Боуэн — он ведал кадрами — сказал: — Нам нужна твоя голова, Гроуби. Мы не допустим, чтобы ты надрывался на работе черпальщика. Если на днях начальник Отдела перемещений спросит, знаешь ли ты химию питания, отвечай, что знаешь. Я сам пройду с тобой ускоренный курс и расскажу все необходимое. Мы уберем тебя подальше от солнца.

Это случилось через неделю, когда все вокруг уже говорили:

— Неплохо бы погулять в лесочке. Представляете, сколько раньше на Земле было деревьев!

Или:

— Провались он пропадом, этот суп из соленой воды!

А ведь прежде им и в голову не приходило, что их кормят супом, сваренным на морской воде.

Вскоре, как и предполагал Боуэн, начальник Отдела перемещений спросил меня: — Гроуби, ты знаком с химией питания?

— Как странно, что вы меня об этом спросили. Я действительно немного изучал ее. Знаю серно-фосфорно-карбидно-кислородно-водородно-азотную формулу питания хлореллы, оптимальную температуру и все такое прочее.

Очевидно, это намного превосходило его собственные познания, поэтому он только крякнул и отошел от меня, немало удивленный.

Неделю спустя, когда из уст в уста передавался довольно скабрезный анекдот о фирме «Старзелиус», меня перевели на восьмичасовую работу в центральный пилон, где я стал следить за измерительными приборами и регулировал поступление питательной жидкости в чаны с хлореллой. Это была работа попроще и полегче. Все свободное время я проводил в подземелье под Малой Наседкой, пробираясь туда теперь почти без страха при помощи собственного гальтоновского свистка. Я переделал для «консов» их фантастически бездарную листовку Номер Один. Вот что получилось:

«Способны ли Вы преуспеть в жизни?

Только Вы сами можете ответить на следующие вопросы:

Являетесь ли Вы умным, дальновидным человеком — мужчиной или женщиной в возрасте от 14 до 50 лет?

Достаточно ли Вы инициативны и честолюбивы, чтобы выполнить по-настоящему важную работу, которая Вас ждет?

Можно ли Вам безоговорочно доверить величайшую и самую обнадеживающую из тайн нашего времени?

Если Вы тут же не вскакиваете и не кричите: «Да!» — лучше не трудитесь читать дальше.

Если же Вы сразу ответите «да», то Вы, Ваши родные и друзья заслуживают того, чтобы...» и прочее в том же духе.

Боуэн был потрясен.

— Не кажется ли тебе, что, обращаясь только к умным и образованным, мы несколько сужаем круг?.. — обеспокоенно спросил он.

Я не стал ему объяснять, что разница в пропаганде на высшие и низшие слои потребителя состоит лишь в том, что последним все надо сказать в устной форме, потому что они не умеют читать. Я заверил Боуэна, что его опасения напрасны, и он удовлетворенно закивал головой.

— У тебя природный талант работника рекламы, Гроуби,— торжественно изрек он.— В Америке консервационистов ты бы далеко пошел.

Я скромно промолчал. А он продолжал:

— Я просто не имею права держать тебя здесь и должен передать дальше. Нельзя, чтобы такой талант пропадал. Я уже подал рапорт... — он кивком указал на переговорное устройство,— и думаю, что тебя скоро затребуют. Пожалуй, это будет правильней.

Конечно, жаль с тобой расставаться, но я нажал кнопки, машина уже заработала. Вот посмотри справочник клиентов «Хлореллы».

Сердце у меня подскочило от радости. Я знал, что «Хлорелла» поставляет сырье многим фирмам Нью-Йорка.

— Спасибо,— пробормотал я.— Где бы я ни был, что бы ни случилось, буду служить не за страх, а за совесть.

— Знаю, Гроуби,— одобрительно сказал он.— Э-э... но прежде чем ты уйдешь... у меня к тебе просьба, в некотором роде личная, Джордж. Я, видишь ли, сам немного пописываю. Кое-что вот прихватил с собой. Конечно, вашему брату это покажется черновыми набросками, но если бы ты проглядел их на досуге...

Наконец я вырвался от него со справочником и четырнадцатью «набросками» под мышкой. Как я и предполагал, это была грубая стряпня без малейшего проблеска таланта. Боуэн доверительно сообщил мне, что у него есть их еще немало, и мы сможем славно поработать вместе.

Забыв обо всем, я с жадностью набросился на справочник.

Переключение вентилей и кранов не так изматывало к концу дня, как работа черпальщика, а Боуэн не слишком обременял меня заданиями ячейки «консов», чтобы я мог сидеть над его «набросками». В результате у меня впервые появились свободное время и возможность получше изучить обстановку. Херера как-то взял меня с собой в город, и я наконец узнал, как он проводит свои таинственные свободные дни.

То, что я узнал, поразило меня, но, пожалуй, не настроило против Хереры. Просто я лишний раз убедился, что пропасть, отделяющую высокооплачиваемого работника рекламы от рядового потребителя, не преодолеть с помощью такого эфемерного понятия, как «дружба».

Выйдя из старой трубы подземки и очутившись под мелким костариканским дождичком, мы направились в один из захудалых ресторанчиков. Херера потребовал, чтобы каждому из нас дали по настоящей картофелине, и настоял на том, что за все платит он.

— Нет, Жоржи, считай, что у нас праздник. Ты не выдал меня, когда я передал тебе листовку? Не выдал? Вот мы и отметим это.

Во время ужина Херера был великолепен — настоящий фонтан красноречия, каскад шуток на двух языках, низвергавшийся на меня и на официантов. Глаза его блестели, говорил он торопливо и неестественно возбужденным голосом, смеялся к месту и не к месту — точь-в-точь юноша на первом любовном свидании. Да, юноша на первом свидании... Я вспомнил свой первый вечер с Кэти, бесконечно длинный вечер в Центральном парке, когда, взявшись за руки, мы шли по темным коридорам, танцзал и час, равный вечности, когда мы стояли у ее двери...

Херера хлопнул меня по плечу, и, очнувшись, я увидел, что он и официант покатываются со смеху, глядя на меня. Я тоже засмеялся, чтобы как-то выйти из глупого положения, в котором

очутился. Они расхохотались еще пуще. Сомнений не было, они потешались надо мной.

— Ничего, Жоржи,— сказал Херера, внезапно посерьезнев.— А теперь пошли. Думаю, тебе понравится то, что ты сейчас увидишь.— Он уплатил по счету. Официант вопросительно поднял брови.

— В заднюю комнату?

— Да, в заднюю. Идем, Жоржи.

Мы протиснулись мимо стойки вслед за официантом. В конце зала он открыл дверь и свистящим шепотом что-то сказал Херере по-испански.

— Не беспокойся,— ответил Херера.— Мы не надолго.

«Задняя комната», к моему великому удивлению, оказалась библиотекой.

Я почувствовал на себе взгляд Хереры, но, мне кажется, ничем себя не выдал. В библиотеке пришлось просидеть около часу, пока Херера с жадностью читал какую-то изъеденную червями книгу под названием «Моби Дик». За это время я успел пролистать около дюжины старинных журналов. Мне немного полегчало, когда среди этой почтенной классики, которую я с трудом переваривал, я наткнулся на нечто вроде раннего варианта наших нынешних обращений к потребителю, например: «А вы тоже делаете такие ошибки в английском?» Такой плакат недурно выглядел бы в моем собственном кабинете в агентстве Шокена. Но все же мне было не по себе от такого количества книг без единого рекламного объявления. Я не ханжа и не против уединенных развлечений, если от них бывает толк. Но всякому терпению есть предел.

Я пожаловался на головную боль, но, кажется, Херера не поверил мне. А когда вечером, спотыкаясь, он ввалился в спальню, я отвернулся к стене. После этого мы почти не разговаривали.

Неделю спустя, когда в столовой чуть было не вспыхнул бунт, вызванный слухами о том, что в тесто для оладий подсыпают древесные опилки, меня вызвали в главную контору.

Прождав час, я наконец был принят управляющим Отделом перемещений.

— Гроуби?

— Да, мистер Мило.

— Неплохие успехи ты сделал за это время. Очень неплохие. Я вижу, ты здорово продвинулся.

Это было делом рук Боуэна. Он давал сведения. Ему понадобилось пять лет, чтобы пробраться на эту должность.

— Благодарю вас, мистер Мило.

— Очень приятно. У нас, гм-м, открывается вакансия. Надо заменить одного из наших на Севере. Факты подтверждают, что он больше не справляется с работой.

Подтасованные факты, фиктивные сведения, состряпанные Боуэном. Я наконец оценил неограниченную власть, которой обладали «консы».

— Тебя могла бы заинтересовать работа по продаже товаров, Грouби?

— Как странно, что вы спросили именно об этом, мистер Мило,— сказал я скромно.— Меня всегда привлекала эта работа. Мне кажется, я бы с этим делом справился.

Он скептически оглядел меня, мой ответ показался ему чересчур обыкновенным.— Но, может, придется делать работу и погрязнее,— предупредил он и начал бомбардировать меня вопросами, а я почтительно выдавливал из себя ответы, почерпнутые в справочнике компании «Хлорелла». Он изучал все это лет двадцать назад, а я всего неделю. Куда ему было тягаться со мной. Через час он уже был уверен, что Джордж Грouби — единственная надежда компании «Хлорелла Протеин» и немедленно должен заполнить образовавшуюся в ее кадрах брешь.

В тот же вечер я рассказал обо всем ячейке.

— Значит, переведут в Нью-Йорк,— уверенно заявил Боуэн.

Я едва не выдал своей радости. Прежде всего я подумал о Кэти.

Боуэн оживленно продолжал:

— Теперь тебя следует посвятить в некоторые детали. Прежде всего условные сигналы.

Я выучил их. На близком расстоянии сигнал подавался условным пожатием руки. Для средних расстояний существовал сигнал «опасность!» — громкий оклик. Для связи на дальних расстояниях пользовались газетным кодом, весьма хитроумным. Боуэн заставил меня попрактиковаться в подаче сигналов и выучить на память код. Мы просидели с ним до самого утра. Когда мы уходили, как обычно, через Малую Наседку, я вдруг вспомнил, что в этот день не видел Хереру. Я спросил, где он.

— Херера не выдержал,— просто ответил Боуэн.

Я промолчал. Это был условный язык «консов»: «такой-то не выдержал» означало, что «такой-то работал много лет на пользу ВАК, отдавая свои гроши, отказывая себе в тех скромных удовольствиях, которые мог бы на них купить. Он не женился и не спал с женщинами, ибо прежде всего думал о конспирации. Его начали одолевать сомнения, столь тайные и смутные, что он сам боялся себе в них признаться. Но сомнения и страхи росли. Они терзали и мучили его, и он наложил на себя руки».

— Херера не выдержал,— тупо повторил я.

— Не думай об этом,— резко сказал Боуэн.— Ты едешь в Нью-Йорк. Тебя ждут большие и важные дела.

Да, это было верно. Меня ждали важные дела.

Глава 10

Я отправился в Нью-Йорк почти в респектабельном виде: недорогой костюм служащего, четвертый класс туристской ракеты. Надо мной в верхнем ярусе абсолютно респектабельные костариканские туристы ахали, восторгаясь видами, мелькавшими в призматических иллюминаторах, или с тревогой пересчитывали свои гроши, гадая, надолго ли их хватит, если оплачивать удовольствия, которые сулит Северный колосс.

В нижнем ярусе ракеты находились мы, люди погрубее и попроще, но все же не законтрактованный рабочий скот. Здесь не было иллюминаторов, но горело электричество, стояли киоски-автоматы и урны. Представитель компании перед посадкой произнес речь.

— Вы, ребята, едете на Север, где уже не действуют костариканские законы. Вы там получите работу получше. Но не советую забывать, что это все-таки работа. Я хочу, чтобы каждый из вас зарубил себе на носу, что вы работаете на «Хлореллу» и только «Хлорелла» имеет право вами распоряжаться. Если кто из вас думает иначе и решил порвать контракт, он сможет на собственной шкуре проверить, как четко и быстро действуют законы против нарушителей. А если кто из вас воображает, что ему удастся удрать, пусть попробует. «Хлорелла» платит детективному агентству Бернса девять миллионов долларов в год не для того, чтобы Бернс хлопал ушами. Если вам, ребята, хочется узнать, почем фунт лиха, валяйте. Ну как, ясно?

Все действительно было ясно.

— Ладно, ребята. Грузитесь на ракету, и желаю удачи. У всех вас уже есть направления на работу. Привет Бродвею.

Без каких-либо происшествий приземлились на ракетодроме в Монтауке. Мы, пассажиры нижнего яруса, сидели и ждали, пока наверху не выгрузятся со своими чемоданами туристы. Потом мы сидели и ждали, пока таможенные инспекторы с красно-белыми повязками на рукавах не кончат пререкаться с командой ракеты из-за лишних продовольственных пайков — четверо наших умерло в дороге, и бортпроводники решили сбыть на черном рынке их бифштексы из Малой Наседки. А затем мы просто сидели и ждали.

Наконец была дана команда разбиться на полсотни. Выстрои-

лись в ряд, каждому на запястье поставили штамп въездной визы, и мы строем прошли к поезду подземки. Мне повезло: я с группой парней попал в просторный товарный вагон.

На бирже нас рассортировали и распределили, согласно направлениям. Произошел небольшой переполох, когда выяснилось, что «Хлорелла» перепродала «Фарбен индустри» контракт на двадцать человек — никому не хотелось работать в урановых шахтах. Но за себя я был спокоен. Рядом со мной какой-то тип мрачно смотрел, как охрана отбирает двадцать бедняг, которым так не повезло, и уводит их всем скопом.

— Обращаются, как с рабами,— сказал он с горечью, дернув меня за рукав.— Это преступление. Ты как считаешь, Мак? Унижают достоинство рабочего человека.

Я свирепо взглянул на него. Ясно как день — он был чистейшим «консом». Но тут же вспомнил, что сам я пока что тоже «конс». Решил было обменяться с ним условным рукопожатием, но потом отказался от этой мысли. Стоит запомнить этого человека на случай, если мне понадобится помощь. Но если прежде времени раскрыть карты, он еще чего доброго сам обратится ко мне за помощью.

Мы направились в пригород Найак к баракам «Хлореллы».

В хорошем хозяйстве ничего не пропадает. Под Нью-Йорком, как и под каждым большим городом мира, имелась канализационная сеть со сложной системой отстойников и фильтров. Как любой житель Нью-Йорка, я знал, что органические отходы города с двадцатитрехмиллионным населением вместе с водой стекают по канализационным трубам, что соли нейтрализуются путем ионообмена, оставшаяся жидкость насосами подается на плантации водорослей на Лонг-Айленд-Саунд, а густая масса отходов нагнетается в цистерны и морем отправляется на плантации «Хлорелла». Я слышал об этом, но никогда не видел своими глазами.

Моя должность называлась экспедитор-соединитель девятого класса. Моей обязанностью было соединять гибкие шланги, по которым подавались отходы. После первого дня работы я истратил недельное жалованье на пылеуловители. Они не спасали от всех запахов, но хотя бы давали возможность остаться в живых.

На третий день, закончив смену, я отправился в душ. Я рассчитал все заранее: после шести часов работы у цистерн, при вполне понятном отсутствии автоматов, продающих воду, галеты и папиросы (да и кто смог бы есть, пить или курить в таком зловонье), желания людей, привыкших к режиму «Попси-галеты-сигареты», в ближайшие полчаса будут вполне определенными, и едва ли кто вспомнит о душевой. Благодаря тому, что я умел подавлять эти желания — они еще не успели пустить во мне таких глубоких корней,— я мог мыться почти в пустом душе. Когда же наконец туда вваливались все, я спокойно отправлялся к автоматам. Разумеется, здесь был простой расчет, но что могло бы лучше свидетель-

ствовать о разнице между умственным уровнем простого потребителя и рекламного босса? Конечно, повторяю, привычки еще не пустили во мне таких глубоких корней, как в других.

В душевой, кроме меня, был еще один человек, но мы почти не мешали друг другу. Как только я вошел, он передал мне мыло. Намылив тело, я с удовольствием подставил его под ревущую струю воды и совсем забыл о соседе. Но, возвращая ему мыло, я вдруг почувствовал, как он средним пальцем коснулся моего запястья, а указательным сжал мой большой палец.

— О,— воскликнул я растерянно, отвечая на рукопожатие.— Вы «кон...»

— Тсс! — зашипел он и раздраженно указал на микрофон, свисавший с потолка. Повернувшись ко мне спиной, он стал снова тщательно намыливать тело.

Когда он вернул мне мыло, к нему был прилеплен кусочек бумаги. В кабине для одевания я разгладил его и прочел:

«Сегодня день отпусков в город. Отправляйтесь в Музей искусств «Метрополитен», в зал классиков. Ровно за пять минут до закрытия музея остановитесь перед женским торсом».

Одевшись, я встал в очередь к столу надзирателя. Не прошло и получаса, как у меня в кармане уже был пропуск с печатью, дававший мне право переночевать в городе. Я вернулся к себе, собрал пожитки, предупредил того, кто будет спать на моей койке, что сосед надо мной разговаривает во сне, сдал вещи на хранение и сел в поезд подземки, идущий в Бронксвиль. Потом сделал пересадку, проехал одну остановку в северную часть города, пересел на другой поезд, поехал на юг и вышел у Шокен-Тауэр. За мной, кажется, никто не следил, но я решил, что осторожность не помешает.

До моего свидания с «консами» оставалось почти четыре часа. Я стоял в вестибюле агентства «Шокен», пока меня не заприметил полицейский агент, презрительно оглядевший мой дешевый костюм. Я надеялся, что в вестибюль выйдет Эстер или, может, сам Фаулер Шокен, но мне не повезло. Правда, я увидел кое-кого из знакомых, но никому из них нельзя было довериться. Пока не удастся выяснить, что кроется за предательством на леднике Старзелиус, мне никого не хотелось бы извещать о том, что я жив.

Наконец агент спросил с ухмылкой:

— Ты что, пришел предложить свой пай ребятам Шокена, парень? Не иначе как тебе денег девать некуда.

— Прошу прощенья,— пробормотал я и протиснулся к выходу. Вряд ли он последует за мной сквозь густую толпу. Так оно и вышло. Быстро свернув в комнату отдыха, где группа потребителей, дегустируя новые образцы Кофиеста, смотрела какой-то фильм, рекламирующий наши противозачаточные средства, я вышел в коридор и прыгнул в служебный лифт.

— Восьмидесятый этаж,— сказал я и тут же сообразил, что допустил оплошность. В рупоре прозвучал резкий голос лифтера:

— Эй вы, в пятой кабине, служебный лифт идет только до семидесятого этажа. Что вам надо?

— Я посыльный,— жалко пролепетал я.— Мне надо кое-что взять в конторе мистера Шокена. Я говорил, что меня туда не пропустят. Так и сказал им: «Послушайте, у него небось двадцать пять секретарей и каждый остановит меня». Я сказал им...

— Экспедиция на сорок пятом,— объявил лифтер уже менее сурово.— Встаньте перед дверью лифта, чтоб я мог вас видеть.

Мне не хотелось делать этого, но выхода не было — пришлось подойти к двери. Мне показалось, что из рупора вырвался какой-то звук, но я не был в этом полностью уверен. Мне не приходилось бывать в каморке лифтеров, находившейся глубоко под землей, где лифтеры нажимали кнопки, посылая кабины вверх и вниз по узким шахтам. Я дорого бы отдал, только бы одним глазом заглянуть сейчас туда.

С минуту я постоял перед дверью. Затем голос лифтера нерешительно произнес:

— Ладно, возвращайтесь на место. Сорок пятый этаж, первый поворот налево.

Пассажиры лифта смотрели на меня осоловевшими от Кофиеста глазами. Наконец я вышел, ступил на движущуюся ленту коридора и проехал мимо двери с надписью «Экспедиция» до конца коридора, где пешеходная дорожка уходила под пол. Мне не сразу удалось отыскать лестницу, ведущую на верхние этажи, но наконец я ее нашел. Теперь можно было отвести душу и хорошенько выругаться. Снова воспользоваться лифтом я не рискнул, а доводилось ли вам когда-нибудь пешком преодолевать тридцать пять этажей?

К концу подъема я почувствовал себя совсем худо. Не только потому, что отнимались ноги, но и потому, что время шло, а его у меня было в обрез. Скоро пробьет десять, и потребители, ночевавшие на ступеньках лестницы, начали уже понемногу заполнять ее. Я был предельно осторожен, но все же на семьдесят четвертом этаже едва избежал драки, потому что у человека, расположившегося на третьей ступеньке, ноги оказались длиннее, чем я предполагал.

К счастью, выше семьдесят восьмого этажа ночевать не разрешалось: здесь было царство управляющих.

Я с опаской шел по коридорам, стараясь обращать на себя как можно меньше внимания,— ведь меня могли узнать или спросить, что я здесь делаю, и вышвырнуть вон. Но навстречу попадались только мелкие клерки, а я им был почти незнаком. Мне все еще везло.

Но не совсем. Дверь кабинета Фаулера Шокена оказалась запертой.

Я юркнул в пустой кабинет его третьего секретаря и стал думать, что делать дальше. Фаулер после работы любил играть в гольф в местном клубе. Сейчас уже довольно поздно, но стоит

попытать счастья. Чтобы попасть в клуб, надо было подняться всего четырьмя этажами выше.

Так я и сделал. Местный клуб считался весьма шикарным, да оно и понятно — членские взносы составляли кругленькую сумму. Помимо площадки для гольфа, теннисного корта и других спортивных сооружений, всю северную часть комнаты занимала «роща» с дюжиной прекрасных искусственных деревьев, а кругом разместилось не менее двадцати беседок для отдыха, чтения, просмотра фильмов и прочих развлечений.

Две пары играли в гольф. Стараясь остаться незамеченным, я приблизился к ним.

Они были заняты своими циферблатами и кнопками, направляя игрушечные фигурки к крайней лунке. Я прочел счет на табло, и сердце мое упало. Новички. Фаулер Шокен не мог играть с таким счетом. Конечно, его здесь не было. Когда я подошел поближе, то увидел, что оба мужчины мне не знакомы.

Стоя в нерешительности, я раздумывал, что делать дальше. Шокена нигде не было видно. Предположим, он в одной из беседок. Но не мог же я открывать двери каждой и заглядывать туда. Это слишком рискованно. Меня сразу же вышвырнули бы оттуда, как только я наткнулся бы на любого, кроме Фаулера Шокена.

Я прислушался к разговору играющих. Одна из девушек только что сделала удачный удар и закончила игру. Она радостно улыбалась, принимая поздравления, и когда наклонилась вперед, чтобы повернуть рычаг и поставить фигурки на место, я узнал ее — это была Эстер, мой личный секретарь.

Все стало намного проще. Я не мог еще сообразить, как Эстер очутилась в клубе, но все остальное было ясно. Я спрятался в беседку рядом с дамской комнатой. Ждать пришлось всего десять минут.

Конечно, при виде меня Эстер тут же упала в обморок. Я чертыхнулся и втащил ее в беседку. Там стоял диван, и я уложил на него девушку.

Наконец Эстер пришла в себя и уставилась на меня недоумевающим взглядом.

— Митч,— прошептала она, и в голосе ее послышались истерические нотки.

— Я жив,— успокоил я ее.— Это действительно я, Митч. Умер кто-то другой, и они просто подсунули его труп. Не знаю, кто такие эти «они», но перед тобой Митч Кортней, твой начальник. Могу доказать. Например, вспомни прошлогоднюю рождественскую вечеринку, когда ты так беспокоилась о...

— Не надо,— сказала она поспешно.— Боже мой, Митч, то есть мистер Кортней...

— Митч меня вполне устраивает,— сказал я и отпустил ее руку, которую растирал. Эстер приподнялась, чтобы лучше видеть меня.

— Послушай, я жив, это верно, но попал в чертовски серье-

зную переделку. Мне необходимо повидаться с Фаулером Шокеном. Можешь устроить это сейчас же, немедленно?

— О-о,— она судорожно глотнула воздух, наконец приходя в себя, и потянулась за сигаретой. Я тоже машинально вытащил пачку «Старр».— О-о, Митч! Мистер Шокен на Луне. Это страшная тайна, но вам я могу сказать. Что-то, связанное с Венерой. После того, как вы погибли, то есть... ну, вы сами знаете, что я хочу сказать,— после этого он поставил во главе проекта «Венера» мистера Ренстеда. Дела пошли хуже и хуже, и он решил взять все в свои руки. Я дала ему ваши заметки. Кажется, там что-то говорилось о Луне. Во всяком случае, два дня назад он улетел.

— О, черт,— выругался я.— Кого же он оставил вместо себя? Гарвея Бренера? Тогда свяжись...

Эстер покачала головой.

— Нет, Митч, фирму возглавляет мистер Ренстед. Мистер Шокен уехал так поспешно, что смог передать дела только мистеру Ренстеду. Я могу ему позвонить прямо сейчас.

— Нет.— Взглянув на часы, я застонал от отчаяния. Я едва успею добраться до музея «Метрополитен».— Послушай, Эстер, мне надо уходить отсюда. Ни слова никому о нашей встрече, слышишь? Я что-нибудь придумаю и позвоню тебе. Скажу, что я врач твоей матери,— как его там,— доктор Галлант? Условимся, где встретиться и что делать. Ведь я могу рассчитывать на тебя, Эстер, правда?

— Конечно, Митч.— Она задыхалась от волнения.

— Хорошо. А теперь ты должна спуститься со мной на лифте. Спускаться пешком нет времени, а если меня поймают на территории клуба, могут быть неприятности.— Я остановился и посмотрел на неё.— Кстати, о клубе. Что ты здесь делаешь, Эстер?

Она вспыхнула.

— О, вы знаете, как это бывает,— сказала она печально.— Когда вас не стало, работы для меня не нашлось. У всех управляющих свои собственные секретарши, а я, Митч, не могла уже снова стать рядовым потребителем, когда столько долгов и все такое... И тогда... здесь открылась вакансия, понимаете?..

— Гм,— хмыкнул я, надеясь, что мое лицо осталось спокойным. Видит бог, я сдерживал себя. Будь ты проклят, Ренстед, сказал я себе, подумав о матери Эстер и о молодом человеке, за которого Эстер должна же когда-нибудь выйти замуж, и вспомнив вопиющую несправедливость, виновниками которой являются типы вроде Ренстеда,— они держат законы в своих руках, губят жизнь таких высокопоставленных работников, как я, или простых служащих, как Эстер, вынуждая нас становиться рядовыми потребителями.

— Успокойся, Эстер,— сказал я мягко.— Теперь я твой должник. И поверь, тебе не придется напоминать об этом. Я возмещу все, что ты потеряла.

Я уже знал, как это сделать. Многим девушкам, работающим по контракту ZZ, удается успешно избежать возобновления кон-

тракта или понижения квалификации. О выкупе контракта Эстер до того, как истечет его срок, думать не приходится — это обойдется слишком дорого. После года работы по контракту многим девушкам удается неплохо устраиваться в качестве личных секретарей. Я был человеком достаточно влиятельным и надеялся, что к моей рекомендации отнесутся благосклонно и к Эстер будет проявлено внимание.

Я против всяких сентиментов в служебных делах, но, как вы, наверное, уже заметили, в личных часто становлюсь их рабом.

Эстер настояла на том, чтобы я взял у нее немного денег. Поэтому, наняв педальный кеб, я смог заблаговременно добраться до музея. Я дал кебмену деньги вперед и, когда выходил, услышал, как он отпустил ехидное замечание по адресу «некоторых привилегированных». Если бы я в это время не думал о более важных делах, то проучил бы его как следует.

Я всегда любил музей «Метрополитен». К религии я равнодушен, возможно, потому, что это область, в которой подвизается Таунтон. Но в старинных шедеврах музея есть что-то возвышающее и облагораживающее, вселяющее в душу покой и благоговение. Как уже было сказано, я пришел немного раньше намеченного времени и, подойдя к бюсту Георга Вашингтона Хилла, отца рекламы, молча постоял около него. Я чувствовал себя так же спокойно, как в первые мгновенья на Южном полюсе средь снежной тишины.

Ровно без пяти двенадцать я уже стоял перед огромным женским торсом позднего периода. Вдруг за моей спиной кто-то стал тихонько насвистывать. Мотив был какой-то неопределенный, но в нем настойчиво повторялся один из условных сигналов, который я выучил в подполье под Малой Наседкой.

Одна из дежурных сотрудниц музея направилась к выходу. Обернувшись, она улыбнулась мне через плечо.

Постороннему наблюдателю это показалось бы обычным знакомством мужчины с женщиной. Я взял ее под руку и почувствовал, как ее пальцы отбивают на моем запястье условный код:

«Ничего-не-говорите-когда-я-оставлю-вас-идите-в-конец-комнаты-садитесь-и-ждите».

Я кивнул головой, она подвела меня к отделанной пластмассой двери, открыла ее и знаком велела войти.

В комнате было человек десять-пятнадцать потребителей. Они сидели на стульях с прямыми спинками и слушали человека с профессорской бородкой. Найдя свободный стул в глубине комнаты, я сел. Никто не обратил на меня внимания.

Лектор рассказывал о самых важных событиях того скучнейшего периода цивилизации, который предшествовал веку коммерции. Я рассеянно слушал его, стараясь отыскать в столь разных

людях, собравшихся здесь, то общее, что должно было их объединять. Все они «консы», в этом нет сомненья, иначе зачем бы им здесь сидеть. Но мне так и не удалось найти в них то главное, что должно было, хотя бы внешне, отличать этих маскирующихся фанатиков от остальных людей. Каждый из них казался обыкновенным потребителем, с голодным выражением лица, которое обычно появляется у человека от соевых котлет и дрожжевого кофе. На улице я прошел бы мимо любого из них и даже не обернулся. Но я был в Нью-Йорке, а, по словам Боуэна, все «консы», с которыми мне доведется здесь встретиться,— это руководящие деятели движения, его вожди и вдохновители.

Над этим фактом тоже не мешало призадуматься. Когда я наконец выпутаюсь из этой истории, встречусь с Фаулером Шокеном и восстановлю свою репутацию, то постараюсь накрыть эту подпольную шайку, если только умно поведу игру. Я стал более внимательно приглядываться к сидящим в комнате, запоминая их лица. Мне бы не хотелось ошибиться при новой встрече.

Очевидно, был подан какой-то сигнал, но я не заметил его. Лектор прервал лекцию на полуслове, и из первого ряда выскочил низенький толстый человечек.

— Ладно,— сказал он будничным голосом,— все мы в сборе, и нет смысла терять время. Мы враги всяких потерь, для этого и собрались здесь.— Он пресек легкий смешок, пробежавший по аудитории.— Не шумите,— предупредил он,— и не называйте друг друга по имени. На этом собрании мы будем пользоваться номерами. Можете звать меня «номер один», вы будете «номер два»,— он ткнул пальцем в своего соседа,— и так далее, ряд за рядом. Ясно? О'кэй, а теперь слушайте внимательно. Мы собрали вас здесь потому, что вы все новички. Вы теперь члены большой организации. Здесь, в Нью-Йорке, находится ее руководящий центр, выше его уже ничего нет. Каждый из вас был отмечен за какие-то заслуги — вы сами о них знаете. Сегодня вы получите задания. Но прежде мне хотелось бы предупредить вас об одном. Вы не знаете меня, я не знаю вас. Каждый из вас прошел испытание в своей ячейке, но наши люди на местах иногда бывают не в меру доверчивы. Если они ошиблись в вас... Ну, вы и сами понимаете, чем это может кончиться, не так ли?

Все дружно закивали головами. Я не отставал от других, но постарался запомнить этого маленького толстяка. Людей вызывали по номерам, одного за другим, они вставали и после короткой беседы с толстяком по двое и по трое выходили из комнаты, исчезая для выполнения заданий. Меня вызвали почти последним. Кроме меня, в комнате осталась только девушка с волосами апельсинового цвета и слегка косящими глазами.

— Ну, теперь вы двое,— обратился к нам толстяк.— Вы будете работать вместе, поэтому вам надо знать друг друга по имени. Грouби, познакомьтесь с Корвин. Грouби — своего рода литературный работник, а Селия — художница.

— О'кэй,— сказала девушка и раскурила от окурка новую си-

гарету «Старр». Идеальный тип потребителя, подумалось мне, если бы ее не испортили эти фанатики. Я заметил, что она жевала резинку даже во время бесконечных затяжек.

— Сработаемся,— одобрительно кивнул я.

— Конечно,— сказал толстяк.— Ничего не поделаешь, придется. Сами понимаете, Гроуби, для того чтобы дать всем возможность проявить себя, мы вынуждены сообщить вам много такого, что нам не хотелось бы завтра прочесть в газетах. Если вы не сработаетесь с нами, Гроуби,— добавил он ласковым голосом,— понимаете, в какое положение вы нас поставите? Тогда нам придется позаботиться о вас. Соображаете?— Он слегка постучал по пробке небольшого флакона с бесцветной жидкостью, стоявшего на столе.

— Соображаю, сэр,— поторопился я ответить.

Действительно, не трудно было сообразить, что находилось в этом флаконе.

Выяснилось, что все не так уж сложно. Однако после трех часов напряженной работы в этой маленькой комнатке мне пришлось напомнить им,— если я не вернусь в свой барак и не попаду на утреннюю перекличку, то едва ли смогу оказаться им полезным. Тогда меня отпустили.

Однако на перекличку я все равно не попал. Когда я вышел из музея навстречу великолепной утренней заре, я был полон самых радужных надежд. Внезапно из предрассветного тумана вынырнул какой-то человек и заглянул мне в лицо. Я узнал противную ухмыляющуюся рожу водителя кеба, доставившего меня в музей.— Хэлло, мистер Кортней,— ехидно приветствовал он меня, а затем мне на голову обрушился возвышавшийся за музеем обелиск или что-то в этом роде.

Глава 11

— Очнется через несколько минут,— донесся до меня чей-то голос.

— Ну как, готов он для Хеди?

— Что ты? Конечно, нет.

— Я только так спросил.

— Подготовить для Хеди не так-то просто. Тебе пора бы это знать. Прежде их надо хорошенько напичкать амфетамином, плазмином, а иногда и ниацином меганита. Вот тогда они готовы: Хеди не любит, когда теряют сознание. Знаешь сам, как она злится.

Послышался нервный, недобрый смешок.

Я открыл глаза и произнес:

— Слава богу! — так как, увидев грязно-серый потолок, какие бывают в конференц-залах рекламных агентств, решил, что благополучно попал в контору Фаулера Шокена. Неужели я ошибся? Лицо, склонившееся надо мной, не было мне знакомо.

— Чему ты так радуешься, Кортней? — услышал я.— Ты что, не знаешь, куда попал?

После этого сомнений уже не оставалось.

— Таунтон? — выдавил я из себя.

— Угадал.

Я попробовал шевельнуть рукой или ногой, но не смог. Неужели на мне пластиковый кокон?

— Послушайте, ребята,— сказал я как можно спокойнее,— не знаю, что вы тут задумали, но советую вашу затею бросить. Наверное, меня похитили в деловых целях. А это значит, вам придется или отпустить меня, или прикончить. Если вы убьете меня без предупреждения, вам самим смерти не миновать, поэтому убивать вы не станете. Значит, в конце концов вы меня отпустите. Тогда советую сделать это побыстрее.

— Убить тебя, Кортней? — спросил ехидный голос.— Да разве мертвых убивают? Всем давно известно, что ты умер на леднике Старзелиус. Неужели не помнишь?

Я снова рванулся, но безуспешно.— Вас приговорят к выжиганию мозгов! — завопил я.— Вы что, с ума сошли? Кто хочет, чтобы ему выжгли мозги?

Мой собеседник невозмутимо проронил:

— Тебя ждет сюрприз.— И обращаясь к кому-то в сторону, крикнул:

— Передай Хеди, что скоро он будет готов.— Затем со мной проделали какую-то манипуляцию, что-то щелкнуло, и я оказался в сидячем положении. Кожа туго натянулась на суставах. Теперь ясно — на меня надели пластиковый кокон. Сопротивляться было бесполезно. Лучше поберечь силы.

Зазвенел звонок, и резкий голос приказал:

— Разговаривай повежливей, Кортней. Сюда идет мистер Таунтон.

В комнату действительно ввалился Б. Дж. Таунтон. Таким мне частенько доводилось видеть его на многочисленных банкетах: красный, тучный, расфранченный и неизменно пьяный.

Широко расставив ноги, он уперся руками в бока и, слегка раскачиваясь, смотрел на меня.

— Кортней,— наконец изрек он.— Очень жаль. Из тебя мог бы выйти толк, если бы ты не связался с этим мошенником и сукиным сыном Шокеном. Очень жаль.

Он был пьян, он позорил нашу профессию, на его совести лежало не одно преступление, но я все же заставил себя быть учтивым.

— Сэр,— начал я, стараясь говорить спокойно.— Произошло недоразумение. Фирму «Таунтон» никто не провоцировал на убийство представителя конкурирующей фирмы, не так ли?

— Нет,— ответил он, с трудом шевеля губами и пьяно покачиваясь.— С точки зрения закона провокаций не было. Этот ублюдок Шокен всего-навсего украл мою главную работу, переманил моих сенаторов, подкупил моих свидетелей в сенатской комиссии и стащил у меня из-под носа Венеру!— Его голос неожиданно поднялся до визга. Затем, уже спокойнее, он продолжал:— Нет, повода мне не давали. Шокен осторожен, он не станет убивать моих людей. Хитрый Шокен, чистюля Шокен, чертов идиот Шокен!— почти проворковал он.

Таунтон уставился на меня остекленевшими глазами.— Ублюдок!— вдруг заорал он.— Из всех низких, подлых, бесчестных, мошеннических проделок твоя была самой мерзкой. Я,— он ударил себя в грудь и едва удержался на ногах,— я придумал самый верный способ убрать конкурента, но ты повел себя, как трусливая крыса. Ты сбежал, как заяц. Ах ты, собака!

— Сэр,— пролепетал я в отчаянии.— Ей-богу, не знаю, о чем вы говорите.— Годы пьянства, подумал я, не прошли бесследно. Такое можно плести только с перепоя.

Он неуверенно сел — один из его людей вовремя успел пододвинуть стул, на который Таунтон опустил свой грузный зад. Мечтательно взмахнув рукой, он изрек:

— Кортней, в душе я настоящий художник.

— Конечно, мистер...— автоматически поддакнул я и чуть было не сказал по привычке «Шокен», но вовремя прикусил язык.— Конечно, мистер Таунтон.

— В душе,— продолжал он,— я артист, мечтатель, творец сказочных иллюзий.— От его слов у меня действительно начались галлюцинации: мне почудилось на минуту, что передо мной сидит Фаулер Шокен, а не его противник, ненавидящий все, что дорого Шокену.— Мне нужна Венера, Кортней, и я получу ее. Шокен украл ее у меня, но все равно она будет моей. Проект Шокена о заселении Венеры лопнет как мыльный пузырь. Ни одна его ракета никогда не поднимется с Земли, даже если для этого мне придется подкупить всех его подчиненных и убить всех начальников его отделов. Потому что в душе я артист.

— Мистер Таунтон,— сказал я как можно спокойнее,— вам не удастся так просто поубивать всех начальников отделов. Вас приговорят к выжиганию мозгов, введут вам церебрин. Вряд ли удастся найти кого-нибудь, кто захочет так рисковать ради вас. Никому не захочется двадцать лет жариться в аду.

— А разве,— мечтательно заметил Таунтон,— разве мне не удалось найти пилота, который согласился сбросить на тебя с вертолета контейнер? Разве я не нашел безработного бродягу, который согласился пустить пулю в окно твоей квартиры? К сожалению, оба промазали. А затем ты подложил нам свинью, трусливо сбежав на ледник.

Я молчал. Бегство на ледник не было моей затеей. Одному богу известно, кто заставил Ренстеда хватить меня лыжами по голове, подсунуть вербовщикам, а вместо меня оставить чей-то труп.

— Чуть было не выпустили тебя из рук,— мечтательно предавался воспоминаниям Таунтон.— И если бы не преданные мне люди — кебмен и еще кое-кто,— мне бы не заполучить тебя. У меня есть еще немало возможностей, Кортней. Они могут быть хуже или лучше, чем у других, но такая уж у меня судьба — рисовать сказочные картины и ткать фантастические сны. Величие художника в простоте, Кортней. Ты все твердишь: «Никто не захочет подвергнуться выжиганию мозгов». Но ты просто недалекий человек. А я заявляю: «Найди того, кто этого хочет, и используй его». Я говорю так, потому что я — великий человек.

— Кто захочет подвергнуться выжиганию мозгов?— тупо повторил я.— Кто захочет подвергнуться выжиганию мозгов?

— Объясни ему,— обратился Таунтон к одному из своих помощников.— Я хочу, чтобы он понял, что мы не шутим.

— Все дело в количестве населения, Кортней,— сухо пояснил один из его людей.— Ты когда-нибудь слыхал об Альберте Фише?

— Нет.

— Этот необыкновенный человек жил на заре Века разума — в 1920-е годы или около этого. Альберт Фиш втыкал в свое тело иголки, сжигал на себе ватные тампоны, пропитанные бензином, нещадно сек себя и при этом испытывал удовольствие. Ручаюсь, ему понравилось бы и выжигание мозгов. Для него это были бы великолепные годы, в течение которых он упивался бы удушьем и тошнотой, испытывал бы восторженный трепет от того, что

с него сдирают кожу. Это было бы осуществлением мечты Альберта Фиша.

В те времена существовал только один Альберт Фиш. Нервное напряжение и темп жизни нашего высокоорганизованного общества способствуют появлению альбертов фишей. Было бы неразумно ждать, чтобы на обширных пространствах при небольшом и разбросанном по всей планете населении того времени, составлявшем менее трех миллиардов человек, могло появиться несколько альбертов фишей. Сейчас население намного увеличилось, и вокруг бродит сколько угодно таких людей. Надо только найти их. Мы здесь, у Таунтона, с помощью первоклассных исследовательских приемов откопали сразу нескольких. На них можно наткнуться в больницах, иногда они бывают необычайно уродливы на вид. Эти люди жаждут стать убийцами, и они уже предвкушают удовольствие от одной мысли о наказании. А вот такие, как ты, утверждают, что невозможно нанять убийц, потому что все боятся наказания. Но сам мистер Таунтон только что объяснил тебе, что можно заполучить убийцу, если только найти человека, не боящегося наказания. И самое интересное, что тот, кто любит испытывать боль, любит сам причинять ее другим. Ну, к примеру, причинить боль тебе...

В этих словах звучала правда, от которой кровь стыла в жилах. Наше поколение, казалось, было приучено ко всему. Передачи по радио и телевидению изобилуют сообщениями о сверхъестественных подвигах и чудовищной жестокости. Из истории я знал, что раньше люди не были ни столь храбры, ни столь порочны. Это всегда озадачивало меня. Находятся же у нас такие люди, как Мэлон, который в течение шести лет преспокойно прорывал подземный ход, чтобы в одно прекрасное утро взорвать банк в Нью-Джерси. А все из-за того, что его чем-то обидел полицейский, регулировавший уличное движение. Но, с другой стороны, у нас были и такие, как Джеймс Ревир, герой с потерпевшего бедствие парохода «Уайт Клауд». Работая официантом туристского класса, этот застенчивый и хворый на вид человек один вынес из огня семьдесят шесть пассажиров. Снова и снова возвращаясь в бушующее пламя, обгоревший и ослепший, он выносил их на плечах, нащупывая дорогу своими искалеченными руками. Это верно. Когда людей слишком много, всегда можно найти такого, который с охотой сделает все что угодно. Таунтон действительно художник. Он постиг эту простую истину и использовал ее. А это означало, что я мог считать себя покойником.— Кэти,— подумал я,— моя Кэти!

Хриплый голос Таунтона прервал мои размышления.— Дошло до тебя?— спросил он.— Величественная картина. И главное в ней то, что я снова стану хозяином Венеры. А теперь начнем сначала, и ты выложишь мне все об агентстве Шокена. Все его маленькие тайны, его уязвимые места, ходы и выходы, кого из слу-

жащих можно купить, каков капитал фирмы и как со связями в Вашингтоне,— ну, да ты и сам знаешь, что меня интересует.

— Все равно я мертв и мне уже нечего терять,— подумал я и ответил:

— Нет.

Тогда один из людей Таунтона отрывисто бросил:

— Вот теперь он готов для Хеди,— и вышел из комнаты.

— Ты изучал древнейшую историю, Кортней,— сказал Таунтон.— Тебе, может, знакомо имя Гилля де Рэ.— Да, я знал это имя, и при одном его упоминании мне почудилось, будто мою голову медленно сжимают стальными обручами.— Все предыдущие поколения насчитывают примерно пять миллиардов человек,— небрежно продолжал Таунтон.— И все эти поколения дали миру лишь одного Гилля де Рэ, который тебе кажется Синей Бородой. Но в наши дни у нас их немало и есть из кого выбрать. Для особых дел из всех возможных вариантов я выбрал Хеди. Почему — сам увидишь.

Дверь отворилась, и на пороге появилась бледная, хилая девица с прямыми светлыми волосами. Ее тонкие, бескровные губы растянулись в идиотской улыбке. В руке она держала шприц с шестидюймовой иглой.

Я посмотрел ей в глаза и пронзительно закричал. Я не переставал кричать до тех пор, пока ее не увели и дверь за нею не закрылась. Воля моя была сломлена.

— Таунтон,— пролепетал я наконец,— прошу вас...

Он удобно откинулся на спинку стула:

— Выкладывай.

Я пытался, но ничего не вышло. Слова застревали в горле, память словно отшибло. Я даже не мог вспомнить, называется ли моя фирма «Фаулер Шокен» или «Шокен Фаулер».

Наконец Таунтон встал:

— Ладно, придется отложить, Кортней, пока ты не соберешься с мыслями. Мне и самому не мешает подкрепиться.— Его невольно передернуло, но он тут же снова молодцевато подтянулся.

— Советую вздремнуть,— сказал он и вышел нетвердой походкой.

Двое подручных Таунтона из комнаты допросов отвезли меня на тележке по коридору в карцер с тяжелой дверью. В царстве управляющих наступила ночь. В кабинетах, мимо которых меня провозили, было пусто, огни погашены, и лишь одинокий дежурный в конце коридора зевал за своим столом.

— Не снимете ли с меня кокон?— робко взмолился я.— А то я потом ни на что не буду годен.

— Не приказано,— отрезал один из подручных, и они захлопнули и заперли тяжелую дверь карцера. Я стал кататься по полу узкой камеры, стараясь наткнуться на что-нибудь острое и разорвать пластиковый кокон, но все было напрасно. Я извивался в невообразимых конвульсиях, катался и падал и наконец понял,

что мне в этом коконе не подняться на ноги. Еще чуть-чуть теплилась слабая надежда на то, что для моей цели пригодилась бы дверная ручка, но она была от меня все равно что за тысячу миль.

Митчел Кортней, работник рекламы, Митчел Кортней, главная фигура в Отделе Венеры, Митчел Кортней — гроза «консов», этот самый Митчел Кортней беспомощно барахтался на полу карцера в плену у самого жульнического, бесчестного агентства, которое когда-либо позорило торговый мир, и единственной перспективой для него, кроме предательства, была, если повезет, быстрая смерть. Кэти по крайней мере ничего об этом не узнает. Будет думать, что я погиб, как дурак, на леднике, потому что стал ковыряться в батарейке, хотя ни черта в этом не смыслил...

Загремел ключ в замочной скважине — за мной пришли.

Но когда отворилась дверь, то, лежа на полу, я увидел не мужские брюки, а две тощие щиколотки, обтянутые нейлоном.

Это была Хеди, Хеди с ее шприцем.

Я попытался позвать на помощь, но когда она склонилась надо мной и я увидел ее горящие глаза, крик застрял у меня в горле. Вдруг я почувствовал, что у меня оторвали левую половину головы. Это ощущение длилось всего несколько секунд и растворилось потом в красном тумане беспамятства.

— Проснись,— требовала Хеди.— Я люблю тебя, проснись.— Мой правый локоть пронизала молния, я вскрикнул и отдернул руку. О, чудо, она двигалась... двигалась!

Игла шприца вонзилась мне в челюсть, ища, очевидно, тройничный нерв. В отчаянии я старался выбраться из красного тумана, готового снова поглотить меня. Теперь я мог двигать рукой, потому что Хеди шприцем прорвала пластиковый кокон. Она снова нацелилась,— и боль пронизала левую руку. Одно конвульсивное движение,— и эта рука тоже была свободна.

Кажется, я вцепился Хеди в загривок. Не уверен, что все было именно так — да разве это важно? Через пять минут ни Хеди, ни ее «любви» уже не существовало. Я сорвал с себя пластик и, вскрикивая от боли, медленно и тяжело поднялся на ноги.

Дежурный был мне не страшен. Если он не прибежал на мои крики, значит, теперь и подавно не прибежит. Я вышел из карцера и увидел, что он как будто спит, уронив голову на стол. Наклонившись над ним, я заметил на старой жилистой шее следы запекшейся крови. Хеди достаточно было сделать один укол, парализующий мозг. Да, анатомию она знала отлично.

У дежурного был револьвер, который я после минутного размышления решил не брать; но, найдя несколько долларов у него в карманах, я подумал, что они пригодятся мне больше, чем оружие, и поспешил к выходу. Часы на столе дежурного показывали пять минут седьмого. Значит, наступило утро.

Я уже знал, каково подниматься по лестнице небоскреба пешком. Теперь мне предстояло спуститься вниз. Если сердце у вас в порядке, то вы почти не замечаете разницы между спуском и подъемом. Однако в моем состоянии понадобилось целых полчаса,

чтобы спуститься из административного помещения на нижние этажи, где ночевали простые смертные. По лестнице уже двигался первый поток угрюмых потребителей, спешивших на работу. Я стал свидетелем доброй дюжины потасовок и одной жестокой драки. Ночные обитатели лестничной клетки в здании агентства Таунтона были оборванным, грязным сбродом, который не пустили бы на лестницы к Шокену. Но это было даже к лучшему, ибо никто не обратил внимания на мою грязную, изодранную одежду и рану на лице. Лишь какая-то девица свистнула мне вдогонку. Если бы я в подобном виде вздумал сунуться в такие древние трущобы, как здание Американской радиокорпорации или Эмпайр Стэйт Билдинг, меня бы немедленно вышвырнули вон.

Мне повезло,— это был час, когда ночные жильцы покидали здание фирмы «Таунтон». Смешавшись с толпой, бурлившей в вестибюле, я вместе со всеми выбрался на улицу и устремился к станции метрополитена, поезда которого подвозили потребителей к местам их жалкой работы. Мне показалось, что люди из охраны Таунтона пристально разглядывают толпу из окон второго этажа. Не оборачиваясь, я юркнул в душевую.

В кассе я разменял все свои доллары на мелочь.— Душ пополам, парень?— спросил кто-то. Мне дозарезу был нужен душ, но не пополам, однако я побоялся выдать себя замашками привилегированного служащего. Пришлось согласиться.

Мы уплатили за пятиминутный душ из соленой воды с мылом и полуминутный душ из пресной. Я обнаружил, что все время тру правую руку, а когда холодная вода попадала на левую половину лица, это причиняло невыносимую боль. Немного придя в себя после душа, я спустился в метро и в течение двух часов колесил под городом. Наконец я вышел на Таймс-сквере, в центре торговой части города. Это была главным образом грузовая станция, где чертыхающиеся потребители швыряли ящики с протеином на движущийся конвейер, отправлявший их во все концы города. Я попытался дозвониться Кэти. Мне опять никто не ответил.

Тогда я позвонил Эстер в агентство Шокена и приказал:

— Собери все до последнего цента, одолжи, возьми все свои сбережения, купи мне полный комплект одежды фирмы «Старзелиус» и как можно скорее приезжай на то место, где твоя мать два года назад сломала ногу. Точно на это место, помнишь?

— Да, помню, Митч,— ответила она.— Но мой контракт?..

— Не заставляй меня просить тебя, Эстер,— взмолился я.— Верь мне. Я не подведу тебя. Ради бога, поторопись. А если увидишь, что меня схватили полицейские, сделай вид, что ты меня не знаешь. А теперь действуй.

Повесив трубку, я тяжело опустился на пол телефонной будки и оставался в ней до тех пор, пока кто-то не начал возмущенно колотить в дверь. Тогда я вышел, медленно прошелся по платформе, выпил стакан Кофиеста и съел сандвич с сыром. У газетного киоска я взял напрокат утреннюю газету.

Обо мне было напечатано маленькое скучное сообщение, зани-

мавшее скромный абзац на третьей странице: «Разыскивается по обвинению в саботаже и убийстве». Далее говорилось, что некий Джордж Гроуби не вернулся на работу после отлучки в город. Он использовал это время для того, чтобы совершить кражу со взломом в административном отделе фирмы «Таунтон». Убив секретаршу, которая случайно наткнулась на него, Гроуби скрылся.

Через полчаса Эстер встретила меня в метро неподалеку от того места, где однажды сорвавшийся с конвейера ящик сломал ее матери ногу. У нее был очень встревоженный вид; теперь она так же, как и Джордж Гроуби, была виновна в нарушении контракта.

Я взял у нее картонку с одеждой и спросил:

— Осталось ли у тебя хотя бы полторы тысячи долларов?

— Около этого,— ответила она.— Моя мать была в ужасе...

— Закажи нам билеты на первый же корабль, отлетающий на Луну. Если можно, сегодня же. Встречай меня здесь.

— Мы? На Луну?— задыхаясь, промолвила она.

— Да, на Луну. Мне надо исчезнуть с Земли, пока меня не прикончили, и на этот раз уже по-настоящему.

Глава 12

Моя маленькая Эстер расправила плечи и начала творить чудеса.

Через десять часов мы уже сидели в кабине воздушного корабля «Дэвид Рикардо». Эстер преспокойно выдала себя за служащую фирмы «Шокен», отправляющуюся на Луну со специальным заданием, а меня за Гроуби, статистика отдела продажи шестой категории. Никому не пришло бы в голову искать экспедитора Гроуби, служащего девятой категории, на космодроме «Астория». Экспедитор, работающий в канализационной системе, попавший в черный список за саботаж и убийство, естественно, не может позволить себе поездку на космическом корабле.

Эстер заказала отдельную кабину и полный ежедневный рацион. На этом корабле большинство пассажиров обычно оплачивают кабину и полный рацион. Такие путешествия совершаются не ради удовлетворения праздного любопытства и не рассчитаны на тех низкооплачиваемых потребителей, которые составляют абсолютное большинство населения Земли. Путешествие на Луну — это чисто деловая поездка, связанная прежде всего с добычей полезных ископаемых и немного — с желанием посмотреть тамошние достопримечательности. Нашими спутниками, которых мы видели только при посадке, были инженеры с озабоченными лицами, горсточка рабочих, в срочном порядке отправляемых на Луну, а также несколько до идиотизма богатых мужчин и женщин, которым хотелось похвастаться тем, что они побывали на Луне.

Когда мы оторвались от Земли, Эстер охватило истерически приподнятое настроение, но затем она сникла и поплакала у меня на плече, напуганная тем, что наделала. Воспитанная в духе глубокого уважения к принципам морали и к кодексу торговли, она не могла так просто смириться с тем, что пошла на преступление и нарушила контракт.

— Мистер Кортней... Митч...— терзалась она,— если бы я могла быть уверена, что поступила правильно! Знаю, что вы всегда были добры ко мне, никогда не сделаете мне ничего дурного, но я так напугана, так несчастна!..

Я вытер ей глаза и принял решение:

— Пожалуй, лучше рассказать тебе все, Эстер. Ты сама будешь судьей. Таунтон сделал ужасное открытие. Он установил, что есть люди, которые не боятся казни церебрином и готовы ид-

ти на убийство торговых конкурентов. Таунтон считает, что мистер Шокен бесчестно украл у него проект Венеры, и теперь он ни перед чем не остановится, чтобы вернуть его обратно. Уже по крайней мере дважды он пытался убить меня. Раньше я думал, что Ренстед — один из его агентов, нанятых, чтобы помешать Шокену наложить лапы на Венеру. Теперь не знаю, что и думать. На Южном полюсе, куда я поехал, Ренстед дал мне по башке и продал вербовщикам под чужим именем, а на леднике оставил чей-то труп. Кроме того, во всем этом,— осторожно сказал я,— еще замешаны «консы».

Эстер слабо вскрикнула.

— Только не знаю, каким образом они здесь замешаны, но я сам стал членом ячейки «консов»...

— Мис-тер Кор-тней!

— Не по своей воле,— поспешил объяснить я.— Меня завербовали на плантации «Хлорелла» в Коста-Рике, а попасть оттуда на Север можно было только через организацию «консов». На плантациях я и вступил в ячейку, проявил способности и был переброшен в Нью-Йорк. Остальное ты знаешь.

Она долго молчала и наконец спросила:

— Вы уверены, что теперь все в порядке?

Сам отчаянно надеясь на это, я храбро ответил:

— Конечно, Эстер.

Она радостно улыбнулась.

— Пойду за нашими пайками,— заметила она, отстегивая ремни сиденья.— А вы лучше оставайтесь здесь.

Через сорок часов полета я сказал Эстер:

— Этот проклятый жулик стюард совсем обнаглел. Посмотри!— И протянул ей мой термос с водой и пакет с рационом. Пломбы на них были повреждены, а воды явно не хватало.

— Считается, что эти пайки опломбированы,— гневно продолжал я.— Это же чистое жульничество! А как у тебя?

— То же самое,— ответила она равнодушно.— Тут ничего не поделаешь. Давайте поедим попозже, мистер Кортней.— Она делала явные усилия, чтобы казаться веселой.— Партию в теннис?

— Ладно,— проворчал я, устанавливая настольный теннис, взятый в комнате отдыха. Эстер играла лучше меня, но сегодня я без труда одержал победу. Она была рассеянна и неловка, не вовремя нажимала рычаг и не туда посылала мячи. Однако полчаса игры, по-видимому, принесли пользу нам обоим. Эстер повеселела, и мы с аппетитом позавтракали.

Теперь мы стали постоянно играть в теннис перед едой. Больше в этом тесном обиталище заняться было нечем. Через каждые восемь часов Эстер отправлялась за нашим рационом, я ворчал на недостачу и сорванные пломбы, мы играли в теннис, а потом закусывали. Остальное время приходилось изучать рекламу фирмы «Шокен», мелькавшую на стенах ракеты.

Все не так уж плохо,— думал я.— Шокен на Луне, и никто не

помешает мне с ним встретиться. Там не так тесно и больше свободного времени. Мне хотелось расспросить у Эстер, что она слышала о Джеке О'Ши, но я промолчал. Боялся, что мне не по душе будут истории, которые она могла мне рассказать о героелилипуте и его триумфальном шествии из города в город, от женщины к женщине.

Однообразная реклама была наконец прервана объявлением: «Пассажиров просят явиться на кухню за последней порцией жидкого пайка. Сейчас восемь часов, и до прилунения никакие продукты больше выдаваться не будут».

Эстер улыбнулась мне и ушла, захватив поднос.

Лунное притяжение уже давало себя знать — все мои внутренности выворачивало наизнанку. Эстер вернулась, как обычно, через десять минут с двумя термосами Кофиеста и мягко пожурила меня:

— Ах, Митч, вы даже не установили теннисный корт?

— Что-то не хочется, давай прежде поедим.— Я протянул руку за своим Кофиестом. Но Эстер не дала его мне.

— Только одну партию,— голос ее звучал просительно.

— Черт возьми, слышала, что тебе сказано! — разозлился я.— Помни свое место! — Пожалуй, это у меня никогда не вырвалось бы, если бы не Кофиест. При виде красной упаковки фирмы «Старзелиус» меня снова начало тошнить. Должно быть, я просто давно не пил Кофиеста, ибо, как известно, от него не тошнит.

Лицо Эстер вдруг исказилось от боли.

— Простите, мистер Кортней.— Она прижала руки к животу. Испуганный, я подхватил ее на руки. Она была смертельно бледна, и тело ее обмякло; она тихо стонала.

— Эстер! — закричал я.— Что с тобой? Что...

— Не пейте его,— прохрипела она, судорожно хватаясь за живот.— Кофиест. Он отравлен... Ваш паек... Я попробовала его.

Ее ногти рвали одежду, впивались в тело, царапали его.

— Пришлите доктора! — закричал я в рупор кабины.— Здесь умирает женщина!

Мне ответил голос старшего стюарда:

— Сейчас, сэр. Корабельный доктор сейчас будет у вас.

Я с ужасом увидел, как лицо Эстер начало разглаживаться. Она прошептала:

— Подлая Кэти. Предать тебя... Митч, подлая Кэти. Смешно. Ты слишком хорош для нее. Она не потерпит этого. Моя жизнь... твоя...— Новая судорога исказила ее черты.— Жена и секретарша. Смешно. Так было всегда. А ты меня даже ни разу не поцеловал...

Я и сейчас не успел сделать этого. Эстер была уже мертва, когда в узкую дверцу кабины протиснулся корабельный врач. При взгляде на Эстер его лицо помрачнело. Вдвоем мы отнесли ее в изолятор и положили в камеру восстановления сердечной деятельности. Сердце Эстер снова забилось, она начала дышать и открыла глаза.

— Где вы? — спросил доктор, громко и отчетливо выговари-

вая слова. Эстер сделала чуть заметное движение головой, и радость надежды охватила меня.

— Она отвечает? — шепотом спросил я у врача.

— Едва ли, — ответил он с профессиональным спокойствием. И был прав. Эстер сделала еще несколько движений головой, и веки ее все время подрагивали. Врач продолжал спрашивать:

— Кто вы? — Эстер чуть-чуть нахмурилась, губы ее задрожали — и все кончилось. Передо мной лежало мертвое, лишь на секунду ожившее тело.

Доктор в достаточно деликатной форме пытался объяснить мне:

— Нет смысла дальше пробовать. Я выключу прибор. Вы не должны тешить себя надеждой. По-видимому, необратимая клиническая смерть уже наступила. Часто для людей, связанных чувствами, бывает трудно поверить...

Я смотрел, как все еще трепетали веки Эстер — один, два, три взмаха... — Выключите это, — хрипло сказал я. Под «этим» я скорее имел в виду не машину, а то, что раньше было Эстер. Врач выключил ток и убрал иглу.

— Ее тошнило? — спросил он. Я кивнул. — Это ее первый космический полет? — Я снова кивнул. — Были боли в брюшной полости? — Кивок. — До этого было какое-нибудь недомогание? — Я отрицательно покачал головой. — Бывали головокружения? — Я кивнул, хотя точно не знал. Он к чему-то клонил, продолжая задавать вопросы, и было совершенно ясно, какие ему нужны ответы. Аллергия, плохая свертываемость крови, головные боли, быстрая утомляемость — в конце концов доктор произнес свое веское слово:

— Мне кажется, это болезнь Фляйшмана, она еще мало изучена. — И он пустился в научные рассуждения о симптомах этой редкой болезни.

Но, взглянув на меня, сразу переменил тон. — Здесь есть немного спирта, — сказал он. — Если хотите...

Я потянулся к колбе со спиртом, но вдруг, вспомнив об Эстер, предложил:

— Выпейте и вы со мной.

Он кивнул и без раздумий отпил из колбы. Я смотрел, как двигается его кадык.

— Не пейте много, — предупредил он. — Скоро посадка.

Еще какое-то время я занимал его разговором, пристально следя за ним, а затем, проглотив полпинты неразведенного спирта, еле добрался до своей кабины.

Головная боль с похмелья, горе и страх, идиотски длинная процедура проверки личности при высадке на Луне. Я, должно быть, вел себя довольно странно, ибо несколько раз слышал, как кто-то из команды говорил представителям лунной администрации:

— Полегче с этим парнем. Во время полета у него умерла девушка.

В тесной каморке приемного пункта, отвечая на бесчисленные вопросы, я твердил лишь одно — что ничего не знаю о том деле, с которым сюда послан, я — Гроуби, служащий шестой категории, и самое лучшее, — как можно скорее отправить меня к Фаулеру Шокену. Ему должны были сообщить о нас. Однако меня лишь высмеяли, велели сесть и ждать, когда придет ответ на запрос, посланный в отделение фирмы «Шокен» в Луна-Сити.

Я сидел, посматривая по сторонам, и пытался что-то придумать. Это было не так-то просто. Сотрудники контрольного пункта на космодроме привыкли к заведенному порядку вещей. Я же представлял собой случай необычный. Они, наверное, выжидают момент, чтоб схватить...

Световой аппарат на столе неподалеку от меня щелкнул и заработал. Скосив глаза, я прочел:

«Шокен. Отвечаю на запрос. С этим кораблем никого не жду. Никакого Гроуби в фирме „Фаулер Шокен" нет. Сообщите о нем куда следует. Действуйте по обстоятельствам. По-видимому, не наш человек. Конец».

Это действительно был конец. Парни поглядывали на меня, переговариваясь вполголоса. Еще минута, и они подадут знак детективам.

Я встал со скамьи и смешался с толпой пассажиров. Оставался только один выход, но он страшил меня. И все же я, как бы невзначай, сделал жест, означавший у «консов» сигнал серьезной опасности.

Расталкивая толпу, ко мне протиснулся детектив и положил руку на мое плечо. — Надеюсь, ты не собираешься здесь набедокурить? — спросил он.

— Нет, — произнес я с усилием. — Ведите, куда нужно.

Он фамильярно махнул рукой тем, кто сидел у стола. Они ухмыльнулись и помахали ему в ответ. Детектив провел меня сквозь испуганную толпу, подталкивая сзади дубинкой.

Словно в оцепенении, я позволил ему вывести себя из помещения контрольного пункта на узкую, как туннель, улицу со множеством магазинов.

«Лунные сувениры — самые дешевые в городе»

«На Луне вы купите самые лучшие товары»

«Газета вашего родного города»

«Лунные костюмы. Прокат. 50 лет без износа»

«Компания проката лунных костюмов. 73 года без износа. Цены доступные»

«Лунные костюмы для девушек. Сногсшибательные модели. Цены по соглашению. Докажите, что вы были на Луне»

«Уоррен Астрон, доктор философии. Чтение гороскопов только по предварительной записи»

Все это светилось, подмигивало с витрин и вывесок, а толпы приехавших сновали взад и вперед, разевая рты от удивления.

— Ну-ка, остановись,— проворчал мой страж. Мы остановились напротив вывески Уоррена Астрона, и детектив вдруг шепнул:

— Вырви у меня дубинку, дай мне как следует по голове и кидай дубинку в уличный фонарь. Беги к Астрону и подай ему условный знак. Желаю успеха и... постарайся не проломить мне череп.

— Вы... вы...— забормотал я, заикаясь.

— Да,— криво усмехнулся он,— очень жалею, что увидел твой сигнал. Это может стоить мне двух нашивок и повышения. Пошевеливайся.

Я так и сделал: выхватил у него дубинку и ударил его по голове, стараясь, чтобы удар получился не слишком слабым, но и не очень сильным. Потом дубинка мелькнула в воздухе и разбила фонарь. Испуганные вопли пешеходов гулким эхом отозвались в туннеле улицы. Я скользнул в белоснежную дверь заведения доктора Астрона и растерянно уставился на высокого тощего мужчину с бородкой.

— Что все это значит? — возмущенно воскликнул он.— Прием только по предварительной записи.— Я подал ему условный знак.— Убежище? — коротко спросил он, отбросив изысканные профессиональные манеры.

— Да. И побыстрее.

Он провел меня через приемную в небольшую обсерваторию с высоким прозрачным куполом — здесь были телескоп, карты небесных светил с надписями на языке хинди, стенные часы и несколько столов. Сильным рывком Астрон сдвинул один из столов, легко повернувшийся на шарнирах. Под ним был люк с поручнями.— Спускайтесь,— приказал он мне.

Я спустился в темноту.

Помещение, куда я попал, было около двух метров глубины, площадью около трех квадратных метров. У одной стены стояли кирка, лопата и два ведра, наполненных образцами лунных пород.

Перевернув одно из ведер, я уселся на него и стал считать свой пульс. Досчитав до пятисот семидесяти шести, я бросил это занятие. Пол был усыпан камнями; я попытался расчистить себе местечко. После нескольких безуспешных попыток улечься я вдруг услыхал над головой голоса. Один был профессионально вежливый голос Астрона, другой — женский, капризный и недовольный, принадлежал, должно быть, какой-нибудь толстой и немолодой даме. Беседа, очевидно, велась за столом, под которым скрывалось мое убежище.

...Это, право, очень дорого, мой милый доктор.

— Как угодно, мадам. С вашего разрешения, я тогда возвращусь к моим эфемерам...

— Но, доктор Астрон, я не хотела...

— Мадам простит меня, но, если я не ошибаюсь, она не согласна с моим обычным гонораром?.. Я ошибся? Ну тогда все в порядке. А теперь скажите мне день и час вашего рождения.

Клиентка что-то невнятно пробормотала, и я подумал, как нелегко, должно быть, Астрону с женщинами, которые всегда скрывают свой возраст.

— Итак... Венера в расположении Марса... Гороскоп Меркурия...

— Это что такое? — В резком голосе дамы прозвучала подозрительность.— Я тоже немного разбираюсь в Великом искусстве предсказания, но никогда не слыхала, чтобы...

— Мадам должна понять, что лунная обсерватория делает возможными такие вещи, о которых, разумеется, еще никто не слышал. Наблюдения, проводимые на Луне, позволяют поднять Великое искусство до таких высот, о которых немыслимо было даже мечтать раньше, когда наблюдения велись через толщу загрязненной земной атмосферы.

— О... о... конечно, я слышала об этом. Пожалуйста, доктор Астрон, продолжайте. Смогу ли я взглянуть в гороскоп на мои планеты?

— Разумеется, мадам, только попозже. Итак... Меркурий... планета раздора и интриг, но если она в расположении Юпитера, приносящего счастье...

«Чтение» продолжалось, вероятно, с полчаса, потом были еще два сеанса, и наконец наступила тишина. Я задремал, как вдруг меня окликнули. Астрон опять отодвинул стол, и в прямоугольном отверстии люка показалась его голова.

— Поднимайтесь. В ближайшие двенадцать часов вам не грозит никакая опасность.

Я выбрался наверх и заметил, что купол обсерватории потемнел.

— Вы — Гроуби? — спросил он.

— Да,— ответил я. Ни один мускул не дрогнул на моем лице.

— Сведения о вас мы получили с борта «Рикардо», от курьера. Бог знает, какова цель вашего приезда. Но это не моего ума дело.— Я заметил, что он держит руку в кармане.— Вы появились на плантациях «Хлорелла», вы — прирожденный работник рекламы, вас переводят в Нью-Йорк и случайно или преднамеренно, не знаю, похищают у музея «Метрополитен»; вы убиваете девушку и исчезаете... А теперь вы на Луне. Кто знает, для чего вы здесь. Ну, в этом разберутся другие. Сюда скоро придет один из членов центра нашей организации, чтобы проверить вас. Вы хотели бы что-нибудь сказать? Ну, например, сознаться, что вы агент-провокатор или подвержены маниакально-депрессивному психозу?

Я промолчал.

— Хорошо,— сказал он. Где-то хлопнула дверь.— Это, наверное, она.

В обсерваторию вошла Кэти.

Глава 13

— Митч! — воскликнула она, не веря своим глазам.— Боже мой, Митч! — Кэти засмеялась каким-то истерическим смехом.— Этого ты не ожидал, правда? Так ты не остался на льду?

Астролог вытащил из кармана револьвер.

— Не прикажете ли?..

— Нет, Уоррен. Все в порядке. Я его знаю. Пожалуйста, оставьте нас одних.

Он вышел. Кэти, вся дрожа, упала в кресло. Я же не мог сдвинуться с места. Моя жена — важная шишка у «консов». А я-то воображал, что знаю ее. Как же я ошибался! Она постоянно лгала мне, а я этого даже не подозревал.

— Ты, кажется, ничего не собираешься мне объяснить? — произнес я наконец. Кэти, по-видимому, уже овладела собой.

— Ты удивлен? Звезда рекламы якшался с «консисткой»? Боишься, что это всплывет на поверхность и отразится на твоей карьере? — Когда я посмотрел на нее, ее деланная насмешливая улыбка тут же исчезла.

— Проклятье! — не выдержала она.— Когда я взялась за ум, мне от тебя нужно было только одно — чтобы ты исчез и никогда больше не появлялся мне на глаза. Какую же ошибку я совершила, помешав Таунтону убить тебя!

— Значит, это по твоей указке Ренстед подсунул меня вербовщикам?

— Бездарная работа! Но ради бога, скажи, что ты здесь делаешь? Что означают твои дикие выходки? Почему ты не можешь оставить меня в покое? — Она уже кричала.

Кэти — «конс». Ренстед — «конс». Они сами решают, что лучше для бедняги Митча, и, не задумываясь, действуют. Таунтон тоже лезет решать мою судьбу. Двигают меня, как пешку, по шахматной доске.

— Шахматная королева,— отчеканил я и, подойдя к Кэти, вдруг залепил ей пощечину. Настороженность в ее взгляде исчезла, теперь в нем было просто удивление.

— Ну-ка, зови сюда этого, который вышел.

— Митч! Что ты собираешься делать? — Теперь она больше походила на прежнюю Кэти.

— Я сказал тебе, зови его.

— Ты не смеешь мне приказывать...

— Эй, ты! — заорал я. — Чертов колдун!

Он вбежал в комнату и наткнулся на мой кулак. Удар сбил его с ног. Когда я начал обыскивать его, Кэти, как дикая кошка, бросилась на меня сзади. Я извлек из кармана астролога револьвер и оттолкнул Кэти — она упала и с удивлением смотрела на меня, потирая ушибленное бедро.

— А ты, однако... большой мерзавец, — удивленно произнесла она.

— Тут станешь кем угодно, — согласился я. — Шокен знает, что ты на Луне?

— Нет, — она потерла большой палец об указательный.

— Опять лжешь.

— Мой маленький правдолюб, — издевательски протянула она. — Мой маленький рекламный чародей и пожиратель огня...

— Советую разговаривать повежливей, не то получишь вот этой штукой по физиономии.

— Боже мой, ты действительно на это способен. — Она прикрыла лицо рукой, с опаской поглядывая на револьвер.

— Рад, что ты это поняла. Еще раз спрашиваю — Фаулер Шокен знает, что ты на Луне?

— Как сказать, — она продолжала коситься на револьвер. — Он действительно посоветовал мне совершить эту поездку, чтобы забыть о тяжелой утрате.

— Позвони ему и пригласи сюда.

Она не ответила и даже не пошевельнулась.

— Слушай, — разозлился я. — Это говорит Грouби. Тот самый Грouби, в которого стреляли, на которого бросались с ножом, которого обворовывали и похищали. У него в мире был один-единственный друг, и того отравили на его глазах несколько часов назад. С ним пыталась позабавиться садистка, которая неплохо знала анатомию. Он убил ее и не жалеет об этом. Он попал в лапы к «Хлорелле», да так, что ему не выбраться оттуда. Его обвиняют в убийстве и саботаже. Женщина, которую он считал своей любимой, — лгунья, фанатичка и дрянь. Грouби терять нечего. Могу выйти на улицу, отдать себя в руки полиции и рассказать все, что знаю. Они не поверят мне, но все же займутся расследованием. Рано или поздно, но подтверждение они получат. Пусть в это время я уже буду казнен. Это не имеет значения. Мне терять нечего.

— А что ты от этого выиграешь? — спокойно спросила она.

— Хватит упрямиться. Звони Шокену.

— Только после того, как сделаю еще одну попытку, Митч. Одно твое слово особенно больно задело меня. Ты назвал меня «фанатичкой». Да, я уговорила Ренстеда подсунуть тебя вербовщикам. Во-первых, потому что хотела спрятать тебя подальше от наемных убийц Таунтона. А во-вторых, хотела, чтобы ты узнал жизнь простого человека. Я думала... Не знаю, что я думала... Считала, что ты увидишь, сколько вокруг несправедливости. Это трудно заметить, живя среди избранных. Легче увидеть снизу, на

дне жизни. Я думала, что потом, когда ты вернешься, мы с тобой найдем общий язык и будем работать вместе ради единственной настоящей цели. Но этого не получилось. О, все это твой проклятый ум, такой блестящий и такой извращенный! Сейчас тебе хочется только одного — снова попасть в число избранных, есть, пить и спать лучше других. Как жаль, что ты не фанатик, а все тот же прежний Митч. Ну вот, я сделала еще одну попытку.

А теперь можешь поступить так, как считаешь нужным. Не беспокойся, что этим причинишь мне горе. Хуже не будет, чем тогда, когда мы ночи напролет кричали друг на друга. Или когда я уходила по заданиям «консов» и не могла тебе об этом сказать, хотя и видела, как ты ревнуешь. Или когда отправила тебя на плантации «Хлорелла», надеясь превратить работника рекламы в нормального человека. Или когда, любя тебя, не могла полностью принадлежать тебе, потому что между нами лежала тайна. Мне было очень больно. И удар револьвером — ничто по сравнению с этой болью.

Наступила пауза, которая, казалось, длилась вечность.

— Позвони Шокену,— неуверенно сказал я.— Попроси его прийти сюда. Затем уходи и прихвати с собой этого звездочета. Еще не знаю, что я скажу Шокену. Но даю тебе и твоим друзьям два дня на то, чтобы вы переменили штаб-квартиру, условные знаки и всю вашу остальную идиотскую ерунду. Позвони Шокену и убирайся отсюда. Больше не хочу тебя видеть. Никогда.

Мне не удалось уловить выражение ее лица, когда она взяла трубку и набрала номер.

— Пожалуйста, третьего секретаря мистера Шокена. Говорит доктор Нэвин, вдова мистера Кортнея. Мое имя есть в списке, если не ошибаюсь. Благодарю вас. Второго секретаря мистера Шокена, пожалуйста. Говорит доктор Нэвин, вдова мистера Кортнея. Могу я поговорить с личным секретарем мистера Шокена? Мое имя есть в списке... благодарю... Хелло, мисс Грайс. Это доктор Нэвин. Могу я поговорить с мистером Шокеном? Конечно... благодарю вас.— Она повернулась ко мне:

— Придется чуть-чуть подождать.— Несколько секунд мы молчали. Наконец она произнесла:

— Хелло, мистер Шокен!.. Хорошо, благодарю вас. Не могли бы мы встретиться и поговорить по важному делу. Служебному и... личному... Чем скорее, тем лучше, я думаю. Первая улица Магазинов, д-р Астрон... Нет, нет... Просто удобное место для встречи. Благодарю вас, мистер Шокен.

Я выхватил у нее из рук трубку и услышал голос Фаулера Шокена: «Хорошо, дорогая. Тайны интригуют. До скорой встречи».— Кэти была достаточно умна и могла бы инсценировать разговор по телефону, но это действительно был голос Шокена. В моей памяти всплыли утренние часы на заседаниях правления, блестящие доклады, напряженная, но приносящая удовлетворение работа и возглас: «Хорошо потрудились!», служивший ориен-

тиром на трудном пути. От тоски по привычному легонько защемило сердце. Словно я вернулся домой.

Кэти кое-как привела в чувство звездочета, и, не сказав больше ни слова, они покинули обсерваторию. Дверь захлопнулась.

Ну и черт с ними...

Через несколько минут я услышал жизнерадостный голос Шокена:

— Кэти! Эй, есть тут кто-нибудь?

— Войдите! — крикнул я.

Вошли сначала двое телохранителей Фаулера Шокена, а затем и он сам. Его лицо тут же покрылось красными пятнами.— Где же?..— начал он. А затем:— Вы похожи на... Ты, Митч! — Он схватил меня в объятия и весело провальсировал со мной по комнате; телохранители остолбенели от изумления.

— Ну и шутку ты сыграл со стариком! В чем дело, мальчик? Где Кэти? — Он замолчал, отдуваясь, хотя на Луне и очень легко танцевать.

— Я выполнял секретное задание,— ответил я.— Боюсь, что попал в беду. Нельзя ли усилить охрану? Нам, видимо, предстоит стычка с ребятами Бернса.

Парни Шокена, работающие от агентства «Бринк», самодовольно заулыбались. Чувство профессиональной гордости было у них на высоте.

— Конечно, Митч. А ну-ка, организуй! — кивнул Шокен лейтенанту, и тот с готовностью бросился к телефону.— Теперь рассказывай, в чем дело.

— Предположим, это была деловая поездка, которая не удалась,— начал я.— Предположим, я не оправдал надежд и не смог заинтересовать потребителя Венерой. Временно потерпел неудачу. Но, пожалуйста, Фаулер, не надо вникать в детали. Я попал в беду, голоден, устал, напуган и чертовски нуждаюсь в горячей ванне.

— Ладно, Митч. Ты знаешь мое правило. Найди хорошего коня, корми и пои его вволю и выжми из него все, что можешь. Ты никогда не подводил меня, и, видит бог, я рад, что ты здесь. В Отделе Венеры для тебя найдется работа. Там все пошло вкривь и вкось. Акции упали до 3.77, в то время как они должны были подняться до четырех и больше. А общий оборот? И говорить не хочется! Ты знаешь, я прибыл сюда за пополнением. Небольшой набег на лунные разработки компании Луна-Сити и прочее. Нужны администраторы, разбирающиеся в космических делах.

Хорошо было снова очутиться дома.

— Кто теперь возглавляет Отдел Венеры? — поинтересовался я.

— Пришлось взяться самому,— ответил Шокен.— Пробовал поочередно поручать это дело то одному, то другому члену правления, но без толку. Вот я и занялся этим сам, хоть у меня других дел по горло. А ты еще спрашиваешь, рад ли я тебя видеть.

— А Ренстед?

— Замещает меня, бедняга. Что у тебя за неприятности с полицией? А где Кэти?

— Пожалуйста, об этом потом... На Земле меня обвиняют в саботаже и убийстве женщины. Здесь — я подозрительная личность. К тому же оказал сопротивление при аресте, стукнул полицейского его же дубинкой и нанес ущерб имуществу Луна-Сити.

Шокен нахмурился.— Мне не нравится слово «саботаж». Надеюсь, в контракте найдется какая-нибудь неточность?

— Даже несколько,— заверил его я.

Он повеселел.— Тогда уплатим неустойку и будем оспаривать обвинение в саботаже, даже если вопрос передадут в Торговую палату. Какая фирма?

— «Хлорелла», отделение в Коста-Рике.

— Гм... фирма второго сорта, но солидная. Прекрасные там люди. Все до одного. С ними приятно иметь дело.

«Только когда не работаешь на них»,— подумал я, но промолчал.

— Уверен, что они будут вести себя разумно. Если же заартачатся, то большинство акций все равно у меня в кармане. Должен же я защищать своих подчиненных?— Фаулер легонько ткнул меня пальцем под ребро. Он был рад, что наконец мог снять с себя заботы о проекте «Венера».

Ввалился десяток молодцов из агентства «Бринк». Теперь их было достаточно. Фаулер Шокен сиял.

— Лейтенант, люди из агентства Бернса могут попытаться силой увести отсюда мистера Кортнея. Ведь мы не допустим этого, верно?

— Так точно, сэр,— с бравым видом подтвердил лейтенант.

— Тогда пошли.

Вспугнув случайных прохожих, мы прошли по Первой улице Магазинов, которая вывела нас на Первую Жилую улицу, потом на Вторую и Третью, а затем мы вышли на Первую Торговую.

— Эй, ты!— окликнул меня случайно встретившийся нам патрульный из агентства Бернса. Мы шли беспорядочной группой, и, очевидно, он не сразу сообразил, что парни Бринка охраняют меня. Мои фотографии, видно, уже были розданы всем полицейским на Луне.

— Иди, иди играй в свои игрушки,— накинулся на него наш лейтенант.

Патрульный побледнел, однако, прежде чем свалился под градом ударов, успел дать сигнал тревоги.

По улице-туннелю, нелепо вскидывая ноги, бежали его товарищи. В дверных проемах показались лица любопытных. Наш лейтенант дал команду. Его подчиненные приготовились пустить в ход дубинки, рукоятки револьверов, пояса от униформ и собственные ноги.

Щелк! Щелк! И вот уже установлены на треногах пулеметы, готовые прошить всю улицу насквозь. Наши противники останови-

лись в нескольких шагах от нас, нерешительно вертя в руках дубинки.

— В чем дело, джентльмены? — поинтересовался лейтенант.

— Этого человека зовут Джордж Гроуби?

— Разве вы Джордж Гроуби? — обратился ко мне лейтенант.

— Нет, меня зовут Митчел Кортней.

— Вы слышали, что он сказал! — крикнул им лейтенант. По его сигналу были наведены пулеметы. Гулко прозвучали два выстрела, последние любопытные исчезли, захлопнув двери.

— О, тогда все в порядке,— неуверенно протянул начальник патруля.— Можете идти.— Он повернулся к своим.— Ну? Чего вы ждете, болваны? Вы что, оглохли? — Они ретировались, а мы пошли дальше по Первой Торговой улице; наши ребята держали пулеметы наготове. Филиал фирмы «Фаулер Шокен» в Луна-Сити находился в доме № 75. Мы вошли посвистывая. Пулеметы были установлены в вестибюле.

Все происходило словно в фантастическом представлении. Такого мне еще не доводилось видеть. Потом, когда Шокен провел меня в административную часть лунного филиала своей фирмы, он мне объяснил:

— Здесь как на заре колонизации Америки, Митч.— Хорошо бы отразить это в рекламе. Своего рода равноправие. На Луне пост, занимаемый человеком, ничего не значит. Взвод хорошо обученных вооруженных людей — вот кто устанавливает здесь законы. Общество возвращается к первобытному состоянию, и человек здесь — простой смертный, независимо от того, какой там у него номер свидетельства благонадежности.

Мы прошли мимо какой-то двери.— Комната О'Ши,— показал Шокен.— Его, конечно, нет. Малыш срывает бутоны, пока еще есть возможность. Но скоро это кончится. Единственный человек, побывавший на Венере! Скоро мы отнимем у него эту славу, не так ли, Митч?

Мы вошли в крохотную кабинку, и Шокен собственноручно опустил для меня откидную постель.

— Разберись вот,— сказал он и вытащил из нагрудного кармана пачку бумаг.— Это только сырые наброски, над которыми надо поработать. Я пришлю тебе поесть и Кофиеста. Поработаешь пару часиков, а там можешь и вздремнуть, а?

— Согласен, мистер Шокен.

Довольно улыбаясь, он ушел, задернув за собой портьеру. Я обалдело уставился на эти «наброски».

«Буклет в шесть красок. Не упоминать прежние неудачи. Рассказать о Лероде (1959), Холдене (1961), Макгилле (2002) и других героич. жертв. первооткрывателях... Ни слова о Мейерсе и Уайте (2010), чей корабль взорв. при вых. на орбиту. Попробовать изъять материалы о М. и У. из арх., подшив. и кн. по истории. Подсчитать примерно, во что это может обойтись. Разыск. в архв. фотогр. Лерода, Холдена и Макгилла. Подобрать, чтобы были блондин, брюнет, рыжий. Крупн. планом на фоне косм. кораблей,

снимок готов. к полету ракеты. Умоляющ. взгл. женщины, но герои думают о космосе. Подробн. личн. жизни не известн.»

В кабине были предусмотрительно оставлены карандаш и бумага. Я сел и начал писать: «Мы были обыкновенными парнями. Любили Землю и все земные блага, утренний глоток Кофиеста, первую затяжку сигаретой «Старр», жестковатую материю нового костюма фирмы «Старзелиус», ласковую улыбку девушки в ярком весеннем наряде, но этого нам было мало. Нас тянуло в дальние страны, к неизведанным мирам. Коротышка — это Лерод, год 1959-й. А это я — Холден, 1961-й, рыжий с широкими плечами — это Макгилл, год 2002-й. Да, нас нет уже в живых. Но мы видели далекие миры и, прежде чем умереть, узнали то, что хотели узнать. Не надо нас жалеть. Мы пошли на это ради вас. Длинноволосые астрономы могли только строить догадки о Венере.— Ядовитые газы в атмосфере,— пугали они. Ветры такие горячие, что волосы тлеют на голове, и такой силы, что могут поднять человека в воздух. Но это были догадки, а не уверенность. А что делаете вы, если в чем-то не уверены? Стараетесь увидеть все собственными глазами...»

Вошел дежурный с бутербродами и Кофиестом. Одной рукой я засовывал в рот бутерброды, а другой писал:

«По тем временам у нас были хорошие воздушные корабли. Нас снарядили и обеспечили горючим для полета на Венеру. Не было только одного — горючего на обратный путь. Но не надо нас жалеть. Наша цель была — разведать. Могли же длинноволосые ошибаться,— а вдруг мы, выбравшись из корабля, вдохнули бы чистый воздух, искупались в ледяной воде, а затем, раздобыв горючее, пустились в обратный путь и вернулись бы с добрыми вестями. Но вышло так, как предсказывали длинноволосые. Лерод не стал ждать голодной смерти в своей ракете,— закончив запись в судовом журнале, он открыл люк и вдохнул метан. Моя ракета была легче, ветер подхватил ее и разнес на куски. У Макгилла оставались запасы продовольствия, и ракета его была потяжелее. Неделю он сидел и писал, а потом... Он прихватил с собой цианистый калий. Но не жалейте нас. Мы были Там, мы видели Ее и переслали вам сведения обо всем, что нужно. Теперь вы, люди, знаете, что и как делать. Знаете, что длинноволосые не ошибались. Венера — коварная дама, и чтобы завоевать ее, нужны знания и сноровка. Только тогда она отнесется к вам благосклонно. Если вы найдете нас и наши ракеты, не жалейте нас. Мы сделали это для вас. Мы знали, что вы не подведете».

Я снова был в родной стихии.

Глава 14

— Фаулер,— взмолился я,— только не сегодня. Давайте отложим до завтра.

Он пристально посмотрел на меня.

— Ладно, Митч, хотя я не из тех, что отступают.— Проявилось еще одно из качеств, благодаря которому он стал боссом: Шокен начисто поборол сжигавшее его любопытство и не расспрашивал, где я был и что со мной произошло.— Хорошая работа,— сказал он, бросив на свой стол листки, исписанные мною предыдущей ночью.— Не просмотреть ли тебе это вместе с О'Ши? Он, как никто, сумеет придать им нужный колорит и достоверность. Да, чуть не забыл, укладывай вещи — полетишь обратно на «Вильфредо Парето». Хотя тебе ведь нечего укладывать. Вот деньги, выдастся свободная минутка, купи все необходимое. Прихвати с собой парней из охраны. Помнишь насчет «равноправия»? — И он лукаво подмигнул.

Я нашел О'Ши в соседней кабине — он свернулся, как кошка, клубочком, на большой, не по росту, койке. Джек повернулся и уставился на меня тусклым взглядом. Вид у него был ужасный.

— Митч? — произнес он осипшим голосом.— О, господи, опять эти кошмары.

— Джек,— я постарался, чтобы мой голос звучал как можно более убедительно.— Проснись, Джек.

Он вскочил и сел на койке.— Что за чертовщина! Неужели это ты, Митч? Да-да, припоминаю, кто-то говорил мне о тебе, когда я утром вернулся домой.— Он старался держать прямо свою маленькую головку.— Ох, умираю,— вдруг произнес он страдальческим голосом.— Достань мне чего-нибудь выпить, а? Выслушай мое предсмертное слово — никогда не становись героем. Ты для этого слишком хороший парень...

Джек, казалось, снова впал в оцепенение.

Я пошел в кухню и взял чашку Кофиеста, ломоть хлеба и стакан минеральной воды, но на обратном пути вернулся и зашел в бар за рюмкой виски.

О'Ши посмотрел на поднос и икнул.— Это что еще за дрянь? — спросил он слабым голосом, имея в виду Кофиест, хлеб и минеральную воду. Одним глотком Джек осушил рюмку виски; его передернуло.

— Давненько не виделись, Джек,— снова начал я.

— Ох-ох,— стонал он.— Ты принес как раз то, что нужно. Почему в ваших рекламах чертовски брешут о похмелье?— Он попытался встать, но тут же снова рухнул на койку.

— Спину ломит,— пожаловался он.— В монастырь уйти, что ли? Приходится так жить, положение обязывает. Это медленно, но верно убивает меня. О... проклятая туристка из Новой Скотии. Ведь сейчас весна? Ты думаешь, этим все объясняется? А может, у нее эскимосская кровь.

— Сейчас поздняя осень,— сказал я.

— Вот как! Тогда, может, у нее нет календаря... Дай-ка мне Кофиест.

И никаких «спасибо» или «пожалуйста». Он привык к тому, чтобы по его первому требованию весь мир был у его ног. Да, Джек здорово изменился.

— Джек, ты мог бы поработать со мной сегодня?— спросил я уже без всякого энтузиазма.

— Мог бы,— равнодушно произнес он.— В конце концов Шокен мне платит. Но черт возьми, что же с тобой все-таки приключилось?

— Проводил кое-какие изыскания,— уклончиво ответил я.

— А Кэти ты видел? Чудесная у тебя женушка, Митч.— Его улыбка пришлась мне не по вкусу. Она могла означать воспоминания.

— Рад, что она тебе нравится,— процедил я сквозь зубы.— Заходи, будем рады.

Он сплюнул в чашку с Кофиестом, аккуратно поставил ее на стол и спросил:

— Ты о какой работе говоришь?

Я показал ему мои наброски. Большими глотками он выпил стакан минеральной воды и, постепенно приходя в себя, начал читать.

— Все ты тут переврал,— наконец недовольно сказал он.— Не знаю я никакого Лерода, Холдена или Макгилла, и черта с два были они самоотверженными исследователями. К Венере не «*притягивает*», к ней «*приталкивает*».— Он сидел с мрачным видом, поджав под себя ноги.

— Мы предполагаем, что их притянуло,— терпеливо пояснил я.— Если хочешь, мы попытаемся убедить в этом читателя. Здесь надо бы оживить рассказ твоими личными впечатлениями. Как ты на это смотришь?

— Меня с этого воротит,— произнес Джек равнодушно.— Митч, закажи-ка мне душ, а? Десять минут из пресной воды, погорячей. Черт с ней, с ценой. Ты тоже можешь стать знаменитостью. Нужно только, чтоб тебе повезло, как мне.— Он свесил с койки короткие ножки и стал сосредоточенно разглядывать собственные ступни.— Что ж,— вздохнул он,— живи пока живется.

— Так как же насчет статьи?— спросил я.

— Поищи мои отчеты,— небрежно ответил он.— А как там насчет душа?

— Поищи себе лакея,— в тон ему ответил я и вышел, вконец взбешенный.

В своей кабине я часа два потел, вставляя в статью «впечатления очевидца», а потом, прихватив охрану, отправился делать покупки. Стычек с патрульными на этот раз не произошло. В витрине обсерватории Астрона я увидел объявление: «Доктор Астрон сожалеет о том, что неотложные дела потребовали его срочного возвращения на Землю».

Я поинтересовался, улетела ли ракета «Рикардо» на Землю.

— Два часа назад,— ответил один из моих провожатых.— Завтра отлетает «Парето».

Итак, теперь я уже мог говорить.

Я рассказал Фаулеру Шокену все.

И он не поверил ни единому слову.

Однако он держался достаточно тактично, стараясь не обидеть меня.

— Никто не упрекает тебя, Митч,— мягко сказал он.— Тебе много пришлось вынести. Все мы иногда восстаем против действительности. Но у тебя есть друзья, мой мальчик. Они помогут тебе. Бывают минуты, когда каждый из нас нуждается в помощи. Мой психиатр...

Боюсь, что я закричал на него.

— Ну, ладно, ладно,— произнес он все так же мягко и понимающе.— Время у нас есть. Правда, профанам нечего соваться в эту тонкую область, но, мне кажется, я кое-что в этом смыслю и постараюсь объяснить тебе...

— Объясните лучше вот это!— заорал я, сунув ему под нос подделанный номер моего свидетельства благонадежности.

— Хорошо, объясню,— он оставался спокойным.— Это еще одно доказательство твоего короткого... ну, если хочешь, бегства от действительности. У тебя был психический шок. Ты бежал от самого себя, возомнил себя другим человеком и выбрал жизнь, диаметрально противоположную той, которую вел талантливый и прилежный работник рекламы. Ты выбрал легкую и беззаботную жизнь черпальщика, загорающего под солнцем тропиков...

Выслушав все это, я уже не сомневался в том, кто из нас на самом деле далек от действительности.

— Твою чудовищную клевету на Таунтона поймет всякий, кто мало-мальски разбирается в природе наших подсознательных мотивов. Я рад, что ты высказался. Значит, опять входишь в норму. Какова наша главная задача, главная задача Митчела Кортнея, работника рекламы? Бить противника, подрывать конкурирующие фирмы изнутри, уничтожать их. Твои выдумки о Таунтоне говорят понимающему человеку о том, что ты рвешься стать прежним Митчелом Кортнеем, работником рекламы. Выраженные в символах, окутанные таинственностью подсознательного, эти

небылицы о Таунтоне тем не менее понятны. А встречу с девицей по имени Хеди ты позаимствовал из детективной литературы.

— Черт побери! — не выдержал я.— Да взгляните на мою челюсть! Видите эту дырку? Рана все еще болит.

Он только улыбнулся:

— Хорошо, что ты не причинил себе большего вреда, Митч.

— А Кэти? — хрипло спросил я.— А те сведения о «консах», которые я вам передал? Условные знаки, пароли, приветствия, явки?

— Митч,— произнес он искренне.— Я тебе уже говорил, что не намерен забираться в дебри психоанализа, но все это твоя фантазия. Из ревности — это тоже результат раздвоения твоей личности на Гроуби — Кортнея — ты отождествил свою жену с этими чудовищами — «консами». «Гроуби» тщательно подтасовывает факты, чтобы его сведения о «консах» нельзя было ни проверить, ни опровергнуть. «Гроуби» устраивает так, чтобы твое настоящее «я» молчало об этих «фактах» до тех пор, пока «консы» не сменят пароль, явку и прочее. «Гроуби» действует из чувства самосохранения. «Кортней» должен вернуться, и «Гроуби» это знает. Он чувствует, что его «вытесняют», и тогда решает дождаться удобного момента. «Гроуби» подстраивает все так, чтобы еще вернуться...

— Я не сумасшедший!

— Мой психиатр...

— Вы должны верить мне!

— Борьба подсознательного...

— Говорю вам, Таунтон нанимает убийц!

— Знаешь, Митч, когда я окончательно убедился в том, что ты нездоров?

— Ну? — с горечью спросил я.

— Когда ты сочинил, будто на ячейке «консов» сидела Малая Наседка. Этот символ...— он даже слегка смутился, и щеки его порозовели.— Мне стало совершенно ясно...

Больше я не стал спорить и только в одном решил не уступать: — Мистер Шокен, говорят, что лучше не перечить сумасшедшим?

— Ты не сумасшедший, мой мальчик. Тебе просто нужна помощь, как и многим...

— Выражусь яснее. Вы исполните одну мою прихоть?

— Разумеется,— снисходительно улыбнулся он.

— Обеспечьте охрану себе и мне. Таунтон нанимает убийц. Я ли так думаю, или «Гроуби», или сам дьявол,— неважно, но повторяю, Таунтон нанимает убийц. Если вы согласитесь обеспечить охрану, я обещаю, что не буду, как вы говорите, валять дурака и даже пойду к вашему психиатру.

— Ладно,— улыбнулся он, явно потешаясь надо мной.

Бедняга Фаулер. Можно ли винить его? Ведь каждое мое слово было ударом по воображаемому миру, в котором он жил. То, что я говорил, звучало как анафема богу Торговли. Фаулер не мог

этого допустить и не представлял, что мое настоящее «я» верит тому, что я говорю. Не мог же, на самом деле, Митчел Кортней, рекламный работник высшей категории, утверждать, что:

у тех, кто потребляет, и у тех, кто производит, интересы диаметрально противоположны,

большая часть населения мира глубоко несчастна,

рабочему человеку не так-то просто найти подходящую работу,

предприниматели ведут нечестную игру, всячески нарушая законы,

«консы» — вполне нормальные, разумные люди и имеют хорошую организацию.

Все это прозвучало для Фаулера как гром с ясного неба. Но Шокен умел быстро восстанавливать свое душевное равновесие. В конце концов всему можно найти объяснение, а бог Торговли непогрешим. Поэтому совсем не Митчел Кортней, работник рекламы, говорит все это, а его злой, еще не отступивший двойник, чертов «Джордж Гроуби» или еще кто-то, только не Митч Кортней.

И, как человек, действительно страдающий раздвоением личности, что наверняка привело бы в восторг Фаулера и его психиатра, я сказал себе: «Слушай, Митч, а ты и вправду говоришь, как истый „конс“». И тут же мое второе «я» ответило: «Но я и есть „конс“». Вот так номер!

«Ладно,— продолжался этот внутренний диалог,— что я об этом знаю? Возможно, это действительно так...»

«Да,— заключило мое второе «я» после некоторого раздумья.— Вполне возможно...»

В нашей профессии существует такой прием — если хочешь что-нибудь выделить, создай контрастирующий фон. Сейчас, к примеру, таким фоном стали для меня взгляды Фаулера Шокена и его отношение к действительности.

«Ладно, Шокен, можешь смеяться, сколько хочешь,— думал я.— Только дай мне охрану. Мне совсем не хочется снова встретиться с таким „плодом моей фантазии“, как милейшая Хеди».

Глава 15

Когда мы с Фаулером, Джеком О'Ши, секретарями и нашей вооруженной охраной прибыли в здание фирмы «Шокен», Ренстеда не оказалось на месте.

Его секретарша сообщила, что он где-то на нижних этажах, и мы решили подождать. Прошел час, и я высказал предположение, что он вообще не придет. А еще через час нам сообщили, что в правом крыле здания на нижнем этаже найдено чье-то тело. Оно было настолько изуродовано, что опознать его не удалось.

Секретарша, истерически всхлипывая, открыла сейф и стол Ренстеда. Здесь мы и обнаружили его дневник с записями, сделанными в последние месяцы жизни.

Вперемежку со служебными заметками, набросками планов предстоящих кампаний, адресами любовниц и изысканных ресторанов были следующие записи:

«Вчера он опять приходил. Говорил, что публику надо стараться огорошить. Он пугает меня... говорит, что фирме „Старзелиус" нужны смелые и сообразительные люди... Боюсь его до смерти. Он и при жизни наводил на всех страх...

Вчера Г.В.Х. приходил снова... Я впервые увидел его при дневном свете. Я вскочил и закричал, но никто, кроме меня, его не заметил. Ну что ему нужно от меня?.. Сегодня его зубы показались мне еще острее и длинней. Мне нужна помощь... Он сказал, что я никуда не гожусь, что я позорю нашу профессию...»

Вскоре мы убедились, что Ренстеда тревожила тень Георга Вашингтона Хилла, основоположника нашей профессии, создателя музыкальной рекламы, теоретика шоковой рекламы и бог знает, чего еще.

— Бедняга,— вздохнул побледневший Шокен.— Несчастный парень. Если бы я только знал. Почему он вовремя не обратился ко мне?

Последняя запись гласила: «...сказал мне, что я никуда не гожусь. Это мне и самому известно. Позорю нашу профессию. Все это знают... Читаю это на их лицах. Он сказал им. Будь он проклят... Он и его зубы... проклят!»

— Ах, бедняга, бедняга...— Шокен чуть не плакал. Он повернулся ко мне:

— Видишь, как нелегко служить нашему делу?

Как уж тут не видеть. Сфабрикованный заранее дневник, безобразное месиво вместо трупа. С таким же успехом там, внизу, мог бы лежать семидесятикилограммовый кусок Малой Наседки. Но напрасно говорить это Шокену. В душе посмеиваясь над ним, я печально кивнул головой.

Я вновь вернулся к руководящей работе в Отделе Венеры и ежедневно посещал личного психиатра Фаулера, но ни на шаг не отпускал от себя вооруженных телохранителей.

Проводя со мной душеспасительные беседы, старик Шокен то и дело говорил:

— Пора бы тебе отказаться от глупой выдумки. Пожалуй, эта охрана — теперь единственное, что стоит между тобой и действительностью, Митч. Доктор Лоулер сказал мне...

А доктор Лоулер лишь повторял Фаулеру Шокену то, что говорил ему я. В этом и заключался медленный процесс моего «выздоровления». Я нанял студента-медика, которому поручил задним числом разработать все симптомы моего психического заболевания, исходя из предположения, что психоз начался в бытность мою потребителем. И он не замедлил подобрать мне то, что нужно. Часть из симптомов я забраковал как унижающие мое достоинство. Тем не менее их осталось достаточно, чтобы каждый раз доктор Лоулер ронял от удивления карандаш. Мы откапывали их один за другим; трудно себе представить более нудное занятие.

Не уступал я в одном — по-прежнему утверждал, что моя жизнь и жизнь Фаулера Шокена находится в опасности.

Как я и предполагал, мы с Шокеном сходились все ближе и ближе. Он считал, что нашел во мне своего верного последователя. Мне же было стыдно разочаровывать его — ведь он так хорошо относился ко мне. Но поскольку речь шла о жизни и смерти, все остальное уже не имело для меня значения.

Наконец наступил день, когда Фаулер Шокен мягко сказал мне:

— Митч, хватит с нас героических мер. Я не прошу тебя лично обходиться без барьера, которым ты отгородился от действительности, что же касается меня, свою охрану я намерен снять.

— Они убьют вас, Фаулер! — крикнул я в отчаянии. Он только покачал головой: — Увидишь, все будет хорошо. Мне нечего бояться.

Спорить было бесполезно. Не слушая меня больше, Фаулер вызвал командира своей охраны.

— Вы мне больше не нужны. Возвращайтесь с вашими людьми к начальству за новым назначением. Благодарю за хорошую службу.

Лейтенант отдал честь, однако ни он, ни его люди не были обрадованы. Вместо легкой службы у Шокена им, чего доброго, придется выполнять обязанности часовых в коридорах сената или ночного патруля или же сопровождать почту и курьеров в ночное время.

Они ушли. Я понял, что часы Шокена сочтены.

В эту же ночь по дороге домой он был задушен. Убийца застрелил его шофера и сам сел за руль шокеновского «кадиллака». Преступника удалось схватить, но он оказал сопротивление при аресте, и полиция забила его насмерть дубинками. Опознать труп было невозможно, ибо его номер на запястье оказался срезанным.

Можно себе представить, что творилось на следующий день в конторе. Траурное заседание членов правления приняло резолюцию, в которой говорилось, что это грязное убийство — позор для нашей великой профессии, что мы никогда этого не забудем и не простим и все такое прочее, как и полагается в таких случаях. От многих фирм, в том числе и от Таунтона, были получены телеграммы с выражением соболезнования. Присутствующие с удивлением посмотрели на меня, когда, скомкав телеграмму Таунтона, я грубо выругался.

Теперь мысли членов правления были заняты одним — пакетом акций фирмы «Шокен». Фаулер скупал акции через подставных лиц, а на свое имя приобрел их весьма незначительное количество. Как служащий высшей категории, я тоже владел некоторым количеством акций, но самым солидным держателем акций был, бесспорно, Гарвей Бренер, старейший партнер Фаулера. По количеству акций, которыми он официально владел, Бренер формально имел, пожалуй, преимущество даже перед самим шефом. Но он знал, что стоит только заикнуться об этом, как Фаулер выставит против него всех своих подставных акционеров, и тогда ему не сдобровать. К тому же он всегда был предан Шокену.

Он не сомневался, что рано или поздно станет преемником Шокена, а некоторые неосмотрительные сотрудники из Отдела научных изысканий уже заискивали перед ним, сущие идиоты. Но Бренер был совершенно бесталанной личностью, лишенной проблесков инициативы,— просто честная рабочая скотинка. Под его руководством фирма «Шокен» захирела бы через год.

Вздумай я сам играть, непременно поставил бы на Силлери из Отдела массовых средств. Многие придерживались того же мнения, кроме, пожалуй, самоуверенного и недалекого Бренера и еще нескольких глупцов. Вокруг Силлери уже вертелась свита подхалимов, которые, без сомнения, помнили слова Фаулера: «Массовые средства рекламы — это основа основ, джентльмены. От работника этого отдела требуется смекалка». Я чувствовал себя прокаженным на своем конце стола; моя охрана молча наблюдала за происходящим.

Силлери только раз взглянул на моих телохранителей, но в его глазах я прочел все, как в открытой книге: «Слишком долго тянется канитель. Первое, что мы сделаем,— покончим с этими барскими замашками».

Наконец началось то, чего мы все с нетерпением ожидали.

Прибыли представители Американской арбитражной ассоциации и Секции утверждения завещаний.

Как и положено, физиономии у них были похоронные. То ли многолетняя закалка, то ли полное отсутствие чувства юмора позволили им сохранить скорбный вид даже во время краткой приветственной речи Силлери, в которой он упомянул о печальном долге, приведшем их сюда, и о нашем желании встретиться с ними еще раз при более счастливых обстоятельствах.

Скороговоркой пробубнили текст завещания и раздали копии присутствующим. Первое, что мне бросилось в глаза, были слова: «Моему дорогому другу и соратнику Митчелу Кортнею я завещаю дубовое кольцо с инкрустацией из слоновой кости (инвентарный номер 56 987) и семьдесят пять акций основного попечительского капитала Института распространения психоаналитических знаний при условии, что все свое свободное время он посвятит активному участию в этой организации и дальнейшему ее процветанию».

«Ну, Митч,— сказал я себе,— твоя песенка спета». Швырнув завещание на стол, я откинулся на спинку стула, мысленно стараясь представить размеры своего состояния.

— Плохие для вас вести, мистер Кортней,— храбро и сочувствующе обратился ко мне сотрудник Отдела научных изысканий, которого я едва знал.— Но мистер Силлери, кажется, весьма доволен.

Я взглянул на параграф первый, касавшийся Силлери. Еще бы, ему достались все личные акции Шокена и львиная доля капиталовложений синдиката «Мэнэджериал инвестмент», Корпорации страховых компаний и еще двух других объединений.

Мой сосед стал внимательно изучать копию завещания.— Простите, что вмешиваюсь, м-р Кортней,— заметил он,— но старик мог бы обойтись с вами получше. Я немного знаком с областью психоанализа, но о таком институте что-то не слыхал.

Мне почудилось, что за моей спиной ехидно посмеивается Фаулер. Ах ты старый осел! Это было так похоже на Шокена с его своеобразным чувством юмора.

Силлери откашлялся, и в зале воцарилась тишина.

Великий человек заговорил:

— Джентльмены, мне кажется, здесь слишком много посторонних. Прошу всех, кроме членов правления, покинуть зал...

Я встал.— Готов избавить вас от своего присутствия, Силлери. Пошли, ребята. Но, может, я еще вернусь.— И вышел вместе с охраной.

Нью-йоркское отделение Института распространения психоаналитических знаний, не приносящая прибыли некоммерческая организация разместилась в трех жалких комнатушках где-то в Йонкерсе, деловой части Нью-Йорка. В первой комнате чудаковатая старая дева выстукивала что-то на пишущей машинке. Она словно сошла со страниц романов Диккенса. На покосившейся стойке валялись засиженные мухами брошюры.

— Из фирмы «Фаулер Шокен»,— представился я. Она вскочила.

— Простите, сэр. Я вас не заметила. Как поживает мистер Шокен?

Я рассказал ей, как он «поживает». Она заплакала навзрыд. Мистер Шокен был так добр, так щедр и предан делу. Что же теперь делать ей и ее бедняге брату? Ах, бедный мистер Шокен! Бедная она! Бедный ее брат!

— Еще не все потеряно,— заметил я.— Кто здесь главный?

Всхлипывая, она сообщила, что ее брат находится в следующей комнате.

— Пожалуйста, скажите ему об этом как можно осторожней. Он такой нервный, такой впечатлительный...

Я сказал, что постараюсь, и прошел в его комнату. Мертвецки пьяный братец храпел, уронив голову на стол. Я с трудом растолкал его, и на меня глянули тусклые, наглые глаза.

— Чег-го т-тебе?

— Я из фирмы «Фаулер Шокен». Мне надо ознакомиться с документацией.

Он энергично затряс головой.— Нет, с-сэр. Н-нет. Только хозяин имеет на это право.

— Он умер. Вот его завещание.— Я показал ему пункт, касавшийся меня, и мое удостоверение личности.

— Ну, что ж... Значит, наша песенка спета. А может, вы оставите нас здесь, мистер Кортней? Ведь он предписывает вам...

— Увидим,— оборвал я его.— Давайте документацию.— Из потайного сейфа, спрятанного за обыкновенной дверью, он извлек конторские книги.

После тщательного трехчасового изучения документов я понял, что институт существовал единственно для того, чтобы держать 56 процентов акций организации, называемой «Генеральная корпорация Ньюарка по регенерации фосфора».

Я вышел в коридор и сказал охране:

— Пошли, ребята. Теперь — в Ньюарк.

Не буду утомлять вас подробностями. Скажу только, что Корпорация в своем развитии претерпела ряд изменений, в результате которых возникли посредническая компания по использованию старых инструментов во Франкфурте, державшая 32 процента акций агентства Фаулера, и Корпорация объединенных концессий, которой совместно с Уокеганским колледжем зубоврачебной ортопедии принадлежали остальные ценности.

Через две недели в сопровождении охраны я снова явился на заседание правления.

Председательствовал Силлери. Он выглядел утомленным и измученным, словно последние две недели каждую ночь занимался какими-то безуспешными поисками.

— Кортней,— зарычал он,— я думал, ты сам сообразишь, что твоему батальону здесь не место!

Тогда я кивнул честному недалекому старине Гарвею Бренеру,

которого уже посвятил во все. Он был предан Шокену, а значит, и мне. Бренер проблеял:

— Господин председатель, я предлагаю разрешить членам правления иметь при себе личную охрану в том количестве, которое им необходимо для обеспечения безопасности.

— Поддерживаю предложение Бренера,— добавил я.— А нука, ребята, тащите сюда чемоданы.— Мои телохранители, ухмыляясь во весь рот, стали втаскивать чемоданы, доверху набитые доверенностями на передачу мне акций пайщиков.

У всех буквально глаза полезли на лоб и раскрылись рты от удивления, когда на столе выросла груда ценных бумаг. Понадобилось немало времени, чтобы пересчитать их и установить, что они подлинные. А потом началось голосование. Все голоса «против» получил Силлери. Воздержавшихся не было. Правление, не раздумывая, переметнулось на мою сторону.

Верный старый Гарвей предложил избрать меня председателем правления. Предложение приняли единогласно. Затем он же предложил Силлери выйти в отставку, а его пай в фирме выкупить и отложить в качестве премиального фонда. Тоже приняли единогласно. Затем — пусть другим будет неповадно! — он предложил понизить в должности и вывести из членов правления некоего Томаса Хитерби, младшего сотрудника Отдела искусств, слишком откровенно выслуживавшегося перед Силлери, и лишить компенсации за его долю акций. Прошло и это предложение. Хитерби не успел и рта раскрыть. Кое-что все же лучше, чем ничего, должно быть, решил он, сдержав ярость.

Итак, свершилось. Я стал полновластным хозяином фирмы «Фаулер Шокен». Но к этому времени я начал презирать все, чему она служила.

Глава 16

— Мистер Кортней, междугородный! — раздался голос моей секретарши. Я нажал кнопку.

— В Олбени по доносу соседей арестован член организации «консов». Соединить вас?

— Черт побери! — не выдержал я. — Сколько раз вам говорить! Конечно, соедините. Какого черта вы сразу не соединили?

Голос ее задрожал:

— Простите, мистер Кортней, я думала, что это так далеко...

— В таком случае вообще не советую вам думать. Закажите мне билет в Олбени.

Возможно, я был чересчур резок с ней, но мне во что бы то ни стало нужно разыскать Кэти, даже если для этого пришлось бы перевернуть вверх дном все ячейки «консов» в стране. Я заставил Кэти уйти в подполье, опасаясь, что могу выдать ее, и теперь мне надо было вернуть ее обратно.

Час спустя я уже сидел в олбенской конторе Агентства по взаимному обеспечению безопасности. Это было местное отделение, работающее по договорам во многих городах. У лифта меня и мою охрану встретил сам директор.

— Такая честь, — бормотал он, — такая большая честь для нас, мистер Кортней. Чем могу служить?

— Вам передавали мою просьбу не допрашивать арестованного, пока я не приеду? Надеюсь, вы так и сделали?

— Конечно, мистер Кортней! Мои сотрудники, возможно, немного потрясли его в рабочем порядке, но он вполне в форме.

— Я хочу его видеть.

Директор агентства с готовностью провел меня к арестованному. Он надеялся заполучить в клиенты фирму «Шокен», но сказать об этом прямо пока не решался.

Арестованный сидел на табурете под ярким прожектором — рядовой потребитель лет тридцати в белом воротничке, лицо разукрашено синяками.

— Выключите прожектор, — приказал я.

Часовой с квадратной челюстью попробовал было возразить:

— Но мы всегда...

Мой телохранитель оттолкнул его и выключил прожектор.

— Ничего, Ломбардо,— торопливо успокоил часового директор.— Ты должен помогать этим джентльменам.

— Стул,— попросил я и, сев перед арестованным, представился:— Меня зовут Кортней. А вас?

Он посмотрел на меня — теперь, когда прожектор выключили, зрачки его глаз снова стали нормальными.

— Филмор,— четко произнес он.— Август Филмор. Не скажете ли, что все это значит?

— Вас подозревают в принадлежности к «консам».

Сотрудники агентства в ужасе ахнули. Ведь я нарушал элементарнейшие правила ведения следствия, сообщая обвиняемому, в чем его вина. Но это мало беспокоило меня.

— Какой абсурд,— Филмор сплюнул.— Я порядочный человек, женат, отец восьмерых детей, жду девятого. Кто мог сказать вам такую ерунду?

— Скажите ему, кто,— обратился я к директору.

Он обалдело уставился на меня, не веря своим ушам.— Мистер Кортней,— наконец пролепетал он,— при всем уважении к вам я не могу взять на себя такую ответственность!.. Это неслыханно! Закон охраняет личность осведомителя...

— Хорошо, ответственность я беру на себя. Могу дать расписку, если хотите.

— Нет, нет, что вы! Пожалуйста, мистер Кортней, я сообщу вам имя осведомителя, учитывая, что вы человек ответственный и знаете законы. Но прошу не называть это имя в моем присутствии. Я сейчас выйду из комнаты, хорошо?

— Как вам угодно, я на все согласен.

Он угодливо улыбнулся и шепнул мне на ухо:

— Это сделала некая миссис Уорли. Ее семья живет в одной комнате с семьей арестованного. Будьте осторожны, мистер Кортней...

— Благодарю,— ответил я.

Директор трусливо опустил глаза и вместе со своими подчиненными поспешно покинул комнату.

— Так вот, Филмор,— обратился я к арестованному,— он говорит, что это сделала миссис Уорли.

Арестованный разразился бранью, но я остановил его.

— Я человек занятый и спешу. Надеюсь, вы понимаете, что ваше дело дрянь. Что писал Фогт о консервации природных ресурсов?

Это имя ровным счетом ничего не говорило ему.

— А кто это?— спросил он равнодушно.

— Неважно. Тогда поговорим о другом. Я богат, и если вы согласитесь помочь мне и сознаетесь, что принадлежите к «консам», могу выплачивать хорошую пенсию вашей семье, пока вы будете отсутствовать.

Он напряженно думал несколько минут и наконец сказал:

— Ну, конечно, я «конс». Что дальше? Прав я или виноват, все равно мне крышка.

— Если вы такой уж закоренелый «конс», может, процитируете что-нибудь из Осборна?

Он понятия не имел об Осборне и начал сочинять.

— У него есть, например, высказывание, которое начинается так: «Первейшей задачей „консов“ является подготовка всеобщего протеста против...» Не помню, что там идет дальше.

— Что ж, почти верно,— согласился я.— Теперь расскажите о заседаниях вашей ячейки. Кто в нее входит?

— Не знаю их по именам,— произнес он еще менее уверенно.— Мы значимся под номерами. Один чернявый — он наш главный, а гм-гм...

Это было занятное зрелище. Конечно, я убедился, что он понятия не имеет о полумифических героях «консов» — Фогте и Осборне, чьи книги являются обязательным минимумом для каждого консервациониста.

Мы вышли из комнаты. Уходя, я сказал перетрусившему директору, который все время стоял под дверью:

— Не похоже, чтобы он был «консом».

Я возглавлял фирму «Фаулер Шокен», а он — всего лишь местное захудалое сыскное агентство, но все же я почувствовал, что перегнул палку. Директор выпрямился и с достоинством ответил:

— Мы исполнители законов, мистер Кортней, а закон еще в древности гласил: «Пусть лучше несправедливо пострадает тысяча невинных, чем уйдет от наказания один преступник».

— Это изречение мне известно,— подтвердил я.— До свидания.

Радист принял сигнал и передал трубку. Звонила моя секретарша из конторы и сообщила о новом аресте на мысе Код, в городе Пайл-Сити Третьем.

Мы вылетели в Пайл-Сити Третий. Лететь пришлось над морем во время шторма. Ненавижу это дело — я уже говорил, что подвержен воздушной болезни.

На этот раз арестованный оказался обыкновенным преступником. Он ограбил ювелирную лавку, забрав целый ящик булавок и колец из красного дерева и дуба, и оставил грозную записку насчет «мести» «консов», которые, придет время, рассчитаются со всеми богачами. Явная попытка замести следы.

Он был невероятно глуп.

Город находился под охраной сыщиков из агентства Бернса, и поэтому я очень осторожно побеседовал с их местным начальником. Он признался, что за последний месяц арестовывали только таких «консов», как этот. Вот раньше они чуть ли не каждую неделю раскрывали настоящие ячейки «консов». По его мнению, успех здесь, вероятно, зависел от времени года.

Мы вернулись в Нью-Йорк, где меня ждал еще один арестованный «конс». Я повидался с ним и несколько минут слушал, как он молол вздор. Этот поднатаскался в вопросах теории, знал на память целые страницы из Фогта и Осборна и утверждал, что ему

богом предназначено смести всю нечисть с лица матери-земли. Он охотно признался, что состоит в одной из организаций, но скорее умрет, чем выдаст ее тайны. Я понял, что так оно, пожалуй, и будет, потому что он не знал ни одной. «Консы» никогда не доверились бы такому типу, даже если бы в их рядах остались считанные единицы.

К вечеру я вернулся к себе в агентство. Сменилась охрана. Это был отвратительный день, и по результатам он ничем не отличался от всех, что прошли с тех пор, как я стал преемником Фаулера Шокена.

Предстояло еще совещание. Идти никуда не хотелось, но тут я вспомнил, с какой гордостью и доверием передал мне Шокен полномочия, сделав своим наследником, и совесть заговорила во мне. Прежде чем направиться в конференц-зал, я по телефону навел кое-какие справки в Отделе торгового шпионажа.

— Пока ничего нового, сэр,— ответил мой агент.— Никаких сведений о вашей... о докторе Нэвин. Нити, которые вели в Отдел личного состава компании «Хлорелла», оборвались. Прикажете продолжать?

— Продолжайте. Если понадобится усилить наблюдение, не стесняйтесь. Сделайте все возможное.

Он поклялся мне в верности и повесил трубку, очевидно, решив про себя, что его хозяин — старый болван, тоскующий по сбежавшей, к тому же временной, жене. Что он думал о других лицах, которых я поручил ему разыскать, было трудно представить. Я только знал, что все мои немногочисленные связи с «консами» на Коста-Рике, в канализационной системе Нью-Йорка, а затем на Луне безвозвратно потеряны. Кэти больше ни разу не появилась ни у себя дома, ни в госпитале. Уоррен Астрон так и не вернулся на Первую улицу Магазинов, мои товарищи по костариканской ячейке затерялись в болотах и джунглях — все нити были оборваны.

Заседание правления.

— Прошу простить за опоздание, господа. Обойдемся без вступительного слова. Чарли, как идут дела Венеры в Отделе научных изысканий и разработок?

Чарли поднялся со стула.

— Мистер Кортней, господа! Я буду скромен, но, между нами, Отдел научных изысканий и разработок справляется с задачей отлично, и мои ребята — гордость фирмы «Шокен». Нам удалось решить вопрос об атмосфере на планете. Опыты подтвердили теоретические предположения и математические выкладки наших талантливых ребят из Отдела физики, химии и термодинамики. Если на высоте сорока тысяч футов Венеру окутать облаком углекислого газа толщиной примерно в полфута, то оно будет само себя поддерживать и регулировать. За год это облако способно снизить температуру на десяток-другой градусов и довести ее в конце концов до 30—35°. Мы теперь занимаемся вопросом, как

создать это колоссальное облако и на огромных скоростях забросить его в стратосферу Венеры. Вообще говоря, можно и на месте найти способ добывать природный углекислый газ или же производить его синтетическим путем. Я еще раз подчеркиваю, можно найти способ. На Венере происходит вулканическая деятельность; правда, при обычном, незначительном извержении там выбрасывается только жидкий аммиак. Зажатый в подземные русла, этот газ, найдя слабую породу, расщелину или пористый камень, вырывается наружу. Но мы уверены, что глубинное бурение поможет нам найти большие запасы жидкого углекислого газа...

— Каков процент вероятности? — поинтересовался я.

— Значительный, мистер Кортней,— он с трудом подавил снисходительную улыбку специалиста, который и не надеется, что его поймут.— Анализ отчетов О'Ши...

Я снова перебил его.

— А вы полетели бы на Венеру при такой степени вероятности?.. Если и другие данные были бы примерно такими же?

— Конечно,— он был слегка обижен этим вопросом.— Есть ли необходимость останавливаться на технических подробностях?

— Нет, благодарю вас, Чарли. Продолжайте в том же духе.

— Кх-хм. Итак, в настоящее время мы заняты решением этого вопроса в двух направлениях. Создаем примерную карту наиболее рентабельных буровых скважин и разрабатываем конструкции машин для сверхглубинного бурения. Мой принцип решения этих задач — дешевизна, самоснабжение энергией и дистанционное управление. Надеюсь, этого достаточно?

— Вполне. Благодарю вас, Чарли. Только один вопрос. Если окажется, что углекислого газа там и вправду чересчур много, перед нами встанет проблема. Если его к тому же и добывать легко, может случиться, что Венера станет экспортировать его на Землю, а это нам совсем ни к чему. Углекислого газа здесь пока хватает, и незачем обижать тех, кто на Земле занимается его производством. Давайте раз и навсегда запомним, что Венера должна оправдать себя как поставщик сырья, которого нет на Земле, а вовсе не конкурировать с нашей планетой. Железо — пожалуйста, нитраты — сколько угодно. Мы заплатим хорошие деньги за то, чтобы Венера могла в свою очередь покупать земные товары и дала бы возможность банкам, страховым и торговым фирмам на Земле еще успешнее вести свои дела. Не забывайте ни на минуту, что Венера только для того и существует, чтобы ее эксплуатировала Земля. Я хочу, Чарли, чтобы вы вместе с Финансовым отделом поточнее определили запасы углекислого газа на Венере и возможности его экспорта на Землю с учетом конкуренции. Если такая опасность существует, то от ваших планов придется отказаться. Будем добывать углекислый газ для облака над Венерой другим, более дорогим путем.

— Хорошо, мистер Кортней.— Чарли все старательно записывал в свой блокнот.

— Кто еще хочет высказаться по этому вопросу, прежде чем мы перейдем к следующему?

Бернгард, ревизор фирмы, поднял руку, и я дал ему слово.

— Относительно мистера О'Ши,— проворчал он.— Мы держим его как консультанта и платим немалые денежки. Я наводил справки — надеюсь, что не превысил своих полномочий, мистер Кортней, но такова моя работа,— так вот, я наводил справки, и выяснилось, что его консультации не стоят выеденного яйца. Вынужден также отметить, что в последнее время он взял довольно крупный аванс в счет будущих услуг. Если мы сейчас развяжемся с ним,— я хочу сказать, расторгнем контракт,— он останется нам должен. И еще. Может, это и пустяк, но он тоже кое о чем говорит,— девицы из моего отдела жалуются, что он их преследует.

Мои брови взлетели вверх.

— Я считаю, Бен, что при всех условиях мы должны держать Джека О'Ши, хотя мода на него и проходит. В дальнейших авансах откажите. А что касается девиц, то, признаться, я удивлен. Раньше они не жаловались, когда он уделял им внимание.

— Вы видели его в последнее время?— ворчливо спросил Бернгард.

Я вспомнил, что давно уже не встречался с Джеком.

Остальные вопросы отняли немного времени, и я закрыл совещание.

Вернувшись к себе, я справился у дежурной секретарши, здесь ли сейчас Джек О'Ши, и, если он поблизости, попросил прислать его ко мне.

Он вошел, громко чертыхаясь. От него разило вином.

— Черт побери, Митч, хватит!— Не успел подцепить малютку, как ты требуешь меня к себе. Неужели и ты веришь во всю эту затею с консультациями? Вам нужно было мое имя, чего еще вам от меня надо?

Вид у него был ужасный. Он был похож на крохотного толстого капризного и жалкого Наполеона на Эльбе. Но едва он вошел, я уже больше ни о чем не думал, только о Кэти. Мгновенно у меня возник план действий.

— Что это ты так на меня уставился?— недовольно спросил он.— Может, у меня лицо в помаде?

Алкоголь не мог заглушить аромата духов, исходящих от него. Ménage à Deux, духи, которые я сам создал для Кэти, только для нее одной, когда мы были в Париже. Духи, которые она так любила и которыми порой даже злоупотребляла! Я почти слышал ее слова: «Ничего не могу поделать, милый. Запах их куда приятней, чем запах формалина, преследующий меня после работы в госпитале».

— Извини, Джек,— сказал я спокойно.— Не знал, что у тебя свидание. Дела подождут. Иди, развлекайся.

Он криво усмехнулся и вышел, покачиваясь на коротких ножках.

Я тут же схватил телефонную трубку и соединился с Отделом торгового шпионажа.— Немедленно установите наблюдение за Джеком О'Ши. Он должен выйти сейчас из здания агентства. Следите за каждым, с кем он встретится. Днем и ночью. Если не ударите в грязь лицом, получите повышение в должности и премию. Если же я узнаю, что вы недобросовестны, пощады не ждите.

Глава 17

Я стал таким раздражительным, что люди боялись попадаться мне на глаза, но ничего не мог с собой поделать. И жил только одним: ежедневными донесениями о том, что делает Джек О'Ши. Все остальное не интересовало и даже раздражало меня.

Спустя неделю более двадцати сыщиков вели одновременное наблюдение за Джеком и всеми, с кем он общался. Среди них были официанты, его антрепренер, девушки, старый друг летчик-испытатель, полицейский, с которым Джек однажды вечером затеял ссору в пьяном виде — а может, он и не был пьян и эта ссора — просто для отвода глаз? — и другие малоинтересные лица.

Но вот однажды вечером к очередным донесениям прибавилось еще одно: потребитель — женщина лет тридцати, роста среднего, худощавая, волосы рыжие, цвет глаз не удалось разглядеть, одета скромно, вошла в ресторан (указывается название дешевого ресторана), прождав четырнадцать минут у входа. Сразу же направилась к освободившемуся столику, который обслуживала новая официантка. Заказала рубленое мясо, почти не притронулась к еде, перекинулась с официанткой несколькими словами. Возможен обмен записками, но заметить не удалось из-за дальности расстояния. За официанткой установлено наблюдение.

Лет тридцати, среднего роста, худощавая. Вполне возможно, что это Кэти. Я позвонил и распорядился:

— Наблюдайте за ней. Немедленно сообщайте мне обо всем, что узнаете. Попробуйте расспросить о ней в ресторане.

Работник отдела начал смущенно объяснять, что обычно не в их правилах расспрашивать, но если я настаиваю, они так и сделают.

— Ладно, — согласился я. — Поступайте, как найдете нужным.

— Минутку, мистер Кортней. Наша девушка-агент докладывает: интересующая вас особа живет в домах Таунтона и только что направилась туда. Ступеньки семнадцать и восемнадцать на тридцать пятом этаже.

— А кто обычно живет на тридцать пятом?

— Семейные.

— Она, значит, тоже?.. — спросил я упавшим голосом.

— Она пока одна, мистер Кортней. Наша девушка сделала вид, что ищет свободное место. Ей ответили, что дама на семнад-

цатой ступеньке сняла восемнадцатую для мужа, который должен приехать. Он где-то в другом штате на летних работах.

— Когда прекращается доступ на лестницу у Таунтона?

— В 22.00, мистер Кортней.

Я взглянул на часы.

— Прекратите следить за ней. На сегодня хватит.

Я поднялся и сказал своей охране:

— Сегодня выйду без вас, джентльмены. Ждите меня здесь. Лейтенант, не дадите ли мне ваш револьвер?

— Конечно, мистер Кортней.— Я проверил револьвер.

Только я вышел из вестибюля агентства, как от ближайшей стены отделился мрачного вида молодой человек. Я заставил его плестись за собой по темной, узкой, как щель, пустынной улице, зажатой между огромными домами. В застоявшемся воздухе тяжело висел туман, смешанный с дымом. У меня были пылеуловители, а у него, видимо, нет, и я слышал его тяжелое дыхание, хоть он держался от меня на почтительном расстоянии.

Изредка проезжали закрытые веломобили; усталые водители тяжело нажимали на педали.

Не оглядываясь, я завернул за угол и прижался к стене. Шпик, не заметив меня, прошел мимо и остановился, растерянно вглядываясь в темноту.

Я оглушил его ударом револьвера по голове. Возможно, это был кто-нибудь из моих людей, но я вовсе не хотел, чтобы выслеживали меня самого.

В 21.59 я был у входа в жилой сектор корпусов Таунтона и не успел войти, как по сигналу часов автоматически захлопнулась входная дверь. Возле лестницы был маленький платный лифт. Опустив в кассу двадцать пять центов, я нажал кнопку тридцать пятого этажа. Пока лифт, поскрипывая, поднимался, я знакомился с правилами: «Ночные жильцы сами отвечают за порядок в помещении. Администрация не несет никакой ответственности за пропажу вещей, драки или насилие. Ночные жильцы должны своевременно заканчивать свой туалет, так как в 22.10 поднимаются перегородки между ступенями. Ежедневная плата вносится вперед в специальный автомат. Администрация сохраняет за собой право отказывать в ночлеге клиентам фирмы «Старзелиус».

На тридцать пятом этаже дверь лифта открылась. У меня было такое чувство, будто передо мной сыр, кишащий червями. На лестнице, скорчившись в неудобных позах, копошились мужчины и женщины, безуспешно пытаясь устроиться поудобней, пока не поднялись решетки. Я посмотрел на часы — 22.08.

Осторожно и очень медленно пробирался я в полумраке, перешагивая через лежащие тела, извиняясь направо и налево, и... считал. На семнадцатой ступеньке я остановился и посмотрел на часы: было 22.10.

В ту же минуту со скрежетом поднялись перегородки, отделившие семнадцатую и восемнадцатую ступеньки от остальных... и мы остались вдвоем.

Она вскочила, разгневанная и испуганная, сжимая в руке крохотный револьвер.

— Кэти!!

Револьвер выпал у нее из рук.

— Митч, вот глупый! — Голос ее прозвучал приглушенно и испуганно.— Что ты здесь делаешь? Они не забыли о тебе, они все еще ищут тебя, чтобы убить...

— Я знаю, Кэти, и лезу на рожон. Сую голову в пасть льва, только бы доказать тебе, что права была ты, а я ошибался.

— Как ты нашел меня? — настороженно спросила она.

— По запаху твоих духов. Ими пахло от Джека О'Ши.

Она окинула взглядом тесную клетку, в которой мы очутились, и тихонько засмеялась.

— Вполне возможно.

— Кэти, я больше не собираюсь преследовать тебя своей любовью. Я пришел только за тем, чтобы сказать — я вместе с тобой. Говори, чего ты хочешь?

Она пристально посмотрела мне в глаза:

— Венеру.

— Она твоя.

— Митч, если ты лжешь, если обманываешь...

— Ты сможешь проверить это завтра, если нам удастся выбраться отсюда живыми. А пока нет смысла говорить об этом. Не так ли? Все равно мы здесь заперты на всю ночь.

— Да,— проговорила она. И вдруг неожиданно прошептала:

— Боже, как я соскучилась по тебе.

Ровно в 6.00 резко прозвучал сигнал побудки. Звон дребезжал в ушах, проникал в мозг: ни один лежебока не должен проспать.

Кэти стала поспешно убирать постели в ящики под ступеньками.

— Через пять минут опустят перегородки.— Из ящика под семнадцатой ступенькой Кэти извлекла плоскую шкатулку.

— Стой спокойно,— приказала она и принялась гримировать мою физиономию.

— Ох! — не выдержал я, когда она оттянула мою верхнюю губу и подклеила под нее кусок пластыря.

— Ну вот, готово,— она дала мне зеркало.

— Неплохо,— согласился я.— Мне как-то удалось выбраться отсюда вместе с толпой. Попробуем и сегодня.

— Сейчас опустят перегородки,— заметила Кэти, напряженно прислушиваясь к отдаленным звукам, которые еще не улавливало мое непривыкшее ухо.

Перегородки опустились. Из всех ночных жильцов на тридцать пятом этаже остались только мы одни. Но я ошибся. Перед нами стоял Таунтон и двое из его ребят. Багроволицый ухмыляющийся Таунтон, как всегда, нетвердо держался на ногах. Оба его подручных направили на меня свои автоматы.

Пьяно икнув, Таунтон изрек:

— Нечего сказать, подходящее ты выбрал место, чтобы поспать с красоткой, дружище Кортней. Для таких, как ты, полуночников, у нас в дверях есть фотоконтролер. А ну-ка, барышня, отойдите в сторонку...

Но Кэти не отошла в сторонку. Она шагнула прямо к Таунтону и ткнула ему дуло револьвера в живот. Его багровое лицо стало серым, как замазка.

— Теперь, надеюсь, вы знаете, что вам делать,— сурово сказала она.

— Ребята,— пролепетал Таунтон слабым голосом,— опустите автоматы. Ради бога, опустите автоматы.

Те удивленно переглянулись.

— Опустите! — уже умоляюще сказал Таунтон.

Казалось, прошла вечность, прежде чем они сделали это. Таунтон жалобно хныкал.

— Повернитесь спиной,— приказал я парням,— а теперь ложитесь на пол.— Я вынул револьвер, предусмотрительно одолженный у лейтенанта. Приятно было чувствовать в руке его тяжесть.

В лифте нас могли отравить газом.

Поэтому мы трое спускались пешком, долго, медленно и осторожно, хотя лестница была свободна. Таунтон распорядился очистить помещение от посторонних. Он хныкал и что-то жалобно бормотал всю дорогу. На площадке десятого этажа он вдруг взмолился:

— Дай мне выпить, Корней. Я умираю от жажды. Бар здесь рядом, вы можете не опускать ваши револьверы...

Но Кэти лишь иронически засмеялась, и мы продолжили наш медленный спуск по ступенькам.

У выхода, сняв пальто, хотя на улице был мороз, я перекинул его через руку Кэти и накрыл им револьвер.

— Ничего, это мои друзья,— дрожащим голосом успокоил Таунтон часового, удивленно уставившегося на нас.— Все в порядке.

Мы прошли вместе с ним до ближайшей станции метрополитена и, бросив перепуганного и дрожащего Таунтона на улице, юркнули в туннель. Здесь было безопасно. Чтобы уничтожить нас, Таунтону пришлось бы взорвать весь туннель, но на такое даже он бы не решился. Меняя направления, мы не меньше часа колесили под землей. Наконец на одной из станций я позвонил в контору. Нас встретила моя охрана, и через пятнадцать минут мы были уже в конторе фирмы «Шокен».

Впервые за весь день мы от души посмеялись, прочтя утренние выпуски газет. Среди прочих новостей в них сообщалось, что в три часа утра на лестнице в здании фирмы «Таунтон» неожиданно обнаружилась неисправность в системе охлаждения. Сам Б. Дж. Таунтон, рискуя жизнью, руководил эвакуацией ночных жильцов, которая была проведена в рекордный срок и обошлась без жертв.

За завтраком, который нам подали прямо в кабинет, я спросил у Кэти:

— Твои волосы какого-то ужасного цвета. Эта краска когда-нибудь сойдет?

— Сейчас не время думать об этом. Ты сказал, что можешь отдать мне Венеру, Митч. Я говорю абсолютно серьезно. Венера должна принадлежать нам. Мы — единственные, кто знает, что с ней делать, и мы первыми послали туда своего человека. Джек с нами, Митч.

— С каких это пор?

— С тех самых, как его родители поняли, что он никогда не вырастет. Они знали, что консервационистам понадобятся пилоты-карлики, и чем меньше ростом они будут, тем лучше. Венеру открыли мы, «консы». И мы требуем права на ее заселение. Ты можешь отдать ее нам?

— Конечно. Но это будет нелегко. Список уже заполнен наивными простаками, рвущимися на Венеру, чтобы Фаулеру Шокену и Земле было удобнее их эксплуатировать. И все же я попробую.

По внутреннему телефону я соединился с Отделом научных изысканий и разработок.

— Чарли! Я насчет конкуренции между Венерой и нашими фирмами на Земле. Забудь об этом. Мне стало известно, что почти все наши предприятия по добыче углекислого газа финансирует Таунтон.

— Прекрасно, мистер Кортней! — обрадованно воскликнул Чарли.— По предварительным данным, мы здорово можем ему насолить.

Я обратился к Кэти.

— Ты можешь найти Ренстеда? Не знаю, где вы его прячете, но он сейчас нужен. Работа предстоит нелегкая. Реклама должна убедить людей, но так, чтобы они сами того не заметили. Теперь же нам надо разубедить их, но так, чтобы об этом не подозревали ни они, ни сами работники рекламы. Нужна помощь человека, на которого мы могли бы полностью положиться.

— Это нетрудно сделать.— Кэти коснулась поцелуем моей щеки.— Вот тебе за слово «мы».

— Хм,— буркнул я,— разве я сказал «мы»? — И вдруг вспомнил.— Знаешь что, дорогая, у меня здесь наверху неплохая комнатушка. Пойди-ка отдохни. А я поработаю.

Она снова поцеловала меня.

— Не слишком утомляйся, Митч. Вечером увидимся.

Глава 18

Без Ренстеда я бы не справился. Он вернулся из Чикаго, где скрывался с тех самых пор, как по сигналу Кэти инсценировал самоубийство. Ренстед вошел посвистывая в конференц-зал в самый разгар заседания правления; мы с ним обменялись рукопожатиями, а члены правления с готовностью поверили версии о выполнении особого задания. В конце концов один раз они уже поверили в нечто подобное. Ренстед знал свое дело и принялся за него, засучив рукава.

Был он «консом» или нет, я по-прежнему не доверял ему. Но все же надо признаться, что с его возвращением дело сразу же пошло на лад.

Для видимости фирма «Фаулер Шокен» широковещательно объявила конкурс на лучший девиз для полета на Венеру и учредила тысячу пятьсот первых премий — все в виде бесплатного билета на Венеру. Всего же было восемьсот тысяч премий, но остальные в счет не шли. Роль жюри конкурса была предложена одной нейтральной фирме, занимавшейся исследованием и анализом общественного мнения. Как потом оказалось, ее возглавлял свекор одного из приятелей Ренстеда. Из тысячи пятисот человек, получивших первую премию, тысяча четыреста, как сказал мне Мэтт, были активными членами организации консервационистов, а сто остальных — подставными лицами на случай каких-либо неожиданностей.

Мы с Кэти отправились в Вашингтон, чтобы устранить последние препятствия к отлету, а Ренстед остался следить за ходом дел в Нью-Йорке. Мне часто приходилось бывать в Вашингтоне: я приезжал сюда пообедать или провести вечер. Теперь же предстояло пробыть здесь целых два дня, и я радовался этому, как мальчишка. Оставив Кэти в отеле и взяв с нее клятву, что она не пойдет осматривать город без меня, я нанял педальный кеб и отправился в госдепартамент. В приемной, кроме меня, был еще меланхоличного вида маленький человечек в котелке; услышав мое имя, он тут же вскочил и уступил мне место. «Да, не то, что раньше, когда ты потел на плантациях „Хлорелла“, Митч, старина»,— сказал я себе. Наш представитель в конгрессе стремительно выбежал в приемную, шумно приветствуя меня. Я несколько умерил его пыл и объяснил, что мне от него нужно.

— Проще простого, мистер Кортней,— воскликнул он.— Сегодня же днем поставлю законопроект на обсуждение комиссии, и, если повезет, к вечеру его утвердят обе палаты.

— Прекрасно. Нужна какая-нибудь помощь?— выразительно спросил я.

— Не думаю, мистер Кортней. Но было бы неплохо, если бы вы сами выступили завтра на утреннем заседании, если найдете время, конечно. Все будут рады услышать вас, и это наверняка поможет быстрейшему решению вопроса.

— Что ж, не возражаю,— ответил я и потянулся за своим портфелем. Но человечек в котелке опередил меня и вручил его с легким поклоном.

— Скажите, когда мне нужно быть здесь, Эйблз,— обратился я к конгрессмену,— и я буду точно в назначенный час.

— Благодарю вас, мистер Кортней.— Он распахнул передо мной дверь.

Человек в котелке нерешительно окликнул его:

— Мистер Эйблз?

Эйблз отрицательно покачал головой.

— Сами видите, как я занят сегодня,— вежливо сказал он.— Приходите завтра.

Тот благодарно улыбнулся и вышел вслед за мной. Мы одновременно подозвали кеб, и человечек открыл передо мною дверцу. В Вашингтоне нелегко найти кеб, поэтому я предложил:

— Вас подвезти?

— Вы очень любезны,— ответил он, усаживаясь рядом со мной. Водитель нажал на педали и вопросительно взглянул на нас.

Я назвал адрес:

— Высадите меня у парка Старр. Но сначала подвезите этого джентльмена.

— Разумеется,— ответил водитель.— Белый дом, господин президент?

— Да, пожалуйста,— ответил мой спутник.— Очень рад, мистер Кортней, что познакомился с вами. Я слышал ваш разговор с мистером Эйблзом. Очень приятно узнать, что ракета на Венеру почти готова. Конгресс давно уже не имеет привычки ставить меня в известность о том, что происходит в стране. Конечно, я понимаю, что они очень заняты всякими там расследованиями и прочим, но все же...— Он лукаво улыбнулся, а затем тоном заговорщика сказал:

— Знаете, я принял участие в вашем конкурсе, мистер Кортней, предложил девиз: «Глаза как звезды, лечу я к звездам». Однако не уверен, что смогу воспользоваться выигрышем, даже если и получу премию.

— Я тоже не уверен,— воскликнул я искренне, а затем уже, явно кривя душой, добавил:

— Вас просто не отпустят: ведь вы нужны здесь.

— Не очень-то нужен. Правда, январь — трудный месяц. По-

нимаете, я открываю сессию, и они читают за меня послание конгрессу о положении страны. Ну, а все остальные месяцы проходят совсем спокойно. Вы ведь собираетесь завтра выступать, мистер Кортней? Это хорошо, значит, устроят совместное заседание двух палат, а в таких случаях мне обычно разрешается присутствовать.

— Буду очень рад, если вы придете,— доброжелательно заверил его я.

У маленького человечка была добрая улыбка, и его глаза тепло поблескивали за стеклами очков. Кеб остановился, президент дружески пожал мне руку и вышел. Но вдруг он снова просунул голову в кеб.

— Гм,— промолвил он, опасливо косясь на водителя,— вы были очень добры. Мне, возможно, не следует давать вам советы, но дело в том, что я немного разбираюсь в астрономии; это моя слабость. Надеюсь, вы не станете слишком затягивать отлет ракеты, пока Венера все еще в этой фазе.

Я с удивлением уставился на него. Венера отклонилась на десять градусов и продолжала уходить от Земли. Но, с тех пор как почти все технические препятствия были устранены, для нас это уже не имело значения.

Он приложил палец к губам.

— Прощайте, сэр.

Весь остаток пути я созерцал волосатые уши кебмена и думал о том, что хотел мне сказать президент.

Воспользовавшись свободным вечером, мы с Кэти отправились осматривать город. Он не произвел на меня большого впечатления. Знаменитые цветущие вишни были, конечно, красивы, но, став новоиспеченным «консом», я счел это все предосудительным расточительством и хвастовством.

— Дюжины деревьев за глаза бы хватило,— ворчал я.— Насажали тут всего, сорят деньгами направо и налево, и все за счет налогоплательщика. Знаешь, сколько стоит веточка цветущей вишни у Тиффани *?

Кэти тихонько засмеялась.

— Ах, Митч, милый. Вот подожди, Венера станет нашей. Представляешь, сколько зелени можно насадить на свободной планете? Целые луга цветов, рощи, леса...

Стоявшая рядом толстая особа, похожая на учительницу, выпрямилась, смерила нас презрительным взглядом, фыркнула и поспешно отошла.

— Помолчи. Из-за тебя у нас могут быть неприятности,— пожурил я Кэти.— Пока не поздно, давай-ка лучше вернемся в отель.

Я проснулся, разбуженный радостным воплем Кэти.

— Митч,— кричала она, высунувшись из ванной и прикрываясь полотенцем; ее широко раскрытые глаза сияли от востор-

* Самый дорогой ювелирный магазин в Нью-Йорке.

га.— Представляешь, здесь есть ванна! Я открыла дверь, думала, что это душ, а здесь настоящая ванна! Можно мне принять ванну? Митч, ну, пожалуйста!

Бывают минуты, когда даже правоверный консервационист радуется тому, что он глава крупной рекламной фирмы. Я зевнул, послал Кэти воздушный поцелуй и великодушно разрешил:

— Конечно, можешь даже из одной пресной воды, слышишь?

Кэти сделала вид, что падает в обморок от изумления, а сама тем временем уже вызывала горничную. Пока готовилась ванна, я оделся. Мы позавтракали и пешком отправились в Капитолий.

Устроив Кэти в ложе для прессы, я направился в палату представителей. Через толпу ко мне протиснулся лидер наших лоббистов. Он сунул мне в руку телеграфную ленту.

— Это вам, мистер Кортней,— сказал он.— Надеюсь, у вас все в порядке?

— Да,— ответил я и, отпустив его, взглянул на донесение. Оно было с ракетодрома и гласило: «Пассажиры и экипаж готовы и ждут сигнала к отлету. Посадка пассажиров начнется в 11.45, погрузка закончится в 16.45. Горючее заправлено, оборудование и провизия на борту. Служба безопасности не знает, но поступили сведения, что сегодня с ночи между морской разведкой, группой контрразведывательной службы и корпорацией «Тайм-Лайф» идет усиленный обмен шифровками. Диспетчерский пост просит напомнить, что отлет возможен только в условленное время».

Я растер ленту пальцами и начал протискиваться к трибуне. В этот момент кто-то легонько тронул меня за локоть. Это был президент; он наклонился ко мне из президентской ложи с привычной заученной улыбкой на лице.

— Мистер Кортней, надеюсь, вы поняли, что я хотел сказать вам вчера. Я рад, что ракета готова к отлету. Кроме того...— улыбка расползлась по его лицу, и он кивнул головой с видом важного сановника, обменивающегося любезностями с приезжей знаменитостью,— ...вы, должно быть, уже знаете, что *он* тоже здесь.

Но я так и не успел спросить, кого он имеет в виду. Ко мне с протянутой рукой спешил председатель, а палата уже бурно аплодировала. Я заставил себя улыбнуться, но это было лишь автоматическое сокращение мускулов — мне было не до улыбок: дело плохо, если даже президент знает о ракете.

Фаулер Шокен был ханжой и лицемером, Фаулер Шокен был великим мошенником, но, если бы не он, я никогда бы не произнес эту речь в палате представителей. Мне словно бы слышался его голос: «Продавай, Митч, продавай. Ты всегда сможешь продать, если будешь помнить, что они сами того хотят».— И я продал этим законодателям все, что они хотели. Коротко сказав об американском предпринимательстве в нашей стране, я предложил им

для грабежа весь мир и чуть ли не всю Вселенную, как только смелые первооткрыватели из фирмы «Фаулер Шокен» проложат туда путь. Я нарисовал им конвейерную линию из планет и показал, как мы будем владеть и управлять ею, мы, предприимчивые американские бизнесмены, создавшие великую цивилизацию. Это конгрессменам очень понравилось, и они неистово зааплодировали.

Когда утихла первая волна оваций и все сели на свои места, несколько человек все еще продолжали стоять и хлопать. Они попросили у председателя слова. Я почти не обратил на них внимания, ибо в эту минуту вдруг с удивлением заметил, что стул Кэти в ложе для прессы был пуст. Председатель дал слово седому худощавому, величественного вида человеку — мистеру Колби, за спиной у которого было сорок лет службы в компании «Юмми-Кола».

— Слово предоставляется мистеру Колби.

— Благодарю вас, господин председатель.— На лице Колби застыла вежливая улыбка, но взгляд оставался холодным, как у змеи. Официально фирма «Юмми-Кола» считалась одной из немногих крупных независимых фирм. Но я вспомнил, что Шокен как-то намекнул на ее подозрительные связи с Таунтоном.

— Если мне будет позволено говорить от имени верхней палаты, то прежде всего я хотел бы поблагодарить нашего уважаемого гостя за его хорошо продуманную речь. Уверен, что все мы с удовольствием прослушали здесь выступление столь уважаемого и известного человека.

«Пой, пташечка, пой»,— подумал я с досадой; меня охватило смутное беспокойство.

— С разрешения заседания я позволю себе задать нашему гостю вопросы, касающиеся тех законодательных актов, которые он предлагает на наше рассмотрение.

— Представляю, как ты их «рассмотришь», чертов ублюдок,— подумал я. Теперь даже галерка почуяла неладное. Можно было уже и не слушать, что Колби скажет дальше.

— Возможно, не все знают, что на сегодняшнем заседании, к счастью, присутствует еще один важный гость. Я имею в виду мистера Таунтона.— Он сделал грациозный жест в сторону скамей, где сидели гости; я увидел багровое лицо Таунтона и рядом с ним две неподвижные фигуры, в которых без труда узнал его телохранителей.— Перед заседанием мистер Таунтон в короткой беседе сообщил мне кое-что, о чем мне хотелось бы сейчас спросить мистера Кортнея. Прежде всего,— змеиные глаза теперь поблескивали холодной сталью,— я хотел бы узнать у мистера Кортнея, знакомо ли ему имя Джорджа Гроуби, которого обвиняют в нарушении трудового контракта и убийстве женщины? Во-вторых, мне хотелось бы уточнить, действительно ли мистер Кортней и Джордж Гроуби — это одно лицо? В-третьих, я хотел бы спросить мистера Кортнея, правда ли, что он, как конфиден-

циально сообщило мне лицо, которому, по мнению мистера Таунтона, можно полностью доверять, правда ли, что мистер Кортней давно является членом Всемирной ассоциации консервационистов, известной всем честным американцам, как...

Даже сам Колби не слышал своих последних слов. В зале поднялся рев, подобный урагану.

Глава 19

Мысленно воспроизводя теперь то, что произошло в следующие безумные четверть часа, вижу, как передо мной все мелькает и исчезает, словно в бешено вращающемся калейдоскопе. Но некоторые картины, выхваченные из цепи событий, как бы застыли в моей памяти.

Море презрения и гнева, бушующее вокруг меня; искаженное лицо президента, что-то кричащего звукомеханику; гневный взгляд председателя палаты, безуспешно пытающегося дотянуться до меня...

Весь этот вихрь внезапно улегся и замер, когда раздался похожий на гром голос президента, транслируемый через усилители:

— Объявляю заседание закрытым!..— До сих пор передо мною еще стоят изумленные лица членов конгресса, буквально остолбеневших от столь невероятной смелости. И действительно, маленький человечек в эту минуту был по-своему величествен. Прежде чем кто-либо успел опомниться, он хлопнул в ладоши — переданный усилителями хлопок прогремел, подобно взрыву бомбы,— и меня окружил взвод франтовато одетых солдат из личной охраны президента...

— Уведите его,— с пафосом произнес президент, сопровождая свои слова величественным жестом. В ту же секунду я был снят с трибуны. Пока конгрессмены все еще приходили в себя, президент успел проводить меня до выхода. Лицо его побледнело от испуга, но он шепнул мне:

— Долго это не продлится. Но на выяснения и запросы им понадобится все утро. Да хранит вас бог, мистер Кортней.

И он вернулся в зал, чтобы встретиться с ними лицом к лицу. Должно быть, вид у него был более мужественный, чем у первых христиан, выходивших на арену во времена императора Калигулы.

Меня сопровождала личная охрана президента, почетные выпускники академии агентства «Бринк». Лейтенант не проронил ни слова, но когда президент дал ему клочок бумаги со своим распоряжением, я без труда прочел на его лице еле сдерживаемое отвращение. Было ясно, что лейтенанту не по душе то, что ему велят делать, но я не сомневался, что он выполнит приказ.

Меня доставили на аэродром Анакостия в пригороде Вашингтона и посадили в личный самолет президента. Охрана все время оставалась со мной, меня даже покормили, и один из стражей играл со мной в карты, пока самолет находился в воздухе. Но никто из них не пожелал обменяться со мной хотя бы словом.

Летели мы довольно долго на громоздком старомодном роскошном лайнере, на котором по традиции полагалось летать президенту. Потом долго шли на посадку, и, глядя вниз, я видел, как под нами проплывает серая полоса посадочной дорожки. Когда наконец мы приземлились, уже стемнело.

Томясь в ожидании, я беспокоился только об одном: удалось ли Кэти благополучно выбраться из Вашингтона, увижу ли я ее снова? Лейтенант куда-то исчез.

Я ждал, перебирая в памяти вопросы, которые мучили меня и прежде, но от которых я всегда отмахивался. Теперь, когда у меня было столько свободного времени, а будущее представлялось таким неопределенным, я снова вернулся к ним и попробовал разобраться.

Например,— Кэти, Мэтт Ренстед и Джек О'Ши — они сговорились и в буквальном смысле слова загнали меня к черту на кулички. Хорошо. Все, что было потом, мне понятно. Ну, а смерть Эстер? Когда думаешь об этом, становится непонятным все поведение Ренстеда.

Если «консы» за межпланетные полеты, тогда почему Ренстед в Калифорнии саботировал испытания рекламы? В этом нет ни малейшего сомнения, да и его доверенный сам признался. Может, тут двойная игра? Может, Ренстед делает вид, что он «конс», который делает вид, что он работник рекламы... А на самом деле?..

Теперь я уже совсем по другой причине хотел как можно скорее увидеть Кэти.

Лейтенант вернулся только в полночь.

— Все в порядке. Вас ждет кеб. Водитель знает, куда ехать.

Я вылез из самолета и расправил онемевшие члены.

— Благодарю,— смущенно сказал я.

Лейтенант аккуратно сплюнул прямо мне под ноги. Дверца самолета захлопнулась, и я поспешил поскорее убраться с взлетной дорожки.

Кебмен был мексиканцем. Я попробовал было задать ему вопрос по-английски, но не получил ответа. Тогда я попытался заговорить с ним на том ломаном испанском, на котором довольно успешно изъяснялся на плантациях «Хлорелла»; он в недоумении посмотрел на меня. Существовало по меньшей мере полсотни немаловажных причин, по которым я не должен был садиться в этот кеб, пока не уясню себе, что происходит. Но, поразмыслив, я понял, что выбора у меня нет. Лейтенант честно выполнил приказ президента, и я представил себе, как теперь его жалкий умишко служаки уже строит планы, кому бы намекнуть, где сейчас можно найти известного «конса» Митчела Кортнея.

Теперь я — легкая добыча, только кто первый сцапает меня, полиция или Таунтон? Не стоило над этим долго ломать голову.

И я сел в кеб.

Уже одно то, что водитель был мексиканцем, казалось, должно было подсказать мне, где мы находимся. Но лишь увидав огромный корпус ракеты, отражающей звездное небо, я сообразил, что попал в Аризону, и только сейчас понял, как много сделал для меня президент.

Отряд из агентов Пинкертона и нашей охраны окружил меня и поспешно провел мимо будок с часовыми, через пустынную площадку к ракете. Начальник охраны большим и указательным пальцем изобразил нечто вроде полумесяца.

— Вы в безопасности, мистер Кортней.

— Но я не собираюсь лететь на Венеру! — протестующе воскликнул я.

В ответ он громко рассмеялся.

Спешка, а потом ожидание. Спешить и ждать — вот теперь мой удел. Мне предстояло долгое, тоскливое путешествие. И здесь, и там, куда я летел, творилось непонятное, но я не мог чему-либо помешать. Мне даже не дали времени подумать. Кто-то схватил меня сзади за брюки и бесцеремонно втолкнул в ракету. Меня скорее поволокли, чем повели к подвесной койке, уложили на нее, застегнули ремни и оставили одного.

Койку то раскачивало, то встряхивало, а на грудь мне словно навалилась дюжина великанов. Прощай, Кэти, прощай фирма «Шокен». Хочу я того или нет, но я лечу на Венеру.

Однако я слишком поторопился попрощаться с Кэти.

Именно она расстегнула ремни моей койки, когда ракета вышла на орбиту.

Я встал и поплыл, неловко болтаясь из стороны в сторону под действием невесомости, потом потер занемевшую спину. Затем открыл рот, чтобы сказать, как я счастлив, но вместо этого лишь беспомощно пропищал:

— Кэти!

Я не произнес блестящей речи — просто не было времени, да и губы у меня были заняты. Я целовал Кэти.

Вдруг в нашу кабину влез, улыбаясь во весь рот, субъект с нашивками лейтенанта.

— Хотите поглядеть на звезды, друзья? — спросил он тем бодрым тоном гида, от которого меня всегда тошнит. Однако не стоило указывать этому нахалу его место. Ведь офицеры ракетных экипажей всегда считают себя выше прочих смертных, и, пожалуй, было бы невежливым придираться к нему именно сейчас. А кроме того...

Да, кроме того...

Мелькнувшая мысль отрезвила меня. Я привык к своему положению привилегированного служащего, и нелегко мне будет снова стать рядовым потребителем. Однако, освежив в своей памяти

теорию «консизма», я решил, что, пожалуй, придется отвыкать от почестей и власти. Что ж, здравствуй, Кэти! Прощай, Фаулер!

Мы поднялись в салон в носовой части ракеты. Здесь было много незнакомых мне людей.

Ракеты, летающие на Луну, снабжены радарными установками, у них нет окон. Ради прочности и надежности конструкций создатели ракет отказались от таких излишеств, как возможность созерцать звездные просторы во время полета. Поэтому я никогда еще не видел звезд в космосе.

Здесь же за окном была белая ночь. Ослепительно сияли огромные звезды на фоне мелких, рассыпанных в звездной пыли. В этом безбрежном космическом просторе невозможно было найти ни одного даже крохотного пятнышка темноты — все мерцало и светилось. Занимавшееся за бортом зарево указывало, с какой стороны Солнце.

Наконец мы с Кэти оторвались от окна.

— Где Мэтт Ренстед? — спросил я.

Кэти тихонько засмеялась.

— Он снова в агентстве «Шокен», держится только на возбуждающих таблетках и пытается расхлебать кашу, которую ты заварил. Кто-то же должен был остаться, Митч. К счастью, Мэтт по праву может называться твоим преемником. В Вашингтоне нам не удалось как следует обо всем поговорить. У бедняги будет много вопросов, и никто не сможет ему помочь.

— А что, черт побери, он делал в Вашингтоне?

— Спасал тебя, Митч, после того как Джек О'Ши не выдержал и...

— После чего?

— О, господи, Митч! Давай лучше все по порядку. Джек О'Ши проговорился. Выпил лишнего, не смог вовремя сделать укол снотворного, выбрал не ту девицу, перед которой стоило бы изливать душу. Короче говоря, в тот вечер его схватили. Он выложил все о тебе и обо мне, о ракете и обо всем прочем.

— Кому?

— Твоему лучшему другу Б. Дж. Таунтону. — Кэти яростно чиркнула спичкой, раскуривая сигарету. Я понимал, что должно было твориться в ее душе. Малютка Джек О'Ши, похожий на фарфоровую куколку, человечек, словно вылепленный из воска. Были моменты, когда я почти ненавидел его, но теперь я забыл об этом и думал только о том, что должен был вынести Джек, попав в лапы таунтоновских обезьян.

— Таунтон узнал все, — продолжала Кэти. — Все самое главное. Если бы Мэтт не установил микрофоны в комнате, где Таунтон вел допросы, нам бы тоже не сдобровать. Но Мэтт успел приехать в Вашингтон и предупредил меня и президента. Нет, президент не «конс»; он просто хороший человек. Не его вина, что он президент. Только благодаря ему мы теперь здесь.

Наш разговор был прерван капитаном.

— Через пять минут меняем курс. Будет лучше, если вы уляжетесь на свои койки. Толчок может быть и не очень сильным, но кто знает.

Кэти кивнула головой и повела меня в кабину. По дороге я вынул у нее изо рта сигарету, затянулся и снова вернул ей сигарету.

— Почему, Митч? — удивилась она.

— Я бросил курить, Кэти. Еще один вопрос. Не очень приятный. Что у тебя было с Джеком?

Кэти вздохнула.

— То же, что у тебя с Эстер,— ответила она.— Любовь без взаимности. Джек, возможно, был влюблен в меня или что-то в этом роде, а я-то, сумасшедшая, все не могла забыть тебя!

Вот о чем ты, тупица, никогда не догадывался,— продолжала Кэти.— Ты не знал, как я люблю тебя, и не знал, что Эстер тебя любит. Бедняжка Эстер, она прекрасно понимала, что все напрасно. Господи, Митч, почему ты так слеп и глух?

— Эстер меня любила?

— Да, черт побери, да! Вот почему она предпочла умереть вместо тебя!

Я только растерянно почесал затылок.

Прозвучал сигнал — через минуту перемена курса.

— По местам! — велела Кэти.

— Да, это ужасно некрасивая история,— сказала она.— А сейчас мне нужно за одну минуту покончить с вопросами и ответами, успеть поцеловать тебя и помириться с тобой.

— Одна минута — это не так уже мало, родная.

Право, мне хватило бы и меньше, чтобы помириться с Кэти.

Содержание

Гладиаторы по закону 5

Джем 159

Операция «Венера» 363

Фредерик Пол
ГЛАДИАТОРЫ ПО ЗАКОНУ
Зарубежная фантастика

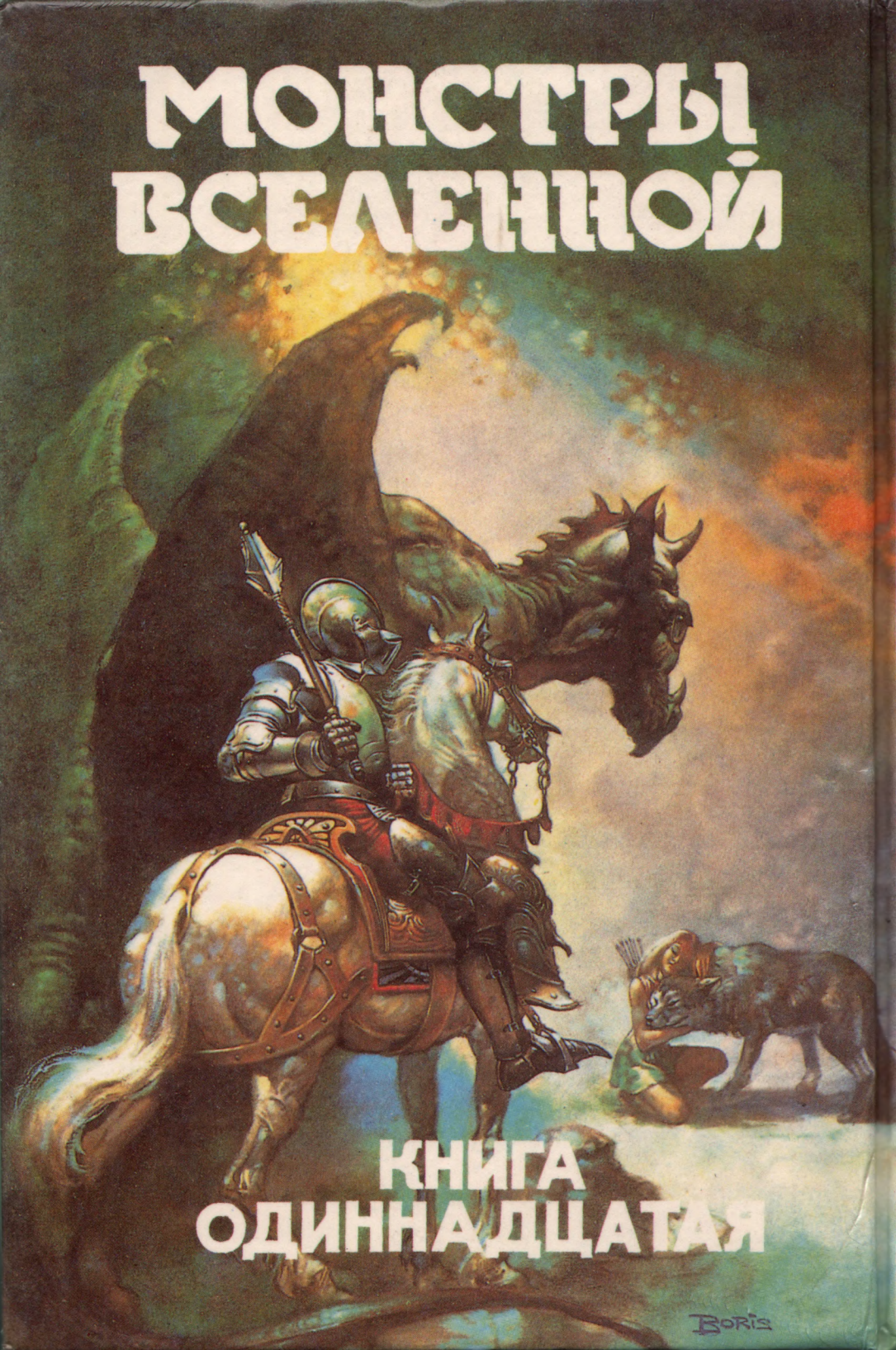
Сдано в набор 10.02.93 г. Подписано в печать 17.03.93 г. Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Объем 32 усл. печ. л. Тираж 50 000 экз. Заказ № 369.

Т.О.О. фирмы «ММЛ»,
140160, г. Жуковский Московской области,
ул. Гагарина, 64, корпус 2.

Т.О.О. «Транспорт»
123344, г. Москва, ул. Верхоянская, 6

Можайский полиграфкомбинат Министерства печати и массовой информации Российской Федерации,
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93.

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ